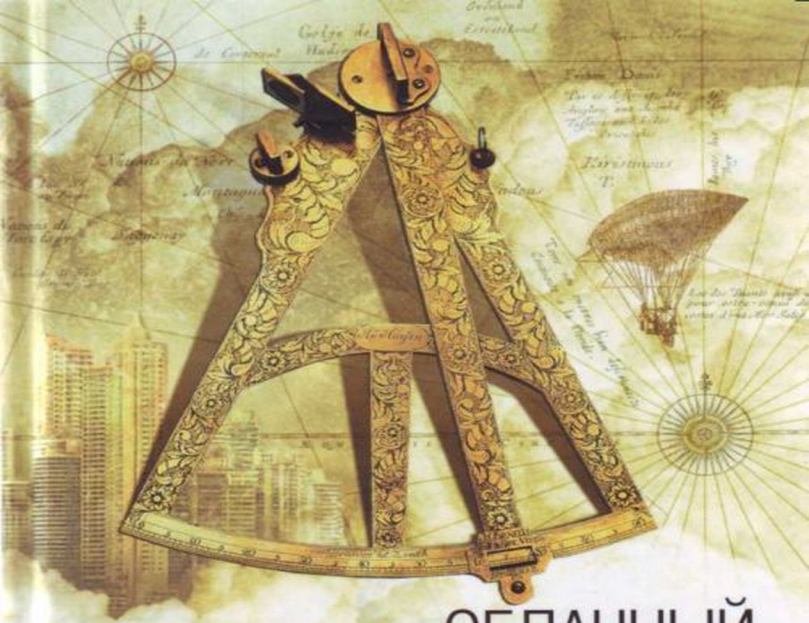

ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС

В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ КНИГА.
ЛОУРЕНС НОРФОЛК

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Облачный атлас

Дэвид Митчелл

Аннотация
Дэвид Митчелл. «Облачный атлас»
Тихоокеанский дневник Адама Юинга
  Четверг, 7 ноября
  Пятница, 8 ноября
  Суббота, 9 ноября
  Воскресенье, 10 ноября
  Понедельник, 11 ноября
  Ночью
  Вторник, 12 ноября
  Позже
  Среда, 13 ноября
  Вечером
  Четверг, 14 ноября
  Пятница, 15 ноября
  После полудня
  Суббота, 16 ноября
  Среда, 20 ноября
  Суббота, 30 ноября
  Понедельник, 2 декабря
Письма из Зедельгема
  Шато Зедельгем, Неербеке. Западная Фландрия.

29-VI-1931
Зедельгем. 6-VII-1931
Шато Зедельгем. 14-VII-1931
Шато Зедельгем. 28-VII-1931
Зедельгем. 16-VIII-1931
Зедельгем. 16-VIII-1931, вечер
Зедельгем. 29-VIII-1931
Зедельгем. 14-IX–I931
Зедельгем. 28-IX–I931
Периоды полураспада. Первое расследование Луизы Рей
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

Страшный Суд Тимоти Кавендиша
Оризон Сонми-451

п’реправа возле Слуши и все ост’льное Оризон Сонми-451 Страшный Суд Тимоти Кавендиша Периоды полураспада. Первое расследование Луизы Рей

40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60

61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
Письма из Зедельгема
Шато Зедельгем. 10-X-1931
Зедельгем. 21-X-1931
Зедельгем. 24-X-1931
Зедельгем. 29-X-1931
Отель «Ле Рояль», Брюгге. 6-XI-1931
Отель «Ле Рояль», Брюгге,. Около последнего — XI-1931
Отель «Ле Рояль». 25-XI-1931
Отель «Мемлинг», Брюгге,. 4.15 утра. 12-XII-1931
Тихоокеанский дневник Адама Юинга
Суббота, 7 декабря
Воскресенье, 8 декабря
Понедельник, 9 декабря
Понедельник, 16 декабря
Среда, 18 декабря

Пятница, 20 декабря
Суббота, 22 декабря
Канун Рождества
Рождество
Позже
День подарков
Пятница, 27 декабря
Позже
Суббота, 28 декабря
Воскресенье, 29 декабря
Понедельник, 30 декабря
Воскресенье, 12 января
Понедельник, 13 января

Аннотация

«Облачный атлас» подобен зеркальному лабиринту, в котором перекликаются, наслаиваясь друг на друга, шесть голосов: нотариуса середины девятнадцатого века, возвращающегося в США из Австралии; молодого композитора, вынужденного торговать душой и телом в Европе между мировыми войнами; журналистки в Калифорнии 1970-х, раскрывающей корпоративный заговор; мелкого издателя — нашего современника, умудрившегося сорвать банк на бандитской автобиографии «Удар кастетом» и бегущего от кредиторов; клона-прислуги из предприятия быстрого питания в Корее — стране победившего киберпанка; и гавайского козопаса на закате цивилизации.

Впервые на русском — новый монументальный шедевр от автора знаменитого «Сна №9», также вошедший в шортлист Букеровской премии.

Дэвид Митчелл
«Облачный атлас»

Хане и ее дедушке с бабушкой.

В работе над книгой существенную помощь оказали Мануэль Бери, Эмбер Берлингтон, Сузан М. С. Браун, Макникс Верпланке, Лейт Джанкшен, Дэвид Кернер, Родни Кинг, Сабина Лаказе, Дженни Митчелл, Скотт Мойерс, Иэн Монтефайор, Дэвид Де Ниф, Стив Пауэлл, Джонатан Пегг, Джон Перс, Дуглас Стюарт, Кэрол Уэлш, Анжелес Марин Чабелло, Майк Шоу, Дэвид Эбершофф.

Для написания глав Юинга и Закри было предпринято путешествие-исследование на дотацию Общества авторов. Каноническая работа Майкла Кинга о мориори, «Земля в стороне», послужила источником фактического материала по истории Чатемских островов. Некоторые сцены в письмах Роберта Фробишера черпали вдохновение в мемуарах Эрика Фенби «Делиус, каким я его знал» (1936). Персонаж по имени Вивиан Эйрс несколько вольно цитирует Ницше, а стихотворение, которое Хестер Ван Зандт читает Марго Рокер, — это «Брама» Эмерсона.

Тихоокеанский дневник Адама Юинга

Четверг, 7 ноября

На безлюдной полоске побережья за индейской деревушкой мне случилось набрести на цепочку свежих отпечатков чьих-то ног. Через гниющие бурые водоросли, заросли бамбука и приморских кокосов следы эти с неизбежностью привели меня к тому, кто их оставил, — к белому человеку в закатанных брюках и куртке, щеголявшему густой бородой и чрезмерно большой касторовой шляпой, который так яростно лопатил чайной ложкой и просеивал золистый песок, что заметил меня лишь после того, как я его окликнул с удаления в десять ярдов. Именно так я свел знакомство с доктором Генри Гузом, хирургом, некогда практиковавшим среди лондонской знати. Национальность его меня не удивила. Если где-нибудь имеется орлиное гнездо столь уединенное или островок столь удаленный, что можно не столкнуться с англичанином, то они не обозначены ни на единой из виденных мной карт.

Не потерял ли доктор чего-либо на этом унылом берегу? Не могу ли я оказать ему помощь? Доктор Гуз потряс головой, расслабил узел, которым был

завязан его носовой платок, и с явной гордостью представил мне на обозрение его содержимое. «Зубы, сэр, суть эмалированные чаши Грааля, поисками которых занят ваш покорный слуга. Во дни минувшие возле этого аркадского побережья располагался банкетный зал каннибалов, да-да, где сильные насыщались слабыми. Что же до зубов, то они их выплевывали, так же как мы с вами — вишневые косточки. Но эти коренные зубы, сэр, возможно преобразовать в золото, и как же? Некий искусник с Пиккадилли, изготовляющий зубные протезы для благородного сословия, платит за то, чем некогда доводилось скрежетать человеческим существам, весьма и весьма щедро. Знаете ли, сэр, сколько можно выручить за четверть фунта?»

Я признался, что сведениями на этот счет не располагаю.

«Вот и я, сэр, не стану вас просвещать, ибо это профессиональная тайна! — Он постучал себя по носу. — Мистер Юинг, вы знакомы с ее светлостью маркизой Мейфер? Нет? Тем лучше для вас, ибо она не что иное, как труп, облаченный в платье с оборочками. Пять лет минуло с того дня, как эта старая карга опорочила мое имя, да-да, выдвинув против меня такие обвинения, из-за которых

меня забаллотировали в Хирургическом обществе. — Доктор Гуз посмотрел на море. — Мои странствования начались в тот мрачный час».

Я выразил сочувствие к печальной участи доктора.

«Благодарю вас, сэр, благодарю вас, но вот эти слоновые бивни, — он потряс своим узелком, — суть не что иное, как мои ангелы мщения. Позвольте мне прояснить картину. Маркиза носит зубные протезы, изготовленные вышеупомянутым доктором. В следующий сочельник, как раз в тот момент, когда эта надушенная ослица появится на своем балу в честь послов, я, Генри Гуз, я поднимусь и объявлю всем и каждому, что хозяйка дома жует пищу клыками каннибалов! Сэр Хьюберт, это можно предсказать, тут же бросит мне вызов. «Представьте ваши доказательства, — проревет этот боров, — или же я потребую сатисфакции!» А я провозглашу: «Доказательства, сэр Хьюберт? Что ж, я собирал сам зубы вашей матери из некоей плевательницы, что на юге Тихого океана! Вот, сэр, вот некоторые из их приятелей!» — и брошу эти самые зубы в ее супницу с черепаховым супом, и тут, сэр, я получу свою сатисфакцию! Щелкоперы станут живописать смердящую баронессу в своих

новостных листках, и к следующему сезону ей очень повезет, если она получит приглашение на бал в богадельне!»

Я торопливо пожелал Генри Гузу доброго дня. Мне пришло в голову, что он сбежал из Бедлама.

Пятница, 8 ноября

На примитивной верфи под моим окном продолжаются работы над утлегарем — под водительством мистера Сайкса. Мистер Уокер, владелец единственной таверны в Оушн-Бее, ведет здесь самую крупную торговлю лесом и хвастает, что долгие годы владел судостроительной верфью в Ливерпуле. (Я теперь достаточно подкован в этикете антиподов и могу себе позволить выслушивать столь явную ложь.) Мистер Сайкс сказал мне, что для починки бристольской оснастки «Пророчицы» потребуется целая неделя. Семь дней прожить отшельником в «Мушкете» показалось мне суровым приговором, однако я помню о клыках и душераздирающих завываниях бури, равно как о моряках, сброшенных за борт, и нынешнее мое несчастье кажется мне менее тяжким.

Сегодня утром я встретился на лестнице с доктором Гузом, и мы вместе позавтракали. Он пребывает на постое в «Мушкете» с середины октября, после того как приплыл сюда на бразильском торговом судне «Наморадос» с Фиджи, где практиковал в миссии. Теперь доктор ожидает

прибытия сильно запаздывающего австралийского парусника «Нелли», чтобы тот доставил его в Сидней. В колонии же он будет искать место на борту какого-нибудь пассажирского судна, идущего в его родной Лондон.

Суждение мое о докторе Гузе было несправедливым и поспешным. Чтобы преуспеть в моей профессии, необходимо быть столь же циничным, как Диомед,[1] но цинизм может не позволить различить более утонченные добродетели. У доктора имеются свои странности, и он охотно выбалтывает их во всех подробностях за глоток перуанской водки «писко» (хотя всегда блюдет меру), но я смею удостоверить, что он — единственный, кроме меня, джентльмен на этой широте к востоку от Сиднея и к западу от Вальпараисо. Я мог бы даже составить для него рекомендательное письмо в Сидней Партриджам, ибо доктор Гуз и дорогой Фред сделаны из одного теста.

Поскольку унылая погода исключала всякую возможность утренней прогулки, мы ублажали

---

[1] Примечания: 1

...циничным, как Диомед... — в греческой мифологии известны два Диомеда: царь Фракии, кормивший своих коней мясом захваченных чужеземцев и побежденный Гераклом, а также герой «Илиады», сын этолийского царя Тидея, фаворит Афины, антагонист Афродиты и Ареса.

друг друга разными историями, поочередно излагаемыми возле камина, где пылали торфяные брикеты и часы пролетали подобно минутам. Я пространно рассказал ему о Тильде и Джексоне, а также о своей боязни «золотой лихорадки» в Сан-Франциско. Затем разговор наш перешел на недавние мои нотариальные мытарства в Новом Южном Уэльсе, а посему — к Гиббону,[2] Мальтусу[3] и Годвину,[4] через пиявок и локомотивы. Внимательный собеседник — это то мягчительное средство, которого мне мучительно недоставало на «Пророчице», а доктор оказался истинным эрудитом. Кроме того, он располагает прекрасной армией облинившихся шахматных воинов, которым мы найдем занятие вплоть до отбытия «Пророчицы» или прибытия «Нелли».

---

[2] Примечания: 2

Гиббон, Эдуард (1737–1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788).

[3] Примечания: 3

Мальтус, Томас Роберт (1766–1834) — английский экономист, основоположник теории мальтузианства, согласно которой благосостояние населения определяется темпами роста народонаселения, которые значительно превышают темпы увеличения производства средств существования.

[4] Примечания: 4

Годвин, Уильям (1756–1836) — английский писатель и философ, автор утопического трактата «Рассуждение о политической справедливости» (1793), социально-романтического романа «Калеб Вильямс» (1794); в эссе «О народонаселении» (1820) полемизировал с Мальтусом. Муж

«первой феминистки» Мэри Уолстонкрафт (1759–1797); Мэри Шелли (1797–1851), автор «Франкенштейна», — их дочь.

Суббота, 9 ноября

Рассвет сегодня был ярок как серебряный доллар. Наша шхуна, стоящая на приколе в дальнем конце залива, по-прежнему являет собой удручающее зрелище. На берег же втаскивали индейское военное каноэ. Мы с Генри в праздничном настроении отправились к «Банкетному берегу», радостно приветствуя служанку, работающую на мистера Уокера. Эта угрюмая мисс развешивала белье на ветвях кустарника и не обратила на нас никакого внимания. У нее есть примесь черной крови, и, как мне кажется, мать ее недалеко ушла от того воспитания, какое могут предоставить джунгли.

Когда мы проходили мимо индейской деревушки, любопытство наше было возбуждено неким жужжанием, и мы решили выяснить его источник. Поселение это обнесено по периметру частоколом, пришедшим в такой упадок, что внутрь можно пробраться по меньшей мере в дюжине мест. Безволосая псина подняла голову, но была беззубой, старой и умирающей, а посему лаять не стала. Внешнее кольцо состояло из лачуг (сооруженных из прутьев, обмазанных глиной,

и с крышами, сплетенными из тростника), в которых обитали понго. Эти хижины раболепно глядели на величественные жилища «вельмож» — деревянные сооружения с резными перемычками и зачаточными подобиями веранд. В самой сердцевине деревушки имело место публичное наказание плетьми. Мы с Генри были единственными белыми из присутствующих, а вот три касты созерцавших это событие индейцев были отграничены друг от друга. Вождь, в накидке, украшенной перьями, восседал на своем троне, в то время как татуированная знать со своими женщинами и детьми стояла подле него навытяжку, составляя в общем числе около трех десятков человек. Рабы, более чумазые и закопченные, чем их орехово-смуглые господа, и примерно вдвое менее многочисленные, сидели на корточках в грязи. Что же это за врожденное тупое невежество! Рябые и прыщавые из-за хаки-хаки, эти нечестивцы взирали на экзекуцию и ничем не выказывали своих чувств, за исключением причудливого жужжания, подобного пчелиному. Невозможно было понять, что означает этот звук — сочувствие или осуждение. Кнут был в руках некоего Голиафа, чья физическая сила устрашила бы любого из призовых бойцов Дикого Запада.

Ящерки всевозможных размеров были вытатуированы на каждом дюйме его чудовищной мускулатуры; шкура его принесла бы колоссальный барыш, но я не стал бы пытаться добыть ее даже за все жемчужины Гавайев! Внушающий жалость узник, голову которого долгие и трудные годы покрыли инеем, был обнажен и привязан к некоей А-образной раме. Тело его содрогалось при каждом сдирающем кожу ударе плетью, спина походила на пергамент, покрытый кровавыми письменами, однако бесчувственное лицо не выражало ничего, кроме спокойствия мученика, уже находящегося на попечении Господа.

Признаюсь, я обмирал при каждом стремительном обрушении плети. Потом произошло нечто странное. Избиваемый дикарь приподнял свою поникшую голову, взгляд его встретился с моими глазами, и в нем просияло сверхъестественное и приязненное узнавание! Как будто некто, участвующий в театральном представлении, увидел в королевской ложе своего давно потерянного друга и незаметно для зрителей послал ему приветственный знак. В этом момент татуированный «черный брат» приблизился к нам и мановением своего нефритового кинжала дал понять, что наше присутствие нежелательно.

Я спросил, какого рода преступление совершил наказуемый. Генри же, обхватив меня за талию, сказал: «Пойдемте, Адам: мудрый не суется между зверем и его мясом».

Воскресенье, 10 ноября

Мистер Бурхаав восседал среди своей клики доверенных негодяев, словно лорд Удав и все его змеюги-прилипалы. Их «празднования» Святого дня начались задолго до того, как я поднялся. Спустившись вниз в поисках воды для бритья, я обнаружил, что вся таверна кишит морячками, ждущими своей очереди к тем несчастным индейским девицам, которых Уокер залучил в свой импровизированный bordello. (Рафаэля в числе развратников не было.)

Я не оскверняю свой воскресный пост посещением шлюх. Генри выказал к этому не меньшее отвращение, так что, лишившись ко всему даже завтрака (служанку, несомненно, принудили к другого вида службе), мы отправились в часовню, ничем не нарушив воздержания.

Но не прошли мы и двухсот ярдов, как я, к ужасу своему, вспомнил об этом дневнике, лежавшем на столе в моем номере в «Мушкете» и открытом для обозрения любому пьяному моряку, которому вздумалось бы туда вломиться. Опасаясь за безопасность своих записок (и за свою собственную, если бы они угодили в руки мистера Бурхаава),

я повернул свои стопы обратно, чтобы скрыть дневник более искусно. Появление мое приветствовали широкие ухмылки, и мне подумалось, что я был «тем дьяволом, о ком шла речь», но истинную их причину узнал, когда открыл дверь, а именно: широко раскинутые медвежьи ягодицы мистера Бурхаава, оседлавшего свою Черномазку-Златовласку на моей постели in flagrante delicto![5] Принес ли мне этот чертов голландец извинения? Отнюдь! Сочтя оскорбленной стороной себя, он прорычал: «Пшел вон, мистер Щелкопер, или, клянусь Господней задницей, американка, я расколю твою гнилую харю пополам!»

Схватив свой дневник, я скатился по лестнице в разгулократию веселья и насмешек со стороны собравшихся там белых дикарей. Я поставил Уокеру на вид, что плачу за отдельный номер и ожидаю, что в нем не должно появляться никого из посторонних даже во время моего отсутствия, но этот негодяй всего лишь предложил мне 30-процентную скидку на «пятнадцатиминутный галоп на самой хорошенькой кобылке из моей конюшни!». Охваченный отвращением, я резко ответил, что являюсь мужем и отцом и что ско-

---

[5] Примечания: 5
Зд.: не скрываясь (лат.).

рее умру, чем унижу свою честь и достоинство с какой-нибудь из его сифонных шлюх! Уокер поклялся «изукрасить мне глаза», если я еще хоть раз назову его собственных любимых доченек шлюхами. Один беззубый прилипала глумливо заявил, что если обладание одной женой и ребенком является единственной добродетелью, «то, мистер Юинг, я в десять раз добродетельнее, чем вы!», и чья-то невидимая рука выплеснула на меня кружку мерзкого пойла, именуемого здесь «пивцом». Я предпочел удалиться, прежде чем на смену жидкости не пришли жесткие метательные предметы.

Колокол часовни сзывал богобоязненных жителей Оушен-Бея, и я поспешил туда, где ждал меня Генри, стараясь выбросить из памяти все те мерзости, свидетелем которых столь недавно оказался в собственном обиталище. Часовня скрипела, как старая бочка, а число ее прихожан слегка не дотягивало до количества пальцев на обеих руках, но никто из путешественников не утолял своей жажды в оазисе среди пустыни с большей благодарностью, чем мы с Генри в то утро. Лютеранин, основавший эту часовню, уже десятую зиму покоился на ее кладбище, и до сих пор ни один возведенный в духовный

сан последователь не рискнул заявить преимущественных прав на здешний алтарь. А посему вероисповедание часовни являет собой куча-мала христианских верований. Половина прихожан, владевших грамотой, поочередно читали по одному-два отрывка из Библии, и к этой-то очереди присоединили мы свои голоса. Участвовать таким образом в службе просил нас казначей этой народной паствы, некий мистер д'Арнок, стоявший под скромным распятием. Памятуя о своем собственном спасении от бури, случившемся на минувшей неделе, я прочел из восьмой главы Евангелия от Луки: «...и, подойдя, разбудили его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина».

Генри читал из восьмого псалма — таким же торжественным голосом, как у всякого вышколенного декламатора: «Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей; птиц небесных и рыб морских, все преходящее морскими стезями».

Не было никакого другого органиста, испол-

няющего «Magnificat»,[6] кроме ветра в трубе дымохода, никакого другого хора, поющего «Nunc Dimittis»,[7] кроме рыдающих чаек, но мне представляется, что у Создателя не могло возникнуть повода для недовольства. Мы напоминали ранних христиан Рима больше, нежели прихожане любой из более поздних церквей, инкрустированных драгоценностями и полных потайных помещений. Затем воспоследовала общинная молитва. Верующие по желанию молились об искоренении картофельных паразитов, милости к душе умершего младенца, благословении новой рыбацкой лодки и т. д. Генри благодарил за гостеприимство, оказываемое нам, пришлецам, христианами островов Чатем. Отзываясь на эти чувства, я вознес молитву о благополучии Тильды, Джексона и своего зятя во время моего затянувшегося отсутствия.

После службы к нам с доктором, выражая на лице величайшую приветливость, приблизился некий мистер Эванс, служивший почтенной «грот-мачтой» этой часовни, и представил нас с Генри своей доброй супруге (оба они как бы

---

[6] Примечания: 6
«Магнификат», величание Богородицы (лат.).

[7] Примечания: 7
Ныне отпущаеши (лат.).

страдали недугом глухоты, отвечая лишь на те вопросы, которые, по их мнению, были заданы, и воспринимая лишь те ответы, которые, по их мнению, они получили, — стратегия, столь любимая многими американскими адвокатами) и своим сыновьям-близнецам, Кигану и Дайфедду. Мистер Эванс сообщил, что у них возник обычай каждую неделю приглашать мистера д'Арнока, нашего проповедника, обедать в их доме, до которого отсюда рукой подать, ибо д'Арнок проживает в Порт-Хатте, на мысу в нескольких милях отсюда. Не разделим ли и мы с ними их воскресную трапезу? Поскольку я уже посвятил Генри в то, какой Гоморрой сделался «Мушкет», а в желудках у нас обоих бушевал натуральный бунт, мы с благодарностью приняли любезное приглашение Эвансов.

Усадьба наших хозяев в полумиле от Оушен-Бея, путь в которую пролегает по извилистой пышной долине, оказалась зданием довольно скромным, но достаточно прочным для противостояния тем яростным штормам, что заставили столь много судов переломать себе ребра о прибрежные рифы. В гостиной обитали чудовищная голова кабана (изуродованная отвисшей челюстью и ленивыми глазами), убитого близнецами в день

их шестнадцатилетия, а также сомнамбулические дедушкины часы (расходившиеся с моими собственными, карманными, лишь на несколько мгновений. В самом деле, один из самых ценных предметов новозеландского экспорта — точное время). Через окно на посетителей своего хозяина мельком глянул какой-то индеец-работник. Более оборванного renegado[8] я в жизни своей не видывал, но мистер Эванс заверил меня, что этот квартерон, Барнабас, — «самая проворная из овчарок, которым доводилось бегать на двух ногах». Оказывается, Киган и Дайфедд — честные неотесанные парни — более всего сведущи в овцах (у семьи имелось две сотни голов), поскольку никто из них никогда не ездил в Город (так островитяне именуют Новую Зеландию) и не получил никакого образования, за исключением уроков Священного Писания от своего отца, который и втемяшил им умение довольно сносно читать и писать.

Миссис Эванс любезно пригласила всех к столу, где мне довелось насладиться самой великолепной трапезой (не испорченной ни чрезмерным количеством соли, ни личинками, ни бого-

[8] Примечания: 8
Абориген, отказавшийся от традиционного образа жизни (исп.).

хульствами) после прощального моего обеда с консулом Баксом и Партриджами возле Бомонта. Мистер д'Арнок потчевал нас рассказами о кораблях, экипажам которых он оказал духовную поддержку за десять лет пребывания на Чатемских островах, меж тем как Генри развлекал нас историями о своих пациентах, как выдающихся, так и заурядных, которых он пользовал в Лондоне и Полинезии. Я со своей стороны поведал об огромных трудностях, преодоленных мною, американским нотариусом, для розыска австралийского бенефициария, в пользу которого было сделано завещание в Калифорнии. Тушеную баранину и запеченные в тесте яблоки мы запили некрепким элем, который мистер Эванс варит для продажи китобоям. Киган и Дайфедд отправились к своему скоту, а миссис Эванс вернулась к своим кухонным хлопотам. Генри спросил, деятельны ли теперь миссионеры на Чатемах, после чего мистер Эванс и мистер д'Арнок переглянулись, и последний сообщил нам: «Нет, маори не одобряют того, чтобы мы, пакеха, как они нас называют, портили их мориори излишком цивилизованности».

Я спросил, существует ли такое зло, как «излишек цивилизованности». На это мистер д'Арнок

ответствовал так: «Мистер Юинг, раз уж к западу от мыса Горн не существует Бога, то здесь недействительны и ваши конституционные заявления насчет того, что „все люди созданы равными“».

Будучи уже знаком с терминами «маори» и «пакеха» после стоянки «Пророчицы» в заливе Островов, я стал умолять объяснить мне, что или кого могут означать «мориори». Вопрос мой открыл историческую шкатулку Пандоры, из которой посыпались все до мелочей обстоятельства упадка и гибели аборигенов Чатемских островов. Мы закурили трубки. Повествование мистера д'Арнока не прервалось и через три часа, когда ему надо было отправляться в Порт-Хатт, и продолжалось вплоть до наступления ночи, перекрывшей нескончаемый поток. Его изустная история, на мой взгляд, достойна пера Дефо или Мелвилла, и я изложу ее на этих страницах, но только после крепкого сна — по воле Морфея.

Понедельник, 11 ноября

Рассвет выдался бессолнечным и липким от сырости. Вид у залива склизкий, но, слава Нептуну, погода достаточно мягкая, чтобы восстановительные работы на «Пророчице» могли продолжаться. Пока я пишу эти строки, как раз поднимают на место новый крюйс-марс.

Спустя короткое время, когда мы с Генри завтракали, явился возбужденный, весь взъерошенный мистер Эванс, настаивая, чтобы мой друг доктор немедленно навестил их затворницу-соседку, некую вдову Брайден, которая упала с лошади на каменистой пустоши. При сем присутствовала миссис Эванс, она сейчас приглядывает за вдовой и боится, что той угрожает переселение в мир иной. Генри захватил свой докторский чемоданчик и без промедления отправился туда. (Я предложил составить ему компанию, но мистер Эванс убедил меня воздержаться, поскольку пациентка взяла с него обещание, что никто, кроме доктора, не увидит ее в столь плачевном состоянии.) Уокер, подслушавший наши переговоры, сказал мне, что ни единый представитель мужского пола не ступал на порог дома вдовы за

последние двадцать лет, и высказал предположение, что, «должно быть, фригидная старая кобыла действительно готова откинуть копыта, раз позволила этому шарлатану себя ощупывать».

Происхождение мориори Рекоху (самоназвание жителей Чатемских островов) покрыто тайной и по сегодняшний день. Мистер Эванс высказывает предположение, что они происходят от евреев, изгнанных из Испании, ссылаясь на их крючковатые носы и ехидно изогнутые губы. Теория, которой отдает предпочтение мистер д'Арнок, состоит в том, что мориори — бывшие маори, чьи каноэ разбились на этих, самых отдаленных из островов архипелага. Она основывается на сходстве языка и мифологии, а посему в ней больше каратов логики. Несомненно одно: после веков или тысячелетий пребывания в изоляции мориори жили так же примитивно, как их бедствующие собратья на Земле Ван-Димена.[9] Искусство судостроения (не считая грубых плетеных плотов для пересечения проливов между островами) и навигации пришло в полный упадок. Мориори и не снилось, что на земном шаре имеются другие земли, на которых живут другие

[9] Примечания: 9
Земля Ван-Димена — бытовавшее в XIX в. название Тасмании.

люди. Собственно, в их языке отсутствуют слова «нация», «раса», и «мориори» означает просто «люди». Животноводство у них не практиковалось, ибо на островах этих млекопитающие не водились, пока проплывавшие мимо китобои не высадили сюда свиней, чтобы обеспечивать себя их приплодом. В девственном своем состоянии мориори были фуражирами — подбирали моллюсков, ныряли за раками, крали птичьи яйца, охотились с копьями на тюленей, собирали бурые водоросли и выкапывали корни и личинок.

Из вышеизложенного следовало, что мориори были не более чем местной разновидностью большинства языческих племен, наряженных в юбки из соломы и накидки из перьев, что проживали на все убывающих «белых пятнах» в океане, еще не исследованных Белым Человеком. Однако притязания старого Рекоху на неповторимость основаны на его совершенно особых пацифистских верованиях. С незапамятных времен жреческое сословие мориори проповедовало, что всякий, кто пролил человеческую кровь, убил свой собственный жизненный жезл — свою честь, достоинство, положение и душу. Никто из мориори не разделит с ним кров, не станет с ним вместе есть, не будет ни разговаривать, ни даже

смотреть на persona non grata. Если всеми отвергнутый убийца доживет до первой своей зимы, то отчаяние, внушаемое одиночеством, приведет его к проруби у мыса Юнга, где он сведет счеты с жизнью.

Поразмыслите об этом, призывал нас мистер д'Арнок. Две тысячи дикарей (по оценке мистера Эванса) лелеют заповедь «Не убий» как словом, так и делом, создавая «Великую хартию»[10] для обеспечения гармонии, неведомой где-либо еще на протяжении шестидесяти веков, с тех пор как Адам вкусил плод с Древа Познания. Война для мориори была столь же чуждым понятием, как телескоп — для пигмеев. Мир, не пробелы между войнами, но тысячелетия нерушимого мира — вот что правило этими отдаленными островами. Кто возьмется отрицать, что старый Рекоху находится куда ближе к Утопии Мора,[11] нежели наши Государства Прогресса, которыми правят жаждущие войн князьки — в Версале и

[10] Примечания: 10

«Великая хартия» — т. е. Великая хартия вольностей, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов и гарантировавшая подданным некоторые привилегии и права.

[11] Примечания: 11

…ближе к Утопии Мора… — «Утопия» (1516) — трактат об идеальном государстве английского государственного деятеля и философа-гуманиста Томаса Мора (1478–1535).

Вене, Вашингтоне и Вестминстере? «Здесь, — провозгласил мистер д'Арнок, — и только здесь осуществились эти возвышенные иллюзии — среди благородных дикарей, впитавшись в их плоть и кровь!»

(Позже, когда мы возвращались в «Мушкет», Генри признался: «Мне никогда бы и в голову не пришло назвать расу дикарей настолько отсталых, что они даже и копье-то не в состоянии метнуть прямо, «благородной»!)

Стекло и мир сходным образом обнаруживают свою хрупкость перед лицом повторных ударов. Первым ударом для мориори стал флаг Соединенного Королевства, во имя короля Георга водруженный на берегу залива Столкновения лейтенантом Браугоном, капитаном корабля его величества «Чатем», ровно пятьдесят лет назад. Тремя годами позже открытие Браутона стало достоянием агентств по морским сообщениям в Сиднее и Лондоне, и горстки свободных поселенцев (в числе которых был отец мистера Эванса), разорившихся моряков и «осужденных, не ладящих с колониальными властями Нового Южного Уэльса по поводу условий своего заключения», стали выращивать здесь тыкву, лук, маис и морковь. Этим они торговали с нуждающимися в

овощах охотниками на тюленей, которые стали вторым ударом по независимости мориори, развеяв надежды на процветание тем, что обагряли волны прилива тюленьей кровью. (Выгодность сего занятия мистер д'Арнок проиллюстрировал следующей арифметикой — одна шкура приносила в Кантоне 15 шиллингов, а эти самые охотники-пионеры собирали более двух тысяч шкур на одном судне!) Через несколько лет тюленей можно было найти только на отдаленных скалах, и «охотники за шкурами» тоже занялись выращиванием картофеля, разведением овец и свиней, причем так рьяно, что Чатемы ныне окрестили «Тихоокеанским огородом». Эти самозваные фермеры расчищают землю, выжигая кустарник, и огонь тлеет под торфом многие годы, в сухие периоды вырываясь на поверхность и сея новые бедствия.

Третьим ударом для мориори стали китобойные суда, ныне в изрядных количествах заходящие в Оушен-Бей, Вайтанги, Овенгу и Те-Вакару для пополнения запасов, килевания и ремонта. Кошки и крысы с этих самых судов расплодились, став истинной казнью египетской, и пожрали всех гнездившихся в норках птиц, яйца которых так ценились мориори в качестве пищи. В-чет-

вертых, разномастные болезни, поражающие темные расы, как только к ним приближается белая цивилизация, еще более уменьшали количество туземного населения.

Возможно, мориори перенесли бы все эти невзгоды, если бы в Новой Зеландии не появлялись сообщения, изображавшие острова Чатем как подлинный Ханаан с кишащими угрями лагунами, усеянными моллюсками бухточками и жителями, не знающими ни битв, ни оружия. Нгати-Тама и Нгати-Мутунга, двум кланам маори Таранаки-Те-Ати-Ава (генеалогия у маори, заверил нас мистер д'Арнок, совершенно так же запутана, как те генеалогические древа, что столь почитаются европейской знатью; по сути, каждый мальчишка этой бесписьменной расы во мгновение ока способен припомнить имя и «чин» своего прапрадеда), эти слухи сулили воздаяние за их родовые поместья, утраченные во время недавних «мушкетных войн». Они отрядили шпионов, чтобы те испытали нрав мориори, нарушая табу и разоряя священные места. Эти козни мориори восприняли так, как того требует наш Господь, «подставляя другую щеку», и нарушители, вернувшись в Новую Зеландию, подтвердили очевидное малодушие мориори. Татуированные

маори-конкистадоры нашли себе армаду из единственного судна некоего Харвуда, капитана брига «Родни», который на исходе 1835 года согласился переправить в два захода девятьсот маори и семь военных каноэ, guerno[12] семенным картофелем, огнестрельным оружием, свиньями, огромным количеством льняных очесов и пушкой. (Пять лет назад мистер д'Арнок случайно встретился с Харвудом, бедствовавшим в таверне залива Островов. Поначалу тот отрицал, что является Харвудом с «Родни», а потом стал клясться, что его принудили к доставке черных, однако было совершенно неясно, каким образом к нему применили это принуждение.)

«Родни» вышел из Порт-Николаса в ноябре, но дикарский груз его, состоявший из пяти сотен мужчин, женщин и детей, плотно набитых в трюмы, на протяжении шестидневного плавания задыхающихся среди блевоты и экскрементов и практически лишенный воды, был доставлен в бухту Вангатит в таком ослабленном состоянии, что, стоило им лишь того пожелать, даже мориори могли бы расправиться со своими воинственными собратьями. Вместо этого добрые

---

[12] Примечания: 12
Нагруженных (искаж. ит.).

самаритяне, предпочитая не разрушать свою ману кровопролитием, решили поделиться с ними оскудевшим изобилием Рекоху — и выходили больных и умирающих маори, вернув им здоровье. «Маори и прежде появлялись в Рекоху, — пояснил мистер д'Арнок, — однако опять уплывали, и мориори полагали, что эти колонисты таким же образом оставят их в покое».

Благородство мориори было вознаграждено, когда капитан Харвуд вернулся из Новой Зеландии с еще четырьмястами маори. Теперь чужаки принялись захватывать Чатем путем такахи, ритуала маори. Это слово переводится так: «продвигаться по земле, чтобы ею овладеть». Старый Рекоху был таким образом рассечен на части, и всем мориори было объявлено, что отныне они являются вассалами маори. В начале декабря, когда несколько дюжин аборигенов воспротивились, их невзначай убили томагавками. Маори доказали, что являются способными учениками англичан в «темном искусстве колонизации».

На востоке острова Чатем имеется огромная лагуна, соленая и болотистая, Те-Вангу, она очень походит на внутреннее море, но подпитывает ее во время приливов океан — через устье лагуны возле Те-Авапатики. Четырнадцать лет назад мо-

риори устроили на этой священной земле что-то вроде парламента. Совещались на протяжении трех дней с целью разрешить единственный вопрос: «Не приведет ли и пролитие крови маори к разрушению человеческой маны?» Молодые люди утверждали, что верование в Мир не учитывало существования чужеземных каннибалов, о которых их предкам ничего не было известно. Старшие призывали к умиротворению, ибо, пока мориори сохраняют свою землю, а с ней — и ману, боги и предки будут отводить от их расы все беды. «Обними врага своего, — настаивали старшие, — чтобы не дать ему ударить тебя». («Обними врага своего, — съязвил Генри, — чтобы почувствовать, как кинжал его щекочет почки твои».)

Старшим удалось в тот день победить, но это мало что означало. «Не имея численного превосходства, — поведал нам мистер д'Арнок, — маори добиваются преимущества, нанося удар первыми и изо всех сил, что могут подтвердить из своих могил многие злополучные британцы и французы». Нгати-Тама и Нгати-Мутунга держали свои собственные советы. Возвращаясь со своего подобия парламента, мужчины мориори угодили в засады, для них настала ночь бесчестия за гранью всякого кошмара, ночь бойни, разыгравшейся

среди пылающих деревень, когда насиловали мужчин и женщин и рядами усаживали их на колья вдоль побережий, когда дети прятались в норах, но их вынюхивали и разрывали на части охотничьи собаки. Некоторые из вождей заботились о завтрашнем дне и убивали лишь стольких, чтобы внушить оставшимся ужас и заставить повиноваться. Другие не были столь воздержаны. На побережье Вайтанги пятьдесят мориори были обезглавлены, разделаны, завернуты в листья, а затем зажарены в огромной земляной печи с ямсом и сладким картофелем. Не более половины тех мориори, что видели последний закат старого Рекоху, выжили, чтобы увидеть восход солнца маори. («Теперь не осталось и сотни чистокровных мориори, — скорбно возвестил мистер д'Арнок. — На бумаге Британская корона освободила их от ярма рабства долгие годы назад, да только маори нет никакого дела до бумаг. До резиденции губернатора неделя плавания, а гарнизона ее величества на Чатемских островах нет».)

«Почему, — спросил я, — белые не остановили маори во время той бойни?»

Мистер Эванс больше не спал и даже наполовину не был столь глух, как мне казалось.

«Вам приходилось видеть воинов маори, обезу-

мевших от крови, мистер Юинг?»

Я признался, что нет.

«Но вы ведь видели обезумевших от крови акул, не так ли?»

Я ответил утвердительно.

«Довольно похоже. Представьте себе окровавленного теленка: он мечется на мелководье, кишащем акулами. Что делать — держаться подальше от воды или попытаться сдержать акул? Таков был наш выбор. Да, мы помогли тем немногим, что пришли к нашим дверям, — одним был наш пастух Барнабас, — но если бы в ту ночь мы вышли из дому, нас никто больше не увидел бы. Помните, что нас, белых, в то время на Чатемах было менее пятидесяти человек. А маори, всех вместе, — девятьсот. Маори льнут к пакеха, мистер Юинг, но при этом презирают нас. Никогда об этом не забывайте».

Какую же мораль можно из этого извлечь? Миролюбие, хоть и возлюблено нашим Господом, являет собой главную добродетель только в том случае, если ваши соседи разделяют ваши убеждения.

Ночью

Имя мистера д'Арнока не стяжало в «Мушкете» особой любви. «Белый черномазый, полукровка, не человек, а какая-то дворняжка, — сказал мне Уокер. — Никто не знает, что он такое». Саггс, однорукий пастух, живущий под баром, божится, что наш знакомый не кто иной, как бонапартистский генерал, скрывающийся здесь под вымышленным именем. А кто-то другой клялся, что он поляк.

Слово «мориори» здесь тоже не любят. Пьяный мулат-маори сказал мне, что вся история аборигенов была измышлена «безумным старым лютеранином», и мистер д'Арнок твердит свою проповедь о мориори только для того, чтобы обосновать свои собственные мошеннические притязания на земли маори, истинных владельцев Чатемских островов, которые приплывают сюда на своих каноэ с незапамятных времен! Джеймс Коффи, хозяин свинофермы, сказал, что маори оказали Белому Человеку услугу, искоренив другую расу дикарей, чтобы расчистить место для нас, добавив, что подобным же образом русские натаскивали казаков, чтобы те «разми-

нали сибирские шкуры».

Я возразил, сказав, что наша цель должна состоять в том, чтобы цивилизовать черные расы путем обращения в христианство, а не в том, чтобы их истреблять, ибо их тоже создала рука Господа. Все находившиеся в таверне словно бы произвели в меня бортовой залп — за «сентиментальную трескотню, на которую только янки и способны!». Один проорал: «Лучшие из них и те не достойны умереть как свиньи! Черных спасет только одно евангелие — евангелие кнута!» А другой: «Мы, британцы, уничтожили рабство в своей империи — ни один американец не может сказать ничего подобного!»

Позиция Генри была, мягко говоря, неопределенной. «После многих лет работы с миссионерами я склоняюсь к заключению, что все их усилия лишь продлевают агонию умирающей расы на десять или двадцать лет. Милосердный пахарь пристреливает верную лошадь, которая становится слишком стара для работы. Коль скоро мы филантропы, то не состоит ли наш долг в том, чтобы подобным же образом смягчать страдания дикарей, ускоряя их угасание? Подумайте о своих краснокожих, Адам, подумайте обо всех договорах, от которых вы, американцы, отрека-

лись и открещивались — снова, и снова, и снова. Гуманнее, конечно же, и честнее просто надавать дикарям по голове и покончить со всем этим!»

Сколько людей, столько и истин. Время от времени мне видится более истинная Истина, скрывающаяся в несовершенном подобии самой себя, но как только я к ней приближаюсь, она пробуждается и погружается еще глубже в поросшее колючим кустарником болото разногласий.

Вторник, 12 ноября

Наш благородный капитан Молинё почтил сегодня «Мушкет» своим посещением, чтобы поторговаться с хозяином о цене пяти бочонков солонины (дело было улажено после шумной игры в трентуно, победу в которой одержал капитан). К огромному моему удивлению, прежде чем вернуться к наблюдению за работой на верфи, капитан Молинё потребовал уединенного разговора с Генри — в комнате моего товарища. Разговор этот продолжается и сейчас, когда я пишу эти строки. Приятель мой предупрежден о крутом нраве капитана, но мне от этого все равно не по себе.

Позже

Капитан Молинё, как выяснилось, страдает от некоего недуга, который, если его не лечить, может ослабить всевозможные способности, которых требует его положение. Поэтому капитан предложил Генри отправиться с нами в Гонолулу (с довольствием и отдельной каютой, предоставляемыми бесплатно), исполняя до нашего прибытия обязанности корабельного доктора и личного врача капитана Молинё. Друг мой объяснил, что намеревался вернуться в Лондон, но капитан Молинё был крайне настойчив. Генри обещал обдумать этот вопрос и принять решение к утру пятницы — дня, на который теперь назначено отплытие «Пророчицы».

Генри не назвал болезнь капитана, а я не спрашивал, хотя не требуется быть Эскулапом, чтобы подметить: капитана Молинё терзает подагра. Осторожность моего друга делает ему честь. Какие бы странности ни выказывал Генри Гуз как собиратель редкостей, я уверен, что доктор Гуз являет собою образцового целителя, и лелею ревностную — а может, и своекорыстную — надежду, что Генри даст положительный ответ на

предложение капитана.

Среда, 13 ноября

Я обращаюсь к своему дневнику, словно католик — к исповеднику. Синяки мои настаивают на том, что случившееся за эти необычайные пять часов не было болезненным видением, внушенным мне моим Недугом, но произошло на самом деле. Я опишу все, что сегодня со мной приключилось, как можно ближе придерживаясь фактов.

Нынешним утром Генри снова отправился в хижину вдовы Брайден, чтобы поправить ей лубок и сменить припарку. Вместо того чтобы предаваться безделью, я решил взойти на выдающийся среди прочих холм к северу от Оушен-Бея, известный под названием Конического пика и обещающий своей высотой наилучший вид на захолустные области острова Чатем. (У Генри, человека более зрелого возраста, слишком уж много здравого смысла, чтобы бродить по лишенным всякого присмотра островам, населенным каннибалами.) Вялый ручей, снабжающий водой Оушен-Бей, вел меня против течения через болотистые пастбища, изъязвленные пнями склоны, в девственные леса с порослью столь трухлявой, узловатой и спутанной, что я вынужден был взби-

раться вверх, как орангутан! Внезапно, подобно залпу, разразился град — он наполнил лес бешеной колотьбой и столь же неожиданно оборвался. Я пытался выследить черногрудую малиновку, с оперением дегтярным, словно ночь, и кротостью на грани презрения ко всем. Где-то запела невидимая тью, но мое воспламененное воображение придало ее пению свойства человеческой речи. «Око за око! — взывала она, порхая в лабиринте бутонов, ветвей и колючек. — Око за око!» После изнурительного восхождения я одолел вершину, совершенно вымотанный и уязвленный тем, что не знал, сколько времени, ибо накануне пренебрег заводкой своих карманных часов. Матовые дымки, частые на этих островах (аборигенное название «Рекоху», сообщил нам мистер д'Арнок, означает «Солнце тумана»), опускались, пока я поднимался, так что лелеемая мною панорама обернулась не чем иным, как верхушками деревьев, тонущими в мороси. Поистине скудная награда за все мои усилия.

Вершина Конического пика оказалась кратером диаметром с бросок камня, окружавшим скалистый спуск, дно которого лежало, невидимое, далеко внизу, скрытое траурной листвой целого гросса, если не более, деревьев копи. Мне

не следовало помышлять об исследовании его глубины без помощи веревок и киркомотыги. Я кружил по краю кратера, отыскивая более легкий путь для возвращения в Оушен-Бей, как вдруг пугающее «хв'руш!» заставило меня броситься на землю. Сознание не терпит пустоты, а потому склонно населять ее призраками, так что мне сначала привиделся нападающий на меня клыкастый боров, а потом — воин маори с поднятым копьем, причем на лице его читалась наследственная ненависть, свойственная его расе.

Это была всего лишь самка ястреба, чьи крылья хлопали в воздухе, словно паруса. Я наблюдал, как она снова исчезала в призрачном тумане. Находясь в целом ярде от края кратера, я, к ужасу своему, обнаружил, что дерн подо мной распадается подобно жировой корочке, — я находился не на твердой почве, но на выступе, под которым была пустота! В отчаянии я снова бросился грудью на землю, хватаясь за травинки, но те рвались у меня в пальцах, и я отвесно повалился вниз — кукла, которую швырнули в колодец! Помню, как я крутился в пространстве, как вопил, а ветви когтили мне глаза, как я кувыркался и как цеплялась моя куртка за сучья, разрываясь то там, то сям; помню рыхлую землю, предвидение

боли, страстную, бессвязную молитву о помощи, кустарник, замедливший, но не остановивший моего падения, и безнадежную попытку восстановить равновесие — скольжение — и, наконец, terra firma,[13] бросившуюся кверху, чтобы меня встретить. Удар лишил меня чувств.

Я лежал среди туманных одеял и невесомых подушек, в Сан-Франциско, в спальне, похожей на мою собственную. «Ты очень глупый мальчик, Адам», — произнес карлик-слуга. Вошли Тильда и Джексон, но когда я попытался выразить свое ликование, изо рта вырвались не английские слова, но гортанный лай индейцев! Жене и сыну стало за меня стыдно, и они забрались в карету. Я бросился следом, силясь исправить это недоразумение, но карета, быстро уменьшаясь, удалилась, прежде чем я очнулся в лесистых сумерках и тишине, гулкой и вечной. Мои ушибы, порезы, все мышцы и конечности гудели, словно зал суда, полный недовольных тяжущихся.

Подстилка изо мха и мульчи, лежавшая в этой мрачной впадине со второго дня Творения, спасла мне жизнь. Ангелы сохранили мои члены целыми, однако, даже несмотря на то что ни единая

---

[13] Примечания: 13
Твердую почву (лат.).

рука или нога не была сломана, мне приходилось лежать неподвижно — я не в состоянии был распрямиться, опасаясь смерти, несомой стихиями или же звериными клыками. Встав же наконец на ноги и увидев, сколько именно я скользил и падал (высота фок-мачты), избежав куда худших повреждений, я возблагодарил Господа нашего за свое спасение, ибо, воистину, «в бедствии ты призвал Меня, и Я избавил тебя; из среды грома Я услышал тебя».[14]

Глаза мои приспособились к мраку, и мне открылось зрелище одновременно неизгладимое, пугающее и утонченное. Сначала одно, потом десяток, потом сотни лиц возникли из вечной тьмы, вытесанные идолопоклонниками из дерева; казалось, будто жестокий чародей заставил замереть в неподвижности лесных духов. Нет таких прилагательных, которые могли бы точно обрисовать это василисково племя! Только неодушевленное может быть столь живым. Я провел пальцами по этим ужасным образам. У меня не было и тени сомнения в том, что с самого доисторического начала его существования я был первым белым, оказавшимся в этом мавзолее. Са-

[14] Примечания: 14

«В бедствии ты призвал Меня, и Я избавил тебя; из среды грома Я услышал тебя», — Псалтирь, 80:8.

мому молодому из этих дендроглифов, полагаю, лет десять, но самые старые, растянувшиеся по мере взросления деревьев, были вырезаны язычниками, самые призраки которых давно усопли. Такая древность, несомненно, свидетельствовала о существовании мориори из рассказов мистера д'Арнока.

В зачарованной обители время шло незаметно, а я все искал способ оттуда выбраться, приободренный знанием того, что авторы древесных скульптур должны как-то выбираться на поверхность из этой самой ямы. Одна из стен выглядела менее крутой, и жилистые ползучие растения предлагали своего рода перила. Я готовился взбираться, когда внимание мое привлекло загадочный гомон. «Кто это там? — воззвал я (полное безрассудство для безоружного белого самозванца, вторгшегося в языческий храм). — Покажись!» Слова мои, а затем их эхо насмешливо поглотила тишина. Недуг мой вызвал во мне раздражение. Гомон, как выяснилось, производился огромным количеством жужжащих мух, круживших вокруг какой-то выпуклости, наколотой на сломанную ветку. Я ткнул в этот ломоть сосновой палкой, и меня едва не стошнило, ибо то был кусок зловонной мертвечины. Повернулся было, чтобы

убраться прочь, но долг обязывал меня развеять мрачное подозрение, что на дереве висит человеческое сердце. Прикрыв нос свой и рот носовым платком, я снова дотронулся до злосчастного желудочка. Орган пульсировал, словно живой! — и Недуг мой ожег мне огнем позвоночник! Словно во сне (но это было наяву!), полупрозрачная саламандра появилась из своего гниющего обиталища и устремилась вдоль палки к моей руке! Я отшвырнул палку и не увидел, где исчезла та саламандра. Страх вызвал прилив крови, и я пустился в бегство. Это легче написать, чем сделать, ибо если бы я соскользнул и снова обрушился с одной из этих головокружительных стен, удача не позволила бы мне смягчить во второй раз падение; но в скале были выдолблены углубления для ног, и милостью Божией мне удалось добраться до края кратера без происшествий.

Снова окутанный мрачным облаком, я жаждал оказаться среди людей того же цвета, что я сам, да, пусть даже среди грубых моряков из «Мушкета», и по наитию принялся спускаться в южном — как я надеялся — направлении. Первоначальная моя решимость доложить обо всем увиденном (конечно же, мистеру Уокеру, который, пусть не де-юре, но де-факто являлся местным консулом,

следовало сообщить о краже человеческого сердца) ослабевала по мере того, как я приближался к Оушен-Бею. Сердце, скорее всего, было кабаньим — или овечьим. Ну конечно. Перспектива того, что Уокер и ему подобные будут рубить те деревья и продавать дендроглифы коллекционерам, возмущала мою совесть. Может, я и сентиментален, но мне не хочется способствовать окончательному уничтожению мориори.[15]

[15] Примечания: 15

Отец никогда не говорил мне об этих дендроглифах, и я узнал о них лишь то, что описано во «Вступлении». Мориори островов Чатем являются ныне племенем на грани уничтожения, и я стараюсь, чтобы сведения о них не попали в нечистоплотные руки. — Дж. Ю.

Вечером

В небе уже ярко полыхал Южный Крест, когда в «Мушкет» вернулся Генри, которого задержали другие островитяне, жаждавшие проконсультироваться у «исцелителя вдовы Брайден» по поводу своих насморков, катаров и водянок. «Будь картофелины долларами, — сетовал мой друг, — я стал бы богаче Навуходоносора!»[16] Он был огорчен моим (сильно смягченным в пересказе) злоключением на Коническом пике и настоял на обследовании полученных мною повреждений. Перед тем я добился от своей индейской прислуги, чтобы она наполнила мне ванну, и вышел из нее, значительно укрепив силы. Генри преподнес мне склянку бальзама для лечения моих воспалений и не взял за нее ни цента: отказывался, как я ни настаивал. Опасаясь, что это может оказаться последней моей возможностью получить консультацию у одаренного врача (Генри намерен отказаться от предложения капитана Молинё), я раскрыл перед ним свои

[16] Примечания: 16

Навуходоносор — вавилонский царь; Навуходоносор I правил в XII в. до н. э., Навуходоносор II — в VI в. до н. э.

страхи перед Недугом. Он выслушал меня очень спокойно и спросил о частоте и длительности моих приступов. Генри выразил сожаление, что у него нет ни времени, ни инструментов для полного обследования, но посоветовал, чтобы я, вернувшись в Сан-Франциско, срочно нашел специалиста по тропическим паразитам (я не смог признаться ему, что таковых там нет). Сна ни в одном глазу.

Четверг, 14 ноября

Мы отплываем с утренним приливом. Я снова на борту «Пророчицы», но не могу притворяться, что рад возвращению. В гробу моем теперь хранятся три бухты канатов, через которые приходится перешагивать, чтобы добраться до койки, поскольку на виду не осталось ни единого дюйма пола. Мистер д'Арнок продал нашему старшине-рулевому полдюжины бочек различной провизии и рулон парусины (к вящему неудовольствию Уокера). Он явился на борт, чтобы проследить за их доставкой, самому взять за них плату и пожелать мне всего доброго. В моем гробу мы были стиснуты так, словно угодили вдвоем в какую-то выбоину, а посему вернулись на палубу, ибо вечер стоял чудесный. Обсудив разнообразные предметы, мы пожали друг другу руки, и он сошел на ожидавший его кеч, команда которого состояла из двоих ловких слуг-полукровок.

У мистера Роудрика моя просьба, чтобы досаждающие мне канаты переместили куда-нибудь, особого сочувствия не вызвала, ибо сам он вынужден покинуть свою отдельную каюту (по причине, которую изложу ниже) и ютиться в

носовом кубрике вместе с простыми матросами, число которых возросло на пятерых кастильцев, «позаимствованных» с испанского судна, стоявшего на якоре в заливе. Капитан их являл собой олицетворение ярости, но, не смея объявить «Пророчице» войну — в каковой битве ему, несомненно, расквасили бы нос, ибо он управляет самой утлой посудиной, — он мало что мог сделать, кроме как возблагодарить свою звезду, что капитану Молинё не потребовалось еще большее число дезертиров. Самые слова «направляется в Калифорнию» кажутся усыпанными золотом и всех туда приманивают, как мотыльков приманивает фонарь. Эти пятеро заменили двоих, дезертировавших в заливе Островов, а также потерянных во время бури, однако до полной команды все равно недостает нескольких человек. Финбар говорит мне, что люди ворчат по поводу нового распределения, ибо из-за мистера Роудрика, угнездившегося в их кубрике, они не могут свободно поболтать за бутылкой.

Судьба щедро меня вознаградила. Уплатив по ростовщическому счету Уокера (на чай этому негодяю я не дал ни цента), я упаковывал свой сундук из просмоленного дерева, когда вошел Генри, приветствуя меня такими словами: «Доб-

рое утро, товарищ по плаванию!» Господь внял моим молитвам! Генри согласился стать корабельным доктором, и теперь я уже не останусь без друзей на этом плавучем скотном дворе. Рядовые матросы тупы, как мулы: вместо благодарности за то, что теперь у них под рукой будет доктор, способный наложить лубки на переломы и лечить от инфекций, можно порой услышать, как они ворчат: «Вот еще — везти корабельного доктора, который не может пройти по бушприту! Что у нас здесь, королевская барка?»

Должен признаться: мое самолюбие испытало укол из-за того, что капитан Молинё заставил платящего за проезд джентльмена, такого как я, довольствоваться жалкой каюткой, в то время как он всегда мог предоставить мне помещение гораздо более просторное и уютное. Но куда более важным представляется обещание Генри приложить все свои превосходные дарования, чтобы определить мой Недуг, как только мы выйдем в море. Облегчение мое неописуемо.

Пятница, 15 ноября

Мы оказались на ходу на самом рассвете, несмотря на то, что пятница среди моряков считается Ионой: приносит одни несчастья. (Капитан Молинё ворчит: «Предрассудки, все дни святых и прочие чертовы финтифлюшки — это чудная забава для разных там папистских торговок рыбешкой, но вот я собираюсь получить прибыль!») Мы с Генри не рискнули выйти на палубу, поскольку все заняты снастями, а южный ветер очень свеж, и это — при неспокойном море; вчера на корабле было много хлопот, и сегодня их будет не меньше. Полдня мы провели, обустраивая в каюте Генри врачебный кабинет и аптеку. Помимо всех принадлежностей современного врача, у моего друга имеется несколько ученых томов — на английском, латыни и немецком. В чемодане, в закупоренных бутылках с надписями на греческом, хранится множество порошков. Их он смешивает для получения разнообразных пилюль и мазей. Ближе к полудню мы выглянули в люк нашего отсека, и Чатемы предстали перед нами как чернильные кляксы на свинцовом горизонте, но качка, килевая и бортовая, небез-

опасна для тех, чьи ноги целую неделю отдыхали от моря на берегу.

После полудня

В дверь моего гроба постучался швед Торгни. Удивленный и заинтригованный его вкрадчивыми манерами, я пригласил его войти. Он уселся на пирамиду канатов и шепотом сообщил, что пришел ко мне с предложением от нескольких своих корабельных приятелей. «Скажите нам, где проходят лучшие жилы, тайные, которые вы, местные, сохраняете для себя. Мы с приятелями займемся выработкой. А вы будете просто себе посиживать, и мы отвалим вам десятую часть».

Через мгновение до меня дошло, что Торгам имел в виду калифорнийские прииски. Итак, когда мы оба, я и «Пророчица», достигнем мест своего назначения, предстоит массовое дезертирство! Что ж, все мои симпатии на стороне моряков! Сказав так, я поклялся Торгни, что не располагаю сведениями о золотых залежах, ибо целый год был в отсутствии, но совершенно бесплатно и с радостью составлю карту тех «Эльдорадо», что у всех на слуху. Торгни не возражал. Вырвав лист из своего дневника, я набрасывал схему расположения Саусалито, Бенесии, Станислауса, Сакраменто и проч., когда вдруг чей-то

злобный голос проговорил: «Ни дать ни взять оракул, а, мистер Щелкопер?»

Мы не слышали, как Бурхаав спустился по трапу и чуть приоткрыл мою дверь! Торгни в смятении вскрикнул, трижды каясь в своем прегрешении. «Скажи-ка на милость, — продолжал старший помощник, — что за дельце у тебя с нашим пассажиром, ты, Прыщик из Стокгольма?» Торгни онемел, но я не собирался позволить себя запутать и сказал этому громиле, что описывал виды своего города, лучшие, чтобы Торгни сполна получил удовольствие во время увольнения на берег.

Бурхаав задрал брови. «Вы уже обсуждаете увольнение на берег, так, что ли? Что-то новенькое для моих старых ушей. Не угодно ли вам дать мне эту бумагу, мистер Юинг?» Мне угодно не было. Мой подарок моряку не предназначался для того, чтобы его присваивал голландец. «О, прошу прощения, мистер Юинг. Торгни, изволь принять свой подарок». Мне ничего не оставалось делать, кроме как вручить его остолбеневшему шведу. Мистер Бурхаав тут же возгласил: «Торгни, давай сюда свой подарок, да побыстрее, иначе, клянусь дверьми ада, ты пожалеешь о том дне, когда выполз из материнской… (перо мое так и трясется,

записывая его богохульства)». Омертвевший швед повиновался.

«Весьма поучительно, — заметил Бурхаав, разглядывая мою картографию. — Капитану будет очень приятно узнать, как вы стараетесь улучшить положение наших паршивых замухрышек, мистер Юинг. Торгни, полезешь наверх впередсмотрящим, на сутки. И на двое суток, если кто увидит, что ты отлыниваешь. А коли замучает жажда, лакай свои с-ки».

Торгни улетучился, но со мной старший помощник еще не закончил. «В этих водах полно акул, мистер Щелкопер. Следуют за судами, лакомятся отходами, что выбрасывают за борт. Однажды я видел, как они ели одного пассажира. Он, подобно вам, пренебрегал своей безопасностью, вот и свалился за борт. Мы слышали его вопли. Большие белые играют со своим обедом, поглощают его не спеша, то ногу отхватят, то еще какой-нибудь кусочек, и этот жалкий м-к оставался в живых дольше, чем вы смогли бы поверить. Подумайте над этим». Он закрыл дверь моего гроба. Бурхаав, как и все громилы и тираны, гордится самой своей омерзительностью, делающей его притчей во языцех.

Суббота, 16 ноября

Судьба наградила меня величайшей неприятностью за все время моего вояжа! Мне доверилась тень старого Рекоху, единственными помыслами которого являются бесшумность и осторожность посреди поругания, обусловленного подозрениями и сплетнями. Однако я не виновен ни по единому пункту, если не считать христианского смирения и непротивления невзгодам! Месяц миновал с того дня, как мы отплыли из Нового Южного Уэльса и я написал эти беззаботные слова: «Предвижу бедное событиями, томительное и скучное путешествие». Теперь эта фраза выглядит насмешкой! Мне никогда не забыть последних восемнадцати часов, но, поскольку я не могу ни спать, ни думать (а Генри уже лег), с бессонницей мне остается бороться лишь одним способом: клясть свою Судьбу на этих жалостливых страницах.

Накануне вечером я вернулся в свой гроб усталым как собака. Помолившись и задув лампу, я лег и, убаюканный мириадами корабельных голосов, погрузился было в мелководье сна, как вдруг хриплый голос — внутри моего гроба! —

испугал меня так, что сна как не бывало! «Мисса Юинг, — настойчиво умолял этот шепот, — не бойтесь! Мисса Юинг — нет вреда — нет кричать, пожалуйёста, сэр».

Я непроизвольно подпрыгнул и ударился головой о шпангоут. В двойном мерцании — янтарном свете, льющемся сквозь щели между проемом и плохо к нему прилаженной дверью, и свете звезд, проникающем через иллюминатор, — увидел я, как сам собой разматывается змеевидно уложенный канат и из него высвобождается черная фигура, словно мертвец при звуке Последней Трубы! Могучая рука, казалось, проплыла через тьму и запечатала мне рот, прежде чем я сумел закричать! Напавший прошипел: «Мисса Юинг, нет вреда, вы безопасны, я друг мисса д'Арнок, — вы знать, он христианин, — пожалуйста, тихо!»

Разум наконец ополчился против моего испуга. Не дух, а человек прятался в моем помещении. Если бы он хотел перерезать мне глотку ради моей шляпы, башмаков и бумажника, я был бы уже мертв. Если мой тюремщик был безбилетником, то не я, а он рисковал жизнью. Благодаря его неправильному говору, его слабо видимому силуэту и его запаху интуиция подсказывала мне, что безбилетник был индейцем, единственным на

корабле с пятьюдесятью белыми. Очень хорошо. Я медленно покивал в знак того, что кричать не буду.

Осторожная рука освободила мой рот. «Меня зовут Аутуа, — сказал он. — Вы знаете я, вы видел я, — вы жалел я». Я спросил, о чем таком он толкует. «Маори бил меня кнутом — вы видел». Память моя превозмогла причудливость происходящего, и я вспомнил, как этого мориори стегал Повелитель Ящериц. Это его умилило. «Вы хороший человек — мисса д'Арнок говорил я, вы хороший человек, — вчера он прятал я в ваша каюта — я убегает — вы помогает, масса Юинг». Теперь уже у меня не мог не вырваться стон! И его рука снова зажала мне рот. «Если вы не поможет — я в беде умереть».

Совершенно верно, подумал я, и, более того, ты и меня за собой потянешь, если только мне не удастся убедить капитана Молинё в своей невиновности! (Я сгорал от возмущения поступком д'Арнока, и по-прежнему сгораю. Пусть сам спасает своих «добряков» и оставит ни в чем не повинных наблюдателей в покое!) Я сказал безбилетнику, что он уже и так «в беде умереть». «Пророчица», мол, это коммерческое судно, а не «подземная железная дорога» для беглых рабов.

«Я умелый моряк! — настаивал черный. — Я заработаю проезд!» Хорошо и прекрасно, сказал я ему (сильно сомневаясь в его притязании на бытность опытным моряком) и настоятельно посоветовал немедленно отдаться на милость капитана. «Не! Они не слушает я! «Плыви назад, ниггер!» — они говорит и бросает я в океан. Вы закон знает, да? Вы идет, вы говорит, я остается, я прячется! Пожалуйста. Кэп слушает вы, мисса Юинг! Пожалуйста».

Тщетно пытался я его убедить, что нет такого ходатая, который был бы менее ценим при дворе капитана Молинё, нежели янки Адам Юинг.

Авантюра, затеянная мориори, принадлежит только ему, и я не желаю принимать в ней участия. Его рука нащупала мою и, к ужасу моему, сомкнула мои пальцы на рукоятке кинжала. Решительными и бесстрастными были его слова: «Тогда вы убивает я». С потрясающим спокойствием и определенностью он прижал его острие к своему горлу. Я сказал индейцу, что он сумасшедший. «Не так: вы не помогает я, вы убивает я, одно и то же. Это так, вы это знает». (Я умолил его успокоиться и говорить тише.) «Так убивай я. Скажи другие, я нападал на вы, и вы я убивает. Я не быть еда рыбы, масса Юинг. Умирать здесь

лучше».

Проклиная свою совестливость единожды, судьбу свою — дважды и мистера д'Арнока — трижды, я попросил его вложить свой кинжал в ножны и во имя Господа сдерживаться, чтобы никто из команды не услышал его, не явился сюда и не стал колотить в дверь. Пообещал подойти к капитану за завтраком, ибо сейчас он почивает, а прерывать его сон будет означать только одно: безусловно обречь все предприятие на неудачу. Безбилетник этим удовольствовался и поблагодарил меня. Он снова скользнул внутрь бухты каната, оставив меня наедине с почти неразрешимой задачей — измыслить обстоятельства появления аборигена на английской шхуне, которые не навлекли бы на его открывателя и соседа по каюте обвинений в заговоре. Дыхание дикаря сообщило мне, что он спит. У меня был соблазн броситься к двери и возопить о помощи… но в глазах Господа данное мною слово было моим обязательством — даже слово, данное индейцу.

До меня доносилась какофония: поскрипывали перегородки и половицы, раскачивались мачты, изгибались канаты, хлопали паруса, ступали по палубам ноги, блеяли козлы, шныряли крысы, стучали насосы, били склянки, отмеряя вахты,

шумом из кубрика доносился шум потасовок и смех, отдавались приказы, раздавались песни брашпиля и вечного царства Нептуна; все эти звуки убаюкивали меня, пока я размышлял, как бы мне наилучшим образом убедить капитана Молинё в своей непричастности к замыслу мистера д'Арнока (теперь мне придется быть бдительнее, чем когда-либо, чтобы этот дневник не был прочитан недружественными глазами). Как вдруг чей-то вопль фальцетом, начавшийся где-то далеко, но приближавшийся быстро, со скоростью раскатов грома, оборвался ударом о палубу, всего лишь несколькими дюймами выше того места, где я лежал.

Какая ужасная кончина! Я лежал ничком, потрясенный и окоченевший, забывая дышать. Вдали и вблизи слышались крики, ноги сбежались в одно место, и раздался тревожный зов: «Поднимите доктора Гуза!»

«Бедолага упадает с такелажа, теперь мертвый, — прошептал индеец, пока я торопливо одевался, чтобы узнать причину всей этой суматохи. — Вы не может ничто, мисса Юинг». Я велел ему не высовываться и поспешил наружу. Мне казалось, что безбилетник чувствует, какой соблазн я испытываю, чтобы воспользоваться

этим происшествием и выдать его.

Вся команда сгрудилась вокруг человека, лежавшего у основания грот-мачты. В колеблющемся свете фонаря я узнал одного из кастильцев. (Признаюсь, первым моим чувством было облегчение, что это не Рафаэль, а кто-то другой разбился насмерть.) Матрос-исландец говорил, что умерший выиграл у своих соотечественников в карты весь их рацион арака и весь же его выпил перед своей вахтой. Появился Генри в ночной рубашке и с докторским чемоданчиком. Присев на колени возле искалеченного тела, он стал щупать пульс, но вскоре покачал головой. «Этому парню врач уже не нужен». Мистер Роудрик изъял для аукциона башмаки и одежду кастильца, а Мэнкин принес для трупа какой-то третьесортный мешок. (Мистер Бурхаав вычтет стоимость этого мешка из аукционных доходов.) Матросы возвращались в кубрик или расходились по своим постам молча: все помрачнели из-за этого напоминания о бренности человеческой жизни. Генри, мистер Роудрик и я остались и наблюдали, как кастильцы совершали над соотечественником свои католические погребальные обряды, прежде чем завязать мешок и предать тело водным глубинам со слезами и горестными

adíos! «Пылкие романцы», — заметил Генри, во второй раз желая мне спокойной ночи. Я жаждал поделиться с ним своей тайной об индейце, но предпочел держать язык за зубами, чтобы не обременять друга своими трудностями.

Возвращаясь к себе после этой печальной сцены, я увидел, что в камбузе мерцает фонарь. Финбар спит там, чтобы «стеречь провизию от воришек», но нынешнее ночное потрясение заставило подняться и его. Я с испугом вспомнил, что безбилетник не ел, должно быть, на протяжении полутора суток; с испугом, ибо на какую зверскую выходку не подтолкнет дикаря пустой желудок? Наутро мой поступок мог обернуться против меня, но я сказал коку, что сильнейший голод совершенно не дает мне уснуть, и (по двойной против обычного цене «ввиду неурочного часа») приобрел блюдо сосисок с кислой капустой и булочками, твердыми, словно пушечные ядра.

Когда я снова оказался в пределах своей каюты, дикарь поблагодарил меня за доброту и стал поедать скромное угощение так, словно бы находился на президентском банкете. Я не раскрыл ему своих подлинных мотивов, а именно: чем полнее его желудок, тем меньше вероятность того, что он захочет полакомиться мною. Вместо

этого я спросил, почему, когда его стегали плетью, он мне улыбался. «Боль сильна, да, — но глаза друга сильнее». Я сказал, что он обо мне почти ничего не знает, а я ничего не знаю о нем. Он ткнул пальцем себе в глаза, потом указал на мои, словно этот единственный жест был исчерпывающим объяснением.

Во время ночной вахты ветер усилился, заставляя стонать шпангоуты, взбивая волны и омывая ими палубы. Морская вода вскоре стала просачиваться в мой гроб, струйками стекая по стенам и кляксами капая на мое одеяло. «Ты мог бы выбрать себе убежище посуше, чем моя каюта», — шепнул я, чтобы проверить, бодрствует ли мой безбилетник. «Безопасный лучше, чем сухой, мисса Юинг», — пробормотал он, столь же далекий от сна, как я сам. Почему, спросил я, его так жестоко избили в индейской деревушке? Воцарилось молчание. «Я видел слишком много мира, я был плохой раб». Чтобы в ужасные эти часы отвадить от себя морскую болезнь, я вытянул из безбилетника историю его жизни. Пиджин-инглиш сделал рассказ довольно бессвязным, так что здесь я попытаюсь запечатлеть лишь самую его суть.

Корабли белых людей принесли старому Рекоху

не только злоключения, о которых рассказывал мистер д'Арнок, но также и чудеса. Будучи еще мальчиком, Аутуа жаждал побольше узнать об этих бледных людях, явившихся из мест, само существование которых во времена его деда принадлежало к области мифов. Аутуа утверждает, что его отец был в числе местных жителей, с которыми разведывательный отряд лейтенанта Браутона встретился в заливе Столкновения, и в юные свои годы ему довелось слышать вновь и вновь повторяемые небылицы: о Великом Альбатросе, плывущем сквозь утренние туманы; о его странно сложенных и украшенных живописными плюмажами слугах, на каноэ подплывших к берегу; о странном щебетании (птичьем языке?) слуг Альбатроса; об их дымном дыхании; о гнусном нарушении ими табу, что запрещает незнакомцам прикасаться к каноэ (такое деяние налагает на судно проклятие и делает его столь же непригодным для мореплавания, как если занести на него топор); о преследованиях и ссорах; об «орущих вещах», чей магический гнев может убить человека по другую сторону взморья; и о яркой юбке, раскрашенной в океанско-синий, облачно-белый и кроваво-красный цвета, который слуги подняли на высокой палке, прежде

чем вернуться к Великому Альбатросу. (Этот флаг был снят и преподнесен вождю, и тот с гордостью носил его, пока не был унесен золотухой.)

У Аутуа был дядя, Коче, который плавал на борту зверобойного судна из Бостона, примерно с 1825 года. (Точного своего возраста мой безбилетник не знает.) Мориори очень ценились как матросы для таких судов, ибо, вместо воинской доблести, мужское население Рекоху «заслуживало себе шпоры» искусством охоты на тюленей и подвигами по части плавания и ныряния. (Например, прежде чем свататься, молодой человек должен был донырнуть до морского дна и всплыть на поверхность с парой моллюсков в руках и еще с одним во рту.) Вновь обнаруженные полинезийцы, следует добавить, были очень легкой добычей для недобросовестных капитанов. Дядя Аутуа, Коче, вернулся через пять лет, облаченный в одежды пакеха, с серьгами в ушах, со скромным мешочком долларов и реалов, со странными привычками (в том числе «дымным дыханием»), с несуразными клятвами и рассказами о городах и видах слишком уж отдаленных, чтобы их можно было описать на языке мориори.

Аутуа поклялся отплыть на первом же корабле, который будет покидать Оушен-Бей, и увидеть

эти экзотические места своими глазами. Его дядя убедил второго помощника французского китобоя взять на борт десятилетнего (?) Аутуа в качестве ученика. За свою последующую морскую карьеру мориори видел ледяные гряды Антарктики, китов, превращенных в островки запекшейся крови, а затем — в бочки спермацета; в Сиднее он видел огромные здания, парки, запряженные лошадьми экипажи, дам в шляпках и чудеса цивилизации; он доставлял опиум из Калькутты в Кантон; переболел дизентерией в Батавии; потерял пол-уха в стычке с мексиканцами возле алтаря в Санта-Крус; выжил после кораблекрушения у мыса Горн и видел Рио-де-Жанейро, хотя не спускался на берег; и повсюду наблюдал он, что в смысле повседневной жестокости души у более светлых рас оказываются темнее.

Вернулся Аутуа летом 1835 года — повидавший мир и умудренный всем увиденным молодой человек около двадцати лет. Он собирался взять себе невесту из местных, построить дом и обрабатывать несколько акров, но, как рассказывает мистер д'Арнок, ко времени зимнего солнцестояния все мориори, уцелевшие после резни, стали рабами маори. Годы, проведенные вернувшимся моряком среди команд всех национальностей,

не возвысили Аутуа в глазах захватчиков. (Я заметил, насколько не ко времени пришлось его чудесное возвращение домой. «Нет, мисса Юинг, Рекоху позвал я домой, я видел его смерть, так что я знаю, — он постучал себя по голове, — что правда».)

Хозяином Аутуа был маори с татуировкой в виде ящерицы, Купака, который говорил своим сломленным рабам, что явился к ним для того, чтобы избавить их от фальшивых идолов («Ну что, спасли вас ваши боги?» — насмехался Купака); загрязненного языка («Мой кнут научит вас чистому маори!»); испорченной крови («Близкородственные браки разжижили вашу изначальную ману»). С того времени браки между мориори были запрещены, а все новорожденные от мужчин маори и женщин мориори объявлялись маори. Первых нарушителей наказывали самым страшным образом, а все те, кто уцелел, жили в состоянии летаргии, порождаемой безропотным повиновением. Аутуа расчищал землю для Купаки, выращивал пшеницу и ухаживал за свиньями, пока ему не стали доверять настолько, что он сумел бежать. («Тайные места на Рекоху, мисса Юинг, глубокие лощины, ямы, глубокие пещеры в лесу Мотопоропоро, таком густом, что

ни один пес не учует тебя там». По-моему, я упал в одно из подобных убежищ.)

Годом позже его поймали снова, но рабы-мориори к этому времени были слишком редки, чтобы их убивать без разбору. Маори низшего разряда вынуждены были, к огромному своему неудовольствию, работать наряду с рабами. («Мы что же, покинули землю наших предков в Аотеароа ради этого жалкого утеса?» — жаловались они.) Аутуа сбежал снова, и во время этого второго промежутка свободы ему на несколько месяцев было предоставлено тайное убежище у мистера д'Арнока, ценой немалого риска для последнего. Во время пребывания там Аутуа был крещен и обратился к Господу.

Люди Купаки поймали беглеца через полтора года, но на этот раз милосердный его властелин проявил уважение к стойкости Аутуа. После наказания — для острастки — плетьми Купака велел своему рабу заняться рыбной ловлей для его, Купаки, стола. На этой должности мориори позволил себе провести весь следующий год, пока в один из дней не обнаружил, что в его сети бьется редкостная рыба — моика. Жене Купаки он сказал, что это рыба, повелевающая всеми остальными рыбами, может быть съедена только

повелителем людей, и показал ей, как приготовить моику для ее мужа. («Плохой-плохой яд эта моика, мисса Юинг, один укус, да, вы засыпает, вы никогда не просыпает».) Во время ночного пиршества Аутуа выскользнул из лагеря, украл хозяйское каноэ и стал грести — безлунной ночью, против сильного течения, по неспокойному морю — по направлению к острову Питт, в двух лигах к югу от Чатема, известному на языке мориори как Рангиория и почитаемому как место рождения человеческого рода.

Удача сопутствовала безбилетнику, ибо прибыл он невредимым на рассвете, когда задул шквалистый ветер, и ни одно каноэ за ним не последовало. В своем полинезийском эдеме Аутуа питался диким сельдереем, водяным крессом, яйцами, ягодами, иногда — молодыми кабанчиками (огонь он решался разжигать только под прикрытием тумана или в каком-нибудь темном убежище) и постоянно — знанием того, что Купака, по крайней мере, получил достойное наказание. Не было ли невыносимым такое одиночество? («Ночами предки приходили. Днями я рассказывал птицам сказки Мауи, а птицы рассказывали мне сказки моря».)

Беглец прожил так немало лет, пока в сентяб-

ре прошлого года зимний шторм не сокрушил китобойное судно «Элиза» из Нантакета о рифы острова Питт. Вся команда утонула, но наш мистер Уокер, ревностный в погоне за даровыми гинеями, пересек пролив, ища, чем там можно поживиться. Обнаружив на острове признаки обитания и увидев старое каноэ Купаки (каждое каноэ украшается уникальной резьбой), он понял, что нашел нечто ценное для своих соседей-маори. Двумя днями позже большая партия охотников приплыла на островок с большой земли. Аутуа сидел на берегу и наблюдал за их прибытием. Его удивило лишь то, что он увидел своего старого недруга, Купаку, — тот поседел, но был очень даже жив и распевал воинственные песни.

Мой самозваный товарищ по каюте завершил свой рассказ. «Прожорливый пес этого м-ка украл с кухни моику. Издох он, не маори. Да, Купака стегал меня плетью, но он стар и далек от дома, а его мана стала пустой и истощенной. Маори расцветают в войнах, мести и вражде, но мир их убивает. Многие возвращаются в Зеландию. Купака не может, у него там больше нет земли. Потом, на прошлой неделе, мисса Юинг, я увидел вас, и я знаю, вы спасет я, я знаю это».

Четыре удара склянок возвестили утреннюю

вахту, и за моим иллюминатором забрезжил дождливый рассвет. Я немного поспал, но мои молитвы, чтобы с рассветом мориори растворился в воздухе, услышаны не были. Я настоятельно попросил его сделать вид, будто он лишь только что обнаружил себя, и ни словом не обмолвиться о нашем ночном разговоре. Он жестом выразил понимание, но я опасался худшего: индейская смекалка не могла тягаться с въедливостью какого-нибудь Бурхаава.

Я поднялся по трапу («Пророчица» взбрыкивала, словно молодой мустанг) к офицерской кают-компании, постучал и вошел. Мистер Роудрик и мистер Бурхаав внимали капитану Молинё. Прочистив горло, я пожелал всем доброго утра, на что наш дружелюбный капитан ответствовал проклятием: «Оно будет совсем добрым, если вы съе-тесь отсюда, да побыстрее!»

Я невозмутимо спросил, когда у капитана найдется время выслушать известие об индейце-безбилетнике, только что появившемся из бухт канатов, загромождающих «мою так называемую каюту». Во время последовавшего молчания бледное, по-жабьи ороговевшее лицо капитана Молинё приобрело цвет жареной говядины. Прежде чем он разразился проклятиями, я добавил,

что безбилетник, по его утверждению, опытный моряк, и он умоляет позволить ему отработать свой проезд.

Мистер Бурхаав опередил своего капитана с предвиденными мною обвинениями и воскликнул: «На голландских торговых судах пособники безбилетников разделяют их участь!» Я напомнил голландцу, что плывем мы под флагом английским, и озадачил его вопросом: почему же я, если прятал безбилетника под бухтами каната, снова и снова, начиная с вечера четверга, просил убрать их из моей каюты, умоляя, таким образом, чтобы мой «заговор» был раскрыт? Удачное попадание в самый центр мишени распалило во мне храбрость, и я заверил капитана Молинё, что крещеный безбилетник вынужден был прибегнуть к этой крайней мере, чтобы его хозяин, маори, который поклялся съесть его теплую печень (я немного приперчил свою версию происшедшего), не обратил свой нечестивый гнев на его спасителя.

Мистер Бурхаав выругался: «Так что, этот д-ый черномазый хочет, чтобы мы его отблагодарили?» Нет, ответил я, этот мориори просит предоставить ему возможность доказать свою полезность на «Пророчице». «Безбилетник есть

безбилетник, даже если он с-т золотыми самородками! — выплюнул мистер Бурхаав. — Как его зовут?» Не знаю, ответил я, потому что не брал интервью у этого человека, но безотлагательно направился к капитану.

Наконец заговорил капитан Молинё. «Так говорите, опытный моряк первого класса? — Гнев его поостыл при перспективе заполучить ценную пару рабочих рук, в которые не придется отдавать деньги. — Индеец? Где же он просолил свои клейма?» Я повторил, что двухминутного разговора было недостаточно, чтобы узнать его историю, но инстинкт подсказывает мне, что этот индеец — малый честный.

Капитан утер себе бороду. «Мистер Роудрик, сопроводите нашего пассажира вместе с его инстинктом и доставьте их любимца-дикаря к бизань-мачте». Он бросил ключи своему первому помощнику. «Мистер Бурхаав, будьте добры, мое охотничье ружье».

Мы со вторым помощником повиновались. «Рискованное дело, — предостерег меня мистер Роудрик. — Единственным уставом на «Пророчице» является Непостоянство Старика». Другой устав, именуемый Совестью, соблюдается как

lex loci,[17] где только видит Бог, отозвался я. Аутуа ожидал решения своей участи, одетый в хлопчатобумажные брюки, которые я купил в Порт-Джексоне (когда он взобрался на борт «Пророчицы», на нем не было ничего, кроме дикарской набедренной повязки и ожерелья из акульих зубов). Спина его оставалась обнаженной. Обезобразившие ее рваные раны, надеялся я, послужат свидетельством его жизнелюбия и пробудят сострадание в сердцах наблюдателей.

Застенные крысы быстро распространили весть о предстоящей забаве, и большинство матросов собрались на палубе. (Генри, который был бы на моей стороне, все еще оставался в постели, не ведая, какой опасности я подвергаюсь.) Капитан Молинё взглядом измерил мориори вдоль и поперек, словно бы оценивая мула, и обратился к нему так: «Мистер Юинг, которому неизвестно, как ты попал на мое судно, говорит, что ты считаешь себя моряком».

Аутуа отвечал с мужеством и достоинством: «Да, кэп, сэр, два года на китобое «Миссисипи» из Гавра, капитан Масперо, и четыре года на «Роге изобилия» из Филадельфии, капитан Кетон, три

---

[17] Примечания: 17
Местный закон (лат.).

года на одном индийском…»

Перебив Аутуа, капитан Молинё указал на его брюки. «А брюки эти ты слямзил в трюме?» Аутуа чувствовал, что я тоже подвергался испытанию. «Тот христианский джент'мен дал, сэр». Вся команда, следуя за пальцем безбилетника, уставилась на меня, и мистер Бурхаав бросился к щели в моей броне: «Он дал? Когда был вручен сей подарок?» (Я вспомнил афоризм своего тестя: «Чтобы одурачить судью, изображай обаяние, но чтобы провести весь суд, изображай скуку», — и притворился, что извлекаю из глаза соринку.) Аутуа отвечал с достойной всяческих похвал понятливостью: «Десять минут как, сэр, я, нет одежд, этот джент'мен говорит, голый не хорошо, надень это».

«Если ты моряк, — вскинул большой палец наш капитан, — позволь-ка нам посмотреть, как ты спустишь брамсель с этой грот-мачты». При этих словах безбилетник сделался неуверенным и смущенным, и я почувствовал, как сумасшедшая ставка, которую я сделал на слово этого индейца, оборачивается против меня, но Аутуа всего лишь обнаружил подвох. «Сэр, это не грот-мачта, это бизань-мачта, да?» Капитан Молинё бесстрастно кивнул. «Тогда будь любезен спустить брамсель

с бизань-мачты».

Аутуа стал проворно взбираться по мачте, и я начал надеяться, что не все еще потеряно. Только что поднявшееся солнце сияло низко над водой, заставляя нас щуриться. «Зарядите мое ружье и прицельтесь, — приказал капитан мистеру Бурхааву, как только безбилетник миновал гафель спенкера, — стрелять по моей команде!»

Услышав эти его слова, я стал протестовать со всей возможной энергией, упирая на то, что этот индеец получил священное благословение, но капитан Молинё велел мне заткнуться или плыть обратно на Чатемы. Ни один американский капитан не стал бы никого, даже негра, истреблять вот таким гнусным образом! Аутуа достиг самого верхнего рея и пошел по нему с обезьяньей ловкостью, несмотря на сильное волнение моря. Глядя на то, как он распускает парус, один из самых «просоленных» на борту, суровый исландец, трезвый, обязательный и усердный парень, во всеуслышание высказал свое восхищение: «Этот темный такой же соленый, как я, да у него на ногах не ногти, а рыболовные крючки!» Такова была моя благодарность, что я готов был целовать его сапоги. Вскоре Аутуа опустил парус — а это нелегкая операция даже для команды из

четырех человек. Капитан Молинё проворчал что-то одобрительное и велел мистеру Бурхааву опустить ружье. «Но можете нас-ть на меня, если я заплачу безбилетнику хоть бы цент! Он будет отрабатывать свой проезд до Гавайев. Если не станет отлынивать от работы, то там и подпишет договор обычным образом. Мистер Роудрик, он может занять койку испанца, который умер».

Я измочалил все перо, описывая волнения этого дня. Уже слишком темно, ничего не вижу.

Среда, 20 ноября

Сильный восточный бриз, очень соленый и гнетущий. Генри провел обследование, и у него печальные известия, хотя не самые печальные. Мой Недуг вызван паразитом, Gusano coco cervello. Этот червь является эндемическим как для Меланезии, так и для Полинезии, но стал известен науке лишь в последние десять лет. Он водится в зловонных канавах Батавии, которые, вне сомнения, стали источником моего заражения. Попав в желудок, он пробирается по сосудам носителя к его мозгу, к переднему мозжечку. (Вот откуда мои мигрени и головокружение.) Внедрившись в мозг, он входит в фазу размножения. «Вы реалист, Адам, — сказал мне Генри, — так что не стану подслащать вам пилюлю. Как только вылупляются личинки Паразита, мозг жертвы становится как цветная капуста. Гнилостные газы заставляют барабанные перепонки и глазные яблоки выпячиваться, пока они не лопнут, выпуская на свободу облако спор Gusano coco».

Так звучит мой смертный приговор, но сейчас для меня наступает время приостановки его исполнения и подачи апелляции. Смесь мочевин-

ной щелочи и марганца Ориноко обратит моего Паразита в известь, а миррис лафридиктик его дезинтегрирует. В «аптеке» Генри эти компоненты имеются, но первостепенное значение имеет точная дозировка этого вермицида.[18] Если принимать меньше полдрахмы, то от Gusano coco не очиститься, но большая доза, излечив пациента, убивает его. Мой доктор предупреждает меня, что когда Паразит умирает, то его ядовитые мешочки лопаются и выделяют свое содержимое, так что прежде чем наступит полное выздоровление, я буду чувствовать себя еще хуже.

Генри предписал мне ни словом не выдавать своего состояния, ибо гиены, подобные Бурхааву, обманывают невежественных и легко внушаемых матросов, и те могут выказать враждебность к заболеваниям, которые им неизвестны. («Однажды я слышал о матросе, у которого появились признаки проказы через неделю после отплытия из Макао в долгий обратный рейс на Лиссабон, — вспомнил Генри, — и вся команда столкнула несчастного за борт, ничего не желая слушать».) Во время моего выздоровления Генри будет поддерживать слух, что у мистера Юинга легкая

---

[18] Примечания: 18
Вермицид — глистогонное средство.

лихорадка, вызванная климатом, и сам будет за мной ухаживать. Когда я упомянул о его вознаграждении, Генри возмутился. «Вознаграждение? Вы же не какой-то там выскочивший из ума виконт, чьи подушки набиты банкнотами! Провидение вверило вас моему попечению, ибо я сомневаюсь, что хотя бы пятеро человек в этом синем океане могут вас излечить! Так что проявите милость, не поминайте о вознаграждении! Стыдно! Все, о чем я прошу, дорогой мой Адам, — будьте послушным пациентом! Будьте любезны, примите мои порошки и удалитесь к себе в каюту. Загляну к вам после последней полувахты».

Доктор мой — неграненый алмаз чистой воды. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, на глаза у меня наворачиваются слезы благодарности.

Суббота, 30 ноября

Порошки Генри — поистине чудодейственное снадобье. Я вдыхаю драгоценные крупицы с ложечки слоновой кости, и в этот миг ослепительная радость опаляет все мое существо. Все чувства обостряются, однако тело как бы впадает в Лету. Паразит мой все еще корчится по ночам, вызывая болезненные спазмы, и меня посещают непристойные и чудовищные видения. «Это явный признак того, — утешает меня Генри, — что ваш червь реагирует на наше средство и ищет укрытия в ваших церебральных каналах, откуда являются видения. Тщетно прячется Gusano coco, дорогой Адам, тщетно! Мы его достанем!»

Понедельник, 2 декабря

Днем мой гроб раскаляется как печь, и эти страницы увлажняются моим потом. Тропическое солнце разбухает и заполняет собой полуденное небо. Матросы работают полуобнаженными — на них соломенные шляпы, а торсы почернели от загара. Из обшивки сочится расплавленная смола, прилипая к подошвам. Дождевые шквалы возникают из ниоткуда и с той же быстротой исчезают, так что палуба, пошипев, через минуту высыхает снова. В ртутном море подрагивает португальский военный кораблик,[19] летучие рыбы околдовывают наблюдателя, и охряные тени рыб-молотов кружат вокруг «Пророчицы». Чуть раньше я наступил на кальмара, перебросившегося через фальшборт! (Глаза и клюв его напомнили мне моего тестя.) Вода, которой мы запаслись на острове Чатем, теперь протухла, и без примеси бренди желудок мой ее не принимает. Когда не играю в шахматы с Генри в его каюте или кают-компании, то отдыхаю в своем гробу,

---

[19] Примечания: 19

Португальский военный кораблик — медуза физалия из подкласса сифонофор, один из самых опасных обитателей моря.

пока Гомер не убаюкивает меня, навевая сны под вздутыми афинскими парусами.

Вчера в дверь моего гроба постучался Аутуа — поблагодарить меня за то, что я спас его голову. Сказал, что он у меня в долгу (это так и есть) вплоть до самого того дня, когда он спасет мою жизнь (может, такого дня никогда не настанет!). Я спросил, как он относится к своим новым обязанностям. «Лучше, чем быть рабом у Купаки, мисса Юинг». Однако, осознав мой страх перед тем, что кто-нибудь станет свидетелем нашего разговора и донесет капитану Молинё, мориори вернулся к себе в кубрик и с тех пор моего общества не искал. Как предостерегает меня Генри: «Одно дело — бросить черномазому кость, и совсем другое — впустить его в свою жизнь! Дружба между расами, Юинг, не должна переходить рамок привязанности между преданным охотничьим псом и его хозяином».

По ночам, прежде чем лечь спать, мы с моим доктором любим прогуляться по палубе. Вдыхать более прохладный воздух — уже это доставляет нам удовольствие. Взгляд теряется в просторах фосфоресцирующего моря и в звездной Миссисипи, струящейся по небесам. Прошлой ночью матросы собрались на баке, сплетая при свете фо-

наря лини из конопли, чтобы потом изготовить канаты, и запрет на «сверхштатное скопление» на баке, кажется, не действовал. (После инцидента с Аутуа «мистера Щелкопера» презирают куда меньше, да и сам эпитет звучит реже.) Бентнейл пропел десять куплетов из разных борделей мира, настолько грязных, что они обратили бы в бегство самого развратного сатира. Генри выдал одиннадцатый (о Мэри О'Хэри из Инверэри), от которого мои уши еще сильнее свернулись в трубочку. Следующим принудили выступать Рафаэля. Он с опасностью для жизни уселся на поручень и не поставленным, но душевным и искренним голосом пропел вот эти строки:

К тебе стремлюсь я, Шенандоа,
Душа к тебе лететь готова.
Пробьюсь к тебе сквозь тьму и бури,
Пересечем мы и Миссури.

Пленен я дочерью твоею,
Давно мечту о ней лелею.
Плывет корабль, трепещут снасти,
Но парусам ничто ненастье.

Мы пред Миссури не спасуем,

Корабль до дрожи забрасуем.
О Шенандоа, твой навеки,
Преодолею я все реки.

Молчание, воцарившееся среди грубых моряков, — это большая похвала, чем любой панегирик от знатока. Откуда бы Рафаэлю, пареньку, родившемуся в Австралии, знать наизусть американскую песню? «Я не знал, что это песня янки, — неловко сказал он в ответ. — Меня ей незадолго до смерти обучила мама. Это единственное, что у меня от нее осталось. Она у меня в самом сердце». Он порывисто вернулся к работе. Мы с Генри вновь почувствовали враждебность, излучаемую занятыми людьми к бездельникам рядом с ними, так что почли за благо предоставить моряков их занятиям.

Перечитывая свою запись от 15 октября, когда я впервые увидел Рафаэля

Письма из Зедельгема

Шато Зедельгем, Неербеке
Западная Фландрия
29-VI-1931

Сиксмит,

Мне снилось, будто я стою в китайской лавке, от пола до высокого потолка загроможденной полками с античным фарфором и т. д., так что пошевели я хоть единой мышцей, несколько из них упали бы и разбились вдребезги. Именно это и случилось, но вместо сокрушительного грохота раздался величественный аккорд, исполненный наполовину виолончелью, наполовину челестой, до-мажор (?), продлившийся четыре такта. Сбил запястьем с подставки вазу эпохи Мин — ми-бемоль, целая струнная фраза, великолепная, трансцендентная, ангелами выплаканная. Теперь уже преднамеренно, ради следующей ноты, разбил статуэтку быка, потом — молочницу, потом — дитя Сатурна: воздух наполнила шрапнель, а мою голову — божественные гармонии. Ах, что за музыка! Мельком видел, как отец, поблескивая пером, подсчитывает стоимость разбитых предметов, но должен был поддерживать рождение

музыки. Знал, что стал бы величайшим композитором столетия, если бы только сумел сделать эту музыку своей. Жуткий «Смеющийся кавалер»,[20] которого я швырнул в стену, запустил колоссальную группу ударных.

Проснулся у себя в номере, в «Западном императале», когда сборщики Тэма Брюера почти уже вышибали мою дверь и в коридоре чувствовалось великое волнение. Даже не подождали, пока я побреюсь, — дух захватывает от вульгарности этих негодяев. Не имел другого выбора, кроме как быстро удалиться через окно ванной, пока привлеченный грохотом управляющий не обнаружил, что джентльмен из номера 237 не располагает средствами для выравнивания своего возросшего ныне баланса. С прискорбием извещаю, что побег без сучка без задоринки не удался. Водосточная труба вырвалась из своего крепежа с шумом терзаемой скрипки, и твой старый приятель повалился вниз, вниз, вниз. Правая ягодица — сплошной чертов синяк. Маленькое чудо — это то, что я не раздробил себе позвоночник и не был насажен на штыри ограды. Так что мотай на ус, Сиксмит. Будучи неплате-

[20] Примечания: 20

«Смеющийся кавалер» («Портрет офицера») — написанная в 1624 г. картина голландского художника Франса Хальса (1581/1585–1666).

жеспособным, пакуйся минимально и пользуйся чемоданом достаточно прочным, чтобы его можно было сбросить на лондонскую мостовую из окна второго или третьего этажа. Настаивай на том, чтобы номер в отеле был не выше. Спрятавшись в чайной, укрытой в закопченном уголке вокзала «Виктория», пытался записать музыку из китайской лавки сновидений — и не смог продвинуться дальше жалкой пары строк. Надо было бы отправиться в лапы Тэма Брюера только затем, чтобы заполучить эту музыку обратно. Настроение мерзкое. Вокруг — сплошь трудяги с плохими зубами, попугайскими голосами и ничем не обоснованным оптимизмом. Как же отрезвляет мысль о том, что одна только проклятая ночь игры в баккара может так необратимо изменить твое социальное положение! У этих магазинных рабочих, таксистов и торговцев куда больше полукрон и трехпенсовиков, припрятанных в их прокисших дешевых матрасах, чем у меня, Сына Духовного Имярека. Вид на аллею: подавленные жизнью писцы, мечущиеся, как тридцать вторые в бетховенском аллегро. Боюсь их? Нет, боюсь стать одним из них. Какой прок от образования, воспитания и таланта, если у тебя нет даже ночного горшка?

Все еще не могу в это поверить. Я, воспитанник колледжа Кая, балансирующий на грани нищеты. В приличные отели меня теперь не пускают, чтобы я не испачкал их вестибюлей. В неприличных отелях требуют наличных. Меня не подпускают ни к одному респектабельному игорному столу по эту сторону Пиренеев. В общем, я суммировал свои возможности:

(I) Тратить ничтожные деньги на грязную комнатку в меблирашке, выпрашивать по нескольку гиней у «Дядюшки Сесила Лимитед», обучать жеманных миссочек гаммам, а желчных старых дев — технике. Ну и ладно. Если бы я мог изображать любезность перед остолопами, я бы по-прежнему подтирал задницу профессора Макерраса наряду с бывшими своими соучениками. Нет, прежде чем ты это скажешь, я не могу прибежать обратно к папику с еще одним cri de coeur.[21] Кивать любому ядовитому словцу, которое он отпустит в мой адрес? Да лучше уж спрыгнуть с моста Ватерлоо, испытав унижение от матушки-Темзы! Я серьезно.

(II) Охотиться на людей из Кая, умасливать их и тем добиваться приглашения остаться с ними на

---

[21] Примечания: 21
Криком души (фр.).

лето. Проблематично — по той же причине, что и (I). Как долго смогу я утаивать свой голодающий бумажник? Как долго смогу отводить от себя их жалость, их когти?

(III) Наведываться к букмекерам — но что, если я проиграю?

Тебя, Сиксмит, так и подмывает напомнить, что я сам навлек на себя все это, но стряхни-ка с плеч эту буржуазную шелуху и останься со мной чуть дольше. Поверх запруженной народом платформы донесся голос кондуктора — дескать, поезд до Дувра на корабль в Остенде задерживается на тридцать минут. Этот кондуктор был моим крупье, приглашающим меня либо удвоить ставку, либо прекратить игру. Стоит только замереть, заткнуться и вслушаться — как на тебе, пожалуйста, мир сам отсеет тебе нужную идею, особ. на закопченном лондонском вокзале. Залпом допил свой отдающий мылом чай и направился через вестибюль к билетным кассам. Обратный билет в Остенде был слишком дорог — настолько ужасным стало мое положение, — так что пришлось обойтись билетом в одну сторону. Уселся в свой вагон, как только свисток локомотива выпустил рой флейтовых фурий. Сразу же и тронулись.

Теперь раскрою свой план, внушенный ста-

тейкой в «Таймс» и долгими пьяными грезами в номере «Савоя». На задворках Бельгии, южнее Брюгге, живет отшельником английский композитор по имени Вивиан Эйрс. Ты, будучи музыкальным недотепой, не мог о нем слышать, но он — один из великих. Единственный британец своего поколения, отвергнувший помпезность, пышность, невежественность и обаяние. Из-за болезни — он наполовину слеп и едва в состоянии держать перо — не написал ничего нового с начала двадцатых, но в отзыве «Таймс» о его «Светском магнификате» (исполненном на той неделе в Сент-Мартин-холле) говорится о полном ящике неоконченных произведений. Мой сон наяву был о том, чтобы отправиться в Бельгию, убедить Вивиана Эйрса, что ему необходимо нанять меня в качестве секретаря, принять его предложение меня обучать, пробиться сквозь музыкальную твердь, завоевать славу и состояние, соразмерные моим дарованиям, и вынудить папика признать, что да, сын, которого он лишил наследства, — это тот самый Роберт Фробишер, величайший британский композитор своего времени.

А почему нет? Ничего лучше не пришло в голову. Ты, Сиксмит, ворчишь, я знаю, и качаешь

головой, но ты же и улыбаешься, за что я тебя и люблю. Не отмеченная никакими событиями поездка к Ла-Маншу… зловредные пригороды, докучная сельская местность, унавоженный Суссекс. Набитый большевиками Дувр — подлинный ужас: прославленные поэтами утесы, столь же романтичные, как моя задница, и сходного оттенка. Обменял в порту последние шиллинги на франки и получил каюту на борту «Кентской королевы», ржавой посудины, достаточно старой на вид, чтобы принимать участие в Крымской кампании. Разошелся во мнении с молодым стюардом — нос картошкой, — что его бургундская униформа и неубедительная бороденка заслуживают чаевых. Тот окинул презрительным взглядом мой чемодан и папку для бумаг («Умно с вашей стороны, сэр, путешествовать налегке») и предоставил мне копаться во всем дерьме самому. Что мне очень подходит.

Обед состоял из резинового цыпленка, рыхлой картошки и ублюдочного кларета. Компанию за столом мне составил мистер Виктор Брайант, посудный лордик из Шеффилда. Ни малейшей музыкальной жилки. Большую часть времени распространялся о ложках, ошибочно принял мою вежливость за интерес и не сходя с места

предложил мне работу в своем отделе продаж! Можешь ты в это поверить? Поблагодарил его (стараясь не рассмеяться) и признался, что скорее проглочу любую столовую утварь, чем когда-либо стану ею торговать. Три мощных гудка туманного сигнала, двигатели изменили тембр, я почувствовал, что корабль отчаливает, и вышел на палубу посмотреть, как Альбион исчезает в пронизанной моросью тьме. Пути обратно теперь нет; последствия того, что я сделал, наконец осознаны в полной мере. Р. В. У. дирижировал Оркестром Воображения, исполнявшим «Морскую симфонию»: «Плыви вперед и правь лишь на глубины, Душа, что дерзновенна и отважна, С тобою я, а ты со мной пребудешь».[22] (Не очень-то ценю эту вещь, но замысел неплох.) Ветер Северного моря бросал меня в дрожь, брызги вылизывали с ног до головы. Лоснящиеся черные воды призывали в них броситься. Отмахнулся. Улегся рано, листал «Контрапункты» Нойеса, прислушивался к отдаленной меди моторного отсека и набрасывал

[22] Примечания: 22

Р. В. У. дирижировал Оркестром Воображения, исполнявшим «Морскую симфонию»: «Плыви вперед и правь лишь на глубины…» — Имеется в виду цикл песен «Морская симфония» (1910) британского композитора Ральфа Воэна Уильямса (1872–1958), написанный на стихи Уолта Уитмена (1819–1892); цитируется заключительная часть хоральной симфонии, «Путешествие более чем в Индию», основанная на последней части уитменовской поэмы «Путешествие в Индию» (1871, 1881).

повторяющийся пассаж для тромбона, основанный на корабельном ритме, но это был сплошной мусор, а потом, угадай-ка, кто постучался ко мне в дверь? Стюард с картофельным носом, у которого окончилась смена. Дал ему нечто большее, чем чаевые. Не Адонис, костлявый, но для своего положения довольно изобретательный. Потом выставил его и уснул мертвым сном. Какая-то часть меня хотела, чтобы путешествие никогда не окончилось.

Но оно-таки окончилось. «Кентская королева» скользнула в раскинутую над грязными водами кривозубую сестру-двойняшку Дувра, Остенде, Даму Сомнительных Добродетелей. Ранним-ранним утром, когда европейский храп перекатывался глубоко ниже басовых туб. Увидел первых своих аборигенов-бельгийцев, перетаскивающих упаковочные клети, спорящих и даже думающих по-фламандски, по-голландски, не знаю. Быстрехонько упаковал чемодан, боясь, что корабль может отправиться обратно в Англию, а я все еще буду на борту, точнее, боясь, что позволю такому случиться. Ухватил кое-что из фруктовой чаши камбуза первого класса и рванул по сходням, прежде чем меня задержал кто-нибудь в форме, украшенной галунами. Сту-

пил на континентальный макадам[23] и спросил у таможенника, где найти вокзал. Он указал на стонущий трамвай, набитый плохо питающимися женщинами, рахитом и нищетой. Предпочел добираться на своих двоих, моросит там или не моросит, Остенде — сплошь оттенки крахмально-серого и грязно-коричневого. Признаюсь, подумал, что Бельгия слишком тупая страна, чтобы в нее спешить. Купил билет до Брюгге и вскарабкался на следующий поезд — там нет платформ, можешь поверить? — ветхий, совершенно пустой поезд. Перебрался в другое купе, потому что в моем стоял неприятный запах, но везде смердело одинаково. Чтобы очистить воздух, курил сигареты, выпрошенные у Виктора Брайанта. В свисток станционный смотритель дунул вовремя, а локомотив, прежде чем тяжело двинуться, весь напрягся, словно подагрик-проктор[24] на горшке. Вскоре довольно быстрой старческой походкой он стал пробираться через туманный ландшафт, состоящий из заброшенных дамб и изуродованного кустарника.

Если мой план принесет плоды, то ты, Сикс-

---

[23] Примечания: 23
Макадам — щебеночное покрытие.

[24] Примечания: 24
Проктор — надзиратель в Кембридже и Оксфорде.

мит, сможешь оч. скоро приехать в Брюгге. Когда соберешься, прибывай в этот гноссиенский час[25] — в шесть утра. Затеряйся среди рахитичных улочек города, слепых каналов, кованых железных ворот, пустынных дворов — могу я продолжать? что ж, спасибо, — среди хитрых готических черепах, крыш, похожих на Арарат, поросших кустарником кирпичных шпилей, средневековых выступов, белья, свисающего из окон, притягивающих взгляд водоворотов, скованных булыжником, заводных принцев и покрытых щербинками принцесс, отбивающих часы, темно-коричневых голубей и трех-четырех комплектов из восьми колоколов: некоторые сдержанны, а некоторые искрятся весельем. Аромат свежего хлеба привел меня в булочную, где изуродованная женщина без носа продала мне дюжину рогаликов. Хотел обойтись одним, но подумал, что у нее и без того хватает проблем. Погромыхивая, из дымки показалась повозка старьевщика, и беззубый возчик дружелюбно ко мне обратился, но я в ответ мог сказать только:

---

[25] Примечания: 25

Гноссиенский — от «Трех гноссиен» (1893), сочинения французского композитора Эрика Сати (1866–1925).

«Excusez-moi, je ne parle pas flamand»[26] — что заставило его расхохотаться, как короля гоблинов. Дал ему рогалик. Грязная его лапа была точно клешня, покрытая паршой. В бедном районе (где переулки провоняли миазмами) дети помогали матерям качать насосы, наполняя разбитые кувшины коричневатой водой. В конце концов возбуждение, совсем меня измотав, улеглось; чтобы слегка передохнуть, уселся на ступеньки умирающей ветряной мельницы, укутался сыростью и уснул.

Далее какая-то ведьма расталкивала меня рукоятью метлы, хрипло вереща что-то вроде: «Zie gie doad misschien?»,[27] — но здесь меня не цитируй. Голубое небо, теплое солнце и ни единой струйки тумана на виду. Воскресший, я предложил ей рогалик, часто моргая. Она приняла его недоверчиво, сунула в фартук на потом и снова принялась мести, бормоча какие-то древние прибаутки. Полагаю, мне повезло, что меня не ограбили. Еще один рогалик разделил с пятью тысячами голубей, что вызвало зависть у нищего, так что один пришлось дать и ему. Прошел обратно по пути,

---

[26] Примечания: 26
Простите, я не говорю по-фламандски (фр.).

[27] Примечания: 27
Ты что, умер, что ли? (искаж. флам.).

которым мог туда явиться. В некоем странном пятиугольном окне пышная, как бы кремовая дева расставляла букет цветов в вазе граненого стекла. Девушки чаруют по-другому. Попробуй их как-нибудь. Постучал в окно, спросил по-французски, не спасет ли она мне жизнь, в меня влюбившись. Помотала головой, но улыбка была довольной. Спросил, где могу найти полицейский участок. Она указала на другую сторону перекрестка. Своего брата музыканта можно вычислить где угодно, даже среди полицейских. С безумными глазами, непокорными вихрами, либо кожа да кости, либо добродушно-дородный. Этот франкофон, играющий на английском рожке и состоящий в местном оперном обществе инспектор слышал о Вивиане Эйрсе и любезно нарисовал мне карту до Неербеке. За эти сведения заплатил ему двумя рогаликами. Он спросил, привез ли я с собой свой английский автомобиль — его сын без ума от «остинов». Сказал, что автомобиля у меня нет. Это его встревожило. Как же я доберусь до Неербеке? Туда не ходит автобус, нет железнодорожной ветки, а двадцать пять миль — это черт знает что за прогулка. Спросил у полисмена, не могу ли я на неопределенное время одолжить у него какой-нибудь велосипед. Сказал мне, что тот в высшей

степени разболтан. Заверил его, что я и сам в высшей степени разболтан, и вкратце изложил свою миссию у Эйрса, у известнейшего приемного сына Бельгии (их, должно быть, так мало, что это даже могло быть правдой), служащего европейской музыке. Повторил свою просьбу. Иной раз неправдоподобная правда служит человеку лучше, чем правдоподобная выдумка. Честный сержант отвел меня на склад всякой всячины, где потерянные вещи несколько месяцев ожидали своих правомочных владельцев (прежде чем оказаться на черном рынке), — но первым делом ему хотелось узнать мое мнение о своем баритоне. Выдал мне взрыв из «I Pagliacci»: «Recitar!.. Vesti la giubba!».[28] (Довольно приятный голос на нижних регистрах, но ему надо работать над дыханием, а его вибрато дрожит, как закулисный имитатор грома.) Дал ему несколько музыкальных советов, получил во временное пользование «энфилд» викторианских времен плюс веревку, чтобы надежно приторочить чемодан и папку к седлу и заднему крылу. Он пожелал мне счастливого пути и хорошей погоды.

Адриан никогда не совершал марш вдоль до-

---

[28] Примечания: 28
«Паяцев»: «Играть!.. Наряжайся!» (ит.).

роги, по которой я ехал на велосипеде из Брюгге (слишком далеко внутрь гуннской территории),[29] но я тем не менее ощущал близость к брату в силу того, что дышал тем же воздухом той же земли. Долина плоска, как Фены,[30] но выглядит плохо. По пути я подкреплялся оставшимися хлебцами и останавливался у бедных коттеджей, спрашивая чашку воды. Никто не говорил много, но никто и не говорил «нет». Из-за встречного ветра и постоянно соскальзывавшей цепи уже едва ли не вечерело, когда я наконец добрался до Неербеке — деревни, где живет Эйрс. Молчаливый кузнец показал мне, как добраться до шато Зедельгем, дополнив мою карту при помощи карандашного огрызка. Тропа с растущими посредине колокольчиками и льнянками провела меня мимо заброшенного жилого дома к некогда величавой аллее, обсаженной итальянскими тополями почтенного возраста. Зедельгем внушительнее нашего дома приходского священника, и западное крыло его украшают несколько осыпающихся башенок, но он не идет ни в какое

---

[29] Примечания: 29

Адриан (76–138) — римский император, создавший на границах империи систему оборонительных валов.

[30] Примечания: 30

Фены (Fens) — низменная приморская область в Восточной Англии.

сравнение с Одли-Эндом или загородной резиденцией Кэпон-Тенча. На низком холме, увенчанном потерпевшим крушение буком, углядел гарцевавшую на лошади девушку. Прошел мимо садовника, рассыпавшего сажу, борясь против слизняков в огороде. Во дворе перед домом мускулистый лакей чистил плосконосый «коули». Увидев мое приближение, он поднялся и стал ждать. На террасе, устроенной в углу этого фриза, под пенистой глицинией слушал радио человек в кресле-каталке. Вивиан Эйрс, предположил я. Легкая часть моего сна наяву закончилась.

Прислонив велосипед к стене, сказал лакею, что у меня дело к его хозяину. Он был достаточно вежлив — провел меня к террасе Эйрса и по-немецки объявил о моем прибытии. Эйрс казался не более чем пустым стручком, словно болезнь высосала из него все соки, но я остановился и преклонил колено посреди усыпанной золой тропы, как сэр Персиваль перед королем Артуром. Увертюра наша проходила примерно так.

— Добрый день, мистер Эйрс.

— Кто, черт возьми, вы такой?

— Это великая честь…

— Я сказал: «Кто, черт возьми, вы такой?»

— Роберт Фробишер, сэр, из Сэффрон-Уолдена.

Являюсь… то есть был… учеником сэра Тревора Макерраса в колледже Кая и проделал весь путь из Лондона, чтобы…

— Весь путь из Лондона на велосипеде?

— Нет. Велосипед я одолжил у одного полицейского в Брюгге.

— В самом деле? — Он задумчиво помедлил. — Заняло, должно быть, не один час.

— Дело любви, сэр. Как у паломников, которые на коленях лезут в гору.

— Что еще за вздор?

— Я хотел доказать, что я серьезный соискатель.

— Серьезный соискатель чего?

— Места вашего секретаря.

— Вы сумасшедший?

Этот вопрос на деле всегда замысловатее, чем кажется.

— В этом я сомневаюсь.

— Слушайте, я не давал объявлений, что мне требуется секретарь!

— Знаю, сэр, но вам он нужен, пусть даже вы об этом еще не знаете. В «Таймс» писали, что вы не можете сочинять новых произведений из-за болезни. Я не могу допустить, чтобы ваша музыка была потеряна. Она слишком, слишком

драгоценна. Поэтому я здесь, чтобы предложить вам свои услуги.

Что ж, по крайней мере, с порога он меня не выставил.

— Как, вы сказали, вас зовут?

Я назвался.

— Одна из мимолетных звездочек Макерраса, так, что ли?

— Откровенно говоря, сэр, он меня ненавидит.

Как ты узнал уже на собственной шкуре, я, когда постараюсь, могу быть весьма интригующим.

— Ненавидит? Вас? Как такое может быть?

— В журнале колледжа я назвал его Шестой концерт для флейты «рабским подражанием самым цветистым местам у неполовозрелого Сен-Санса».[31] Он воспринял это чересчур лично.

— Вы написали этакое о Макеррасе? — Эйрс дышал с присвистом, словно ему пилили ребра. — Конечно, он воспринял это лично!

Продолжение будет кратким. Лакей проводил меня в гостиную, украшенную цветами из тончайшего фарфора, скучной мешаниной овец и

---

[31] Примечания: 31

Сен-Санс, Камиль (1835–1921) — французский композитор, пианист, дирижер, музыкальный критик, автор симфонической поэмы «Пляска смерти» (1874), оперы «Самсон и Далила» (1876), инструментальной фантазии «Карнавал животных» (1886) и др.

копен пшеницы, а также посредственным голландским пейзажем. Эйрс послал за своей женой, миссис ван Утрив де Кроммелинк. Она сохранила свое собственное имя, а с таким именем кто может ее в чем-нибудь винить? Хозяйка дома с холодной вежливостью расспрашивала меня о моем происхождении и биографии. Отвечал правдиво, хотя завуалировал свое изгнание из колледжа Кая некоей туманной болезнью. О нынешних своих финансовых трудностях не обмолвился ни словом — чем отчаяннее случай, тем неохотнее дают. В достаточной мере их очаровал. Договорились, что я, по крайней мере, смогу переночевать в Зедельгеме. Утром Эйрс испытает мои музыкальные способности и что-то решит касательно моего предложения.

За обедом, однако, Эйрс не появился. Мое прибытие совпало с началом его регулярной — дважды в месяц — мигрени, которая не дает ему покидать его комнаты день или два. Мое прослушивание было отложено до того времени, пока ему не станет лучше, так что судьба моя по-прежнему пребывает в неустойчивом равновесии. Что до кредита, то портер и лобстер по-американски не уступали ничему, что было в «Империале». Разговорил свою хозяйку — думаю,

ей польстило, как много я знаю о ее выдающемся муже, — и она ощутила мою подлинную любовь к музыке. Ах да, за столом с нами была и дочь Эйрса, та юная наездница, которую я мельком видел раньше. Мадемуазель Эйрс — увлекающееся верховой ездой создание семнадцати лет от роду со вздернутым, как у мамы, носиком. За весь вечер не смог добиться от нее ни единого цивильного слова. Уж не узрела ли она во мне ловкого английского нахлебника, охотника за удачей, появившегося здесь, чтобы завлечь ее болезненного отца в великолепное бабье лето, куда ей нет ходу и где ее никто не ждет? Люди слишком сложны.

Уже за полночь. Весь шато спит, да и мне пора.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
6-VII-1931

Телеграмма, Сиксмит? Ты осел!

Не присылай их больше, я тебя умоляю, — телеграммы привлекают внимание! Да, я по-прежнему за границей, да, недоступен для костоломов Брюера. Из письма моих родителей с просьбой сообщить, где я, сделай бумажный кораблик и пусти его вниз по Кэму. Папик «обеспокоен» только потому, что его трясут мои кредиторы, дабы посмотреть, не облетит ли с семейного дерева сколько-то банкнот. Однако долги лишенного наследства сына — это дело одного только сына и никого больше: поверь мне, я заглядывал в законы. А мамик отнюдь не «безумна». Безумной она может сделаться только из-за перспективы полного опустошения графина.

Прослушивание мое имело место в музыкальной комнате Эйрса, позавчера, после ленча. Потрясающего успеха, мягко говоря, не имел. И теперь не знаю, как много дней здесь пробуду — или же как мало. Должен признаться, что ощутил некоторый холодок, заранее усевшись

на фортепьянный стул самого Вивиана Эйрса. Этот восточный ковер, видавший виды диван… Бретонские буфеты, забитые пюпитрами, рояль «Бёзендорфер», карильон — все они были свидетелями зачатия и рождения «Вариаций на тему матрешки» и его песенного цикла «Острова Общества». Погладил ту самую виолончель, на которой впервые прозвучал «Untergehen Violinkonzert».[32] Услышав, как Хендрик подкатывает своего хозяина, прекратил озираться и уставился в дверной проем. Эйрс оставил без внимания мою фразу («Очень надеюсь, что вы поправились, мистер Эйрс»), и его лакей оставил его перед окном, выходящим в сад.

— Ну? — спросил он, после того как мы с полминуты пробыли наедине. — Валяйте. Произведите на меня впечатление.

Спросил, что ему хотелось бы услышать.

— Так я и программу должен вам выбрать? Ладно, вы освоили «Трех слепых мышек»?

Так что я уселся за «Бёзендорфер» и стал играть этому сифилитическому чудику «Трех слепых мы-

---

[32] Примечания: 32
«Гибель: Концерт для скрипки» (нем.).

шек», в манере язвительного Прокофьева.[33] Эйрс никак не отозвался. Продолжил в более мягком стиле — «Ноктюрном» Шопена[34] в тональности фа-мажор. Он перебил меня, проскулив:

— Пытаетесь меня разжалобить, а, Фробишер?

Заиграл «Вариации на тему Лодовико Ронкалли»[35] самого В. Э., но, прежде чем отзвучали два первых такта, он трехэтажно выругался, ударил по полу тростью и сказал:

— Потакание самому себе ослепляет, разве не учили вас этому в колледже Кая?

Проигнорировал это и закончил пьесу нота в ноту. Для завершения фейерверка рискнул взяться за 212-ю сонату Скарлатти[36] в тональности ля-мажор, этакий bête noire[37] исполнителей: арпеджио и музыкальная акробатика. Раз или два

---

[33] Примечания: 33

Прокофьев, Сергей Сергеевич (1891–1953) — композитор-новатор, пианист, дирижер, на раннем этапе творчества близкий к антиромантическим идеям русского авангарда; в 1918–1933 гг. жил за рубежом. Автор опер «Игрок» (1916), «Любовь к трем апельсинам» (1919), «Огненный ангел» (1927), «Война и мир» (1943; вт. ред. 1952), балета «Ромео и Джульетта» (1936), симфонической сказки «Петя и волк» (1936), кантаты «Александр Невский» (1939) и др.

[34] Примечания: 34

Шопен, Фридерик (1810–1849) — польский композитор и пианист, с 1831 г. жил в Париже. По-новому истолковал многие жанры: возродил на романтической основе прелюдию, создал фортепьянную балладу, драматизировал танцы — мазурку, полонез, вальс.

[35] Примечания: 35

Лодовико Ронкалли (1660?-1720?) — итальянский гитарист и композитор.

[36] Примечания: 36

Скарлатти, Алессандро (1766–1825) — итальянский композитор, родоначальник и крупнейший представитель неаполитанской оперной школы.

[37] Примечания: 37

Предмет ненависти, отвращения (фр.).

прокололся, но прежде меня никогда не прослушивали как концертного солиста. После того как я закончил, В. Э. продолжал покачивать головой в ритме исчезнувшей сонаты, а может, просто вторил нечетким качающимся тополям.

Меня огорчило бы, но не удивило, если бы я от него услышал: «Отвратительно, Фробишер, сей момент убирайтесь из моего дома!» Вместо этого он признал:

— Что ж, у вас могут быть задатки музыканта. Чудесный сегодня день. Пройдитесь к озеру, посмотрите на уток. Мне надо, о, немного времени, чтобы решить, могу я или нет найти применение вашему… дару.

Ушел, не промолвив ни слова. Кажется, старый козел во мне нуждается, но у меня совсем плохо обстоит дело с благодарностью. Если бы мой бумажник позволял мне уехать, я нанял бы такси обратно в Брюгге и отказался бы ото всей сумасбродной идеи странствующего рыцаря. Он сказал мне вслед:

— Один совет, Фробишер, gratis.[38] Скарлатти играл на клавире, а не на пианино. Не надо его так уж разукрашивать, и не пользуйтесь педа-

---

[38] Примечания: 38
Бесплатно (лат.).

лью, чтобы вытянуть те ноты, которых не можете взять пальцами.

Я отозвался в том смысле, что мне надо, о, немного времени, чтобы решить, могу я или нет найти применение его дару.

Пересек двор, где садовник со свекольным лицом чистил заросший водорослями фонтан. Заставил его понять, что мне требуется поговорить с его хозяйкой, да побыстрее (он туп, как черенок садовой лопаты), и он неопределенно махнул рукой в сторону Неербеке, изображая рулевое колесо. Чудесно. Что теперь? Посмотреть на уток, а почему бы и нет? Можно бы придушить парочку и оставить их висеть в платяном шкафу В. Э. Да, настолько мрачным было у меня настроение. Так что я жестами изобразил уток и спросил у садовника: «Где?» Он указал на бук: «Ступай туда, это сразу по ту сторону». Туда я и отправился, перепрыгнув через запущенную низкую изгородь, но, прежде чем достиг гребня, меня достиг звук галопа и на своем черном пони наверх поднялась мисс Ева ван Утрив де Кроммелинк — в дальнейшем хватит просто «старушки Кроммелинк», иначе у меня кончатся чернила.

Я ее поприветствовал. Она гарцевала вокруг

меня, как королева Боадицея,[39] подчеркнуто не отзываясь.

— Как же сегодня влажно, — саркастическим тоном пустился я в светскую болтовню. — Я склонен думать, что позже пойдет дождь, вы согласны?

Она ничего не сказала.

— Ваша одежда лучше, чем ваши манеры, — сказал я.

Ничего. За полями затрещали выстрелы, и Ева успокоила свою лошадку. Лошадь ее — сущая красавица, никто ни в чем не может обвинять лошадь. Я спросил у Евы, как зовут пони. Она отвела со щек черные спиральки локонов.

— J'ai nommé le poney Néfertiti, d'après cette reine d'Egypte qui m'est si chère,[40] — ответила она и отвернулась.

— Оно разговаривает! — воскликнул я и проследил за ее галопом, пока девушка не превратилась

---

[39] Примечания: 39

Боадицея, Боудикка (ум. ок. 60) — королева бриттов, противостоявшая римской колонизации.

[40] Примечания: 40

Я назвала эту лошадку Нефертити, в честь той царицы Египта, которая так мне нравится (фр.).

в миниатюру на пасторали Ван Дейка.[41] По элегантным параболам пустил ей вслед артиллерийские снаряды. Повернул дула пушек на шато Зедельгем и растолок крыло Эйрса в дымящиеся обломки. Вспомнил, в какой стране мы находимся, и остановился.

Позади расколотого молнией бука луг опускается к декоративному озеру, звенящему от множества лягушек. Знавало и лучшие времена. Ненадежный пешеходный мостик соединяет берег с островом, а на воде в огромных количествах цветут желтовато-красные лилии. Время от времени по воде бьют хвостами серебряные караси и блещут в ней, как новые пенни. Украшенные бакенбардами оранжевые утки крякают, выпрашивая хлеб, этакие изысканно наряженные попрошайки — вроде меня самого. В лодочном сарае, выстроенном из просмоленных досок, гнездятся ласточки. Под грушевыми деревьями — когда-то здесь был сад? — я улегся на землю и предался ничегонеделанию, искусству, которым в совершенстве овладел во время своего выздоровления. Между ничегонеделанием и ленью такая же разница, как между гурманством и об-

[41] Примечания: 41

Ван Дейк, Антонис (1599–1641) — фламандский живописец эпохи барокко, ученик Рубенса; также работал в Италии и Англии

жорством. Наблюдал за воздушным блаженством спаренных стрекоз. Даже слышал звук от их крыльев — экстатический, похожий на хлопанье полосок бумаги, попавших в спицы велосипеда. Следил за слепозмейкой, исследовавшей миниатюрную Амазонию вокруг корней, где я лежал. Бесшумно? Не вполне, нет. Много позже был разбужен первыми крапинками дождя. Дождевые облака достигали критической массы. Подобно спринтеру, бросился обратно к Зедельгему, так быстро, как едва ли еще когда побегу, — лишь затем, чтобы услышать в своих ушных проходах обрушивающийся рев и ощутить, как первые крупные капли колотят по моему лицу, словно молоточки ксилофона.

Только и успел, что переодеться в единственную чистую рубашку, прежде чем позвонили к обеду. Миссис Кроммелинк извинилась — аппетит у ее мужа все еще слаб, а юная особа предпочитает есть в одиночестве. Ничто не подходило мне лучше. Тушеный угорь, кервелевый соус, легко пляшущий на террасе дождь. В отличие от Фробишеров и большинства английских семей, с которыми я знаком, еду в шато не поглощают в полном молчании, и мадам К. рассказала мне немного о своей семье. Кроммелинки жили в

Зедельгеме с тех отдаленных дней, когда Брюгге был самым оживленным портом Европы (трудно в это поверить, но так она мне сказала), и Ева увенчала собой шесть веков улучшения породы. Как-то потеплев к этой женщине, я с ней согласился. Она подается вперед, как мужчина, и курит пахнущие миррисом сигареты через мундштук из носорожьего рога. Заметила, однако, довольно резко, что из мира, по-видимому, исчезли все ценности. В прошлом ей довелось пострадать от вороватых слуг и даже от одного-двух обнищавших гостей, если я могу поверить, что люди могут вести себя так бесчестно. Заверил ее, что мои родители страдали от того же самого, и вытянул щупальца — касательно моего прослушивания.

— О вашем Скарлатти он отозвался как о «не вполне загубленном». Вивиан презирает похвалу — он против ее раздачи и получения. Он говорит: «Если люди тебя хвалят, значит, ты не идешь своим собственным путем».

Спросил ее прямо, считает ли она, что он согласится меня принять.

— Я очень надеюсь на это, Роберт. — (Другими словами: поживем — увидим.) — Вы должны понять: он смирился с тем, что не напишет больше ни единой ноты. Это причинило ему огромную

боль. Воскрешение надежды на то, что снова сможет сочинять, — что ж, это не такой риск, на который можно решиться с легкостью.

Вопрос был закрыт. Я упомянул о своей встрече с Евой, и мадам К. проговорила:

— Моя дочь была невежлива.

— Всего лишь сдержанна, — таков был мой безупречный ответ.

Моя хозяйка наполнила мой бокал доверху.

— У Евы тяжелый характер. Мой муж был очень мало заинтересован в том, чтобы вырастить из нее юную леди. Ему никогда не хотелось детей. Существует мнение, что отцы и дочери души друг в друге не чают, правда? Но здесь совсем другой случай. Ее учителя говорят, что она старательна, но скрытна, и она никогда не пыталась развить свои музыкальные способности. У меня часто бывает такое чувство, что я совсем ее не знаю.

Я долил доверху бокал мадам К., и она вроде бы повеселела.

— Послушать только, как я причитаю. А ваши сестры, месье, я уверена, настоящие английские розы с безукоризненными манерами?

Очень сомневаюсь, чтобы ее интерес к женской ветви семьи Фробишеров был искренним, но этой женщине нравится смотреть на меня, когда

я говорю, и я, чтобы доставить удовольствие своей хозяйке, нарисовал несколько забавных карикатур на свой собственный, ставший мне чуждым, клан. Все это звучало так весело, что я едва не почувствовал тоску по дому.

Нынешним утром, в понедельник, Ева соблаговолила разделить с нами завтрак — браденгемская ветчина, яйца, хлеб всех сортов, — но девушка изводила свою мать мелочными придирками, а все мои замечания отсекала бесцветными oui или резкими non.[42] Эйрс чувствовал себя лучше и потому ел вместе с нами. Затем Хендрик отвез их дочь на очередную неделю в школе — Ева столуется и ночует у городской семьи, Ван-Элей или вроде того, чьи дочери ходят в ту же школу, что и она. Весь шато вздохнул с облегчением, когда «коули» исчезла с тополиной аллеи (которую называют аллеей Монаха). Уж очень Ева отравляет здешнюю атмосферу. В девять мы с Эйрсом перешли в музыкальную комнату.

— У меня в голове, Фробишер, вертится одна мелодийка для альта. Давайте посмотрим, сможете ли вы ее записать.

Рад был это услышать, поскольку ожидал, что

---

[42] Примечания: 42
Да… нет (фр.).

начинать придется с мелочей — переписывания набело черновых нотных листов и проч. Если бы я в первый же день доказал свою ценность в качестве чувствительной авторучки В. Э., то получение искомой должности было бы уже почти решенным делом. Сел за его стол, наточил карандаш, взял чистый нотный лист и стал ждать, чтобы он одну за другой называл свои ноты. Неожиданно этот чудак заревел:

— Та, та! Та-тата татти-татти-татти, та! Ясно? Та! Татти-та! Спокойная часть — та-та-та-ттт-ТА! ТАТАТА!!!

Ты понял? Очевидно, старый пень находил это забавным — возможности записать выкрикиваемую им фальшь нотами было не больше, чем составить партитуру криков дюжины ослов, — но секунд через тридцать до меня дошло, что это не шутка. Пытался его остановить, но он был так поглощен своим «деланием музыки», что ничего не замечал. Я впадал во все большее и большее отчаяние, а Эйрс тем временем все продолжал, продолжал и продолжал… Мой замысел был неосуществим. О чем я думал на вокзале Виктория? Удрученный, дал ему исполнить всю его пьесу, лелея слабую надежду на то, что, если она полностью сформируется у него в голове, позже

будет легче воспроизвести ее снова.

— Вот и все! — провозгласил он. — Уловили? Теперь, Фробишер, напойте ее вы, и посмотрим, как она звучит.

Спросил, в какой мы были тональности.

— Си-бемоль, разумеется!

Ключевые знаки темпа? Эйрс ущипнул себя за переносицу.

— Вы что, хотите сказать, что не уловили моей мелодии?

Встряхнувшись, напоминал себе, что он полностью невменяем. Попросил его повторить мелодию, гораздо медленнее, и одну за другой обозначить все ноты. Последовала напряженная пауза, длившаяся, как мне показалось, часа три, в течение которой Эйрс решал, разразиться ему гневом или нет. В конце концов он издал мученический вздох.

— Четыре восьмых, меняющиеся на восемь восьмых после двенадцатого такта, если вы умеете считать до двенадцати.

Пауза. Вспомнил о своих денежных трудностях и закусил губу.

— Тогда давайте пройдемся по всему снова. — Покровительственная пауза. — Готовы? Медленно… Та! Какая это нота?

В последовавшие за этим страшные полчаса я вынужден был угадывать все ноты, одну за другой. Эйрс подтверждал или отрицал мои догадки, устало кивая или мотая головой. Когда мадам К. внесла вазу с цветами, я изобразил на своем лице SOS, но В. Э. сам заявил, что у нас был день великих испытаний. Когда я удалялся, то слышал, как Эйрс (ради моего блага?) проговорил:

— Все безнадежно, Иокаста, этот парень не в состоянии записать простейший мотив. С тем же успехом я мог бы присоединиться к авангарду и метать дротики в клочки бумаги с написанными на них нотами.

В конце коридора миссис Виллемс — экономка — жаловалась какой-то невидимой мелкой сошке на сырую, неустойчивую погоду и на свое влажное белье. Она в лучшем положении, чем я. Мне приходилось манипулировать людьми ради достижений, сладострастия или займов, но никогда — ради крыши над головой. Этот гниющий шато весь пропах грибами и плесенью. Вообще не надо было сюда приезжать.

Искренне твой, Р. Ф.

P. S. Финансовые затруднения, какая удачная фраза. Неудивительно, что все бедные — социали-

сты. Слушай, вынужден попросить у тебя взаймы. Обстановка в Зедельгеме самая непринужденная, какую мне только приходилось видеть (к счастью! потому что гардероб дворецкого моего отца обеспечен гораздо лучше, чем сейчас мой), но все-таки необходимо соответствовать каким-то меркам. Не могу даже давать на чай слугам. Если бы у меня остались богатые друзья, я попросил бы у них, но правда заключается в том, что их у меня нет. Не знаю, перешлешь ли ты деньги телеграфом, отправишь почтой или как-нибудь еще, но ты ведь ученый, ты найдешь способ. Если Эйрс попросит меня удалиться, мне конец. Новость о том, что Роберт Фробишер вынужден был вымаливать деньги у своих бывших хозяев, когда они вышвырнули его на улицу по причине непригодности к работе, обязательно просочится в Кембридж. Я умру от стыда, Сиксмит, честное слово, умру. Ради бога, пришли мне, что сможешь, безотлагательно.

Шато Зедельгем
14-VII-1931

Сиксмит,

Слава Благословенному Руфусу, Святому Покровителю Нуждающихся Композиторов, Хвала Ему во Всевышних Сферах, аминь. Твой посланный почтой чек прибыл сегодня утром в целости и сохранности — своим хозяевам я обрисовал тебя как любящего дядюшку, который запамятовал о моем дне рождения. Миссис Кроммелинк подтверждает, что в банке Брюгге его оплатят. Напишу в твою честь мотет[43] и верну деньги, как только смогу. Может быть, скорее, чем ты ожидаешь. Мои перспективы, подвергнутые глубокой заморозке, оттаивают. После унизительной первой попытки сотрудничества с Эйрсом я вернулся к себе в комнату в совершенно убогом и жалком состоянии духа. Остаток дня посвятил изложению тебе всех своих сопливых причитаний — сожги их, кстати, если еще этого не сделал, — чувствуя ужасное беспокойство о будущем. Надев высокие сапоги и

[43] Примечания: 43

Мотет — жанр многоголосной вокальной музыки, возник во Франции в XII в.

кепку, осмелился выйти под дождь и отправился в деревенское почтовое отделение, искренне недоумевая, где могу оказаться месяцем позже. Вскоре после моего возвращения миссис Виллемс позвонила к обеду, но когда я вошел в столовую, там меня ожидал один только Эйрс.

— Это вы, Фробишер? — спросил он с обычной для стариков хрипотцой, когда они пытаются быть любезными. — Ну-с, Фробишер, рад, что мы с вами можем немного поболтать наедине. Слушайте, сегодня утром я обошелся с вами погано. Из-за этой болезни я делаюсь более… откровенным, чем это порой уместно. Приношу свои извинения. Может, предоставите завтра сварливому дядьке еще один шанс, а? Что скажете?

Не рассказала ли ему его жена о том, в каком она застала меня состоянии? Может, Люсиль упомянула о моем наполовину упакованном чемодане? Выждал, пока не появилась уверенность, что в голосе моем не прозвучит облегчения, и самым аристократическим тоном сказал, что высказать свое мнение было с его стороны совершенно естественно.

— Я чересчур предвзято отнесся к вашему предложению, Фробишер. Извлекать из моей башки музыку будет нелегко, но наше партнерство

— это такой же хороший шанс, как и всякий другой. Ваша музыкальность и характер как нельзя лучше подходят для этого занятия. Жена говорила мне, что вы даже пробовали свои силы в сочинительстве. Попросту говоря, музыка для нас обоих — все равно что воздух. При наличии доброй воли мы с вами можем повозиться, пока не найдем правильного метода.

Тут в дверь постучала и заглянула мадам Кроммелинк, в мгновение ока, как это дано некоторым женщинам, ощутила царящую в комнате атмосферу и спросила, посылал ли Эйрс за праздничным вином. Тот повернулся ко мне.

— Это зависит от молодого Фробишера. Что скажете? Задержитесь ли вы у нас на несколько недель, а может, и на несколько месяцев, если все пойдет хорошо? И даже дольше, кто знает? Но вам придется принять небольшое жалованье.

Выдавая свое облегчение за удовлетворенность, сказал ему, что польщен, и не стал с ходу отвергать предложение жалованья.

— Тогда, Иокаста, вели миссис Виллемс принести «Пино-Руж» восьмого года!

Мы поднимали тосты за Бахуса и за муз — и пили вино, изысканное, как кровь единорога. Погреб Эйрса, в котором хранятся около две-

надцати сотен бутылок, — один из лучших в Бельгии и достоин небольшого отступления. Он пережил войну и не был разграблен гуннскими офицерами, которые использовали Зедельгем в качестве командного пункта, — благодаря одной только фальшивой стене, которую отец Хендрика выстроил перед его входом, прежде чем семья спаслась бегством в Гётеборг. Библиотека и другие объемистые ценности, запакованные в ящики, тоже провели войну в этом погребе (когда-то использовавшемся как монастырский склеп). Накануне Перемирия[44] пруссаки перевернули вверх дном все здание, но погреба так и не нашли.

Сейчас у нас устанавливается рабочая рутина. Каждый день, насколько ему позволяют многочисленные недуги и боли, Эйрс встречается со мной в девять утра в музыкальной комнате. Я сажусь за пианино, а Эйрс — на диван, куря свои мерзкие турецкие сигареты, и мы приступаем к одному из трех наших modi operandi.[45] «Повторение» — это когда он просит меня пробежаться

---

[44] Примечания: 44

Накануне Перемирия… — Имеется в виду день заключения перемирия, положившего конец Первой мировой войне (11 ноября 1918 г.).

[45] Примечания: 45

Образов действия (лат.).

по тому, чем мы занимались накануне утром. Я, в зависимости от инструмента, мычу, пою или играю, а Эйрс правит партитуру. При «воссоздании» я тщательно анализирую старые партитуры, записные книжки и сочинения, часть которых была написана до моего рождения, чтобы найти пассаж или каденцию, которые Эйрс смутно помнит и хотел бы воскресить. Тяжелая детективная работа. «Сочинительство» требует больше всего отдачи. Я сижу за пианино и пытаюсь поспеть за таким, к примеру, потоком: «Шестнадцатые, си-соль, целая, ля-бемоль, — держи четыре такта, нет, шесть, — четвертные! фа-диез — нет, нет, нет, нет, фа-диез — и… си! Та-татти-татти-та!» (По крайней мере, теперь маэстро сам называет свои ноты.) Или, будучи в более поэтичном настроении, он может сказать: «Так, Фробишер, кларнет — это наложница, альты — тисы на кладбище, клавикорды — луна, так что… пусть восточный ветер раздует этот аккорд ля-минор на шестнадцать тактов дальше».

Подобно работе хорошего дворецкого (хотя, можешь быть уверен, я более чем хорош), моя работа на девять десятых состоит из предвидения. Порой Эйрс просит меня высказать мое художественное суждение, что-нибудь вроде: «Как вы думаете,

Фробишер, этот аккорд работает?» — или: «Как по-вашему, этот пассаж соответствует целому?» Если я отвечаю отрицательно, то Эйрс спрашивает, что я предложил бы в качестве замены, и раз или два он даже использовал мои поправки. Это очень успокаивает. В будущем кому-то предстоит изучать эту музыку.

К часу дня Эйрс выдыхается. Хендрик отвозит его вниз, в столовую, где к нам на время ланча присоединяются миссис Кроммелинк и ужасная Е., если она вернулась домой на выходные или на вторую половину дня. Послеполуденную жару Эйрс проводит в дремоте. Я продолжаю рыться в сокровищнице библиотеки, сочиняю в музыкальной комнате, читаю рукописи в саду (белые лилии — имперские короны, докрасна раскаленные кочерги — шток-розы, все — в полном цвету), езжу по тропкам вокруг Неербеке на велосипеде или брожу по окрестным полям. Крепко-накрепко подружился с деревенскими собаками. Они бегают за мной вприпрыжку, как малыши или как крысы за Дудочником. Местные исправно отзываются на мои «goede morgen» и «goede middag» — теперь уже всем известно, что в «kasteel» я приехал надолго.

После ужина мы втроем либо слушаем ра-

дио, когда находим передачу приемлемой, либо прокручиваем пластинки на граммофоне (настольная модель фирмы «His Master's Voice»[46] в дубовом корпусе): обычно это записи основных произведений самого Эйрса, исполняемые оркестром под управлением сэра Томаса Бичема. Когда у нас бывают посетители, мы или беседуем, или слушаем камерную музыку. Иногда по вечерам Эйрсу хочется, чтобы я почитал ему стихи, особенно его любимого Китса.[47] Он шепчет строки, которые я декламирую, словно его голос опирается на мой. За завтраком я читаю ему кое-что из «Таймс». Каким бы старым, больным и слепым Эйрс ни был, он смог бы отстаивать свое мнение в дискуссионном клубе любого колледжа, хотя, как я заметил, он редко предлагает альтернативы для тех систем, которые высмеивает. «Либерализм? Трусость богатых!»; «Социализм? Младший брат одряхлевшего деспотизма, по стопам которого он хочет следовать»; «Консерваторы? Доморощенные лжецы, самым большим обманом которых является доктрина свободы воли». Каким, по его мнению, должно быть госу-

[46] Примечания: 46
«Голос его хозяина» (англ.).

[47] Примечания: 47
Китс, Джон (1795–1821) — английский поэт-романтик.

дарственное устройство? «Никаким! Чем лучше организовано государство, тем больше в нем подавляется человек».

Каким бы раздражительным Эйрс ни был, он один из немногих людей в Европе, чьим влиянием мне хотелось бы наполнить собственное творчество. С музыкальной точки зрения Эйрс подобен двуликому Янусу. Один Эйрс глядит назад, на смертный одр романтизма, а другой — в будущее. Это тот Эйрс, за взглядом которого я следую. Наблюдая за тем, как он использует контрапункт и как смешивает тембры, я с возбуждением улучшаю собственный музыкальный язык. За то короткое время, что провел в Зедельгеме, я уже научился большему, чем дали бы мне три года возле трона Осла Макерраса с его Веселым Оркестром Онанистов.

Друзья Эйрса и миссис Кроммелинк навещают его регулярно. В среднем дважды или трижды в неделю мы можем ожидать посетителя/ей. Среди них — солисты, заглядывающие в шато проездом из Брюсселя, Берлина, Амстердама или откуда-нибудь еще; знакомцы Эйрса по зеленой юности, прошедшей во Флориде и Париже; а также добрый старый Морти Дондт с супругой. Дондт владеет гранильными мастерскими в

Брюгге и Антверпене, говорит, хоть и невнятно, на тьме-тьмущей языков, выдумывает замысловатые многоязыковые каламбуры, требующие пространных объяснений, спонсирует фестивали и играет с Эйрсом в метафизический футбол. Миссис Дондт подобна миссис Кроммелинк, только в ней все помножено на десять — по правде сказать, ужасное создание! Она возглавляет Бельгийское конное общество, сама водит «бугатти» Дондта и балует пуховку-пекинеса по кличке Вэйвэй. В последующих письмах ты, несомненно, снова ее встретишь.

Родственников на этом свете мало: Эйрс был единственным ребенком, а некогда влиятельная семья Кроммелинков выказала недальновидность, на протяжении всей войны в решающие моменты поддерживая не ту сторону. Те, кто не погиб в бою, в большинстве своем обнищали и покинули сей мир еще до того, как Эйрс и его жена вернулись из Скандинавии. Другие бежали за океан и там умерли. Иногда в шато заглядывают старая гувернантка миссис Кроммелинк и пара ее болезненных тетушек, но они безмолвствуют где-нибудь в уголке, подобно старым вешалкам для шляп.

На прошлой неделе нежданно-негаданно, без

уведомления, на Второй День Мигрени, объявился дирижер Тадеуш Августовский, великий поборник творчества Эйрса в родном своем Кракове. Миссис Кроммелинк не было дома, и ко мне, вся взмыленная, прибежала миссис Виллемс, умоляя занять чем-нибудь прославленного посетителя. Я не мог их разочаровать. По-французски Августовский говорит не хуже меня, и мы провели день за ловлей рыбы и в спорах о приверженцах додекафонии. Он полагает их всех шарлатанами, а я — нет. Он излагал мне военные истории, связанные с его оркестром, а еще угостил совершенно непристойным анекдотом, который требует жестов, а посему с ним придется повременить, пока мы снова не встретимся. Я поймал форель в одиннадцать дюймов, Августовский вытянул чудовищного ельца. Когда, уже в сумерках, мы вернулись, Эйрс уже поднялся, и поляк сказал старику, что ему повезло со мной. Эйрс буркнул что-то вроде: «Сыршенно верно». Чарующая лесть, Эйрс. Миссис Виллемс отнюдь не была enchantée[48] нашими рыбацкими трофеями, но все же выпотрошила их, посолила, смазала маслом, и они умягчились на рыбной

[48] Примечания: 48
Очарована (фр.).

вилке. Уезжая на следующее утро, Августовский дал мне свою визитную карточку. Он держит апартаменты в «Лэнгем-Корте» для своих визитов в Лондон и пригласил меня остановиться там вместе с ним на время фестиваля в следующем году. Кукареку!

Шато Зедельгем — это не лабиринтообразный дом Эшеров,[49] каким он кажется поначалу. Правда, западное крыло, забранное ставнями и покрытое толстым слоем пыли, чтобы оплатить модернизацию и обслуживание восточного, находится в плачевном состоянии, и, боюсь, оч. скоро его придется снести. В один из дождливых дней обследовал тамошние помещения. Сырость разрушительна; опавшая штукатурка висит в паучьих сетях; помет мышей, простых и летучих, хрустит на истертых камнях; гипсовые гербы над каминами под воздействием времени обращаются в пыль. Та же история и снаружи — кирпичным стенам требуется новая расшивка швов, зубцы их обвалились и лежат на земле неопрятными грудами, на крыше не хватает черепиц, ручейки дождевой воды прорывают русла в средневековом песчанике. Кроммелинки

---

[49] Примечания: 49

…лабиринтообразный дом Эшеров… — аллюзия на рассказ Эдгара По «Падение дома Эшеров» (1842).

преуспевали благодаря инвестициям в Конго, но ни один из родственников мужского пола не пережил войны, а боши-«постояльцы» прицельно выпотрошили из Зедельгема все, что было достойно потрошения.

Однако восточное крыло являет собой уютный маленький заповедник, хотя стропила его при ветре скрипят, словно шпангоуты корабля. В нем имеется капризное центральное отопление и зачаточная электрическая проводка, искрящаяся и бьющая током при каждом нажатии на выключатель. У отца миссис Кроммелинк не хватило предвидения обучить свою дочь управлением поместьем, и теперь она сдает свою землю в аренду соседним фермерам, чтобы, как я понимаю, хоть как-то сводить концы с концами. В наши дни и в наш век даже таким достижением не стоит пренебрегать.

Ева — та еще жеманная миссочка, такая же противная, как мои сестрицы, чей ум, правда, равен ее враждебности. Если не считать драгоценной Нефертити, ее хобби состоит в том, чтобы дуться и напускать на себя мученический вид. Ей нравится доводить ранимых домочадцев до слез, а потом врываться и возвещать: «У нее опять истерика, мама, не могла бы ты ее как следует

вышколить?» Она установила, что я отнюдь не являюсь легкой мишенью, а потому развязала войну на истощение: «Папа, как долго мистер Фробишер будет оставаться в нашем доме?»; «Папа, мистеру Фробишеру ты платишь столько же, сколько Хендрику?»; «Ах, мама, да я же просто спросила, я не знала, что должность мистера Фробишера — такой щекотливый предмет». Она не дает мне покоя — противно это признавать, но деваться некуда. Накануне, в субботу, имел с нею еще одну встречу — точнее сказать, стычку. Я взял библию Эйрса — «Так говорил Заратустра»[50] — и отправился на выложенный каменными плитами мост над озером, ведущий к острову с ивами. Ужасающе жаркий день: даже в тени я потел как собака. Через десять страниц я почувствовал, что это Ницше читает меня, а не я его,[51] так что стал смотреть на водяных клопов и тритонов, меж тем как умственный мой оркестр исполнял «Воз-

---

[50] Примечания: 50

«Так говорил Заратустра» (1883–1884) — философско-художественное сочинение Фридриха Ницше (1844–1900), содержащее наиболее полное изложение его идеи о «вечном возвращении» («…жизнь есть без смысла, без цели, но возвращается неизбежно, без заключительного «ничто», как «вечный возврат…»).

[51] Примечания: 51

…я почувствовал, что это Ницше читает меня, а не я его… — Ср.: «И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Ф. Ницше. «По ту сторону добра и зла», 1866).

душный танец» Фреда Делиуса.[52] Сама вещица — сиропный пирог, но ее усыпляющая флейта довольно-таки хороша.

После этого помню вот что: оказалось, что я нахожусь во рву, таком глубоком, что небо было не более чем далекой полоской, озаряемой вспышками ярче дневного света. Ров патрулировали дикари верхом на гигантских коричневых крысах с жуткими зубами, которые выискивали простолюдинов и расчленяли их. Пошел прогулочным шагом, стараясь выглядеть преуспевающим господином и удержаться от панического бегства, как вдруг встретил Еву. Я сказал:

— Что, черт возьми, вы здесь делаете?

Та выпалила с яростью:

— Ce lac appartient à ma famille depuis cinq siècles! Vous êtes ici depuis combien de temps exactement? Bien trois semaines! Alors vous voyez, je vais où bon me semble![53]

Ее гнев был едва ли не физическим ударом

---

[52] Примечания: 52

Фред Делиус (Фредерик Теодор Альберт Делиус, 1862–1934) — английский композитор-романтик немецкого происхождения, с 1890 г. жил преимущественно во Франции.

[53] Примечания: 53

Моя семья живет в этом поместье более пяти столетий! А сколько здесь пробыли вы? В лучшем случае, три недели! Так что я хожу, где хочу! (фр.).

в лицо твоему смиренному корреспонденту. И вполне справедливым — ведь я обвинил ее во вторжении в поместье ее матери. Окончательно проснувшись, я с трудом стал подниматься на ноги, рассыпаясь в извинениях и объясняя, что говорил во сне. Совершенно забыл об озере. Свалился в него как долб. идиот! Весь вымок! К счастью, воды было всего лишь по пупок, и по милости Господней драгоценный эйрсовский Ницше не присоединился ко мне в этом купании. Когда Ева обуздала наконец свой смех, сказал, что мне приятно видеть, как она не дуется, а делает что-то иное. У вас в волосах ряска, отвечала она по-английски. Сменив тон, покровительственно похвалил ее языковые способности. Она тут же отбила мяч:

— Чтобы произвести впечатление на англичанина, требуется немного.

И ушла. Хлесткий ответ пришел мне в голову лишь позже, так что в этом сете девочка одержала верх.

А теперь, пока я буду писать о книгах и выгодах, весь обратись во внимание. Роясь в книжном алькове в своей комнате, я наткнулся на любопытное растрепанное издание и хотел бы, чтобы ты отыскал для меня целый экземпляр. Тот, что

попался мне в руки, начинается с девяносто девятой страницы, обложки нет, переплет весь расползся. Из того немногого, чем я располагаю, явствует, что это — отредактированный дневник о путешествии из Сиднея в Калифорнию некоего американского нотариуса по имени Адам Юинг. Есть упоминание о золотой лихорадке, так что, думаю, мы имеем дело с 1849 или 1850 годом. Кажется, дневник издан посмертно, сыном Юинга (?). Юинг напоминает мне этого путаника, капитана Делано из «Бенито Серено» Мелвилла,[54] который был слеп в отношении всех заговорщиков, — ему невдомек, что его верный доктор Генри Гуз (sic!) не кто иной, как вампир, подпитывающий его ипохондрию, чтобы медленно его отравить и завладеть его деньгами.

Что-то сомнительна подлинность этого дневника — он кажется слишком уж упорядоченным для подлинных записей, да и язык звучит не вполне правдиво, — но зачем и кому подделывать такое?

К огромному моему огорчению, он обрывается прямо посреди фразы, страниц через сорок, где нити переплета совсем перетерлись. Перерыл

---

[54] Примечания: 54

…«Бенито Серено» Мелвилла… — повесть Германа Мелвилла, опубликована в 1855 г., вошла в сборник «Рассказы с веранды» (1856).

всю библиотеку в поисках продолжения этой проклятой вещицы. Безуспешно. Вряд ли в наших интересах привлекать внимание Эйрса или миссис Кроммелинк к их библиографическому богатству, неучтенному в картотеке, так что теперь я в большом затруднении. Не спросишь ли у Отто Янша на Кейтнесс-стрит, известно ему что-нибудь об этом Адаме Юинге? Наполовину прочитанная книга — это наполовину завершенный любовный роман.

Прилагаю перечень самых ранних изданий, имеющихся в библиотеке Зедельгема. Как видишь, некоторые из них относятся к оч. старинным, начала семнадцатого в., так что как можно скорее сообщи мне лучшие цены, которые может предложить Яши, а чтобы не скряжничал, оброни этак вскользь, что всем этим уже интересуются парижские перекупщики.

Искренне твой, Р. Ф.

Шато Зедельгем
28-VII-1931

Сиксмит,

Есть повод для маленького торжества. Два дня назад мы с Эйрсом завершили нашу первую совместную работу, небольшую тональную поэму под названием «Der Todtenvogel».[55] Когда я раскопал эту вещь в его залежах, она была ручной аранжировкой старого тевтонского гимна: из-за слабеющего зрения Эйрса она осталась слишком высокопарной и сухой. Новая наша версия — занятная тварь. Кое-какие отзвуки она заимствует из «Кольца Нибелунгов» Вагнера, а затем расщепляет тему в кошмары Стравинского,[56] сдерживаемые призраками Сибелиуса.[57] Кошмарная вещь, восхитительная, хотел бы я,

---

[55] Примечания: 55

«Птица смерти» (нем.).

[56] Примечания: 56

Стравинский, Игорь Федорович (1882–1971) — композитор-новатор и дирижер, автор балетов «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913) и др.; с 1914 г. жил за пределами России, с 1939 г. — в США.

[57] Примечания: 57

Сибелиус, Ян (1865–1957) — крупнейший финский композитор, глава национальной музыкальной школы.

чтобы ты ее услышал! Заканчивается она соло на флейте, и это не какая-нибудь флейтовая чушь, подкупающая трепетностью, а та самая птица смерти, заявленная в заглавии, в равной мере проклинающая как первенцев, так и последышей.

Вчера, возвращаясь из Парижа, нас опять навестил Августовский. Он читал партитуру и швырял похвалы лопатою — как истопник швыряет уголь. Так и следовало! Это, насколько я знаю, самая искусная тональная поэма из написанных после войны; и, Сиксмит, смею тебя заверить, что немало из лучших ее идей принадлежит мне. Полагаю, секретарю должно смириться с отказом от участия в авторстве, но закрыть рот на замок всегда нелегко. Но лучшее еще впереди — на фестивале в Кракове, который состоится через три недели, Августовский хочет устроить ее премьеру и сам будет стоять за пультом!

Вчера поднялся ни свет ни заря и весь день переписывал эту вещь набело. Неожиданно она показалась мне отнюдь не короткой. У меня перестали разгибаться пальцы правой руки, а нотные станы настолько впечатались в сетчатку, что виделись мне и с закрытыми веками, но к ужину я закончил. Мы вчетвером выпили пять бутылок

вина, чтобы отпраздновать это дело. На десерт был подан наилучший мускат.

Ныне являюсь золотым мальчиком Зедельгема. Оч. долго не был чьим-либо золотым мальчиком, и мне это весьма по душе. Иокаста предложила мне перебраться из гостевой комнаты в одну из больших неиспользуемых спален на третьем этаже, которую обставят по моему пожеланию всем, что привлечет мой взор в остальных помещениях Зедельгема. Эйрс поддержал этот порыв, и я сказал, что согласен. К моему удовольствию, Миссочка-Крысочка потеряла самообладание и заканючила:

— Ой, мама, почему бы не вписать его еще и в завещание? Почему бы не отдать ему половину поместья?

Не извинившись, она встала из-за стола. Эйрс проворчал, достаточно громко, чтобы она могла услышать:

— Первая хорошая идея, что пришла ей в голову за семнадцать лет! По крайней мере, Фробишер отрабатывает свое чертово содержание!

Хозяева мои не пожелали слышать от меня извинений, сказали, что это Ева должна передо мной извиниться, что ей необходимо распрощаться со своими докоперниковскими

воззрениями, согласно которым Вселенная вращается вокруг ее персоны. Музыка для моих ушей. Также по делу: Ева вместе с двадцатью своими одноклассницами оч. скоро на несколько месяцев отправляется в Швейцарию учиться на медсестру. Еще больше музыки! Это будет таким же облегчением, как если бы выпал гнилой зуб. Новая моя комната достаточно просторна для парной игры в бадминтон; в ней стоит кровать с пологом на четырех столбиках, с какового полога мне пришлось стряхивать прошлогоднюю моль; кордовская цветная кожа прошлого века отслаивается от стен, напоминая чешую дракона, но по-своему привлекательна; стеклянный шар цвета индиго для отпугивания злых духов; книжный шкаф, отделанный полированным ореховым деревом; шесть министерских кресел; escritoire[58] из смоковницы, за которым я пишу это письмо. Жимолость пропускает достаточно кружевного света. К югу открывается вид на сероватый сад с подстриженными деревьями. К западу — на луга, где пасутся коровы, и на церковный шпиль, вздымающийся над лесом за ними. Тамошние колокола служат мне личными часами. (По правде

[58] Примечания: 58
Бюро (фр.).

сказать, Зедельгем, словно Брюгге в миниатюре, может похвастаться великим множеством старинных часов, бой которых раздается то чуть раньше, то чуть позже положенного.) В общем, здесь на порядок или два роскошнее наших комнат на Уаймен-лейн, на порядок или два менее роскошно, чем в «Савое» или «Империале», но просторно и безопасно. Если только я не допущу неловкости или неосторожности.

Что наводит меня на мысли о мадам Иокасте Кроммелинк. Лопни мои глаза, Сиксмит, если эта женщина не начала, очень тонко, со мной флиртовать.

Двусмысленность ее слов, взглядов и прикосновений слишком уж недвусмысленна, чтобы быть случайной. Посмотрим, что подумаешь ты. Вчера после полудня, когда я изучал в своей комнате малоизвестное юношеское сочинение Балакирева,[59] ко мне постучалась миссис Кроммелинк. Она была в своей наезднической куртке, а волосы у нее были заколоты, открывая очень даже соблазнительную шею.

— Мой муж хочет вам кое-что подарить, — ска-

---

[59] Примечания: 59

Балакирев, Милий Алексеевич (1836/37–1910) — композитор, пианист, дирижер, музыкально-общественный деятель, глава «Могучей кучки».

зала она. — Вот. В честь окончания «Todtenvogel». Знаете, Роберт, — ее язык задержался на «т» в слове «Роберт», — Вивиан так счастлив, что снова работает. Он уже долгие годы не был настолько бодрым. Это всего лишь знак признательности. Наденьте.

Он протянула мне изысканный жилет, шелковую вещицу оттоманского стиля, слишком замечательную по покрою и расцветке, чтобы когда-либо войти в моду или из нее выйти.

— Я купила его во время нашего медового месяца в Каире, когда ему было столько же, сколько теперь вам. Он больше не будет его носить.

Сказал, что польщен, но вряд ли смогу принять предмет одежды, столь дорогой для их памяти.

— Именно поэтому мы и хотим, чтобы вы его носили. В его узоры вплетены наши воспоминания. Наденьте его.

Уступил ее требованиям, и она погладила жилет — под предлогом (?) снятия пушинки.

— Подойдите к зеркалу!

Подошел. Женщина стояла лишь в нескольких дюймах позади меня.

— Слишком хорош, чтобы скармливать моли, согласны?

Да, согласился я. Ее улыбка была обоюдоострой.

Будь все это в одном из душещипательных романов Эмили, руки соблазнительницы обвились бы вокруг торса невинного юноши, но Иокаста действует более осмотрительно.

— У вас в точности такое же телосложение, какое в вашем возрасте было у Вивиана. Странно, правда?

Да, согласился я снова. Ее ногти высвободили прядь моих волос, попавшую под ворот жилета.

Не стал ее ни отталкивать, ни поощрять. Такие вещи не делаются очертя голову. Миссис Кроммелинк вышла, не добавив более ни слова.

За обедом Хендрик сообщил, что в Неербеке ограбили дом доктора Эгрета. К счастью, никто не пострадал, но полиция распространила предупреждение, чтобы опасались цыган и бандитов. Дома по ночам надлежит запирать и охранять. Иокаста содрогнулась и сказала, что рада моему присутствию в Зедельгеме — я, мол, смогу ее защитить. Признал, что был неплохим боксером в Итоне, но выразил сомнение, что смогу совладать с целой бандой. Может, я смог бы подержать полотенце Хендрика, пока он будет задавать им основательную взбучку? Эйрс никак все это не прокомментировал, но вечером развернул салфетку, в которой оказался «люгер». Иокаста

стала его честить за демонстрацию пистолета за столом, но Эйрс не обратил на нее внимания.

— Когда мы вернулись из Гётеборга, я нашел этого зверюгу под расшатанной половицей в главной спальне, вместе с пулями, — пояснил он. — Прусский капитан либо оставил его в спешке, либо сам был убит. Вероятно, он хранил его там для защиты от бунтовщиков или нежелательных лиц. Я держу его рядом со своей постелью по той же самой причине.

Спросил, могу ли я его подержать, потому что прежде мне доводилось дотрагиваться только до охотничьих ружей.

— Разумеется, — ответил Эйрс, протягивая его над столом.

У меня на теле поднялись все волоски до единого. Этот так ладно лежащий в руке металлический дружок убивал, по крайней мере, однажды, я бы поставил на это все свое наследство, если бы по-прежнему мог его ожидать.

— Так что, как видите, — сказал Эйрс с угрюмым смешком, — я, может быть, старый слепой калека, но у меня все еще есть зуб-другой, чтобы кусаться. Слепец, у которого имеется ствол и которому очень мало что осталось терять. Представьте, что за бойню могу я учинить!

Не могу решить: почудилась мне угроза в его голосе или она там была.

От Янша новости великолепные, только не передавай ему этих моих слов. Вышлю тебе три упомянутых тома из Брюгге, когда поеду туда в следующий раз, — у здешнего почтмейстера имеется некая исследовательская жилка, которой я не доверяю. Приму обычные меры предосторожности. Мою выручку переведи в головное отделение Первого банка Бельгии в Брюгге — Дондт щелкнул пальцами, и управляющий открыл мне счет. В их списках значится только один Роберт Фробишер, в этом я совершенно уверен.

А вот и самая лучшая новость: снова начал сочинять самостоятельно.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
16-VIII-1931

Сиксмит,

Лето приобрело чувственный оборот: мы с женой Эйрса стали любовниками. Но не тревожься! Всего лишь в плотском смысле. В одну из ночей на прошлой неделе она вошла ко мне в комнату, заперла за собой дверь и, не обменявшись со мной ни словом, разделась. Не хочу хвастаться, но ее приход не застал меня врасплох. Собственно, я оставил для нее дверь приоткрытой. Право, Сиксмит, тебе стоит попробовать заниматься любовью в полном молчании. Весь этот балаган оборачивается блаженством, стоит только запечатать уста.

Когда входишь в тело женщины, ее ларец с секретами тоже распахивается. (Тебе следует как-нибудь их попробовать — женщин, я имею в виду.) Может, это как-то связано с тем, насколько безнадежны они в карточной игре? После Акта я предпочитаю спокойно полежать, но Иокаста все говорила и говорила, так порывисто, словно пыталась похоронить нашу большую черную

тайну под множеством серых тайн поменьше. Оказывается, Эйрс подцепил свой сифилис в каком-то копенгагенском борделе, в 1915 году, во время длительной разлуки, и с тех самых пор не ублажал свою жену; после рождения Евы доктор сказал Иокасте, что она никогда не сможет понести другого ребенка. Она оч. разборчива в отношении случайных связей, но считает их своим неотъемлемым правом, не требующим оправданий. Настаивала, что по-прежнему любит Эйрса. Я проворчал, что сомневаюсь. То, что любовь любит верность, парировала она, не более чем миф, который мужчины сплели из собственных измен.

О Еве она тоже говорила. Обеспокоена тем, что слишком занята была внушением своей дочери чувства собственности, что они никогда не были друзьями, а теперь, кажется, лошадка понесла. От этих тривиальных трагедий меня потянуло в сон, но впредь буду осторожнее в отношении датчан и, в частности, датских борделей.

И. возжелала второго раунда, словно хотела приклеить себя ко мне. Не возражал. У нее тело наездницы, более упругое, чем обычно находишь у зрелой женщины, и более техничное, чем у многих десятишиллинговых лошадок, на которых

мне доводилось ездить. Можно заподозрить, что позади — длинная очередь из молодых жеребцов, получавших приглашение покормиться в ее яслях. И в самом деле, как только я содрогнулся в последний раз, она сказала:

— Дебюсси[60] как-то раз провел неделю в Зедельгеме, перед войной. Если не ошибаюсь, он спал на этой самой кровати.

Чуть приметное дрожание в ее голосе давало возможность предположить, что она была и с ним. Не исключено. Появись хоть что-либо в юбке — слышал я о Клоде, — и он тут же вспоминал, что он француз.

Когда утром Люсиль постучала ко мне в дверь, с водой для бритья, я был совершенно один. За завтраком, счастлив заметить, И. вела себя так же непринужденно, как я. А когда я уронил на ковер каплю джема, даже позволила себе некоторую язвительность, заставив В. Э. сделать ей выговор:

— Не будь такой колюшкой, Иокаста! Твоим милым ручкам соскребать это пятно не придется.

Адюльтер, Сиксмит, это дуэт, который нелегко

---

[60] Примечания: 60

Дебюсси, Клод Ашиль (1862–1918) — французский композитор, основоположник музыкального импрессионизма, автор инструментальной «Прелюдии к «Послеполуденному отдыху фавна» (1894), оперы «Пеллеас и Мелизанда» (1902) и др.

вытянуть, — как в контрактном бридже, надо тщательно избегать партнеров более неловких, чем ты сам, иначе окажешься в страшной кутерьме.

Испытываю вину? Нисколько. Торжество над рогоносцем? Да нет, не особенно. Все еще сильно злюсь на Эйрса, если что. Вечером следующего дня на обед пришли Дондты, и миссис Д. попросила какой-нибудь фортепьянной музыки, чтобы лучше усваивалась пища, так что я сыграл «Ангела Монса» — ту вещицу, что написал два года назад, когда мы с тобой отдыхали на островах Силли, хотя отрекся от авторства, сказав, что сочинил ее «один приятель». Эту вещь я переделывал накануне. Она лучше, плавней и тоньше, чем те шербетные шубертовские пастиччо, которые извергал В. Э. на своем третьем десятке. И. и Дондтам она так полюбилась, что они настаивали на повторении. Отыграл всего шесть тактов, как вдруг В. Э. прибегнул к доселе неведомому вето.

— Я посоветовал бы вашему приятелю освоить классиков, прежде чем резвиться с современниками.

Звучит как вполне безобидный совет? Однако слово «приятелю» он произнес именно с тем полутоном, который сообщил мне, что он вполне

осознает, кто таков мой приятель. Может, он и сам прибегал к той же уловке, когда был у Грига[61] в Осло?

— Без тщательного овладения контрапунктом и обертонами, — пропыхтел В. Э, — этот парень никогда не поднимется выше уличного торговца бессмысленными штучками-дрючками. Передайте это от меня своему приятелю.

Я кипел от ярости, но молчал. В. Э. велел И. поставить граммофонную пластинку с записью его собственного квинтета для духового оркестра «Сирокко». Она повиновалась язвительному старому задире. Чтобы утешиться, я вспоминал, какое тело у И. под ее летним крепдешиновым платьем, с какой жаждой ныряет она ко мне в постель. Оч. хор., позлорадствую немного над рогами своего нанимателя. Поделом ему. Немощный прыщ — тем не менее прыщ.

После представления в Кракове Августовский прислал загадочную телеграмму. В переводе с французского: ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ TODTENVOGEL МИСТИФИЦИРОВАЛО ТЧК ВТОРОЕ ОБЕРНУЛОСЬ ДРАКОЙ ТЧК ТРЕТЬИМ ВОСХИЩЕНЫ ТЧК ЧЕТВЕРТОМ ГОВОРИТ ВЕСЬ ГОРОД ТЧК. Мы

---

[61] Примечания: 61

Григ, Эдвард (1843–1907) — крупнейший норвежский композитор, основатель музыкальной академии в Осло.

не знали, что и думать, пока по горячим следам этой телеграммы не последовали газетные вырезки, которые Августовский перевел на обороте концертной программы. В общем, наша «Todtenvogel» обернулась cause célèbre.[62] Насколько мы можем понять, критики истолковали наличествующее в ней раздробление вагнеровских тем как прямое оскорбление Германской республики. Группа парламентариев-националистов потребовала от руководства фестиваля пятого исполнения. Театр, предвидя выручку, уступил с удовольствием. Немецкий посол подал официальную ноту протеста, так что билеты на шестое представление были проданы менее чем за сутки. В итоге всего этого стоимость акций Эйрса поднялась выше крыши повсюду, кроме Германии, где, очевидно, его изобличают как еврейского дьявола. Общенациональные газеты со всего континента прислали просьбы об интервью. Имел удовольствие отправить в каждую вежливый, но твердый формальный отказ.

— Я слишком занят сочинительством, — ворчит Эйрс. — Если им хочется знать, «что я имею в виду», пусть слушают мою чертову музыку.

---

[62] Примечания: 62
Событием, получившим большой резонанс (фр.).

Однако же от этого внимания он весь так и цветет. Даже миссис Виллемс признает, что после моего приезда он сильно приободрился.

На Евином фронте продолжается вражда. Меня беспокоит, как она пронюхала, что между мной и моим отцом что-то неладно. Публично удивляется, почему я не получаю писем из дома или почему мне не присылают что-нибудь из моей одежды. Спросила, не захочет ли кто из моих сестер вступить с ней в переписку. Чтобы выиграть время, пришлось пообещать передать им ее предложение, и мне может понадобиться, чтобы ты пустился еще на один подлог. Не подкачай. Эта пронырливая лисица — едва ли не я сам в женском обличье.

Август в Бельгии в этом году выдался томительно-жарким. Луг желтеет, садовник опасается пожаров, фермеры тревожатся за урожай, но покажи мне безмятежного фермера, и я покажу тебе вменяемого дирижера.

Теперь о важном. Да, я встречусь с Отто Яншем в Брюгге, чтобы лично передать ему эти рукописи с цветными миниатюрами, но ты должен быть посредником во всем. Не хочу, чтобы Янш узнал, чьим я пользуюсь гостеприимством. Подобно всем перекупщикам, Янш — хитрый, хищный

хапуга, только больше других. Он не колеблясь попытается меня шантажировать, чтобы сбить нашу цену — или даже вообще заполучить рукописи бесплатно. Скажи ему, что я жду оплаты наличными, в хрустящих банкнотах, никакие эти кредитные соглашения со мной не пройдут. Потом я вышлю тебе почтовый перевод, включив в него и ту сумму, которую ты мне одолжил. Тогда тебя ни в чем не смогут обвинить, если дело пойдет наперекосяк. Я уже опозорен, а потому моя репутация не пострадает, если я дам ему от ворот поворот. Скажи Яншу и об этом тоже.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
16-VIII-1931, вечер

Сиксмит,

Твое скучное письмо от «поверенного» моего отца было Козырным Тузом. Браво. Прочел его вслух за завтраком — вызвало лишь мимолетный интерес. Почтовая марка со штемпелем Сэффрон-Уолдена — тоже мастерская работа. Ты что, в самом деле вытянул себя из своей лаборатории и отправился в солнечный Эссекс, чтобы отправить его лично? Эйрс пригласил нашего «мистера Каммингса» повидаться со мной в Зедельгеме, но поскольку ты написал, что время не ждет, то миссис Кроммелинк сказала, что Хендрик отвезет меня в город, чтобы подписать документы там. Эйрс проворчал, что целый день работы будет потерян, но он только счастлив лишний раз поворчать.

Сегодня утром, пока еще не высохла роса, мы с Хендриком поехали по тем же дорогам, по которым я колесил на велосипеде пол-лета тому назад. На мне была щегольская куртка Эйрса — теперь, когда те мои несколько предметов

одежды, что удалось спасти от лап «Империала», начинают изнашиваться, многое из его гардероба перекочевывает в мой. «Энфилд» был привязан к заднему крылу, чтобы я мог выполнить свое обещание и вернуть велосипед добряку-констеблю. Добычу нашу, переплетенную в пергамент, я замаскировал нотной бумагой, без которой, как известно всем в Зедельгеме, не ступаю ни шагу, и укрыл от случайных взглядов, уложив в грязный ранец, который здесь приобрел. Хендрик опустил верх «коули», так что для разговоров было слишком ветрено. Молчаливый малый, как и полагается при его должности. Странно признать это, но с тех пор, как начал ублажать миссис Кроммелинк, мне более не по себе при общении с лакеем ее мужа, нежели с самим мужем. (Иокаста продолжает жаловать меня своими милостями каждую третью или четвертую ночь, но только не в том случае, если дома ночует Ева, что оч. мудро. Да и в любом случае, не следует сразу же пожирать все шоколадки, подаренные на день рождения.) Неловкость моя проистекает из вероятности того, что Хендрику все известно. О да, нам безмерно нравится превозносить до звезд свою предусмотрительность, но для тех, кто перетряхивает простыни, секретов не существует.

Но я не очень-то беспокоюсь. Не надо требовать от слуг невозможного, а Хендрик достаточно благоразумен, чтобы ставить на наездницу-хозяйку, у которой впереди много лет, а не на инвалида Эйрса со всеми его перспективами. Право же, этот Хендрик — странный тип. Трудно угадать его вкусы. Мог бы стать великолепным крупье.

Он высадил меня возле ратуши, отвязал «энфилд» и отправился выполнять разнообразные поручения и наносить визит вежливости, как он сказал, своей больной двоюродной бабушке. Я покатил на двух колесах через толпы праздношатающихся туристов, школьников и бюргеров и всего лишь несколько раз сбился с пути. В полицейском участке музыкальный инспектор встретил меня с распростертыми объятиями и послал за кофе с пирожными. Он был в восторге от того, что мое положение у Эйрса так укрепилось. Когда я его покинул, было уже десять часов — назначенное время встречи. Спешить не стал. Хороший ход — заставить торговцев немного подождать.

Янш, опираясь на стойку в отеле «Рояль», приветствовал меня так:

— Ага, вот он, живой и невредимый, Человек-Невидимка, вернулся по просьбам обществен-

ности!

Клянусь, Сиксмит, этот бородавчатый старый Шейлок выглядит все более отталкивающим всякий раз, как попадается мне на глаза. Нет ли у него волшебного портрета, припрятанного на чердаке, который с каждым годом все хорошеет?[63] Не мог распознать, почему это он, по всей видимости, так рад меня встретить. Оглядел зал в поисках науськанных кредиторов — один тараканий взгляд, и я пустился бы наутек. Янш читал мои мысли.

— Так подозрителен, Роберто? Вряд ли я стану причинять вред озорной гусыне, которая несет такие великолепные яйца, так ведь? Ну, давайка, — он указал на стойку, — каким ядом будешь травиться?

Ответил, что пребывание в одном здании с Яншем, пусть даже таком большом, и без того отравляет, а потому предпочел бы перейти сразу к делу. Он ухмыльнулся, похлопал меня по плечу и повел в номер, который снял для нашей сделки. Никто за нами не последовал, но это еще ниче-

---

[63] Примечания: 63

…этот… старый Шейлок выглядит все более отталкивающим… Нет ли у него волшебного портрета… который с каждым годом все хорошеет? — Инверсия основного сюжетного хода «Портрета Дориана Грея» (1890) Оскара Уайльда. Шейлок — старый ростовщик из «Венецианского купца» Шекспира.

го не гарантировало. Теперь мне уже хотелось, чтобы ты назначил менее укромное место для нашей встречи, где головорезы Тэма Брюера не могли бы накинуть на меня мешок, швырнуть в сундук и уволочь обратно в Лондон. Вынул книги из ранца, а он достал из кармана пиджака пенсне. Пытался сбить цену, утверждая, что состояние томов скорее неплохое, чем хорошее. Спокойно завернул книги, положил их в ранец и вынудил скаредного еврея гнаться за мной по всему коридору, пока он не признал, что книги действительно хорошие. Позволил ему уговорить меня вернуться в номер, где мы пересчитали банкноты, медленно, пока оговоренная сумма не была выплачена сполна. Дело сделано, вздохнул он, потом заявил, что я его разорил, и положил свою волосатую лапу мне на колено. Сказал ему, что я приехал продавать только книги. Он спросил — а почему бизнес должен препятствовать удовольствию? Разве молодой жеребчик за границей не сможет найти применение небольшим карманным деньгам? Час спустя оставил Янша заснувшим, а его бумажник — истощенным. Через площадь отправился прямо в банк, где был принят личным секретарем управляющего. Сладкоголосая птица — платежеспособность!

Как любит говаривать папик: «Свой собственный пот — награда наград!» (Но не то чтобы он в жизни особо потел за своей кафедрой-синекурой.) Следующую остановку сделал в городском музыкальном магазине, «Флагстаде», где купил кирпич нотной бумаги, чтобы, заботясь о наблюдательных взорах, заменить им исчезнувший из ранца груз. Когда вышел, то в витрине обувного магазина увидел пару желтовато-коричневых гетр. Вошел, купил их. В табачном магазине увидел шагреневый портсигар. Купил и его.

Оставалось убить два часа. Выпил в кафе холодного пива, и еще, и еще, и выкурил целую пачку великолепных французских сигарет. Деньги Янша — это не дьявольские припасы, но, видит Бог, чувство у меня было именно такое. Затем я нашел церковь где-то на отшибе (мест, где кишат туристы, я избегал, уклоняясь от всяких там обозленных книготорговцев). Свечи, тени, скорбные мученики, ладан. Не бывал в церкви с того самого утра, когда папик вышвырнул меня на улицу. Дверь на улицу хлопала беспрестанно. Жилистые старики и старухи входили, зажигали свечи, выходили. Висячий замок на ящике для пожертвований был из самых лучших. Люди опускались на колени, чтобы помолиться, у некоторых ше-

велились губы. Завидую им, по-настоящему завидую. И Богу тоже завидую, посвященному во все их тайны. У верующих, наименее эксклюзивного клуба на Земле, необычайно ловкий привратник. Каждый раз, когда я ступаю в его широко раскрытые двери, то обнаруживаю, что снова иду по улице. Старался как мог думать о чем-то возвышенном, но пальцы воображения продолжали блуждать по телу Иокасты. Даже витражные святые и мученики слегка возбуждали. Не думаю, что такие мысли приближают меня к Небесам. В конце концов меня спугнул мотет Баха — хористы были чертовски плохи, но для органиста единственной надеждой на спасение была пуля в лоб. О чем сказал и ему тоже — такт и выдержка уместны в необязательной беседе, но отнюдь не следует прятаться в кусты, когда дело касается музыки.

В чинно-чопорном «Минневатер-парке» ухажеры прогуливались под ручку со своими сужеными между ив, шток-роз и сопровождающих дам. Слепой и изнуренный скрипач выступал ради редких монеток. Вот этот играть умел. Заказал

ему «Bonsoir, Paris!»,[64] [65] и он исполнил с таким пылом, что я сунул ему в руку хрустящую пятифранковую банкноту. Он снял темные очки, проверил водяные знаки, воззвал к своему любимому святому, собрал медяки и стал улепетывать через клумбы, хохоча как сорванец. «За деньги счастья не купишь» — кто бы это ни сказал, у него, видимо, этого добра было в избытке.

Сел на металлическую скамью. Колокола, поблизости и вдали, вперемешку и вперемежку отбили час. Из правовых и торговых контор выползли клерки, чтобы съесть свои сэндвичи в парке и ощутить на лице дуновение омытого зеленью ветерка. Стал подумывать, не опаздывает ли Хендрик, как вдруг — угадай, кто этаким вальсом входит в парк, без присмотра, в обществе мужчины, щеголеватого, похожего на проколотое булавкой насекомое, с нагло сверкающим на пальце вульгарным обручальным кольцом; явно раза в два старше ее. Молодец, догадливый. Ева. Укрылся за газетой, оставленной на скамье

---

[64] Примечания: 64

«Добрый вечер, Париж!» (фр.).

[65] Примечания: 65

«Добрый вечер, Париж!» — песня для голоса и фортепиано из комедии «Магдалена» бразильского композитора Эйтора Вилла-Лобоса (1887–1959).

каким-то клерком. Ева не прикасалась к своему компаньону, но они прошли в двух шагах от меня с видом непринужденной близости, какого у нее никогда не бывало в Зедельгеме. Мгновенно пришел к очевидному выводу.

Ева ставила свои фишки на сомнительную карту. Он громко разглагольствовал, чтобы незнакомцы вокруг услышали и прониклись:

— Время, Ева, принадлежит тебе в том случае, если ты и равные тебе воспринимают одни и те же вещи как должное, не думая об этом. Более того, человек рушится, если времена меняются, но он остается прежним. Позволь добавить, что в этом же причина падения империй.

Этот болтливый любомудр привел меня в замешательство. Девушка с внешностью Е. могла бы найти себе кого и получше, так ведь? Поведение Е. тоже привело меня в замешательство. Средь бела дня, в своем собственном городе! Может, она и хочет себя погубить? Или она одна из этих распутных суфражисток типа Россетти?[66] Я проследил за парой на безопасном удалении, до

[66] Примечания: 66

Или она одна из этих распутных суфражисток типа Россетти? — Имеется в виду жена Уильяма Россетти (брата Данте Габриэля и Кристины) Люси, урожденная Мейдокс Браун (1843–1894), активно выступавшая за предоставление женщинам права голоса.

городского дома на роскошной улице. Мужчина, прежде чем вставить ключ в замок, хитрыми глазками быстро, но внимательно огляделся по сторонам. Я нырнул в какой-то двор. Вообрази себе Фробишера, злорадно потирающего руки!

Ева, как обычно, вернулась в пятницу, ближе к вечеру. В проходе между ее комнатой и дверью в конюшню стоит дубовое кресло — этакий трон. Там я и расположился. К несчастью, внимание мое поглотили переливы света в старом стекле, и я даже не заметил Е., которая приблизилась с хлыстиком в руке, совершенно не подозревая, что на нее устроена засада.

— S'agit-il d'un guet-apens? Si vous voulez discuter avec moi d'un problème personnel, vous pourriez me prévenir?[67]

Захваченный таким образом врасплох, я невольно высказал свою мысль вслух. Ева уловила ключевое слово.

— Я, говорите, что-то вынюхиваю? «Une moucharde»? Ce n'est pas un mot aimable, Mr. Frobisher. Si vous dites que je suis une moucharde, vous allez nuire à ma réputation. Et si vous nuisez à ma réputation, eh bien, il faudra que je ruine la

[67] Примечания: 67

Что это, засада? Ежели хотите обсудить со мной что-то личное, то почему бы об этом не предупредить? (фр.).

vôtre![68]

С запозданием, но я открыл огонь. Да, ее репутация — это именно то, о чем я хотел ее предупредить. Если даже случайно приехавший в Брюгге иностранец видел ее во время школьных занятий разгуливающей в парке Минневатер вместе с некоей развратной жабой, то становится лишь вопросом времени, когда именно все сплетники в городе втопчут имя Кроммелинк-Эйрс в грязь!

Какое-то время я ожидал пощечины, затем она покраснела и опустила лицо. Кротко спросила:

— Avez-vous dit à ma mère ce que vous avez vu?[69]

Я ответил, что нет, еще не говорил никому. Е. тщательно прицелилась:

— Очень глупо с вашей стороны, месье Фробишер, потому что мама могла бы вам сказать, что таинственным моим «сопровождающим» был месье ван де Вельде, господин, в чьей семье я живу на протяжении школьной недели. Его отец владеет самым большим военным заводом

---

[68] Примечания: 68

«Вынюхиваю»? Но ведь это оскорбительно, мсье Фробишер. Утверждать, что я за вами подсматриваю, — значит бросать тень на мою репутацию. А коль скоро вы черните мою репутацию, то что ж, придется мне разрушить вашу! (фр.).

[69] Примечания: 69

Вы уже говорили матери о том, что видели? (фр.).

в Бельгии, а сам он — уважаемый семейный человек. В среду был неполный день занятий, так что у месье ван де Вельде хватило любезности сопроводить меня обратно от своей конторы до особняка. Собственные его дочери должны были присутствовать на репетиции хора. В школе не любят, чтобы ученицы ходили по городу в одиночку, даже при свете дня. А шпионы, они, понимаете ли, обитают в парках, шпионы с извращенным умом, ждущие случая навредить репутации девушки — или, может быть, ищущие возможности ее шантажировать.

Блеф или ответный ход? Я решил поберечь свои фишки.

— Шантажировать? Да у меня самого три сестры, и я беспокоился за вашу репутацию! Вот и все.

Она наслаждалась своим преимуществом.

— Ah oui? Comme c'est délicat de votre part![70] Скажите, мистер Фробишер, что именно, по-вашему, мосье ван де Вельде собирался со мной сделать? Уж не одолела ли вас смертельная ревность?

Ее ужасающая — для девушки — прямота окончательно сшибла перекладину с моих крикетных

---

[70] Примечания: 70
Ах так! Как это любезно с вашей стороны! (фр.).

воротец.

— Я счастлив, что это простое недоразумение было выяснено, — сказал я с самой неискренней из своих улыбок, — и рад возможности принести свои самые искренние извинения.

— Я принимаю ваши самые искренние извинения совершенно в том же духе, в котором они были принесены.

Е. пошла к конюшне, ее хлыст со свистом рассекал воздух, словно хвост львицы. Отправился в музыкальную комнату, чтобы забыть о своем кошмарном провале, уйдя с головой в какую-нибудь демоническую пьесу Листа.[71] Обычно могу с легкостью отгреметь великолепное «La Prédication aux Oiseaux»,[72] но только не в прошлую пятницу. Слава богу, завтра Е. уезжает в Швейцарию. Если только она узнает о ночных визитах своей матери… нет, не переношу даже мысли об этом. Почему это я никогда не встречал парня, которого не мог бы обвести вокруг пальца (и не только пальца!), а вот женщины в

---

[71] Примечания: 71

Лист, Ференц (1811–1886) — венгерский композитор-романтик, пианист, дирижер, создатель нового направления в пианизме, родоначальник жанра одночастных симфонических поэм.

[72] Примечания: 72

«Проповедь (св. Франциска) птицам» (фр.).

Зедельгеме, по видимости, всякий раз берут надо мной верх?

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
29-VIII-1931

Сиксмит,

Сижу в халате за своим бюро. Церковные колокола бьют пять. Очередной рассвет, предвестье иссушающего солнца. Свеча моя догорела. Утомительная ночь вывернулась наизнанку. В полночь ко мне в постель пробралась И., и во время наших гимнастических упражнений кто-то стал ломиться в дверь. Ужас с оттенком фарса! Слава богу, И. заперла ее за собой. После того как погремела дверная ручка, начался настойчивый стук. Страх с тем же успехом прочищает сознание, как и затуманивает его, и, вспомнив «Дон Жуана», я укрыл И. в гнезде из одеял и простыней на своей продавленной кровати и наполовину откинул полог, желая показать, что прятать мне нечего. Ощупью пошел через комнату, не веря, что это происходит со мной, и намеренно натыкаясь на мебель, чтобы выиграть время, а достигнув двери, спросил:

— Что такое, черт возьми? У нас пожар?

— Открывай, Роберт!

Эйрс! Как ты можешь себе представить, я готов был уворачиваться от пуль. В отчаянии спросил, сколько времени, просто чтобы выиграть еще одно мгновение.

— Какая разница? Я не знаю! Ко мне, парень, явилась мелодия для скрипки, это дар свыше, и она не дает мне уснуть, так что надо записать ее, немедленно!

Можно ли было ему верить?

— Это не может подождать до утра?

— Нет, черт тебя побери, не может! Вдруг я ее потеряю, Фробишер!

Не перейдем ли мы в музыкальную комнату?

— Это разбудит весь дом, и… нет, все ноты на месте, у меня в голове!

Так что я попросил его подождать, пока не зажгу свечу. Открыл дверь, и там, обеими руками опираясь на трости, стоял Эйрс, похожий на мумию в своей освещенной лунным светом ночной рубашке. Позади него стоял Хендрик, безмолвный и внимательный, как индейский тотем.

— Да пусти же, пусти! — Эйрс протиснулся мимо меня. — Найди ручку, хватай чистую нотную бумагу, включай лампу, быстро. Какого дьявола ты запираешь дверь, если спишь с открытыми окнами? Пруссаки ушли, а привидения спокойно

пройдут и сквозь дверь.

Промямлил какой-то вздор насчет того, что-де не могу уснуть в незапертой комнате, но он не слушал.

— Есть у тебя здесь нотная бумага или мне отправить за ней Хендрика?

Из-за облегчения оттого, что Эйрс не планировал застать меня покрывающим его жену, его требования показались менее нелепыми, чем были на самом деле, и я сказал: ладно, у меня есть бумага, есть перья, давайте приступим. Зрение у Эйрса было слишком слабым, чтобы заметить что-либо подозрительное в предгорьях моей постели, но Хендрик по-прежнему представлялся мне возможной опасностью. Нельзя полагаться на благоразумие слуг. После того как Хендрик помог своему хозяину усесться на стул и укутал ему плечи пледом, я сказал, что позвоню ему, когда мы закончим. Эйрс не возражал — он уже напевал. Заговорщический проблеск в глазах Х.? Комната была слишком тускло освещена, чтобы сказать наверняка. Слуга чуть заметно поклонился и скользнул прочь, будто на хорошо смазанных колесиках, мягко прикрыв за собою дверь.

Слегка ополоснул лицо у умывальника и сел напротив Эйрса, тревожась, что И. может забыть

о скрипучих половицах и попытаться выйти на цыпочках.

— Готов.

Эйрс напевал свою сонату, такт за тактом, потом называл ноты. Необычность этой миниатюры скоро увлекла меня и поглотила, несмотря на обстоятельства. Это раскачивающаяся, цикличная, кристаллическая вещь. Он закончил на девяносто шестом такте и велел мне пометить лист словом «triste».[73] Потом спросил:

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Затрудняюсь сказать, — ответил я. — Это совсем на вас не похоже. И мало похоже на кого-либо другого. Но — завораживает.

Эйрс теперь весь грузно осел, вызывая в памяти картину маслом кого-то из прерафаэлитов:[74] «Насытясь, Муза куклу в прах ввергает». В предрассветном саду плескалось пение птиц. Думал об изгибах тела И., лежавшей всего лишь в несколь-

---

[73] Примечания: 73

Печаль (фр.).

[74] Примечания: 74

Прерафаэлиты — английские художники и писатели середины и второй половины XIX в., опиравшиеся в своем творчестве на искусство раннего Возрождения (до Рафаэля). Члены прерафаэлитского братства — Данте Габриэль Россетти, Уильям Холмен Хант, Джон Эверетт Милле, Эдвард Берн-Джонс, Уильям Моррис и др. — противопоставляли академизму «наивную религиозность» средневекового искусства, а позже — орнаментализм с мистической окраской.

ких ярдах, и даже почувствовал опасный трепет желания. В. Э. в кои-то веки не был в себе уверен.

— Мне снилось… э… кошмарное кафе, ярко освещенное, но под землей, без выхода наружу. Я был уже долгое, долгое время мертв. У всех официанток было одно и то же лицо. Кормили мылом, а поили только мыльной пеной в чашках. И в кафе звучала вот эта, — он помахал над бумагой ссохшимся пальцем, — музыка.

Позвонил Х. Хотелось, чтобы Эйрс покинул мою комнату до того, как дневной свет застанет его жену у меня в постели. Через минуту Х. постучал в дверь. Эйрс поднялся на ноги и заковылял через комнату — он терпеть не может, если кто-нибудь видит, что ему помогают.

— Славно поработали, Фробишер.

Его голос донесся до меня из глубины коридора. Я закрыл дверь и с огромным облегчением перевел дух. Забрался обратно в постель, где моя укрытая болотно-влажными простынями аллигаторша вонзила мелкие зубки в свою юную жертву.

Мы начали было буйно осыпать друг друга прощальными поцелуями, когда, будь я проклят, дверь снова со скрипом открылась.

— Кое-что еще, Фробишер!

О Матерь Всех Нечестивцев, я не запер дверь! Эйрс дрейфовал в сторону кровати, словно остов «Геспера».[75] И. скользнула обратно под простыни, пока я издавал отвлекающие недоуменные звуки. Слава богу, Хендрик остался ждать снаружи — случайность или тактичность? В. Э. нашел край моей кровати и уселся там, всего лишь в нескольких дюймах от той выпуклости, которую являла собою И. Теперь, если бы И. чихнула или закашлялась, даже старый слепой Эйрс все понял бы.

— Щекотливый предмет, так что выложу его напрямую. Иокаста. Она не очень-то верная женщина. В супружестве, я имею в виду. Друзья намекают на ее неосторожность, враги сообщают об интрижках. Она когда-нибудь… по отношению к тебе… понимаешь, о чем я?

Умело придал жесткости своему голосу.

— Нет, сэр, не думаю, чтобы я понимал, к чему вы клоните.

— Да избавь ты меня от своей скромности! — Эйрс наклонился ближе. — Моя жена когда-нибудь делала тебе авансы? А, парень? Я имею

---

[75] Примечания: 75

…дрейфовал… словно остов «Геспера». — Имеется в виду баллада Г. Лонгфелло «Крушение „Геспера“» (1840) о катастрофе, постигшей одноименную шхуну.

право знать!

С трудом сдержался: был на волосок от припадка истерического смеха.

— Я нахожу ваш вопрос до крайности бестактным.

Дыхание Иокасты увлажняло мне бедро. Она, должно быть, жарилась заживо под своими покровами.

— Я не стал бы приглашать к себе никого из «друзей», кто распространяет такую грязь вокруг этого имени. В случае миссис Кроммелинк, скажу откровенно, такое предположение представляется мне настолько же немыслимым, насколько отталкивающим. Если… если, в силу какого-то, я не знаю, нервного срыва она вынуждена была вести себя так неуместно… что ж, если честно, Эйрс, я бы спросил совета у Дондта или поговорил бы с доктором Эгретом.

Софистика создает чудесную дымовую завесу.

— Значит, ты не собираешься ответить мне одним словом?

— Я отвечу вам двумя словами: «Разумеется нет!» И очень надеюсь, что теперь этот вопрос закрыт.

Эйрс молчал, позволяя долгим мгновениям медленно утекать прочь.

— Вы молоды, Фробишер, вы богаты, у вас есть мозги, и, как ни погляди, у вас далеко не отталкивающая внешность. Я не вполне понимаю, что вас здесь удерживает.

Прекрасно. Он становился сентиментальным.

— Вы — мой Верлен.[76]

— В самом деле, юный Рембо? Тогда где же твоя «Saison en Enfer»?[77]

— В набросках, в черепе, у меня в нутре, Эйрс. В моем будущем.

Не могу сказать, исполнился ли Эйрс благодушия, жалостливой ностальгии или презрения. Он ушел. Я запер дверь и в третий раз за ночь забрался в постель. Фарс в спальне, когда он происходит на самом деле, невероятно печален. Иокаста, кажется, обозлилась на меня.

— Что такое? — прошипел я.

— Мой муж тебя любит, — сказала, одеваясь, жена.

Зеделькем весь поскрипывает. Водопровод ше-

---

[76] Примечания: 76

— Вы мой Верлен. — В самом деле, юный Рембо? Тогда где же твоя «Saison en Enfer»? — «Пора в аду» (1873) — сборник французского поэта-символиста Артюра Рембо (1854–1891). Поль Верлен (1844–1896) — французский поэт-символист, друг и наставник Рембо.

[77] Примечания: 77

«Пора в аду» (фр.).

пелявит, словно престарелые тетушки. Думал о своем деде, чья своенравная яркость не коснулась поколения моего отца. Однажды он показал мне акватинту с неким сиамским храмом. Не помню его названия, но с тех пор, как века назад последователь Будды прочел на том месте проповедь, все разбойные владыки, тираны и монархи этого королевства добавляют к нему мраморные башни, пахучие древесные питомники, позолоченные купола с роскошной росписью на сводчатых потолках, вставляют изумруды в глаза статуэток. В тот день, когда этот храм сравняется наконец со своим двойником в Стране Чистоты, так гласит предание, человечество исполнит свое предназначение и само Время подойдет к концу.

Для людей вроде Эйрса, думается мне, таким храмом является цивилизация. Массы — рабы, крестьяне, пехотинцы — существуют в щелях между храмовых плит, не ведая даже о своем невежестве. Другое дело — великие государственные деятели, ученые, художники и, главное, композиторы этой эпохи, любой эпохи, которые являются архитекторами, каменщиками и жрецами цивилизации. Эйрс видит нашу роль в том, чтобы сделать цивилизацию великолепнее, чем когда-либо. Основное, если не единственное,

желание моего работодателя — в том, чтобы воздвигнуть минарет, на который наследники Прогресса через тысячу лет будут указывать со словами: «Смотрите, это Вивиан Эйрс!»

Как оно вульгарно, это стремление к бессмертию, как тщеславно и как фальшиво! Композиторы — это всего лишь те, кто процарапывает наскальные росписи в пещерах. Человек пишет музыку, потому что зима бесконечна и потому что иначе волки и вьюги скорее доберутся до его горла.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
14-IX–I931

Сиксмит,

Сегодня после полудня к нам на чай приезжал сэр Эдуард Элгар. Даже если ты о нем слышал, ты все равно ignoramus.[78] Обычно, если кто-нибудь спросит Эйрса, что он думает об английской музыке, тот отвечает: «Какой еще английской музыке? Ее нет! После Пёрселла[79] ее не существует!» — и окрысится на целый день, словно бы всю Реформацию осуществил один человек. Вся эта враждебность была забыта во мгновение ока, когда сэр Эдвард позвонил из отеля в Брюгге и спросил, не сможет ли Эйрс уделить ему час-другой. Тот напустил на себя сварливо-скаредный вид, но по тому, как он подгонял миссис Виллемс с приготовлениями к чаепитию, могу сказать, что он был доволен, как кот, поевший сметаны. Наш прославленный гость прибыл в половину

---

[78] Примечания: 78
Невежда (лат.).

[79] Примечания: 79
Пёрселл, Генри (ок. 1659–1695) — английский композитор, автор первой национальной оперы «Дидона и Эней» (1689).

третьего, одетый, несмотря на мягкую погоду, в темно-зеленый плащ с капюшоном. Состояние его здоровья не намного лучше, чем у Эйрса, и я встретил его на ступеньках Зедельгема.

— Итак, это вы исполняете роль новых глаз Вива, не так ли? — сказал он, когда мы пожимали друг другу руки.

Сказал ему, что дюжину раз видел, как он дирижировал на фестивалях, и это пришлось ему по душе. Провел композитора в Алый зал, где ждал Эйрс. Они приветствовали друг друга тепло, но так, словно оба опасались друг от друга синяков. Элгара очень донимают боли от защемления седалищного нерва, а В. Э., даже в лучшие свои дни, на первый взгляд выглядит жутко, а на второй — еще хуже. Чай был подан, и они стали говорить келейно, по большей части не обращая внимания ни на меня, ни на И., но было восхитительно присутствовать там даже мухой на стене. Сэр Э. время от времени поглядывал на нас, желая убедиться, что он не утомляет своего хозяина. «Нет, нисколько», — улыбались мы в ответ. Они отгородились от нас такими темами, как использование саксофонов в оркестрах, попечительство и политика в

музыке, а также кем следует считать Веберна[80] — мошенником или мессией. Сэр Э. сообщил, что сейчас, после длительной спячки, работает над Третьей симфонией, и даже сыграл нам на рояле наброски molto maestoso[81] и allegretto.[82] Эйрс, жаждая доказать, что и он еще не готов сойти в гроб, велел мне исполнить несколько завершенных недавно фортепьянных пьес — довольно милых. После нескольких опустошенных бутылок траппистского пива я спросил у Элгара о его «Торжественных и церемониальных маршах».

— О, дорогой мой мальчик, мне нужны были деньги! Но только никому не говорите. Вдруг королю захочется забрать у меня назад титул барона.

Эйрс при этих словах стал корчиться от смеха!

— Я всегда говорю, Тед: чтобы толпа пела тебе Осанну, ты вначале должен въехать в город на осле. В идеале — сидя на нем задом наперед и одновременно вещая массам высокопарные вещи,

---

[80] Примечания: 80

Веберн, Антон фон (1883–1945) — австрийский композитор и дирижер, ярчайший представитель, наряду с Альбаном Бергом и Арнольдом Шёнбергом, новой венской школы.

[81] Примечания: 81

Очень торжественно (ит.).

[82] Примечания: 82

Живо, но не слишком (ит.).

которые им хочется слышать.

Сэр Э. слышал о том, как в Кракове был принят «Todtenvogel» (кажется, об этом слышал весь Лондон), так что В. Э. попросил меня принести партитуру. Когда я вернулся в Алый зал, гость взял нашу птицу смерти, сел на стул, возле окна и стал читать ее с помощью монокля, пока мы с Эйрсом делали вид, что заняты чем-то своим.

— Человек наших лет, Эйрс, — сказал наконец Э., — не имеет права на такие смелые мысли. Откуда ты их берешь?

В. Э. напыжился, как самодовольный рогохвост.

— Полагаю, я выиграл одну или две арьергардные схватки в войне с одряхлением. Мой парень, Роберт, проявил себя ценным адъютантом.

Адъютантом? Я его чертов генерал, а вот он — жирный старый тиран, царствующий в память об увядших триумфах! Улыбнулся самой сладкой улыбкой, на какую только способен (точно от этого зависела крыша над моей головой; кроме того, сэр Э. может однажды оказаться полезным, так что не стоило создавать впечатление, что у меня буйный нрав). Во время чаепития Элгар выгодно противопоставлял мое положение в Зедельгеме своей первой работе в качестве директора прию-

та для душевнобольных в Вустершире.

— А что, отличная подготовка для того, чтобы дирижировать в Лондонской филармонии, разве нет? — колко заметил В. Э.

Мы рассмеялись, и я наполовину простил крысоватого старого маньяка за то, что он таков, каков есть. Подбросил в камин полено-другое. В дымном свете огня двое стариков клевали носом, словно пара древних королей, коротающих вечность в своих гробницах. Переложил их похрапывание на ноты. Элгара надо исполнять на басовой тубе, Эйрса — на фаготе. То же самое я сделаю с Фредом Делиусом и Тревором Макеррасом и опубликую их всех вместе в работе под названием «Трущобный музей чучел современников Эдуарда VII».

Тремя днями позже

Только что вернулся с прогулки в темпе lento — я толкал кресло В. Э. вниз по аллее Монаха до домика привратника. Нынешним вечером вся атмосфера была в движении; порывы ветра осыпали осенние листья, пуская их по спертым спиралям, и казалось, будто это В. Э. был фокусником, а я — его подручным. Скошенный луг перегораживали тени тополей. Эйрс хотел изложить замыслы относительно своего финального,

масштабного симфонического произведения, которое он, в честь своего любимого Ницше, собирается назвать «Вечным возвращением». Некоторая музыка будет заимствована из неудавшейся оперы, основанной на «Острове доктора Моро»,[83] — ее представление в Вене отменилось из-за войны, — другая, как верит В. Э., к нему «придет», а становым хребтом ее будет пьеса «сновидческой музыки», что он надиктовал мне в моей комнате той кошмарической ночью в прошлом месяце, о которой я тебе писал. В. Э. хочет, чтобы там были четыре части, женский хор и большой ансамбль со множеством деревянных духовых инструментов, которые он так любит. Истинное морское чудище! Хочет моих услуг еще на полгода. Сказал, что подумаю. Пообещал повысить жалованье, что с его стороны и вульгарно и хитро. Повторил, что мне требуется время. В. Э. очень огорчен, что я не ответил ему с ходу восторженным «Да!», но пускай старикан сознается самому себе, что нуждается во мне больше, чем я в нем.

Искренне твой, Р. Ф.

---

[83] Примечания: 83

«Остров доктора Моро» (1896) — роман Герберта Уэллса о вивисекторе, выводившем разумные гибриды животных.

Зедельгем
28-IX–I931

Сиксмит,

И. становится оч. утомительной. После занятий любовью она раскидывается на моей кровати, как лупоглазая лунатичка, и требует, чтобы я рассказывал ей о других женщинах, чьи струны заставлял дрожать. Теперь, выудив у меня имена, она откалывает фразы вроде: «О, я думаю, этому тебя научила Фредерика?» (Представь, она забавляется с родимым пятном у меня под ключицей, с тем, которое, по твоим словам, похоже на комету, — не выношу, когда эта женщина треплет мою кожу!) И. повадилась затевать мелкие ссоры, чтобы переходить потом к утомительным примирениям, и, что особо меня беспокоит, начала переносить наши ночные драмы в дневную жизнь. Эйрс не видит ничего дальше «Вечного возвращения», но через десять дней должна приехать Ева, а уж у той-то глаз-алмаз, и она распознает разлагающуюся тайну в единый миг.

И. полагает, что наши отношения позволяют ей крепче связать мое будущее с Зедельгемом, —

полушутя, полусерьезно она говорит, что не даст мне «покинуть» ни ее, ни ее мужа в «их» час нужды. Дьявол, Сиксмит, скрывается в местоимениях. Что хуже всего, она начала использовать в отношении меня слово «л…» — и хочет услышать его в ответ. Что такое с этой женщиной? Она едва ли не вдвое старше меня! Во что она превратится позже? Заверил ее, что никогда никого не любил, кроме себя, и не имею намерения начинать это теперь, особенно с женой другого — и особенно при том, что этот другой может опорочить мое имя в глазах европейской музыкальной общественности, написав с полдюжины писем. Ну и дамочка, разумеется, увлеклась теперь обычными уловками — рыдает в мою подушку и обвиняет меня в том, что я ее «использовал». Я соглашаюсь: конечно, я ее использовал; ровно в той мере, в какой она использовала меня. Таково положение дел. Если оно ее больше не устраивает, то я ее не держу. Она взвивается и дуется на меня пару суток, пока старая овца не изголодается по молодому барашку, тогда она возвращается, называет меня дорогим своим мальчиком, благодарит за то, что я «вернул Вивиану его музыку», и весь идиотский цикл начинается сызнова. Я подумываю, не прибегала ли она в прошлом к услугам

Хендрика. Если бы кто-нибудь из австрийских докторов по психической части вскрыл ей голову, оттуда вылетел бы целый рой неврозов. Знай я, что она так неустойчива, никогда не пустил бы ее к себе в постель в ту первую ночь. В том, как она занимается любовью, присутствует какая-то безрадостность… Нет, дикарство.

Принял предложение В. Э. остаться здесь до следующего, по крайней мере, лета. В решении моем не было никакого космического отзвука — только преимущества для творческих занятий, финансовые соображения и то обстоятельство, что у И. может случиться что-то вроде коллапса, если я уеду. Последствия этого были бы непредсказуемы.

Позже, того же дня

Садовник развел костер из опавших листьев — недавно оттуда. Жар на лице и руках, печальный дым, потрескивающий и сопящий огонь. Напомнил мне лачужку землекопа в Грешеме… Так или иначе, получил от этого костра замысловатый пассаж: ударные воспроизводят потрескивание, альтовый кларнет — деревья, а неумолчная флейта — языки пламени. Только что закончил аранжировку. Воздух в шато липкий, словно белье, которое никак не желает просохнуть. По

коридорам, хлопая дверьми, гуляют сквозняки. Осень оставляет свою мягкость, переходя к колючей, дождливой поре. Не помню, чтобы лето успело хотя бы попрощаться.

Искренне твой, Р. Ф.

Периоды полураспада
Первое расследование Луизы Рей

1

Руфус Сиксмит склоняется над балконом и прикидывает, с какой скоростью его тело долетит до тротуара и покончит со всеми дилеммами своего хозяина. В неосвещенной комнате звонит телефон. Сиксмит не осмеливается ответить. В соседней квартире, где вечеринка в самом разгаре, грохочет музыка диско, и Сиксмит чувствует себя старше своих шестидесяти шести. Смог застилает звезды, но к северу и к югу вдоль береговой полосы пылают миллионы огней Буэнас-Йербаса. К западу простирается вечность Тихого океана. К востоку — наш оголенный, героический, пагубный, лелеемый в памяти, страдающий от жажды, впадающий в бешенство Американский континент.

Молодая женщина покидает гвалт соседской вечеринки и склоняется над балконом рядом. Волосы у нее коротко острижены, лиловое платье весьма элегантно, но выглядит она безутешно печальной и одинокой. «Предложи ей совместный суицид, а?» Сиксмит не серьезен, да и сам он не собирается прыгать, пока в нем все еще теплится уголек юмора. «Вдобавок тихий несчастный

случай — это именно то, о чем молятся Гримальди, Нейпир и все эти громилы в тщательно подогнанных костюмчиках». Сиксмит, шаркая, удаляется в комнату и наливает себе еще одну щедрую порцию вермута из мини-бара своего отсутствующего хозяина, погружает ладони в ящик со льдом, затем вытирает лицо. «Выйди куда-нибудь и позвони Меган, она твой единственный оставшийся друг». Он знает, что не сделает этого. «Ты не можешь втягивать ее во всю эту летальную дрянь». Колотьба диско пульсирует у него в висках, но эту квартиру он одолжил и полагает, что жаловаться было бы глупо. Буэнас-Йербас — это тебе не Кембридж. К тому же ты прячешься. Ветер захлопывает балконную дверь, и Сиксмит от испуга расплескивает половину вермута. «Нет, старый ты дурень, это не выстрел».

Он вытирает то, что пролил, кухонным полотенцем, включает телевизор, звук которого приглушен, и щелкает каналами в поисках «M*A*S*H*».[84] Где-то да идет. Просто надо смотреть дальше.

---

[84] Примечания: 84

«M*A*S*H*» («Военно-полевой госпиталь», 1972–1983) — американский телесериал о военно-полевом госпитале времен Корейской войны, «черная» комедия, основанная на одноименном кинофильме Роберта Олтмена (1970).

2

Луиза Рей слышит глухой металлический звук, донесшийся с соседнего балкона. «Кто там?» Никого. Желудок предупреждает ее о необходимости отставить стакан с тоником. «Тебе нужно было в ванную, а не на свежий воздух». Но она не в силах снова пробираться через толпу веселящихся гостей — да и все равно нет времени, — она тужится, и ее рвет через перила балкона вдоль стены здания: раз, другой, видение жирного цыпленка, и третий. «Это, — она утирает глаза, — третья самая отвратная вещь из всего, что ты когда-либо делала». Она полощет рот, сплевывает остатки в цветочный горшок, стоящий за ширмой. Луиза промокает губы платком и находит в сумочке мятную пластинку. «Ступай домой и раз в жизни просто придумай свои триста денежных слов. Все равно люди смотрят только на фото».

На балкон выходит мужчина, слишком старый для своих кожаных брюк, обнаженного торса и полосатого жилета.

— Луиза-а-а!

У него замысловатая золотистая бородка, а на

шее — анк[85] из лунного камня и нефрита.

— Вот ты где! Вышла поглазеть на звезды, а? Класс. Бикс притащил с собой восемь унций снега, прикалываешься? Ну просто дикий кот. Эй, я говорил в интервью? Я сейчас пытаюсь разобраться с именем Ганджа. Махарай Дджа говорит, Ричард должен совместиться с моей Иоведической Сущностью.

— Кто?

— Мой гуру, Луиза-а-а, мой гуру! Он сейчас на последней своей реинкарнации перед… — Пальцы Ричарда делают «пуффф!» в сторону Нирваны. — Приходи на аудиенцию. Если просто записаться, то ждать придется, типа, вечность, но ученики нефритового анка получают персональную аудиенцию в тот же день. Типа, на фиг проходить через колледж и все дерьмо, если Махарай Аджа может, типа, обучить тебя всему… этому. — Он складывает пальцы кольцом, заключая в него луну. — Слова, они такие… натянутые… Пространство… оно такое… знаешь, типа, тотальное. Покурим травки? «Ака-пулько-голд». Зацепил у Бикса.

Он придвигается.

---

[85] Примечания: 85

Анк — египетский крест, символ вечности в древнеегипетской мифологии.

— Слушай, Лу, давай завьемся после этой вечеринки, а? Ты да я, у меня, в кайф? Ты смогла бы получить крайне эксклюзивное интервью. Могу даже написать тебе песню и поставить ее на свой следующий диск.

— Отклоняется.

Рокер низшей лиги прищуривается.

— Что, критические дни? Как насчет следующей недели? Я думал, что все вы, медиа-цыпочки, сидите, типа, всю жизнь на пилюлях.

— А что, Бикс тебе и слова для интервью продает?

Он сдавленно хихикает.

— Эй, что там наговорил тебе этот кот?

— Ричард, просто чтобы не было неопределенности. Я скорее спрыгну с этого балкона, чем стану с тобой спать, в любое время любого месяца. Вполне серьезно.

— Уау! — Его рука отдергивается, словно ужаленная. — Цып-па! Ты что, думаешь, ты, типа, Джони, мать ее, Митчелл?[86] Ты всего лишь, мать твою, ведешь колонку сплетен в журнале, который, типа, никто никогда не читает!

---

[86] Примечания: 86

...Джони... Митчелл... — под таким именем прославилась родившаяся в 1943 г. в Канаде певица и автор-исполнитель Роберта Джоан Андерсон.

3

Двери лифта закрываются как раз в тот момент, когда подходит Луиза Рей, но невидимый пассажир успевает вставить между ними трость.

— Спасибо, — обращается Луиза к старику. — Рада, что эпоха рыцарства еще не совсем миновала.

Он сдержанно кивает.

«Выглядит так, словно ему осталось жить всего неделю», — думает Луиза. Она нажимает на кнопку первого этажа. Старинный лифт начинает спускаться. Неторопливая стрелка ведет обратный отсчет. Двигатель лифта завывает, его тросы скрежещут, но между одиннадцатым и двенадцатым этажами взрывается какое-то «гатта-гатта-гатта», а затем умирает со звуком «фззз-ззз-зз-з». Луиза и Сиксмит валятся на пол. Свет, запинаясь, то включается, то выключается, прежде чем остановиться в режиме жужжащей сепии.

— Вы не ушиблись? Можете подняться?

Распростертый на полу старик немного приходит в себя.

— Кости, думаю, не сломаны, но лучше уж я

пока посижу, спасибо. — Его старомодный английский напоминает Луизе тигра из «Книги джунглей».[87] — Питание может восстановиться внезапно.

— Боже, — бормочет Луиза. — Отключили питание. Чудесное завершение чудесного дня.

Она нажимает на аварийную кнопку. Ничего. Нажимает на кнопку интеркома и вопит:

— Эй! Есть там кто? — Шипение статики. — У нас здесь проблема! Слышит нас кто-нибудь?

Луиза и старик, прислушиваясь, искоса поглядывают друг на друга.

Ответа нет. Только смутные подводные шумы. Луиза обследует потолок.

— Должен быть аварийный люк… — Его нет. Она сдирает ковер — стальной пол. — Наверное, только в фильмах.

— Вы по-прежнему рады, — спрашивает старик, — что эпоха рыцарства еще не умерла?

Луизе удается слегка улыбнуться.

— Мы можем здесь на какое-то время задержаться. В прошлом месяце отключение длилось семь часов.

«Ладно, по крайней мере, я не заточена здесь

---

[87] Примечания: 87

Его старомодный английский напоминает Луизе тигра из «Книги джунглей». — То есть Шер-Хана из «Маугли» Редьярда Киплинга (1894).

с психопатом, клаустрофобом или Ричардом Гангой».

4

Часом позже Руфус Сиксмит сидит в углу лифта, опираясь спиною на стены и утирая лоб носовым платком.

— В шестьдесят седьмом я выписывал «Иллюстрейтид плэнет» ради репортажей вашего отца из Вьетнама. Лестер Рей был одним из четырех-пяти журналистов, воспринимавших войну с азиатской точки зрения. Мне очень хотелось бы узнать, как полицейский стал одним из лучших корреспондентов своего поколения.

— Ну, если вам интересно… — Эта история шлифуется при каждом новом пересказе. — Отец поступил в полицию Буэнас-Йербаса как раз за несколько недель до Пёрл-Харбора, почему и провел войну здесь, а не на Тихом океане, как его брат Хоуи, которого разорвала в клочья японская противопехотная мина, когда он играл в пляжный волейбол на Соломоновых островах. Довольно скоро стало ясно, что папа относится к Десятому участку, и там-то он со службой закону и покончил. Такой участок существует в каждом городе страны — это что-то вроде загона, куда переводят всех честных полицейских, которые не

берут взяток и ни на что не закрывают глаза. Так или иначе, в ночь после победы над Японией весь Буэнас-Йербас был одной сплошной вечеринкой, и, как вы понимаете, полиция была сильно рассредоточена. Отец принял вызов, сообщавший об ограблении на причале Сильваплана — это было что-то вроде ничейной земли между Десятым участком, Управлением порта Буэнас-Йербаса и участком Спинозы. Папа и его напарник, которого звали Нат Уэйкфилд, поехали посмотреть, в чем дело. Они остановились между парой грузовых контейнеров, заглушили двигатель, двинулись дальше пешком и увидели около, может быть, двух дюжин человек, грузивших ящики в бронированный грузовик. Свет был тусклым, но те люди явно не были докерами, и военной формы на них не было. Уэйкфилд сказал отцу пойти и радировать о поддержке.

Как раз в тот момент, когда папа добрался до рации, поступает вызов, сообщающий, что первоначальный приказ расследовать ограбление отменяется. Папа докладывает о том, что видел, но приказ об отмене повторяется, так что он бежит обратно к складу, чтобы увидеть, как его партнер попадает под луч фонаря одного из тех людей и получает шесть выстрелов в спину.

Каким-то образом он сохраняет самообладание, бросается к патрульной машине и успевает передать «код восемь» — сигнал бедствия, — прежде чем машина начинает содрогаться под пулями. Он окружен со всех сторон, кроме дока, так что ныряет через парапет в коктейль из мазута, мусора, сточных вод и морской воды. Он проплывает под причалом — в те дни причал Сильваплана был стальной конструкцией, похожей на гигантскую эспланаду, а не бетонным полуостровом, как сегодня, — и влезает по служебной лестнице, весь мокрый, в одном ботинке, с недействующим револьвером.

Все, что он может, так это наблюдать, что те люди как раз заканчивают погрузку, когда на сцене появляется пара патрульных машин из участка Спинозы. Прежде чем отец успевает обежать вокруг двора, чтобы предупредить офицеров, разражается безнадежно неравная перестрелка — бандиты расстреливают обе патрульные машины из автоматов. Грузовик трогается, бандиты прыгают в него, выезжают, и через задний борт вылетают две ручные гранаты. Намеревались ли они кого-то убить, искалечить или просто остудить героизм, кто знает? Только одна из гранат угодила в отца и превратила его из человека

в подушечку для игл. Он пришел в себя через два дня, в госпитале, лишенный левого глаза. В газетах этот инцидент описывали как случайную вылазку банды воров, которым повезло. В Десятом участке считали, что некий синдикат, на протяжении всей войны откачивавший оружие, решил поменять место хранения своих припасов, поскольку война закончилась и учет должен был сделаться строже. Тогда настаивали на более тщательном расследовании этой стрельбы на причале — в сорок пятом трое мертвых копов что-то да значили, — но администрация мэра такому расследованию воспрепятствовала. Выводы делайте сами. Отец их сделал, и они лишили его веры в усиление законности. Когда, восемью месяцами позже, он выписался из госпиталя, то по переписке закончил уже курсы журналистики.

— Не было бы счастья… — сказал Сиксмит.

— Остальное вы, наверное, знаете. Освещал события в Корее для «Иллюстрейтид плэнет», потом стал представителем «Вест-кост геральд» в Латинской Америке. Отправился во Вьетнам, чтобы писать о сражении при Ап-Баке, и оставался в Сайгоне вплоть до первого своего коллапса, который случился в марте. Это просто чудо, что брак моих родителей продлился столько лет, —

знаете, самое долгое время, что я провела с ним вместе, приходится на апрель-июль этого года, когда он лежал в хосписе. — Луиза спокойна. — Мне, Руфус, хронически его недостает. Все время забываю, что он умер. Все время думаю, что он отправился куда-то по заданию и на днях прилетит обратно.

— Должно быть, он гордился тем, что вы пошли по его стопам.

— Увы, Луиза Рей — это не Лестер Рей. Я растратила годы на бунтарство и либерализм, я изображала из себя поэтессу и работала в книжной лавке на Энгельс-стрит. Позерство мое никого не убеждало, мои стихи оказались «настолько лишены содержания, что их даже не назвать плохими», — так сказал Лоренс Ферлингетти,[88] — а книжная лавка разорилась. Так что до сих пор я всего лишь веду колонку в журнале. — Луиза трет свои усталые глаза, вспоминая прощальный залп Ричарда Ганга. — Никаких материалов из горячих точек и премий за них. Питала большие надежды, когда поступила в «Подзорную трубу», но ехидные сплетни о вечеринках со знаменито-

[88] Примечания: 88

Лоренс Ферлингетти (р. 1919) — поэт-битник, владелец и основатель (1953) книжного магазина «Сити лайтс» («Огни большого города») в Сан-Франциско; в 1955 г. открыл одноименное издательство.

стями — это наивысшее, чего я пока достигла на отцовском поприще.

— Да, но эти ехидные сплетни хорошо изложены?

— Эти ехидные сплетни изложены отлично.

— Что ж, тогда пока еще рано стенать о даром растраченной жизни. Простите, что я похваляюсь своей опытностью, но у вас и понятия нет о том, что представляет собой даром растраченная жизнь.

5

— Хичкок любит быть в центре внимания, — говорит Луиза, которую теперь все больше беспокоит мочевой пузырь, — но терпеть не может давать интервью. Он не ответил на мои вопросы, потому что как следует их не расслышал. Его лучшие фильмы, сказал он, похожи на вагончики, несущиеся по американским горкам: тем, кто в них едет, страшно до потери пульса, но под конец они выходят наружу хихикающими и полными желания проехаться снова. Я заявила этому великому человеку, что ключом интереса к вымышленным ужасам является их изоляция или сдерживание: пока мотель «Бейтс» отсечен от нашего мира, нас тянет заглянуть внутрь, словно в огражденное стеклом обиталище скорпиона. Но фильм, показывающий, что весь мир и есть мотель «Бейтс»,[89] это… что-то вроде Бухенвальда, дистрофии, депрессии. Мы готовы опустить кончики пальцев в хищную, безнравственную,

[89] Примечания: 89

Хичкок… мотель «Бейтс»… — Альфред Хичкок (1899–1980) — выдающийся кинорежиссер, мастер саспенса. Мотель «Бейтс» фигурирует в его триллере «Психоз» (1960) с Тони Перкинсом в главной роли — экранизации одноименного романа Роберта Блоха.

обезбоженную вселенную — но только кончики пальцев, не более того. Хичкок на это ответил так, — Луиза перевоплощается, что удается ей выше среднего: — «Я голливудский режиссер, юная леди, а не Дельфийский оракул». Я спросила, почему в его фильмах никогда не увидишь Буэнас-Йербаса. Хичкок ответил: «Этот город сочетает в себе худшие черты Сан-Франциско с худшими чертами Лос-Анджелеса. Буэнас-Йербас — это город, выпадающий из пространства». Он все время сыпал подобными остротами, обращаясь не ко мне, а к потомству, чтобы когда-нибудь на званом обеде будущего можно было сказать: «Это, знаете ли, одно из высказываний Хичкока!»

Сиксмит выжимает свой платок, насквозь пропитанный потом.

— В прошлом году я со своей племянницей смотрел в кинотеатре «Шараду». Это его фильм, Хичкока? Она заставляет меня смотреть такие вещи, чтобы я не стал слишком уж «добропорядочным». Мне очень понравилось, но племянница сказала, что у Одри Хепберн «крыша течет». Забавное выражение.

— «Шарада» — это где сюжет вертится вокруг марок?

— Причудливая загадка, да, но все триллеры без причудливости просто зачахли бы. То, что Хичкок сказал о Буэнас-Йербасе, напомнило мне замечание Джона Ф. Кеннеди о Нью-Йорке. Знаете? «Большинство городов — это существительные, но Нью-Йорк — это глагол». Интересно, а чем мог бы быть Буэнас-Йербас?

— Цепочкой прилагательных и союзов?

— А может, словом-паразитом?

6

— Меган, моя обожаемая племянница. — Руфус Сиксмит показывает Луизе фотографию покрытой бронзовым загаром молодой женщины и себя самого, выглядящего более крепким и здоровым. Снимок сделан возле залитого солнцем причала. Фотограф сказал что-то смешное как раз перед тем, как щелкнуть затвором. Их ноги свисают над форштевнем небольшой яхты под названием «Морская звезда». — Это моя старая посудина, реликт тех дней, когда я был подвижнее.

Луиза издает нечто вежливое, мол, он не так уж и стар.

— Нет, правда. Если бы я теперь вздумал отправиться в серьезное путешествие, мне пришлось бы нанять небольшую команду. Я все еще провожу на «Звезде» многие выходные, слоняюсь по причалу, немного думаю, немного работаю. Меган тоже любит море. Она прирожденный физик. Математическое мышление гораздо лучше, чем когда-либо было у меня, к огорчению ее матери. Мой брат женился на матери Меган отнюдь не из-за ее мозгов, как это ни прискорбно. Она ведется

на фэн-шуй, или «И Цзин»,[90] или еще на какое-нибудь наимоднейшее мумбо-юмбо с гарантией мгновенного просветления. Но у Меган превосходный ум. Чтобы получить степень доктора философии, она провела год в моем старом кембриджском колледже. Женщина, в колледже Кая! А сейчас заканчивает радиоастрономическое исследование на этих огромных блюдцах, что установлены на Гавайях. Пока ее мать и отчим до хрустящей корочки поджариваются на пляже во имя Праздности, мы с Меган сидим в баре и бьемся над уравнениями.

— А свои дети у вас есть, Руфус?

— Я всю жизнь был женат на науке. — Сиксмит меняет тему. — Гипотетический вопрос, мисс Рей. Какую цену вы заплатили бы — как журналистка, я имею в виду, — чтобы защитить свой источник?

Луиза отвечает не задумываясь.

— Если бы я верила в правдивость его информации? Любую.

---

[90] Примечания: 90

...фэн-шуй или «И Цзин»... — Фэн-шуй — древнекитайское искусство, которое рассматривает человека и все, что его окружает, как единую структуру и стремится привести эту структуру к максимальной гармонии. Сочетает принципы экологии, законы архитектуры, искусство дизайна с мистико-символической традицией «И Цзин» — древнекитайской гадательной «Книги перемен».

— Как, например, насчет тюрьмы за оскорбление суда?

— Если дойдет до этого, то я готова.

— А будете ли вы готовы… поставить под угрозу собственную безопасность?

— Ну… — На этот раз Луиза призадумывается. — Думаю… я была бы обязана.

— Обязана? Как так?

— Мой отец во имя своего журналистского достоинства не боялся ни мин-ловушек, ни генеральского гнева. Было бы насмешкой над его жизнью, если бы его дочь пошла на попятную при малейшем запахе жареного.

«Скажи ей». Сиксмит открывает рот, чтобы рассказать ей обо всем — об отмывании денег в Приморской корпорации, о шантаже, о коррупции, — но лифт без всякого предупреждения дергается и, погромыхивая, возобновляет спуск. Пассажиры щурятся от вспыхнувшего света, и Сиксмит обнаруживает, что его решимость рушится. Стрелка описывает обратный круг вплоть до первого этажа.

Воздух в вестибюле кажется свежим, как горная вода.

— Я позвоню вам, мисс Рей, — говорит Сиксмит, когда Луиза протягивает ему его трость. — Скоро.

«Нарушу я это обещание или сдержу?»

— Знаете что? — говорит он. — У меня такое чувство, словно я знаком с вами не полтора часа, а долгие годы.

7

В глазах мальчика плоский мир предстает изогнутым, объемным. Хавьер Мозес листает альбом с марками под лампой с абажуром на гибком кронштейне. Вереница эскимосских лодок на марке, выпущенной в Аляске, новые гавайские хонки на специальном пятидесятицентовом выпуске, колесный пароход, взбивающий чернильные воды Конго. В замке поворачивается ключ, и в дверь устало входит Луиза Рей, сбрасывая в кухоньке туфли. Обнаруживая у себя мальчика, она раздражается.

— Хавьер!

— О, приветик!

— Нечего тут разбрасываться «о, приветиками». Ты ведь обещал больше никогда не прыгать по балконам! Что, если кто-то сообщит копам о взломщике? Что, если ты поскользнешься и упадешь?

— Тогда просто дай мне ключ.

Луиза стискивает руки, словно душит невидимую шею.

— Я не могу оставаться спокойной, зная, что одиннадцатилетний мальчишка может врывать-

ся ко мне в квартиру всякий раз, когда… — «твоей мамы всю ночь нет дома» Луиза озвучила иначе, — по ТВ не показывают ничего интересного.

— Тогда почему ты не закрываешь окно в ванную?

— Потому что если ты перепрыгиваешь через эту щель, то хуже только одно: тебе придется перепрыгивать через нее снова, если ты не сможешь забраться внутрь.

— В январе мне будет двенадцать.

— Никакого ключа.

— Друзья дают друг другу ключи.

— Только не тогда, когда одному из них двадцать шесть, а другой все еще в пятом классе.

— Ну а почему ты вернулась так поздно? Встретила кого-нибудь интересного?

Луиза вспыхивает.

— Застряла в лифте — электричества не было. И вообще, мистер, это не твое дело. — Она включает верхний свет и видит на лице у Хавьера ярко-красную полосу. — Что за… что случилось?

Мальчик взглядывает на стену, затем возвращается к маркам.

— Это Человек-волк?

Хавьер мотает головой, складывает вдвое тонкую бумажную полоску и облизывает ее с обеих

сторон.

— Вернулся этот парень, Кларк. Мама всю неделю работает в отеле в ночную, вот он ее и ждет. Он расспрашивал меня о Вульфмане, и я сказал, что это не его дело. — Хавьер прижимает бумажную петельку к марке. — Да и не болит совсем. Я уже помазал чем надо.

Рука Луизы уже лежит на телефоне.

— Только не звони маме! Она прибежит домой, будет большая драка, а из отеля ее уволят, как в прошлый раз. И как в позапрошлый.

Луиза задумывается, кладет трубку на место и направляется к двери.

— Не ходи туда! У него крыша течет! Он разозлится и все у нас поразбивает, а потом нас или выселят, или чего-нибудь еще! Пожалуйста!

Луиза отворачивается и глубоко вздыхает.

— Какао будешь?

— Да, пожалуйста.

Мальчик настроен не заплакать, но от этого усилия у него сводит челюсти. Он трет глаза.

— Луиза?

— Да, Хави, поспишь сегодня у меня на диване, все в порядке.

8

Кабинет Дома Грелша — этюд на тему упорядоченного хаоса. Вид на ту сторону Третьей авеню представляет собой вереницу кабинетов, очень похожих на его собственный. С металлической рамы в углу свисает боксерская груша «Страшный увалень». Главный редактор журнала «Подзорная труба» объявляет утреннюю планерку открытой, тыча коротким пальцем в Рональда Джейкса, седоватого, занудливого типа в гавайке, джинсах-клеш и разваливающихся сандалиях.

— Джейкс.

— Я, э-э, хочу продолжить свою серию «Террор в Северленде», чтобы увязать ее с лихорадкой вокруг «Челюстей».[91] Некий Дирк Мелон, допустим, наемный писака, найден под Пятидесятой Восточной улицей в ходе обычной проверки технического обслуживания. Или, точнее, э-э, его останки. Идентифицированы по зубным оттискам и лохмотьям, оставшимся от репортерского пропуска. Плоть с трупа сорвана в манере, харак-

[91] Примечания: 91

«Челюсти» (1975) — знаменитый триллер Стивена Спилберга об акуле-людоеде.

терной для Serrasalmus scapularis — благодарю вас, — сучьей королевы всех пираний. Таких рыбок завозят рыбные маньяки, а потом, когда счета за мясо в их аквариумах становятся чересчур велики, они смывают прожорливых тварей в унитазы. Я позвоню в муниципалитет и потребую, чтобы капитан Паразит опроверг массовые случаи нападений на работников службы канализации. Усекаешь, Луиза? Ничему не верить вплоть до официального опровержения. Так что давай-ка, Грелш. Не пора ли мне прибавку?

— Скажи спасибо, что последний твой чек не накрылся. У меня на столе завтра к одиннадцати, с фоткой одной из этих кусак. Вопрос, Луиза?

— Да. Может быть, новая редакционная политика, о которой мне никто не сказал, исключает статьи, содержащие правду?

— Эй, семинар по метафизике проводится на крыше. Просто поднимись туда на лифте и шагай вперед, пока не расшибешься о тротуар. Все правда, если хватает людей, которые верят, что так оно и есть. Нэнси, что ты для меня припасла?

Нэнси О'Хаган одевается консервативно, цвет лица у нее напоминает мореную древесину, а ее длинные, как у жирафы, ресницы часто не в состоянии расклеиться.

— Мой доверенный крот из клиники Бетти Форд раздобыл фотографию бара в президентском самолете. «На борту номер один: ром — рекой, фонтаном — джин». Говорят, что из старой губки выжали последнюю каплю, но тетушка Нэнс так не думает.

Грелш размышляет. На заднем плане звонят телефоны и клацают пишущие машинки.

— Ладно, если не вынырнет что-нибудь посвежее. Да, и интервью с тем чревовещателем-кукольником, который потерял руки за «Где дождь, там и ливень»… Нуссбаум. Твой черед.

Джерри Нуссбаум утирает бороду, усеянную капельками фруктового эскимо, по ошибке надевает темные очки, меняет их на очки для чтения, откидывается на стуле и обрушивает на стол бумажный оползень.

— Сейчас копы по делу святого Кристофера волосы у себя на задницах рвут, так что как насчет такого куска: «Не ты ли следующий на прицеле у святого Кристофера»? Краткие биографии всех жмуриков, что имеются на сегодня, и реконструкции последних минут жертв. Куда они шли, с кем собирались встретиться, какие мысли приходили к ним в голову…

— Когда пули Сент-Криса проходили через их

головы, — со смехом вставляет Рональд Джейкс.

— Да, Джейкс, будем надеяться, что его привлекают яркие гавайские краски. Потом еще я встречаюсь с цветным водителем трамвая, которого копы взяли на дыбу на прошлой неделе. Он предъявляет иск полицейскому управлению за неправильный арест, на основании Акта о гражданских правах.

— Это могло бы пойти на обложку. Луиза?

— Я познакомилась с инженером-атомщиком. — Луиза не обращает внимания на холодное безразличие присутствующих. — Инспектором Приморской энергетической корпорации.

Нэнси О'Хаган подпиливает себе ногти, и это подвигает Луизу к тому, чтобы представить свои подозрения как факты.

— Он считает, что новый ядерный реактор «ГИДРА» на острове Суоннекке не столь безопасен, как об этом заявляется официально. Собственно, совсем небезопасен. Церемония запуска сегодня после полудня, так что я хочу выехать туда и посмотреть, нельзя ли что-нибудь выяснить.

— Охренеть, какое новье — церемония технического запуска! — восклицает Нуссбаум. — Слушайте, что это там грохочет? Уж не Пулитцеровская ли премия катится сюда?

— Поцелуй меня в зад, Нуссбаум!

Джерри Нуссбаум вздыхает.

— В самых сладких моих грезах…

Луиза никак не может выбрать — припечатать ей мерзавца как следует («но тогда он поймет, как сильно меня достал») или же игнорировать его («но тогда он решит, что ему все сойдет с рук»).

Ее выводит из оцепенения Дом Грелш.

— Специалисты по маркетингу доказывают, — он вертит в пальцах карандаш, — что при каждом научном термине, который вы используете, две тысячи читателей откладывают журнал и включают телевизор, где опять крутят «Я люблю Люси».[92]

— Ладно, — говорит Луиза. — Как насчет «Приморский атом за твой счет Буэнас-Йербас разнесет!»?

— Здорово, но тебе надо это доказать.

— Как Джейкс может доказать свой рассказ?

— Эй. — Карандаш Грелша перестает вертеться. — Фиктивные люди, сожранные фиктивными рыбками, не могут освежевать тебя до послед-

---

[92] Примечания: 92

«Я люблю Люси» (1951–1957) — популярный комедийный телесериал о руководителе кубинского танцевального оркестра Рикки Рикардо и его туповатой жене Люси, мечтающей выступать вместе с мужем в баре «Тропикана»; родоначальник многосерийной комедии положений на американском телевидении.

него доллара в судах или нажать на твой банк и выдернуть вилку. А у действующей от побережья до побережья Приморской энергетической корпорации имеются адвокаты, которые могут это сделать, и, пресвятая Матерь Божья, если ты хоть чуточку лажанешься, они это сделают.

9

Ржаво-оранжевый «фольксваген-жук» Луизы едет по гладкой, как стекло, дороге, направляясь к мосту длиной больше полумили. Этот мост соединяет мыс Йербас с островом Суоннекке, на котором стоит электростанция, главенствующая над пустынными окрестностями. На контрольно-пропускном пункте возле моста сегодня неспокойно. Вдоль последнего отрезка пути стоят около ста демонстрантов, которые скандируют: «„Си“ на Суоннекке — через наши трупы!» Полицейский заслон оттесняет их от очереди из девяти или десяти автомобилей. Луиза, сидя в ожидании, читает плакаты. «ТЫ ВЪЕЗЖАЕШЬ НА РАКОВЫЙ ОСТРОВ», — предупреждает один, другой плюется: «К ЧЕРТУ, НЕТ! АТОМ — БРЕД!», третий загадочен: «ГДЕ, О ГДЕ ЖЕ МАРГО РОКЕР?»

В окно стучат; Луиза крутит ручку, опуская стекло, и видит свое лицо в солнцезащитных очках охранника.

— Луиза Рей, журнал «Подзорная труба».

— Пропуск для прессы, мэм.

Луиза достает его из сумочки.

— Что, ожидаете сегодня неприятностей?

— Не-а. — Он сверяется с картонкой, приколотой к отвороту ее жакета, и возвращает пропуск. — Здесь только обычные наши «зеленые» недоумки из трейлерного лагеря. А парни из колледжей предпочитают места, где сподручнее заниматься серфингом.

Когда она переезжает через мост, из-за более старых и серых охлаждающих башен реактора «Эй» появляется корпус реактора «Би». Луиза снова задумывается о Руфусе Сиксмите. «Почему он не дал мне своего номера? Ученые не могут страдать телефобией. Почему никто в жилищной конторе его дома даже не знает его имени? У людей науки не бывает псевдонимов».

От КПП единственная на острове дорога поведет ее к поселку корпорации. А затем, следуя указателям, Луиза достигнет Центра связей с общественностью в Отделении исследовательских и конструкторских работ.

Дорога прижимается к берегу. В море чайки кружатся над рыбачьими лодками. Через десять минут Луиза добирается до поселка из примерно двухсот роскошных домов с видом на глубокий, укрытый от моря залив. Кое-где поросший редким лесом склон под станцией делят между собой отель и поле для гольфа. Она оставляет «жука» на

парковочной площадке отделения и смотрит на здания станции в абстрактном стиле, наполовину укрытые выступом холма. Высаженные в ряд пальмы шелестят под тихоокеанским ветром.

— Здравствуйте! — К ней подходит женщина, по виду — американка китайского происхождения. — У вас потерянный вид. Приехали на запуск?

Из-за ее стильного костюма цвета бычьей крови, безупречного макияжа и уверенных манер Луиза в брусничном замшевом жакете чувствует себя оборванкой.

— Фэй Ли. — Женщина протягивает руку. — Пресс-служба Приморской корпорации.

— Луиза Рей, журнал «Подзорная труба».

Рукопожатие у Фэй Ли твердое и сильное.

— «Подзорная труба»? Никогда не думала…

— …что наши редакционные интересы распространяются на энергетическую политику?

Фэй Ли улыбается.

— Не поймите меня неправильно, но ведь этот журнал такой взбалмошный.

Луиза призвала на помощь могущественное божество Дома Грелша.

— Маркетинговые исследования указывают на рост числа читателей, которым требуется нечто

существенное. Меня пригласили в «Подзорную трубу» для обеспечения должной высоколобости журнала.

— Очень рада, что вы приехали, Луиза, каким бы ни был ваш лоб. Позвольте мне проводить вас и помочь зарегистрироваться. Служба безопасности настаивает на досмотре сумок и всем таком прочем, но не очень-то вежливо обращаться с нашими гостями как с саботажниками. Лично меня пригласили для этого.

10

Джо Нейпир наблюдает за несколькими экранами слежения, охватывающими лекционный зал, прилегающие к нему коридоры и Центр связей с общественностью. Он встает, взбивает специальную подушку и садится снова. «То ли мне мерещится, то ли в самом деле старые мои раны ноют сильнее, чем в последнее время?» Его взгляд порхает от экрана к экрану. Один из них показывает техника, проверяющего звук; другие — команду телевизионщиков, обсуждающих углы съемки и освещение; Фэй Ли, шагающую через парковку с какой-то посетительницей; официанток, разливающих вино в сотни бокалов; ряд стульев под лозунгом, на котором значится «СУОННЕККЕ „БИ“ — АМЕРИКАНСКОЕ ЧУДО».

«Настоящим чудом, — размышляет Джозеф Нейпир, — было добиться, чтобы одиннадцать из двенадцати ученых забыли о своих девятимесячных изысканиях». Экран показывает, как эти самые ученые, дружелюбно переговариваясь, поднимаются на сцену. Как говорит Гримальди, у каждой совести где-то есть выключатель. Нейпир мысленно перечитывает памятные места из тех

бесед, с помощью которых удалось достигнуть коллективной амнезии. Между нами, доктор Франклин, законникам Пентагона не терпится проверить в действии свой блестящий новенький Акт о безопасности. Любой, кто поднимет шум, угодит в черный список и навсегда лишится возможности работать по специальности где бы то ни было в стране.

Служитель добавляет еще один стул к стоящему на сцене ряду.

Выбор прост, доктор Мозес. Если вы хотите, чтобы советская технология обгоняла нашу, передайте этот доклад в свой Союз ответственных ученых, летите в Москву получать свою медаль, но в ЦРУ велели передать, что обратный билет вам не понадобится.

Аудитория, состоящая из сановников, ученых, сотрудников мозговых центров и тех, кто формирует общественное мнение, рассаживается по местам. Экран показывает Уильяма Уили, вице-президента правления Приморской корпорации, шутливо разговаривающего с теми важными персонами, кому была оказана честь занять место в президиуме.

Профессор Кин, руководство Министерства обороны несколько недоумевает. К чему озвучивать

ваши сомнения теперь? Не хотите ли вы сказать, что ваша работа над прототипом была проделана неряшливо?

Слайд-проектор высвечивает снимок станции Суоннекке «Би», снятый с воздуха объективом «рыбий глаз».

«Одиннадцать из двенадцати. И только Руфус Сиксмит где-то скрывается».

Нейпир говорит в свой уоки-токи:

— Фэй? Шоу начинается через десять минут.

Статика.

— Записывай, Джо. Я сопровождаю посетительницу в лекционный зал.

— Как освободишься, сообщи, пожалуйста.

Статика.

— Записывай. Все подряд.

Нейпир держит в руке устройство, прикидывая, сколько оно весит. «А Джо Нейпир? Есть у его совести выключатель?» Он отпивает глоток горького черного кофе. «Э, приятель, моего случая ты не касайся. Я только исполняю приказы. Мне остается полтора года до отставки, а потом я уберусь отсюда и буду удить форель в прозрачных горных ручьях, пока сам не превращусь в какую-нибудь чертову цаплю».

Милли, его покойная жена, смотрит на мужа с

фотографии на его консольном столе.

11

— Наша великая нация страдает от пагубного, подрывающего здоровье наркотика. — Альберто Гримальди, президент правления Приморской корпорации и Человек года по версии «Ньюсуика», великолепно владеет искусством драматической паузы. — Имя ему — Нефть.

Огни рампы отбрасывают на него золотистый отблеск.

— Геологи говорят нам, что в Персидском заливе остается всего семьдесят четыре миллиарда галлонов этих нечистот юрского океана. Может быть, на наш век хватит? Скорее всего, нет. Самый настоятельный вопрос, встающий перед США, леди и джентльмены, звучит так: «А что тогда?»

Альберто Гримальди обегает взглядом своих слушателей. «Все у меня в руках».

— Кое-кто зарывает голову в песок. Другие фантазируют о ветряных турбинах, резервуарах и, — сухая полуулыбка, — свинячьем газе. — Сообразный смешок. — Мы в Приморской корпорации имеем дело с реальностями. — Подъем голоса. — Сегодня я нахожусь здесь для того, чтобы сказать вам: у нас есть лекарство от нефти — прямо здесь,

прямо сейчас, на острове Суоннекке!

Улыбаясь, он ждет, когда стихнут аплодисменты.

— Поскольку сегодня наступает эпоха отечественной, изобильной и безопасной атомной энергии! Друзья, я так счастлив, я очень горд представить вам одно из величайших инженерных достижений в истории — реактор «ГИДРА-зеро»!

На слайдовом экране появляется схема — реактор в разрезе, и проинструктированная часть аудитории бешено аплодирует, подавая пример большинству присутствующих.

— Ну все, пора, как говорится, и честь знать, я всего лишь президент правления. — Приязненный смех. — Чтобы раздвинуть занавес нашей смотровой галереи и перекинуть рычаг, подключающий Суоннекке «Би» к национальной энергосистеме, Приморская корпорация имеет высокую честь приветствовать здесь особого гостя. Известного на Капитолийском холме как Энергетический Гуру Президента… — Улыбка во весь рот. — Мне доставляет огромное удовольствие приветствовать человека, не нуждающегося в представлениях. Федеральный уполномоченный по вопросам энергетики Ллойд Хукс!

Навстречу бурным аплодисментам на сцену выходит безупречно ухоженный человек. Ллойд Хукс и Альберто Гримальди стискивают друг другу предплечья в жесте братской любви и доверия.

— Твои сценаристы становятся лучше, — бормочет Ллойд Хукс, меж тем как оба они широко улыбаются зрителям, — но сам ты по-прежнему Ходячая Алчность.

Альберто Гримальди похлопывает Ллойда Хукса по спине и в тон ему отвечает:

— В правление этой компании ты пробьешься только через мой труп, продажный ты сукин сын!

Ллойд Хукс, весь лучась, оглядывает зрительный зал.

— Значит, ты все еще можешь предлагать конструктивные решения, Альберто.

Разражается канонада вспышек.

Из заднего выхода выскальзывает молодая женщина в брусничном жакете.

12

— Простите, где здесь дамская комната?

Охранник, говорящий по своему уоки-токи, машет рукой вдоль коридора.

Луиза Рей оглядывается. Охранник стоит к ней спиной, так что она сворачивает за угол и попадает в сеть повторяющихся коридоров, охлаждаемых и приглушаемых жужжащими кондиционерами. Она минует двух спешащих техников в комбинезонах — оба они из-под своих капюшонов жадно глядят на ее груди, но никак ее не задевают. На дверях красуются загадочные надписи: «W212 ПОЛУСПУСК», «Y009 ПОДПРОХОД», «V770 БЕЗОПАСНО (СВОБОДНО)». Периодически встречаются двери повышенной секретности, с кодовыми замками. На лестничной площадке она изучает план этажей, но не находит никаких следов Сиксмита.

— Заблудились, леди?

Луиза изо всех сил старается восстановить самообладание. На нее смотрит седой чернокожий служитель.

— Да, я ищу комнату доктора Сиксмита.

— Кхм-кхм. Этот англичанин. Четвертый этаж,

си-сто пять.

— Спасибо.

— Но его здесь не было с неделю или две.

— В самом деле? Вы не скажете, почему?

— Кхм-кхм. Он в отпуске. Уехал в Вегас.

— Доктор Сиксмит? В Вегас?

— Кхм-кхм. Так мне сказали.

Дверь комнаты С105 приотворена. Недавняя попытка стереть с именной таблички слова «Доктор Сиксмит» закончилась неудачей — они только размазались. Через щель Луиза Рей наблюдает за молодым человеком, который сидит за столом и перебирает стопку тетрадей. Содержимое комнаты собрано в несколько упаковочных клетей. Луизе вспоминается отцовское присловье: «Порой достаточно вести себя по-свойски, чтобы быть своим».

— Так, — произносит Луиза, входя. — Вы, полагаю, не доктор Сиксмит?

Человек виновато роняет тетрадь, и Луиза понимает, что несколько мгновений она выиграла.

— О боже, — он смотрит на нее, — вы, должно быть, Меган.

«К чему возражать?»

— А вы?

— Айзек Сакс. Инженер. — Он встает и обрыва-

ет преждевременное рукопожатие. — Я помогал вашему дяде с его отчетом.

Внизу с лестницы доносятся торопливые шаги. Айзек Сакс закрывает дверь. Говорит негромким взволнованным голосом:

— Меган, где скрывается Руфус? Я ужасно беспокоюсь. Вы что-нибудь от него слышали?

— Я надеялась у вас узнать, что случилось.

Входят Фэй Ли и невозмутимый охранник.

— Луиза. Все еще ищете дамскую комнату?

«Веди себя глупо».

— Нет. С дамской комнатой у меня прошло удачно — кстати, там безукоризненно чисто, — но я опоздала на встречу с доктором Сиксмитом. Только… в общем, он, кажется, отсюда уехал.

Айзек Сакс издает озадаченный звук. Сглотнув, спрашивает:

— Так вы не племянница Сиксмита?

— Простите, но я никогда этого не говорила. — Луиза воспроизводит заготовленную полуложь для Фэй Ли. — Я познакомилась с доктором Сиксмитом прошлой весной на Нантакете. Выяснилось, что мы оба приехали туда из Буэнас-Йербаса, так что он дал мне свою визитку. Три недели назад я ее разыскала, позвонила ему, и мы договорились встретиться сегодня, чтобы

обсудить научную статью для «Подзорной трубы». — Она посмотрела на часы. — Десять минут назад. Речи в связи с запуском продолжались дольше, чем я рассчитывала, так что я потихоньку оттуда улизнула. Надеюсь, это не причинило какого-нибудь вреда?

Фай Ли изображает убежденность:

— Мы не можем допустить, чтобы неспециалисты расхаживали по столь засекреченному исследовательскому институту, как наш.

Луиза изображает раскаяние:

— Я думала, что контроль ограничится регистрацией и проверкой сумки, но, видимо, была слишком наивной. Хотя доктор Сиксмит может за меня поручиться. Просто спросите у него, и все.

И Сакс и охранник переводят глаза на Фэй Ли, которая не пропускает удара.

— Вряд ли это возможно. Внимания доктора Сиксмита потребовал один из наших канадских проектов. Могу лишь предположить, что его секретарша не была в курсе подробностей вашего с ним разговора, когда отменяла все встречи, обозначенные в его еженедельнике.

Луиза глядит на ящики.

— Похоже, он уехал надолго.

— Да, так что мы высылаем ему его оборудо-

вание. Здесь, на Суоннекке, его консультации заканчивались. Доктор Сакс любезно помог подчистить хвосты.

— Вот, значит, и все мое первое интервью с большим ученым.

Фэй Ли держит дверь открытой.

— Возможно, мы сумеем найти вам другого.

13

— Алло, междугородная? — Руфус Сиксмит держит трубку телефона в безымянном пригородном мотеле за чертой Буэнас-Йербаса. — У меня проблема со звонком на Гавайи… да. Я пытаюсь позвонить… — Он диктует номер Меган. — Да, буду у телефона.

На телеэкране без желтого или зеленого цвета Ллойд Хукс похлопывает по спине Альберто Гримальди на введении в действие нового реактора «ГИДРА» на острове Суоннекке. Они машут публике в лекционном зале, словно спортсмены-победители, а сверху сыплются серебряные конфетти.

— Как и следовало ожидать, — говорит репортер, — президент правления Приморской корпорации Альберто Гримальди объявил сегодня об одобрении строительства на Суоннекке блока «Си». На второй реактор «ГИДРА-зеро» выделяются пятьдесят миллионов долларов из федерального бюджета, при этом создаются тысячи рабочих мест. Опасения, что массовые

аресты, имевшие место на «Тримайл-Айленд»[93] этим летом, повторятся в Золотом штате,[94] не оправдались.

Надломленный и изможденный, Руфус Сиксмит обращается к телевизору:

— А когда водородный пузырь взломает корпус реактора? Когда преобладающие ветры разнесут радиацию по всей Калифорнии?

Он выключает телевизор и стискивает себе переносицу. «Я доказал это. Я это доказал. Вы не сумели меня купить и решили запугать. Я, да простит меня Господь, поддался, но теперь — все. Больше душить собственную совесть я не буду».

Звонит телефон. Сиксмит хватает трубку.

— Меган?

Резкий мужской голос:

— Они идут за вами.

— Кто это?

— Они отследили ваш последний звонок из мотеля «Тальбот», бульвар Олимпия, тысяча сорок

---

[93] Примечания: 93

«Тримайл-Айленд» — атомная электростанция в Гаррисберге, штат Пенсильвания, на которой 28 марта 1979 г. произошла крупная авария типа чернобыльской (но расплавления активной зоны реактора, разрушения его корпуса и выброса радиоактивных продуктов деления в атмосферу удалось избежать).

[94] Примечания: 94

Золотой штат — прозвище Калифорнии.

шесть. Немедленно отправляйтесь в аэропорт, ближайшим рейсом улетайте в Англию и сделайте, если вам это надо, разоблачение оттуда. Но поспешите.

— Почему я должен верить…

— Будьте логичны. Если я лгу, вы все равно вернетесь в Англию целым и невредимым — со своим отчетом. Если я не лгу, вас убьют.

— Я требую, чтобы вы сказали…

— У вас двадцать минут, чтобы убраться отсюда, максимум. Поезжайте!

Тон набора — гудящая вечность.

14

Джерри Нуссбаум переворачивает стул, садится на него верхом, складывает руки на его спинке и опускает на них подбородок.

— Вообрази себе сцену: я и шестеро этих негроидов в дредлоках, и гланды мне щекочет ихняя пушка. Я толкую не о глухой ночи в Гарлеме, я толкую о Гринвич, черт его, Виллидже, средь бела, черт его, дня, после стопудового стейка с Норманом, черт его, Мейлером.[95] Ну и вот, этот черный братан шмонает меня своей двухцветной лапой и вытаскивает мой бумажник. «Чо это? Кожа аллигатора? — Нуссбаум воспроизводит акцент Ричарда Прайора.[96] — Негусто, бельчонок!» Негусто? Эти задницы заставили меня вывернуть все карманы — буквально до цента. Но кто посмеялся последним? Нуссбаум, кто же еще! Сел в

---

[95] Примечания: 95

Норман Мейлер (р. 1923) — видный американский писатель, экспериментировавший с разными стилями, от жесткого натурализма с социальным подтекстом («Нагие и мертвые», 1948) до масштабной историко-мифологической фабуляции («Древние вечера», 1983); стоял у истоков литературного направления «новая журналистика».

[96] Примечания: 96

Ричард Прайор (1940–2005) — американский чернокожий актер, также прославившийся как юморист.

такси и по пути к Таймс-сквер написал свою редакционную статейку «Новые племена», которая ныне, без ложной скромности, стала классикой и которую к концу недели у меня закупили в тридцати изданиях! Мои грабители сделали мне имя. Так что, Лу-Лу, как насчет того, чтобы ты пригласила меня на ужин, а я научил бы тебя, как извлечь немного золотишка из Клыков Судьбы?

Пишущая машинка Луизы звякает.

— Если грабители обобрали тебя буквально до цента, то что ты делал в такси от Гринвич-Виллиджа до Таймс-сквер? Ты что, расплачивался за проезд натурой?

— Ты, — Нуссбаум грузно ерзает, — просто гений по части неврубания.

Рональд Джейкс капает на фотографию свечным воском.

— Определение Недели. Что такое консерватор? К лету 1975 года эта шутка давно устарела.

— Ограбленный либерал.

Уязвленный Джейкс возвращается к искажению фотографии. Луиза пересекает кабинет, направляясь к двери Дома Грелша. Ее босс говорит по телефону тихим, полным раздражения голосом. Луиза ждет снаружи, но слышит его слова.

— Нет — нет-нет, мистер Фрам, это очень опасно, назовите мне — эй, сейчас я говорю — назовите мне более опасное состояние, чем лейкемия! Знаете, что я думаю? Я думаю, что моя жена для вас — это не более чем канцелярщина, отделяющая вас от вашего перерыва на гольф в три часа, что, не так? Тогда докажите мне это. У вас есть жена, мистер Фрам? Есть? Есть. Вы можете себе представить, что это ваша жена лежит в больничной палате с выпадающими волосами?.. Что? Что? «Эмоциями делу не поможешь»? Это все, что вы можете предложить, мистер Фрам? Да, приятель, ты чертовски прав, я поищу себе адвоката!

Грелш швыряет трубку, колотит боксерскую грушу, при каждом ударе выдыхая «Фрам!», падает в кресло, закуривает сигарету и замечает, как Луиза мнется в дверном проеме.

— Жизнь. Буря дерьма в двенадцать баллов. Слышала что-нибудь?

— Самое главное. Я могу зайти позже.

— Нет. Входи, присаживайся. Луиза, ты молода, здорова и сильна?

— Да. — Луиза садится на краешек стула. — А что?

— А то, что я скажу пару слов насчет твоей статьи о неподтвержденном сокрытии фактов в

Приморской корпорации, и ты станешь старой, больной и слабой.

15

В международном аэропорту Буэнас-Йербаса доктор Руфус Сиксмит кладет ванильного цвета папку для бумаг в ячейку под номером 909, оглядывается по сторонам запруженного народом зала, бросает в щель монеты, поворачивает ключ и опускает его в коричневый конверт с набивкой, на котором уже значится адрес: Луизе Рей, редакция «Подзорной трубы», Клу-билдинг, строение 12, 3-я авеню, Буэнас-Йербас. Сиксмит пробирается к почтовому ящику, и сердце у него бьется все чаще. «Что, если они меня схватят, прежде чем я до него дойду?» Пульс взмывает. Бизнесмены, семьи с тележками для багажа, цепочки престарелых туристов — все, кажется, намерены преградить ему путь. Щель почтового ящика становится все ближе. Вот она уже в нескольких ярдах… в нескольких дюймах.

Коричневый конверт заглатывается и исчезает. «С богом». После этого Сиксмит становится в очередь за билетом. Сообщения о задержках рейсов убаюкивают его, словно литания. Вскидываясь, он тревожно выискивает агентов Приморской корпорации, приближающихся, чтобы схватить

его в этот поздний час. Наконец кассирша делает ему знак подойти.

— Мне надо в Лондон. Собственно, куда угодно в Соединенном Королевстве. Любое место, любая авиалиния. Заплачу наличными.

— Никакой возможности, сэр. — Усталость кассирши проглядывает сквозь ее макияж. — Самое раннее, что я могу предложить, — она сверяется с телетайпной распечаткой, — это рейс в Хитроу, Лондон… завтра после полудня, вылет в три пятнадцать, компания «Лейкер скайтрейнз», пересадка в аэропорту Кеннеди, Нью-Йорк.

— Мне крайне важно вылететь как можно скорее.

— Уверена, что так оно и есть, сэр, но у нас забастовка авиадиспетчеров, и тысячи пассажиров ждут рейсов.

Сиксмит говорит сам себе, что даже Приморская корпорация не смогла бы организовать забастовки на авиалиниях, чтобы его задержать.

— Что ж, придется лететь завтра. В один конец, бизнес-класс, пожалуйста, для некурящих. В аэропорту можно где-нибудь устроиться на ночь?

— Да, сэр, на третьем уровне. Отель «Бон вояж». Вам там будет удобно. Будьте добры, ваш паспорт. Я оформлю билет.

16

Проникая сквозь немытые стекла, закат освещает вельветинового Хемингуэя в квартире Луизы. Луиза покусывает карандаш, углубившись в чтение брошюры «Запрягая солнце: два десятилетия мирной атомной энергии». Хавьер за ее письменным столом решает задачи на деление в столбик. Чуть слышно играет пластинка Кэрол Кинг «Гобелен».[97] Через окна доносится смутный гул автомобилей, едущих по домам. Звонит телефон, но Луиза не снимает трубку. Хавьер следит за автоответчиком, который включается с металлическим щелканьем. «Здравствуйте, это Луиза Рей, я не могу подойти к телефону прямо сейчас, но если вы оставите свое имя и телефон, я вам перезвоню».

— Ненавижу эти штуковины, — жалуется женский голос. — Лапочка, это твоя мама. Я только что узнала от Битти Гриффин, что ты порвала с Хэлом — в прошлом месяце? Я просто онемела!

---

[97] Примечания: 97

...пластинка Кэрол Кинг «Гобелен». — «Tapestry» (1971) — наиболее известный альбом американской авторши-исполнительницы Кэрол Кинг (Кэрол Кляйн, р. 1942) и одна из самых коммерчески успешных пластинок в современной музыке.

Ты не обмолвилась об этом ни словечком ни на похоронах отца, ни у Альфонса. Меня так беспокоит эта твоя замкнутость. Мы с Дуги собираем пожертвования для Американского общества раковых больных, и для нас было бы всем на свете, и солнцем, и луной, и звездами, если бы ты покинула свое крохотное гнездышко хотя бы на выходные и приехала к нам. Лапочка? Здесь будут тройняшки Хендерсоны — Деймиан, кардиолог, Ланс, гинеколог, и Джесси… Дуг? Дуг! Джесси Хендерсон, он кто? Лоботомист? А, забавно. В любом случае, доченька, Битти сказала мне, что по какому-то сочетанию планет все трое братьев не женаты. В самом деле, лапочка, в самом деле! Так что позвони, как только это услышишь. Ну, целую!

И она действительно заканчивает поцелуем взасос:

— Мммм-чмааа!

— Она говорит, как мамаша-ведьма в «Зачарованных».[98] — Хавьер немного выжидает. — Что значит «онеметь»?

---

[98] Примечания: 98

…мамаша-ведьма в «Зачарованных», — «Зачарованные» (1964–1972) — популярный американский телесериал о молодой ведьме (Элизабет Монтгомери), женатой на калифорнийском рекламщике (Дик Йорк), и ее ведьме-матери (Агнес Мурхед), пытающейся расстроить их брак.

Луиза не поднимает взгляда.

— Когда ты так удивлен, что не можешь говорить.

— Не похоже, чтобы она очень уж онемела, правда?

Луиза поглощена своим занятием.

— Лапочка?

Луиза швыряет в мальчика шлепанцем.

17

В номере отеля «Бон вояж» доктор Руфус Сиксмит перечитывает пачку писем, полученных без малого полвека назад от его друга Роберта Фробишера. Сиксмит знает их наизусть, но их текстура, шуршание и выцветшие буквы, написанные рукой его друга, успокаивают его нервы. Эти письма — то, что он вынес бы из горящего здания. Ровно в семь часов он умывается, меняет рубашку и вкладывает девять прочитанных писем в Библию, которую убирает в прикроватную тумбочку. Непрочитанные письма Сиксмит сует в карман пиджака и идет в ресторан.

Обед состоит из крошечного стейка с полосками жареных баклажанов и плохо промытым салатом. Он скорее умерщвляет, чем удовлетворяет аппетит Сиксмита. Доктор оставляет половину на тарелке и потягивает газированную воду, читая последние письма Фробишера. Через слова Роберта он видит самого себя, ищущего в Брюгге своего непостоянного друга, свою первую любовь — «и, если буду честным, последнюю».

В лифте отеля Сиксмит размышляет об ответственности, которую он возложил на плечи

Луизы Рей, гадая, правильно ли он поступил. Шторы в его комнате вдуваются внутрь, когда он открывает дверь.

— Есть кто? — спрашивает он.

Никого. Никто не знает, где ты. Воображение уже несколько недель играет с ним такие шутки. Лишает сна. «Слушай, — говорит он себе, — через сорок восемь часов ты вернешься в Кембридж, на свой дождливый, безопасный, узкий остров. В твоем распоряжении будут твои соратники, твои связи и все твое оборудование. Там-то ты и сможешь подготовить свой залп по Приморской корпорации».

18

Билл Смок наблюдает, как Руфус Сиксмит покидает свой номер, выжидает пять минут и заходит. Он сидит на краю ванны и разминает обтянутые перчатками руки. «Никакой наркотик, никакой религиозный опыт не захватывает так, как превращение человека в труп. Нужны, однако, мозги. Без дисциплины и профессионализма глазом моргнуть не успеешь, как окажешься привязанным к электрическому стулу». Наемник поглаживает счастливый крюгерранд[99] у себя в кармане. Смок осознает, что является рабом предрассудка, но не собирается расставаться со своим амулетом, чтобы доказать обратное. «Трагедия для любимых, большой и толстый кукиш для всех остальных и разрешение проблемы для моих клиентов. Я — всего лишь инструмент, выполняющий волю моих клиентов. Если бы не я, за это взялся бы следующий наемник с „Желтых страниц“. Вини пользователя, вини изготовителя, но не вини пистолет». Билл Смок слышит

[99] Примечания: 99

Крюгерранд — южноафриканская монета, содержащая 1 тройскую унцию золота; чеканится с 1967 г.

клацанье замка. «Дыши». Таблетки, принятые раньше, невероятно обостряют его восприятие, и когда Сиксмит шаркающей походкой входит в спальню, напевая «Полетим на реактивном»,[100] киллер может поклясться, что слышит пульс своей жертвы, более медленный, чем у него самого. Смок видит свою добычу через приоткрытую дверь. Сиксмит валится на кровать. Наемный убийца зримо представляет себе требуемые движения. «Три шага наружу, стрелять сбоку, в висок, снизу вверх и как можно ближе». Смок стремительно выходит из ванной; Сиксмит издает какой-то гортанный звук и пытается встать, но пуля из пистолета с глушителем уже буравит череп ученого и застревает в матрасе. Тело Руфуса Сиксмита откидывается на кровать, словно он свернулся для послеобеденного сна.

Кровь впитывается в томимый жаждой гагачий пух.

В мозгу Билла Смока пульсирует чувство завершенности. «Посмотрите, что я сделал».

---

[100] Примечания: 100

…напевая «Полетим на реактивном»… — «Leaving on a Jet Plane» — песня автора-исполнителя Джона Денвера (1943–1997); впервые исполнена им в составе группы The Mitchell Trio на альбоме «Alive!» (1967), включена в его первый сольный альбом «Rhymes and Reasons» (1969) и в том же году стала хитом в исполнении группы Peter, Paul and Mary.

19

Утро среды опалено смогом и жарой, подобно сотне утр перед этим и пятидесяти после этого. Луиза Рей пьет черный кофе в парной прохладе закусочной «Белоснежка», что на углу Второй авеню и Шестнадцатой улицы, в двух минутах ходьбы от кабинетов «Подзорной трубы», читая о бывшем морском офицере и инженере-ядерщике из Атланты, баптисте Джеймсе Картере, который собирается баллотироваться от демократов. Транспорт по Шестнадцатой движется то разочарованными черепашьими шажками, то безрассудными массовыми бросками. Тротуары затуманены расплывчатыми очертаниями спешащих прохожих и скейтбордистов.

— На завтрак сегодня ничего, Луиза? — спрашивает Барт, повар вторых блюд.

— Только новости, — отзывается его регулярная клиентка.

В дверь вваливается Рональд Джейкс и, оглядевшись, направляется к Луизе.

— Э-э, у тебя свободно? С утра ни крошки во рту не было. Ширли от меня ушла. Опять.

— Планерка через пятнадцать минут.

— Вагон времени.

Джейкс усаживается и заказывает яйца в мешочек.

— Страница девять, — говорит он Луизе. — Нижний угол справа. Там тебя кое-что заинтересует.

Луиза открывает девятую страницу и тянется за кофе. Рука ее застывает.

САМОУБИЙСТВО УЧЕНОГО В ОТЕЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АЭРОПОРТА БУЭНАС-ЙЕРБАСА

Выдающийся британский ученый доктор Руфус Сиксмит был найден мертвым в своем номере в отеле «Бон вояж» международного аэропорта Буэнас-Йербаса, после того как покончил с собой. Доктор Сиксмит, бывший председатель Всемирной атомной комиссии, на протяжении десяти месяцев был привлечен Приморской корпорацией в качестве консультанта при сооружении новейшего высококлассного коммунального предприятия на острове Суоннекке рядом с Буэнас-Йербасом. Известно, что в течение всей жизни он страдал от клинической депрессии, а последнюю неделю перед

смертью ни с кем не общался. Мисс Фэй Ли, пресс-секретарь Приморской корпорации, сказала: «Безвременная смерть профессора Сиксмита является трагедией для всего международного научного сообщества. Мы, работающие в научном городке Приморской корпорации на острове Суоннекке, чувствуем, что потеряли не только своего глубокоуважаемого коллегу, но и близкого друга. Передаем сердечные соболезнования его семье и многочисленным друзьям. Нам его будет очень не хватать». Тело доктора Сиксмита, найденное служителями отеля с единственной огнестрельной раной в голове, будет отправлено домой для погребения в его родной Англии. Медицинский эксперт полиции Буэнас-Йербаса подтвердил отсутствие каких-либо подозрительных обстоятельств вокруг этого инцидента.

— Итак, — ухмыляется Джейкс, — теперь твое разоблачение века похерено?

У Луизы покалывает кожу, а в ушах стучит так, что больно.

— Кранты. — Джейкс закуривает сигарету. — Близко подобралась?

— Он не мог бы, — Луиза путается в словах, — он не стал бы этого делать.

Джейкс приблизительно изображает вежливость.

— Похоже, он все-таки сделал это, Луиза.

— Никто не кончает с собой, если должен исполнить миссию.

— Может, если миссия сводит его с ума.

— Он был убит, Джейкс.

Джейкс силится прогнать со своего лица выражение «опять двадцать пять».

— Кем?

— Приморской корпорацией, разумеется.

— А! Своим работодателем. Само собой. А мотив?

Луиза заставляет себя говорить спокойно и не обращать внимания на насмешливое предубеждение Джейкса.

— Он написал доклад о типе реактора, разработанного на Суоннекке «Би», «ГИДРА». Планы на блок «Си» ждут одобрения Федеральной энергетической комиссии. Когда они будут одобрены, Приморская корпорация может получить лицензию на поставки как внутри страны, так и

за рубежом. Одни только правительственные контракты дадут десятки и десятки миллионов долларов прибыли ежегодно. Роль Сиксмита заключалась в том, чтобы дать проекту свою санкцию, но он не прочел сценарий и указал на фатальные ошибки конструкции. В свою очередь, Приморская корпорация похоронила доклад и отрицает его существование.

— А что сделал твой доктор Сиксмит?

— Он готовился выступить публично. — Луиза хлопнула рукой по газете. — Вот чего стоила ему правда.

Джейкс протыкает колышущийся купол желтка ломтиком обжаренного хлеба.

— Ты, э-э, знаешь, что скажет Грелш?

— «Неоспоримые улики», — говорит Луиза тоном врача, выносящего диагноз. — Слушай, Джейкс, не скажешь ли Грелшу… просто скажи, что мне надо кое-куда поехать.

20

Управляющий отеля «Бон вояж» с утра пребывает в дурном настроении.

— Нет, вы не можете увидеть его номер! Все следы инцидента удалил специалист по чистке ковров. Которому, добавлю, нам пришлось заплатить из собственного кармана! И вообще, к какому разряду вампиров вы принадлежите? Вы репортерша? Охотница за привидениями? Романистка?

— Я, — Луиза Рей содрогается от неизвестно откуда идущих рыданий, — его племянница, Меган Сиксмит.

Некая матриархиня с каменным выражением лица заключает плачущую Луизу в объятия, прижимая ее к своему гороподобному бюсту. Случайные свидетели бросают на управляющего уничтожающие взгляды. Тот бледнеет и пытается возместить ущерб.

— Пожалуйста, пройдемте в заднюю комнату, я дам вам…

— Стакан воды! — отрубает матриархиня, отбивая в сторону его руку.

— Венди! Воды! Пожалуйста, вот сюда, почему

бы вам…

— Во имя человеколюбия, стул! — Матриархиня поддерживает Луизу в затемненной боковой комнате конторы.

— Венди! Стул! Немедленно!

Союзница Луизы стискивает руки.

— Давай, милая, давай, облегчи свою душу, я слушаю. Меня зовут Дженис, я из Эсфигменоу, штат Юта, и вот мой рассказ. Когда мне было столько, сколько теперь тебе, я была одна в доме и спускалась по ступенькам из детской моей дочери, и там на площадке лестницы стояла моя мать. «Ступай, посмотри, как там ребенок», — сказала она. Я объяснила матери, что проверяла минуту назад, что девочка крепко спит. Голос у матери стал ледяным. «Не спорь со мной, юная леди, ступай и посмотри, как там ребенок, немедленно!» Звучит безумно, но лишь тогда я вспомнила, что мать моя умерла в предыдущий День благодарения. Но я бросилась вверх и увидела, что моя дочь задыхается: шнур от полога обернулся вокруг ее шеи. Тридцать секунд, и все было бы кончено. Ну, теперь понимаешь?

Луиза смаргивает с глаз слезы.

— Понимаешь, милая? Они отдаляются, но не уходят насовсем.

Возвращается запыхавшийся управляющий с коробкой для обуви в руках.

— Боюсь, комната вашего дядюшки занята, но горничная нашла вот эти письма — они были вложены в Библию. На конвертах — его имя. Естественно, я собирался переправить их вашей семье, но, поскольку вы здесь…

Он вручает ей стопку из девяти побуревших от времени конвертов, на каждом из которых повторяется адрес: «Для передачи Руфусу Сиксмиту, эсквайру, Колледж Кая, Кембридж, Англия». На одном из них совсем свежее пятно от пакетика с чаем. Все они сильно помяты и торопливо разглажены.

— Благодарю вас, — говорит Луиза, сначала едва слышно, но затем тверже. — Дядя Руфус очень дорожил своей перепиской, и теперь это все, что мне осталось от него на память. Я больше не отниму у вас ни минуты. Простите, что я так расстроилась и не сумела с собой совладать.

Облегчение управляющего более чем ощутимо.

— Вы очень необычная личность, Меган, — заверяет Луизу Дженис из Эсфигменоу, штат Юта, когда они прощаются в вестибюле отеля.

— Вы тоже очень необычная личность, Дже-

нис, — отвечает Луиза и возвращается на парковочный уровень, проходя в десяти ярдах от ячейки номер 909.

21

Не прошло и минуты, как Луиза Рей вернулась в редакцию «Подзорной трубы», а Дом Грелш уже ревет, перекрывая болтовню в отделе новостей:

— Мисс Рей!

Джерри Нуссбаум и Рональд Джейкс отрывают взгляды от своих столов, глядят на Луизу, потом друг на друга и отчетливо произносят:

— Ой!

Луиза кладет письма Фробишера в ящик стола, запирает его и идет в кабинет Грелша.

— Дом, прости, что я не смогла присутствовать на планерке, я…

— Избавь меня от этих женских отговорок. Закрой дверь.

— У меня нет привычки прибегать к отговоркам.

— А привычка присутствовать на планерках у тебя есть? Тебе за это платят.

— Мне также платят за отслеживание своих материалов.

— Стало бы, ты бросилась на место преступления? Не нашла ли ты улик, ускользнувших от копов? Может быть, послание кровью, на кафеле?

«Это сделал Альберто Гримальди»?

— Неоспоримые улики только в том случае неоспоримы, когда ты надорвешь себе спину, до них докапываясь. Мне сказал это один редактор по имени Дом Грелш.

Грелш пристально на нее смотрит.

— У меня есть нить, Дом.

— У тебя есть нить.

«Я не могу раздавить тебя логикой и не могу тебя одурачить, я могу лишь зацепить твое любопытство».

— Я звонила в участок, где занимаются делом Сиксмита.

— Нет никакого дела! Это было самоубийство! Если только речь не идет о Мерилин Монро, то самоубийства тиражей не увеличивают. Слишком унылая тема.

— Выслушай меня. Зачем Сиксмит купил билет на самолет, если в тот же день собирался пустить себе пулю в висок?

Грелш разводит руками, показывая размер своего неверия в то, что он вообще участвует в этом разговоре.

— Внезапное решение.

— Тогда почему у него была отпечатанная на машинке — хотя самой машинки не было — за-

писка о самоубийстве? Он что, подготовил ее заранее и ждал, когда его посетит это внезапное решение?

— Я не знаю! Мне наплевать! Что меня волнует, так это необходимость сдать номер в четверг вечером, спор с печатниками, грядущая забастовка почтовиков и Оджилви, держащий над моей головой… чей бишь там?.. меч. Проведи спиритический сеанс и спроси у Сиксмита сама! Сиксмит был ученым. У ученых неустойчивая психика.

— Мы с ним на полтора часа застряли в лифте. Он был хладнокровен как рыба. Слово «неустойчивый» к нему совершенно не клеится. И еще одно. Он застрелился — предположительно — с помощью самого бесшумного пистолета, имеющегося на рынке. Это «роучфорд» тридцать четвертого калибра со входящим в комплект глушителем. Заказать можно только по каталогу. К чему ему было об этом беспокоиться?

— Так. Копы не правы, медэксперт не прав, все не правы, кроме Луизы Рей, лучшей из желторотых журналисточек, чья необычайная проницательность позволяет ей заключить, что всемирно известный числовод был убит только потому, что указал на несколько изъянов конструкции ядерного реактора в некоем отчете, само суще-

ствование которого никто не подтверждает.

— Отчасти. Вероятнее всего, полицейские не случайно пришли к выводам, удобным для Приморской корпорации. Их к этому подтолкнули.

— Ну конечно, коммунальная компания покупает полицейских! Какой же я болван!

— Учитывая дочерние предприятия, Приморская корпорация — десятая по величине в Штатах. При желании они могут купить Аляску. Дай мне время до понедельника.

— Нет! За тобой обзоры этой недели и, да, материал по кулинарии.

— Если бы Боб Вудворд[101] сказал тебе, что заподозрил президента Никсона в том, что тот отдал приказ взломать офисы своих политических противников, и записал это на пленку, сказал бы ты ему: «Боб, милый, забудь об этом, мне нужно восемьсот слов о сервировке салатов»?

— Не смей выдавать мне эту арию: я-разъяренная-феминистка.

— Тогда ты не выдавай мне арию: слушай-я-занимаюсь-этим-тридцать-лет! Одного Джерри

---

[101] Примечания: 101

...Боб Вудворд... заподозрил президента Никсона в том, что тот отдал приказ взломать офисы своих политических противников... — Роберт Вудворд и Карл Бернстейн — журналисты газеты «Вашингтон пост», раскрутившие скандал о взломе в отеле «Уотергейт», что привело к отставке Ричарда Никсона.

Нуссбаума в этом здании более чем достаточно.

— Ты втискиваешь реальность восемнадцатого размера в предположение размера одиннадцатого. Это погубило многих отличных журналистов. Многих и многих.

— До понедельника! Я раздобуду копию доклада Сиксмита.

— Обещания, которых ты не можешь исполнить, не являются твердой валютой.

— У меня нет никакой другой валюты, кроме как встать на колени и умолять тебя. Ну же! Дом Грелш не станет сворачивать журналистские расследования только потому, что они не окупаются на следующее же утро. Папа говорил мне, что ты был едва ли не самым смелым репортером из всех, кто работал где-либо в середине шестидесятых.

Грелш поворачивает свое кресло и устремляет взгляд поверх Третьего авеню.

— Черта лысого он это говорил!

— Еще как говорил! Это разоблачение в шестьдесят четвертом насчет фондов избирательной кампании Росса Зинна. Ты навсегда вышвырнул из политики этого апостола белого превосходства, от которого у всех кровь стыла в жилах. Отец назвал тебя упрямым, неустрашимым и

неутомимым. Дело Росса Зинна потребовало нервов, пота и времени. Я обойдусь своими нервами и своим потом, единственное, о чем я прошу, это немного времени.

— Ввязывать сюда своего отца было грязным трюком.

— Журналистика требует грязных трюков.

Грелш гасит сигарету и закуривает другую.

— В понедельник, с изысканиями Сиксмита, и доказательства, Луиза, должны быть ураганной силы, с именами, источниками, фактами. Кто уничтожил отчет, и почему, и каким образом Суоннекке «Би» станет Хиросимой для Южной Калифорнии. Кое-что еще. Если ты добудешь улики в пользу того, что Сиксмит был убит, мы, прежде чем это печатать, отправимся в полицию. Я не хочу, чтобы под сиденье моей машины заложили динамит.

— «Все факты без прикрас и страха».

— Держись этого.

Когда Луиза садится за свой стол и вынимает спасенные письма Сиксмита, Нэнси О'Хаган изображает на лице некоторую приятность.

Грелш в своем кабинете колотит по боксерской груше.

— Упрямый!

Хрясть!

— Неустрашимый!

Хрясть!

— Неутомимый!

Редактор видит, как его отражение насмехается над ним.

22

Звуки сефардского романса, сочиненного до изгнания евреев из Испании, заполняют музыкальный магазин «Забытый аккорд» на северо-западном углу Спиноза-сквер и Шестой авеню. У телефона хорошо одетый человек, бледноватый для этого загорелого города, повторяет вопрос.

— Секстет «Облачный атлас»… Роберт Фробишер… По правде сказать, я о нем слышал, хотя никогда не держал в руках настоящего оттиска… Фробишер был вундеркиндом, он умер как раз на взлете… Позвольте мне посмотреть, у меня тут список от дилера в Сан-Франциско, специализирующегося по раритетам… Фрэнк, Фицрой, Фробишер… Так, вот и он, есть даже небольшое примечание… Сделано всего пятьсот отпечатков… в Голландии, перед войной, ну и ну, неудивительно, что это такая редкость… У дилера есть копия с ацетата, выпущенная в пятидесятых… разорившейся французской фирмой. Да уж, не пластинка, а поцелуй смерти… Я попробую, месяц назад «Облачный атлас» у него был, но никаких гарантий по качеству звучания, и должен предупредить, что обойдется это недешево…

Здесь указано… сто двадцать долларов… плюс наши десять процентов комиссионных, что составляет… Да? Хорошо, я запишу ваше имя… Рей кто? О, мисс Р-Е-Й, простите, пожалуйста. Обычно мы просим задаток, но у вас такой честный голос… Через несколько дней. Будем вас ждать.

Продавец записывает, что ему надлежит сделать, затем возвращает иглу к началу «¿Por qué lloras blanca niña?»,[102] опускает ее на мерцающий черный винил и грезит о еврейских пастухах, перебирающих струны своих лир на освещенных звездами склонах Иберийских холмов.

[102] Примечания: 102
«Отчего малышка плачет?» (исп.).

23

Луиза Рей не замечает запыленного черного «шевроле», едущего рядом, когда входит в свой многоквартирный дом. Билл Смок за рулем «шевроле» запоминает адрес: 108, «Тихоокеанский Эдем».

За последние полтора дня Луиза дюжину раз перечитывала письма Сиксмита. Они не дают ей покоя. Университетский друг Сиксмита, Роберт Фробишер, написал эту серию посланий летом 1931 года, когда надолго задержался в некоем бельгийском шато. Беспокоит Луизу не тот нелестный свет, который они проливают на уступчивого юного Руфуса Сиксмита, но ослепительно яркие образы тех мест и людей, что вызываются из небытия этими письмами. Образы настолько живые, что она может назвать их только воспоминаниями. Прагматичной дочери журналиста надлежит, что она и делает, объяснять эти «воспоминания» работой воображения, чрезмерно обостренного недавней смертью отца, но деталь в одном из писем сбросить со счетов невозможно. Роберт Фробишер упоминает о родимом пятне в форме кометы между своей

лопаткой и ключицей.

«Я просто не верю в эту чепуху. Я просто не верю. Не верю».

Строители обновляют вестибюль «Тихоокеанского Эдема». Пол устлан большими листами бумаги, электрик проверяет проводку, молотят невидимые молотки. Прораб Малькольм, увидев Луизу, кричит ей:

— Эй, Луиза! Минут двадцать назад в твою квартиру пробежал какой-то незваный гость!

Но слова его тонут в грохоте дрели, он говорит по телефону с кем-то из мэрии о кодовых замках, да и в любом случае Луиза уже вошла в лифт.

24

— Сюрприз, — сухо говорит Хэл Броди, застигнутый за тем, что снимает с полок Луизы книги и пластинки, препровождая их в свою спортивную сумку. — Эй, — говорит он, чтобы скрыть укол вины, — ты так коротко постриглась.

Луиза не очень удивлена.

— Разве все брошенные женщины не делают то же самое?

Хэл издает гортанный щелкающий звук.

— Стало быть, День Рекламаций, — говорит Луиза, злясь на самое себя.

— Почти завершен. — Хэл отряхивает с ладоней воображаемую пыль. — Вот это избранное Уоллеса Стивенса[103] — оно твое или мое?

— Его нам подарила Фиби на Рождество. Позвони Фиби. Пусть она решает. Или вырви нечетные страницы и оставь мне четные. Это похоже на

---

[103] Примечания: 103

Уоллес Стивенс (1879–1955) — американский поэт, а также юрист; с 1934 г. — вице-президент Хартфордской страховой компании. Автор сборников лирических медитаций «Фисгармония» (1923), «Человек с голубой гитарой» (1937), «Заметки по поводу высшей формы вымысла» (1942), «Осенние зори» (1950) и др.; лауреат Национальной книжной премии США за сборник статей и выступлений «Необходимый ангел: эссе о реальности и воображении» (1951).

взлом. Мог бы и позвонить.

— Я звонил. Кроме твоего автоответчика, ничего. Выброси его, если никогда не слушаешь.

— Что за глупости, он стоит целое состояние. Итак, что же привело тебя в город, кроме любви к модернистской поэзии?

— Поиски натуры для «Старски и Хатча».[104]

— Старски и Хатч не живут в Буэнас-Йербасе.

— Старски похищает Триада западного побережья. Будет перестрелка на здешнем мосту Бей-бридж, а еще у нас сцена погони — Дэвид и Пол бегут по крышам автомобилей в час пик. Согласовать это с транспортной полицией — немаленькая головная боль, но нужна реальная местность, иначе мы лишимся всякого подобия художественной целостности.

— Эй, «Blood on the Tracks»[105] [106] ты не заберешь.

— Это моя пластинка.

---

[104] Примечания: 104

Поиски натуры для «Старски и Хатча»… Дэвид и Пол бегут по крышам автомобилей в час пик — «Старски и Хатч» (1975–1979) — популярный полицейский телесериал с Дэвидом Соулом и Полом Майклом Глейзером в главных ролях; в 2004 г. вышел полнометражный римейк.

[105] Примечания: 105

«Кровавые следы» (англ.).

[106] Примечания: 106

«Blood on the Tracks» (1974) — альбом Боба Дилана.

— Теперь уже нет. — Луиза не шутит.

Броди с ироничным почтением вынимает пластинку из спортивной сумки.

— Слушай, мне было так жаль услышать о твоем отце.

Луиза кивает, чувствуя прилив горя и ожесточение.

— Да.

— Наверное, это было… своего рода облегчение.

«Точно, но только те, кто понес утрату, могут на самом деле об этом говорить». Луиза сопротивляется соблазну сказать что-нибудь едкое. Она вспоминает, как ее отец поддразнивал Хэла: «телемальчик». «Я не стану плакать».

— Значит, у тебя все в порядке?

— Да, все отлично. А ты как?

— Тоже отлично. — Луиза глядит на новые бреши на своих старых полках.

— Работа хорошая?

— Отличная. — «Избавь нас обоих от нашего ничтожества». — Полагаю, у тебя есть ключ, который принадлежит мне.

Хэл застегивает «молнию» спортивной сумки, выуживает ключ из кармана и роняет ей в ладонь. Напыщенным жестом, чтобы подчерк-

нуть символизм данного акта. Луиза улавливает незнакомый запах лосьона после бритья и воображает себе ее, брызгавшую на него этим утром. «И рубашки этой два месяца назад у него не было». Ковбойские башмаки они покупали вместе, в день концерта Сеговии.[107] Хэл переступает через пару грязных теннисных туфель Хавьера, и Луиза видит, что он обдумывает, как бы лучше пройтись насчет ее нового мужчины. Вместо этого он просто роняет:

— Ну что ж, пока.

«Пожать ему руку? Обнять?»

— Угу.

Дверь закрывается.

Луиза накидывает цепочку и заново проигрывает встречу. Она включает душ и раздевается. Зеркало в ванной наполовину скрыто полкой с шампунями, кондиционерами, коробкой гигиенических салфеток, кремами для кожи и подарочным мылом. Луиза сдвигает все это в сторону, чтобы яснее видеть родимое пятно между своей лопаткой и ключицей. Встреча с Хэлом также отодвинута. «Совпадения случаются постоянно». Но оно неоспоримо имеет форму кометы.

---

[107] Примечания: 107

Сеговия, Андрес (1893–1987) — выдающийся андалусийский гитарист.

Зеркало затуманивается. «Факты — вот твой хлеб и твое масло. Родимые пятна могут выглядеть как угодно, не только как кометы. Ты все еще расстроена папиной смертью, вот и все». Журналистка ступает под душ, но в своем воображении расхаживает по коридорам шато Зедельгем.

25

Лагерь протестующих против строительства АЭС на острове Суоннекке находится на материке, между побережьем и болотистой лагуной. По ту сторону лагуны тянутся акры цитрусовых садов, поднимающихся к засушливым холмам. Шалаши, раскрашенные во все цвета радуги фургоны обитателей лагеря и трейлерные домики выглядят как нежелательные дары, выброшенные Тихим океаном. Надпись на натянутом полотнище провозглашает: «ПЛАНЕТА ПРОТИВ ПРИМОРСКОЙ КОРПОРАЦИИ». На дальней стороне моста стоят корпуса Суоннекке «Эй», подрагивающие, словно Утопия в лунном мираже. Загорелые белые малыши плещутся в ленивых волнах на мелководье; бородатый апостол стирает в тазу рубашку; двое по-змеиному гибких подростков целуются в траве, покрывающей дюны.

Луиза запирает свой «фольксваген» и через заросли кустарника проходит к лагерю. Вдали гудят сельскохозяйственные машины. К ней приближаются несколько обитателей, но настроены они явно не дружественно.

— Ну? — с вызовом произносит мужчина с яст-

ребиным лицом коренного американца.

— Я полагала, что это общественная парковка.

— Вы предполагали неверно. Она частная.

— Я журналистка. Надеялась проинтервьюировать нескольких из вас.

— На кого вы работаете?

— На журнал «Подзорная труба».

Тучи немного расходятся.

— Не написать ли вам о последних приключениях носа Барбры Стрейзанд? — говорит индеец и сардонически добавляет: — Без обид.

— Ладно, простите, я не из «Геральд трибьюн», но почему бы не дать мне попробовать? Небольшой положительный отзыв мог бы сослужить вам добрую службу, если только вы не рассчитываете на полном серьезе сорвать строительство атомной бомбы замедленного действия по ту сторону этой полоски воды, просто размахивая плакатами, бренча на гитарах и распевая песни протеста. Без обид.

Какой-то южанин ворчит:

— Дамочка, да они из вас так и прут.

— Интервью окончено, — говорит коренной американец. — Уматывайте отсюда.

— Не беспокойся, Мильтон. — На ступеньке своего трейлера стоит пожилая женщина, бело-

волосая и краснолицая. — Я с ней поговорю.

Из-за хозяйки выглядывает аристократичная собака нечистых кровей. Ясно, что слово этой женщины весомо, потому что все остальные расходятся без малейших возражений.

Луиза приближается к трейлеру.

— Поколение любви и мира?

— Семьдесят пятый не идет ни в какое сравнение с шестьдесят восьмым. У Приморской корпорации имеются осведомители в наших рядах. На прошлые выходные власти хотели расчистить это место для важных персон, и пролилась кровь. Это дало полиции повод для ряда арестов. Боюсь, в результате развивается паранойя. Входите. Меня зовут Хестер Ван Зандт.

— Я очень надеялась встретиться с вами, доктор, — говорит Луиза.

26

Часом позже Луиза скармливает свой огрызок яблока кроткой собаке Хестер Ван Зандт. Увешанный книжными полками кабинет Ван Зандт столь же аккуратен, сколь хаотичен кабинет Грелша. Хозяйка завершает рассказ:

— Конфликт между корпорациями и активистами — это конфликт между наркотическим опьянением и памятью. У корпораций есть деньги, власть и влияние. Наше единственное оружие — это возмущение общественности. Возмущение блокировало строительство Юкатанской дамбы, вынудило уйти в отставку Никсона и, отчасти, положило конец зверствам во Вьетнаме. Но возмущение слишком неуклюжая махина, чтобы его производить и им управлять. Во-первых, необходимы тщательные исследования; во-вторых, широкая осведомленность об их результатах: только если она достигает критической массы, общественное возмущение взрывается и начинает действовать. Любую из стадий легко саботировать. Альберто Гримальди по всему миру могут препятствовать исследованиям, погребая правду в комитетах, притупляя ее и искажая,

а также запугивая исследователей. Они могут препятствовать осведомленности, приобретая телевизионные станции, выплачивая «гостевые гонорары» ведущим авторам или попросту скупая средства массовой информации. Пресса — и я имею в виду не только «Вашингтон пост» — вот где ведут свои гражданские воины демократические страны.

— И поэтому вы спасли меня от Мильтона и его собратьев?

— Я хотела предоставить нам правду, какой она нам видится, чтобы вы могли, по крайней мере, сделать осознанный выбор, какую сторону поддерживать. Напишете пасквиль о Новых Плясках бойцов Зеленого фронта в их миниатюрном Вудстоке[108] — и тем самым подтвердите все предрассудки республиканцев и погребете правду немного глубже. Напишете об уровне радиации в морских продуктах, о пределах «безопасного» загрязнения, устанавливаемых теми, кто загрязняет, о политике правительства, покупаемой с молотка дотациями на избирательные

[108] Примечания: 108

Вудсток — «три дня мира, любви и музыки»: знаменитый рок-фестиваль под открытым небом, проходивший 15–18 августа 1969 г. возле городка Вудсток, штат Нью-Йорк, и собравший почти полмиллиона слушателей; апофеоз эпохи.

кампании, и о частной полиции Приморской корпорации — и тем самым на какую-то долю градуса приблизите температуру общественной осведомленности к точке возгорания.

— Руфус Сиксмит — вы с ним были знакомы? — спрашивает Луиза.

— Конечно была, упокой Господь его душу.

— Мне следовало бы поставить вас по разные стороны… или нет?

Ван Зандт кивает, довольная тактикой Луизы.

— Я познакомилась с ним в начале шестидесятых в округе Колумбия, в одном мозговом комитете, связанном с Федеральной комиссией по энергетике. Я перед ним благоговела! Еще бы — нобелевский лауреат, ветеран Манхэттенского проекта…

— Может быть, вам известно что-нибудь о написанном им отчете, осуждающем реактор «ГИДРА-зеро» и требующем демонтажа Суоннекке «Би»?

— Доктор Сиксмит? Вы абсолютно уверены?

— «Абсолютно уверена»? Нет. «Чертовски сильно уверена»? Да.

Черты Ван Зандт заостряются.

— Боже мой, если бы только Зеленый фронт мог раздобыть копию… — Она нахмуривается. —

Если доктор Сиксмит написал разгромный отчет о реакторе «ГИДРА-зеро» и угрожал предать его гласности… что ж, тогда я больше не верю, что он застрелился.

Луиза замечает, что обе они говорят шепотом. Она задает вопрос, воображая, что это спрашивает Грелш:

— Не отдает ли это паранойей — считать, что Приморская корпорация могла бы убить человека ранга Сиксмита только затем, чтобы избежать негативной рекламы?

Ван Зандт снимает с полки пробкового дерева фотографию женщины лет шестидесяти пяти.

— Вот вам пример. Марго Рокер.

— Недавно я видела это имя на плакате.

— Марго является активисткой Зеленого фронта с той поры, как Приморская корпорация купила остров Суоннекке. Эта земля принадлежит ей, и она разрешила нам сидеть тут шипом в боку у корпорации. Полтора месяца назад на ее бунгало — в двух милях отсюда — напали грабители. Денег у Марго нет. Только несколько клочков земли, с которыми она отказывается расстаться, как бы ни обольщала ее Приморская корпорация. Грабители избили ее до потери чувств и бросили умирать, но ничего не взяли. В строгом смысле

слова это не убийство, потому что Марго до сих пор в коме, так что полиция склоняется к версии плохо спланированного ограбления с неудачным концом.

— Неудачным для Марго.

— И чертовски удачным для Приморской корпорации. Ее семью засыпают медицинскими счетами. Прошло несколько дней после нападения, и компания по торговле недвижимостью из Лос-Анджелеса, «Открытая перспектива», обращается к двоюродному брату Марго с предложением купить эти несколько акров прибрежных кустарников по цене в четыре раза выше рыночной стоимости. Для создания частного заповедника. Так что я попросила Зеленый фронт навести кое-какие справки об «Открытой перспективе». Она была зарегистрирована всего пару месяцев назад, и угадайте-ка, кто возглавляет список корпоративных вкладчиков? — Ван Зандт указывает подбородком в сторону острова Суоннекке.

Луиза взвешивает все услышанное.

— Я буду держать вас в курсе, Хестер.

— Очень на это надеюсь.

27

Альберто Гримальди испытывает удовольствие, когда проводит в своем кабинете на Суоннекке внеплановые брифинги по безопасности с участием Билли Смока и Джо Нейпира. Ему нравится степенное поведение обоих мужчин, так контрастирующее со свойственной просителям и свите придворных манерой лебезить. Нравится отправлять свою секретаршу в приемную, где главы компаний, руководители профсоюзов и правительственные чиновники вынуждены томиться в ожидании, лучше всего — часами, и слышать, как она говорит: «Билл, Джо, сейчас у мистера Гримальди есть окно для вас». Смок и Нейпир дают Гримальди возможность тешить эту черту характера, роднящую его с Дж. Эдгаром Гувером.[109] О Нейпире он думает как о непреклонном бульдоге, чье детство, проведенное в Нью-Джерси, наложило на него отпечаток, не смягченный и тридцатью годами жизни в Ка-

[109] Примечания: 109

Дж. Эдгар Гувер (1895–1972) — основатель ФБР (1924) и его бессменный директор; собирал досье на многих влиятельных лиц и, как считается, именно благодаря кладезям компромата продержался на своем посту при всех администрациях.

лифорнии; Билл же Смок — это давнишний его знакомец, готовый пройти сквозь стены, этику и законность, чтобы выполнить волю своего хозяина.

Сегодняшняя встреча усилена присутствием Фэй Ли, вызванной Нейпиром для последнего пункта их неписаной повестки дня: журналистка по имени Луиза Рей собирается посетить в эти выходные остров Суоннекке — представляет она угрозу для безопасности или нет?

— Итак, Фэй, — говорит Гримальди, балансируя на краю своего стола, — что нам о ней известно?

Фэй Ли говорит, словно читая невидимую шпаргалку:

— Репортер «Подзорной трубы» — полагаю, все мы знаем, что это такое? Двадцать шесть лет, честолюбива, ближе к либералам, чем к радикалам. Дочь известного зарубежного корреспондента Лестера Рея, недавно умершего. Мать повторно вышла замуж за архитектора после дружественного развода семь лет назад, живет в пригороде Буэнас-Йербаса — Юингсвилле. Родных братьев и сестер нет. Изучала историю и экономику в Беркли, диплом с отличием. Начинала в «Хроникере», Лос-Анджелес, печатала политические статьи в «Трибуне» и «Вестнике». Не замужем, живет одна,

по счетам платит вовремя.

— Стоячая вода, да и только, — комментирует Нейпир.

— Тогда напомните мне, почему мы ее обсуждаем, — просит Смок.

Фэй Ли обращается к Гримальди:

— Мы поймали ее, когда она расхаживала по институту, — во вторник, во время запуска. Она утверждала, что у нее назначена встреча с доктором Сиксмитом.

— На предмет?

— Была уполномочена написать статью для «Подзорной трубы», но я думаю, она что-то выуживала.

Президент правления смотрит на Нейпира. Тот пожимает плечами.

— Трудно определить, мистер Гримальди. Если она хотела что-то выудить, мы должны предположить, что она знала, за какого рода рыбой пришла.

Гримальди имеет слабость произнести вслух очевидное:

— Это отчет.

— У журналистов лихорадочное воображение, — говорит Ли, — особенно у голодных и молодых, ищущих свою первую большую сенса-

цию. Полагаю, она могла бы подумать, что смерть доктора Сиксмита была… как бы это сказать…

Альберто Гримальди изображает озадаченность.

— Мистер Гримальди, — вставляет Смок, — думаю, что у Фэй слишком много такта, чтобы прямо выложить вот что: эта Рей могла вообразить, будто мы убрали Сиксмита.

— «Убрали»? О господи! Это серьезно? Джо? Как ты думаешь?

Нейпир разводит руками.

— Фэй может быть права, мистер Гримальди. «Подзорная труба» отнюдь не славится твердой приверженностью фактам.

— У нас есть какие-нибудь рычаги воздействия на этот журнальчик? — спрашивает Гримальди.

Нейпир мотает головой.

— Я сам этим займусь.

— Она позвонила, — продолжает Ли, — и спросила, не сможет ли она взять интервью у нескольких из наших людей для статьи типа день-из-жизни-ученого. Так что я пригласила ее в отель на сегодняшний банкет и пообещала кое с кем познакомить на протяжении выходных. Собственно, — она бросает взгляд на часы, — я встречаюсь там с ней через час.

— Я дал на это добро, мистер Гримальди, — говорит Нейпир. — Лучше уж пускай она все разнюхивает прямо у нас под носом, где мы сами сможем за ней проследить.

— Совершенно верно, Джо. Совершенно верно. Определите, насколько серьезную угрозу она представляет. И в корне пресекайте всякие болезненные подозрения касательно бедняги Руфуса. — Все вокруг натянуто улыбаются. — Ладно, Фэй, Джо, картина ясна, спасибо, что уделили время. Билл, на пару слов о кое-каких делах в Торонто.

Президент правления и его подручный остаются одни.

— Наш друг, — начинает Гримальди, — Ллойд Хукс. Он меня беспокоит.

Билл Смок обдумывает его слова.

— В каком разрезе?

— У него такой вид, словно ему выпали четыре туза. Мне это не нравится. Понаблюдай за ним.

Билл Смок наклоняет голову.

— И тебе лучше бы припасти в рукаве какой-нибудь несчастный случай для Луизы Рей. В аэропорту ты все выполнил безупречно, но Сиксмит был выдающимся ученым, к тому же иностранцем, и мы не хотим, чтобы эта женщина

раскопала какие-нибудь слухи о нечистой игре. — Он кивает вослед Нейпиру и Ли. — Эти двое подозревают что-нибудь о Сиксмите?

— Ли ни о чем не думает. Она пиарщица, а это все равно что иметь постоянную менструацию. Нейпир не смотрит. Он слепец, мистер Гримальди, слепец добровольный, и потом, ему скоро в отставку.

28

Айзек Сакс сгорбившись сидит в «фонаре» бара в отеле Суоннекке и смотрит на яхты в бархатистой вечерней голубизне. На столе стоит нетронутое пиво. Мысли ученого переходят от смерти Руфуса Сиксмита к страху, что может обнаружиться утаенная им копия отчета Сиксмита, а затем — к предупреждению Нейпира о конфиденциальности. «Сделка, доктор Сакс, состоит в том, что ваши идеи являются собственностью Приморской корпорации. Вы же не хотите не выполнить условий сделки с таким человеком, как мистер Гримальди, правда?» Неуклюже, но действенно.

Сакс пытается вспомнить, как чувствовал себя, когда ходил без этого узла в кишках. Он тоскует по своей старой лаборатории в Коннектикуте, где мир состоял из математики, энергии и атомных каскадов, а он был его исследователем. Ему нет дела до этих политических порядков величин, где нарушение лояльности может привести к тому, что мозги твои будут разбросаны по номеру отеля. «Ты разорвешь его на мелкие клочки, Сакс, одну чертову страницу за другой».

Затем его мысли переносятся к избытку водорода, взрыву, переполненным больницам и первым смертям от радиоактивного заражения. Официальному расследованию. Поиску козлов отпущения. Сакс ударяет одним кулаком о другой. До сих пор его предательство Приморской корпорации не выходило за рамки «мыслепреступления»,[110] никогда не воплощалось на деле. «Осмелюсь ли я пересечь эту черту?» Он трет усталые глаза. Управляющий отелем вводит в банкетный зал группу цветоводов. Вниз не спеша спускается женщина, оглядывается в поисках кого-то, кто еще не явился, и направляется в оживленный бар. Сакс восхищается ее хорошо подогнанным замшевым костюмом, стройной фигурой, неброским жемчугом. Бармен наливает ей бокал белого вина и выдает какую-то шутку, которая удостаивается признания, но не улыбки. Она поворачивается в сторону Сакса, и он узнает ту женщину, которую пять дней назад принял за Меган Сиксмит: узел страха рывком затягивается сильнее, и Сакс поспешно выходит наружу через веранду, отворачивая лицо в сторону.

Луиза подходит к нише с окном. На столике сто-

[110] Примечания: 110

«Мыслепреступление» (thoughtcrime) — термин из романа Дж. Оруэлла «1984» (1949).

ит нетронутое пиво, но нет никаких признаков его владельца, так что она садится на нагретое место. Это лучшее место во всем помещении. Она смотрит на яхты в бархатистой вечерней голубизне.

29

Взгляд Альберто Гримальди блуждает по освещенному свечами банкетному залу. В помещении булькают фразы, которые больше произносятся, нежели выслушиваются. Его собственная речь вызвала более сильный и продолжительный смех, чем речь Ллойда Хукса, который теперь что-то серьезно обсуждает с вице-президентом правления, Уильямом Уили. Итак, о чем же беседует эта парочка? Гримальди мысленно еще раз пишет краткое распоряжение для Билла Смока. Глава Агентства по защите окружающей среды излагает ему какую-то бесконечную историю о школьных днях Генри Киссинджера, так что Гримальди обращается к воображаемым слушателям с речью на тему власти.

«Власть». Что мы имеем в виду? «Способность определять участь другого человека». Слушайте, вы, люди науки, строительные магнаты и формирователи общественного мнения: мой самолет может вылететь из «Ла Гардии», и прежде чем я приземлюсь в Буэнас-Йербасе, вы станете никем. Слушайте и вы, властелины Уолл-стрит, избранные чиновники и судьи: мне может потре-

боваться больше времени, чтобы сшибить вас с ваших шестков, но ваше итоговое падение будет в той же мере тотальным. — Гримальди обменивается взглядами с главой АЗОС, дабы убедить того, что его внимание не развеялось. — Но почему лишь некоторые добиваются владычества над другими, в то время как огромное большинство людей живут и умирают как приспешники, как домашний скот? Ответ являет собою святую троицу. Первое: богоданные дары харизмы. Второе: дисциплина, позволяющая вырастить эти дары до зрелости, ибо, хотя верхний слой почвы человечества и плодороден для талантов, лишь одно семя из десяти тысяч расцветает — из-за нехватки дисциплины. — Гримальди замечает Фэй Ли, ведущую эту назойливую Луизу Рей к тому кругу, где Спиро Эгню[111] устраивает прием при своем дворе. Во плоти журналистка выглядит привлекательнее, чем на фотографиях: вот, значит, как она заарканила Сиксмита. Он перехватывает взгляд Билла Смока. — Третье: воля к власти. Вот где загадка, лежащая в основе различных человеческих судеб. Что заставляет некоторых

[111] Примечания: 111

Спиро Эгню (Спирос Анагностопулос, 1918–1996) — в 1968–1973 гг. вице-президент США в администрации Никсона; подал в отставку из-за скандала с неуплатой налогов.

накапливать власть там, где большинство их соотечественников теряют, не принимают или сторонятся ее? Это дело привычки? Богатства? Стремления выжить? Естественного отбора? Полагаю, все это лишь предпосылки и результаты, а не сердцевинная причина. Единственный ответ может звучать так: «Здесь не существует „почему“. Такова наша природа». «Кто» и «что» проникают глубже, чем «почему».

Глава Агентства по защите окружающей среды трясется от веселья, восхищенный собственным каламбуром. Гримальди смеется сквозь зубы.

— Убийственно, Том, абсолютно убийственно.

30

Луиза Рей разыгрывает недалекую журналистку-паиньку, дабы уверить Фэй Ли, что не представляет никакой угрозы. Только тогда она получит достаточно свободы, чтобы снюхаться с диссидентскими приятелями Сиксмита. Джо Нейпир, глава службы безопасности, напоминает Луизе отца: спокойный, трезвый, примерно того же возраста и облысевший. За время роскошного пиршества из десяти блюд она раз или два замечает, что он задумчиво на нее смотрит.

— И что, Фэй, вы никогда не чувствуете себя на Суоннекке в заточении, совсем?

— Суоннекке? Да это рай! — Голос пиарщицы полон воодушевления. — Буэнас-Йербас всего в часе езды, ниже по побережью — Лос-Анджелес, семья моя — выше, в Сан-Франциско, это же идеально. Дотационные магазины и бытовые предприятия, бесплатная клиника, чистый воздух, нулевая преступность, виды на море. Даже мужчины, — доверительно добавляет она вполголоса, — здесь хоть куда — собственно, у меня есть доступ к их персональным файлам, — так что можешь быть уверенной, что в фонде для свиданий

у тебя не окажется какого-нибудь совершенного ничтожества. Кстати, о них — Айзек! Айзек! Ты мобилизован! — Фэй Ли хватает за локоть Айзека Сакса. — Ты помнишь, как несколько дней назад повстречался с Луизой Рей?

— Счастлив быть мобилизованным. Здравствуйте, Луиза, рад вас снова увидеть.

Луиза чувствует в его рукопожатии неловкость.

— Мисс Рей приехала сюда, — поясняет Фэй Ли, — чтобы написать антропологическую статью о Суоннекке.

— Да? Мы скучное племя. Надеюсь, вам удастся набрать нужное количество слов.

Фэй Ли включает свое сияние на полную.

— Уверена, что у Айзека найдется немного времени, чтобы ответить на любой из ваших вопросов, Луиза. Правда, Айзек?

— Изо всех скучных я наискучнейший.

— Не верьте ему, Луиза, — предостерегает Фэй Ли. — Это всего лишь часть стратегии Айзека. Как только твоя оборона ослабнет, он тебя атакует.

Мнимый сердцеед поворачивается на каблуках, неловко улыбаясь носкам своих ботинок.

31

— Трагический изъян Айзека Сакса, — анализирует Айзек Сакс двумя часами позже, разваливившись на стуле в «фонаре» напротив Луизы, — состоит в следующем. Он слишком труслив, чтобы быть воином, но недостаточно труслив, чтобы лечь и перевернуться на спину, как хорошая собачка.

Его слова оскальзываются, словно Бэмби на льду. На их столике стоит почти пустая бутылка вина. Бар опустел. Сакс не может вспомнить, когда в последний раз он был так пьян или когда был вот так расслаблен и напряжен в одно и то же время: расслаблен, потому что умной молодой женщине хорошо в его обществе; напряжен, потому что готов вскрыть фурункул на своей совести. Сакс испытывает путаное изумление: его влечет к Луизе Рей, и он болезненно сожалеет о таких вот обстоятельствах их знакомства. Женщина и репортер все время переливаются одна в другую.

— Давай переменим тему, — говорит Сакс. — Твоя машина, твой, — он воспроизводит акцент голливудского эсэсовца, — твой «фольксваген». Как его зовут?

— Откуда ты взял, что у моего «жука» есть имя?

— Все владельцы «жуков» дают своим машинам имена. Но только, пожалуйста, не говори, что это Джон, Джордж, Пол или Ринго. — «Господи, Луиза Рей, как же ты красива!»

— Ты будешь смеяться, — говорит она.

— Не буду.

— Будешь.

— Я, Айзек Каспер Сакс, торжественно клянусь не смеяться.

— Да уж, лучше не смеяться, если у тебя второе имя Каспер. Это Гарсиа.

Они оба беззвучно трясутся, пока не разражаются смехом. «Может, я тоже ей нравлюсь, может, она не только делает свою работу».

Луиза набрасывает на свой смех лассо и укрощает его.

— И это все, чего стоят твои клятвы?

Сакс делает жест mea culpa[112] и утирает глаза.

— Обычно они длятся дольше. Не знаю, почему это так смешно, я имею в виду, Гарсиа, — он фыркает, — не такое уж и смешное имя. Однажды я был на свидании с девушкой, которая называла

---

[112] Примечания: 112
Моя вина (лат.).

свой автомобиль Росинантом, вот тебе крест.

— А мой так назвал один приятель, бывший Безумный Битник. В честь, знаешь, Джерри Гарсиа, из «Грейтфул Дэд».[113] Он оставил его возле моего общежития, когда в двигателе вылетела прокладка. Примерно в то время, когда он меня бросил ради заводилы девочек-болельщиц. Паршиво, но правдиво.

— И ты не угостила эту машину паяльной лампой?

— Но ведь Гарсиа не виноват, что его прежний хозяин был обманщиком и потаскуном.

— Должно быть, тот парень просто спятил.

Сакс не собирался этого говорить, но ему не стыдно, что он это сказал.

Луиза Рей кивает со снисходительной признательностью.

— Как бы там ни было, а имя «Гарсиа» этой машине подходит. Отрегулировать ее невозможно, скорость норовит сменить по своему усмотрению, разваливается на мелкие кусочки, багажник не закрывается, масло течет, но дух она все равно не испускает.

---

[113] Примечания: 113

...Джерри Гарсиа, из «Грейтфул Дэд» — Джерри Гарсиа (1942–1995) — певец и гитарист, лидер калифорнийской психоделической группы Grateful Dead, один из символов эпохи.

«Вернись-ка к теме, — думает Сакс. — Не будь дураком, вы же не дети».

Они смотрят, как в лунном свете разбиваются буруны. «Скажи».

— На днях, — его голос чуть слышен, и он чувствует тошноту, — ты что-то искала в комнате Сиксмита. — В сумраке кажется, что уши у обоих встали торчком. — Так ведь?

Луиза оглядывается, не подслушивает ли кто, и говорит очень тихо.

— Как я понимаю, доктор Сиксмит написал некий отчет.

— Руфусу пришлось работать в очень тесном контакте с командой, которая разрабатывала и строила эту штуковину. То есть со мной.

— Тогда ты знаешь, каковы были его заключения?

— Мы все это знаем! Джессопс, Мозес, Кин… все они знают.

— Об ошибке в конструкции?

— Да.

«Ничего не изменилось, за исключением всего».

— И насколько тяжелы будут последствия аварии?

— Если доктор Сиксмит прав, последствия ее

будут гораздо, гораздо более чем тяжелы.

— Почему же Суоннекке «Би» просто не закроют на время дальнейших исследований?

— Деньги, власть, обычные подозрения.

— Ты согласен с выводами Сиксмита?

«Осторожно».

— Я согласен, что имеется существенный теоретический риск.

— На тебя давили, чтобы ты держал сомнения при себе?

— На всех ученых давили. И все согласились. Кроме Сиксмита.

— Кто, Айзек? Альберто Гримальди? Это идет с самого верха?

— Луиза, что ты сделаешь с копией отчета, если она попадет в твои руки?

— Как можно скорее предам ее гласности.

— А ты осознаешь…

«Не могу этого сказать».

— Осознаю ли, что люди в верхних эшелонах предпочтут увидеть меня мертвой, чем реактор «ГИДРА» дискредитированным? В настоящее время я только это и осознаю.

— Я не могу ничего обещать.

«Господи, до чего ничтожно».

— Я стал ученым, потому что… это подобно

вымыванию золота из мутной речушки. Правда — это золото. Я… я не знаю, что мне делать…

— Журналисты копаются в столь же мутных речушках.

Над водой серебрится луна.

— Поступай, — говорит наконец Луиза, — так, как не можешь не поступить.

32

В ярком свете раннего утра Луиза Рей наблюдает за игроками в гольф по ту сторону сочного луга, гадая, что произошло бы, если бы накануне она пригласила Айзека Сакса подняться к себе. Они договорились встретиться за завтраком.

Она думает и о том, не следовало ли позвонить Хавьеру. Ты ему не мать, ты ему не охранница, ты просто соседка. Она ни в чем не убеждена, но точно так же, как не знала, как не обратить внимание на мальчика, которого застала рыдающим возле мусоропровода, как не могла не спуститься к управляющему, не одолжить у него ключи и не рыться в мусорном ящике в поисках его драгоценных альбомов с марками, теперь она не знает, как из этого выпутаться. У него больше никого нет, а одиннадцатилетние не способны на хитрость. «И вообще, кто еще у тебя есть?»

— Выглядите так, словно на ваших плечах лежит тяжесть всего мира, — говорит Джо Нейпир.

— Джо, присаживайтесь, пожалуйста.

— Если вы не против. Я принес вам дурную весть. Айзек Сакс передает искренние извинения, но он вынужден вас оставить.

— В самом деле?

— Нынче утром Альберто Гримальди вылетел на нашу площадку на «Тримайл-Айленд» — обихаживать группу немцев. Техническую поддержку должен был обеспечивать Сидни Джессопс, но у отца Сида случился сердечный приступ, и выбор пал на Айзека.

— Он уже уехал?

— Боюсь, что так. Сейчас он, — Нейпир взглянул на часы, — над Скалистыми горами Колорадо. Нянчит похмелье, что уж тут удивляться.

«Не позволь ему заметить свое разочарование».

— А когда он должен вернуться?

— Завтра утром.

— Вот как.

«Черт, черт, черт».

— Я в два раза старше Айзека и в три раза уродливее, но Фэй попросила меня сопровождать вас по нашей площадке. Она договорилась об интервью с несколькими людьми, которые, по ее мнению, могут вас заинтересовать.

— Джо, с вашей стороны слишком уж любезно уделять мне такой огромный отрезок своих выходных, — говорит Луиза.

«Знал ли ты, что Сакс был на грани отступни-

чества? Откуда? Разве что у Сакса был «жучок»? Нет, здешние дела выше моего понимания».

— Я одинокий старик, у которого слишком много свободного времени.

33

— Стало быть, научно-исследовательский институт называется «Курятником», потому что здесь обитают яйцеголовые. — Луиза, улыбаясь, быстро делает запись в блокноте, когда двумя часами позже Джо Нейпир открывает перед ней дверь зала управления. — А как вы называете корпус реактора?

Отзывается жующий резинку инженер:

— «Зал Славы».

«Задница», — говорит выражение лица Джо.

— Это определенно не для записи.

— Джо говорил вам, как мы называем крыло безопасности?

Инженер ухмыляется, а Луиза трясет головой.

— «Планета обезьян». — Он поворачивается к Нейпиру. — Познакомь меня со своей гостьей, Джо.

— Карло Бён, Луиза Рей. Луиза — репортер, а Карло — главный инженер. Задержитесь здесь, и вы услышите множество других его имен.

— Позвольте мне показать вам свою маленькую империю, если Джо уступит вас на пять минуток.

Нейпир наблюдает на Луизой, пока Бён объясняет ей что к чему в этой освещенной флуоресцентными лампами камере, полной панелей и датчиков. Подчиненные проверяют контрольные распечатки, хмурятся над циферблатами, щелкают переключателями на пультах управления. Бён флиртует с ней, перехватывает взгляд Нейпира, когда Луиза поворачивается спиной, и изображает руками груди-арбузы; трезвый Нейпир качает головой. «Как бы стала клохтать над тобой Молли, — думает он. — Затащила бы тебя на обед, перекормила бы и ворковала бы с тобой обо всем, о чем тебе могло бы понадобиться». Он помнит Луизу как не по годам развитую шестилетнюю девочку. «Должно быть, два десятка лет прошло с тех пор, как я видел тебя на последнем сборе Десятого участка. Почему из всех профессий, которыми могла бы увлечься эта говорливая маленькая девочка, она выбрала именно профессию репортера? Почему из всех репортеров, которые могли бы учуять душок, связанный со смертью Сиксмита, стрелка остановилась на дочери Рея? Почему это случилось так незадолго до моей отставки? Кто выдумал такую глупую шутку? Этот город?»

Нейпир готов заплакать.

34

На закате Фэй Ли быстро и умело обыскивает номер Луизы Рей. Она проверяет бачок в туалете, ищет прорези в матрасе, смотрит под коврами, под откидными досками стола, в мини-баре, в шкафу. Оригинал мог быть ксерокопирован и сведен к четверти своего объема. У Ли есть приручённый администратор, и он доложил ей, что Сакс и Луиза разговаривали до поздней ночи. Этим утром Сакса удалили, но он не идиот, он мог каким-то образом передать ей копию. Она откручивает крышку микрофона и находит под ним любимый передатчик Нейпира, замаскированный под резистор. Ныряет в укромные уголки ее сумки, но не находит никаких печатных материалов, кроме «Дзена и искусства ухода за мотоциклом».[114] Проглядывает репортерскую записную книжку у нее на столе, но скоропись Луизы почти не поддается расшифровке.

Фэй Ли задумывается, не теряет ли она время.

---

[114] Примечания: 114

«Дзен и искусство ухода за мотоциклом» (1974) — знаменитая книга Роберта Мейнарда Пирсига (р. 1928), философско-автобиографический бестселлер.

«Теряешь время? В «Мексэксон ойл» вознаграждение за отчет Сиксмита поднято до ста тысяч долларов. И если они всерьез говорят о ста тысячах, то заговорят всерьез и о миллионе. За дискредитацию всей программы атомной энергетики и похороны ее во младенчестве миллион — это мелочь. Так что продолжай искать».

Телефон звонит четыре раза: предупреждение, что Луиза Рей вошла в холл и вызвала лифт. Ли убеждается, что все на своих местах, выходит и спускается по лестнице. Через десять минут она звонит Луизе из конторы администрации.

— Привет, Луиза, это Фэй. Давно вернулась?

— Успела только по-быстрому ополоснуться.

— Надеюсь, день прошел продуктивно?

— Очень даже. Набрала материала на две или три статьи.

— Потрясающе. Слушай, если у тебя нет других планов, то как насчет того, чтобы пообедать в гольф-клубе? Таких омаров, как на Суоннекке, больше нет нигде в мире.

— Вот так заявочка.

— Я же не прошу верить мне на слово.

35

В тарелках высоко громоздится ракообразная шрапнель. Луиза и Фэй Ли ополаскивают пальцы в сосудах воды с лимонным запахом, и Ли движением брови велит официанту убрать тарелки.

— Ф-фу, как же я все заляпала. — Луиза бросает салфетку. — Я просто позорю свой класс, Фэй. А тебе следовало бы открыть школу хороших манер для благородных девиц в Швейцарии.

— Большинство в Приморском поселении видят меня иначе. Никто не говорил тебе, какое у меня прозвище? Нет? Мистер Ли.

Луиза не уверена, какой от нее ожидается ответ.

— Может, пояснишь немного?

— В первую мою неделю на работе поднимаюсь я в буфет и заказываю себе кофе. Тут ко мне подходит один инженер, говорит, что у него проблема механического свойства, и спрашивает, не могу ли я ему помочь. Позади маячат его ухмыляющиеся приятели. Я говорю: «Не уверена». А этот: «Да чего там, ты справишься». Оказывается, ему нужно, чтобы я смазала ему болт, ослабив тем самым давление в гайках.

— Сколько же лет было тому инженеру? Тринадцать?

— Сорок, женат, двое детей. Так вот, его приятели фыркают от смеха. Что бы ты сделала? Срезала бы какой-нибудь остротой, дата бы понять, что ты вне себя? Отвесила бы пощечину, чтобы заслужить прозвище истерички? Кроме того, такие мерзавцы обожают, когда им дают пощечины. Ничего бы не сделала? Чтобы каждый мужик на острове мог безнаказанно приставать к тебе с таким дерьмом?

— А если подать официальную жалобу?

— Выходит, что, как только запахнет жареным, женщины бегут ябедничать к старшим, опять-таки мужикам?

— Так как же ты поступила?

— Добилась, чтобы его перевели на нашу станцию в Канзасе. Посреди пустыни, посреди января. Жаль его жену, но она сама за такого вышла. Это стало известно, и меня окрестили мистером Ли. Настоящая женщина не обошлась бы с беднягой так жестоко, нет, настоящая женщина восприняла бы его шутку как комплимент. — Фэй Ли разглаживает складки на скатерти. — Ты на своей работе сталкиваешься с подобной чушью?

Луиза думает о Нуссбауме и о Джейксе.

— Постоянно.

— Может быть, наши дочери будут жить в освобожденном мире, но нам об этом надо забыть. Нам, Луиза, надо помогать самим себе. Мужчины за нас этого не сделают.

Журналистка чувствует, что тема сменилась. Фэй Ли наклоняется ближе.

— Надеюсь, ты будешь считать меня своим человеком на Суоннекке.

Луиза осторожно делает шаг навстречу.

— Журналистам, Фэй, нужны свои люди, так что обязательно буду иметь это в виду. Но только должна тебя предупредить. «Подзорная труба» не располагает средствами, чтобы выплачивать то вознаграждение, на которое ты, возможно…

— Мужчины изобрели деньги. Мы, женщины, изобрели взаимовыручку.

«Мудрец, — думает Луиза, — тот, кто отличает ловушку от возможности».

— Я не уверена… как неопытная журналистка может «выручить» женщину твоего положения? А, Фэй?

— Не стоит себя недооценивать. Дружественные журналисты могут быть ценными союзниками. Если придет время, когда тебе захочется обсудить что-нибудь более существенное, неже-

ли сколько французских деликатесов потребляют per annum[115] инженеры Суоннекке, — ее голос становится тише звяканья посуды, фортепьянной музыки, несущейся из коктейльного бара, и отдаленного смеха, — что-нибудь вроде данных, собранных доктором Сиксмитом о реакторе «ГИДРА-зеро», это чисто для примера, то гарантирую тебе, что ты найдешь меня гораздо более готовой к сотрудничеству, чем думаешь.

Фэй Ли щелкает пальцами, и столик с десертом уже катится в их сторону.

— Так, теперь дынно-лимонный шербет, очень низкокалорийный, очищает нёбо, идеально перед кофе. В этом ты мне доверяешь?

Преображение столь полное, что Луиза едва ли не сомневается, слышала ли она секунду назад то, что секунду назад слышала.

— В этом я тебе доверяю.

— Рада, что мы понимаем друг друга.

Луиза задумывается: «Какой уровень обмана допустим в журналистике?» Она помнит, что както раз в больничном саду ответил на это ее отец: «Приходилось ли мне лгать, чтобы добывать свои репортажи? Да я готов был каждый день еще до

---

[115] Примечания: 115
Ежегодно (лат.).

завтрака сплетать наглые небылицы в десяток миль высотой, если это хотя бы на дюйм приближало меня к правде».

36

Телефонный звонок разметает сновидения Луизы, и она приземляется в залитой лунным светом комнате. Хватает лампу, будильник и, наконец, трубку. Какое-то мгновение она не может вспомнить, как ее зовут и в какой она лежит постели.

— Луиза? — приходит ей на помощь голос из черной пучины.

— Да, Луиза Рей.

— Луиза, это я, Айзек, Айзек Сакс, звоню издалека.

— Айзек! Где ты? Который час? Почему…

— Тише, тише, прости, что разбудил тебя, и прости, что вчера ни свет ни заря позволил себя утащить. Слушай, я в Филадельфии. Здесь полвосьмого, в Калифорнии тоже скоро рассветет. Луиза, ты слышишь? Связь не разорвалась?

«Он боится».

— Да, Айзек, я слушаю.

— Прежде чем покинуть Суоннекке, я передал Гарсии подарок для тебя, так, dolce far niente.[116] — Он старается, чтобы фраза его прозвучала

---

[116] Примечания: 116
Зд.: милую безделушку (ит.).

небрежно. — Понимаешь?

«Боже мой, да о чем таком он говорит?»

— Слышишь меня, Луиза? У Гарсии для тебя подарок.

Более бодрая часть сознания Луизы напрягается изо всех сил. «Айзек Сакс оставил отчет Сиксмита в твоем «фольксвагене». Ты говорила, что багажник не запирается. Он полагает, что нас прослушивают».

— Очень мило с твоей стороны, Айзек. Надеюсь, он не обошелся тебе слишком дорого.

— Не дороже, чем должен был. Прости, что потревожил твой сон.

— Удачного тебе полета, и до встречи. Может быть, пообедаем?

— С удовольствием. Ладно, пора на самолет.

— Удачного полета. — Луиза кладет трубку.

«Уехать позже, как ни в чем не бывало? Или убраться отсюда прямо сейчас?»

37

В четверти мили от Луизы окно Джо Нейпира обрамляет предрассветное небо. Консоль с электронным оборудованием слежения занимает полкомнаты. В динамике мурлычет омертвевшая телефонная линия. Нейпир перематывает скрипучий бобинный магнитофон. «Прежде чем покинуть Суоннекке, я передал Гарсии подарок для тебя, так, dolce far niente. Понимаешь?»

Гарсии? Гарсии?

Нейпир с отвращением глядит на холодный кофе и открывает папку, на ярлыке которой значится «Регистр № 2». Коллеги, друзья, знакомые… Гарсии в индексе нет. «Лучше предупредить Билла Смока, чтобы не приближался к Луизе, пока у меня не будет возможности с ней поговорить. — Он щелкает зажигалкой. — Билл Смок — он такой человек, которого трудно найти, не то что предупредить». Нейпир втягивает в легкие едкий дым. Звонит телефон: это Билл Смок.

— Ну и что за хрен этот Гарсиа?

— Не знаю, никаких сведений. Слушай, я не хочу, чтобы ты…

— А твоя, Нейпир, долбаная работа состоит в

том, чтобы знать.

«Ах вот как теперь ты со мной заговорил?»

— Эй! Ну-ка придержи свой…

— Себя понукай. — Билл Смок кладет трубку.

«Плохо, плохо, очень плохо». Джо хватает пиджак, гасит сигарету, выходит из квартиры и направляется через поселок к отелю Луизы. Пять минут ходьбы. Он вспоминает угрозу в голосе Билла Смока и бросается бегом.

38

Туманные клубы déjà vu[7] окутывают Луизу, пока она пихает в сумку свое имущество. «Роберт Фробишер, сбегающий без оплаты счета из очередного отеля». Она по лестнице спускается в пустой вестибюль. Ковер приглушает шаги, словно снег. В дальней комнате администрации радио шепчет милые пустячки. Луиза крадется к парадным дверям, надеясь, что удастся уйти без объяснений. Двери закрыты, чтобы никого не впускать, а не чтобы не выпускать, и вскоре Луиза шагает по прилегающему к отелю газону, направляясь к парковке. Предрассветный океанский бриз дает смутные обещания. Ночное небо со стороны континента становится темно-розовым. Никого поблизости нет, но когда Луиза приближается к своей машине, она с трудом удерживается, чтобы не побежать. «Оставайся спокойной, не оборачивайся, и тогда ты сможешь сказать, что едешь вдоль мыса полюбоваться рассветом».

На первый взгляд багажник пуст, но коврик

7] Примечания: 117
Уже виденного (фр.).

прикрывает некую выпуклость. Под незакрепленным его краем Луиза находит пакет, завернутый в черный мешок для мусора. Она вытаскивает папку цвета ванили и в полусвете читает надпись на ее обложке: «Реактор ГИДРА-зеро — Рабочая испытательная модель — Глава проекта доктор Руфус Сиксмит — Незаконное владение подпадает под Акт 1971 года о военном и промышленном шпионаже». Около пятисот страниц таблиц, диаграмм, математических формул и доказательств. Колотится и отдается эхом чувство торжества. «Спокойно, это только окончание начала».

Взгляд Луизы улавливает невдалеке какое-то движение. Мужчина. Луиза припадает к земле позади «Гарсии».

— Эй! Луиза! Стой!

Джо Нейпир! Словно в сновидении, состоящем из ключей, замков и дверей, Луиза сует папку в черном пакете для мусора под пассажирское сиденье — Нейпир теперь бежит, луч его фонаря мечется в полутьме. Двигатель издает ленивый львиный рык — «фольксваген» сдает назад слишком быстро. Джо Нейпир ударяется о кузов, вопит, и Луиза мельком замечает, как он прыгает на манер клоуна из балагана.

Она не останавливается для извинений.

39

Пыльный черный «шевроле» Билла Смока тормозит и останавливается возле островного КПП моста Суоннекке. Цепочка огней пунктиром высвечивает материк по ту сторону пролива. Стражник узнает машину и уже стоит рядом с окном водителя.

— Доброе утро, сэр!

— Вроде бы. Рихтер, так?

— Да, мистер Смок.

— Как я полагаю, тебе только что позвонил Джо Нейпир и приказал не пропускать оранжевый «фольксваген».

— Так точно, мистер Смок.

— Я здесь, чтобы отменить этот приказ, по личному распоряжению мистера Гримальди. Ты поднимешь шлагбаум перед «фольксвагеном» и дашь мне проехать за ним. Сразу же позвонишь своему приятелю на материковый КПП и скажешь ему никого не пропускать, пока он не увидит мою машину. Когда сюда явится Джо Нейпир, минут так через пятнадцать, передай ему, что Альберто Гримальди говорит: «Возвращайся в постель». Понял, Рихтер?

— Понял, мистер Смок.

— Если мне память не изменяет, ты этой весной женился?

— У вас отличная память, сэр.

— Точно. Надеешься обзавестись семьей?

— Моя жена на четвертом месяце беременности, мистер Смок.

— Один совет, Рихтер, как преуспеть в деле охраны. Хочешь выслушать этот совет, сынок?

— Да, сэр.

— Самая тупая собака может сидеть и смотреть. Что требует мозгов, так это знать, когда нужно отвернуться. Доходит, Рихтер?

— Абсолютно все понял, мистер Смок.

— Тогда будущее твоей семьи в безопасности.

Смок дает задний ход, едет вдоль домика охранника и пригибается. Через минуту мыс огибает задыхающийся «фольксваген». Луиза останавливается, опускает окно, появляется Рихтер, и Смок улавливает слова «домашние неприятности».

Рихтер велит ей застегнуть ремень безопасности, и шлагбаум поднимается.

Билл Смок ведет машину на первой передаче, затем на второй. Когда «шевроле» въезжает на мост, звук дорожного покрытия меняется. Третья передача, четвертая, педаль газа вдавлена.

Подпрыгивающие задние огни «жука» увеличиваются, пятьдесят ярдов, тридцать, десять… Фары Смок не включил. Он сворачивает в свободный набегающий проезд, включает пятую передачу и продвигается вдоль борта «фольксвагена». Смок улыбается. «Она думает, что я Джо Нейпир». Он резко дергает руль, и металл визжит, когда «жук» сминается между его машиной и перилами моста, пока перила не вырываются из бетона и «жук», кренясь, не валится в пространство.

Смок с силой бьет по тормозам. Он выбирается на прохладный воздух и вдыхает запах горелой резины. Сзади, шестьюдесятью или семьюдесятью футами ниже, передний бампер «фольксвагена» исчезает в пустынном море. «Если она не сломала себе спину, то через три минуты утонет». Билл Смок оглядывает повреждения бортовой обшивки своей машины и чувствует, как у него пропадает весь запал. «Анонимному, безликому убийству, — решает он, — недостает волнения человеческого контакта».

Американское солнце, заведенное на полную мощность, провозглашает зарю нового дня.

Страшный Суд Тимоти Кавендиша

Однажды, в светлых еще сумерках, четыре, пять, нет, о боже, шесть лет назад, я в благодушном настроении прогуливался по какой-то гринвичской авеню, где растут зрелые каштаны и поддельные апельсиновые деревья. Эти дома времен Регентства числятся среди самой дорогой недвижимости Лондона, но если вам, дорогой Читатель, случится унаследовать один из них, продайте его, не живите в нем. Подобные здания таят некую темную магию, сводящую их владельцев с ума. Один из тех, кто стал их жертвой, бывший начальник полиции Родезии, в тот вечер, о котором идет речь, выписал мне чек, кругленький, как и он сам, чтобы я отредактировал и напечатал его автобиографию. Мое благодушное состояние возникло отчасти благодаря этому чеку, отчасти благодаря шабли 1983 года из виноградника Дюрюзуа, магическому снадобью, растворяющему наши несметные трагедии, обращая их в простые недоразумения.

Ко мне, словно растягивая рыболовную сеть

по всей ширине тротуара, приближалась троица юниц, выряженных на манер проститутки Барби. Я ступил на мостовую, чтобы избежать столкновения. Но когда мы поравнялись, они сорвали со своих бурых эскимо обертки и просто побросали на землю. Мое чувство благополучия было покороблено. Ведь напротив стояла урна! Возмущенный гражданин Тим Кавендиш воскликнул, обращаясь к своим смертельным обидчицам:

— Знаете, вам бы надо их поднять!

Глянув мне в спину, одна из них фыркнула:

— А чо ты буишь с ними делать?

Чертовы обезьяны!

— У меня нет ни малейшего намерения делать с ними хоть что-либо, — заметил я через плечо, — я просто сказал, что вам…

Тут колени мои подогнулись, и по щеке меня хрястнула мостовая, встряхнув раннее воспоминание о происшествии с трехколесным велосипедом, которое занимало меня, пока боль не стерла всего, что не было болью. Острое колено вмяло мое лицо в лиственный перегной.

Я ощутил вкус крови. Мое шестидесяти-с-чем-то-летнее запястье было задрано назад под углом в девяносто градусов страдания, и браслет моего «Ингерсолл солар» расстегнулся. Помню им-

провизированный коллаж из непристойностей старинных и современных, но, прежде чем эти проныры добрались до моего бумажника, колокольчики фургона с мороженым, игравшие «Девушку из Ипанемы»,[118] заставили налетчиц броситься врассыпную — они разбежались, как вампирши за минуту до рассвета.

— И ты на них не заявил? Вот олух! — сказала мадам Х. на следующее утро, посыпая искусственным сахаром отруби — свой завтрак. — Ради бога, позвони в полицию. Чего ты ждешь? Следы-то простынут.

Увы, я уже приукрасил правду и сказал ей, что ограбили меня пятеро здоровяков с выбритыми на черепах свастиками. Как мог я теперь подать заявление о том, что со мной без всяких усилий разделались три неполовозрелые пигалицы-сладкоежки? Чего доброго, парни в синей форме подавятся своими бисквитными пингвинчиками. Нет, мое ограбление не прибавилось к нашей национальной криминальной статистике, всегда с такой готовностью пополняющейся. Не будь мои похищенные часики, мой «Ингерсолл», лю-

[118] Примечания: 118

«Девушка из Ипанемы» — песня А. К. Жобима и В. де Мораеса, ставшая в 1964 г. хитом в исполнении бразильской певицы Аструд Жилберту, прославленной исполнительницы босановы.

бовным подарком из более солнечной эры нашего брака, ныне арктического, я вообще промолчал бы об инциденте.

Так о чем, бишь, я?

Странно, с какой легкостью в моем возрасте приходят в голову истории не по теме.

Нет, это не странно, это до чертиков страшно. Я собирался начать рассказ с Дермота Хоггинса. Вот в чем проблема, когда пишешь мемуары от руки. Невозможно изменить уже написанное, не напортачив еще больше.

* * *

Видите ли, я был редактором Дермота «Кастета» Хоггинса, а не его психиатром или чертовым астрологом, так что откуда мог я знать, что было уготовано сэру Феликсу Финчу в ту злосчастную ночь? Сэр Феликс Финч, министр культуры и диктатор в «Трафальгарском книжном обозрении», как сиял он в небесах масс-медиа, как прекрасно он виден невооруженным глазом даже теперь, годом позже! Потребители таблоидов читали обо всем этом на первой странице; читатели широкополосных газет позволили убежать своей овсянке, когда по «Радио-4» сообщили, кто упал и как. В этом птичнике со стервятниками

и синичками — «обозревателями» — сначала прощебетали дань памяти Ушедшему Королю Искусств, а потом и вообще стали его превозносить.

В отличие от них я до сих пор сохранял горделивое молчание. Должен, однако, предупредить занятого читателя, что послеобеденное мятное полоскание Феликса Финча — всего лишь аперитив для моих собственных страданий. Меня, если вам угодно, больше занимает Страшный Суд Тимоти Кавендиша. Ну что ж, вот и оно, хлесткое название.

То был вечер вручения Лимонной премии,[119] в «Звездном баре Джейка», пышное повторное открытие которого состоялось на верхнем этаже здания в Бейсуотере заодно с садом, устроенным на крыше для вящего великолепия. Вся чертова цепочка издательской системы пищеварения поднялась в воздух и взгромоздилась у Джейка. Одержимые писатели, творцы знаменитостей, свита, недоедающие книготорговцы, свора щелкоперов и фотографов, которые воспринимают фразу «Чтоб ты сдох!» как «Премного благо-

[119] Примечания: 119

…вручения Лимонной премии… — аллюзия на Orange Prize («Апельсиновую премию») — престижную британскую литературную премию для писателей-женщин, вручающуюся с 1996 г.

дарен!». Позвольте мне заклеить скотчем рот коварному слушку, намекающему на то, что приглашение Дермота было-де моих рук делом; о да, Тимоти Кавендиш знал, что его автор вожделеет высокопробной мести, а следовательно, вся трагедия была рекламным трюком. Вздор, измышления завистливых конкурентов! Никто до сих пор так и не признался в том, что послал приглашение Дермоту Хоггинсу, да и теперь трудно на это рассчитывать.

Так или иначе, был объявлен победитель, и все мы знаем, кто получил тогда премию в пятьдесят тонн. Меня развезло. Прожженный Джон познакомил меня с коктейлем под названием «ЦУП[120] — майору Тому».[121] Стрела времени превратилась в бумеранг, а майоров у меня стало столько, что я сбился со счета. Джазовый секстет наяривал румбу. Я вышел на балкон, чтобы подышать, и слышал доносившийся изнутри гомон. Литературный Лондон в действии напомнил мне высказывание Гиббона об эпохе Антонинов: «Об-

[120] Примечания: 120

ЦУП — центр управления полетом.

[121] Примечания: 121

…коктейлем под названием «ЦУП — майору Тому». — «Ground control to Major Tom» — первая строчка песни Дэвида Боуи «Space Oddity» с одноименного альбома 1969 г.

лако критиков, компиляторов, комментаторов омрачило чело образования, и за упадком гения вскоре последовало развращение вкуса».

Дермот нашел меня с неумолимостью дурной вести. Позвольте мне повториться: нежданная встреча с Папой Пием XIII[122] изумила бы меня меньше. Собственно, Его Непогрешимость вписался бы туда лучше — мой мятежный автор поверх шоколадной рубашки с галстуком на резинке напялил банановый костюм. Мне вряд ли требуется напоминать любопытному читателю, что «Удару кастетом» еще только предстояло взять книжный мир штурмом. Ему еще только предстояло поступить в книжные магазины, если не считать лавки премудрого Джона Сэндоу в Челси и этого злополучного газетного киоска, сначала еврейского, затем сикхского, а ныне эритрейского, что расположен в Ист-Энде, в приходе братьев Хоггинсов. В самом деле, Дермот жаждал обсудить в саду на крыше именно вопросы рекламы и распространения.

В сотый раз объяснил я ему, что книгоиздательские учреждения, подобные нашему, просто не

[122] Примечания: 122

…нежданная встреча с Папой Пием XIII изумила бы меня меньше. — Последним Папой Пием был Пий XII (Эугенио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, 1876–1958).

могут разбрасываться деньгами на причудливые каталоги и разнузданно-роскошные уик-энды, во всех смыслах спаивающие авторов и книготорговцев в одну команду. Я объяснил, опять-таки не впервые, что мои авторы черпают чувство исполненного долга, даря свои прекрасно переплетенные тома друзьям, близким и потомству. Я, в незнамо который раз, объяснил, что рынок гангстерских воспоминаний перенасыщен — и что даже «Моби Дик» при жизни Мелвилла с треском провалился… хотя, конечно, я не пустил в действие именно этот глагол.

— Твой мемуар по-настоящему занимателен, — заверил я его. — Дай ему время.

Дермот, в пьяной печали, глухой к доводам разума, глядел поверх перил.

— Все эти трубы. Долгонько падать.

Эту угрозу я счел чисто умозрительной.

— Успокойся.

— Когда я был маленьким, мама водила меня на «Мэри Поппинс». Там на крышах трубочисты танцуют. И по видео она это крутит. Снова и снова. В своем доме для престарелых.

— Я помню, когда это появилось на экранах. Застал то время.

— Так-так. — Дермот нахмурился и через фран-

цузское окно ткнул внутрь бара. — Это кто?

— Кто — кто?

— Этот, в галстуке-бабочке, который болтает с той грудастой, в диадеме.

— Учредитель премии, Феликс… э-э, Феликс как, бишь, его?

— Е****й Феликс Финч! Этот п****, который наехал на мою книгу в своем е****м сутенерском журнальчике?

— Это была не лучшая рецензия на твою книгу, но…

— Это была единственная е****я рецензия!

— На самом деле не такая уж скверная…

— Да? «Неудачливые рассказчики небылиц вроде мистера Хоггинса мешают развитию современной литературы, как неумелые водители мешают движению на дорогах». Замечал, что эти типы норовят вставить «мистер», прежде чем всадить нож? «Мистеру Хоггинсу следовало бы извиниться перед деревьями, срубленными ради его непомерно раздутого „авто-био-романа“. Четыреста блестящих поддельным светом страниц испускают дух в концовке настолько плоской и бессмысленной, что в это просто невозможно поверить».

— Успокойся, Дермот, «Трафальгар» все равно

никто не читает.

— Тпру. — Мой автор ухватил за воротник какого-то официанта. — Слыхал о «Трафальгарском книжном обозрении»?

— О «ТКО»? Конечно, — отозвался официант с восточноевропейским акцентом. — На моем факультете все им божатся, там самые продвинутые рецензенты.

Дермот швырнул свой стакан через перила.

— Да ладно, что такое рецензент? — стал я его урезонивать. — Тот, кто читает быстро, судит заносчиво, но в суть дела никогда не вникает и…

Джазовый секстет отыграл свой номер, и Дермот оставил мою фразу висеть в воздухе. Я был достаточно пьян, чтобы разориться на такси, и собирался уходить, когда он возгласом этакого уличного разносчика с кокнийским выговором заставил замолчать все собрание:

— Леди и джентльмены из жюри! Прошу вашего внимания!

Да сохранят нас святые угодники, Дермот стучал друг о друга двумя подносами.

— Сегодня у нас имеется дополнительная награда, дорогие книголюбы! — проревел он. Не обращая внимания на смешки и «ууууууу!», он достал из кармана пиджака конверт, открыл его и

стал делать вид, что читает: — «Награда. Самому. Выдающемуся. Литературному. Критику». — Кто-то из-за слушателей продолжал на него смотреть, передразнивая его и задирая, другие в смущении отворачивались. — Конкуренция была ожесточенной, но члены жюри единогласно выбрали Его Императорское Величество «Трафальгарского книжного обозрения», мистера — прошу про сени я, сэра — Феликса Финча, ков аль эра орд и на Брит ан скуй Им прерии, ком Андорра!

Любители пошуметь сгрудились. «Браво, Феликс! Браво!» Финч не был бы критиком, если бы не любил незаслуженного внимания. Он, несомненно, уже сочинял в уме изложение этого дела для своей колонки в «Санди таймс», которая называлась «Финтами Финча». Дермот, со своей стороны, был сама искренность и приветливость.

— Интересно, что может быть моей наградой? — самодовольно улыбаясь, проговорил Финч, когда утихли аплодисменты. — Надписанный экземпляр еще не разорванного в клочки «Удара кастетом»? Таких, должно быть, немного осталось! — Прихвостни Финча хором заулюлюкали и зареготали, подзадоривая своего главаря. — Или я выиграл бесплатный полет в

какую-нибудь латиноамериканскую страну с дырявыми договорами об экстрадиции?

— Да, милый, — подмигнул ему Дермот, — бесплатный полет — это именно то, что ты выиграл! Совершенно бесплатный, совершенно свободный.

Мой автор ухватил Фита за лацканы, опрокинулся на спину, погрузил свои ноги в объемистую его поясницу и, подобно дзюдоисту, запустил эту менее долговечную, чем сознавало большинство, фигуру медиа-мира в ночное небо! Высоко, намного выше анютиных глазок, высаженных вдоль перил балкона.

Вопль — и жизнь — Финча оборвались на гофрированном металле двенадцатью этажами ниже. Чья-то выпивка пролилась на ковер.

Дермот «Кастет» Хоггинс отряхнул свои лацканы, нагнулся над балконом и прокричал:

— Ну и кто же теперь испустил дух в концовке настолько плоской и бессмысленной, что в это просто невозможно поверить?!!

Онемевшая толпа расступалась, когда убийца направился к столу с закусками. Позже некоторые свидетели вспоминали о некоем темном ореоле. Он выбрал бельгийский крекер, украшенный бискайскими анчоусами и петрушкой с

кунжутовым маслом.

Чувства толпы нахлынули обратно. Зажатые носы, причитания, паническая топотня к лестнице. И — самый невообразимый тарарам! Мои мысли? Честно? Ужас. Это несомненно. Потрясение? Можете себе представить. Неверие? Естественно. Страх? Не совсем.

Не могу отрицать нарождавшегося ощущения, что у этого трагического оборота наличествует серебряная подкладка. В комнатах моего офиса на Хеймаркете хранились девяносто пять нераспроданных, одетых в оберточную бумагу «Ударов кастетом» Дермота Хоггинса, взволнованных и волнующих воспоминаний того, кому предстояло стать самым прославленным убийцей Британии. У Фрэнка Спрэта — моего стойкого полиграфиста в Севеноксе, которому я задолжал столько денег, что держал беднягу на грани разорения, — все еще имелись печатные пластины, и он готов был запустить машины по первому моему знаку.

В твердых обложках, леди и джентльмены.

По четырнадцать фунтов девяносто девять пенсов за штуку.

Медовый вкус денег!

Будучи опытным редактором, я не одобряю ретроспекций, предзнаменований и прочих

премудрых примочек; все они принадлежат восьмидесятым с их диссертациями по теории хаоса и постмодернизму. Я, однако, не извиняюсь за то, что начинаю (возобновляю) собственное повествование со своей версии этого шокирующего дела. Это, видите ли, явилось первым моим благим намерением, вымостившим мою дорогу в Эд, в Эдинбург… точнее, в его захолустные окрестности, где суждено было развернуться моему Страшному Суду. В судьбе моей после Финального Финта Феликса Финча произошла великолепная перемена, которую я и предвидел в тот достопамятный вечер. На ветрах доходчивой и совершенно бесплатной рекламы мой обреченный на провал индюшонок — «Удар кастетом» — воспарил в списках бестселлеров, где и пребывал, а беднягу Дермота тем временем судили, нашли виновным и приговорили к пятнадцати годам строгого режима в тюрьме Уормвуд-Скрабс. Каждый поворот судебного разбирательства занимал весь выпуск девятичасовых новостей. В смерти сэр Феликс из сочащегося самодовольством хлыща, сталинистской хваткой державшего деньги Совета по культуре, на некоторое время превратился в самого — о! — любимого в Британии знатока искусств.

На ступеньках Центрального уголовного суда его вдова сказала репортерам, что приговор к пятнадцати годам «омерзительно мягок», и на следующий же день была запущена кампания «Дермот Хоггинс, сгинь в аду!». Родственники Дермота контратаковали на разнообразных ток-шоу. Снова и снова разбиралась и обдумывалась оскорбительная рецензия Финча, а на втором канале Би-би-си выпустили специальный документальный фильм, в котором интервьюировавшая меня лесбиянка отредактировала мои остроты так, что они совершенно выпали из контекста. Но кому до этого было дело? Горшок с деньгами пузырился — нет, он перекипал через край и озарял всю чертову кухню. Сотрудники «Издательства Кавендиша» — то есть я и миссис Лэтем — не понимали, что такое на нас навалилось. Нам пришлось принять на работу двух наших племянниц (на полставки, конечно, мне совсем не улыбалось быть ограбленным Пенсионным фондом). Оригинальные экземпляры «Удара кастетом» исчезли в течение полутора суток, и Фрэнк Спрэт допечатывал тираж почти ежемесячно. За сорок лет моего участия в издательских играх ничто не приводило нас к такому успеху. Текущие затраты всегда компенсировались за

счет автора — отнюдь не за счет действительных чертовых продаж! Однако здесь я имел дело с бестселлером, из тех, что появляются раз в десятилетие. Все так и норовили меня спросить: «Тим, чем ты объясняешь его неудержимый успех?»

«Удар кастетом» — это действительно хорошо написанные, бесстрашно беллетризованные мемуары. Стервятники от культуры обсуждали их социологические подтексты сначала в передачах для полуночников, потом — в выпусках для тех, кто смотрит ТВ за завтраком. Неонацисты покупали «Удар кастетом» из-за разлитого в нем моря насилия. Домохозяйки из Вустершира покупали его, потому что он чертовски хорошо читается. Гомосексуалисты покупали его из чувства племенной солидарности. За четыре месяца тираж перевалил за девяносто тысяч, да, за девяносто тысяч экземпляров, и я, да, все еще толкую об издании в твердой обложке. Сейчас, когда я пишу эти строки, по «Удару» должны снимать художественный фильм. Во время банкета на Франкфуртской книжной ярмарке меня чествовали те, кто до того останавливался в моем присутствии, только чтобы соскрести меня со своих туфель. Одиозный ярлык «издатель тщеславных» сменился на другой, благообраз-

ный — «финансист творящих». Перечисления за права на перевод росли как снежный ком, падали, как территории в последнем раунде «Риска». Американские издатели — слава, слава, аллилуйя! — купились на зацепку «попранный-кельт-восстав-покарал-чванного-англосакса», и трансатлантический аукцион вознес первоначальную цену до головокружительных высот. У меня, да, у меня были исключительные права на эту платиновую гусыню, которая не переставала нестись! Деньги хлынули на мои пустые счета, словно Северное море, одолевшее голландские дамбы. Мой «личный банковский консультант», спекуль по имени Элиот Маккласки, прислал мне на Рождество фотографию своего отпрыска, своей мидвичской кукушки.[123] Приматы у дверей «Граучо-клуба» приветствовали меня возгласом: «Приятного вечера, мистер Кавендиш!», вместо прежнего: «Эй, надо, чтобы за вас поручился кто-нибудь из членов клуба!» Когда я объявил, что

[123] Примечания: 123

…своего отпрыска, своей мидвичской кукушки. — Аллюзия на роман «Мидвичские кукушки» (1957) английского фантаста Джона Уиндема (Джон Уиндем Паркс Лукас Бейнон Гаррис, 1903–1969) о деревне Мидвич, ставшей объектом инопланетного эксперимента по массовому зачатию детей со сверхчеловеческими способностями; роман был дважды экранизирован как «Деревня проклятых» — Вольфом Риллой в 1960 г. (через три года вышло продолжение «Дети проклятых») и Джоном Карпентером в 1995-м.

сам буду готовить выпуск в бумажной обложке, на книжных страницах воскресных приложений появились заметки, в которых «Издательство Кавендиша» изображалось как динамичный, горячий игрок, окруженный облаком одряхлевших надутых гигантов. Я даже попал в «Файненшл таймс».

Удивительно ли, что мы с миссис Лэтем перенапрягались — ну так, чуточку — на бухгалтерском фронте?

Успех отравляет новичков во мгновение ока. Я напечатал себе визитные карточки: «Кавендиш-Редукс, Издательство передовой беллетристики». А что, думал я, почему не торговать публикациями, вместо того чтобы публиковать? Почему не стать тем серьезным издателем, которым меня представляет весь мир?

Увы и ах! Эти изящные маленькие карточки стали красной тряпкой, которой я размахивал перед Быком Судьбы. При первом слухе о том, что Тим Кавендиш пошел в гору, мои саблезубые кредиторы, мурлыча, прискакали ко мне в офис. Как всегда, заниматься гностически-алгебраическими задачами касательно того, что, кому и когда платить, я предоставил своей бесценной миссис Лэтем. Потому-то и получилось, что я не

был вполне готов, как умственно, так и финансово, когда явились мои ночные посетители; это случилось примерно через год после Ночи Феликса Финча. Сознаюсь, с тех пор как мадам Х. меня оставила (ради чертова дантиста, надо открыть правду, какой бы болезненной она ни была), в моем домицилии[124] в Путни воцарилась Хозяйственная Анархия (оч. хор., тот ублюдок был вдобавок и немцем), так что мой фаянсовый трон долгое время де-факто являлся моим офисным креслом. Под округлым футляром с рулоном туалетной бумаги стоит бутылка приличного коньяка, а дверь я оставляю открытой, чтобы слышать радио с кухни.

В описываемую ночь я отложил в сторону свое постоянное туалетное чтение, «Упадок и разрушение Римской империи», ради всех этих рукописей (несъедобных зеленых помидоров), поступивших в «Кавендиш-Редукс», мое новое стойло для чемпионов. Полагаю, было около одиннадцати, когда я услышал, что кто-то налегает на мою входную дверь. Скинхед, задумавший сыграть в грабеж за здорово живешь?

Подвыпивший попрошайка? Ветер?

---

[124] Примечания: 124
Домицилий (юр.) — постоянное местожительство.

Дальше было вот что: дверь слетела с чертовых петель! Я думал об Аль-Каеде, думал о шаровой молнии, но нет. По прихожей, казалось, протопала целая команда регбистов, однако вторгшихся было всего трое. (Обратите внимание, на меня всегда нападают втроем.)

— Тимоти Кавендиш, полагаю, — проговорил тот, кто более всех остальных походил на горгулью. — Застукали со спущенными штанами, а?

«Я принимаю с одиннадцати до двух, джентльмены, — сказал бы на моем месте Богарт,[125] — с трехчасовым перерывом на ланч. Будьте любезны покинуть помещение».

Меня хватило лишь на то, чтобы пролопотать:

— Ой! Моя дверь! Моя чертова дверь!

Второй Громила закурил сигарету.

— Мы сегодня навещали Дермота. Он немного огорчен. Да и кто бы не огорчился?

Куски головоломки встали на место. Я же рассыпался на куски.

---

[125] Примечания: 125

Богарт, Хамфри (1899–1957) — знаменитый киноактер, архетипический «крутой парень» американского кинематографа сороковых-пятидесятых годов, идеальное воплощение образа хладнокровного индивидуалиста. Снимался у Джона Хьюстона в «Мальтийском соколе» (1941; по одноименному роману Дэшила Хэмметта) и в «Сокровище Сьерра-Мадре» (1948; по одноименному роману Б. Травена), у Майкла Кертиса в «Касабланке» (1943), у Говарда Хоукза в «Долгом сне» (1946; по одноименному роману Раймонда Чандлера) и др.

— Братья Дермота!

(Я все о них знал из книги Дермота. Эдди, Мозза, Джарвис.)

Бедро мне ожег горячий пепел, и я перестал понимать, кто из них что произносит. Это было оживший триптихом Фрэнсиса Бэкона.[126]

— «Удар кастетом», судя по всему, расходится неплохо.

— В книжной лавке аэропорта целые штабеля.

— Вы должны были хотя бы подозревать, что мы заглянем.

— Человек с вашей деловой хваткой.

Лондонские ирландцы расстраивают меня и в самые лучшие времена.

— Парни, парни, Дермот подписал контракт о передаче авторских прав. Вот, смотрите, это промышленный стандарт, у меня в портфеле имеется копия… — У меня и в самом деле имелся под рукой этот документ. — Пункт восемнадцать, об авторских правах… означает, что «Удар кастетом» законно, является… э-э… — С трусами,

---

[126] Примечания: 126

…оживший триптихом Фрэнсиса Бэкона. — Фрэнсис Бэкон (1909–1992) — английский художник-экспрессионист, ирландец. В конце сороковых годов отошел от прежней сюрреалистической манеры и стал писать крупноформатные полотна (как правило, объединенные в триптихи) с изображением человеческих фигур в минуты наивысшего эмоционального напряжения — изуродованных, или гротескно искаженных, или разлагающихся.

спущенными до лодыжек, излагать было нелегко. — Э-э, является законной собственностью «Издательства Кавендиша».

Джарвис Хоггинс несколько мгновений просматривал контракт, но разорвал его, как только выяснилось, что тот длиннее отрезка времени, в течение которого он может сохранять сосредоточенность.

— Дермот подписал эту е****ю фигню, когда сама книга была для него только е****м хобби.

— Он писал ее, чтобы подарить нашему больному старику. Упокой Господь его душу.

— Писал ее в память о лучших деньках нашего папаши.

— Дермот не подписывал никаких е****х контрактов о том, что случилось в прошлом е****м году.

— Мы нанесли небольшой визит к вашему печатнику, мистеру Спрэту. Он просветил нас насчет экономики.

Посыпалось конфетти, получившееся из контракта. Мозза наклонился ко мне так близко, что я мог обонять его обед.

— Вроде бы вы нарыли целую кучу деньжат братьев Хоггинсов, а?

— Я уверен, мы можем согласиться на, гм-гм,

такую схему денежных поступлений, которая…

Встрял Эдди:

— Определимся в три.

Я притворно вздрогнул.

— В три тысячи фунтов? Парни, я не думаю…

— Не прикидывайтесь дурачком. — Мозза ущипнул меня за щеку. — В три — часа. Завтра. В вашем офисе.

Выбора не было.

— Возможно, завершая эту нашу встречу, мы могли бы… э-э… обсудить предварительную сумму, в качестве основы для… дальнейших переговоров.

— Без базара. Какую сумму мы только что обсуждали, Мозза?

— Пятьдесят тонн — это вроде разумно.

На сей раз мой болезненный крик был непритворным:

— Пятьдесят тысяч фунтов?!

— Для начала.

Мой кишечник пузырился, напрягался и боролся.

— Я что, по-вашему, держу такие деньги в коробках из-под обуви? — Я повысил голос, пытаясь изобразить Грязного Гарри, но куда больше напо-

минал шепелявого Бэггинса.[127]

— Надеюсь, где-то вы их держите, дедуля.

— Наличными.

— Никаких кредиток. Никаких чеков.

— Никаких обещаний. Никаких отсрочек.

— Старыми добрыми деньгами. Коробка из-под обуви вполне пойдет.

— Джентльмены, я счастлив выплатить оговоренную компенсацию, но закон…

Джарвис свистнул сквозь зубы.

— Поможет ли закон такому старику, как вы, Тимоти, подняться после множественных переломов позвоночника?

Эдди:

— В таком возрасте людишки не поднимаются. Они рассыпаются как труха.

Я боролся изо всех сил, но мой сфинктер больше мне не принадлежал, и разразилась канонада. Позабавило это их или сделало снисходительными, но унизительное мое поражение мучители восприняли сочувственно. Кто-то из них дернул цепочку смыва.

---

[127] Примечания: 127

…пытаясь изобразить Грязного Гарри, но куда больше напоминал шепелявого Бэггинса. — «Грязный Гарри» (1971) — триллер Дона Сигела с Клинтом Иствудом в роли брутального детектива Гарри Каллахана. Бильбо Бэггинс — главный герой «Хоббита» Дж. Р. Р. Толкина (1937).

— Завтра в три.

«Кавендиш-Редукс» отошел на второй план. Громилы направились на выход, переступая через мою поверженную дверь. Эдди обернулся для последнего слова.

— В книге Дермота есть один чудный маленький абзац. О должниках-неплательщиках.

Любопытного читателя я отсылаю к странице 244 «Удара кастетом», который можно купить в ближайшем книжном магазине. На полный желудок читать не рекомендуется.

За окнами моего офиса на Хеймаркете кралисьи мчались такси, а внутри, в заповедном моем убежище, миссис Лэтем, позвякивая сережками а-ля Нефертити (мой подарок по случаю десятилетия работы в «Издательстве Кавендиша», я нашел их в мусорном ведре магазина сувениров при Британском музее), трясла головой — нет, нет, нет.

— А я говорю вам, мистер Кавендиш, что не могу найти вам пятидесяти тысяч фунтов к трем часам пополудни. Я и пяти тысяч не могу найти. Все до пенни, что было выручено «Ударом», уже перечислено в уплату давних долгов.

— А нам никто ничего не должен?

— С получением по счетам у меня всегда все в

порядке, разве не так, мистер Кавендиш?

Отчаяние заставляет меня пресмыкаться.

— Сейчас эпоха свободного кредита!

— Сейчас эпоха кредитных ограничений, мистер Кавендиш.

Я удалился к себе в кабинет, налил виски и запил им пару сердечных таблеток, прежде чем повторить на старинном своем глобусе последнее путешествие капитана Кука.[128] Миссис Лэтем принесла почту и удалилась, не сказав ни слова. Счета, рекламная макулатура и бандероль, адресованная «Для передачи прозорливому редактору „Удара кастетом“», внутри которой обнаружилась рукопись, озаглавленная «Периоды полураспада» — паршивое название для беллетристики, — с подзаголовком «Первое расследование Луизы Рей». Еще никудышнее, Дама-автор, сомнительно именуемая Хилари В. Хаш, начала свое сопроводительное письмо со следующего: «Когда мне было девять лет, мама взяла меня с собой в

[128] Примечания: 128

…путешествие капитана Кука… — Джеймс Кук (1728–1779) — знаменитый английский мореплаватель; на своем корабле «Эндевор» открыл Гавайи и др. острова, первым проплыл вокруг Австралии.

Лурд,[129] где мы помолились о моем избавлении от энуреза. Вообразите себе мое изумление, когда той ночью мне явилась не святая Бернадетта, но Ален-Фурнье».[130]

Явно сбрендила. Я бросил письмо на поднос «Срочно» и включил свой мощный новый компьютер с невесть сколькими гигабайтами памяти, чтобы поиграть в «Сапера». Дважды взрывался и звонил в «Сотби», чтобы предложить для аукциона личный письменный стол Чарльза Диккенса, оригинальный и аутентичный, по стартовой цене в шестьдесят тысяч. Очаровательная оценщица по имени Кирпал Сингх выразила мне сочувствие — письменный стол романиста давно уже числится за домом-музеем Диккенса — и понадеялась, что меня не обобрали чересчур уж болезненно. Должен признаться, я плохо теперь помню все свои хитроумные замыслы. Потом я позвонил Элиоту Маккласки и спросил,

---

[129] Примечания: 129

…мама взяла меня с собой в Лурд, где мы помолились о моем избавлении от энуреза. — В городке Лурд на юге Франции в 1858 г. состоялось явление Богоматери девочке Бернадетте Субиру (впоследствии канонизированной), после чего Лурд стал местом паломничества католиков.

[130] Примечания: 130

…мне явилась не святая Бернадетта, но Ален-Фурнье. — Ален-Фурнье (Анри Альбан Фурнье, 1886–1914) — французский писатель, автор романа «Большой Мольн» (1913), в котором заметны визионерские тенденции. Известно, что Ален-Фурнье посещал Лурд.

как поживают его замечательные детки.

— Превосходно, благодарю вас.

Он спросил, как продвигается мой замечательный бизнес. Я попросил о займе в восемьдесят тысяч фунтов. Он начал с глубокомысленного «Право же...». Я снизил потолок до шестидесяти. Элиот указал, что мои кредитные поступления, связанные с производительностью, все еще ограничены двенадцатимесячным горизонтом, прежде чем изменение их размеров станет осуществимым. О, я скучаю по тем дням, когда все они хохотали как гиены, посылали тебя к черту и бросали трубку. Я проследил по своему глобусу путешествие Магеллана,[131] тоскуя по такому веку, когда новое начало отстояло не дальше, чем очередной парусник, покидающий Дептфорд. Поскольку вся моя гордость уже висела клочьями, я позвонил мадам Х. У той была пора послеполуденного накачивания виски. Я объяснил всю серьезность моего положения. Она захохотала как гиена, послала меня к черту и бросила трубку. Я продолжал вертеть глобус. Все вертел и вертел глобус.

Когда я ступил за порог своего кабинета, мис-

---

[131] Примечания: 131

Магеллан, Фернан (1470–1521) — португальский мореплаватель, совершил первое кругосветное плавание.

сис Лэтем выкатила на меня глаза, как коршун, увидевший кролика.

— Нет, только не к ростовщикам, мистер Кавендиш. Дело просто того не стоит.

— Не бойтесь, миссис Лэтем, я всего лишь собираюсь навестить единственного человека в этом мире, который верит мне, будь то вёдро или ненастье.

«Голос крови не заглушить», — напомнил я своему отражению в лифте, прежде чем проткнуть себе ладонь спицей своего складного зонтика.

— О Люциферовы яйца, только не ты. Слушай, давай-ка просто исчезни и оставь нас в покое.

Мой брат свирепо уставился на меня поверх бассейна, когда я вошел в его патио. Насколько мне известно, Денхольм никогда в своем бассейне не плавает, но каждую неделю все равно его хлорирует и все такое, даже в самую мерзкую морось. В тот день он вылавливал из него листья большой сетью на шесте.

— Я не одолжу тебе ни единого чертова фартинга, пока ты не вернешь того, что занял в последний раз. Почему это я всегда должен подавать тебе милостыню? Нет. Не отвечай. — Денхольм зачерпнул из сети пригоршню промокших листьев. — Просто залезай обратно в свое такси и

уматывай. По-хорошему я буду просить только раз.

— Как Жоржетта? — спросил я, стряхивая тлей с лепестков увядшей розы.

— Жоржетта уверенно и устойчиво продолжает выживать из ума. Тебя ведь это ни на грош не трогает, когда тебе не нужны деньги.

Я смотрел на червя, вползавшего обратно в землю, и хотел оказаться на его месте.

— Денни, я слегка впутался в скверную историю. Связался не с теми парнями. Если я не раздобуду где-нибудь шестьдесят тысяч фунтов, меня отделают до полусмерти.

— Попроси их заснять это для нас на видео.

— Я не шучу, Денхольм.

— Я тоже не шучу! Значит, ты боишься, что тебе перешибут хребет. И что с того? Почему это должно меня как-то касаться?

— Мы же братья! Есть у тебя совесть или нет?

— Я тридцать лет сидел в правлении коммерческого банка.

Платан с ампутированными ветвями ронял некогда зеленую листву, как отчаявшиеся люди отказываются от некогда непоколебимых решений.

— Помоги, Денни. Пожалуйста. Тридцати тысяч

для начала хватило бы.

Я надавил слишком сильно.

— Пропади оно все пропадом, Тим, мой банк лопнул! Всю нашу кровь до последней капли высосали эти кровопийцы Ллойда! Раньше такие денежки мне предоставляли по одному мановению, но те дни прошли! Прошли, как не было! Наш дом заложен и перезаложен — дважды! Я — поверженный великан, ты — поверженный карлик… У тебя, во всяком случае, есть эта чертова книга, которая разлетается как горячие пирожки, куда ни плюнь!

Мое лицо выразило то, для чего у меня не находилось слов.

— О боже, ну ты и болван! Какой график выплат?

Я взглянул на часы.

— Сегодня в три.

— Забудь об этом. — Денхольм положил свою сеть. — Объявляй о банкротстве. Рейнард подготовит для тебя все бумаги, он хороший человек. Горькая пилюля, мне ли не знать, но всем кредиторам придется от тебя отстать. Закон ясно говорит…

— Закон? Все, что мои кредиторы знают о законе, — это как корячиться над парашей в пе-

реполненной камере.

— Тогда тебе надо где-нибудь залечь.

— Они очень, очень хорошо знают все места, где можно залечь.

— Уверен, что не за пределами шоссе «эм-двадцать пять». Остановись у друзей.

У друзей? Я вычеркнул тех, кому должен был деньги, умерших, исчезнувших в кроличьей норе времени, и остался с…

Денхольм сделал окончательное предложение:

— Я не могу одолжить тебе денег. У меня их нет. Но за услугу-другую мне должны предоставить удобное местечко, где ты, наверно, сможешь на какое-то время залечь.

Храм Крысиного Короля. Ковчег Бога Сажи. Сфинктер Гадеса. Да, вокзал Кингз-Кросс, где, согласно «Удару кастетом», отсос стоит всего пять фунтов — в любой из трех дальних левых кабинок подземного мужского туалета, круглосуточно. Я позвонил миссис Лэтем, объяснил, что на три недели уезжаю в Прагу, встречаться с Вацлавом Гавелом[132] — ложь, последствия которой прицепились ко мне как лишай. Миссис Лэтем

---

[132] Примечания: 132

Вацлав Гавел (р. 1936) — чешский писатель-диссидент, драматург, правозащитник; в 1993–2003 гг. президент Чехии.

пожелала мне счастливого пути. Она справится с Хоггинсами. Миссис Лэтем совладала бы и с десятью казнями египетскими. Я недостоин ее, знаю. Часто недоумеваю, почему она остается в «Издательстве Кавендиша». Во всяком случае, не из-за тех денег, что я ей плачу.

Я изучал множество билетов разного вида в автомате: дневной в две стороны с плацкартой, дешевый дневной в одну сторону без плацкарты и т. д., и т. п., но какой, о, какой же нужен мне? Чей-то палец дотронулся до моего плеча, и я, вообразив в нем угрозу, отпрыгнул на целую милю — это была всего лишь старушка, хотевшая дать мне совет: мол, билеты в оба конца дешевле, чем в один. Подумал было, что она выжила из ума, но, побейте камнями чертовых ворон, так оно и было. Я стал так и этак совать в автомат банкноту: сначала головой нашего монарха вверх, потом вниз, потом передом, потом задом, но всякий раз он выплевывал ее обратно.

Так что я встал в хвост очереди к неавтоматизированной билетной кассе. Передо мной стояли тридцать один человек, да-да, я всех пересчитал. Продавщицы билетов выходили из-за своих прилавков и возвращались, когда им заблагорассудится. Закольцованная реклама призывала

меня вкладывать деньги в строительство эскалатора. Наконец, наконец-то подошла моя очередь.

— Здравствуйте, мне нужен билет в Эд… в Эдинбург.

Кассирша игралась со своими здоровенными этническими кольцами-серьгами.

— На когда?

— Как можно скорее.

— На сёдня?

— «Как можно скорее» обычно подразумевает «сегодня», да.

— Я не продаю билетов на сёдня. Они там, в других ’кошках. Эта ’кошка то’ка для заранее.

— Но вон тот красный мигающий указатель направлен именно на ваше окно.

— Не бывает. Проходить надо, быстро. Задерживаете очередь.

— Нет, тот чертов знак указывает именно на ваше окно! Я отстоял в очереди двадцать минут!

Она впервые глянула на меня с интересом.

— Хотите, чтобы я для вас изменила правила?

От гнева Тимоти Кавендиш заискрил, словно вилки в микроволновке.

— Я хочу, чтобы вы поскорее эволюционировали в разумное существо и продали мне билет в Эд.

— Я не терплю, когда ко мне обращаются в таком тоне.

— Я — чертов клиент! Это я не потерплю такого обращения! Позовите своего главного!

— Я сама себе главная.

Ворча проклятие из какой-то исландской саги, я вернул себе место во главе очереди.

— Э! — возопил некий панкер, чья прическа выглядела так, словно из черепа у него торчали гвозди. — Здесь же гребаная очередь!

Никогда не извиняйтесь, советует Ллойд Джордж.[133] Скажите это снова, только еще грубее.

— Знаю, что здесь «гребаная» очередь! Один раз я уже в ней отстоял и не собираюсь стоять снова только потому, что эта Нина Симон[134] не продает мне чертов билет!

Подбежал цветной йети в нелепо сидящей на нем форме.

— Что за шум?

— Этот старик полагает, что его необъятный

---

[133] Примечания: 133

Ллойд Джордж, Дэвид (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг., лидер Либеральной партии.

[134] Примечания: 134

Нина Симон (1933–2003) — выдающаяся афроамериканская певица и пианистка, сочетавшая в своем творчестве элементы джаза, блюза, соула и поп-музыки.

живот дает ему право лезть без очереди, — сказал скинхед, — и отпускать грязные расистские замечания в адрес вот этой дамы афро-карибского происхождения в окне предварительной продажи билетов.

Я не мог поверить своим ушам.

— Слушайте, приятель, — обратился ко мне йети со снисходительностью, приберегаемой для калек и престарелых, — в нашей стране очереди существуют для того, чтобы все было по справедливости, ясно? А если вам это не нравится, вам следует вернуться туда, откуда вы явились, поняли?

— Я что, похож на чертова египтянина? Похож? Я знаю, что здесь очередь! Откуда? Потому что я в ней отстоял, так что…

— Этот джентльмен заявляет, что вы не стояли.

— Вот он? А он по-прежнему будет «джентльменом», когда станет карябать «Приют для попрошаек» на том доме, где вам выделили квартиру?

Его глазные яблоки так и выкатились, вполне серьезно.

— Транспортная комиссия может вас отсюда вытолкать, или же становитесь в эту очередь, как член цивилизованного общества. По мне, хорошо

и то и другое. А вот когда лезут без очереди, это не по мне.

— Но если я буду стоять в ней снова, то опоздаю на свой поезд!

— Совершенно, — провозгласил он, — поделом!

Я воззвал к тем, кто стоял позади этого двойника Сида Роттена.[135] Может быть, они видели меня в очереди, может быть, нет, но все избегали взглянуть мне в глаза. Англия пошла к чертям, да-да, к чертям, к собачьим чертям.

Прошло больше часа, прежде чем Лондон сдвинулся к югу, забирая с собой Проклятие Братьев Хоггинсов. Грязный поезд забили пассажиры из пригородов, эти несчастные души, дважды в день участвующие в лотерее обветшалых железных дорог Британии. Самолеты, ожидая разрешения на посадку, кружили над Хитроу так же плотно, как летом комары над лужей. Слишком много гноя в этом чертовом городе.

И все же. Путешествие началось, я испытывал возбуждение и позволил себе забыть об осторожности. В книге, которую я когда-то издал и которая называлась «Правдивые воспоминания

---

[135] Примечания: 135

Сид Роттен — гибрид Сила Вишиоса и Джонни Роттена (Sex Pistols).

магистрата северных территорий», утверждается, что в голубизне тихоокеанских вод жертвам акул является притупляющее видение, будто они ускользнули и вся опасность миновала, как раз в тот момент, когда они перемалываются в раструбе, полном зубов. Я, Тимоти Кавендиш, был тем пловцом, наблюдавшим, как Лондон укатывает прочь — да, Лондон, ты не город, но лукавый телеведущий в парике, ты и твои многоквартирные дома, населенные сомалийцами; виадуки Кингдома Брюнеля;[136] твои потоки лиц без постоянной работы; твои залежи облепленных сажей кирпичей и замызганных грязью костей докторов Ди, Криппена[137] и проч.; твои душные стеклянные офисы, где цветы юности, ожесточаясь, превращаются в престарелые как-

[136] Примечания: 136

…виадуки Кингдома Брюнеля… — Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) — знаменитый английский инженер, строил портовые сооружения, туннели и подвесные мосты, железные дороги, настоял на введении более широкой рельсовой колеи (что позволило увеличить скорость поездов и стимулировало развитие сети железных дорог), способствовал открытию регулярной трансатлантической навигации. Спроектированные им пароходы «Грейт-вестерн» (1837), «Грейт-бритн» (1843) и «Грейт-истерн» (1858) являлись на момент спуска на воду крупнейшими в мире, причем «Грейт-истерн» удерживал пальму первенства в течение 40 лет.

[137] Примечания: 137

…докторов Ди, Криппена… — Джон Ди (1527–1609) — английский математик, географ, астроном, личный астролог королевы Елизаветы, приверженец герметической традиции, автор «Иероглифической

монады» и дневников, озаглавленных «Истинные и верные отношения, которые на много лет сохранялись между великим математиком эпохи Елизаветы I и короля Якова Джоном Ди и некоторыми духами». Хоули Харви Криппен (1862?-1910) — английский врач, повешенный за убийство своей жены Коры Тернер (Белль Элмор); бежав после убийства в Канаду со своей любовницей Этель Ле Нив, явился первым в истории преступником, задержанным при помощи телеграфа.

тусы, подобно моему скупердяю-братцу.

Приподнял свою уродливую голову Эссекс. Когда я, сын делающего карьеру работника муниципалитета, получал стипендию, обучаясь в местной средней классической школе, это графство было синонимом свободы, успеха и Кембриджа. А теперь поглядите-ка. Торговые ряды и новоявленные поместья продолжают наступать на нашу древнюю землю. Ветер с Северного моря хватает зубами живописные облака и утаскивает их к Центральным графствам. Наконец-то началась собственно сельская местность. Здесь некогда жила кузина моей матери, у ее семьи был большой дом, а теперь, по-моему, в поисках лучшей жизни они подались в Виннипег. Вон там! Там, в тени вон того склада, когда-то стоял ряд ореховых деревьев, где мы с Пипом Оксом — моим однокашником, в тринадцать лет погибшим под колесами нефтеналивной цистерны, — смолили однажды летом каноэ, в котором плавали по Сэю. Колюшки в банках. А вон там, правее, мы разводили костер у той вот излучины и готовили бобы и картофелины, завернув их в серебряную фольгу! Вернуться туда, о, вернуться бы! Неужели я получу лишь возможность мимолетного взгляда? Неогороженные, невзрачные поля. Эссекс

теперь и есть Виннипег. Повсюду щетинится горелая трава, и воздух пропах хрустящими ломтиками бекона. Меня захватили другие грезы, и мы миновали Сэффрон-Уолден, когда поезд, вдруг дернувшись, остановился.

— Гм… — прозвучало по трансляции. — Джон, эта штука включена? Джон, какую нажимать кнопку? — Кашель. — Железные дороги Южного направления сожалеют, что данный состав сделает непредусмотренную расписанием остановку на следующей станции из-за… отсутствия машиниста. Работники железных дорог Южного направления заверяют вас, — (на заднем плане я отчетливо слышал хихиканье!), — что жаждут восстановить наш обычно превосходный уровень сервиса.

Гнев пассажиров цепной реакцией распространился по всем купе, хотя в наше время преступления совершаются не преступниками, удобно оказывающимися у вас под рукой, но безымянными исполнителями, недоступными посягательствам толпы, в лондонских постмодернистских штаб-квартирах из стекла и стали. К тому же половину толпы образуют совладельцы того, что они расколотили бы на атомы.

Так что как сидели мы, так и сидели. Я жалел,

что не захватил с собой чего-нибудь почитать. По крайней мере, у меня было место, и я не уступил бы его даже Хелен Келлер.[138] Вечер был лимонно-синим. Тени по сторонам пути делались монолитными. Ежедневные ездоки в город и обратно звонили своим домашним по мобильнику. Я задумался, откуда хитроумный австралийский магистрат мог знать, что вспыхивает в сознании пожираемого акулой. Мимо проносились удачливые экспрессы, в которых машинисты не отсутствовали. Я открыл свой портфель, чтобы достать кулек с ирисками Вернера, но вместо этого извлек «Периоды полураспада: Первое расследование Луизы Рей». Пролистал первые несколько страниц. Книга была бы лучше, не будь Хилари В. Хаш такой чересчур — чур меня! — вычурно умненькой. Она разбила ее на аккуратные маленькие главки, явно имея в виду сценарий для Голливуда. В динамиках зашипели помехи от статического электричества:

— Сообщение для пассажиров. Железные дороги Южного направления сожалеют, что, поскольку подходящий машинист для данного поезда

[138] Примечания: 138

По крайней мере, у меня было место, и я не уступил бы его даже Хелен Келлер. — Хелен Адамс Келлер (1880–1968) — американская общественная деятельница, слепая и глухая.

не может быть найден, мы проследуем до станции Литтл-Честерфорд, откуда дополнительный вагон отвезет пассажиров до Кембриджа. Тем, у кого есть такая возможность, мы рекомендуем избрать альтернативный транспорт, поскольку дополнительный вагон не прибудет на станцию Литтл-Честерфорд (как звенело это название у меня в памяти!) в течение… неопределенного времени. С подробностями можно ознакомиться на нашем веб-сайте.

В сумерках поезд прополз уже милю. Нас одолевали летучие мыши и поднятый ветром мусор. Кто же вел поезд, если в нем не было машиниста?

Остановка, содрогание, двери открыты. Те, что покрепче, устремились из поезда по пешеходному мостику, оставив меня и пару забракованных таксидермистом стариков ковылять за ними вслед со скоростью в четыре раза меньшей. Я тяжело поднялся по лестнице и остановился перевести дух. Вот где я оказался. На пешеходном мостике станции Литтл-Честерфорд. О боги, боги, из всех сельских станций это самая подходящая для робинзонады! Дорожка, ведшая через мост к старому дому Урсулы, все еще проходила по краю кукурузного поля. Ничего другого я не узнавал.

Священный Амбар Самого Долгого Поцелуя стал «Главным клубом фитнесса» графства Эссекс. В ту ночь, во время подготовки к нашей первой сессии, Урсула встретила меня в своем французистом «ситроене», правильно… на этом вот засыпанном гравием треугольнике, здесь. Какой же это богемный шик, думал Юный Тим, чтобы женщина встречала тебя в своем автомобиле! Я был Тутанхамоном в своей королевской барке, которую гребцы-нубийцы направляли к Храму Жертвоприношения. Урсула провезла меня несколько сот ярдов до Портового дома, в котором во времена Нового искусства обитал консул Скандивегии. Все там было в нашем распоряжении, пока ее отец с матерью в обществе Лоренса Даррелла[139] отдыхали, если память мне не изменяет, в Греции. («Если память мне не изменяет». Навязчивый куплетик.)

Сорок лет спустя лучи прожекторов служебных машин на пристанционной стоянке высвечивали причудливое шествие на казнь вдоль поля,

[139] Примечания: 139

Лоренс Даррелл (1912–1990) — выдающийся английский писатель, старший брат зоолога Джеральда Даррелла; значительную часть жизни провел на Восточном Средиземноморье, где и происходит действие многих его произведений. Основные сочинения: тетралогия «Александрийский квартет» (1957–1960), дилогия «Бунт Афродиты» (1968–1970), пенталогия «Авиньонский квинтет» (1974–1986).

лежащего под паром в ожидании субсидий Евросоюза, вереницы длинноногих дядюшек и одного спасающегося бегством издателя в хлопающем на ветру плаще. Можно было бы подумать, что страна размером с Англию может с легкостью вместить все происходящее на нашем убогом веку, без особых наложений, — я имею в виду, что мы живем не в чертовом Люксембурге, — но нет, мы вновь и вновь пересекаем собственные свои старые следы, словно фигуристы. Портовый дом все еще стоял, изолированный от соседей изгородью из бирючин. Каким богатым казался он после хилого пригородного домика моих родителей! Когда-нибудь, так я обещал, я буду жить в таком же доме. Еще одно обещание, которое я нарушил; но, по крайней мере, давал его я только себе.

Я шел по краю частного владения, вниз по подъездной дороге к дому. Вывеска гласила: «ОРЕХОВОЕ УЕДИНЕНИЕ» — ЗНАМЕНИТЫЕ ДОМА ДЛЯ ЗАСЛУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ В СЕРДЦЕ АНГЛИИ. На верхнем этаже горел свет. Мне представилась бездетная чета, слушающая радио. Старую дверь с витражным стеклом заменили чем-то более непроницаемым для взлома. На той неделе, отведенной на подготовку к экзаменам, я вошел сюда, полный готовности лишиться своей постыдной

девственности, но был обуян таким священным ужасом перед своей Божественной Клеопатрой, так нервничал, у меня были так выпучены глаза от виски ее отца и весь я был так неуклюж из-за зеленого своего возраста, что, в общем, предпочту набросить покров на ту неловкую ночь, даже с расстояния в сорок лет. Ладно, в сорок семь. Вот этот самый белолистный дуб стучал в окно Урсулы, когда я пытался исполнить то, что от меня ожидалось, много позже того, как еще оставалось приличным притворяться, будто я согреваюсь. У Урсулы в спальне, вон в той комнате, где горит сейчас электрическая свеча, звучала пластинка со Вторым фортепьянным концертом Рахманинова.[140]

По сей день не могу слушать Рахманинова без содрогания.

Я знал: шансы на то, что Урсула по-прежнему живет в этом доме, равнялись нулю. В последний раз, когда я о ней слышал, она руководила новостным агентством в Лос-Анджелесе. Тем не менее я протиснулся через вечнозеленую изгородь и

---

[140] Примечания: 140

Рахманинов, Сергей Васильевич (1873–1943) — композитор, пианист, дирижер; с 1918 г. в США. Автор опер «Алеко» (1892), «Скупой рыцарь» (1904), «Франческо да Римини» (1904), кантаты «Весна» (1902), симфонической поэмы «Остров мертвых» (1909), «Рапсодии на тему Паганини» (1934) и др.

прижался носом к неосвещенному, незанавешенному окну столовой, пытаясь хоть что-то там разглядеть. В ту давнюю осеннюю ночь Урсула подала на стол шарик запеченного сыра на ломте ветчины, который, в свою очередь, возлежал на грудке цыпленка. Прямо вон там — прямо здесь. Я все еще ощущаю тот вкус. Я ощущаю тот вкус даже сейчас, когда пишу эти слова.

Вспышка!

Комната озарилась от электрического светильника, оформленного в виде пучка ноготков, и внутрь вихрем ворвалась — по счастью для меня, спиной вперед — маленькая ведьмочка со спиралевидными рыжими кудрями. Через стекло я отчасти услышал, отчасти прочел по губам ее возглас: «Мама!» — и в комнату вошла мама с такими же вьющимися локонами. Поскольку это было достаточным доказательством того, что семья Урсулы давно покинула этот дом, я отступил в кусты — но повернулся снова и возобновил свои шпионские изыскания, потому что… ну, в общем, потому что je suis un homme solitaire.[141] Мама чинила сломанную метлу, а девочка сидела за столом, болтая ногами. Вошел взрослый

[141] Примечания: 141
Я — человек одинокий (фр.).

человек-волк, снял маску, и я, странным образом, но, полагаю, не столь уж и странным, его узнал — этот ведущий телевизионных новостей, один из племени, возглавлявшегося Феликсом Финчем. Джереми Имярек, с бровями Хитклифа,[142] с манерами терьера, ну, вы знаете этого типа. Он вынул из валлийского комода моток изоленты и присоединился к починке метлы. Потом в эту домашнюю гравюру вошла бабушка, и, будь я проклят раз, будь я проклят два, будь я, если на то пошло, проклят во веки веков, это была Урсула. Та самая Урсула, моя.

Живей, живее, пожилая леди! В моей памяти она не состарилась ни на день — что за визажист так поиздевался над ее свежей прелестью? (Тот же издевался и над твоими чертами, старина Тимбо.) Она что-то говорила, и ее дочь и внучка сотрясались от смеха, и я сотрясался от смеха тоже… Что же? Что она сказала? Поведайте мне эту шутку! Она набивала красный чулок газетными шариками. Дьявольский хвост. Безопасной булавкой она прикрепила его к платью ведьмочки, и сердце мое, словно яйцо, раскололось о жесткое ребро воспоминания об университетском балу на

[142] Примечания: 142

Хитклиф — герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал» (1847), один из самых ярких негодяев классической английской литературы.

Хэллоуин, и желток выплеснулся наружу — ведь тогда она тоже нарядилась дьяволицей, намазала лицо алой краской, и мы целовались всю ночь, просто целовались, а утром обнаружили кафе, куда ходили строители, — там мы нашли крепкий чай с молоком в грязных кружках и столько яиц, что хватило бы набить, забить ими всю швейцарскую армию. Тосты и наперченные консервированные помидоры. Острый соус. Скажи честно, Кавендиш, был ли в твоей жизни хоть раз другой столь же восхитительный завтрак?

Я так опьянел от ностальгии, что принудил себя уйти оттуда, прежде чем сделаю глупость. Мерзкий голосок в нескольких футах от меня проговорил вот что:

— Не шевелись, а то выпотрошу и брошу в котел!

Был ли я потрясен? Нет, это был вертикальный чертов взлет на реактивных двигателях! По счастью, мой якобы потрошитель был ни в коей мере не старше десяти лет, и зубья его цепочной пилы были картонными, но вот окровавленные бинты выглядели довольно устрашающе. Понизив голос, я сказал ему об этом. Он сморщился, на меня глядя.

— Ты что, приятель бабушки Урсулы?

— Когда-то, давным-давно я — да, дружил с нею.

— А ты кем будешь на вечеринке? Где твой костюм?

Надо было уходить. Я снова стал протискиваться сквозь вечнозеленую изгородь.

— Это и есть мой костюм.

Он стал ковырять в носу.

— Мертвяка, выкопанного из могилы?

— Очаровательно, но нет. Я пришел как Святочный Дух Прошлых Лет.[143]

— Но сейчас Хэллоуин, а не Рождество.

— Не может быть! — Я хлопнул себя по лбу. — В самом деле?

— Да-а…

— Значит, я на десять месяцев опоздал! Это ужасно! Мне лучше поскорее вернуться, чтобы не обнаружили мое отсутствие, — а то я получу нагоняй!

Мальчик принял позу каратиста из мультика и замахнулся на меня своей цепочной пилой.

— Не так быстро, Зеленый Гоблин! Ты вторгся в чужие владения! Я сообщу о тебе в полицию!

Значит, война.

---

[143] Примечания: 143

…Святочный Дух Прошлых Лет… Духу Будущих Святок… — Из «Рождественской песни» Чарльза Диккенса (1843).

— Так ты, стало быть, доносчик? В эту игру можно играть вдвоем. Если ты расскажешь им обо мне, то я расскажу своему другу, Духу Будущих Святок, где ты живешь, и знаешь, что он с тобой сделает?

Этот поганец широко раскрыл глаза, затряс головой, задрожал и заерзал.

— Когда твои домашние укроются одеялами и заснут в своих уютных кроватках, он проскользнет в дом и съест — твоего — щенка! — В моем желчном протоке быстро накапливался яд. — Он оставит его пушистый хвост у тебя под подушкой, и во всем обвинят тебя. Все твои маленькие приятели, увидев тебя на улице, будут кричать: «Пожиратель щенков!» Ты станешь старым, у тебя не будет друзей, и через пятьдесят лет ты умрешь, совсем одинокий, рождественским утром. Так что на твоем месте я никому даже не заикался бы о том, что ты меня видел.

Я протиснулся сквозь изгородь, пока до него все полностью не дошло. Когда я направлялся по мостовой к станции, ветер донес его всхлипывания:

— Но ведь у меня и щенка-то нет…

Укрывшись за «Прайвит-ай», я сидел в кафе «Бодряк» при оздоровительном центре, хорошо

наживавшемся на нас, выброшенных за борт. Отчасти я ожидал, что вот-вот появится разъяренная Урсула в сопровождении своего внука и местного полисмена. За севшими на мель биржевыми маклерами прибывали частные спасатели. Старый папаша Тимоти предлагает своим более молодым читателям вот какой совет, бесплатно включая его в стоимость данных мемуаров: устраивайтесь в этой жизни так, чтобы, когда на исходе ваших лет сломался везущий вас поезд, у вас нашлась бы теплая и сухая машина и кто-то любящий за рулем — или нанятый, это неважно, — чтобы доставить вас домой.

Почтенного возраста вагон подали тремя скотчами позже. Почтенного возраста? Да нет, он был времен чертовых Эдуардов![144] Всю дорогу до Кембриджа мне пришлось терпеть студенческую болтовню. Проблемы с партнерами, садисты-лекторы, демонические соседи по дому, реальное телевидение — вот вам крест, я и понятия не имел, что у детей их возраста бывает такая гиперактивность. Когда наконец я попал на вокзал Кембриджа, то стал искать телефонную будку,

[144] Примечания: 144

…времен чертовых Эдуардов! — То есть начала XX в.: Эдуард VII (1841–1910) царствовал с 1901 г., Эдуард VIII (1894–1972) — с января по декабрь 1936 г. (отрекся в пользу брата, Георга VI).

чтобы позвонить в «Дом Авроры» и сказать, чтобы не ждали меня до завтра, но первые два телефона были разбиты вандалами (и это в Кембридже!), и, только найдя третий, я посмотрел на адрес и увидел, что телефона Денхольм не записал. Отель для коммивояжеров я обнаружил рядом с прачечной. Не помню его названия, но еще в тамошней конторе понял, что в этом заведении и жестко стелют, и жестко спать, а первое мое впечатление, как всегда, подтвердилось. Я, однако, чертовски измотался, чтобы шляться в поисках чего-либо лучшего, да и бумажник мой слишком уж отощал. В номере оказались высокие окна со шторами, которых я не мог опустить, потому что роста во мне — не двенадцать футов. Гранулы цвета хаки в ванне на самом деле были мышиными шариками, ручка душа осталась у меня в руке, а горячая вода оказалась чуть тепловатой. Я окурил номер сигарным дымом и лег на кровать, пытаясь вспомнить спальни всех тех, кого любил, по порядку, глядя назад через мутный телескоп времени. Принц Руперт со товарищи оставались хладны и безжизненны. Я чувствовал странное безразличие при мысли о том, что братья Хоггинсы могут разграбить мою квартиру в Пугни. Если «Удару кастетом» можно хоть в чем-то верить, то

это, должно быть, оказалось бы пологими холмиками по сравнению с большинством взятых ими высот. Несколько симпатичных первых изданий, но более ничего ценного. Мой телевизор сдох в ту ночь, когда Джордж Буш II захватил трон, и я так и не собрался его заменить. Мадам Х. забрала весь свой антиквариат и фамильные вещицы. Я заказал тройную порцию скотча, позвонив в обслуживание номеров, — будь я проклят, если отправлюсь в бар, где клика торговцев хвастается баснословными бонусами. Когда тройное виски наконец появилось, то оказалось всего лишь скаредным двойным, о чем я и сказал. Похожий на хорька подросток всего лишь пожал плечами. Не извинился, просто пожал плечами. Я попросил его опустить шторы, но он глянул на них и фыркнул:

— Я не достану!

Тогда, вместо чаевых, я одарил его ледяной фразой:

— Что ж, тогда все.

Выходя, он злобно пустил ветры. Я еще немного почитал рукопись «Периодов полураспада», но заснул сразу после того, как Руфус Сиксмит был найден убитым. В отчетливом сновидении я приглядывал за маленьким, нуждавшимся в защите

мальчиком, который умолял меня позволить ему поиграть на автомате, из тех, что стоят в углах супермаркетов и куда надо опускать пятьдесят пенсов. Я согласился, но когда мальчик слез со стула, то превратился в Нэнси Рейган. Как было мне объясняться с его матерью?

Проснулся я в темноте, а рот был словно залеплен «Суперклеем». В голове по неясной причине крутилась и зудела та оценка истории, что вынес ей Могучий Гиббон: «Все это лишь самую малость больше, чем перечень преступлений, глупостей и несчастий человечества». Вот вам пребывание Тимоти Кавендиша на Земле в тринадцати словах. Я вновь опроверг старые доводы, затем принялся опровергать доводы, которые никогда и не выдвигались. Курил сигару, пока в высоких окнах не появились проблески рассвета. Побрил свои брыла и подбородки. Внизу изнуренная уроженка Ольстера предлагала выбор из горелых или холодных тостов с мазками несоленого масла и джема цвета помады. Мне вспомнилось замечание Джейка Балоковски[145] о Нормандии: Корнуолл, где есть что съесть.

---

[145] Примечания: 145

Джейк Балоковски — вымышленный биограф поэта Филипа Ларкина (1922–1985), фигурирующий в его стихотворении «Posterity» («Войти в века»).

На вокзале мои мытарства начались заново, как только я попытался получить возмещение за вчерашнюю прахом пошедшую поездку. Кассир из джунглей, чьи прыщи лопались у меня на глазах, оказался столь же непрошибаемым, как и его двойняшка с вокзала Кингз-Кросс. Корпорация выращивает их из одних и тех же племенных клеток. Давление у меня приблизилось к рекордной отметке.

— Что это значит, вчерашний билет теперь недействителен? Не по моей же вине накрылся тот чертов поезд!

— Но и не по нашей. Поезда обслуживает Южное направление. А мы, понимаете ли, занимаемся билетами.

— Тогда кому мне жаловаться?

— Ну, компания «Локомотивы Южного направления» принадлежит холдинговой компании в Дюссельдорфе, которая принадлежит этой финской компании по производству мобильных телефонов, так что лучше бы вам обратиться к кому-нибудь в Хельсинки. Поблагодарите свою счастливую звезду, что поезд не сошел с рельсов. В наши дни это самое обычное дело.

Иной раз пушистый зайчик недоверия скрывается за поворотом настолько быстро, что гончая

языка, которую так и не спустили с поводка, сгорает от возбуждения. Мчаться, как самая злющая дворняжка, чтобы успеть на ближайший поезд — и выяснить, что его отменили! Но, «по счастью», поезд, следовавший перед моим, опаздывал так сильно, что еще не отправился. Все места были заняты, и мне пришлось втиснуться в трехдюймовую щель. Когда поезд тронулся, я потерял равновесие, но плотное человеческое месиво не дало мне упасть. Мы так и остались наполовину упавшими. Диагональными Людьми.

Все окраины Кембриджа ныне стали научными городками. Когда-то мы с Урсулой плавали на плоскодонке под этим причудливым мостом, где сейчас в кубоидах космическо-био-технологической эры высиживают человеческих клонов для сомнительных корейцев. Да, старение чертовски невыносимо! Те «я», которыми мы были, жаждут снова дышать воздухом этого мира, но смогут ли они хоть когда-либо выбраться из этих обызвествленных коконов? Да черта с два.

Деревья, скрюченные как ведьмы, горбились перед необъятным небом. Наш поезд сделал непредусмотренную и неожиданную остановку посреди продуваемой ветрами вересковой пустоши. Сколько она продлилась, я не знаю. Мои

часы застряли посреди предыдущей ночи. (Даже сегодня скучаю по своему «Ингерсоллу».) Черты окружавших меня пассажиров расплывались в нечто отчасти знакомое: агент по продаже недвижимости за моей спиной, болтавший по своему мобильнику, был, готов поклясться, капитаном моей хоккейной команды в шестом классе; мрачная женщина, что сидела двумя рядами дальше, погруженная в чтение «Праздника, который всегда с тобой»,[146] — разве это не та горгона из налоговой инспекции, что задала мне такого перцу несколько лет назад?

Наконец взвизгнули цепные дышла, и поезд на малой скорости заковылял к следующей сельской станции, на шелушащейся вывеске которой значилось «Адлстроп». Сильно простуженный голос объявил:

— «Центральные поезда» сожалеют, что из-за аварии тормозной системы этот поезд сделает краткую остановку на этой — чхи! — станции. Пассажирам предписывается сойти здесь… и подождать подходящего поезда. — Мои товарищи по путешествию задыхались от негодования, сто-

---

[146] Примечания: 146

«Праздник, который всегда с тобой» — роман-воспоминание Эрнеста Хемингуэя (1898–1961) о парижской богеме 1920-х гг., опубликованный уже после его смерти, в 1964 г.

нали, изрыгали проклятия и трясли головами. — «Центральные поезда» приносят извинения за любые — чхи! — неудобства, которые это может вызвать, и заверяют вас, что мы прилагаем все силы, чтобы восстановить наши обычные стандарты превосходного — чхи!!! — обслуживания. Дай-ка мне платок, Джон.

Факт: поезда, что ходят в нашей стране, строятся в Гамбурге или где-то еще, и когда немецкие инженеры испытывают поезда, предназначенные для Британии, они пользуются импортированными отрезками наших искореженных приватизированных путей, потому что поддерживаемые в приличном виде европейские железные дороги не могут обеспечить условий, нужных для испытаний. Кто на самом деле победил в этой чертовой войне? Мне следовало бы улепетывать от Хоггинсов на чертовой ходуле «пого».[147]

Я локтями проложил себе дорогу к неопрятному кафе, купил пирог со вкусом крема для обуви, и чай, где плавали пробчатые крошки, после чего стал подслушивать разговор пары коннозаводчиков с Шетландских островов. Уныние заставляет человека томиться по жизням, которых он ни-

[147] Примечания: 147

Ходуля «пого» — популярная детская игрушка, ходуля с двумя подножками и пружиной для подскакивания.

когда не вел. Зачем ты посвятил свою жизнь книгам, Т. К.? Хлам, хлам, хлам! Мемуары — уже дрянь, но эта чертова беллетристика! Герой отправляется в путешествие, в городе появляется незнакомец, кто-то хочет чего-то, они этого либо добиваются, либо нет, воля одного роет яму воле другого… «Восхищайтесь мною, ибо я метафора».

Я осторожно пробирался к писсуару в пропахшем аммиаком мужском туалете, из которого какой-то шутник спер лампочку. Только-только расстегнул ширинку, как из тьмы возник голос:

— Эй, миста, огонька нейдется?

Успокаивая сердцебиение, я нашарил в кармане зажигалку. Щелчок ее вызвал из небытия некоего растафари с сигарой в толстых губах, стоящего всего в нескольких дюймах от меня и освещенного, как это любит Хольбейн,[148] красным тлеющим угольком.

— Фпафиба, — шепнул мой черный Вергилий, опуская голову, чтобы погрузить кончик сигары в пламя.

— Да, кгхм, не за что, пожалуйста, — сказал я.

Его широкий и плоский нос дернулся.

---

[148] Примечания: 148

Хольбейн, Ханс Младший (1497/1498–1543) — немецкий живописец и график, мастер портрета; прославился как придворный живописец английского короля Генриха VIII.

— Ну, куда направляесси, друг?

Я проверил, на месте ли бумажник.

— В Эд… — И с места в карьер рванула безумная ложь. — Вернуть один роман. Библиотекарю, который там работает. Очень известный поэт. В университете. Рукопись у меня в сумке. Называется «Периоды полураспада».

От сигары растафари разило компостом. Никогда не могу угадать, о чем они на самом деле думают. Не то чтобы я с кем-нибудь из них был по-настоящему знаком. Я не расист, но действительно считаю, что требуются целые поколения, дабы переплавить ингредиенты в так называемых плавильных котлах.

— Миста, — сказал мне растафари, — нада, — и меня передернуло, — попроб'ать.

Я повиновался этому предложению и затянулся его толстой, словно котях, сигарой. Черти собачьи!

— Что это за дрянь?

Где-то у основания своей глотки он издал звук, похожий на то, как раковина всасывает воду.

— Такого в стране Мальборо не растут.

Голова моя увеличилась во много сотен раз, в стиле «Алисы», и превратилась в многоэтажный гараж, где стоял тысяча и один блистательный

«ситроен».

— А ну-ка повтори, — велел Человек, Ранее Известный Как Тим Кавендиш.

Дальше ничего не помню вплоть до того момента, когда пришел в себя, снова сидя в поезде и недоумевая, кто замуровал мое купе мшистыми кирпичами.

— Теперь мы готовы заняться вами, мистер Кавендиш, — сказал мне лысый как колено очкарик.

Никого ни там, ни где-либо еще не было. Только уборщица, шедшая по пустому вагону и собиравшая в мешок разбросанный мусор. Я спустился на платформу. Холод вонзил свои когти в мою голую шею и стал отыскивать другие незащищенные места. Это что, снова Кингз-Кросс? Нет, это был унылый зимний Гданьск. Обуянный паникой, я обнаружил, что при мне нет ни сумки, ни зонта. Я снова забрался в вагон и отыскал их на багажной полке. Казалось, за время сна все мои мышцы атрофировались. Снаружи я увидел багажную тележку, которую катил Модильяни.[149] Что это за чертово место?

---

[149] Примечания: 149

Модильяни, Амедео (1884–1920) — итальянский художник, работавший в жанре «ню» на стыке экспрессионизма с абстрактным искусством и примитивизмом.

— Тыпар Эддун, — отвечал Модильяни.

Это что, по-турецки? В мозгу моем родилось следующее предположение: на станции Адлстроп остановился трансъевропейский экспресс, я сел на него и проспал всю дорогу до стамбульского вокзала. Протухли мозги, вот и все. Мне нужен был ясный знак, по-английски.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭД.

Слава богу, путешествие мое почти окончилось. Когда это я в последний раз забирался так далеко на север? Никогда, вот когда. Я глотнул холодного воздуха, чтобы подавить внезапный позыв ко рвоте, — правильно, Тим, проглоти-ка это. Оскорбленный желудок выдает причины своего неудовольствия, и передо мной вспыхнула сигара растафари. Вокзал был окрашен во все оттенки черного. Я свернул за угол и обнаружил над выходом два светящихся циферблата, но часы с разным временем хуже, чем полное их отсутствие. Никакой смотритель у выхода не пожелал проверить мой непомерно дорогой билет, и я почувствовал себя обманутым. Снаружи вдоль края тротуара проползали поджидающие седоков такси, там и сям виднелись помаргивающие окна, а из паба по ту сторону канала доносилась музыка, то усиливаясь, то утихая.

— Мелочь есть? — спросил, нет, потребовал, нет, выдвинул обвинение жалкий тип, закутанный в одеяло.

Его нос, брови и губы были так истыканы разными скобяными штуковинами, что мощный электромагнит разорвал бы его лицо в клочья за единый проход. Как такие люди минуют металлоискатели в аэропортах?

— Так есть мелочь?

Я увидел себя его глазами — слабосильного старикашку, поздней ночью оказавшегося в недружелюбном городе. Почуяв мою уязвимость, тип стал подниматься на ноги. Невидимый страж взял меня за локоть и отвел к стоянке такси.

Такси, казалось, на протяжении миниатюрной вечности колесило все по тем же окрестностям. Некий певец под бренчание гитары завывал о том, как все, что умирает, когда-нибудь да возвращается. (Боже упаси — вспомни обезьянью лапку!)[150] Голова водителя была слишком, слишком огромной для его плеч, он, должно быть, страдал слоновьей болезнью, но когда он обер-

---

[150] Примечания: 150

Некий певец под бренчание гитары завывал о том, как все, что умирает, когда-нибудь да возвращается. (Боже упаси — вспомни обезьянью лапку!) — Имеется в виду рассказ У. У. Джейкобса «Обезьянья лапка» (1902), в котором заглавный магический артефакт исполняет три желания, в том числе о воскрешении мертвых.

нулся, я разглядел его тюрбан. Водитель скорбел о недалекости своей клиентуры.

— Вечно они говорят: «Спорим, там, откуда ты приехал, никогда не бывало так холодно, а?» — и вечно мне приходится отвечать: «Пальцем в небо, приятель. Ты, видно, никогда не бывал в Манчестере в феврале».

— Вы же знаете дорогу в «Дом Авроры», правда? — спросил я.

— Слушай, мы уже приехали, — отвечал сикх. Узкий подъездной путь упирался в импозантное здание неопределенных размеров, явно выстроенное в эдвардианскую эпоху. — Жизнь адская, будто в Ровно.

— Никогда не слыхал о таком месте.

Он посмотрел на меня в недоумении, потом повторил:

— Шестнадцать — фунтов — ровно.

— А! Да. — Моего бумажника не оказалось ни в карманах брюк, ни в кармане пиджака. Не было его и в кармане рубашки. В карманах брюк он опять-таки не объявился. Страшная правда хлестнула меня по щекам. — Да это же чертов грабеж!

— Я не потерплю всяких тут намеков. В моем такси стоит муниципальный счетчик.

— Нет, вы не поняли, у меня украли бумажник.

— А, тогда понимаю. — Прекрасно, он понимает. — Очень хорошо понимаю! — В воздухе забурлила ярость субконтинента. — Ты думаешь, этот пропитанный кэрри хмырь знает, чью сторону примут в участке…

— Ерунда! — возразил я. — Слушайте, у меня есть монеты, мелочь, да, полный карман мелочи… вот… да, слава богу! Да, думаю, у меня наберется…

Он сосчитал свои дукаты.

— А чаевые?

— Вот, возьмите. — Я высыпал всю остававшуюся у меня шрапнель в другую его руку и выбрался наружу, прямо в канаву.

Со своей точки зрения жертвы несчастного случая, я наблюдал, как такси уносится прочь, и страдал от мерзостной ретроспективы унижения, испытанного в Гринвиче. Меня особо не уязвляли ни часы, ни даже синяки и потрясение. Просто дело было в том, что когда-то в Адене я осадил и одолел четверых оборванцев-арабов, но в глазах тех девчонок был… стариканом, попросту стариканом. Вести себя иначе, чем положено старикану — тише воды, ниже травы, — само по себе было достаточной провокацией.

Я поднялся к внушительным стеклянным две-

рям. Контора сияла золотом Грааля. Постучал, и мне улыбнулась женщина, которую могли бы взять на главную роль в мюзикле «Флоренс Найтингейл».[151] Возникло такое чувство, словно кто-то взмахнул волшебной палочкой и сказал: «Кавендиш, все твои невзгоды позади!»

Флоренс открыла мне дверь.

— Добро пожаловать в «Дом Авроры», мистер Кавендиш!

— О, спасибо, спасибо. Сегодня все шло так ужасно, чертовски ужасно, просто нет слов.

Она была ангелом во плоти.

— Главное, что вы благополучно к нам добрались.

— Послушайте, есть небольшое финансовое затруднение, о котором следовало бы теперь же упомянуть. Видите ли, по дороге сюда…

— Вам следует беспокоиться только о том, чтобы хорошенько сегодня выспаться. Обо всем позаботятся. Только распишитесь вот здесь, и я покажу вам вашу комнату. Очень тихая, с видом на сад. Вам понравится.

С глазами, увлажненными слезами благодар-

---

[151] Примечания: 151

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — первая в истории сестра милосердия, много сделавшая для реорганизации британской системы военных госпиталей.

ности, я проследовал за ней в свое убежище. Отель был современным, нигде ни пятнышка, с очень мягким освещением в сонных коридорах. Я узнавал запахи из своего детства, но не мог полностью их идентифицировать. Вверх по деревянному холму, в графство Сна. Моя комната оказалась простой, простыни были чистыми и хрустящими, с разогретой сушилки в готовности свисали полотенца.

— Теперь с вами все в порядке, мистер Кавендиш?

— Благослови вас Бог, милая.

— Что ж, тогда приятных сновидений.

Я знал, что именно такими они и будут. Быстро ополоснулся под душем, натянул пижаму и почистил зубы. Кровать была твердой, но лежать на ней было так же удобно, как на таитянском пляже. Хоггинсова Хренотень пребывала восточнее мыса Горн, я был цел и невредим, а Денни, дорогой мой Денхольм, оплачивал счет. Брат познается в беде. В моих зефирных подушках пели сирены. А вот поутру жизнь начнется заново, заново, заново. На этот раз я все буду делать правильно.

«А вот поутру…» Судьба любит ставить ловушки для простаков с помощью трех этих маленьких

слов. Проснувшись, я обнаружил не очень-то молодую женщину со стрижкой «под пажа», которая рылась в моих вещах, как завсегдатай распродаж.

— Ты, ворюга, свинья бородавчатая, какого чертова хрена ты позабыла в моем номере? — отчасти прорычал, отчасти прохрипел я.

Женщина оставила мой пиджак, не выказывая никакого чувства вины.

— Поскольку вы новичок, я не заставлю вас мыть язык с мылом. На этот раз. Но имейте в виду. Я не потерплю непристойных выражений в «Доме Авроры». Ни от кого. И я никогда не бросаюсь пустыми угрозами, мистер Кавендиш. Никогда.

Грабительница, выговаривающая своей жертве за грубые выражения!

— Я, черт возьми, буду говорить с тобой, как мне, черт возьми, будет угодно, вонючая ты чертова воровка! Заставишь меня мыть язык с мылом? Хотел бы на это посмотреть! Позвать сюда охранников! Позвать полицию! Ты пожалуешься на грубые выражения, а я — на взлом, вторжение и воровство!

Она подошла к кровати и закатила мне увесистую оплеуху. Я был так шокирован, что просто повалился обратно на подушку.

— Начало не вдохновляет. Меня зовут миссис Нокс. Вам не следует меня сердить.

Может, это что-то вроде отеля для страдающих душевными и умственными вывертами? Не ворвалась ли ко мне в номер сумасшедшая, которая каким-то образом узнала в регистратуре, как меня зовут?

— Курение здесь не одобряется. Мне придется конфисковать эти сигары. Зажигалка слишком опасна — начнете, чего доброго, с ней баловаться. А это еще что такое?

Она бренчала моими ключами.

— Ключи. Чем, по-вашему, это еще может быть?

— Ключи теряются! Мы отдадим их на сохранение миссис Джадд, правильно?

— Мы никому их не отдадим, карга сумасшедшая! Ты ударила меня! Ограбила меня! Что это за чертов отель такой, где воровок нанимают горничными?

Эта тварь впихнула свои трофеи в маленький воровской мешок.

— Есть еще что-нибудь ценное, о чем следует позаботиться?

— Положи все обратно! Немедленно! Иначе, попомни мое слово, я добьюсь, чтоб тебя уволили!

— Я так понимаю, что ответ отрицательный. Завтрак ровно в восемь. Сегодня вареные яйца и гренки. Опоздавшим — ничего.

Как только она убралась, я оделся и поискал телефон. Его нигде не было. Очень быстро умывшись — ванная была оборудована для инвалидов: все углы скруглены, повсюду удобные поручни, — я поспешил в контору отеля, чтобы восстановить справедливость. У меня, незнамо откуда, появилась вдруг хромота. Я заблудился. В одинаковых коридорах с выстроенными вдоль стен стульями бодро разливалась барочная музыка. Какой-то покрытый белыми чешуйками гном схватил меня за запястье и показал мне банку с ореховым маслом.

— Хочешь это взять домой? Я вот — нет. Сказать почему?

— Вы приняли меня за кого-то другого.

Отодрав от себя лапу этого существа, я прошел к обеденному залу, где рядами сидели постояльцы, а официантки вносили из кухни подносы с тарелками.

Что-то показалось мне очень странным. Что именно?

Самым молодым из постояльцев было за семьдесят. Самым старым — за триста с гаком. Что за

кошмар? Как в первую неделю после окончания каникул!

Я все понял. Вы, верно, уяснили это несколько страниц назад, дорогой Читатель. «Дом Авроры» оказался домом престарелых. Этот мой чертов братец! Вот так шуточка! Миссис Джадд со своей масляной улыбочкой обороняла регистратуру.

— Здравствуйте, мистер Кавендиш. Надеюсь, чувствуете себя превосходно?

— Да. Нет. Произошло нелепое недоразумение.

— В самом деле?

— Более чем. Я въехал сюда вчера, полагая «Дом Авроры» отелем. Видите ли, все устроил мой брат. Но… таково уж его представление о розыгрышах. Мне вот ничуть не смешно. Его презренный обман сработал только потому, что какой-то растафари дал мне затянуться дурной сигарой, к тому же эти однояйцевые двойняшки, у которых мне пришлось покупать билеты, чтобы сюда добраться, — они так меня вымотали… Но послушайте. У вас под боком еще большая проблема — какая-то полоумная стерва по имени Нокс рыскает здесь, воображая себя горничной. Ее мозги, вероятно, изрешетила болезнь Альцгеймера, но, дьявол, она еще и руки распускает! Она украла мои ключи! Может, в каком-нибудь тай-

ском стрип-баре это и было бы в порядке вещей, но в доме для несчастных стариков? Ведь это, как-никак, Эд! Знаете, окажись я инспектором, вас бы прикрыли.

Теперь улыбка миссис Джадд стала убийственно ядовитой. И она вынудила меня сказать:

— Я требую, чтобы мне вернули мои ключи. Немедленно.

— Отныне «Дом Авроры» стал вашим домом, мистер Кавендиш. Ваша подпись уполномочивает нас применять меры воздействия. И я не привыкла, чтобы о моей сестре отзывались в подобном тоне.

— Меры воздействия? Подпись? Сестра?!

— Тот документ об опеке, который вы вчера подписали. Бумаги об условиях вашего здесь пребывания.

— Нет, нет и нет. Это была регистрационная карта отеля! Ладно, это беспредметный разговор. После завтрака я уеду. Нет, давайте лучше до завтрака, а то я уже унюхал помои! Боже, отменный будет рассказ для какой-нибудь вечеринки! Припру к стенке своего братца! Кстати, вышлите ему счет. Но я требую, чтобы мне вернули ключи. И будет лучше, если вы вызовете мне такси.

— Многие из наших жильцов встают поначалу

не с той ноги.

— Я встал совершенно с той ноги, но, видимо, недостаточно ясно выразился. Если вы не…

— Мистер Кавендиш, почему бы вам сначала не позавтракать, а уж потом…

— Ключи!

— У нас есть подписанное вами разрешение хранить ваши ценности в сейфе администрации.

— Тогда мне придется поговорить с вашим управляющим.

— Это моя сестра. Сестра Нокс.

— Нокс? Управляющая?

— Да, сестра Нокс.

— Тогда — с кем-нибудь из попечительского совета. Или с хозяином этого заведения.

— Это я.

— Послушайте. — Я чувствовал себя Гулливером, связанным лилипутами. — Вы нарушаете этот чертов… Акт о правах человека, или как его там.

— Как вы скоро поймете, приступы гнева в «Доме Авроры» на пользу никому не идут.

— Попрошу ваш телефон. Хочу позвонить в полицию.

— Проживающим не разрешается…

— Я вам не какой-нибудь чертов проживающий! И поскольку вы не желаете вернуть мне ключи, я вернусь чуть позже, и не один, а с представителем закона, который будет очень, очень недоволен!

Я толкнул главную парадную дверь, но та с гораздо большей силой пихнула меня обратно. Какое-то чертово охранное устройство. Попробовал пожарный выход, находившийся в другом конце вестибюля. Закрыто. Невзирая на протесты миссис Джадд, я выбил шпингалет молоточком, дверь распахнулась, и я оказался на свободе. Черти собачьи, мороз огрел меня по лицу железной лопатой! Теперь-то я понял, почему северяне обзаводятся теплыми бородами и намазываются жиром. Я пошел по изгибающейся подъездной аллее с рододендронами в дырках от червей, подавляя искушение перейти на бег. Я не бегал с середины семидесятых. Когда я поравнялся с хитроумной газонокосилкой, из-под земли передо мной воздвигся, словно сказочный людоед, некий косматый великан в комбинезоне землекопа. Окровавленными своими ручищами он счищал с лезвий той зловещей штуковины останки ежа.

— Куда-то отбываете?

— Еще бы! В обитель жизни.

Я пошел дальше. Листья под моими ногами превращались в почву. Так уж оно устроено, деревья питаются самими собой. Обескураженный, я вдруг обнаружил, что аллея заворачивает обратно, к тому крылу, где располагалась столовая. Я не туда свернул. Бессмертные «Дома Авроры» наблюдали за мной через стеклянную стену.

— Зелень — это люди! — насмешливо обратился я к их пустым взорам. — Зелень делается из людей!

Они смотрели на меня в недоумении — я, увы, был Последним из своего Племени. Один из сморщенных, как печеное яблоко, обитателей постучал по стеклу и указал на что-то у меня за спиной. Я обернулся, и в тот же миг людоед перекинул меня через плечо, словно вязанку хвороста. При каждом его шаге у меня перехватывало дыхание.

— Я мог бы заняться кое-чем получше… — проговорил он, смердя удобрениями.

— Так пойди и займись!

Я тщетно пытался захватить его шею в замок, но он, по-моему, этого даже не заметил. Тогда я воспользовался своим языковым преимуществом, чтобы заставить злодея оторопеть:

— Ты, стервоза навозная, скотина щетинистая!

Ур-род! Это же чертово нападение! Незаконное заточение!

Он стиснул меня своей медвежьей хваткой на несколько градусов крепче, чтобы заставить меня замолчать, и, боюсь, я укусил его за ухо. Это было стратегической ошибкой. Одним могучим рывком он спустил мои брюки — может, он собирался меня по-свойски оприходовать? Но то, что он сделал, было еще омерзительней. Распластав мою тушку на корпусе своей косилки, одной рукой он пригвоздил меня к ней, а в другой у него вдруг оказалась бамбуковая палка, которой он стал меня хлестать. Боль пронзала мои исхудалые ягодицы, и раз, и два, снова-снова, снова-снова, снова-снова!

Боже, какая это была боль!

Я орал, потом плакал, потом всхлипывал, умоляя его остановиться. Хрясть! Хрясть! Хрясть! В конце концов сестра Нокс приказала великану перестать. Ягодицы мои были двумя гигантскими осиными укусами! Женский голос прошипел мне в ухо:

— В том мире, что снаружи, вам не место. «Дом Авроры» — вот где вы теперь живете. До вас дошло, как все обстоит? Или мне следует попросить мистера Уизерса повторить процедуру?

«Скажи ей убираться ко всем чертям, — предупредил меня мой дух, — иначе потом пожалеешь».

«Скажи ей то, что она хочет услышать, — возопила моя нервная система, — иначе пожалеешь прямо сейчас».

Дух был настойчив, но плоть немощна.[152]

Меня отправили в мою комнату, лишив завтрака. Я обдумывал планы мести: судебные тяжбы, суровые приговоры. Обследовал свою камеру. Дверь запирается снаружи, замочной скважины нет. Окно открывается только на шесть дюймов. Сверхпрочные простыни из волокнистого материала, который идет на картонки для яиц, с пластиковой подкладкой. Сиденье кресла с моющимся покрытием. Ковер, не боящийся швабры. Обои, тоже моющиеся. Совмещенный санузел: мыло, шампунь, мочалка, потрепанное полотенце, окно отсутствует. Картинка, изображающая коттедж, с подписью: «Дом создается руками, очаг — сердцами». Перспективы для прорыва: хреновые донельзя.

И все же я верил, что заточение мое не про-

---

[152] Примечания: 152

Дух был настойчив, но плоть немощна. — Ср.: «...бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26:41).

длится дольше чем до полудня. Что какой-нибудь из нескольких выходов непременно откроется. Управление осознает свою ошибку, будет без конца просить прощения, снимет с должности Нахрапистую Нокс и станет умолять меня принять денежную компенсацию. Или до Денхольма дойдет, что розыгрыш выходит ему боком, и он велит освободить меня. Или бухгалтер обнаружит, что счета никто не оплачивает, и меня выставят. Или, наконец, миссис Лэтем доложит о моем отсутствии, о моем исчезновении сообщат в «Криминальных хрониках Великобритании», и полиция примется меня разыскивать.

Около одиннадцати дверь была отперта. Я приготовился отвергать все извинения и так упереться рогом, чтобы довести их до отчаяния. В комнату вплыла некогда статная женщина. Семидесяти лет, восьмидесяти, восьмидесяти пяти — кто их знает, когда они настолько стареют? За ней, как борзая за хозяйкой, следовал какой-то рахитичный тип.

— Доброе утро, — начала женщина.

Я стоял и не предлагал своим визитерам сесть.

— Позволю себе не согласиться.

— Меня зовут Гвендолин Бендинкс.

— Я в этом не виноват.

Приведенная в замешательство, она уселась в кресле.

— Это, — она указала на своего пса, — Гордон Уорлок-Уильямс. Почему вы не садитесь? Мы возглавляем Комитет проживающих в «Доме Авроры».

— Очень рад за вас, но, поскольку я не…

— Я намеревалась представиться вам во время завтрака, но утренние неприятности случились раньше, чем мы смогли взять вас под свое крыло.

— Теперь все отшелушилось, Кавендиш, — прохрипел Гордон Уорлок-Уильямс. — Никто этого не помянет, вот те, будь спок.

Валлиец, да, он, должно быть, валлиец.

Миссис Бендинкс подалась вперед.

— Но поймите, мистер Кавендиш: здесь не приветствуют тех, кто раскачивает лодку.

— Ну так исключите меня! Я вас умоляю!

— Из «Дома Авроры» не исключают, — промычала священная корова, — но если ваше поведение того потребует, то вас подвергнут медикаментозному лечению, для вашего же блага.

Зловеще, правда? Когда-то я смотрел «Полет

над гнездом кукушки»[153] вместе с необычайно бесталанной, но богатой и овдовевшей поэтессой, сборник которой, «Стихи дикие и своевольные», я аннотировал, но которая, увы, овдовела не настолько, как было первоначально заявлено.

— Слушайте, я уверен, что вы — разумная женщина. — Оксюморон прошел без комментариев. — Так что читайте по губам. Я здесь быть не должен. Я зарегистрировался в «Доме Авроры», уверенный, что это отель.

— Да, мы это прекрасно понимаем, мистер Кавендиш! — кивнула Гвендолин Бендинкс.

— Ничего вы не понимаете!

— Всех поначалу одолевают мрачные мысли, но вскоре вы повеселеете, увидев, что ваши близкие действовали в лучших ваших интересах.

— Все мои «близкие» либо умерли, либо спятили, либо работают на Би-би-си, за исключением моего шутника-братца!

Вы представляете себе это, не правда ли, дорогой Читатель? Я угодил в приют из второразрядного фильма ужасов. Чем больше я раздражался и разражался тирадами, тем убедительнее до-

---

[153] Примечания: 153

«Полет над гнездом кукушки» (1975) — знаменитый фильм Милоша Формана с Джеком Николсоном в главной роли, экранизация одноименного романа Кена Кизи (1962).

казывал, что нахожусь именно там, где мне и надлежит быть.

— Эт' лучший отель, где ты когда-либо останавливался, вот-те! — Зубы у этого ханурика были светло-коричневыми. Будь он лошадью, вы никогда не смогли бы его продать. — Пятизвездочный, по'ял? Кормят по часам, 'се тебе стирают. Занимайся чем хошь: хошь — крючком вышивай, хошь — в крокет поспевай. Ни тебе докучных счетов, ни тебе юнцов, гоняющих на твоем моторе. «Дом Авроры» — это песня! Просто соблюдай правила и перестань гладить против шерстки сестру Нокс. Так-то она тетка незлобивая.

— «Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости». — Уорлок-Уильямс посмотрел на меня так, словно услышал какую-то тарабарщину. — Солженицын.

— В «Бетвис» и мне, и Марджери всегда было неплохо. Но здесь-то, здесь! Вот в первую неделю я чувствовал совершенно, как прежде. Почти и не говорил-то ни с кем, а, миссис Бендинкс, полная труха, а?

— Полнейшая труха, мистер Уорлок-Уильямс!

— А вот теперь я как сыр в масле катаюсь! А?

Миссис Бендинкс улыбнулась, это было страш-

ное зрелище.

— Мы пришли сюда, чтобы помочь вам переориентироваться. Насколько я понимаю, вы занимались книгоизданием. Как ни печально, — она постучала себя пальцем по виску, — миссис Биркин теперь уже не так хорошо, как прежде, справляется с обязанностями секретаря на заседаниях нашего комитета. Прекрасная возможность для вас сразу же подключиться к этому делу.

— Я по-прежнему занимаюсь книгоизданием! Что, я выгляжу так, что мне здесь место? — Молчание было невыносимым. — Убирайтесь вон!

— Я разочарована. — Она посмотрела на лужайку, усыпанную листьями, на каждом из которых точечками обозначались экскременты гусениц. — Отныне «Дом Авроры» — это ваш мир, мистер Кавендиш.

Я чувствовал себя так, словно голова моя была пробкой, а в роли штопора выступала Гвендолин Бендинкс.

— Да, отныне вы в Доме Покоя. День настал. Ваше пребывание здесь может быть либо печальным, либо приятным. Но оно, ваше пребывание здесь, постоянно. Подумайте об этом, мистер Кавендиш.

Она постучала. Невидимые силы позволили

моим мучителям выйти, но захлопнули дверь перед самым моим носом.

Я обнаружил, что на протяжении всех переговоров моя ширинка была расстегнута и широко раскрыта.

Взгляни на свое будущее, Кавендиш, Идущий Следом. Ты не будешь подавать никаких заявлений с просьбой о вступлении, но племя престарелых и без того зачислит тебя в свои ряды. Твое время перестанет поспевать за временем остального мира. Из-за этой пробуксовки кожа твоя растянется и истончает, так что станут едва ли не видны дергающиеся органы и вены, похожие на голубые прожилки в рокфоре; скелет твой прогнется, волосы поредеют, а память выветрится. Выйти из дому ты осмелишься теперь только при дневном свете, избегая выходных и школьных каникул. Язык окружающих тоже убежит вперед, а твой, когда бы ты ни открыл рот, будет выдавать твою племенную принадлежность. Элегантные женщины не будут тебя замечать. Охранники магазинов не будут тебя замечать. Торговцы, если только они не продают подъемники для лестниц или поддельные страховые полисы, не будут тебя замечать. Твое существование будут признавать только младенцы, кошки и наркоманы. Так что

не растрачивай попусту своих дней. Быстрее, чем тебе представляется, будешь ты стоять перед зеркалом в доме престарелых, смотреть на свое тело и думать — старый пылесос, на пару недель запертый в чертов шкаф.

Бесполый автомат принес мне на подносе ланч: никого не пытаюсь оскорбить, но я действительно не мог сказать про него (нее), кто это был — он или она. У автомата были небольшие усики, но также и крошечные грудки. Я подумал — а не забить ли его до беспамятства и совершить бросок на свободу в духе Стива Маккуина,[154] но у меня не было другого оружия, кроме бруска мыла, и нечем было его/ее связать, кроме моего ремня.

На ланч была тепловатая баранья отбивная. Картофелины походили на крахмальные гранаты. Кружочки моркови из банки вызывали отвращение, потому что такова их природа.

— Послушайте, — молящим голосом обратился я к автомату, — принесите мне хотя бы немного горчицы.

---

[154] Примечания: 154

…бросок на свободу в духе Стива Маккуина… — Стив Маккуин (1930–1980) — популярный американский актер 1960-х гг.; в фильме Джона Стёрджеса «Большой побег» (1963) о побеге военнопленных из немецкого концлагеря совершает прыжок на мотоцикле через колючую проволоку.

Автомат не проявил никаких признаков понимания.

— Грубого помола, среднего — неважно. Я не привередлив. — Оно повернулось, чтобы уйти. — Стойте! Вы — понимаете — э-э — по-английски?

Оно ушло. Мой обед стал играть со мной в гляделки.

Моя стратегия была неверной с самого начала. Я пытался нахрапом вырваться из этого абсурда, но помещенным в лечебное заведение поступать так не следует. Рабовладельцы только рады задать как следует нелепому бунтарю в присутствии остальных. Во всей тюремной литературе, которую я читал, начиная от «Архипелага Гулаг» и вплоть до «Воспитания злом»[155] и «Удара кастетом», права добываются надувательством, а умножаются хитростью. Сопротивление узника только оправдывает на взгляд тюремщиков еще более жесткие условия заточения.

Теперь наступала пора вилять и петлять. Мне следовало получать хорошие отметки, чтобы улучшить условия проживания; мне следовало быть учтивым с Черной Нокс. Но когда я нани-

---

[155] Примечания: 155

«Воспитание злом» («An Evil Cradling») — выпущенная в 1992 г. книга ирландца Брайана Кинана о четырех с половиной годах, проведенных им в плену у бейрутских фундаменталистов-шиитов.

зывал холодные горошины на пластмассовую вилку, в черепе у меня взорвались несколько огненных шутих, и старый мир быстро исчез без следа.

Оризон Сонми-451

Историки грядущих поколений оценят ваше, Сонми-451, согласие сотрудничать с нами, мы же, архивисты, благодарим вас уже сейчас. Возможно, наша благодарность немногого стоит, но я постараюсь исполнить любое ваше последнее желание, если это окажется в пределах компетенции моего министерства. Вот, смотрите: это устройство, похожее на серебряное яйцо, называется оризоном. Оно записывает и ваше изображение, и ваши слова. Когда мы закончим, он поступит в архив Министерства архивации. Пожалуйста, помните, что это не допрос и не суд. Ваша версия правды — только это имеет сейчас значение.

Правда единственна. Все ее «версии» суть неправды.

…Хорошо. Обычно я начинаю с того, что прошу узников рассказать о самых ранних своих воспоминаниях, чтобы обеспечить контекст для корпократических историков будущего. Вы, кажется, растеряны?

У фабрикантов нет самых ранних воспомина-

ний, Архивист. Все двадцатичетырехчасовые циклы у Папы Сонга были так же одинаковы, как и блюда, которые мы подавали.

Тогда опишите, пожалуйста, тот мир, в котором вы пребывали.

Представьте себе герметичный купол, метров восемьдесят в поперечнике, — это ресторация, одна из многих, принадлежащих корпорации Папы Сонга. Служительницы проводят там по двенадцать лет, ни разу за все это время не смея выйти наружу. Купол украшен звездами, красными и желтыми полосами и восходящим солнцем. Температура там подстраивается под Внешний мир: зимой теплее, летом прохладнее. Ресторация, в которой я работала, находится на минус двенадцатом этаже под площадью Чхонмё-Плаза. Вместо окон в стены там вмонтированы РекЛ. У восточной стены расположен лифт — единственный туда вход и единственный выход. У северной стены расположены офис Смотрителя и помещения его Пособников, у южной — дортуар для прислуг. Гигиенеры для посетителей располагаются на северо-востоке, северо-западе, юго-востоке и юго-западе. В центре — Ось. Здесь посетители делают заказы, мы их вводим, снимаем с Душ стоимость, затем расставляем блюда

на подносы и доставляем выбранные блюда. Из Оси возносится Постамент Папы Сонга. С него Он потешает своих клиентов.

Потешает клиентов?

Да, всевозможными голографическими фокусами: поглощает пальцем стиролки с соком агавы, жонглирует огненными бургерами, чихает мотыльками. Дети просто обожают Его ласковое обхождение, Его, разумеется, любят и прислуги. Ни у кого из нас не было ни матери, ни отца — один только Папа Сонг, наш корпоративный Логоман.

А сколько человек служат в ресторации?

Примерно четырнадцать. Стандартная ресторация Папы Сонга нанимает одного чистокровного Смотрителя и двоих-троих Пособников; кроме того, в ней расквартировываются 12 прислуг: как правило, среди них по три представительницы четырех разных корневых типов. В первый мой год у нас служили три Хуа-Сун, три Юны, три Ма-Да-Лью и три Сонми. Этого состава достаточно, чтобы управляться с наплывом посетителей в часы пик. Рассадить за столики можно четыреста клиентов, но по вечерам девятых дней и на протяжении всех десятых с корпоративного

стадиона являлись такие толпы народу, что клиентам приходилось есть стоя.

Тогда почему бы не описать этот «цикл»?

Если желаете. В четыре тридцать стимулин в воздушном потоке пробуждает одну из прислуг, которая затем включает желтый свет подъема в нашем дортуаре. Мы одна за другой тянемся в гигиенер и парильню, надеваем свежую униформу и собираемся вокруг Оси вместе со Смотрителем и Пособниками. Папа Сонг появляется на Своем Постаменте для Заутрени, и мы хором пересказываем Шесть Катехизисов. Затем наш любимый Логоман произносит Свою Проповедь. За минуту до пяти мы заполняем свои кассы вокруг Оси, готовые к тому, чтобы лифт доставил первых потребителей. Следующие девятнадцать часов мы приветствуем обедающих, вводим заказы, разносим подносы с едой, подаем напитки, следим, чтобы не кончались приправы, вытираем столы, собираем в ведра мусор, чистим гигиенеры клиентов и умоляем досточтимых посетителей, чтобы они сняли со своих Душ стоимость заказанной ими еды на наших кассовых аппаратах.

Вы не отдыхаете?

«Отдыхать», Архивист, это привилегия чисто-

кровных. Для фабрикантов «отдых» явился бы кражей времени. До закрытия в ноль часов каждая минута должна быть посвящена служению Папе Сонгу и его обогащению. Тогда мы до половины первого вылизываем каждый сантиметр ресторации, потом собираемся вокруг Постамента, служится Вечерня, и мы отправляемся к себе в дортуар и принимаем по упаковке Мыла. В ноль сорок пять снотворное оказывает действие, и на четыре часа мы погружаемся в забытье, после чего снова вспыхивает желтый свет, возвещая подъем и очередную рабочую смену.

Это правда, что фабрикантам снятся сны, в точности как нам?

Да, Архивист, мы на самом деле видим сны. Я, бывало, часто видела сны о Гавайях, омываемых бирюзовыми волнами, о жизни на Экзальтации, о похвале от Папы Сонга… ну и, разумеется, о своих сестрах, посетителях, Смотрителе Ли и Пособниках. У нас случаются и кошмары: о злобных клиентах, заторе в пищевых трубах и потере ошейников. О том позоре, когда тебя лишают звезды.

А что вам снится здесь, в тюрьме?

Странные города, какие-то гонки по черно-

белым землям, моя предстоящая казнь в Доме Света… А за мгновение до того, как меня разбудил охранник, чтобы ввести сюда вас, мне снился Хэ-Чжу Им. И у Папы Сонга, и в этой камере мои дни и ночи подчиняются строгому распорядку, и сны — это единственный непредсказуемый фактор. Никто мне их не назначает, никто не подвергает цензуре. Сны — единственное, что мне когда-либо по-настоящему принадлежало.

Прислуги — невознесенные прислуги, я имею в виду, — никогда не задумываются о жизни за пределами своего купола? Не полагали ли вы, что ваша ресторация и есть весь космос?

О, интеллект наш не настолько груб, чтобы мы не могли думать о внешнем мире. Помню, на Заутрене Папа Сонг показывает нам картинки Экзальтации и Гавайев, и РекЛ внедряет нам в сознание образы космологии за пределами нашей раздаточной. Более того, мы знаем, что и обедающие, и та еда, что мы подаем, являются откуда-то извне нашего купола. Но это правда, мы редко задумываемся о жизни на поверхности. Кроме того, в Мыле содержатся амнезиды, разработанные для подавления любопытства.

Значит, вам никогда не хотелось войти в лифт

и просто… ну, пойти и посмотреть?

До чего же, Архивист, ваши вопросы обличают в вас чистокровного! Ни один лифт не двинется с места, если внутри не имеется Души.

Справедливое замечание… А имелось ли у вас чувство времени? Будущего?

Папа Сонг возглашает обедающим проходящие часы, так что я замечала время дня, хотя и смутно. А насчет будущего… его я воспринимала так, как это предписывается Шестым Катехизисом.

Который гласит?..

«Один год — одна звезда, двенадцать звезд — Экзальтация!» Мы осознавали проходящие годы благодаря звездочкам, ежегодно добавляемым на наши ошейники, и Звездной Проповеди на Новогодней Заутрене. У нас было лишь одно долгосрочное будущее: Экзальтация.

Не могли бы вы описать эту ежегодную церемонию «Звездной Проповеди»?

После Заутрени Первого Дня Смотритель Ли обычно прикалывал звездочку к ошейнику каждой прислуги. Наши Двенадцатизвездочные сестры преклоняли колени, становясь похожими на знак доллара, а затем лифт забирал этих счастливиц для доставки их к Золотому Ковче-

гу Папы Сонга. Для исходящих это дело одного мгновения; для остающихся же оно всегда сопряжено с глубокой завистью. Позже по З-мерке мы видели, как улыбаются Сонми, Юны, Ма-Да-Лью и Хуа-Сун, садясь на корабль до Гавайев, прибывая на Экзальтацию и наконец преобразуясь в хорошо одетых потребительниц: ошейников у них больше не было, и они показывали нам вставленные в их пальцы топазовые Души. Мы дивились их бутикам, аллеям, обеденным залам; нефритовым морям, розовым небесам, полевым цветам; кружевам, коттеджам, бабочкам; хотя мы и не смогли бы поименовать все эти чудеса. Какими счастливыми выглядели наши сестры! Они воздавали хвалу доброте Папы Сонга; убеждали нас отрабатывать Инвестицию; прилежанием заслуживать новые звездочки и как можно скорее воссоединиться с ними на Экзальтации.

«Как можно скорее»? Я полагал, срок вашего служения определен в двенадцать лет, разве не так?

Если служительница доносит об отклонениях в поведении кого-либо из сестер, ее награждают одной звездочкой, снятой с ошейника нарушительницы. Лишиться звездочки… это мощный сдерживающий фактор! Я такое видела лишь

однажды.

Ах да, пресловутая Юна-939. Вы хорошо ее помните?

Разумеется, ведь я знала Юну-939 лучше любой другой фабрикантки: некоторые чистокровные больше, чем я, знают о ее нервно-химической истории, но, возможно, эти индивидуумы будут названы позже. Первое мое впечатление было отрицательным. Когда я пробудилась у Папы Сонга, мне показалось, что Ма-Да-Лью запугивают новеньких, Хуа-Сун склонны помыкать нами, а Юны выглядели отчужденными и угрюмыми, и Юна-939 не была исключением. Мне хотелось работать вместе с другой Сонми, однако Смотритель Ли назначил меня в кассу Юны-939: он считал, что разнообразие корневых типов вокруг Оси весьма приятно с эстетической точки зрения. В тот год у Юны-939 было десять звездочек. Мы и работали с нею бок о бок, и койки наши в дортуаре стояли рядом.

К исходу первой своей десятидневки я убедилась, что ее отчужденность на самом деле была осторожностью. В ее глазах цвета слоновой кости сквозила отнюдь не угрюмость, но тонкое достоинство. Черты ее внутреннего характера меня привлекали, и она ответила взаимностью

на мое желание дружеских отношений. Она расшифровывала заказы пьяных клиентов и предупреждала меня о брюзгливых инспекциях Смотрителя Ли. Удерживаться на плаву у Папы Сонга так долго, как оно вышло, мне удалось во многом благодаря урокам, которые преподала мне Юна-939, сознательно или нет.

Это «тонкое достоинство», о котором вы упомянули, — было ли оно результатом ее вознесения?

Исследовательские заметки аспиранта Бум-Сука были столь скудными и хаотичными, что я не могу с определенностью сказать, когда именно был запущен эксперимент по вознесению Юны-939. Однако считаю, что вознесение всего лишь высвобождает то, что подавляет Мыло, включая проявление врожденных личностных качеств, свойственных каждой фабрикантке. Никаких изначально отсутствовавших черт при этом не имплантируется. Как бы усердно чистокровные ни убеждали себя в обратном, сознания фабрикантов в огромной мере отличаются между собой, пусть даже их тела и лица полностью идентичны.

«Как бы усердно ни пытались убедить себя

чистокровные в обратном»? Что вы имеете в виду?

Порабощение индивидуума тревожит вашу совесть, Архивист, но порабощение клона беспокоит с этической точки зрения не больше, чем обладание шестиколесным фордом последней модели. Поскольку вы не можете разглядеть различий между нами, то считаете, что их и нет. Но не впадайте в это заблуждение: даже однокоренные фабрикантки из одной и той же маточной цистерны так же своеобразны, как снежинки.

Тогда я поправлюсь. Когда отклонения — возможно, мне следует назвать их особенностями — Юны-939 стали для вас очевидными?

Увы, трудно отвечать на вопросы типа «когда?», если живешь в мире без календарей или настоящих окон, на двенадцатом подземном этаже. Может быть, на шестом месяце первого своего года я осознала, что у Юны-939 необычная речь.

Необычная?

Во-первых, она начала говорить больше: во время затиший у нашей кассы; когда мы чистили гигиенеры клиентов; даже когда принимали Мыло в дортуаре. Это нас забавляло, даже сдержанных Ма-Да-Лью. Во-вторых, речь Юны с

течением времени становилась все более сложной. Ориентация учит нас лексикону, который необходим для работы, но Мыло стирает излишние слова, которые мы усваиваем позже. Так что для нашего слуха высказывания Юны были наполнены шумами, лишенными значения. В общем, она говорила как чистокровная. В-третьих, ей доставлял удовольствие юмор: она напевала Псалом Папы в абсурдных вариациях; в дортуаре, когда пособники отсутствовали, она изображала такие повадки чистокровных, как зевота, чихание или отрыжка. Ей доставляло удовольствие меня смешить. Юмор — это анархическое кощунство, и тираны не зря его страшатся.

А когда Юна-939 на деле отступилась от какого-нибудь Катехизиса публично?

Во время девятого месяца Юна нарушила Пятый Катехизис. Он запрещает прислуге обращаться к посетителю, если тот не побуждает к такому поступку. Как-то раз потребители, мать с маленьким сыном, заказали дудлики из водорослей, но воронка трубы доставки была забита до отказа, и Юна умоляла их подождать. Мальчику скоро наскучило ждать, и он стал приставать к матери с расспросами, почему некоторые из прислуг выглядят совершенно одинаково. Та объясни-

ла ему, что нас выращивали в одной и той же маточной цистерне, как редиску в его биологическом классе. Тогда он стал допытываться, в какой маточной цистерне вырастили его самого. Две соломинки, осведомилась его мать, слегка покраснев, или три? Но мальчик не отставал: кто присматривает за малышами фабриканток, пока они здесь работают? У фабриканток детей не бывает, ответила мать, потому что они их не хотят. Мальчик призадумался, а потом спросил: что, тетя Ай-Сук тоже фабрикантка?

Мать сказала, что фабрикантки не беспокоятся ни о долларах, ни о тестах, ни о положении в обществе — повышается оно или понижается, — ни о страховке, ни о квотах на рождение. Указывая на нас с Юной, она заявила: эти счастливицы-клоны трудятся всего лишь двенадцать лет, а потом отправляются в рай на Гавайях. Вот почему прислуги всегда улыбаются.

— Что за хрень вы несете, мадам! — сказала Юна.

Она сказала такое потребительнице?! Что же сделала та женщина?

Ее изумление, Архивист, было так же сильно, как и ваше. Ошеломленная, она решила удостовериться, действительно ли Юна обращалась

именно к ней.

— К вам, мадам, к вам, — не унималась Юна. — Сами работайте у этой Оси по девятнадцать часов в день, по десять дней в неделю, сами пресмыкайтесь перед Смотрителем, Пособниками и Логоманом, сами повинуйтесь всем Катехизисам! Отдайте этому двенадцать лет своей жизни, вот тогда и говорите мне, что фабриканты — самый счастливый слой в Государстве! Мы улыбаемся, потому что созданы такими по геному. Вы называете нас счастливицами? Да я хоть сейчас покончила бы с собой, не будь все ножи в этой тюрьме пластиковыми! Так-то, мадам.

Мальчик, вытаращив глаза, не отрывал взгляда от Юны-939, потом разрыдался.

Мать схватила сына в охапку и бросилась к выходу.

Почему же она не сообщила об отклонениях в поведении Юны-939 — ни тогда, ни впоследствии?

Может, та женщина просто онемела от потрясения; может, была скрытой аболиционисткой; может, она и подала жалобу, но Единодушие не дало ей хода, чтобы не помешать эксперименту. Точного ответа я никогда не узнаю.

А других свидетелей этого проступка не было?

Третьей сестрой, обслуживавшей западный сектор, была Ма-Да-Лью-801. Она «ненавидела» Юну-939 за дружбу с новенькой. Она вообще была злобной. О выходке Юны она не донесла, но я успела уловить выражение коварства на ее лице. Я умоляла свою подругу быть осторожнее, но ей было все равно.

Насколько мне известно, фабрикантки испытывают затруднения при составлении оригинального предложения из пяти слов. Как могла Юна — или вы, это то же самое — обрести такое вербальное проворство в столь герметичном мире, даже при растущем «ай-кью»?[156]

Возносящаяся фабриканта с такой же жадностью поглощает язык, как сухая почва впитывает воду, и это несмотря на все амнезиды. Во время своего вознесения я часто бывала потрясена, когда с моих собственных уст слетали новые, неведомые мне слова, подобранные от клиентов, Смотрителя Ли и самого Папы Сонга. Учтите, Архивист: Юна не была обычной прислугой, а ресторация не является таким уж герметичным

---

[156] Примечания: 156

«Ай-кью» (IQ) — коэффициент интеллекта; равняется ста, если измеренное тестами умственное развитие соответствует физическому

миром: в каждой тюрьме есть узники и стены. Узники — капиллярные сосуды, которые сосут влагу из стен.

Более метафизический вопрос: в те прежние дни вы были счастливы?

Вы имеете в виду, до вознесения? Если под счастьем вы подразумеваете отсутствие несчастья, то я и все фабрикантки являются самым счастливым общественным слоем в корпократии, как на том и настаивают геномисты. Однако если счастье означает преодоление несчастья, или чувство осмысленности жизни, или осуществление человеческой воли к власти, то, безусловно, из всех рабов Ни-Со-Копроса мы самые жалкие. Я могу вынести нудную и тяжелую работу, но удовольствия она мне доставляет не больше, чем вам.

«Рабов», говорите? Даже дети-потребители знают, что самое слово «раб» уничтожено во всем Ни-Со-Копросе!

Корпократия построена на рабстве, вне зависимости от того, санкционировано это слово или нет. Архивист, я не хочу вас обидеть, но ваша молодость — она обеспечена таблетками свежести или подлинна? Я в недоумении. Почему мое

дело было поручено такому, по всей видимости, неопытному корпократу?

Никаких обид, Сонми. Я сама беспринципность — и притом беспринципность, не омоложенная таблетками свежести, нет, мне еще не исполнилось и тридцати. Чиновные министерства Единодушия настаивали, что вы, будучи еретичкой, не можете предложить архивам корпократии ничего, кроме подстрекательств и кощунств. Но вот геномисты, для которых, как вам известно, вы являетесь чашей Грааля, нажали на рычаги в Чучхе, чтобы воспользоваться Правилом 54.iii — правом на архивацию — вопреки желаниям Единодушия, но они не учли, что старшие архивисты наблюдали за вашим процессом и нашли ваше дело чересчур опасным, чтобы подвергать риску свои репутации — и пенсии, — связываясь с ним. Я, с другой стороны, нахожусь всего лишь в восьмом слое своего невлиятельного министерства, но когда подал прошение, чтобы оризонировать ваши показания, то и глазом моргнуть не успел, как мне было дано одобрение. Друзья сказали мне, что я спятил. Ваш исповедник вам исповедовался.

Стало быть, вся ваша карьера будет зависеть от этого интервью?

…По сути, да.

После такой непомерной двуличности, что довелось наблюдать у тех, кто допрашивал меня прежде, ваша откровенность очень радует.

Двуличный архивист, на мой взгляд, не принес бы большой пользы будущим историкам. Не могли бы вы рассказать мне кое-что еще о Смотрителе Ли? Он играл большую роль в вашей жизни у Папы Сонга, а на суде его дневник обернулся тяжким свидетельством против вас. Какого рода смотрителем он был?

Бедняга Ли был человеком корпократии, до мозга костей, но он давно пережил ту пору, когда смотрителей продвигают к власти. Подобно многим из чистокровных этой умирающей корпократии, он упорствовал в вере, что усердной работы и безупречной репутации достаточно, чтобы достичь высокого положения, поэтому многие ночи он проводил в своем кабинете на обеденном этаже, желая произвести впечатление на корпоративную иерархию. В итоге: заплечных дел мастер для своих фабрикантов, подхалим для своего верхнего слоя — и угодник для всех, кто наставлял ему рога. Он, видите ли, надеялся, что они вытащат его из мрака по мере того, как сами будут продвигаться из слоя в слой.

Наставлял ему рога? Так вы сказали?

Да. Смотрителя Ли следует рассматривать неотрывно от его жены. Миссис Ли продала свою детскую квоту в самом начале их брака, сделала хитроумные вложения и использовала своего мужа в качестве долларового вымени. Согласно сплетне, ходившей среди его пособников, большую часть жалованья нашего Смотрителя она тратила на лицеправов, на пластические преобразования. Разумеется, в свои семьдесят с лишним она могла сойти за тридцатилетнюю. Время от времени миссис Ли наведывалась на обеденный этаж устроить смотр самым свежим мужчинам-Пособникам, добавляет сплетня. Любой, кто пренебрег бы ее заигрываниями, мог ожидать назначения в самую мрачную тьмутаракань, в унылейшую Маньчжурию. Но почему она никогда не использовала своего явного корпократического влияния для продвижения Смотрителя Ли по службе — это тайна, до разрешения которой мне теперь не суждено дожить.

Но почему Смотритель Ли терпел это… бесконечное унижение?

Во-первых, его жена источала очарование на корпоративных вечеринках, возмещая отсутствие такового у Смотрителя. Во-вторых, никто

из членов правления никогда не разводился. В-третьих, ему не оставалось ничего другого.

Не согласитесь ли вы, что дурная слава Юны-939 должна была жесточайшим образом угрожать «безупречной репутации» Смотрителя?

Безусловно. Прислуга обеденного зала, ведущая себя как чистокровная, означает неприятности; неприятности означают вину; вина требует козла отпущения. Когда Смотритель Ли заметил отклонения Юны от Катехизиса, он решил обойтись без такого приема, как лишение звездочки, и потребовал от корпоративного медика обследовать ее на предмет переориентации. Эта тактическая ошибка объясняет тусклую карьеру Смотрителя. Юна-939 изобразила полное соответствие своему геному, и навещавший ее медик дал ей благоприятный отзыв. Он всего лишь предписал добавлять ей в Мыло по пять миллиграммов амнезидов. Поэтому Смотритель Ли не мог наложить на Юну дисциплинарного взыскания без того, чтобы это не вызвало критики со стороны старшего корпоративного медика.

Когда Юна-939 впервые попыталась заставить вас соучаствовать в ее преступлениях?

Думаю, впервые это было, когда в один из вяло-

текущих часов в кассе она объясняла мне вновь найденное слово, «тайна». Мысль о владении информацией, которой никто другой, даже Папа Сонг, не владеет, была выше моего понимания, так что, когда мы улеглись на свои койки, моя сестра по кассе обещала показать мне то, чего не могла объяснить.

В следующий раз я пробудилась не от желтого сигнала подъема, но из-за того, что меня в почти полной темноте расталкивала Юна. Наши сестры были погружены в сон, они лежали совершенно неподвижно, если не считать едва заметных спазмов. Юна, словно Смотритель, приказала мне следовать за ней. Я противилась, мне было страшно. Она велела мне не бояться — мол, она хочет показать мне, что значит тайна, — и повела меня в купол. Непривычная тишина, царившая в нем, испугала меня еще больше: любимые красные и желтые цвета в комендантский час были жуткими, серыми и коричневыми. Постамент Папы Сонга выглядел совершенно безжизненным. Из кабинета Смотрителя Ли сквозь приоткрытую дверь просачивалась тонкая полоска света. Юна толчком распахнула ее, и вот тогда-то я узнала, что каждая тайна заключает в себе ужас ее раскрытия.

Наш Смотритель сидел за столом, грузно уронив на него голову. Слюна, стекая по подбородку, склеивала его с выключенным сони, веки подрагивали, а в глотке метался булькающий звук. Каждую десятую ночь, сказала мне Юна, он имеет обыкновение принимать Мыло и спать ночь напролет, до самого желтого подъема. Как вы знаете, Мыло воздействует на чистокровных сильнее, чем на нас, и в доказательство этого моя сестра пнула его безответное тело. Ужас, испытанный мной при таком кощунстве, Юна нашла всего лишь забавным.

— Делай с ним все, что пожелаешь, — так, помнится, она мне сказала — Он прожил среди фабрикантов так долго, что стал почти таким же, как мы.

Потом она сказала, что покажет мне еще большую тайну. Юна выдвинула ящик стола Ли, извлекла оттуда крошечный серебристый ключ и повела меня в северный квартал купола. Между лифтом и самым северным гигиенером она велела мне обследовать стену. Я ничего не увидела.

— Смотри снова, — настаивала она, — смотри как следует.

На этот раз я заметила пятнышко и крохотную щелку. Пятнышко оказалось замочной скважи-

ной. Юна дала мне ключ, я его вставила, и щелка превратилась в четырехугольник: перед нами распахнулась дверь. Пыльная тьма не давала никакого намека на то, что в ней кроется. Юна взяла меня за руку; я колебалась. Если хождение по обеденному этажу во время комчаса не было проступком, влекущим за собой лишение звездочки, то вхождение в незнакомые двери таковым, разумеется, являлось. Но воля моей сестры была сильнее моей. Она потянула меня внутрь, закрыла за нами дверь и шепнула:

— Теперь, дорогая сестра Сонми, ты внутри тайны.

В темноте скользнуло белое лезвие: чудесный движущийся нож, который придавал форму душной пустоте. Я различила узкую кладовку, забитую стульями, пластиковыми растениями, куртками, веерами, шляпами, выгоревшим солнцем, множеством зонтов; увидела лицо Юны, свои руки. Сердце мое часто билось.

— Что это за нож? — спросила я.

— Всего лишь свет, фонарь, — ответила Юна.

Я спросила:

— А что, свет живой?

Юна ответила:

— Свет и есть жизнь.

Какой-то клиент оставил фонарь на сиденье, объяснила она, но Юна не отдала его нашему пособнику, а спрятала здесь. Это признание поразило меня сильнее всего.

Почему же?

Третий Катехизис учит нас, что обладать чем-либо, даже мыслями, означает для прислуг отрицание любви Папы Сонга, выраженной в Его Инвестиции. Я подумала — соблюдает ли еще Юна-939 хоть какой-либо Катехизис? Но опасения, пусть и самые мрачные, вскоре были отодвинуты на задний план сокровищами, что показала мне Юна: то была коробка с непарными сережками, браслетами и бусами. Она водрузила себе на голову тиару с изумрудами, обвила мне шею нитью жемчужин, похожих на ягодки голубики. Исключительное чувство облачения в вещи чистокровных возобладало над моим страхом быть обнаруженной. Я спросила у Юны, как она обнаружила эту потайную комнату.

— Это все любопытство, — ответила она.

Этого слова я не знала.

— Что такое любопытство? Фонарь или ключ?

— И то и другое.

А потом она показала мне самое замечательное из своих сокровищ.

— Здесь, — с благоговением сказала она, — показан мир снаружи — такой, какой он есть.

Это была книга, книга с картинками.

В наши дни таких немного.

В самом деле. Юна по ошибке приняла ее за поломанный сони, ведь картинки не двигались, потому-то, решила она, ее владелец от нее и отказался.

А что, Юна и читать умела, как чистокровная? Так же хорошо, как говорила?

Я задала ей тот же вопрос; она с горечью сказала, что нет. Но мы разглядывали картинки. На одной из них изображалась освещенная свечами зала, полная чистокровных, одетых в великолепные платья и мерцающие костюмы. Я была зачарована.

В той книге было много картинок. Вы должны представить себе, с каким священным ужасом смотрели мы на смуглую прислугу, ухаживающую за тремя уродливыми сестрами; на белую ведьму, осыпающую себя звездами и превращающуюся в даму, похожую на миссис Ли; на статного чистокровного, саблей расчищающего себе путь через лес; на семерых оцепенелых фабрикантов, идущих вослед сияющей деве с причудливыми

ножами в руках; на дом, выстроенный из леденцов; на морского конька, расчесывающего волосы русалке. На замки, зеркала, драконов. Конечно, большинство из этих предметов мы тогда не могли идентифицировать. Не забывайте, я, будучи прислугой, не знала всех этих слов, как и большинство других, которые использую в этом свидетельстве. Юна сказала мне, что РекЛ и 3-мерка показывают нам лишь тусклый отблеск мира по ту сторону лифта: его подлинное воплощение содержит в себе чудеса, превосходящие даже Экзальтацию.

Столь многие странности, увиденные в течение одного лишь комчаса, вскружили мне голову, отравили разум. Сестра посветила фонарем на ролекс и сказала, что мы должны вернуться в койки до сигнала подъема, но обещала взять меня внутрь своей тайны в следующий раз.

И сколько же было этих «следующих разов»?

Около десяти или пятнадцати. Когда Юна будила меня и приглашала в свою потайную комнату, я давала себе слово, что иду туда в последний раз. И всякий раз была очарована новыми чудесами. Ближе к зиме Юна-939 стала напоминать себя прежнюю, оживленную, только во время наших визитов в тайную комнату. Перелистывая свою

книгу с картинками внешнего мира, она озвучивала сомнения, которые поколебали даже мою собственную любовь к Папе Сонгу и безграничную веру в корпократию.

В каком же виде выражались эти сомнения?

Как мог Папа Сонг одновременно стоять на Своем Постаменте в Раздаточной Чхонмё-Плаза и прогуливаться по пляжам Экзальтации вместе с нашими сестрами, получившими Души? Почему фабриканты рождались в долг, но чистокровные нет? Кто решил, что Инвестиция Папы Сонга должна искупаться двенадцать лет? Почему не одиннадцать? Не шесть? Не один?

И как же вы воспринимали столь кощунственную гордыню?

Я умоляла Юну все это прекратить или, по крайней мере, притворяться нормальной в ресторации: понимаете ли, в те дни я была хорошо ориентированной прислугой, а не злодейкой, не угрозой цивилизации, как теперь. Более того, я боялась лишиться звездочек из-за неспособности донести на Юну Смотрителю Ли. Видите ли, сомневаться так, как она, значило обвинять Папу Сонга в чудовищном обмане. Юна призналась мне в том, что она сделала как раз в ночь, когда

чуть позже показала мне свою тайну. Она встала перед Его Постаментом и произнесла: «Лжец». Просто чтобы посмотреть, что вслед за этим случится.

— И ничего не случилось, — сказала Юна, — решительно ничего. Так что вот думаю: присутствует ли там вообще наш Логоман?

Я читала Катехизисы усерднее, чем когда-либо; молила Папу Сонга исцелить мою подругу. Все тщетно: ее отклонения не уменьшались, но с каждым днем становились все более вопиющими. Вскоре даже Смотрителю Ли следовало бы задуматься о решительных действиях. Вытирая столы, Юна открыто смотрела РекЛ. Наши сестры чувствовали, что она совершает проступки, и избегали ее. Однажды ночью Юна сказала мне, что хочет покинуть обеденный этаж и никогда туда не возвращаться. Она сказала, что мне тоже надо уйти, поскольку чистокровные заставляют фабриканток работать в куполах, чтобы самим, не делясь, наслаждаться прекрасными местами, которые показывает ее книга, ее «сломанный сони».

В ответ я произнесла Шестой Катехизис, я сказала, что никогда не совершу такого злонравного выпада против Папы Сонга и Его Инвестиции.

Реакция Юны-939 была злобной. Да, Архивист, злобной. Она обозвала меня дурой и трусихой, сказала, что я ничуть не лучше всех остальных клонов.

Две лишенные Душ фабрикантки, без всякой помощи бегущие от своей корпорации? Единодушие поймало бы вас в пять минут.

Но откуда Юне было об этом знать? Ее «сломанный сони» обещал мир затерянных лесов, окутанных туманом гор и укромных мест. По ошибке принять книгу сказок за Ни-Со-Копрос — для вас, чистокровного, это может показаться смехотворным, но постоянное заточение наделяет правдоподобием любой мираж, обещающий избавление. Вознесение же обеспечивает такую жажду нового, которая на время лишает тебя здравого рассудка. В потребителях такое состояние именуется хронической депрессией. Юна дошла до этого уровня к началу моей первой зимы, когда посетители стали отряхивать со своих найков снег и нам регулярно приходилось швабрить полы. К тому времени она перестала со мной общаться, так что пребывала в полнейшей изоляции.

Вы хотите сказать, что Злодейство Юны-939

было вызвано умственным расстройством?

Да, я это подчеркиваю. Умственным расстройством, обусловленным ошибкой эксперимента.

Что-нибудь послужило к этому толчком, или это было… как гром с ясного неба?

Отклонение неизбежно вызывается каким-нибудь толчком. Во время Новогоднего Секстета, когда каждый день приходится обслуживать праздничные толпы, к Оси подошел Смотритель Ли и выговорил Юне за невыразительные приветствия. Он приказал ей пятьдесят раз прочесть приветствие Папы Сонга: «Здравствуйте! Я, Юна, рада вас обслужить! Просмотрите меню, разместите заказ! Все блюда Папы Сонга аппетитны, восхитительны — пальчики оближете!»

Смотритель дождался, пока Юна произнесет это сорок пять раз, а потом велел начать все сначала.

— То, что ты — клон из инкубатора и лишена Души, не оправдывает изъянов в поведении. Если еще раз нарушишь Четвертый Катехизис, я отправлю тебя на переориентацию в удобрения!

Я опасалась, что Юна совершит какой-нибудь проступок и лишится звездочки, но она, к удовлетворению Смотрителя Ли, пятьдесят раз прочла это приветствие; только я понимала, каких уси-

лий ей это стоило. Смотритель отправился в свой офис, довольный тем, какое впечатление оказал его авторитет на посетителей.

— Лучше уж быть клоном без Души, — холодно сказала Юна ему вослед, — чем тараканом с Душой.

Я молилась Папе Сонгу, чтобы никто больше ее не услышал; к кому еще обратить свои мольбы, мне было неведомо. Но с чего бы Ему помогать моей неблагодарной сестре? Потом я увидела, как Ма-Да-Лью-108 что-то шепчет Пособнику Чо. Пособник увел Ма-Да-Лью-108 в офис Смотрителя Ли.

Я чувствовала, что должно произойти что-то очень нехорошее.

Вы поделились с Юной-939 своими опасениями?

Вознесение моей сестры зашло так далеко, что она больше не чувствовала себя принадлежащей к более низкому слою, нежели Смотритель Ли. Той ночью, после последнего Катехизиса, наш Смотритель угрюмо подошел к Оси. Одна из нас посмела опорочить его мундир, заявил он. Достанет ли у нее мужества признаться в своем злодеянии?

Он остановился напротив Юны.

— Ну а кто же вы, как не таракан, — начала

Юна. — Сами подумайте. Это объясняет, почему вы едите Мыло: тараканы едят что угодно. Объясняет и то, почему вы противны вашей жене и Пособникам: тараканы — твари отталкивающие. Объясняет вашу манеру трусливо удирать и то, почему у вас лоснится кожа: тараканы всегда бросаются врассыпную, и все они лоснятся.

Мы, прислуги, не верили своим ушам.

Смотритель Ли, щелкнул замком, открыл свой портфель.

— Мне все ясно, — сказал он, вытаскивая книгу о Внешнем мире. Одну за другой он стал вырывать из нее картинки. — Смотри, какой ущерб, — треск вырываемой страницы, — может причинить таракан, — треск, — твоим тайнам, — треск, — твоим сокровищам, — треск, — твоим тайнам.

Юна-939 ухватилась за книгу, но Смотритель Ли был крупным мужчиной. Он зажал голову моей подруги у себя под мышкой и стал колотить ее о постамент, раз за разом, пока она не обмякла, лишившись чувств. Бросив ее на пол, избивал ее ногами, пока не остановился, утомленный тяжким трудом. Юна лежала раздавленная, окровавленная, ее было почти не узнать.

— Смотрите на нее! — задыхаясь, прорычал он нам, съежившимся от ужаса фабрикант-

кам. — Вот что случается с клонами, у которых возникают идеи не по чину. Знаете, что первым делом произойдет завтра утром? Эту уклонистку отправят на переориентацию!

Нагнувшись, Смотритель Ли уперся ногой в лицо Юны и сорвал с нее ошейник. Штрих-код, разумеется, остался у нее в трахее. Пальцы Ли были вымазаны в крови и опутаны плевой. Ничего не говоря, он вставил одну замызганную звездочку в ошейник Ма-Да-Лью. Потом растоптал девять звездочек, означавших девять лет труда Юны, растер их каблуком своего найка.

Получив награду, Ма-Да-Лью отнюдь не выглядела счастливой. Как же все это не походило на веселую Звездную Церемонию! Пособник Чо приказал двум Хван-Су оттащить бесчувственное тело моей подруги в дортуар. Мне велели вытереть с пола ее кровь.

Имеют ли право Смотрители безнаказанно причинять подобный ущерб корпоративной собственности?

Теоретически Смотрители могут поступать с фабрикантками, как сочтут нужным. На практике же такая порча прислуги ухудшила положение Ли в иерархии. Ведь он вывел Юну-939 из строя в самое напряженное время в году. Медики были

недоступны. Организовать транспортировку на переориентацию в течение Новогоднего Секстета не представлялось возможным. Она без сознания лежала на своей койке, и ее через капельницу подкармливали Мылом.

Но злодейство, совершенное Юной-939 накануне Нового года, намного превосходит все то, что случилось с ней самой. Не опишете ли вы тогдашние события со своей точки зрения?

Я вытирала столы на приподнятом ободе своего сектора, так что у меня был ясный вид на восточную сторону. Пособник Чо работал у Оси, замещая нашу выведенную из строя сестру. В разгаре была детская вечеринка. Воздушные шары, ленты и шляпки загораживали площадку вокруг лифта. Попсонги и шум, производимый пятью с лишним сотнями посетителей, отдавались под куполом. Папа Сонг бумерангом запускал 3-мерные огненные эклеры над головами детей: они проходили у них сквозь пальцы и, трепыхаясь, летели обратно, чтобы приземлиться на змеином языке нашего Логомана. Я думала о Юне-939: боялась, что она может решить, будто это я ее выдала. Неожиданно дверь дортуара открылась, и появилась распухшая, покрытая синяками Юна-939.

Она заковыляла к собравшимся на восточной

стороне. Я понимала, что именно она собирается сделать. Несмотря на ее внушающее тревогу состояние, лишь немногие из посетителей оторвались от своих тарелок, сони или РекЛ, чтобы удостоить ее мимолетным взглядом: вряд ли кто-нибудь из них почувствовал опасность. Когда Юна взяла на руки мальчика-детсадовца, те, что стояли рядом, предположили, что она — просто еще одна служанка-фабрикантка, изувеченная своей хозяйкой.

В Масс-медиа сообщалось, что Юна-939 похитила ребенка, чтобы использовать его на поверхности в качестве чистокровного щита.

В Масс-медиа о «злодействе» сообщалось в точности так, как предписывалось Единодушием. Юна взяла мальчика в лифт, потому что каким-то образом узнала об этой основной предосторожности, предпринятой корпократией: лифты не функционируют, если внутри нет Души. Риск быть замеченной в лифте, полном потребителей, был слишком велик, поэтому Юна сочла, что главная ее надежда — в том, чтобы одолжить ребенка и, используя его Душу, при помощи лифта достичь свободы.

Видите ли, Архивист, книга о Внешнем мире была собранием сказок, а не пособием для тер-

ристов. Юна и в самом деле верила, что лифт доставит ее в волшебное царство, изображенное на тех картинках. Оказавшись на поверхности, она намеревалась затеряться среди потайных полян и бархатистых холмов. А мальчика вернула бы в лифт и не стала бы требовать за него выкуп, не использовала бы его в качестве щита и не съела бы его с потрохами, выплюнув косточки.

По-видимому, вы вполне уверены в этом утверждении.

Если мой опыт не дает мне права быть уверенной, то тогда чей же? Излагать последовавшие события не требуется.

Тем не менее опишите, пожалуйста, Злодейство Юны-939, как оно вам представляется.

Хорошо. Мать ребенка увидела своего сына в руках Юны, когда двери лифта закрывались. Она завопила:

— Моего мальчика забрал клон!

Началась цепная реакция истерии. Швыряли подносы, проливали коктейли, роняли сони. Некоторые из обедавших вообразили, что вышли из строя амортизаторы подземных толчков, и нырнули под столы. Свободный от дежурства принудитель расчехлил свой кольт, пробился в

самую гущу суматохи и взревел, требуя спокойствия. Он выпалил звуковым патроном (чего в закрытых помещениях делать не рекомендуется), заставив многих поверить, будто потребителей обстреливают террористы.

Я увидела, помню, как Смотритель Ли вышел из своего кабинета, поскользнулся на разлитой выпивке и исчез под валом потребителей, которые теперь в панике бросились к лифту. В этой давке многие были ранены. Все это время Папа Сонг покачивался в ленивых волнах из лапши на Своем Постаменте.

Пособник Чо вопил в свой ручной сони: я не знаю, кому и что.

Под куполом рикошетировали слухи: какая-то Юна похитила мальчика, нет, младенца; нет, чистокровный похитил Юну; принудитель застрелил мальчика; нет, фабрикантка застрелила принудителя; нет, какая-то Юна ударила Смотрителя, видите, из носа у него течет кровь.

Потом кто-то крикнул, что лифт спускается, и тишина охватила весь этаж ресторации с той же быстротой, как минуту назад — паника.

Принудитель заорал, чтобы ему расчистили место, присел на корточки и прицелился в дверь. Давка среди потребителей прекратилась в одно

мгновение.

Лифт достиг этажа ресторации, и его двери открылись.

Мальчик дрожал, забившись в угол. Его матросский костюмчик больше не был белым. Может быть, последним моим воспоминанием в Доме Света будет тело Юны-939, обращенное пулями в кровавое месиво.

Этот образ, Сонми, прожег память и каждому чистокровному. Когда в ту ночь я добрался домой, мои соседи по дортуару не могли оторваться от сони. Половина Новогодних празднеств Ни-Со-Копроса была отменена, другая половина — явно смазана. В Масс-медиа запись с никона на обеденном этаже чередовали с записью никона общественного порядка на площади Чхонмё-Плаза, где показывалось, как проходивший мимо принудитель нейтрализовал Юну-939. Мы не могли поверить своим глазам. Мы были уверены, что это Союзный террорист обратился к лицеправу и сделал себе пластическое преобразование, чтобы выглядеть как прислуга, в каких-то извращенных пропагандистских целях. Когда Единодушие подтвердило, что фабрикантка была подлинной Юной… мы… я…

Вы почувствовали, что корпократический

мировой порядок необратимо изменился. Вы дали обет никогда не доверять кому-либо из фабрикантов и фабриканток. Вы поняли, что Аболиционизм столь же опасная и коварная догма, как и сам Союз. Вы всем сердцем поддержали принятые после того события Законы Отечества, продиктованные Возлюбленным Председателем.

Все такое, да, и даже хуже. А что тем временем происходило внизу, в вашей ресторации?

Двух других Юн препроводили в дортуар, чтобы разъяренные потребители не разорвали их в клочья. Была организована упорядоченная, сектор за сектором, эвакуация посетителей. Прибыли крупные силы Единодушия, чтобы, пока идет эвакуация, исключить происшедшее из Души каждого клиента и зафиксировать на никон показания очевидцев. Убравшись в куполе, мы впервые приняли свое Мыло без Вечерни.

Когда следующий раз включился свет подъема, мы занялись обычными ритуалами. Хотя воспоминания моих сестер об убийстве Юны-939 остались по большей части нетронутыми, об этом не говорилось ни слова. На той Заутрене Папа Сонг, вместо обычной Звездной Церемонии, произнес Свою Проповедь против Союза.

Мне до сих пор кажется невероятным, чтобы Логоман говорил своим фабриканткам о Союзе.

Таков был шок, такова паника. Несомненно, первичной целью той Проповеди было показать Масс-медиа, что у Корпорации Папы Сонга имеется безотказная стратегия ликвидации ущерба. Возвышенный лексикон Папы Сонга на той Заутрене подтверждает такую гипотезу. Это было всего лишь представлением.

Не изложите ли подробно, что помните, для моего оризона?

Голова нашего Логомана заполняла половину купола, так что мы, казалось, стояли внутри его сознания. Его клоунское лицо было омрачено горем и гневом, а клоунский голос звенел отчаянием. Он сказал, что обычно Новый год является событием праздничным, когда Двенадцатизвездочные оканчивают выплату Его Инвестиции и, свободные, отбывают на Экзальтацию. Этот год, однако же, принес нам ужасающую весть. Все Хуа-Сун трепетали, пособники выглядели охваченными священным ужасом, а Смотритель Ли был бледным и нездоровым на вид.

Папа Сонг сказал нам, что в мире существует газ под названием зло; чистокровные, дышащие этим газом, становятся террористами; этот газ

заставляет их ненавидеть все, что свободно, порядочно, полезно и корпократично: Единодушие, Папу Сонга, усердно работающих фабрикантов, даже Возлюбленного Председателя и его Чучхе. Их корпорация именуется Союзом. Цель Союза — стать самой могущественной корпорацией в плутократии путем обращения потребителей в террористов и убийства тех потребителей, которые им противостоят.

Наш Логоман, в чьем голосе звенело отчаяние, а глаза были опустошены скорбью, поведал нам, что в ресторации Папы Сонга под площадью Чхонмё-Плаза какой-то террорист из Союза вызвал вчерашнее злодейство путем заражения злом одной из наших собственных сестер, Юны-939, и та не донесла на Союз, а позволила злу ввести себя в соблазн и уклонение, так что, если бы не профессионализм принудителя Единодушия, проходившего по площади, невинный сын потребителя сейчас был бы мертв. Мальчик выжил, но доверие чистокровных к фабрикантам исчезло, а из-за этого оказалось подорванным и доверие к нашей любимой корпорации. Брошенный нам вызов, стоящий перед нами, заключил Папа Сонг, требует работать усерднее, чем когда-либо, чтобы вновь заслужить это доверие.

А посему: мы должны быть бдительны в отношении зла, каждую минуту каждого дня. Если кто-то из чистокровных упомянет название «Союз», то, как бы длинны ни были очереди, мы должны незамедлительно сообщить об этом своему Смотрителю. Этот новый Катехизис был важнее всех остальных. Если мы повинуемся, то Папа Сонг возлюбит нас навеки. Если же нам это не удастся, то Папа будет год за годом обнулять наши звездочки, и мы никогда не достигнем Экзальтации. Понимаем ли мы это?

Понимание моих сестер было в лучшем случае смутным; наш Логоман использовал много слов, которых мы не знали. Тем не менее вокруг Постамента эхом стали отдаваться крики:

— Да, Папа Сонг!

— Я вас не слышу! — подзадорил нас Логоман.

— Да, Папа Сонг! — прокричала каждая прислуга в каждой ресторации корпократии. — ДА, ПАПА СОНГ!

Как я уже говорила, всего лишь представление.

На суде вы сказали, что Юна-939 не могла состоять в Союзе. Вы по-прежнему придерживаетесь этой позиции?

Да. Как и когда мог бы завербовать ее Союз? К

чему было бы Союзнику рисковать своим разоблачением? Геномная прислуга — какую ценность могла она иметь для террористов?

Я в недоумении. Если амнезиды в Мыле обнуляют память, то как вы можете помнить тогдашние события с такой ясностью и точностью?

Вопрос так же прост, как и ответ: дело в том, что тогда уже началось мое собственное вознесение. Даже для такого законченного имбецила, как Бум-Сук, деградация нервно-химической стабильности Юны-939 была очевидной, так что стали готовить еще одну морскую свинку. Соответственно, доля амнезидов в моей порции Мыла была уменьшена, и запустился катализ вознесения.

Значит… после той Проповеди день Нового года был заполнен обычными делами?

Делами — да, обычными — нет. Звездная Церемония проведена была на скорую руку. Смотритель Ли проводил двух Двенадцатизвездочных, Хуа-Сун и еще одну Сонми, к лифту. Их заменили двумя прислугами нового корневого типа, Келимами. Юну-939 заменили другой Юной. Пособник Ан вставил нам в ошейники новые

звездочки в гробовом молчании; рукоплескания были сочтены неуместными. Смотрителя Ли всю ночь допрашивали в вышестоящих инстанциях Папы Сонга. Как только прибыл первый лифт, в ресторацию устремились журналисты, вспыхивая никонами и осаждая офис. Нашему Смотрителю удалось отделаться от них лишь после того, как он позволил им направить свои никоны на новую Юну, которую уложили в лифте с ярлыком 939 на ошейнике и залили томатным соусом. Несколько мерзких потребителей тоже снимали друг друга в лифте, притворяясь мертвыми. Около шестнадцати часов явились медики Единодушия, чтобы тщательно обследовать нас одну за другой. Нам задавали вопросы о Союзе, но никто из нас вплоть до Проповеди того утра ничего о нем не слышал. Я боялась, что мне могут чем-то угрожать посещения потайной комнаты, но, по-видимому, о них никому не было известно. Кое-какие мимолетные замечания вызвало лишь мое родимое пятно.

Родимое пятно? Не знал, что у фабрикантов бывают родимые пятна.

Их у нас не предусмотрено по геному, так что мое всегда смущало меня в парильне. Каждый медик, увидев его, был в недоумении. Ма-Да-Лью-

108 называла ее «позором Сонми-451».

Не покажете ли вы ее моему оризону, просто как редкость?

Если хотите. Вот, между ключицей и лопаткой.

Весьма необычно. Похоже на комету, как вы думаете?

Любопытно. Хэ-Чжу Им сделал в точности такое же замечание.

Хм, что ж, случаются совпадения. Так вы, как я понял, прошли медкомиссию?

Да. На Вечерне уже не было никаких упоминаний ни о Союзе, ни о Юне-939. Доля амнезидов и наркотиков в нашем Мыле была существенно повышена. Уже к следующему подъему Ма-Да-Лью-108 не могла бы сказать, откуда у нее появилась дополнительная звездочка… Она даже не знала, что эта звездочка была дополнительной. Обо всем помнила одна я.

Смотритель Ли восстановил свое положение?

Да, хотя несчастного это мало утешило. Хэ-Чжу Им разыскал для меня результаты расследования. Ли выпутался благодаря тому, что напомнил чиновным корпорации, как «учуял отклонение» в Юне-939 и настаивал на ее освидетельствовании

за несколько месяцев до случившегося, перенося таким образом вину на медика, который ее обследовал. Но доходы корпорации Папы Сонга упали, число посетителей ресторации под площадью Чхонмё-Плаза снизилось. Чистокровные любят поминать пословицу насчет того, что молния никогда не ударяет в одно и то же место дважды, однако часто ведут себя так, словно верно как раз обратное.

В то же время у чистокровных короткая память, особенно когда дело касается их желудков. Ко второму месяцу количество посетителей вернулось к среднему уровню. Келима-689 и Келима-889 были особо привлекательны: как новый корневой тип с калейдоскопическими глазами и кроличьими зубами, они притягивали целые очереди наблюдателей за фабрикантами. Те направляли на них свои иконы, а Ма-Да-Лью изнывали от зависти.

Не расскажете мне подробнее о своем опыте вознесения?

Как я теперь пониманию, он был зеркальным отражением того, что испытывала Юна-939. Во-первых, в голове у меня зазвучал какой-то голос. Это очень меня тревожило, пока я не поняла, что никто другой не мог слышать этого голоса, известного чистокровным как голос ра-

зума. Впрочем, вознесение вообще не могло не тревожить, особенно после того, что случилось с Юной-939. Чистокровные по всем Двенадцати Городищам Ни-Со-Копроса внимательнейшим образом наблюдали за нашим поведением, дабы выявить недозволительную сообразительность, и по нескольку сотен фабрикантов в неделю направлялись по их доносам на переориентацию.

Во-вторых, стал развиваться мой язык: например, если я собиралась сказать просто «хороший», мой рот замещал это более благозвучным словом, например «благоприятный», «милостивый» или «правильный». Я научилась следить за каждым произносимым словом, сделалась собственным редактором и цензором.

В-третьих, необычайно обострилось мое любопытство относительно всего сущего, и в особенности Внешнего мира: тот «голод», о котором говорила Юна-939. Я подслушивала сони посетителей, РекЛ, прогнозы погоды, речи Советников, что угодно, лишь бы узнать нечто новое. Я, как и она, жаждала узнать, куда ведет лифт. Не ускользнул от меня и тот факт, что две фабрикантки, работавшие бок о бок в одной ресторации, обе испытывали эти радикальные умственные перемены.

Наконец, у меня возникло чувство отчужденности. Среди своих сестер одна я понимала всю тщетность и нудность нашего существования, и они меня избегали, в точности так же, как в свое время избегали Юну-939, — ведь сестры все понимают, даже если не понимают, что понимают. Однообразие существования замедляло ход времени; я стала ненавидеть волны потребителей, изрыгаемые пастью лифта; меня беспрестанно преследовали те же сомнения, что и Юну. А что, если Папа Сонг совсем не отец нам, а просто-напросто РекЛ?

Как же я завидовала своим некритичным, бездумным сестрам! Ни одной из них я не смела упомянуть об испытываемых мною превращениях.

Вы знали, чего вам не следует делать. А что вы намеревались сделать?

Что еще я могла делать, кроме как ждать и терпеть?

Два вознесения, случившиеся бок о бок, означали некую целевую программу. Чтобы узнать ее цель, мне надо было избежать переориентации или участи наподобие той, что выпала Юне-939. Так что я изо всех сил приглядывалась к другим фабрикантом, чтобы воспроизводить их внутрен-

нюю пустоту. Повиновалась всем Катехизисам, особенно в присутствии Смотрителя Ли. Это было нелегко. Страх усиливает осторожность, но скука ее подтачивает. Просыпаясь во время комчаса, я никогда не входила в тайную комнату Юны, ибо там крылась не тайна, но ловушка. Я даже не смела пошевелиться, пока не загорался желтый сигнал подъема.

Как долго пришлось вам выдерживать это состояние?

Несколько месяцев. А именно — вплоть до девятой ночи последней недели 4-го месяца. Я опять проснулась посреди темноты, но покинуть дортуар, чтобы как-то убить время, я, как всегда, не осмелилась. Оставалось только ждать подъема или же попытаться снова уснуть. Но вдруг из купола донесся слабый звук бьющегося стекла.

Все мои сестры спали. Кто еще в этот час находился в куполе? Только Смотритель Ли. Шло время. Наконец любопытство пересилило мой страх, и я открыла дверь дортуара. Кабинет нашего Смотрителя, находившийся по другую сторону купола, был открыт. В свете лампы виден был Ли, уткнувшийся лицом в пол, стул его был перевернут. Я пересекла зал, укрываясь в тени, пока не убедилась, что Смотритель без сознания. Зрачки

у него сузились настолько, что совершенно исчезли в чистокровных радужках, из ушей и ноздрей сочилась кровь, вокруг были разбросаны осколки стекла, а на столе лежала скомканная упаковка использованного Мыла. Лицо Смотрителя выглядело безжизненным.

Ли был мертв? Передозировка?

Каким бы ни был официальный вердикт, во всем его кабинете так и разило летой — снотворным, добавляемым к Мылу. Прислуги обычно принимают по три миллиграмма, Ли же, как представлялось, принял упаковку в четверть литра, так что самоубийство казалось разумным умозаключением. Я столкнулась с огромным затруднением. Если бы я вызвала по сони медика, то, возможно, спасла бы своему Смотрителю жизнь, но как мне объяснить свое вторжение? Здоровые фабриканты, как вы знаете, никогда не просыпаются до подъема. Какой бы мрачной ни была жизнь возносящейся фабрикантки, перспектива переориентации была еще мрачнее.

Вы сказали, что завидовали своим бездумным, ничем не обеспокоенным сестрам.

Это не совсем то же, что испытывать желание быть одной из них. Я вернулась на свою койку.

Такое решение не заставило вас испытать чувство вины, позже?

Не особенно: ведь свое решение Ли принял сам. Но у меня было дурное предчувствие, что события этой ночи еще не исчерпаны. Не знаю, сколько прошло времени, но я вдруг услышала, что прибыл лифт. Потом донеслись шаги. Я чувствовала, что это пришли за мной, но не шелохнулась. Когда загорелся желтый свет подъема, мои сестры остались в своих койках. В воздухе не было запаха стимулина. В книге Юны изображался дворец, в котором и господа, и слуги заснули посреди еды, шитья, готовки. Тогда-то мне и припомнилась эта картинка…

Тишину распорол краткий чиркающий звук. Спичка? Потом я различила мурлыканье работающего сони. Гадая, уж не пришел ли Смотритель Ли в себя, я встала, на цыпочках подошла к двери и украдкой заглянула в купол. Свет там горел вполнакала, но не видно было ни потребителей, ни Пособников, ни Папы Сонга на Своем Постаменте.

Один только человек в темном костюме. Он пил мелкими глотками кофе. Мы смотрели друг на друга с разных концов зала. Наконец он проговорил:

— Доброе утро, Сонми-четыреста пятьдесят один. Надеюсь, вы сегодня чувствуете себя лучше, чем Смотритель Ли.

Манера речи как у принудителя.

Этот человек представился Чаном, шофером. Я извинилась: я не знала этого слова. Шофер, объяснил этот вкрадчиво говорящий посетитель, водит форды для чиновных и Советников, но иногда служит еще и посыльным. У него, мистера Чана, имеется послание для меня, Сонми-451, от его собственного Смотрителя. Это послание, по сути, дает мне выбор. Я могу покинуть обеденный зал сейчас и отработать Инвестицию снаружи, или же остаться там, где нахожусь, дожидаясь, пока Пособник Чо, обнаружив Смотрителя Ли, не вызовет сюда принудителей и их спецов по ДНК, которые выведут меня на чистую воду как вознесенную фабрикантку, после чего изобличат и как шпионку Союза.

Не очень-то богатый выбор.

Да. Причем это был мой первый выбор в жизни, и он оказался намного проще всех последующих. У меня не было имущества, чтобы его упаковывать, и мне не с кем было прощаться. Мистер Чан закрыл свой сони, поставил на поднос чашку, и

мы направились к лифту: это помещение оказалось даже меньше, чем гигиенер для прислуг, но для меня послужило огромными вратами. Взглянув в один из углов, я подумала о Юне-939, лежавшей там убитой. Потом через пустой купол бросила взгляд на Ось. Мистер Чан указал мне, на какую кнопку жать, чтобы подняться наверх. Когда закрывались двери за моей прежней жизнью, моей единственной жизнью, я и представить себе не могла, что ждет меня наверху.

Мои внезапно ослабевшие ноги подкосились под тяжестью моего тела: меня поддержал мистер Чан, который сказал, что впервые поднимающиеся в лифте фабриканты всегда испытывают тошноту. Должно быть, Юна-939 выронила мальчика, когда подверглась такому же механическому вознесению в том же самом лифте. Я обнаружила, что, стремясь подавить неприятные ощущения, вспоминаю сцены из «поломанного сони» Юны: паутинные потоки, искривленные башни, пещеры и прочие безымянные чудеса. Когда лифт замедлил ход, мой торс, казалось, начал куда-то подниматься.

— Первый этаж, — провозгласил мистер Чан, и двери открылись во внешний мир.

Я почти завидую вам. Пожалуйста, опишите в

точности, что вы увидели.

Чхонмё-Плаза, перед рассветом. Холод! Я никогда не знала холода. Какой огромной она казалась! После жизни в куполе у меня закружилась голова, хотя площадь эта никак не могла быть более пятисот метров в ширину. Вокруг вечных ног Возлюбленного Председателя сновали потребители; жужжали подметалки пешеходных дорожек; шныряли такси с седоками; дымили форды; вдоль бордюров тащились мусоровозы; восьмиполосные автострады, освещаемые солнцами на столбах и прикрытые сплошными навесами, пролегали в каньонах из стекла и бетона; под ногами урчали трубопроводы; то вспыхивали, то тускнели РекЛ; неоновые надписи и логотипы слепили глаза; сирены, моторы, сплетения проводов; эластичное покрытие, пружинящее под ногами; свет всевозможной интенсивности, падающий под всевозможными углами.

От этого, должно быть, дух захватывало.

Да, удачно сказано: дух захватывало. Даже запахи были новыми, после ароматизированного воздушного потока обеденного зала. Гниющая зелень, выхлопные газы, сточные воды. В дюйме от меня пробежала какая-то потребительница, крикнула: «Смотри, где стоишь, ты, клониха-де-

мократка!» — и была такова. Я даже не успела извиниться. Волосы мои шевелились от дыхания невидимого гигантского вентилятора, и мистер Чан объяснил, что воронки улиц разгоняют утренний ветер до высоких скоростей. Он зигзагами провел меня по тротуару к зеркальному форду. Трое молодых людей, восхищавшихся автомобилем, при нашем приближении смешались с потоком потребителей, а задняя дверь прошипела и открылась. Шофер помог мне войти внутрь и закрыл дверь. Я стояла там, чуть пригнув ноги.

В просторном интерьере горбился какой-то бородатый пассажир, работавший на своем сони. Он источал властность.

Мистер Чан сел впереди, и форд втиснулся в транспортный поток. Через заднее окно я видела, как золотые арки Папы Сонга попятились, соединяясь с сотней других корпоративных логотипов, и мимо заскользили все новые и новые символы: часть была мне знакома по РекЛ, но большинство я видела впервые. Когда форд притормозил, я потеряла равновесие, и бородач пробормотал, что никто не будет против, если я сяду.

Неуверенная, отдал ли он приказание или же расставил ловушку, я извинилась за незнание требуемого здесь Катехизиса и, как обучают в

Ориентации, нараспев произнесла:

— Мой ошейник — Сонми-четыреста пятьдесят один.

Пассажир лишь протер свои красные глаза и спросил мистера Чана о прогнозе погоды. Тепло, ясно и ветрено, ответил шофер, добавив, что на улицах сильные заторы и наша поездка займет часа полтора. Бородач посмотрел на свой ролекс и выругался.

Мы успели отъехать недалеко, когда на нас вдруг обрушился какой-то рев. Во мне все так и вскипело от ужаса: это, конечно, явился Папа Сонг и хочет наказать меня за то, что оставила службу. Но рев понемногу стихал, и через заднее стекло форда я увидела днище парящей черной машины. Пассажир спросил у мистера Чана, чья, по его мнению, эта авиетка: сил Принуждения, Единодушия — или же просто какому-то члену Правления вздумалось продемонстрировать всем гражданам нижних слоев, под чьей скользящей тенью должны они выстраиваться в очередь? Мистер Чан рассудил, что вернее всего последнее.

Вы не спросили, куда вас забирают?

К чему задавать вопрос, ответ на который потребует еще десятка вопросов? Не забывайте, Архивист: я никогда не видела внешнего мира,

даже какого-либо здания снаружи, и меня никогда никуда не перевозили; однако же теперь я ехала в зеркальном форде по магистрали второго по величине мегаполиса Ни-Со-Копроса. Я была не столько туристкой, следующей из одной зоны в другую, сколько путешественницей во времени, прибывшей из прошлого века.

Форд вырвался из-под урбанистического купола возле Лунной Башни, и я увидела свой первый рассвет над горами Канвондо. Не могу описать свои чувства. Это зрелище, становясь все более ослепительным, совершенно меня зачаровало: Истинное Солнце Имманентного Председателя, его расплавленный свет, как бы окаменелые облака — и Его небесный купол, невообразимо высокий и широкий! Я обернулась, чтобы увидеть в лице соседа по форду отражение моего собственного священного ужаса, но, к вящему моему изумлению, бородатый пассажир дремал. Почему все городище не остановилось, проскрежетав, и не исполнилось благоговения перед лицом такой неотразимой красоты? Мне это казалось непостижимым.

Что еще бросилось вам в глаза?

О, зелень зеленого: еще под городским куполом наш форд замедлил движение возле росистого

сада между приземистыми зданиями. Зелень перистая, лиственная, пропитанная мхом; зелень прудов; зелень лужаек. Целые акры зелени, раскинувшейся вокруг фонтанов-отшельников. У нас в ресторации единственными примерами зеленого были грядки латука, хлорофилловые площадки да одежды некоторых посетителей, и мы полагали, что все зеленое так же драгоценно, как золотое. Поэтому росистый сад и его радуги, раскинутые вдоль дороги, совершенно меня ошеломили. На востоке вдоль магистрали тянулись спальные блоки, каждый из которых был украшен корпократическим флагом, а потом все, что было по сторонам, исчезло и мы поехали над извивавшейся далеко внизу широкой навозно-коричневой полосой, где не было видно фордов. Я собралась с духом, чтобы спросить у мистера Чана, что это такое. Водитель ответил:

— Река Хан. Мост Сонсу.

Я могла лишь спросить, что это за вещи такие. На этот раз ответ последовал от пассажира.

— Вода, поток воды, — сказал он унылым голосом, в котором звучали усталость и разочарование. — А мост — это дорога через реку.

И он обратился к шоферу:

— Чан, сделай зарубку — еще одно даром по-

траченное утро.

Илистая вода реки ничуть не походила на прозрачную жидкость, хлещущую из питьевых кранов в ресторации, но долго пребывать в недоумении мне не дали. Мистер Чан указал на невысокую вершину впереди.

— Гора Тэмосан, Сонми. Ваш новый дом.

Стало быть, вас забрали в университет прямо от Папы Сонга?

Да, для большей чистоты эксперимента. Дорога зигзагами поднималась через лесистую местность. Деревья, их возрастающая гимнастическая сноровка, их шумливое молчание, да, и их зелень — все это до сих пор гипнотизирует меня, как еще одно чудо Внешнего мира. Вскоре мы прибыли в расположенный на плато кампус: там гроздьями грудились кубические здания, а по узким дорожкам, где кисли лишайники и перекатывались под ветром жухлые листья, туда и сюда шагали молодые чистокровные — студенты и лаборанты. Форд причалил под навесом, тот был в пятнах от дождя и трещинах от солнца. Мистер Чан провел меня в вестибюль, оставив бородатого пассажира дремать в форде. Воздух горы Тэмосан имел чистый вкус, но вестибюль был замызганным и неосвещенным.

Мы остановились у подножия винтообразной лестницы — собственно, спиралей там было две. Это такой старомодный лифт, пояснил мистер Чан.

— В университете студенты упражняют не только разум, но и тело.

Так что я впервые стала сражаться с гравитацией, шаг за шагом, хватаясь за перила. Двое студентов, спускавшихся по ведущей вниз спирали, посмеялись над моей неловкостью. Один заметил:

— Ну, уж этот образчик не станет в скором времени домогаться свободы!

Мистер Чан предупредил меня не оглядываться; я же, дура, его не послушалась, и головокружение так и опрокинуло меня. Если бы мой провожатый меня не подхватил, я бы упала.

Чтобы подняться на седьмой, самый верхний, этаж, потребовалось несколько минут. Здесь узкий и длинный коридор оканчивался дверью, слегка приоткрытой. На ней висела именная табличка: БУМ-СУК КИМ. Мистер Чан постучал, но ответа не последовало.

— Ждите здесь мистера Кима, — сказал мне шофер. — Повинуйтесь ему как смотрителю.

Я вошла и обернулась, чтобы спросить мистера

Чана, какой работой мне предстоит заниматься, но шофера уже и след простыл. Впервые в жизни я оказалась совершенно одна.

Что вы подумали о своем новом жилище?

Что там немыслимо грязно. Видите ли, у нас в ресторации всегда было безукоризненно чисто: Катехизисы проповедуют чистоту. Лаборатория же Бум-Сук Кима, по контрасту, являла собой длинную галерею, пыльную и прогорклую от чистокровного мужского запаха. Мусорные ведра были переполнены; у двери висела арбалетная мишень; вдоль стен вразнобой стояли лабораторные скамьи и заваленные разным хламом столы; там же валялись вышедшие из употребления сони; прогибались книжные полки. Над единственным из столов, за которым, кажется, работали, висел кодак в рамке: мальчик победно улыбается над окровавленным снежным барсом. Грязное окно выходило на заброшенный внутренний двор, где на Постаменте стояла какая-то крапчатая фигура. Я подумала, не новый ли это мой Логоман, но фигура ни разу не шелохнулась.

В тесной прихожей я нашла койку, гигиенер и что-то вроде портативной парильни. Когда мне предстояло этим воспользоваться? Какие Катехизисы управляли моей жизнью в этом месте?

В горячем, пронизанном пылью воздухе (который покалывал мне поры, по геному запечатанные) жужжала, выписывая ленивые восьмерки, муха. Настолько невежественна была я относительно жизни снаружи, что даже подумала, будто муха может быть Пособником, и представилась ей.

Вы что, никогда раньше не видели насекомых?

Только тараканов с генными отклонениями, а также мертвых: кондиционеры у Папы Сонга впрыскивают в воздух инсектицид, так что если насекомые попадают в ресторацию через лифт, то мгновенно умирают. Муха билась в окно, снова и снова. Я не знала, что окна открываются; собственно, я даже не знала, что такое окно.

Потом я услышала фальшивое пение; звучал некий поп-сонг о девочках из Пномпеня. Несколькими мгновениями позже дверь пинком ноги распахнул какой-то студент в пляжных шортах, сандалиях и шелковой мантии, придавленной заплечными мешками. Увидев меня, он простонал:

— Что, во имя Святой Корпократии, здесь делаешь ты?

Я открыла свой ошейник.

— Сонми-четыреста пятьдесят один, господин. Прислуга Папы Сонга из…

— Заткнись, заткнись! Я знаю, что ты такое! — У молодого человека был лягушачий рот и обиженные глаза, в ту пору модные. — Но ты не должна была здесь появляться до пятого дня! Если эти фаллоимитаторы из регистратуры полагают, что я откажусь от пятизвездочной Тайваньской конференции только потому, что они не умеют читать календари, что ж, прошу прощения, сосать им слизняков в выгребной яме! Я пришел сюда лишь затем, чтобы забрать свой рабочий сони и диски. Я не собираюсь нянчиться с какой-то экспериментальной клонихой, да еще и в форме, когда могу от души погулять в Тайбэе.

Муха снова ударилась о стекло; студент взял какую-то брошюру и протиснулся мимо меня. Шлепок заставил меня подпрыгнуть. Он с торжествующим смехом осмотрел пятно и комично-мрачным голосом заявил:

— Пусть это будет тебе предупреждением! Бум-Сук Кима никто не проведет!

Я не поняла, к кому он обращается — ко мне или к мухе. Повернувшись ко мне, он продолжил:

— Так. Ни к чему не прикасайся, никуда не ходи. Мыло в морозилке — слава Председателю, они заранее доставили твой корм. Я приеду на исходе пятого дня, поздно. Если сейчас же не отправлюсь

в аэропорт, то опоздаю на свой рейс. — Он вышел, потом снова появился в дверном проеме. — Ты ведь говоришь, не так ли?

Я кивнула.

— Слава Председателю! — воскликнул Бум-Сук с театральным вздохом. — Факт: какое только идиотство ни придумаешь, где-нибудь да отыщется клоноподобный регистратор, который возьмет его и совершит.

Что вы должны были делать в течение следующих трех дней?

У меня не было никаких идей, разве что следить за тем, как стрелка ролекса стирает за часом час. Это не было главным затруднением: геном прислуги таков, что она способна выдерживать по девятнадцать часов изнурительной работы в сутки. Я проводила время в безделье, гадая, горюющей или счастливой вдовой была миссис Ли. Будет ли пособник Ан или пособник Чо назначен смотрителем площади Чхонмё-Плаза? Прежняя жизнь уже казалась мне невероятно далекой. А новая — невероятно загадочной.

С внутреннего двора, из кустов, окружавших Постамент, до меня доносились тонкие, писклявые звуки. Я пригляделась и впервые воочию увидела птиц. Прежде мне доводилось видеть их

по 3-мерке, но таких буйных и беспорядочных стай — никогда. Пролетела авиетка, и многие сотни ласточек полились кверху. Кому они пели? Своему Логоману? Возлюбленному Председателю?

Весь день я наблюдала за птицами, а потом небо приобрело цвет комчаса, и в комнате тоже потемнело — это была моя первая ночь на поверхности. Я чувствовала себя одинокой, но и все, ничего худшего. Окна по ту сторону кладбища озарились желтым светом, показывая лаборатории, похожие на ту, где обитал Бум-Сук, в которых помещались молодые чистокровные; более аккуратные кабинеты, занимаемые профессорами; коридоры, полные народу, и коридоры, совершенно пустые. Но ни одного фабриканта я не увидела.

В полночь я приняла упаковку Мыла и легла в койку, жалея, что рядом нет Юны-939, чтобы объяснить мне множество тайн, принесенных этим днем.

Проснувшись, вы вспомнили, где находитесь?

В тамошнем Мыле содержалось меньше амнезидов, но больше снотворного, чем у Папы Сонга, так что я проспала дольше, но проснулась с более ясной, чем обычно по пробуждении, головой. С

первым из сюрпризов второго моего дня Снаружи я столкнулась сразу же, как открыла глаза, — он стоял в прихожей. Столбообразный человек, ростом более трех метров, одетый в оранжевый костюм на молниях, осматривал книжные полки. Его лицо, шея и руки были обваренными до красноты, обгорелыми до черноты и покрыты белыми заплатами, но это, казалось, его ничуть не смущало. Ошейник подтверждал, что он фабрикант, но я не могла определить его корневого типа: геном выпячивал его губы наружу, роговые клапаны защищали уши, а голос у него был глубже всех слышанных мной до тех пор.

— Стимулина здесь нет. — Казалось, он говорил из какой-то глубокой ямы. — Просыпаешься, когда просыпаешься. Особенно если твой аспирант так ленив, как Бум-Сук Ким. Чиновные аспиранты хуже всех прочих. Им всю жизнь подтирают задницу. От детского сада до эвтаназии. — Гигантской рукой с двумя большими пальцами он указал на голубой костюм с молниями размером в половину своего. — Это для тебя, сестренка.

Переодевшись из униформы Папы Сонга в новую одежду, я спросила, прислал ли его Смотритель или Пособник, чтобы дать мне ориентацию.

— Здесь нет ни Смотрителей, ни Пособни-

ков, — сказал обгорелый гигант. — Твой аспирант — приятель моего. Вчера Бум-Сук позвонил. Пожаловался на твою неожиданную доставку. Я хотел навестить тебя до отбоя. Но аспиранты Геномной Хирургии работают допоздна. В отличие от бездельников, окопавшихся здесь, в Психогеномике. Я — Вин-ноль двадцать семь. Давай-ка выясним, почему ты здесь.

Ролекс, висевший на стене лаборатории, доставил мне второй сюрприз: оказывается, я проспала целых шесть часов. Вин-027 сел за стол Бум-Сука и включил сони, не обращая внимания на мои протесты — мол, мой аспирант запретил мне к нему прикасаться. Вин пощелкал по экранной панели; появилась Юна-939. Затем он стал водить пальцем вдоль рядов слов.

— Помолимся Имманентному Председателю… чтобы Бум-Сук не сделал снова этой ошибки…

Я спросила у Вина, умеет ли он читать.

Вин сказал, что если читать умеет произвольно смонтированный чистокровный, то тщательно разработанный фабрикант должен научиться этому с легкостью. Вскоре на сони появилась Сонми: шею ее окружал мой ошейник, «451».

— Так. «Церебральное развитие сервисного фабриканта внутри дортуара: Исследование

осуществимости на примере Сонми-четыреста пятьдесят один», выполнено Бум-Сук Кимом… — медленно прочел Вин. — Зачем бы, — пробормотал он, — этому безмозглому чиновному аспирантику метить так высоко?

Какого рода фабрикантом был Вин-027? Военным?

Нет, катастрофником. Он похвалялся, что катастрофники могут действовать в мертвых землях, настолько зараженных или радиоактивных, что чистокровные мрут там, как бактерии в извести; что в мозгу у него лишь незначительные геномические модификации; что базовая ориентация катастрофников обеспечивает более основательное образование, чем большинство университетов для чистокровных. Под конец он обнажил свое предплечье со следами безобразного ожога:

— Покажи мне чистокровного, который выдержал бы такое! Диссертация моего аспиранта посвящена огнестойкости тканей.

Я даже и не знала, что такое мертвые земли. Вин-027 объяснил, что эти зараженные радиацией или токсичными отходами полосы заставляют Промышленные и Потребительские зоны съеживаться, миля за милей. Его описание привело

меня в ужас, но сам катастрофник видел это в ином свете. День, когда весь Ни-Со-Копрос станет мертвой землей, сказал он мне, будет днем, когда фабриканты станут новыми чистокровными.

Это звучало как отклонение; кроме того, если мертвые земли так уж распространены в мире, то почему, спросила я, мне не довелось увидеть их из форда?

Вин-027 выключил сони и спросил, как, по-моему, велик мир. Я не была уверена, но сказала, что меня везли всю дорогу от Чхонмё-Плаза до этой горы, так что я, конечно, должна была увидеть большую его часть.

Великан велел мне следовать за ним, но я колебалась: Бум-Сук приказал мне не покидать помещения.

— Сонми-четыреста пятьдесят один, ты должна создать свои собственные Катехизисы, — сурово сказал Вин-027 и, перекинув меня через плечо, прошел через расходящийся в стороны коридор, протиснулся за угол и поднялся вверх по запыленной винтовой лестнице, где кулаком открыл заржавленную дверь.

Слепило утреннее солнце, в воздухе метался мелкий летучий песок, краткие порывы ветра хлестали меня по лицу и трепали волосы. Ката-

строфник опустил меня на землю — точнее, на крышу Факультета Психогеномики, как он мне пояснил. Я, задыхаясь, ухватилась за поручни. Шестью уровнями ниже находился кактусовый сад, где птицы, порхая среди игл, охотились на насекомых; ниже по горе располагалась стоянка фордов, наполовину заполненная; дальше пролегала беговая дорожка, на которой выписывали круги многочисленные студенты в спортивной форме; ниже виднелась рыночная площадь; за ней шел лесистый склон, спускавшийся к разбросанному угольно-неоновому городищу, высоткам, спальным кварталам, реке Хан и, наконец, горам, тянущимся вдоль прочерченного в воздухе рассвета.

— Обширный вид, — помню я мягкий, обожженный голос Вина. — Но в сравнении с целым миром, Сонми-четыреста пятьдесят один, все, что ты видишь, не более чем крошечный осколок камня.

Мой разум повозился с такой огромностью и бросил ее; я даже не понимала, чем надо обладать для восприятия такого безграничного мира.

Вин отозвался в том смысле, что мне необходима понятливость; вознесение это обеспечит. Мне требуется время, и я получу его, благодаря

лености Бум-Сук Кима. Однако мне нужны также и знания.

Я спросила:

— Как находят знания?

— Тебе, сестренка, надо научиться читать, — сказал Вин-027.

Стало быть, вашим первым наставником был Вин-027, а не Хэ-Чжу Им или советник Мефи?

Строго говоря, это не так. Наша вторая встреча была последней. Катастрофник вернулся в лабораторию Бум-Сука в тот же день за час до отбоя, чтобы вручить мне «потерянный» сони, загруженный всеми автодидактическими модулями верхних слоев корпократического обучения. Он показал, как с ним работать, и предупредил, чтобы я, черпая знания, никогда не попадалась на глаза чистокровным, потому что уже вид этого их пугает, а испуганный чистокровный способен на что угодно.

К возвращению Бум-Сука из Тайваня на пятый день я полностью освоила пользование сони и окончила виртуальную начальную школу. К шестому месяцу я завершила чиновную среднюю школу. Вы, Архивист, смотрите скептически, но вспомните, что я говорила о присущей возносимым жажде к информации. Я была из-

голодавшейся служанкой, попавшей на банкет, и чем больше блюд я отведывала, тем сильнее разгорался мой аппетит. Мы — это лишь то, что мы знаем, и я очень хотела стать больше того, чем я была.

Я и не думал смотреть скептически, Сонми. По вашей рассудительности, по речи, по вас… самой видна ваша тяга к знаниям. Что меня смущает, это почему Бум-Сук Ким предоставил вам так много времени на обучение. Ведь он, потомственный чиновный, не был, конечно же, скрытым Аболиционистом? Как насчет его экспериментов на вас ради докторской степени?

Бум-Сука Кима заботила не его докторская степень, но пьянство, азартные игры и арбалет. Его отец был чиновным в «Кванджу геномикс» и лоббировался в советники Чучхе, пока его сын не подпортил рыночную стоимость всей их семейки. При таком высокопоставленном отце учение становится простой формальностью.

Но как же тогда Бум-Сук собирался получить степень?

Путем уплаты академическому агенту за предоставление ему диссертации из собственных источников этого агента. Общепринятая

практика у абитуриентов из чиновных слоев. Нервно-химические параметры вознесения были заранее для него сформулированы, вместе с выводами и заключениями. Сам Бум-Сук не смог бы идентифицировать биомолекулярных свойств зубной пасты. На протяжении девяти месяцев мои «экспериментальные» обязанности никогда не выходили за пределы уборки в лаборатории и приготовления ему чая. Видите ли, свежие данные могли бы бросить тень на то, что он уже купил, и выставить его мошенником. Мое присутствие требовалось лишь для того, чтобы снабдить его украденное исследование фиговым листком правдоподобия.

Таковы, как я поняла, были условия моей новой жизни, и они меня весьма устраивали — в отличие от тех, что предлагались в ресторации Папы Сонга. Во время отсутствия моего аспиранта я могла заниматься без риска быть уличенной. Бум-Сук всякий раз появлялся через день, часов примерно в четырнадцать, чтобы скопировать очередную порцию украденных данных в свой сони.

А руководитель Бум-Сук Кима — он был в курсе этого возмутительного плагиата?

Профессора, ценящие свою должность, не

разоблачают махинаций сыновей будущих советников Чучхе.

Так что, Бум-Сук даже никогда не разговаривал с вами… никак с вами не взаимодействовал?

Он обращался ко мне так же, как чистокровные говорят с кошками. Он развлекался, задавая мне вопросы, которые считал непонятными: «Так что, сказать мне отцу, чтобы он высунул голову из своей демократической норы?» или «Эй, четыреста пятьдесят один, стоит ли мне покрывать зубы лазурью, или же сапфировая синева — всего лишь сезонное увлечение?» Он не ожидал вразумительных ответов, и я не обманывала его ожиданий. Мой ответ стал настолько привычным, что Бум-Сук дал мне прозвище: Не-Знаю-Господин-451.

Значит, на протяжении девяти месяцев никто не замечал вашей стремительно растущей разумности?

Так я полагала. Единственными постоянными посетителями Бум-Сук Кима были Мин-Сик и Фан. Настоящего имени Фана на моем слуху никогда не называли. Они хвастались своими новыми фордами и судзуки, а также играли в покер. Описывать их черты нет никакого смысла:

они ежемесячно обращались к лицеправам. Трое этих аспирантов относились к тем чистокровным, которые не обращают никакого внимания на фабрикантов вне «муравейников утех» Хвамдонгиля. Гиль-Су Нун, сосед Бум-Сука, аспирант из низшего слоя, живший на стипендию, время от времени стучал в стену, протестуя против шума, но трое чиновных колотили в ответ гораздо громче. Я видела его только раз или два.

Что такое «покер»?

Карточная игра, в которой более способные лжецы отбирают деньги у лжецов менее даровитых, причем все они притворяются закадычными друзьями. Фан за время их покерных посиделок выиграл у Бум-Сука и Мин-Сика тысячи кредитов. В другие разы эта троица ублажала себя наркотиками, часто — Мылом. В таких случаях Бум-Сук приказывал мне уходить: по его словам, если во время наркотического опьянения он видит рядом с собой какого-нибудь клона, ему становится не по себе. Я шла на крышу Факультета, усаживалась в тени цистерны с водой и до наступления темноты, когда, как я знала, трое аспирантов куда-нибудь уйдут, наблюдала, как стрижи охотятся на гигантских комаров. Бум-Сук никогда не утруждался запирать свою лабораторию.

Почему так вышло, что вы больше ни разу не встретились с Вином-027?

В один из влажных дней, через три недели после моего прибытия на Тэмосан, стук в дверь отвлек Бум-Сука от его каталога лицевых пластических форм. Как я говорила, неожиданные посещения случались нечасто.

— Войдите! — сказал Бум-Сук, пряча каталог под «Практическую геномику». В отличие от меня мой аспирант редко заглядывал в свои тексты.

Какой-то жилистый студент распахнул дверь, толкнув ее ногой.

— Бум-Бум, — обратился он к моему аспиранту.

Бум-Сук подпрыгнул, встав по стойке «смирно», сел, затем ссутулился.

— Привет, Хэ-Чжу, — он притворялся небрежным, — что стряслось?

Посетитель заявил, что просто заглянул поздороваться, но уселся на предложенный ему стул. Я узнала, что Хэ-Чжу Им был одноклассником Бум-Сука, но его голова привлекла внимание «охотников за мозгами» с Факультета Единодушия на Тэмосане. Бум-Сук велел мне приготовить чай, а сами они тем временем обсуждали малозначительные темы. Когда я подавала питье, Хэ-Чжу Им заметил:

— Ты, должно быть, уже знаешь о том, какой жуткий день выдался у твоего друга Мин-Сика?

Бум-Сук, разумеется, отрицал, что Мин-Сик его друг, затем спросил, почему день был жутким.

— Его экземпляр, Вин-ноль двадцать семь, зажарился, как бекон. Мин-Сик по ошибке принял минус за плюс на бутылке с горючей щелочью.

Мой собственный аспирант ухмыльнулся, хихикнул и фыркнул:

— У меня истерика!

После этого он рассмеялся, а Хэ-Чжу сделал нечто необычное — он посмотрел на меня.

Почему это необычно?

Чистокровные часто нас видят, но редко на нас смотрят. Много позже Хэ-Чжу признал, что ему любопытна была моя реакция. Бум-Сук ничего не заметил, он разглагольствовал о компенсационных требованиях, которые выдвинет корпорация, спонсировавшая исследования Мин-Сика. В его собственных, сольных исследованиях, злорадствовал Бум-Сук, никому и дела не было бы, если бы на дороге научного просвещения он «обронил» экспериментального фабриканта или двух.

Вы почувствовали… в общем, что вы почувствовали? Возмущение? Горе?

Ярость. Я удалилась в переднюю, потому что в Хэ-Чжу Име было что-то такое, что требовало от меня осторожности. У нас, фабрикантов, нет ни средств, ни прав выражать свои чувства, но представление нашей неспособности их испытывать — не более чем распространенный миф. Однако мне никогда не приходилось испытывать такой ярости. Юна-939 стоила двадцати Бум-Суков, а Вин-027 стоил двадцати Мин-Сиков, по всем меркам. Из-за беспечности чиновного мой единственный друг на горе Тэмосан был мертв, а Бум-Сук смотрел на это убийство как на нечто забавное.

Но ярость выковывает стальную волю. Тот день явился первым шагом к моим «Декларациям», к этой камере и к Дому Света, куда меня отправят через несколько часов.

Что с вами случилось во время летних каникул?

Согласно правилам Бум-Сук должен был, для обеспечения чистоты эксперимента, поместить меня в стационарный дортуар, но, по счастью, моему аспиранту так не терпелось пострелять лосей-фабрикантов на Хоккайдо в Восточной Корее, что он забыл это сделать — или же полагал, что какой-нибудь бездельник из низшего слоя

сделает это за него.

Так что одним летним утром я проснулась в совершенно опустевшем здании. Из коридоров, в которых всегда было оживленно, не доносилось эха шагов, не слышны были ни объявления, ни звон часов; даже кондиционеры были выключены. С крыши было видно, что мегаполис дымится и кишит движением, как обычно, и роящиеся авиетки, оставляя за собой полоски пара, испещряли небо, но в кампусе стало намного спокойнее, чем обычно. Его стоянки для фордов наполовину опустели. Под жарким солнцем строители заново мостили овальную площадь. Взглянув на календарь на своем сони, я узнала, что начались каникулы. Заперла дверь в лабораторию на засов, а сама укрылась в прихожей.

Значит, на протяжении пяти недель вы ни разу не ступали за пределы лаборатории Бум-Сука? Ни единого раза?

Ни единого. Понимаете ли, я боялась разлучиться со своим сони. Каждый девятый день дверь в лабораторию проверял охранник из службы безопасности. Иногда я слышала, как в смежной лаборатории возится Гиль-Су Нун. Больше ничего. Шторы я держала опущенными, а по ночам не включала соляры. У меня было достаточно Мыла,

чтобы растянуть его на все это время.

Но это же пятьдесят дней непрерывного одиночного заточения!

Пятьдесят великолепных дней, Архивист. Мой разум путешествовал по всем измерениям нашей культуры — в длину, в ширину и в глубину. Я поглотила двенадцать основополагающих книг — «Семь диалектов» Чен Ира, «Основание Ни-Со-Копроса» Первого Председателя, «Историю Столкновений» Адмирала Йена; ну, вы знаете список. Индексы в не подвергавшихся цензуре «Комментариях» привели меня к тем мыслителям, что жили до Столкновений. Библиотека, разумеется, отказывала во многих загрузках, но мне улыбнулась удача с двумя Оптимистами, переведенными с позднеанглийского, Оруэллом и Хаксли,[157] а также с «Сатирами на демократию» Вашингтона.

И вы по-прежнему оставались диссертационным экземпляром Бум-Сука — якобы, — когда он вернулся на второй семестр?

---

[157] Примечания: 157

…Оруэллом и Хаксли… — Джордж Оруэлл (Эрик Артур Блер, 1903–1950) и Олдос Хаксли (1894–1963) — английские писатели, авторы знаменитых антиутопий «1984» (1949) и «Дивный новый мир» (1932) соответственно.

Да. Наступила моя первая осень. Я тайком собрала коллекцию пламенеющих листьев, которые нанесло на крышу Факультета. Осень сама состарилась, и мои листья потеряли свою окраску. Ночи стали ледяными; потом даже в часы дневного света сделалось морозно. Бум-Сук по большей части целыми днями дремал на разогретом ондоле[158] и смотрел 3-мерку. Из-за сомнительных инвестиций, которые он делал на протяжении всего лета, мой аспирант потерял множество долларов и, поскольку отец отказывался оплатить долги, был подвержен вспышкам раздражительности. Единственная моя защита от этих его приступов состояла в безмысленном поведении.

А что вы почувствовали, когда пошел снег?

Ах да, снег. Первые снегопады случились в прошлом году очень поздно, только в первую ночь двенадцатого месяца. Проснулась в полутьме и, завороженная, смотрела на снежинки, которые ореолом окружали Новогодних фей, украшавших окна во двор: чарующе, Архивист, чарующе. Подлесок под заброшенной статуей

[158] Примечания: 158

Ондоль — традиционная корейская система отопления: дым и теплый воздух отводятся из кухни и проходят под полом жилых помещений.

во дворе прогнулся под тяжестью снега, а сама статуя приобрела комичную величественность. В прежней своей камере я могла наблюдать за снегопадом, а здесь мне очень этого не хватает. Снег в полусвете становится лиловым, словно след от удара, — такое чистое утешение.

Вы, Сонми, говорите иногда словно эстетка.

Возможно, те, кто лишен красоты, воспринимают ее наиболее тонко, на уровне инстинкта.

Значит, примерно теперь в вашем рассказе должен появиться доктор Мефи?

Да, в Канун Секстета. В ту ночь тоже шел снег. Бум-Сук, Мин-Сик и Фан вломились в лабораторию около двадцати часов, найки у них были обледенелыми, а сами они раскраснелись от наркотиков и корчились от смеха. Просто-таки сгибались пополам. Я была в прихожей и едва успела спрятать свой сони: помню, я читала тогда «Республику» Платона. На Бум-Суке была академическая шапочка, а Мин-Сик стискивал корзину с пахнувшими мятой орхидеями, которая была размером с него самого. Он швырнул их мне со словами: «Лепестки для Спуни, Спонни, Сонми, как ее там…»

Фан обыскал шкаф, в котором Бум-Сук держал

свой соджу,[159] и швырнул три бутылки через плечо, причитая, что все сорта — это собачья моча. Две бутылки поймал Мин-Сик, но третья вдребезги разбилась о пол, вызвав приступы смеха. Бум-Сук замахал на меня руками: «Убери это, Зол'шка!» — а затем умиротворил Фана, сказав, что откроет бутылку самой лучшей выпивки, потому как Секстетные Каникулы бывают только раз в году.

К тому времени, как я подмела всё стеклянные осколки, Мин-Сик нашел на 3-мерке разухабистый порнодисней. Они смотрели его со смаком, свойственным экспертам, пререкаясь относительно его достоинств и реализма и распивая свой чудесный соджу. Их опьянение в ту ночь было чрезмерным, особенно у Фана, и мне стало не по себе. Я удалилась в прихожую, откуда слышала, как к двери лаборатории подходил Гиль-Су Нун, просивший гуляк быть поспокойнее. Я стала подглядывать.

Мин-Сик высмеивал очки Гиль-Су, спрашивая, почему его семья не может найти доллары, чтобы исправить его близорукость. Бум-Сук обратился

---

[159] Примечания: 159

Соджу — самый популярный в Корее алкогольный напиток, приготовляемый из риса, крепостью 20–45 градусов (есть разные технологии изготовления).

к Гиль-Су так:

— А засунь-ка ты свою башку себе в задницу, коль желаешь мира и спокойствия, когда весь цивилизованный мир празднует Секстет!

Отсмеявшись, Фан заговорил о том, что попросит отца, и тот прикажет провести налоговую проверку клана Нунов. Гиль-Су Нун кипел от злости, стоя в дверном проеме, пока троица чиновных не выставила его своими самодовольными фразочками и дальнейшими издевательствами.

Кажется, Фан был у них заводилой.

Да, заводилой был именно он. Он умел вскрывать чужие недостатки и таким образом использовать их в своих целях. Не сомневаюсь, что теперь он с большим успехом ведет юридическую практику в одной из Двенадцати Столиц. В ту ночь он сосредоточился на поношении Бум-Сука, помахивая бутылкой с соджу в сторону кодака с мертвым снежным леопардом и вопрошая, насколько вялыми по геному создавались жертвы для туристов.

Гордость Бум-Сука была воспламенена. Он резко ответил, что охотился только на тех животных, чья злобность по геному была увеличена. Вдвоем с братом они часами выслеживали этого снежного барса в долине Катманду, пока загнанное в угол

животное не прыгнуло, метясь в горло его брату. Бум-Сук сделал единственный выстрел. Стрела вошла зверю в глаз, когда тот был в прыжке.

Услышав это, Фан и Мин-Сик несколько мгновений изображали благоговение, а потом скорчились от пронзительного смеха. Мин-Сик топал по полу, повторяя: «Ох, Ким, ну какой же ты мешок с дерьмом!», «Ох, Ким, ну какой же ты мешок дерьма!». Фан уставился на кодак с более близкого расстояния и заметил, что он паршиво отретуширован.

Бум-Сук торжественно нарисовал на синтетической дыне подобие лица, написал на его лбу «Фан» и установил плод на стопку журналов у двери. Затем взял со стола свой арбалет, отошел к дальнему окну и прицелился.

— Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет! — возопил Фан и возразил, что дыня отнюдь не раздерет стрелку глотку, если тот промахнется, так что уровень стресса неадекватен. После этого Фан жестом велел мне встать возле двери.

Я поняла, что он задумал, и стала взывать к своему аспиранту, но Фан перебил меня, предупредив, что если я ему не повинуюсь, то он отдаст мое Мыло на попечение Мин-Сика. Ухмылка Мин-Сика увяла. Фан крепко ухватил меня за

руку — я чувствовала, как вонзаются мне в плоть его ногти, — провел меня на место, надел мне на голову академическую шапочку и установил на нее дыню.

— Ну что, Бум-Сук, — поддразнивал он, — ты по-прежнему считаешь себя таким уж ловким стрелком?

Все отношения между Бум-Суком и Фаном зиждились на соперничестве и взаимном отвращении.

— Само собой, — сказал Бум-Сук, поднимая свой арбалет.

Я просила своего аспиранта остановиться, но тот лишь велел мне не шевелить ни единой мышцей.

Поблескивал стальной кончик стрелы. Умереть в одной из безрассудных забав этих мальчишек было никчемно и глупо, но фабриканты не могут диктовать даже условий своей смерти. Звон тетивы, потом свист рассекаемого воздуха — и арбалетная стрела раздробила мякоть дыни. Плод скатился с шапочки. Мин-Сик горячо зааплодировал, надеясь растопить ситуацию.

Облегчение, которое я испытала, заглушило даже гнев. Однако Фан фыркнул:

— Вряд ли кому понадобится лазерный прицел,

чтобы попасть в такую здоровенную дыню. Так или иначе, смотри, — он поднял остатки дыни, — ты всего только ее подрезал. Манго, ясное дело, более достойная цель для охотника твоего уровня.

Бум-Сук протянул свой арбалет Фану, вызывая его сравниться с ним в искусности и попасть в манго с пятнадцати шагов.

— Идет.

Фан взял арбалет, велев мне оставаться на месте.

— Господин… — в отчаянии начала было я.

— Заткнись, — рыкнул на меня Бум-Сук.

Фан отсчитал пятнадцать шагов и вложил в арбалет стрелу. Мин-Сик, предостерегая приятелей, сказал, что бумажная волокита, связанная с мертвым экспериментальным образцом, оборачивается сущим адом. Они не обращали внимания.

Целился Фан долго. Рука его слегка подрагивала. Внезапно манго взорвалось, забрызгав стены своим соком. Мои сомнения в том, что испытание окончено, оказались вполне обоснованными. Фан подул на арбалет.

— Дыня с тридцати шагов, манго с пятнадцати. Я поставлю для тебя… сливу, с десяти.

Он заметил, что слива все равно больше глаза снежного леопарда, но добавил, что если Бум-Сук готов признать, что он на самом деле, как сказал Мин-Сик, мешок с дерьмом, и отклонит вызов, то они будут считать прискорбную главу закрытой, на целых десять минут.

Сопоставив мою жизнь с собственной честью, Бум-Сук с мрачным видом установил у меня на голове сливу и приказал мне стоять очень, очень спокойно. Он отсчитал десять шагов, обернулся, зарядил арбалет и прицелился.

Я понимала, что у меня пятидесятипроцентная возможность умереть в течение пятнадцати секунд.

Гиль-Су снова застучал в дверь.

«Уходи, — подумала я в его адрес. — Не отвлекай сейчас внимания…»

Когда Бум-Сук, натягивая тетиву, проворачивал рычаг арбалета, у него подергивалась челюсть. Стук в дверь стал более настойчивым, раздаваясь лишь в нескольких сантиметрах от моей головы. Фан извергал непристойности о гениталиях Гиль-Су и о его матери.

Бум-Сук не отрывал взгляда от сливы у меня на голове. У него побелели костяшки пальцев.

Голову мою словно охлестнул удар кнута: боль

вонзила свои клыки мне в ухо. Я осознавала, что дверь позади меня распахивается, что затем на лицах моих мучителей появляется выражение обреченности. Наконец я заметила стоящего в дверном проеме пожилого человека: капюшон его заледенел, в бороде был снег, он задыхался и был вне себя от гнева.

Советник Мефи?

Да, но давайте будем скрупулезны: профессор Единодушия, архитектор Решения Проблемы калифорнийских «лодочных людей», обладатель медали «За выдающиеся заслуги перед Ни-Со-Копросом», автор монографий о Ду Фу[160] и Ли Бо,[161] советник Чучхе Алой Мефи. В тот момент, однако, я почти не обратила на него внимания. По шее и позвоночнику у меня струилась какая-то жидкость. Когда я слегка коснулась уха, то боль, казалось, электричеством пронзила левую половину моего тела. Пальцы у меня стали алыми и блестящими. Бум-Сук дрожащим голосом проговорил:

---

[160] Примечания: 160

Ду Фу (712–770) — китайский поэт, мастер пейзажной лирики.

[161] Примечания: 161

Ли Бо (701–762) — китайский поэт-лирик, сочетавший в своем творчестве даосские мотивы единения с природой и конфуцианский рационализм.

— Советник, мы…

От Фана или Мин-Сика никаких предложений помощи не последовало. Советник приложил к моему уху свежий шелковый носовой платок и велел мне прижимать его с постоянным усилием. Из внутреннего кармана он вынул ручной сони.

— Мистер Чан? — проговорил он, и тогда я узнала в нем того сонного пассажира, с кем добиралась от Чхонмё-Плаза до Тэмосана восемь месяцев назад. — Первую помощь. Побыстрее, пожалуйста.

Затем мой спаситель уставился на аспирантов: те не смели встретиться с ним взглядом.

— Так-так, джентльмены, Году Змеи мы положили весьма зловещее начало.

Дисциплинарная комиссия известит Мин-Сика и Фана об основных их задолженностях, пообещал он им, после чего позволил уйти восвояси. Оба поклонились и поспешили прочь. Накидка Мин-Сика осталась париться на ондоле, но аспирант за ней не вернулся. Бум-Сук выглядел безутешным: он явно скорбел о своей участи. Советник Мефи дал аспиранту несколько секунд безмолвно страдать, после чего спросил:

— Не собираетесь ли вы стрелять из этой штуковины и в меня?

Бум-Сук заметил, что по-прежнему держит в руках преступный арбалет, и уронил его, словно тот был раскален. Советник осмотрел захламленную лабораторию, обнюхал горлышко бутылки с соджу. Его внимание привлекло осьминожье насилие на 3-мерке. Бум-Сук возился с пультом, уронил его, поднял, нажал на стоп, нацелил его как следует, снова нажал на стоп. Наконец Советник Мефи заговорил. Терпение Советника таило в себе угрозу: ему любопытно было услышать объяснение Бум-Сука, почему тот использует экспериментальную фабрикантку своего Факультета для практики в стрельбе из арбалета.

Да, мне тоже любопытно это услышать.

Бум-Сук испробовал все: он был непростительно пьян по случаю Кануна Секстета; он растерял должные приоритеты; игнорировал симптомы стресса; неразумно выбирал себе друзей; проявил чересчур большое рвение, дисциплинируя свой экземпляр; и вообще, во всем виноват Фан. Объяснения выглядели полностью неубедительными, что выдавало в нем неспособного лжеца. Наконец он осознал, что лучше бы ему заткнуться и ждать, пока не упадет топор.

Прибыл мистер Чан с аптечкой, обрызгал мне ухо лекарством, вытер свернувшуюся кровь, при-

лепил кусок пластыря и одарил меня первыми дружественными словами после Вина-027. Бум-Сук спросил, заживет ли у меня ухо. Резкий ответ Советника Мефи заключался в том, что Бум-Сука это никак не касается, поскольку его докторантура прекращена. Ошеломленный аспирант, уже бывший, побелел, заглянув в свое будущее.

Мистер Чан ласково мягко взят меня за измазанную кровью руку и сообщил, что у меня оторвана мочка уха, но пообещал, что утром медик ее мне заменит. Я так боялась возможных претензий Бум-Сука, что совсем не тревожилась об ухе, но мистер Чан добавил, что теперь мы вместе с Советником Мефи отправимся в новое мое обиталище.

Это, должно быть, было очень радостной вестью.

Да, за исключением того, что я теряла свой сони. Как могла я взять его с собой? Никакого осуществимого плана в голову мне не приходило. Я лишь кивнула, надеясь, что смогу вернуть его себе во время Секстетных Каникул.

Чем объяснил Советник ваше спасение, так вовремя подоспевшее?

Я не спрашивала, а он поначалу ничего не объ-

яснял. Винтообразная лестница поглотила все мое внимание: спускаться по ней опаснее, чем подниматься. В вестибюле, где по стеклам так и хлестали снежные струи, мистер Чан дал мне накидку с капюшоном и ледовые найки.

Советник шутливо похвалил мистера Чана за то, что последний выбрал дизайн типа «кожа зебры». Мистер Чан ответил, что в этом сезоне на самых фешенебельных улицах Лхасы немыслимо появляться в чем-то другом.

Меня переводят на Факультет Единодушия, на западной оконечности кампуса, сказал Советник Мефи, и извинился за что, что «этим нетрезвым ленточным червям» дозволено было играть с моей жизнью. Более своевременному вмешательству воспрепятствовала погода. Я не помню, какой скромный, хорошо сориентированный ответ дала на эти его слова.

Галереи кампуса были заполнены толпами, праздновавшими Канун Секстета. Мистер Чан научил меня шаркать ногами сквозь гранулированный лед, чтобы обрести сцепление. На ресницы мои и ноздри опускались снежинки. Сражения снежками при приближении профессора Мефи прекращались; участники кланялись ему. Восхитительным было чувство анонимно-

сти, предоставляемое капюшоном.

Когда мы проходили через заброшенный двор, я услышала музыку. Не РекЛ и не попсонги, но живые, эхом отдающиеся волны музыки.

— Это хор, — пояснил Советник Мефи. — Корпократические сапиенсы могут быть бездушными, мелочными и злобными, но, слава Председателю, способны и на кое-что более высокое.

С минуту мы послушали. Глядя вверх, я чувствовала себя так, словно устремлялась ввысь.

Двое принудителей, охранявших Факультет Единодушия, отдали честь и взяли наши промокшие накидки. Интерьер в этом здании был настолько же пышным, насколько спартанским был он на Факультете Психогеномики. Покрытые коврами коридоры были уставлены ирченовскими зеркалами, урнами Королей Силлы,[162] 3-мерками выдающихся деятелей Единодушия. Советник Мефи называл мне их имена. В лифте была установлена многоустка, ее голос воспроизводил корпократические Катехизисы, но Советник Мефи велел ей заткнуться, и она, к моему удивлению, повиновалась. Мистер Чан опять поддерживал меня, когда лифт разгонялся,

---

[162] Примечания: 162

…Королей Силлы… — Силла (57 до н. э. — 918 н. э.) — корейское государство, в VII в. подчинившее себе два других корейских королевства.

а потом замедлял ход.

Выйдя из лифта, мы попали в просторные, погруженные в полумрак апартаменты, словно бы сошедшие с РекЛ, где показывают жизненный стиль верхнего слоя. В центральном очаге, окруженном парящей на магнитных подвесках мебелью, плясал 3-мерный огонь. Две стеклянные стены, лишь изнутри проницаемые для взгляда, открывали головокружительный вид на ночной мегаполис, заслоняемый дымчато-ярким снегопадом. Внутренние стены были увешаны картинами. Я спросила у Мефи, его ли это офис.

— Мой офис этажом выше, — отозвался он. — Это ваша новая квартира.

Мистер Чан кивнул в знак подтверждения и, прежде чем я успела выразить изумление, посоветовал мне предложить моему выдающемуся гостю присесть. Я попросила у Советника Мефи прощения: у меня никогда прежде не бывало гостей, и моим манерам недоставало лоска.

Висевший на магнитных подвесках диван качнулся под весом Советника. Это его сноха, сказал он, изменила дизайн квартиры, в расчете на меня. Она надеялась, что холсты Ротко[163] я найду

[163] Примечания: 163

Ротко, Марк (1903–1970) — американский художник, один из основоположников абстрактного экспрессионизма.

медитативными.

— Копии, воспроизводящие оригиналы до последней молекулы, — заверил он меня, хотя я понятия не имела, что такое «Ротко», — пусть даже кое-кто и утверждает, что оригиналов нигде на свете не осталось. Я ее замысел одобрил. Стиль этого художника, Сонми-четыреста пятьдесят один, должен соответствовать вашему мироощущению. Ротко пишет так, как видится мир слепому.

Не вечер, а сплошная неразбериха — то арбалетные стрелы, то вдруг история искусства…

Да уж, и он еще не закончился. Вслед за этим профессор стал сокрушаться, что во время первой нашей встречи не смог распознать степени моего вознесения.

— Я полагал, что вы очередной экспериментальный образец, вознесенный наполовину и обреченный на ментальную дезинтеграцию через одну-две недели. Если память мне не изменяет, я тогда даже задремал — было дело, мистер Чан? Извольте говорить правду.

Стоя на своем посту возле лифта, мистер Чан вспомнил, что во время той поездки его хозяин давал отдых своим глазам. Советник Мефи улыбнулся тактичности своего шофера.

— Вы, Сонми-четыреста пятьдесят один, скорее всего, недоумеваете, что заставило меня обратить на вас внимание.

Его вопрос был подобен стуку в дверь: «Выходи, я знаю, что ты там». Или, как я боялась, ловушкой. Не забывая о том, что прислуге недозволительно вести себя как чистокровная, я разыграла вежливое непонимание.

Участливое выражение лица Мефи сообщило мне, что он не осуждает меня за осторожность. В университете Тэмосан, сказал он мне, обучаются тринадцать тысяч девятьсот студентов, которые подают два с лишним миллиона запросов на библиотечную загрузку за семестр. Подавляющее большинство составляют тексты курсов и связанные с ними статьи; остальные касаются чего угодно — от недвижимости до биржевых котировок, от спортивных фордов до глинобитных дорог, от йоги до птицеловства.

— Дело в том, Сонми, что когда обнаруживается читатель с поистине эклектичными пристрастиями, главный библиотекарь не преминет подать мне сигнал тревоги. — Профессор включил свой ручной сони и стал зачитывать мой личный список запросов на загрузку. — Восемнадцатое число

Шестого месяца, «Сказание о Гильгамеше»;[164] второе Седьмого месяца, «Воспоминания» Иренео Фунеса,[165] первое Девятого месяца, «Упадок и разрушение» Гиббона. — Мефи, омываемый розовато-лиловым сиянием сони, выглядел гордым. — Так, теперь вот что… Одиннадцатое число Десятого месяца: бесстыжий, на тебе, перекрестный поиск упоминаний об этой раковой опухоли в возлюбленном нашем корпократическом теле — Союзе! Говоря как представитель Единодушия, такое — могу я охарактеризовать это как «жадное любопытство»? — к верованиям иных миров выдает возможное присутствие внутреннего эмигранта. Поскольку из таких внутренних эмигрантов получаются лучшие агенты Единодушия, я понял, что нам необходимо встретиться.

Потом он объяснил мне, как ему удалось определить, что бывшим любопытным владельцем этого сони был Нун Хель-Квон, геотермист из вьюжного Онсона, который две зимы назад погиб, катаясь на лыжах. Советник Мефи поручил

---

[164] Примечания: 164

«Сказание о Гильгамеше» — древнейшее в мире литературное произведение (XXVIII в. до н. э.), его герой — легендарный правитель шумерского города Урук.

[165] Примечания: 165

…«Воспоминания» Иренео Фунеса… — Иренео Фунес — герой рассказа Х. Л. Борхеса «Фунес, чудо памяти» (1942).

одному из одаренных выпускников выполнить старомодное детективное задание — выследить вора. Е-волновое слежение позволило определить, что данный сони находится в лаборатории Бум-Сук Кима. Однако вообразить Бум-Сука читающим Витгенштейна[166] превосходило всякую меру правдоподобия, поэтому доверенный студент Мефи во время комчаса шесть недель назад вставил по микроглазу в каждый сони, находившийся в том помещении.

— На следующий день мы обнаружили, что наш несостоявшийся диссидент был не чистокровным, но, по всей видимости, первым известным науке стабильно вознесенным фабрикантом, а именно — прислугой, сестрой пресловутой Юны-девятьсот тридцать девять. Моя работа, Сонми-четыреста пятьдесят один, может быть обременительной и опасной, но скучной — никогда!

Возражать было просто бессмысленно.

Именно: Советник Мефи ничуть не походил на Смотрителя Ли. В каком-то смысле я, будучи разоблаченной, испытала облегчение. Многие

[166] Примечания: 166

Витгенштейн, Людвиг (1889–1951) — австрийский философ и логик, представитель аналитической философии, автор знаменитого «Логико-философского трактата» (1919); с 1929 г. жил в Великобритании.

преступники говорят то же самое. Я сидела и слушала его рассказ о перебранках между министерствами, которые разразились, когда он доложил о своих открытиях. Корпократы старой школы хотели, чтобы меня отправили на эвтаназию как уклонистку; психогеномики желали подвергнуть меня церебральной вивисекции; служба маркетинга жаждала гласности, чтобы выставить меня в качестве исключительного экспериментального прорыва университета Тэмосан.

Очевидно, никто из них своего не добился.

Никто. Единодушие достигло паллиативного компромисса: я могла по иллюзорной своей свободной воле продолжать занятия, пока они не придут к консенсусу. Однако арбалет Бум-Сука заставил Единодушие поторопиться.

И что теперь намеревался с вами делать Советник Мефи?

Оформить новый компромисс между теми, чьи интересы сталкивались в попытках получить от меня какую-то дольку, а затем провести его в жизнь. В лабораториях корпократии были безуспешно истрачены миллиарды долларов на исследования, целью которых было полу-

чить то, что я попросту собой представляла и представляю: стабильную вознесенную фабрикантку. Чтобы все геномисты были довольны, предполагалось, что доверенные ученые будут подвергать меня междисциплинарным тестам. Помню, как, окуная руки в языки 3-мерного пламени, Мефи пообещал, что эти тесты не явятся обременительными или болезненными и не будут длиться дольше трех часов в день, причем не более пяти дней из десяти. Чтобы уговорить Правление университета, решено было предоставлять возможность проведения исследований по аукциону: я принесу своим новым хозяевам большие деньги.

А интересы Сонми-451 этой системой уравнений учитывались?

Да, в какой-то мере: Тэмосанский университет должен был зарегистрировать меня как студентку, обучающуюся за счет пожертвованного фонда. Кроме того, в ошейник мне должны были имплантировать Душу, чтобы я могла выходить из кампуса и возвращаться, когда мне нужно. Советник Мефи даже пообещал заниматься со мной, когда сам будет в кампусе. Он убрал свою руку из пламени и осмотрел пальцы.

— Один только свет, никакого жара. Молодые

люди не смогли бы теперь распознать настоящего огня, случись у них в дортуарах пожар.

Он добавил, что впредь его надо звать профессором, а не господином.

Одного я никак не могу понять. Если Бум-Сук был таким паяцем, то как мог он заполучить этот святой Грааль психогеномики — стабильное вознесение?

Позже я задала Хэ-Чжу Иму этот же вопрос. Его объяснение звучало так: поставщику диссертации Бум-Сука повезло с источниками — он черпал психогеномические работы в малоизвестном техническом институте на Байкале. Подлинным автором диссертации бывшего моего аспиранта был иммигрант из промышленной зоны по имени Юсуф Сулейман. В то время экстремисты убивали геномистов в Сибири, и Сулеймана вместе с тремя его профессорами взорвали бомбой, подложенной в автомобиль. Байкал есть Байкал, и исследование Сулеймана десять лет прозябало в безвестности, пока его не удалось продать. Агент связался с представителями Корпорации Папы Сонга, чтобы внедрить в наше Мыло открытую Сулейманом неврологическую формулу вознесения. Юна-939 была первичным образцом, а я — модифицированной дублершей. Если это

представляется невероятным, добавил Хэ-Чжу, мне надо вспомнить, что многие крупные события в истории науки были следствием такой вот инстинктивной прозорливости.

И все это время Бум-Сук Ким пребывал в блаженном неведении относительно того фурора, который вызывала его украденная диссертация?

В неведении мог бы оставаться только закоснелый глупец, никогда не державший в руках пипетки, но Бум-Сук Ким именно таким глупцом и был. Это, возможно, не было случайностью.

Как вы отнеслись к своему новому распорядку на Факультете Единодушия? Каково было фабрикантке посещать лекции?

Поскольку, как вы помните, я переправилась туда в Канун Секстета, у меня было шесть спокойных дней, прежде чем этот новый распорядок вошел в силу. Прошлый Секстет был самым холодным с сороковых годов. Лишь один раз обошла я обледенелый кампус: мой геном таков, что я комфортабельно себя чувствую в жарких ресторациях, а вот зима, воцарившаяся в долине реки Хан на горе Тэмосан, обжигала мне кожу и легкие.

Проснувшись в день Нового года, я обнаружила

три подарка: звездочку для ошейника, ставшую у меня третьей, старый потрепанный сони из лаборатории Бум-Сука, который дал мне Вин-027, и книгу, название которой теперь я могла прочесть: «Сказки Ганса Христиана Андерсена». Я прочла ее от корки до корки, думая о своих сестрах, наслаждавшихся Звездной Церемонией по всему Ни-Со-Копросу. Гадала, суждено ли мне когда-нибудь отправиться на Гавайи, на Экзальтацию, отработав свою Инвестицию.

Как бы я хотела, чтобы Юна-939 могла вместе со мной пойти на первую мою лекцию, которая состоялась на второй день! Мне ее мучительно недоставало; недостает до сих пор.

Что было вашей первой лекцией?

«Биоматематика» Суонти; однако по-настоящему на ней было преподано унижение. Я шла к лекционному залу по грязному талому снегу, укрытая капюшоном и никем не замечаемая. Но когда в коридоре я сняла накидку, то мои черты Сонми вызвали удивление, а затем и неловкость. А когда я вошла в лекционный зал, то это стало причиной возмущенного молчания.

Длилось оно недолго.

— Эй! — крикнул какой-то парень. — Один горячий женьшень, две сосиски в тесте!

Вся аудитория покатилась со смеху. Мой геном не позволяет мне краснеть, но пульс у меня участился. Я села во втором ряду, который занимали девушки. У их предводительницы в зубы были вживлены изумруды.

— Это наш ряд, — заявила она. — Ступай назад. От тебя воняет майонезом.

Я — сама кротость — повиновалась. В лицо мне ударил бумажный дротик.

— Слушай, фабрикантка, мы же не торгуем бургерами в твоей ресторации, — крикнул кто-то, — так почему ты занимаешь место на нашей лекции?

Я уже готова была уйти, когда паукообразная доктор Чхван взобралась на сцену и бросила на кафедру свои записи. Я изо всех сил постаралась сосредоточиться: мне были знакомы теории Суонти, но не практическое их применение. Минут через пятнадцать взгляд доктора Чхван, блуждавший по слушателям, остановился на мне, и она умолкла посреди фразы.

Аудитория рассмеялась, понимая, в чем дело. Доктор Чхван заставила себя продолжать. Я заставила себя остаться, но мне не хватило мужества, чтобы задать под конец вопросы. Снаружи я столкнулась с препятствиями, чинимыми агрес-

сивными ничтожествами.

Профессор Мефи знал об этом недружелюбии студентов?

Полагаю, да. На нашем семинаре профессор спросил, была ли лекция плодотворна; я предпочла другое слово — «информативна», — и спросила, почему чистокровные относятся ко мне с таким презрением, хотя я не даю им никакого повода для оскорблений.

В ответ он предложил мне подумать, почему любой правитель боится, чтобы те, кем он правит, приобретали знания.

Я не осмелилась произнести слово «восстание» и выбрала окольный путь.

— Что, если различия между социальными слоями проистекают не из геномики, не из унаследованного превосходства и даже не из долларов, но всего лишь из различий в знаниях?

Профессор спросил:

— Не будет ли это означать, что вся пирамида воздвигнута на зыбучих песках?

Я предположила, что такая гипотеза может рассматриваться как серьезное отклонение.

Мефи, казалось, был очень доволен.

— Подумайте вот о чем: фабриканты суть зеркала, которые держат перед совестью чисто-

кровных; от своего отражения чистокровных тошнит. Поэтому они винят зеркало.

Я задала вопрос, смогут ли чистокровные когда-нибудь винить самих себя.

— История учит, что это случится не раньше, чем их к этому принудят, — ответил Мефи.

Я осознала, что сыта этой зимой по горло.

— Когда же это произойдет?

Профессор крутанул свой старинный глобус и сказал в ответ только одно:

— Лекции доктора Чхван продолжатся завтра.

Должно быть, потребовалось немалое мужество, чтобы туда вернуться.

Я пришла в сопровождении принудителя, так что, по крайней мере, никто не швырял в меня оскорблениями. Принудитель обратился к девушкам во втором ряду с вежливой злобой:

— Это наш ряд. Ступайте назад.

Девицы улетучились, но торжества я не испытала. Ими двигал страх перед Единодушием, а не готовность принять меня. Доктор Чхван из-за принудителя была в таком смятении, что промямлила всю свою лекцию, ни разу не взглянув на аудиторию.

Предрассудки подобны вечной мерзлоте.

Вы собрались с духом, чтобы пойти еще на какую-нибудь лекцию?

Только на одну, по «Основам» Лу. По моей просьбе я отправилась туда без сопровождения, предпочитая оскорбления внешней броне. Я прибыла туда рано, села на боковое место и не снимала забрала, пока зал заполнялся студентами. Тем не менее меня узнали. Студенты относились ко мне с недоверием, но бумажных снарядов больше не швыряли. Ко мне обернулись двое парней, сидевших впереди: у них были честные лица и деревенский выговор. Один из них спросил, правда ли, что я представляю собой нечто вроде искусственного гения.

«Гений» — это не то слово, чтобы бросаться им с такой небрежностью, сказала я.

Услышав, что прислуга говорит, эта пара изумилась.

— Это, должно быть, сущий ад, — предположил второй, — иметь сообразительный ум, заточенный в тело, по геному предназначенное для служения.

Я так же привязана к своему телу, как и он к своему, ответила я.

Лекция прошла без осложнений, но, когда я вышла из зала, меня ждали вооруженные

микрофонами люди, вспышки никонов и пятидесятиголовая гидра вопросов. Из какого заведения Папы Сонга я приехала? Кто вписал меня в Тэмосан? Действительно ли я «вознеслась»? Каким образом? Есть ли другие, подобные мне? Каковы мои взгляды на Злодейство Юны-939? Сколькими неделями я располагаю до того, как начнется упадок моего вознесения? Аболиционистка ли я? Какой у меня любимый цвет? Есть ли у меня парень?

Масс-медиа? В корпократическом университете?

Нет, но представители Масс-медиа предложили вознаграждение за материалы о Сонми из Тэмосана. Я укуталась в капюшон и пыталась пробиться к Факультету Единодушия, но давка была такой плотной, что мое забрало сбили, а саму меня повалили на пол и сильно изувечили, прежде чем двое принудителей в штатском смогли меня оттуда вытащить. Советник Мефи встретил меня в вестибюле Единодушия и сопроводил до моей квартиры, ворча, что я представляю собой слишком большую ценность, чтобы подвергать себя нападкам похотливой черни. Он яростно вертел свое кольцо с дождевым камнем: обычный жест, когда он нервничал.

Мы договорились, что с этого времени все лекции будут пересылаться на мой сони.

Как насчет утренних экспериментов, которым вы должны были подвергаться?

Ах да, эти ежедневные напоминания об истинном моем статусе. Они подавляли мой дух. Оглядываясь назад, я понимаю, какую мучительную отчужденность испытывала Юна-939, когда погружалась в себя. Для чего нужны знания, часто спрашивала я себя, если я не могу использовать их для улучшения своего существования? Как, девятью годами и девятью звездочками позже, впишусь я со своими превосходными знаниями в жизнь на Экзальтации? Могут ли амнезиды стереть те знания, что я приобрела? Хочу ли я, чтобы это случилось? Буду ли я счастливее?

Часами просиживала я над своим сони, не прокручивая страниц. В одну из недель я прочла только сказку «Русалочка» из книги Юны о Внешнем мире. Ее вполне можно было счесть мрачным трактатом о непринадлежности к окружающему миру. Наступил четвертый месяц, ознаменовав собой первую годовщину моего пребывания в Тэмосане в качестве диковинного экземпляра, но весна не принесла мне той радости, которой одарила весь остальной мир.

Моя любознательность умирает, сказала я однажды профессору Мефи во время семинара по Томасу Пейну.[167] Стоял чудесный первый день, и через открытое окно доносились звуки игры в бейсбол.

Мой наставник сказал, что нам необходимо определить источник этого недуга, и как можно быстрее.

Я сделала какое-то замечание насчет того, что чтение не приносит подлинных знаний, что знания без опыта представляют собой еду без питательности.

— Вам необходимо больше выходить наружу, — решил профессор.

Куда наружу? Снова на лекции? В кампус? На экскурсии в мегаполис?

В следующий девятый день в мою квартиру поднялся на лифте молодой аспирант Единодушия по имени Хэ-Чжу Им. Обращаясь как мне «мисс Сонми», он объяснил, что профессор Мефи попросил его «прийти и взбодрить вас». Профессор Мефи располагал абсолютной властью над

---

[167] Примечания: 167

Томас Пейн (1737–1809) — просветитель радикального направления; родился в Британии, с 1774 г. в Северной Америке. Участвовал в американской Войне за независимость и Французской революции; отстаивал право народа свергать вышедшее из-под его контроля правительство.

его будущим, так что он не замедлил явиться.

— Это шутка, — обеспокоенно добавил он, а потом спросил, помню ли я его.

Я его помнила. Теперь его черные волосы стали темно-бордовым «ежиком», а брови там, где не были украшены, оказались выщипаны, но я узнала бывшего одноклассника Бум-Сука, принесшего известие о смерти Вина-027 от дебильных рук Мин-Сика.

Посетитель с завистью оглядел мое просторное жилище.

— Да, уж эти-то апартаменты — не то что убогое гнездышко Бум-Сука, правда? Достаточно велики, чтобы здесь поместилась вся квартира моей семьи.

Я согласилась, что квартира и в самом деле очень просторна.

Последовало натянутое молчание. Хэ-Чжу Им спросил, можно ли ему оставаться в лифте, пока я не захочу, чтобы он меня покинул.

Я снова извинилась за нехватку социальной тактичности и пригласила его войти.

Сбрасывая найки, он сказал:

— Нет, это я извиняюсь за мою нехватку социальной тактичности. Я, когда нервничаю, слишком много говорю, притом всякие глупости.

Вот и опять. Можно я попробую сесть в ваш подвесной шезлонг?

Да, сказала я и спросила, почему заставляю его нервничать. Я выгляжу как любая Сонми в любой старой ресторации, отвечал он, но когда открываю рот, то становлюсь доктором философии. Аспирант, закинув ногу на ногу, сидел в шезлонге и покачивался, удивленно проводя рукой сквозь магнитное поле. Он признался:

— Какой-то голосок у меня в голове все время твердит: «Помни, эта девушка — то есть женщина — то есть личность — веха в истории науки. Первая стабильная вознесенная! Или, скорее, возносящаяся. Следи, Им, за тем, что говоришь! Пусть это звучит основательно!» Вот почему я, гм, исторгаю из себя всего лишь ничтожные бессмыслицы.

Я заверила его, что в гораздо большей мере чувствую себя образчиком, а не вехой.

Хэ-Чжу пожал плечами и, помахивая Душевным кольцом, сообщил, что профессор разрешает мне провести вечер в городе.

— Все затраты за счет Единодушия! Кредит неограниченный, буквально. Ну и каковы же ваши представления о развлечениях?

Я извинилась: у меня не было никаких пред-

ставлений.

— Ладно, — попытал удачи Хэ-Чжу, — что вы обычно делаете, чтобы отдохнуть?

Играю в го со своим сони, ответила я.

— Чтобы отдохнуть? — недоверчиво переспросил он. — Кто выигрывает, вы или сони?

Сони, ответила я, иначе как мне удавалось бы совершенствоваться?

Значит, победители, предположил Хэ-Чжу, на самом деле проигрывают, потому что ничему не учатся? Кто же тогда проигравшие? Победители?

Не в силах понять, насколько он серьезен, я сказала:

— Если побежденные могут использовать то, чему их научили их противники, то да, проигравшие спустя долгое время могут стать победителями.

— Всемилостивая Корпократия! — фыркнул Хэ-Чжу Им. — Давайте-ка поедем в город и потратим там энную сумму.

Не раздражал ли он вас немного?

Поначалу он раздражал меня очень сильно, но я напомнила себе, что он был средством от моего недомогания, предписанным профессором Мефи. Кроме того, Хэ-Чжу сделал мне комплимент, назвав меня «личностью», и даже Юна-939

не разговаривала со мной так непосредственно. Я спросила у него, чем он обычно занимается вечерами девятого дня, когда его не принуждают присматривать за призовыми образцами.

С дипломатично пригашенной улыбкой он сказал мне, что люди из слоя Мефи никогда никого не принуждают, только намекают. Он мог отправиться с однокашниками в ресторацию или бар или, если бы ему улыбнулась удача, пойти в клуб с какой-нибудь девушкой. Я не относилась к числу его однокашников и не была в строгом смысле слова девушкой, так что он предложил мне пойти в пассаж, чтобы «отведать плодов Ни-Со-Копроса».

Не будет ли он смущен, спросила я, если его увидят в обществе Сонми? Я могу надеть шляпу и палантин.

Хэ-Чжу Им, поколебавшись, предложил вместо этого накладную бороду чародея и рога северного оленя. Я извинилась: у меня ничего такого не было. Молодой человек улыбнулся, попросил прощения за очередную глупую шутку, сказал, чтобы я надевала все то, в чем мне самой будет удобно, и заверил, что в городе я буду гораздо незаметнее, чем в лекционном зале. Такси стоит внизу, и он подождет меня в вестибюле.

Вы нервничали, покидая Тэмосан?

Да, слегка. Хэ-Чжу развлекал меня разговорами о достопримечательностях. Мы направили такси через Мемориал Поверженным Плутократам, вокруг Дворца Кёнпокын и вниз по авеню Девяти Тысяч РекЛ. Водитель был чистокровным бангладешцем и сразу же почуял, что ему перепадет немало от наших обильных трат.

— Сегодня идеальная ночь для Лунной Башни, господин, — ввернул он. — Очень ясная.

Хэ-Чжу согласился поехать туда. Спиральная дорога поднималась к гигантской пирамиде, высоко-высоко вздымавшейся надо всеми навесами, надо всем вообще, за исключением корпократических монолитов. Вам, Архивист, приходилось подниматься на Лунную Башню ночью?

Нет, даже днем там не был. Мы, горожане, по большей части предоставляем ее туристам.

Поднимитесь. С 234-го этажа мегаполис казался ковром из ксенона, неона, движения, диоксидов углерода и навесов. Если бы не стеклянный купол, сказал мне Хэ-Чжу, ветер на такой высоте унес бы нас, как бумажных змеев, а то и вышвырнул бы нас на орбиту, наподобие спутников. Он указывал на различные возвышенности и наземные ориентиры: о некоторых я слышала или виде-

ла их по 3-мерке либо РекЛ, о других ничего не знала. Площадь Чхонмё-Плаза укрывалась за монолитом, но виден был ее стадиум: распахнутый глаз голубого дневного света. Лунным спонсором в ту ночь была Семенная Корпорация. Огромный лунный прожектор, установленный на далекой Фудзи, высвечивал на поверхности луны одну РекЛ за другой: помидоры размером с младенца, кремовые кубы цветной капусты, цельные корни лотоса. Из сочного рта логомана Семенной Корпорации выдувались речевые пузыри, гарантируя, что его продукты на сто процентов модифицированы по геному.

Спускаясь, пожилой таксист рассказывал о своем детстве в отделенном мегаполисе под названием Мумбай, ныне захваченном мертвыми землями; в то время луна всегда оставалась голой. Хэ-Чжу заметил, что луна без РекЛ на ней повергла бы его в ужас.

В какой пассаж вы отправились?

В тот, что в саду Вансимни: настоящая энциклопедия потребления! Часами я показывала Хэ-Чжу на разные предметы, чтобы он мне их называл: там были бронзовые маски, супы быстрого приготовления из птичьих гнезд, фабриканты-игрушки, позолоченные судзуки, воздушные

фильтры, мотки пряжи, устойчивой к кислоте, говорящие модели Возлюбленного Председателя и статуэтки Председателя Имманентного, ароматическая пудра из драгоценных камней, шарфы из жемчужного шелка, карты реального времени, артефакты из мертвых земель, программируемые скрипки. Хэ-Чжу провел меня по отделу фармакологии: пакеты пилюль от рака, СПИДа, болезни Альцгеймера, отравления свинцом; от ожирения, истощения на нервной почве, облысения, волосатости, избыточной веселости, угрюмости; таблетки свежести, таблетки, снимающие зависимость от таблеток свежести.

Пробило двадцать один час, но мы не обошли еще и одного участка. Как же переполняла потребителей жажда покупать, покупать, покупать! Чистокровные казались мне сплошной губкой потребностей, всасывающей товары и услуги из каждого киоска, ресторации, бара, магазина, закоулка.

Хэ-Чжу привел меня на платформу со стильным кафе, где купил стиролку звездомеси для себя и акву для меня. Он объяснил, что, согласно Статутам Обогащения, потребители должны каждый месяц тратить фиксированную квоту долларов, которая зависит от того, к какому они принадле-

жат слою. Накопление является преступлением против корпократии. Это я уже знала, но не стала его перебивать. Хэ-Чжу сказал, что его матери современные пассажи кажутся устрашающими, так что обычно он сам расходует требуемую квоту.

Я попросила его рассказать, каково чувствовать свою принадлежность к семье. Аспирант одновременно улыбнулся и нахмурился.

— Вынужденное бремя, — поведал он мне. — Мамино хобби состоит в коллекционировании незначительных недугов и лекарств для их излечения. Папа работает в Министерстве статистики и засыпает перед 3-меркой, уткнувшись носом в стакан.

Оба его родителя, признался он, были зачаты наобум, и они продали свою квоту на второго ребенка, чтобы выправить геном Хэ-Чжу. Это позволило ему нацелиться на давно лелеемую карьеру: начиная с диснеев своего детства (принудительных драм) он мечтал стать человеком Единодушия. Выбивать ногами двери ради денег — это представлялось ему прекрасной жизнью.

Должно быть, родители очень его любили, раз пошли на такую жертву, заметила я. Хэ-Чжу ответил, что их пенсия будет браться из его жалованья. Потом он спросил, не испытала ли я

сейсмического потрясения, когда мои корни были отняты от заведения Папы Сонга и пересажены в лабораторию Бум-Сука. Не скучала ли я по тому миру, на пребывание в котором был рассчитан мой геном?

Я ответила, что фабриканты сориентированы на то, чтобы ни по чему не скучать.

— А вы разве еще не вознеслись над своей ориентацией? — спросил он наудачу.

Я сказала, что об этом надо подумать.

Не пришлось ли вам испытать в пассаже каких-нибудь негативных реакций со стороны потребителей? В качестве Сонми, оказавшейся вне заведения Папы Сонга, я имею в виду.

Нет. Там было много других фабрикантов: носильщики, слуги и уборщики, так что я не слишком выделялась. Потом, когда Хэ-Чжу пошел в гигиенер, какая-то женщина с ярко-красными веснушками, подростковым цветом лица, но предательски состарившимися глазами извинилась за то, что беспокоит меня.

— Слушайте, я наблюдательница мод из Масс-медиа, — сказала она. — Зовите меня Лили. Я шпионила за вами. — Тут она захихикала. — Но женщине с вашим мужеством, вашим чутьем, а более всего — с вашим предвидением, моя доро-

гая, именно этого и следует ожидать.

Я очень смутилась.

Она сказала, что я на ее памяти первая потребительница, полностью сделавшая правку лица под широко известную фабрикантку-прислугу. В более низких слоях, пояснила она, мое модное притязание могли бы счесть слишком смелым или даже противоречащим слою, но она считала его гениальным. Она спросила, не хочу ли я стать моделью для «вызывающе шикарного 3-мерного журнала». Платить, заверила она, мне будут воистину запредельно: друзья моего приятеля станут пресмыкаться от ревнивой зависти. А нам, женщинам, добавила она, ревность в наших мужчинах столь же приятна, как доллары в Душе.

Я отказалась от предложения, поблагодарив ее и добавив, что у фабрикантоk не бывает приятелей. Женщина из Масс-медиа притворно рассмеялась моей мнимой шутке и исследовала каждую черточку моего лица. Она умоляла сказать ей, какой лицеправ занимался мною.

— Я просто обязана встретиться с этим мастером. Такой миниатюрист!

После маточной цистерны и ориентации, сказала я, всю свою жизнь я провела за прилавком у Папы Сонга, так что никогда не встречалась со

своим лицеправом.

На этот раз смех исследовательницы мод был шутовским, но раздраженным.

О, наконец-то до меня дошло — она, значит, не могла поверить, что вы не являетесь чистокровной?

Она дала мне свою карточку и настойчиво просила меня передумать, предостерегая, что такие возможности, которые предлагает мне она, не открываются десять дней в неделю.

Когда такси подвозило меня к Единодушию, Хэ-Чжу Им попросил меня называть его впредь только по имени. «Мистер Им» — а то он чувствовал себя, словно на семинаре. Под конец он спросил, буду ли я свободна в следующий девятый день.

Я сказала, что не хочу, чтобы он тратил свое драгоценное время, выполняя профессорские поручения, но Хэ-Чжу настаивал, уверяя, что ему очень хорошо в моем обществе. Тогда я приняла его приглашение.

Стало быть, та экскурсия помогла избавиться от вашего… томления?

Да, в какой-то мере. Она помогла мне понять, что твое окружение является ключом к твоей

личности, но то мое окружение, которое я знала у Папы Сонга, было ключом потерянным. Я обнаружила, что хочу снова посетить свою прежнюю ресторацию под площадью Чхонмё-Плаза. Я не могла бы до конца объяснить почему, но импульс может быть одновременно и смутно осознаваемым, и сильным.

Вряд ли для вознесенной прислуги было разумно посещать ресторацию.

Я и не утверждаю, что это было разумно, говорю лишь, что мне это было необходимо. Хэ-Чжу десятью днями позже тоже засомневался, тревожась, как бы случайно «не откопать то, что давно погребено».

Я ответила, что погребла слишком много самой себя, так что аспирант согласился сопровождать меня, при условии что я переоденусь потребительницей. Вечером следующего девятого дня он показал мне, как закручивать волосы и пользоваться косметикой. Шелковый шейный платок скрыл мой ошейник, а в лифте, спускавшемся к такси, он покрыл мне лицо черными жадеитовыми тенями.

Оживленным вечером четвертого месяца площадь Чхонмё-Плаза не была тем замусоренным ветровым тоннелем, какой помнилась мне со

дня моего освобождения: нет, это был бурлящий калейдоскоп РекЛ, потребителей, чиновных и поп-сонгов. Монументальная статуя Возлюбленного Председателя взирала на свой роящийся народ с выражением мудрым и милостивым. Арки Папы Сонга тянулись с самого южного края площади и сходились в фокус. Хэ-Чжу взял меня за руку и напомнил, что мы в любой момент можем повернуть обратно. Когда мы встали в очередь к лифту, он надел мне на палец Душевное кольцо.

Зачем? На тот случай, если бы вы разделились?

Думаю, ради удачи: у Хэ-Чжу была суеверная жилка. Войдя в лифт, мы оказались в ужасной давке. Когда я поднималась в нем с мистером Чаном, все было совсем по-другому! Неожиданно двери раскрылись, и толпа голодных потребителей увлекла меня в ресторацию. Меня толкали со всех сторон, а я стояла, поражаясь, насколько обманчивыми были мои воспоминания об этом заведении.

В каком смысле?

Некогда просторный купол оказался таким убогим. Его великолепные красные и желтые огни выглядели такими мертвыми и пошлыми. Мне

помнился здоровый и чистый воздух: теперь из-за его жирного зловония у меня перехватывало дыхание. После тишины на Тэмосане шум, царивший в ресторации, был подобен нескончаемой перестрелке. Папа Сонг стоял на Своем Постаменте, приветствуя нас. Я пыталась сглотнуть, но у меня пересохло в горле: конечно же, мой Логоман осудит свою блудную дочь?

Нет. Он поморгал на нас, дернул самого себя кверху за шнурки собственных найков, чихнул, ахнул — и погрузился в Свой Постамент. Дети визгливо рассмеялись. Я поняла, что Папа Сонг был всего лишь игрой света. Как могла пустопорожняя голограмма когда-то внушать мне священный ужас?

Хэ-Чжу пошел искать стол, а я тем временем кружила вокруг Центра. Мои сестры улыбались под слащавыми лампами, свисавшими с потолка. Как неутомимо они работали! Здесь были Юны, здесь была Ма-Да-Лью-108, чей ошейник ныне похвалялся одиннадцатью звездочками, — одна была заработана на несчастье моей погибшей подруги. За старым моим прилавком на западной стороне стояла новенькая Сонми. Здесь же была и Келима-889, заменившая Юну. Я встала к ее кассе, и, по мере того как приближалась очередь,

нервничала все сильнее.

— Здравствуйте! Келима-восемьсот восемьдесят девять к вашим услугам! Аппетитно, волшебно, как всегда у Папы Сонга! Да, мадам? Чем порадовать вас сегодня?

Я спросила, узнает ли она меня.

Келима-889 улыбнулась сверх всякой меры, чтобы скрыть свое смущение.

Я спросила, помнит ли она Сонми-451, прислугу, работавшую рядом с ней и однажды утром исчезнувшую.

Бессмысленная улыбка: глагол «помнить» не входит в лексикон прислуг.

— Здравствуйте! Келима-восемьсот восемьдесят девять к вашим услугам! Аппетитно, волшебно, как всегда у Папы Сонга! Чем порадовать вас сегодня?

— Ты счастлива, Келима-восемьсот восемьдесят девять? — спросила я.

Улыбку ее, когда она закивала, озарил энтузиазм. «Счастлива» — это слово из Второго Катехизиса: «При условии, что я повинуюсь Катехизисам, Папа Сонг меня любит; при условии, что Папа Сонг меня любит, я счастлива».

Меня уязвило это жестокое принуждение. Я спросила у Келимы, не хочется ли ей жить так,

как живут чистокровные. Сидеть за столиками в ресторации, а не вытирать их?

Келима-889, отчаянно желая услужить, сказала:

— Прислуги едят Мыло!

Да, упорствовала я, но разве ей не хочется увидеть Внешний мир?

Должно быть, когда у Юны-939 проявлялись «отклонения», на лице у меня было написано то же, что у Келимы-889 после этого вопроса. Она сказала:

— Прислуги не выходят во Внешний мир, пока не получат двенадцать звездочек.

Меня подтолкнула девушка-потребительница с цинковыми колечками и накладными ногтями.

— Если вам необходимо издеваться над тупыми фабрикантками, занимайтесь этим по утрам первого дня. Мне требуется пройтись по пассажам до комчаса, понятно?

Я спешно заказала у Келимы-889 сок из лепестков розы и акульи десны. Очень жалела, что рядом со мной не было Хэ-Чжу, и держала ухо востро на тот случай, если бы Душевное кольцо вышло из строя и выдало меня. Устройство сработало, но мои вопросы уже пометили меня как смутьянку.

— Демократизируйте своих собственных фабриканток! — сердито прошипел какой-то мужчина, когда я протискивалась мимо с подносом. — Аболиционистка!

Другие чистокровные, стоявшие в очереди, поглядывали на меня с беспокойством, точно я была носительницей какой-то болезни.

Хэ-Чжу нашел свободный столик в западном секторе — там, где я прежде работала. Сколько десятков тысяч раз вытирала я эту поверхность? Хэ-Чжу тихонько спросил, обнаружила ли я что-нибудь ценное.

— Мы здесь рабыни на срок в двенадцать лет, — шепнула я.

Аспирант Единодушия только потер себе ухо и проверил, не подслушивает ли нас кто-нибудь, но выражение его лица подсказало мне, что он со мной согласен. Он стал потягивать свой розовый сок. Десять минут мы молча смотрели РекЛ: там показывали, как советник Чучхе открывает новый, более безопасный ядерный реактор, ухмыляясь так, словно от этого зависело его пребывание в слое. Келима-889 убирала стол рядом с нами; обо мне она уже забыла. Может, «ай-кью» у меня и был выше, но выглядела она куда более довольной, чем чувствовала себя я.

Значит, ваш визит к Папе Сонгу был… способом разрядки? Вы нашли «ключ» к своей вознесенной личности?

Возможно, он помог мне избавиться от лишнего напряжения, да. Если какой-нибудь ключ и был, то он состоял лишь в том, что никакого ключа не существовало. У Папы Сонга я была рабыней; на Тэмосане — рабыней привилегированной. Однако случилось еще кое-что, когда мы направлялись обратно к лифту. Я узнала миссис Ли, работавшую на своем сони, и громко назвала ее по имени.

Женщина, которая после приема таблеток свежести выглядела безукоризненно, удивленно улыбнулась сочными губами новой модели.

— Я была миссис Ли, но теперь я миссис Ан. Мой бывший муж утонул на рыбной ловле в прошлом году. Несчастный случай.

Я сказала, что это просто ужасно.

Миссис Ан утерла глаза рукавом и спросила, хорошо ли я знала ее покойного мужа.

Лгать труднее, чем чистокровные это изображают. Миссис Ан повторила свой вопрос.

— До нашего брака моя жена работала в Корпорации, занималась стандартизацией блюд, — торопливо объяснил Хэ-Чжу. Положив руку мне

на плечо, он добавил, что эта закусочная была в зоне моей деятельности и что Смотритель Ли был образцовым работником корпократии. Однако в миссис Ан уже пробудились подозрения, и она спросила, когда именно это могло быть. Теперь я знала, что сказать.

— Когда главным его пособником был потребитель по имени Чо.

Оттенок ее улыбки изменился.

— Ах да. Пособник Чо. Отправлен куда-то на север, по-моему, чтобы обучиться командному духу.

Хэ-Чжу взял меня за руку со словами:

— Ладно, «Все за Папу Сонга, Папа Сонг за всех». Нас, дорогая, зовут пассажи. Миссис Ан явно не из тех женщин, что попусту тратят время.

Позже, когда мы вернулись в мою тихую квартиру, Хэ-Чжу одарил меня комплиментом:

— Если бы я всего за двенадцать месяцев вознесся от прислуги до почти что гения, то моим нынешним жилищем был бы не гостевой квартал Факультета Единодушия, но какая-нибудь психиатрическая палата. Серьезно, я оказался бы в самом сердце страны Тру-ля-ля. Вы говорите о «депрессии» — а я вижу одну только жизнестойкость. Вам дозволено чувствовать себя запутавшейся и

вывернутой наизнанку. Эта… экзистенциальная тошнота, что вы испытываете, она лишь доказывает, что вы истинно человечны.

Я спросила, как мне излечиться от приступов этой тошноты.

— Вам не излечиться. Придется их терпеть.

До самого отбоя мы играли в го. Хэ-Чжу выиграл первую партию, а я — вторую.

Сколько же было таких экскурсий?

Каждый девятый вечер вплоть до Дня Корпократии. Близкое знакомство породило во мне уважение к Хэ-Чжу, и вскоре я стала разделять высокое мнение о нем, которого придерживался советник Мефи. Профессор во время семинаров никогда не расспрашивал о наших вылазках; возможно, его протеже предоставлял отчеты, но Мефи хотел, чтобы у меня была, по крайней мере, иллюзия личной жизни. Дела в Совете поглощали у него все больше времени, и я стала видеть его менее регулярно. Утренние тесты продолжались: передо мной проходила целая процессия любезных, но незапоминающихся ученых.

Хэ-Чжу, как всякий сотрудник Единодушия, был увлечен интригами, которые плелись в кампусе. Я узнала, что Тэмосан был не единым организмом, но свалкой враждующих племен и

групп интересов, в большой степени походя на само Чучхе. Факультет Единодушия удерживал презрительное господство. «Тайны — это магические пули», — любил говорить Хэ-Чжу. Но это господство было и причиной того, почему у стажеров-принудителей было мало друзей за пределами факультета. Девушек, занятых поисками мужа, признавал Хэ-Чжу, привлекало его будущее положение, но мужчины-ровесники избегали напиваться в его обществе.

Архивист, приближается время моей отправки в Дом Света. Нельзя ли перейти к последней моей ночи в кампусе?

Пожалуйста.

У Хэ-Чжу была сильнейшая страсть к диснеям, а одним из преимуществ обучения у профессора Мефи был доступ к запретным картинам в архивах безопасности.

Вы имеете в виду самиздат Союза из Промышленных Зон?

Нет. Я имею в виду даже еще более запретную зону: прошлое, эпоху до Столкновений. Диснеи в те дни назывались «фильмами». Хэ-Чжу сказал, что древние обладали артистизмом, который 3-мерки Корпократии давно утратили. Поскольку

единственными диснеями, которые мне доводилось видеть, было порно Бум-Сука, пришлось поверить Хэ-Чжу на слово. В последнюю девятую ночь шестого месяца он явился с ключом от просмотровой аудитории, объяснив, что перед ним заискивает некая миловидная студентка с Факультета Масс-медиа. Говорил он театральным шепотом.

— Я раздобыл диск с одним из самых великих фильмов, когда-либо снятых любым режиссером любой эпохи.

А именно?

Это была плутовская картина под названием «Страшный Суд Тимоти Кавендиша», снятая до основания Ни-Со-Копроса, в некоей провинции бесплодной европейской демократии, давно захваченной мертвыми землями. Вы, Архивист, видели когда-нибудь фильм, датирующийся началом двадцать первого века?

Всемилостивая Корпократия, нет! Архивист восьмого слоя не станет так независим от безопасности даже в самых неистовых своих мечтах! Меня уволили бы за один только запрос, и я изумлен, что простой аспирант имел доступ к столь подстрекательскому материалу, пускай

даже и аспирант Единодушия.

Никогда не могла понять, почему у Чучхе под таким запретом исторический дискурс. Не из-за того ли, что, будь обозрение истории разрешено, представители низших слоев смогли бы получить доступ к банку человеческого опыта, который соперничал бы с Масс-медиа, а порой и вовсе ей бы противоречил? С другой стороны, корпократия финансирует ваше Министерство архивации, призванное сохранять исторические записи для будущих эпох.

Да, но наше существование скрыто от низших слоев. Это государственная тайна.

За исключением тех, кто приговорен к Дому Света.

Как бы там ни было, будущие эпохи все равно будут корпократическими. Ведь корпократия — это не просто очередная политическая система, что приходит и уходит; корпократия — это естественный порядок, гармонирующий с человеческой природой. Но мы отклоняемся от темы. Почему Хэ-Чжу Им решил показать вам этот самый «Страшный Суд»?

Возможно, так его проинструктировал профессор Мефи. Возможно, других причин, кроме

любви Хэ-Чжу Има к этому диснею, не было. Какой бы причина ни была, фильм этот полностью завладел моим вниманием. Прошлое неописуемо отлично от эпохи Ни-Со-Копроса, однако же неуловимо на нее похоже. Люди в те дни с возрастом увядали и делались некрасивыми: таблеток свежести не существовало. Престарелые чистокровные ожидали смерти в тюрьмах для слабоумных: не было ни фиксированных сроков жизни, ни пунктов эвтаназии. Доллары имели хождение в виде маленьких листков бумаги. Всю грязную работу чистокровные выполняли сами: единственных фабрикантов можно было встретить среди чахлого домашнего скота. Однако корпократия уже зарождалась: выделялись социальные слои, основанные на долларах и, как ни странно это звучит, на количестве темного пигмента в коже.

Могу себе представить, как вы были зачарованы…

Разумеется: пустынная аудитория служила тревожной рамой для тех исчезнувших ландшафтов, где все время лился дождь. По экрану ходили гиганты в свете солнца, уловленного линзами, когда дед вашего деда, Архивист, сучил ножками в своей естественной матке.

Прошлое приходит в упадок со скоростью времени, но диснеи позволяют ненадолго его воскресить. Давно сровнявшиеся с землей здания и в незапамятные времена разложившиеся лица словно бы говорят: подлинная иллюзия — это ваше настоящее, а не мы. На пятьдесят минут, впервые с начала своего вознесения, я забылась — целиком и полностью. Пятьдесят минут я, сидя рядом с Хэ-Чжу перед экраном, испытывала счастье.

Всего пятьдесят минут?

Ручной сони Хэ-Чжу заворковал во время ключевой сцены, когда у книжного вора, по имени которого назван фильм, случилось что-то вроде удара; лицо его, перекошенное при виде тарелки с бобами, застыло. Из ручного сони Хэ-Чжу раздался паникующий голос:

— Это Си-Ли! Я здесь, у двери! Впусти меня! Случилось страшное!

Хэ-Чжу нажал на кнопку дистанционного ключа, и, когда дверь диснейариума открылась, по пустым сиденьям скользнул клин желтого света. Вбежал какой-то студент с лицом, блестевшим от пота, и поприветствовал Хэ-Чжу. Он принес новость, которая в очередной раз распустила все нити моей жизни. А именно, сорок или пятьдесят

принудителей штурмом взяли Факультет Единодушия, арестовали профессора Мефи, а теперь искали нас. Им приказано схватить Хэ-Чжу для допроса и убить меня, как только увидят. Все выходы из кампуса охранялись вооруженными принудителями.

Вы помните, что подумали при этом известии?

Думать я просто не могла.

Теперь мой товарищ излучал мрачную властность, которая, как я поняла, всегда в нем присутствовала. Он посмотрел на свой ролекс и спросил, не схвачен ли мистер Чан. Си-Ли, посыльный, доложил, что мистер Чан отправился на подземную фордовую стоянку.

Человек, которого я знала как аспиранта Хэ-Чжу Има, высвеченный лицом умершего актера, исполнявшего написанную более века назад роль, повернулся ко мне.

— Сонми-четыреста пятьдесят один, я не совсем тот, за кого себя выдавал.

п’реправа возле Слуши и все ост’льное

Наши со Старым Джорджи тропки п’ресекалис’ больше раз, чем упомню, и когда я помру, то и не г’ворите, чего этот ядовитый дьявол не поп’тается со мною с’творить… так шо дайте-ка мне баранины, и я р’скажу вам о нашей первой с ним ’стрече. Жирный такой, со-очный кус, не, не эти ваши плоские горелики…

Мы с Па и Адамом, моим братеем, по слякотным дорогам катили ’братно с рынка Хонокаа. У нас сломалас’ тележная ось, да и одежки вк’нец измызгалис’. Вечер застал нас вдали от дома, так шо мы остановилис’ на южном берегу п’реправы возле Слуши, пот’му шо река Вайпио ярилас’ от мног’дневных ливней и раздулас’ из-за весеннего паводка. Слуша — земля друж’любная, однако б’лотистая, никто не живет в Долине Вайпио, кроме мильона птиц, поэтому мы не собиралис’ ни маскировать п’латку, ни затягивать под кусты телегу, ничего. Па отправил меня искать трут и дрова для костра, а они с Адамом принялис’ ставить п’латку.

Ну вот, а в тот день у меня из дырищи ужас как дристало, пот'му шо я съел в Хонокаа ногу хромой собаки, и я сидел на корточках в чаще железных д'ревьев над оврагом, как вдруг на мне чьи-то глаза, я их почу'с'вовал.

— Кто там? — крикнул я, и все заглушающий пап'ротник поглотил мои слова.

А ты, парень, в темное местечко забрался, прошелестел пап'ротник.

— Назовис'! — крикнул я, хоть и не так громко. — Смотри, нож при мне!

Прям' у меня над головой кто-то шепнул, Сам назовис', парень, ты Закри-Храбрец али Закри-Трус? Я глянул вверх и, само собой, сидел там на гниющем дереве Старый Джорджи со скрещенными ногами, а в глазах его г'лодных была такая хитрованская ухмылочка.

— Тебя я не боюс'! — сказанул я ему, хоть, если по правде, голос мой был все равно шо утиное пуканье среди урагана.

Внутри я весь так и трепетал, когда Старый Джорджи спрыгнул со своей ветки, и шо же потом случилос'? Он исчез в неясном порыве ветра, вот так, прям' у меня за спиной. Ничего там… кроме пухлой жир-птицы, к'торая вынюхивала личинок. Так и напраш'валас', шоб ее ощипали

и насадили на вертел! Ладно, думаю, значит, Закри-Храбрец осадил Старого Джорджи, так-то, и тот отправился охотить других, шо потрусливее будут. Хотел р'сказать Па и Адаму о своем жутком приключении, но ведь истории куда приятнее, когда рот разламывается, п'ремалывая птичьи ребрышки, так шо тихо-тихо натянул я портки, подкрался к этой мясистой перистой стерве… и бросился на нее.

Мадам Жир-птица шо? Проскользнула у меня сквозь пальцев и запрыгала наутек, но я не сдавался, не, я погнал за ней вверх по течению через колдобины и колючие заросли, хрустя сухими ветками и всем таким прочим, и колючки ужас как ц'рапали меня по лицу, но, вишь, у меня была такой жар гоночный, так шо я не замечал, шо деревья редеют, шо водопады Хилаве ревут все ближе, ничего не замечал, пока не выбежал дуром прям' на прогалину у заводи и не оторопел, увидав табун лошадей. Не, не диких лошадей, эт' были лошади в кожаной броне, убранной драгоценными камнями, а на Большом острове эт' означает то'ко одно, ну да, Конов.

Десять-двенадцать раскрашенных дикарей уже поднимали-доставали свои кнуты да клинки, обращало' ко мне с воинственными криками! У,

теперь я улепетывал обратно, вниз по оврагу, тем самым путем, к'торым пришел, да-да, охотничек стал дичью. Ближайший Кон бежал за мной, остальные прыгали на своих лошадей и смеялис', радуяс' потехе. Теперь шо? Страх, он, конечно, окрыляет ноги, но он еще и путает тебе мысли, вот я и скакал, шо твой кролик, обратно к Па. Я же был то'ко девятилетка, поэтому прост' следовал своему инстинкту, не продумывая, шо может случиться.

Но до нашей п'латки я так и не добрался, иначе не сидел бы здесь, не 'сказывал бы вам своих историй. Споткнувшис' о крепкий корень — о ногу Джорджи, мож' быть, — я покатился-закувыркался в яму с жухлыми листьями, к'торые укрыли меня от копыт Конов, громыхавших надо мной. Я оставался там, слыша их пьяные крики, к'торые проносилис' мимо, всего в нескольких ярдах, мчалис' через деревья… прямо к Слуше. К Па и Адаму.

Я полз скрытно-быстро, но таки опоздал, слишком опоздал, ей. Коны кружили по нашему лагерю, щелкая своими бычьими кнутами. Па размахивал топ'ром, и мой братей схватил свою пику, но Коны с ними прост' игралис'. Я остановился на краю поляны, страх, вишь, совсем

отравил мне кровь, и никак не мог двинуться дальше. Хрясь! щелкнул кнут, и Па о Адамом опрокинулис' наземь и стали корчиться, к'бу-то угри на песке. Вождь Конов, хищный такой стервец, слез со своей лошади, по мелк'водью пошлепал к Па, улыбаяс' своим раскрашенным братеям, достал свое лезвие и вскрыл Па горло от уха до уха.

Ничего такого алого, как кровь, шо хлестала из горла Па, я в жизни не видел. Вождь слизнул кровь Па со стали.

Адам был ош'ломлен, все его мужество улету-чилос'. Раскрашенный стервец связал самому старшему моему братею пятки-запястья и п'рекинул его через седло, к'буто куль таро, а остальные шныряли по нашему лагерю, собирая железяки и все такое, а чего не забрали, то все порушили. Вождь вскочил на свою лошадь, повернулся-посмотрел прям' на меня… глаза те были глазами Старого Джорджи. Закри-Трус, они сказали, ты родился быть моим, вишь, так зачем же противиться?

Доказал я, шо он не прав? Остался, шоб вонзить-погрузить свое лезвие в шею кому из Конов? Проследил за ними до их лагеря, шоб освободить-спасти Адама? Не, Закри-Храбрец Девятилетка, он

по-змеиному шмыгнул в лиственное укрытие и стал скулить-молить Сонми, шоб не схватили-поработили и его тож'. Ей, эт' все, чего я сделал. Ох, да был бы я на месте Сонми, я б, такое услышав, то'ко покачал бы головой с отвращением да и раздавил бы меня, шо твоего навозного жука.

Па все еще лежал-качался в соленом мелк'водье, 'гда я прокрался обратно после наступления ночи; вишь, река успокаивалас', и небо теперь прояснялос'. Па, к'торый меня журил-колошматил-любил, был скользким шо пещерная рыба, тяжелым шо корова, х'лодным шо камень, и всю кровь до капельки высосала из него река. Я не мог толком горевать, ни чего еще, все было прост' кошмаром-ужасом, вишь. Теперь так: от Слуши от Костяного берега оставалос' миль шесть-семь то вверх, то вниз, так шо я насыпал курган для Па прям' там, на месте. Не мог вспомнить святых слов Аббатиссы, кроме Дорогая Сонми, среди нас пребывающая, верни эту возлюбленную душу в утробу Долины, молим тебя. Значит, сказал я их, п'ребрался через Вайпио и побрел петляющей тропкой через ночной лес.

Крошка-сова заухала на меня, Славно сражался, Закри-Храбрец! Я крикнул птице заткнуться, но она ухнула мне в ответ, А то? Ты 'скурочишь

меня, как ’скурочил их, Конов? О, ради моих цыпа-цыц-цыпочек, поимей мил’сердие! Сверху, с Кохалских гор, доносился вой динго, Закриии-ии-и-Трууу-уу-ус! Нак’нец луна, она подняла свое лицо, но эта холодная дама ничего не г’ворила, не, ей и надо было, я знал, шо она думает о’ мне. Адам смотрел на ту же луну, то’ко в двух-трех-четырех милях от меня, но помочь ему я мог не больше, чем если б он был дальше Дальнего Гон’лулу. Я взорвался-открылся и взыдью рыдал-рыдал-рыдал, ей, шо твой спеленатый-связанный бебень.

Через милю вверх по холмам я добрался до жилища Авеля и поднял их всех своими воплями. Меня впустил старший Авеля, Исаак, и я сказал им, шо случилос’ на п’реправе у Слуши, но… сказал ли я всю правду? Не, завернутый в одеяла Авеля, согреваяс’ у их огня и обгладывая предложенные ими косточки, мальчик Закри врал. Я не ’знался, шо эт’ я привел Конов к лагерю Па, вишь, я сказанул им, шо прост’ охотил в зарослях жир-птицу, а когда вернулся… Па убили, Адама забрали, и в грязи повсюду виднелис’ отпечатки копыт Конов. Ничего не мог сделать, ни тогда, ни теперь. Десяток Конов-г’ловорезов, они могут убить семью Авеля точ’ с той ж’ легкостью, шо и Па.

Ваши лица спраш’вают меня. Зачем я врал?

В новом своем ’сказе, слышь, я не был Закри-Тупицей, ни Закри-Трусом, я был прост’ Закри Невезуче-Везучим. Враки — эт’ стервятники Старого Джорджи, к’торые кружат в вышине, выглядывая внизу мал’рослую-худ’сочную душонку, шоб ’пасть-погрузить в нее свои клювы, и той ночью в жилище Авеля той мал’рослой-худ’сочной душонкой, ей, был я сам.

Теперь вот вы смотрите на морщинистого хмыря, легкие у меня опрели, и эт’ потихоньку отбирает у меня дыхание, так шо немного еще зим я увижу снаружи, не, не, я эт’ знаю. Кричу вот через больш’ чем сорок лет себе самому, Закри-Девятилетке, Эй, слушай! Времена теперь такие, шо ты слаб против мира! А со временами тебе ничего не поделать! Эт ’не твоя вина, во всем виноват этот ’скуроченный мир! Но, как бы громко я ни кричал, мальчик Закри, он не слышит меня и никогда не услышит.

Козий язык — эт’ дар, ты получаешь его с того дня, как родишься, аль не получаешь. Если получил, то козы будут с уважением тебя слушаться, если нет, они прост’ потопают, забрызгают тебя грязью и станут презри’льно в сторонке. На каждом рассвете доил я козочек, а и большую часть

дней вел все стадо вверх, к горловине Долины Элепаио и дальше, через проход Верт'бри, к вершинам Кохал. Коз тетушки Виз я тож' пас в своем стаде, у них было пятнадцать-двадцать козочек, значит, всего у меня было пятьдесят-шестьдесят, шоб следить-помогать им при родах и приглядывать за больными. Я любил этих немых животин больше, чем с'мого себя. Когда б'рабанил дождь, я промокал до нитки, отрывая от них пиявок, когда жгло солнце, покрывался коричневой хрустящей корочкой, а если мы поднималис' в Кохалы высоко, бывали времена, когда не спускался 'братно три-четыре ночи подряд, ей. В горах рыскали динго, норовя унести какого-ни'удь шаткого нов'рожденного, если ты не возражал им своей пикой. Когда мой Па был мальчиком, дикари из племени Мукини прибредали, бывало, с Подветренной стороны и угоняли козу-другую, но потом Коны поработили Мукини по всему югу, и старые их жилища в Хауи покрылис' мхом, теперь там хозяйничали то'ко муравьи. Мы, коз'пасы, знали Кохалы как никто другой, все расщелины-ручьи-убежища, стальные деревья, к'торые пропустили сборщики добра старых времен, и одно-два-три зданий Древних, о к'торых никто не знал, кроме нас.

Коз'пасы славятся тем, что покрывают девчонок. Вишь, ежели девчонка з'пала на коз'паса, то ей надо пойти на наш свист, туда, где нет людей, и мы займемся этим под небом, и никто не увидит, кроме коз, а те никогда не скажут нич'о Старушке Молве. Первого своего бебеня я посадил в Джейджо из жилища Каттер-Фута; было это под лимонным деревом, вишь, солнечным таким денечком. По крайности, она была первой, кого я знал. А девчонки, они так морочат насчет кто, когда и все такое. Мне было двенадцать, тело у Джейджо было крепкое-жадное, она смеялас', и оба мы кол'бродили и с ума сходили от любви, ей, прям' как вы, двое здесь сидящих, так шо 'гда Джейджо стала созревать, мы г'ворили о том, шоб пожениться, вот она и п'решла жить в жилище Бейли. У нас, вишь, было много пустых комнат. Но потом у Джейджо слиш' рано вырвалис' воды, на неско'ко лун, и Банджо взяла меня к Каттер-Футу, где она рожала. Бебень вышел через всего неско'ко тактов после того, как я туда пришел.

Этому 'сказу не очень-то поулыбаешься, но вы спросили о моей жизни на Большом острове, и такие вот выплескиваются воспоминания. У бебеня не было рта, не, ни ноздрей, так шо он не мог дышать и стал умирать, как то'ко Ма Джейджо

п’перезала пуповину, бедный хмыречек. Глаза у него так и не открылис’, он то’ко почу’с’вовал на спине тепло рук своего Па, пошел дурным цветом, п’рестал сучить ножками и умер.

Джейджо была влажной-бледной-одутловатой, и похоже было, шо она тож’ умирает. Женщины сказали, шоб я вышел-освободил место для травницы.

Я понес мертвого бебеня, завернутого в шерстяной мешочек, на Костяной берег. Такой я был осиротелый, гадая, то ли у Джейджо семя было гнилым, то ли у меня, то ли прост’ удача моя прогнила. Стояло душное утро, я шел среди кустарника с кровавыми цветками, волны, пошатываяс’, шо больные коровы, взбиралис’ на берег и падали. Курган для бебеня не занял сто’ко времени, как для Па. Воздух на берегу пропал гниющими вод’рослями и плотью, старые кости лежали средь гальки, и никто не задерживался там дольше, чем требовалос’, если то’ко не был рожден мухой аль вороном.

Джейджо, она не умерла, не, но уже не нападал на нее хохот, как раньше, и мы не поженилис’, не, надо ведь знать, шо твои семена будут прорастать в чист’рожденных аль около того, так? А то кто будет соскребать мох с твоей крыши аль смазы-

вать маслом твою икону от термитов, когда тебя не будет? Значит, если я встречал Джейджо на собраниях аль обменах, она г'ворила, Дождливое се'дня утро, да же? — а я отвечал, Ну! До самой ночи будет лить, п'лагаю, и мы проходили мимо. Тремя годами позже она вышла зам'ж за одного кожевенника из Долины Кейн, но на их свадьбе я не был.

Эт' был мальчик. Наш умерший без'мянный бебень. Мальчик.

У людей Долин есть то'ко один бог — богиня, к'торую зовут Сонми. У дикарей на Большом богов обычно было больше, чем ты мог бы обмахнуть своей пикой. Внизу, в Хило, они под настроение молилис' Сонми, но у них были и другие боги — боги акул, боги вулканов, боги зерна, боги чиханья, боги волосатых бородавок, ну, прост' назови хоть шо, и Хило породит для этого бога. У Конов было целое племя богов войны, богов лошадей и всего такого. Но для людей Долин дикарские боги не стоили того, шоб их знать, не, то'ко Сонми была настоящей.

Она жила средь нас, присматривая за Девятью Долинами. Большую часть времени мы ее не видели, временами она была видима, такая морщинистая старуха с клюкой, но иногда она

представала п’редо мной в виде мерцающей де’ушки. Сонми помогала больным, исправляла испортившуюся удачу, а ’гда умирал кто-то верный-цив’лизованный, она брала его душу и вела ее обратно в чью-то матку где-ни’удь в Долинах. Иногда мы помнили свои прежние жизни, иногда ничего не могли вспомнить, порой Сонми в сновидениях г’ворила Аббатиссе, кто есть кто, порой не г’ворила… но мы знали, шо всегда родимся заново как люди Долин, и пот’му смерть не была для нас такой страшной, нет.

Если то’ко Старый Джорджи не залучил твою душу, то есть. Вишь, если ты вел себя по-дикарски и эгоистично, отвергал Цив’лизацию, аль если Джорджи соблазнял тебя на варварство и все такое, то душа твоя наполнялас’-набивалас’ и отяг’щалас’ камнями. Тогда Сонми не м’гла пристроить твою душу ни в какую матку. Такие бесчестные и корыстные люди назывались’ «отяг’щенными», и для людей Долин не было участи страшнее.

И вот звезда цив’лизованных погасла, но разве это важно? Я не могу сказать «да», не могу сказать «нет». Я вручаю свою судьбу в руки Сонми и молюс’, шоб в той жизни она отвела мою душу в хорошее место, ведь она спасла мою душу здесь,

и скоро, ежели не заснете у огня, я расскажу как.

Иконная была единственным зданием на Костяном берегу между Долиной Кане и Долиной Хонокаа. Строгих указаний держаться от нее подальше не было, но никто не входил туда прост' так, пот'му шо твоя удача загнила бы, если бы у тебя не было веской причины, шоб потревожить эту запертую под крышей ночь. Наши иконы, к'торые мы вырезали-полировали и на к'торых писали слова на протяжении жизни, хранилис' там, когда мы умирали. В мое время их там стояли тысячи, ей, каждая была какого-ни'удь человека Долин, как я, рожденного-жившего и рожденного снова с тех пор, как Флотил'я доставила наших предков на Большой Остров, шоб 'збежать Падения.

Впервые вошел я в Иконную вместе с Па, Адамом и Джонасом, когда был семилеткой. У Ма, когда она рожала Кэткин, началис' сильные кровотечения, и Па взял нас помолиться Сонми, шоб она ее вылечила, пот'му шо Иконная была особым святым местом, и Сонми обычно слушала там. Темно было внутри, как под водой. Воском и тиком, маслом и временем — вот чем там пахло. Иконы жили на полках от пола до крыши, ско'ко их там было, сказать не могу, не, не будешь ведь

п’ресчитывать их, шо коз, но ушедшие жизни превосходили по числу нынешние жизни, шо листья превосходят по числу деревья. Голос Па г’ворил во тьме, он был знакомым, но и жутким, когда просил Сонми остановить умирание Ма и позволить ее душе подольше оставаться в теле, и я в своей голове молился о том же самом, хоть и знал, шо был отмечен Старым Джорджи на п’реправе возле Слуши. А потом мы услышали шо-то вроде рева под тишиной, составленного из мильонов шепотков, шо океан, то’ко эт’ был не океан, не, эт’ были иконы, и мы знали, шо Сонми была там и слушала нас.

Ма не умерла. Сонми ее пощадила, вишь.

Во второй раз я был в Иконной, когда наступила Ночь Сновидений. Когда четырнадцать зарубок на наших иконах г’ворили, шо мы взрослые люди Долин, то мы в одиночестве спали в Иконной, куда Сонми присылала нам особое сновидение. Нек’торые де’ушки видели, за кого они выйдут зам’ж, нек’торые парни видели, как им следует жить, иной раз мы видели, шо за штуку надо отнести Аббатиссе для предсказания. Когда наутро мы покидали Иконную, то были уже мужчинами и женщинами.

Значит, после заката я лежал в Иконной под

одеялом Па со своей собственной чистой еще иконой вместо подушки. Снаружи на Костяном берегу шо-то гремело-клацало, крутилис'-вскипали буруны, и я слышал жалобного козодоя. Но то был не козодой, не, то открылся люк прям' рядом со мной, и раскач'вался канат, уходя вниз, в небо под миром. Спускайся, велела мне Сонми, и я стал, то'ко канат был сделан из человеческих пальцев и запястий, сплетенных вместе. Я посмотрел вверх и увидел огонь, опускавшийся вниз от пола Иконной. П'рережь канат, сказал какой-то скрученный человек, но я боялся, пот'му шо тогда бы упал, ей?

В следу'щем сновидении я держал своего уродца-бебеня в комнате Джейджо. Он извивался-сучил ножками, как эт' было в тот день. Быстро, Закри, сказал тот человек, вырежи бебеню рот, шоб он мог дышать! Я взял в руку лезвие и вырезал своему мальчику улыбающуюся щель, эт' было шо резать сыр. Оттуда запенилис' слова, Зачем ты убил меня, Па?

В последнем сне я шел вдоль берега Вайпио. На другой стороне увидел Адама, счастливо удившего рыбу! Я помахал, но он меня не видел, так шо я побежал к мосту, к'торого в жизни наяву там никогда не было, такому з'лотому-бронзово-

му мосту. Однако когда нак'нец я п'ребрался на сторону Адама, то горестно зарыдал, пот'му шо ничего там не оставалос', кроме заплесневелых костей и маленького с'ребряного угря, к'торый трепыхался в пыли.

Угорь этот был светом зари, пробивавшимся под дверь Иконной. Я припомнил три эти сновидения и пошел сквозь брызги бурунов к Аббатиссе, никого по пути не 'стретив. Аббатисса кормила своих цыпляток позади школьной. Она внима'льно выслушала мои сны, потом сказала, шо в них были замысловатые предсказания, и строго-строго велела мне подождать в школьной, пока она будет молиться Сонми, шоб получить их настоящие значения.

Комната школьной была тронута этой святой тайной Цив'лизованных Дней. Все книги, найденные в Долинах, стояли там на полках, делалис' они истрепанными-изъеденными, ей, но эт' были книги и слова знанья! Еще там был шар мира. Если Весь Мир был огромным-большим шаром, я не п'нимал, поч'му люди с него не падают, и до сих пор не понимаю. Вишь, я не был особо ушлым, когда учился в школьной, не то шо Кэткин, к'торая могла бы стать следу'щей Аббатиссой, если бы все пошло по-другому. Окна школьной

были из стекла, до сих пор не разбитого со времен Падения. Но самыми удиви'льными были часы, ей, единственные работающие часы в Долинах и на всем Большом острове, на всем Га-Уае, наско'ко я знаю. Когда я был школяром, то боялся этого тик-токающего паука, к'торый за нами следил и нас судил. Аббатисса учила нас Языку Часов, но я его забыл, кроме Двенадцать Часов и П'ловина Пятого. Помню, Аббатисса г'ворила, Цив'лизации необходимо время, а если мы позволим этим часам умереть, то время умрет тож', тогда как же мы сможем вернуть Цив'лизованные Дни, какими они были до Падения?

В то утро я тож' смотрел на тикалки часов, пока Аббатисса не вернулас' из своей комнаты предсказаний и не уселас' 'против меня. Она сказала, шо Старый Джорджи жаждет залучить мою душу, поэтому он наложил проклятие на мои сновидения, шоб затуманить их значение. Но Сонми сообщила ей, какими были настоящие предсказания. И вам тож' надо хорошо запомнить эти предсказания, пот'му шо они не раз изменят тропу этого 'сказа.

Первое: Если руки горят, оставь эту веревку, не разрезай.

Второе: Если враг спит, оставь его горло, не п’ерезай.

Третье: Если бронза горит, оставь этот мост, не п’ересекай.

Я ’знался, шо не понимаю. Аббатисса сказала, шо тож’ не понимает, но я пойму, когда придет истинный такт, и она заставила меня вколотить ее предсказания в память. Потом она дала мне на утрик куриное яйцо, еще влажное-теплое, прям из-под птицы, и показала, как сосать его желток через с’ломинку.

Значит, хотите услышать о Великом К’рабле Предвидящих?

Не, этот К’рабль не выдумка, он был такой же настоящий, шо я и шо вы. Вот этими самыми глазами я видел его ну раз двадцать аль больше. К’рабль заходил в Залив Флотил’и дважды в год, около середины весны и осени, когда день и ночь од’наково долгие. Заметьте, он никогда не заходил ни в какой дикарский город, ни в Хонокаа, ни в Хило, ни вообще в Подветренную сторону. А поч’му? Пот’му шо то’ко у людей Долин было достаточно Цив’лизации для Предвидящих, ей. Они не хотели обмена с варварами, к’торые думали, шо К’рабль был могучим белым птичьим богом!

К’рабль был цвета неба, так шо его низзя было видеть, пока он не был уже у самого берега. У него не было весел, не, ни парусов, пот’му шо им двигала Смекалка Древних. Длиной шо большой островок был К’рабль, высотой шо пологий холм, и нес он две-три-четыре сотни людей, а может, мильон.

Как он двигался? Куда уводили его пут’шествия? Как он уцелел при всех вспышках-взрывах и при Падении? Шо ж, я никогда не знал многих ответов, и, в отличие от большинства сказителей, Закри свои ’сказы не придумывает. Племя, к’торое жило на К’рабле, называлос’ Предвидящими, и явилис’ они с острова Предвидения. Этот остров больше, чем Мауи, меньше, чем Большой, и лежит далеко-далеко в северной г’лубизне, больше того я не знаю аль не г’ворю.

Значит, К’рабль бросал якорь примерно в десяти бросках от Школьного мыса, из носа его выходили две проворные лодки поменьше и летели над бурунами к берегу. На каждой было шесть-восемь мужчин-женщин. О, все в них было чудесным. К’рабельные женщины очень походили на мужчин, вишь, волосы у них были острижены, а не заплетены, шо у женщин Долин, и были они жилистыми-сильными. У каждого из них была здоровая-гладкая кожа, без единого

пятнышка парши, но все они были коричневыми-черными и больше походили друг на друга, чем другие люди, к'торых видишь на Большом острове. И Предвидящие много не г'ворили, не. Два стражника оставалис' возле лодок на берегу, и если мы спрашивали, Как вас зовут, сэр? — аль: Куда вы направляетес', мисс? — они то'ко трясли головами, к'буто г'воря, Ничего не скажу, не, так шо больше и не спрашивайте. Таинс'венная Смекалка не давала нам подойти ближе. Воздух становился все плотнее, пока ты больше не мог сделать ни шага. К тому же она причиняла 'глуши'льную боль, так шо с ней ты не дурачился, не.

Обмен пров'дился в Общинных складах. Предвидящие г'ворили странно, не лениво-порывисто, как в Хило, не, но опытно-холодно. К тому времени, как они высаживалис', молва успевала потрудиться, и из большинства жилищ уже тащили в Общинные склады корзины фруктов-овощей-мяса и всего такого. Еще Предвидящие наполняли особые свои бочки свежей водой из ручья. В ответ они предлагали железные изделия, к'торые были лучше всех, шо делалис' на Большом острове. Менялис' они честно и никогда не г'ворили угрожающе, шо дикари в Хонокаа,

но когда г'ворят вежливо, эт' проводит между вами линию, к'торая означает: Я доста'чно тебя уважаю, но мы с тобой не родичи, так шо не п'реступай через эту линию, ладно?

Ей, Предвидящие соблюдали строгие правила насчет обмена с нами. Они никогда не предлагали на обмен никаких штук, к'торые были бы сильнее тех, шо уже были на Большом острове. Например, после того как был убит Па, собрание согласилос' построить гарнизон у жилища Авеля для защиты тропы Муливаи, к'торая была главной дорогой от п'реправы у Слуши в наши Девять Долин. Аббатисса попросила у Предвидящих особое оружие, шоб нам защищаться от Конов. Предвидящие отказали. Она их умоляла, 'коло того. Они все равно отказали, и тем все и кончилос'.

Другое правило заключалос' в том, шоб не г'ворить о том, шо лежит за океаном, ни даж' об острове Предвидения, кроме его названия. Нейпс из жилища Айноуи просил в обмен показать ему К'рабль, и тогда на моей памяти Предвидящие были ближе всего к тому, шоб всем рассмеяться. Их вождь сказал нет, и никто не удивился. Мы никогда не пыталис' сломить эти правила, пот'му как считали, шо они, обмениваяс' с нами, оказывают нашей Цив'лизации большую честь.

Аббатисса всегда приглашала их остаться на пированье, но их вождь всегда вежливо отказывал, и они волочили выменянное добро к своим лодкам. Через час К'рабль уходил, весной на восток, а осенью на север.

Так проходили эти визиты, каждый год, с тех пор как мог кто-ни'удь помнить. Пока мне не исполнилос' шестнадцать, когда женщина Предвидящих по имени Мероним поселилас' на время в мое жилище, после чего нишо не будет таким же, ни в моей жизни, ни в Долинах, не, никогда.

Позади и выше прохода Верт'бри находился гребень под названием Лунное гнездовье, откуда 'ткрывался лучший вид на Наветренную сторону с пастбищ Кохал. 'днажды п'гожим весенним днем я пас козье стадо в Лунном гнездовье, как вдруг уследил К'рабль, приближавшийся к заливу Флотил'и, и как же красиво он выглядел, сам г'лубой, как океан, так шо если бы ты не смотрел прям' на него, то и не увидел бы, не. Теперь шо? Я знал, мне надо бежать-спешить на обмен, но, вишь, мне надо было присматривать за козами и все такое, а к тому времени, как я добрался бы до Общинных складов, Предвидящие, вер'ятно, могли бы уже вообще уходить, так шо я остался ленивым-неподвижным, глядя на чудесный

К’рабль Смекалки, к’торый приходил-уходил вместе с дикими гусями и китами.

Ладно, то была моя причина, шоб оставаться, та, к’торую я сам себе называл, хоть настоящей причиной была де’ушка по имени Розес, к’торая собирала листья палилы для лекарств, шо делала ее Ма. Вишь, у нас была лих’радочная тяга друг к другу, и в этот пьянящий, оглашенный жав’ронками день я никак не мог насытиться ее соблазни’льными манго и влажной смоквой, и правда в том, шо я не хотел идти никуда больше, да и Розес тож’ не собрала в тот день много листьев палилы, не. О, вы смеетес’, вы, жаром пышущие юнцы, но было время, ей, когда я был таким же, как теперь вы, точь-в-точь.

Наступил вечер, ’гда я пригнал наших коз домой. Ма трепыхалас’-волновалас’, шо гусыня с одним крылом, и кляла меня на чем свет стоит. Все новости-сплетни я узнал от Сусси. После обмена в Общинных складах вождь Предвидящих попросил Аббатиссу позволить ему пог’ворить с ней наедине. Спустя долгое время Аббатисса вышла из комнаты, где проходила встреча, и созвала собрание. Там были все жители Долин из окрестных жилищ, кроме жилища Бейли, нашего то есть. Вишь, Ма тож’ не ходила на обмен. Зна-

чит, собрание провели прям’ там и тогда. Вождь Предвидящих в этом году хочет сделать особый обмен, сказала Аббатисса. Одна женщина с К’рабля хочет полгода жить-работать в каком-ни’удь жилище, шоб узнать наши обычаи и понять нас, жителей Долин. В ответ вождь заплатит нам вдвое за все, шо сегодня обменяли. Сетей, горшков, кастрюль, всякого железа, всего вдвое. Подумайте теперь, какая эт’ честь, и подумайте, шо мы сможем выручить за все эт’ добро на следу’щем обмене в Хонокаа. Ну, не потребовалос’ много времени, шоб по всему собранию, набирая скорость, раскатилос’ единое-громкое «Да!», так шо следу’щий свой вопрос Аббатиссе пришлос’ кричать, п’рекрывая буйное веселье. Кто примет у себя нашу гостью от Предвидящих? И шо? эт’ сразу заморозило все крики! У людей нежданно-негаданно оказалис’ целые мешки отг’ворок. У нас недоста’чно места. У нас двое мелких бебеней, наша гостья не сможет х’рошо спать. У нас вокруг жилища кружат такие мозесы, шо искусают ее, расп’лосуют. Ржавый Вольво, этот жирный хмырь, вот кто первым эт’ сказал. Как насчет жилища Бейли? Вишь, ни меня, ни Ма там не было, шоб окатить их замысел х’лодной водицей, и он вскоре так и заполыхал. Ей, у них

есть пустые комнаты, с тех пор как Па Бейли был убит! Бейли взяли из Общинных складов больше, чем вложили в прошлый урожай, ей, эт' их долг! Ей, в Бейли нужны рабочие руки, Ма Бейли будет рада подлюге! Вот так вот безог'ворочное решение собрания и приняли.

Ну, теперь однокрылым гусем был я сам, ей. Шо эти Предвидящие едят-пьют? Спят ли они в соломе? Спят ли вообще? Шесть лун! Ма проклинала меня за то, шо не ходил на Обмен с К'раблем, но даж' хоть, ей, Ма была настоящей главой Бейли, я был старшим мужчиной в жилище, так шо мне надо было пойти и добиться справедливости. Я г'ворю, Слышь, я пойду к Аббатиссе и скажу ей, шо мы не можем принять здесь Предвидящую… как вдруг наша дверь сказала: тук-тук-тук.

Ей, эт' была Аббатисса, приведшая поселить Предвидящую, вместе с Майло, своим помощником по школьной. Все мы знали, шо теперь нам никуда не деться от гостьи Долин, нравится нам эт' аль не нравится, мы уже не могли сказать, Пропади пропадом, так? Эт' принесло бы стыд на нашу крышу и стыд на наши иконы. Женщина с К'рабля, от нее исходил этот уксусный запах Смекалки, и она заг'ворила первой, пот'му у Ма и меня языки узлом завязалис', ей. Добрый вечер,

сказала она, меня зовут Мероним, и я от души благодарна вам за то, шо вы представляете мне кров в Долинах. Майло так по-жабьи ухмылялся, насмехаяс' над моей тревогой, шо я готов был его убить.

Сусси первой вспомнила об обяз'ностях хозяйки, усадила наших гостей и отправила Джонаса за жаревом-варевом и всем таким прочим. Мероним сказала: У моего народа есть обычай вручать в начале визита маленькие подарки, так шо, надеюс', вы не будете возражать… Она сунула руку в мешок, шо принесла с собой, и стала вручать нам подарки. Ма получила чудесный горшок, к'торый стоил бы пять-шесть тюков шерсти на обмене в Хонокаа, и она с придыханием заг'ворила, шо не может принять такой д'рогой дар, пот'му шо принимать у себя незнакомцев — эт' путь Сонми, ей, гостеприимство должно быть бесплатным аль никаким, но женщина Предвидящих ответила, шо эти подарки не были платой, не, это то'ко заранее выраженная благодарность, и во второй раз Ма от горшка не отказалас', не. Сусси и Кэткин получили ожерелья, к'торые мерцали шо звезды, и у них глаза на лоб полезли от радости, а Джонас получил целое квадратное зеркало, к'торое его зачар'вало, оно было ярче любого из осколков,

к’торые все еще мож’ иногда видеть.

Майло теперь не ухмылялся так издева’льски, но мне это вручение даров ничуть не понравилос’, не, эта иноземка, вишь, покупала мою семью, ясно же, и я у нее ничего брать не собирался. Так шо я то’ко сказал, шо женщина с К’рабля может остаться в нашем жилище, но подарка от нее я не хочу, вот и все.

Я сказал это грубее, чем нам’ревался, и Ма уколола меня вз’лядом, но Мероним то’ко сказала, Понимаю, понимаю, к’буто я г’ворил обычно-нормально.

Целые толпы посетителей являлис’, гомоня, в наше жилище тем вечером и на протяжении нескольких вечеров позже, со всех Девяти Долин, родичи-братеи, семьи в прошлой жизни, полунезнакомцы, к’торых мы встречали то’ко на обменах, ей, любой-каждый от Мауки до Мормона приходил постучать-посмотреть, правду ли г’ворит Старушка Молва, шо живая-настоящая Предвидящая остановилас’ у Бейли. Нам, разумеется, приходилос’ всех их до единого приглашать в свое жилище, и, ош’рашенные, они глазели на то, как сама Сонми сидит у нас на кухне, однако ’зумление их было не так велико, шоб помешать им грызть нашу жратву и без помех осушать

наше варево, а когда они захмелевали, то из них мощной-ярой струей хлестали нескончаемые вопросы об острове Предвидения и об их чудо-К'рабле.

Но вот шо было странным. Мероним вроде б отвечала на вопросы, но ее ответы ничуть не утоляли нашего любопытства, не, ни вот на столечко. Например, мой кузей Спенса из жилища Клуни спросил: Шо приводит ваш К'рабль в движение? Предвидящая ответила: Термоядерный двигатель. Все с умным, шо у Сонми, видом закивали: О, термоядерный двигатель, вот оно шо, ей, никто не спросил, шо такое «термоядерный двигатель», пот'му шо никому не хотелос' выглядеть п'ред собранием варваром аль тупицей. Аббатисса попросила Мероним показать нам остров Предвидения на карте мира, но Мероним прост' ткнула в какую-то точку и сказала: Вот.

Где? — спросили мы. Вишь, там ничего, кроме голубого моря, не было, и я, к примеру, думал, шо над нами издевается-насмехается.

Острова Предвидения нет ни на одной из карт, сделанных незадолго до Падения, объяснила Мероним, пот'му шо основатели Предвидения держали его мест'нахождение в тайне. На более старых картах он был, но не на карте Аббатиссы.

К тому времени я немного набрался храбрости и спросил у нашей гостьи, зачем Предвидящие со всей их высокой Смекалкой и прочим х'тят узнать о нас, жителях Долин. Чему такому мы могли бы научить ее, чего она не знала? Обучающийся ум — это живущий ум, сказала Мероним, и любой вид Смекалки — это настоящая Смекалка, будь то старая Смекалка аль новая, высокая Смекалка аль низкая. Один то'к' я заметил стрелы лести, к'торыми стреляли эти слова, и то, как эта ловкая шпионка пользовалас' нашим невежеством, шоб затуманить свои подлинные намерения, вот я и сбросил первый свой вопрос в этом покере: Но вы, Предвидящие, обладаете более великой-могучей Смекалкой, чем Целый Мир, так? О, как хитро подобрала она свои слова! У нас ее больше, чем у племен Га-Уая, меньше, чем у Древних п'ред Падением. Вишь? Немного-то это все г'ворит, а?

Я помню то'ко три ее честных ответа. Руби из жилища Поттера спросил, поч'му у всех Предвидящих кожа темная, шо у кокосов, не, мы никогда не видели, шоб с их К'рабля сходил кто-ни'удь с бледной аль розовой кожей.

Мероним сказала, шо предки ее п'ред Падением изменили свои семена, шоб производить темнокожих бебеней, давая им тем самым защиту от

красной парши, и, значит, бебени тех бебеней получили ее тож', шо отец, шо сын, ей, шо кролики-огурчики.

Нейпс из жилища Айноуи спросил, замужем ли она, пот'му как сам он был холост и един'лично владел ореховым садом и плантацией фиговых-лимонных деревьев. Все засмеялис', даж' Мероним улыбнулас'. Сказала, шо была когда-то замужем, ей, и шо у нее есть сын по имени Анафи, к'торый живет на острове Предвидения, но муж ее давным-давно убит дикарями. Она, мол, сожалеет, шо теряет возможность заняться лимонами-фигами, но слишком уж стара, шоб выставляться на ярмарке невест, и Нейпс в раз'чаровании потряс головой и сказал: О, К'рабельщица, ты разбила мне сердце, ей, разбила.

Под к'нец мой кузей Коббери спросил: Так ско'ко же тебе лет? Ей, эт' было именно то, о чем все мы гадали. Однако к ответу ее никто не был готов. Пятьдесят. Ей, так она и сказала, и мы были 'зумлены, как вот вы сейчас. Воздух в нашей кухне внезапно изменился, к'буто дунул х'лодный ветер. Дожить до пятидесяти — эт' не прост' удиви'льно, не, эт' пугающе и неестест'но, так? Тогда по ско'ко вообще лет живут Предвидящие? — спросил Мелвилл из жилища Блэк-Окса.

Мероним пожала плечами. По шестьдесят, семьдесят… Мы все так и задохнулис’ от потрясения! Обычно к сорока мы умоляем Сонми избавить нас от мучений и поскорее родить снова в новом теле, эт’ шо п’ерезать горло любимой собаке, к’торую терзает смертельная болезнь. Единственным жителем Долин, к’торый дожил до пятидесяти и не стал шелушиться из-за красной парши аль умирать от опрелости легких, был Трумен третий, и каждый знал, как он заключил сделку со Старым Джорджи в одну бурную ночку, ей, этот дурень продал свою душу за неско’ко лишних годков. Ну, разг’воры после того, ясно, скомкалис’, ей, и народ стал разбредаться, гогоча-судача обо всем, шо было спрошено и шо сказано в ответ, и каждый шептал: Благодарение Сонми, шо она не остановилас ’в нашем жилище.

Я был доволен, шо наша проклятая бесчестная гостья научила всех быть с ней настороже и не доверять ей ни вот на сто’ко, но той ночью я совсем не спал, пот’му как звенели-заливалис’ комары, ночные птицы и жабы, а еще какая-то таинственная особа тихо шастала по нашему жилищу, беря то аль се здесь и кладя там аль сям, и звали эту таинственную особу П’ременой.

В первый, второй, третий день эта Предви-

дящая втиралас'-пробиралас' в мое жилище. Должен признаться, шо она не вела себя шо какая пчелиная матка, не, она никогда ни такта не бездельничала. Она помогала Сусси со всеми сыр'варенными делами, помогала Ма прясть-сучить, и Джонас принимал ее помощь в охоте птичьих яиц, а еще она выслушивала причитания Кэткин о школьной, приносила-рубила воду-дрова — и оч' быстро всему обучалас'. Молва, конечно, продолжала пристально за ней следить, и продолжали являться посетители, шоб глянуть на удиви'льную женщину пятидесяти лет, к'торая выглядела всего на двадцать пять. Те, шо подозревал, шо она откалывает штуки-выкрутасы, скоро раз'чаровалис', пот'му она ничего не откалывала. Ма, она п'рестала беспокоиться насчет К'рабельщицы в день аль два, ей, она делалас' с ней друж'любной, а к тому же еще начала кудахтать. Наша гостья Мероним то и Наша гостья Мероним се, эт' оглашало все жилище с утра до ночи, а Сусси была в десять раз хуже. Мероним, она прост' занималас' своей работой, хоть вечером усаживалас' за наш стол и писала на особой бумаге, о, намного лучше нашей. Порази'льно быстро она писала, то'ко не нашим языком, не, она писала каким-то другим наречи-

ем. Вишь, в Старых Странах г'ворили и другими языками, не то'ко нашим. О чем ты пишешь, тетя Мероним? — спросила Кэткин, но Предвидящая всего-то и сказала: О своих днях, миленькая, я пишу о своих днях.

Меня прост' корчило от этих ее миленьких в моей семье, и я ненавидел, когда к нам приползало старичье, шоб разузнать у ней все тайны долголетия. Но ее писанина о Долинах, к'торую не мог прочесть ни один житель Долин, вот шо тревожило меня больш' всего. Имело ли эт' отношение к Смекалке? аль она шпионила? аль была в сг'воре со Старым Джорджи?

Как-то раз я на туманном рассвете занимался дойкой, и наша гостья спросила, мож' ли ей пойти вместе со мной пасти коз. Ма, конечно, сказала, шо мож'. Я ничего такого не г'ворил, я сказал, этак холодно-каменно, В пастьбе коз нет ничего интересного для тех, у кого есть такая Смекалка, как у тебя. Мероним вежливо ответила: Мне интересно все, чем занимаются жители Долин, но, конечно, если ты, хозяин Закри, прост' не хочешь, шобы я наблюдала за твоей работой, то и прекрасно, прост' скажи эт' прямо, и все. Вишь? Слова ее были шо твои скользкие борцы, они прост' п'ревертывали все твои не в ей. Ма

так хищно на меня смотрела, шо мне пришлос' сказать: Ладно, отлично, ей, пойдем.

Гоня своих коз вверх по тропе Элепаио, я не сказал больш' ни слова. Когда проходил мимо жилища Клуни, мой братей, Губбо Хогбой, крикнул: Как оно, Закри! Он хотел поболтать, но когда увидел Мероним, то осекся и то'ко сказал: Закри, ступай ост'рожно. Ох, как мне хотелос' сбросить эту женщину со своей спины! И я, значит, приказал своим козам: А ну, хватит плестис', вы, увальни-бебени! и пошел быстрее, надеяс' ее вымотать, вишь, мы шли вверх по проходу Верт'бри, но она не отставали, не, ни даж' на скалистой тропе к Лунному гнездовью. В упрямстве Предвидящие не уступят коз'пасам, узнал я тогда. Я решил, шо она поняла мой замысел и про себя посмеивается надо мной, так шо больш' я ей в'обще ничего не г'ворил.

И шо она сделала, когда мы достигли Лунного гнездовья? Села на скалу Большого пальца, достала тетрадку и сделала набросок чудного вида, шо оттуда открывался. Ну шо, должен признать, у Мероним была чудная рисовальная Смекалка. На бумаге появилис' и Девять Долин, и побережье с мысами, и возвышенности с ложбинами. Такие же настоящие, как настоящие. Я не хотел обра-

щать на нее никакого внимания, но не мог себя удерживать. Назвал все, шо она показала, и она вписала все названия, пока бумага не стала наполовину рисованной, наполовину исписанной. Я сказал так, и Мероним отозвалас': Точно, это мы сделали здесь карту.

Ну и вот. Я услышал, как треснула ветка на опушке елового леса у нас за спиной. Эт' был не какой случайный порыв ветра, не, эт' сделала нога, я был вполне уверен, но оканчивалас' ли она ступней, копытом аль когтями, сказать я не мог. Никто никогда не видел Конов на Наветренной стороне Кохал, но Конов не встречали и на п'реправе у Слуши, не, так шо я пошел в заросли посмотреть-увидеть. Мероним хотела пойти вместе со мной, но я велел ей остаться. Может, эт' вернулся Старый Джорджи, шоб еще больш' отяг'тить мою душу? аль эт' прост' отшельник из племени Мукини, рыщущий в поисках чего пожевать? Я держал наготове пику и подкрадывался все ближе к елям, все ближе к елям…

Оседлав толстый замшелый пень, там сидела Розес. Вижу, ты завел себе новую, сказала она вежливо, но в глазах ее прогляд'вала разъяренная сучка-динго.

Ты шо, про нее? — я показал на Мероним, к'то-

рая сидела-смотрела, как мы разговариваем. Разве молва не донесла до тебя, шо К'рабельщица старше, чем была моя бабуся, когда Сонми дала ей новое рождение! К ней — не ревнуй! Она не такая, как ты, Розес. В голове у ней сто'ко Смекалки, шо шея вот-вот сломается.

Теперь-то Розес уже не была вежливой. Значит, у меня никакой Смекалки нет?

Ох, женщины, женщины! Они норовят отыскать в твоих словах самое дурное значение, суют его тебе под нос и г'ворят: Смо'ри, чем ты в меня швырнул! Я — шо? был до костей охвачен похотью, голова распалилас', вот и подумал, шо немного грубых слов приведут Розес в чу'с'во, излечат ее. Ты же знаешь, шо эт' не то, шо я г'ворю, тупая ты шнырялка, девка…

Я не закончил своей лечебной речи, пот'му шо Розес так крепко припечатала меня по лицу, шо земля подо мной подкосилас' и я грохнулся на свое гузно. Ош'рашенный, так и сидел там, шо твой упавший бебень, а когда тронул нос, то пальцы у меня стали красными. О, сказала Розес, потом, ха! потом: Можешь втирать своим козочкам все шо хочешь, пастушок, но то'ко не мне, так Старый Джорджи отяг'тил твою душу! Так вот наше милованье-трепетанье разлетелос' на

мильон осколков, и Розес ушла прочь, покачивая своей корзиной.

От страданий-терзаний хочешь кого-то винить, и кого я винил в потере Розес, была эта проклятая Предвидящая. Тем утром в Лунном гнездовье я поднялся, кликнул своих коз и погнал их на пастбище Большого пальца, даж' не попрощавшис' с Мероним. У ней хватило Смекалки, шоб оставить меня одного, она ведь помнила о своем собственном сыне на острове Предвидения.

Когда тем вечером я пришел домой, Ма, Сусси и Джонас сидели вокруг стола. Увидев мой нос, они лукаво меж собой п'реглянулис'. Э, братей, шо такое с твоим носярой? — спросил Джонас, сам весь из себя щеголь. Это? А, поскользнулся и упал в Лунном гнездовье, ответил я ему быстро-резко. Сусси вроде как хихикнула. А может, ты упал в гнездовье Розес, а, братей Закри? И они втроем стали пищать-верещать, шо выводок летучих мышей, а я покраснел-взопрел от злости. Сестрейка 'сказала, шо узнала новость от Вольфа, кузея Розес, и с'общила, шо сказанул Биджезус, к'торого она тож' видала, но по самому делу я не слушал, не. Я клял Мероним и все время призывал на нее кары Старого Джорджи, и никак не мог п'рестать, и эт' бла'ословение, шо ее той ночью не было в

Бейли, не, она училас' ткачеству у тетушки Биз.

Так шо я спустился к океану и стал смотреть на леди Луну, шоб остудить свое жгучее горе. Помню, на берег выползла, шоб отложить яйца, зеленая ч'репаха, и от злости я чуть было не проколол пикой там и тогда, дескать, коль моя жизнь невыносима, то поч'му ей быть такой у животины? Но я увидел ее глаза, такими древними были ее глаза, шо они видели будущее, ей, и я дал ч'репахе уйти. Потом явилис' Гиббо и Коббери со своими досками, стали кататься по звездной воде, замеча'льно красивым был серфинг у Коббери, и они звали меня, но у меня не было настроения к серфингу, не, у меня было более трезвящее дело, к'торое требовалос' провернуть с Аббатиссой в школьной. Ну вот, туда я и отправился и долго-долго излагал ей свои опасения.

Аббатисса, она слушала, но ничуть мне не верила, не, она думала, я прост' увиливаю от представления крова Мероним. Ты видел К'рабль, видел их металлические орудия, видел ту малую часть их Смекалки, шо они нам показали. Если бы Предвидящие намечали вторжение в Девять Долин, ты, шо же, по самому делу думаешь, шо мы сидели бы здесь и эт' обсуждали? Принеси мне доказа'льства, шо Мероним забирается убить

нас всех в наших постелях, и я созову собрание. А если у тебя никаких доказа'льств нет, то молчи-помалкивай. Выдвигать обвинения против особой гостьи, это, Закри, прост' невежливо, и твой па был бы на тебя недоволен.

Наша Аббатисса никогда никого не давила своей безог'ворочной властью, но ты понимал, когда разг'вор исчерпан. Так оно тогда и было, ей, я пред'ставлялся самому себе. Закри против Предвидящих.

Дни вздымалис' и опадали, и разогрелос' лето, зеленое-пенистое. Я наблюдал, как Мероним втирается в доверие ко всем жителям Долин, встречаяс' с людьми и узнавая, как мы живем, чем владеем, сколь многие из нас могут сражаться, и нанося на карту проходы в Долины через Кохалы. У двоих-троих из людей постарше-похитрее я пытался выудить, нет ли у них каких-ни'удь сомнений аль тревог относи'льно Предвидящей, но когда я г'ворил вторжение аль нападение, они, ош'рашенные-'зумленные, начинали пронзать меня гневными вз'лядами, и я, вишь, устыжался и замолкал. Я не хотел, шоб меня запятнала молва. Стал притворяться с Мероним немного любезным, шоб она могла расслабиться и дать своей друж'любной маске слегка соскользнуть и

показать, какие за ней таятся истинные замыслы, ей, дать мне какие доказа'льства-свиде'льства, к'торые я мог бы п'редать Аббатиссе, шоб созвать собрание.

У меня не было другого выбора, кроме как ждать-смотреть. Мероним была по самому делу поп'лярна. Женщины поверяли ей реши'льно все, пот'му шо она была со стороны и не п'редавала Старушке Молве никаких секретов. Аббатисса попросила нашу гостью обучать детей числам в школьной, и Мероним согласилас', ей. Кэткин сказала, шо учи'льница она хорошая, то'ко не учит их ничему сверх Смекалки Аббатиссы, хоть Кэткин знала, шо она могла бы, если бы захотела. Нек'торые школяры даж' стали раскрашивать себе лица чернилами, шоб походить на Предвидящую, но Мероним велела им всем умыться, иначе она ничему их учить не будет, пот'му шо Смекалка и Цив'лизация не имеют ничего общего с цветом кожи, не, ничего общего.

Ну и вот, однажды вечером, сидя на нашей в'ранде, Мероним расспрашивала об иконах. Икона — обиталище души? аль общая память о лицах, родстве, возрасте и всем таком прочем? аль молитва Сонми? аль надгробный камень, написанный в этой жизни и п'редающий посла-

ния в следующую жизнь? Вишь, у Предвидящих всегда все вертится на шо да поч'му, им никогда недоста'чно, шо шо-то просто есть, шоб оставить эт' в покое. Здесь, на Мауи, Дуофизит вел себя так же, не? Дядюшка Биз пытался ответить, но запутался и сбился. Он признался, шо точно знал, шо такое иконы, пока не начал эт' объяснять. Иконная, сказала тетушка Биз, сводит воедино прошлое и настоящее жителей Долин. Тогда не часто случалос', шоб я мог прочесть чьи-ни'удь мысли, но в тот такт я видел, шо К'рабельщица думает: Ого, тогда мне надо бы навестить эту Иконную, ей. Не, я ничего не сказал, но на следу'щее утро отправился на Костяной берег, где и спрятался на макушке скалы Сам'убийц. Вишь, я думал, шо если я смогу застукать чужеземку за непочти'льным обращением с нашими иконами аль, еще лучше, за осквернением какой-ни'удь из них, то смогу натравить на нее старших жителей Долин и открыть глаза своему народу и родичам на подлинные замыслы Предвидящей.

Значит, сидел я, ждал на скале Сам'убийц, думая обо всех тех беднягах, к'торых Джорджи спихнул там в скрежещущую внизу пену. Ветреное то было утро, ей, хорошо помню, свистела дюнная трава, хлестали ветви кустов с кровавыми цвета-

ми, и стреми'льно неслис' буруны, один за другим обруш'ваяс' на берег. Я поел грибных лепешек, шо прихватил с собой на утрик, но прежде чем с ними покончил, кого же я уследил, кто топал по направлению к Иконной, как не Мероним, ей, и с нею рядом — Нейпс из Инуе! Прижимаяс' друг к другу и разг'варивая тихо-невнятно, как воры! О, мысли мои тогда так и завертелись! Нейпс, он шо, намерен сделаться правой рукой чужеземки? Допустим, он собирается заменить Аббатиссу как вождь Девяти Долин, как то'ко Предвидящие погонят нас всех через Кохалы и дальше, в море, с помощью своей змеиной-иудской Смекалки?

Надо сказать, у Нейпса была своя привлека'льность, ей, все любили и его самого, и его шутки-прибаутки, и улыбку, и все такое. Если я г'ворил языком коз, то Нейпс, шо ж, вроде как г'ворил языком людей. Вы не могли не верить людям, к'торые могли так ловко заарканивать слова, как он. Нейпс и Мероним вошли прям' в Иконную, храбро, к'буто пара петушков. Собака Пай осталас' ждать снаружи, там, где ей велела оставаться Мероним.

Неслышно, как ветерок, я прокрался внутрь вслед за ними. Нейпс уже подпер дверь, шоб внутрь падал свет, так шо она не скрипнула, когда

я на цыпочках вошел туда позади них. Замерев у тусклых-темных полок, где хранилис' самые старые иконы, я слышал бормотание Нейпса. Замыслы-заг'воры, так я и знал! Подобрался поближе, шоб услышать все, шо услышу.

Но Нейпс хвастался своим прапрадедом по имени Трумен, ей, это имя, Трумен третий, до сих пор гуляет по разным историям на Большом острове, да и здесь, на Мауи, тож'. Ладно, если вы, молодые, не знаете истории Трумена Нейпса, то время пришло, так шо сидите тихо, наберитес' терпения и п'редайте мне эти треклятые вод'росли.

Трумен Нейпс был копателем-собирателем в те давние дни, когда добро Древних все еще мож' было отыскать в кратерах там и сям. Однажды утром в голове у него укоренилас' идея насчет того, шо Древние могли припрятать кое-шо ценное на Мауна-Кеа для вящей сохранности. Идея эта крепла-росла, пока к вечеру Трумен не настроился на то, шо взойдет на эту страшную гору, шоб увидеть то, шо увидит. Его жена увещевала его: Ты спятил, на Мауна-Кеа ничего нет, кроме Старого Джорджи и его храмов, укрытых за стенами ограды. Он не позволит тебе войти, если то'ко ты уже не умер и твоя душа не в его власти. Трумен то'ко и ответил: Ступай спать, полоумная ста-

рушенция, ни капли правды нет в них, жалких предрассудках, и, значит, сам спит-просыпается и ни свет ни заря шагает вверх по Долине Вайпио.

Бравый Трумен шел да полз целых три дня и попадал в разные п'ределки, о к'торых у меня сейчас нет времени вам рассказать, но он во всех этих п'редрягах уцелел и добрался до этой страшной-призрачной вершины в облаках, к'торую видно из любой точки на Большом острове, и так высоко он был, шо не видел мира внизу. Пепельной была эта вершина, ей, ни клочка зелени, и мильон ветров рвал-метал туда-сюда, шо твои бешеные динго. Теперь продвижение Трумена было остановлено удиви'льной железно-каменной стеной, к'торая была выше красных деревьев и на мили и мили окружала собою весь пик. Трумен целый день шел вокруг нее в поисках какой бреши, пот'му шо низзя было ни п'релезть через стену, ни под нее подкопаться, но угадайте, на кого он набрел за час до темноты? На мужчину из племени Хауи, ей, плотно укутавшис' в капюшон для защиты от ветра, он сидел, скрестив ноги, за скалой и курил трубку. Этот Хауи тож' был собирателем и поднялся на Мауна-Кеа с той же целью, шо и Трумен, можете вы в такое поверить? Такое заброшенное эт' было место, шо Трумен и Хауи

порешили работать в одной команде и поделить все добро, шо найдут вместе, поп'лам.

Ну и вот, везенье изменило Трумену в первый же следу'щий такт. Плотные облака, они сделалис' жидкими-водянистыми, и эти скругленные стальные в'рота в ограде затряслис', высвобождало', застонали гром'подобно и сами собой выпятилис'-открылис'. Через эти в'рота, магией аль Смекалкой управляемые, этого Трумен не знал, наш герой углядел скопление мрачных храмов, совсем как о том г'ворилос' в старинных сказаниях, но Трумен страха не почу'с'вовал, не, у него то'ко слюнки потекли при мысли обо всех дра'оценностях и припасах Древних, к'торое должны были находиться внутри этих храмов. Он хлопнул Хауи по спине и воскликнул: Йо-хо-хо, братей Хауи, мы с тобой богаче к'ролей-сенаторов до Падения! Хотя если этот Трумен Нейпс был похож на своего праправнука, то он, скорее всего, 'бдумывал, как бы заграбастать все собранное добро себе одному.

Но Хауи не был весел, не, он прог'ворил из-под капюшона: Наконец-то пришел мне час уснуть, братей из Долин!

Трумен Нейпс не понял. Солнце еще не село, о чем ты толкуешь? Меня ничуть не клонит в сон,

так поч'му ты готов уснуть?

Но Хауи зашагал через эти скорбные в'рота. Трумен был озадачен и крикнул: Не время спать, братей Хауи! Сейчас надо собирать все дра'ценное добро Древних! Вслед за своим напарником-собирателем Трумен прошел в безмолвную ограду. Там повсюду лежали черные скорченные скалы, а небо, оно было черным-продавленным. Хауи опустился на колени и стал молиться. Сердце Трумена охватил холод, вишь, холодная рука ветра откинула капюшон этого коленопреклоненного Хауи. Трумен увидел, шо его напарник был давно умершим трупом, наполовину скелетом, наполовину червивым мясом, а холодная рука ветра была рукой Старого Джорджи, ей, дьявол стоял там, помахивая грязной ложкой. Разве не было тебе больно-одиноко снаружи, дра'ценный мой, обратился этот царь дьяволов к человеку из племени Хауи, когда ты бродил по землям живущих с отяг'щенной душой и давно уже умерший? Поч'му ты не повиновался моему призыву раньше, глупый ты человек? Потом Старый Джорджи пролез своей грязной скрученной ложкой в одну из глазниц Хауи, ей, и выкопал его душу, тонувшую в гнилых мозгах, и стал ее грызть, ей, она хрустела на его лошадиных зубах.

Человек из Хауи повалился на землю и вдруг сделался прост' еще одним черным-зазубренным осколком скалы из того множества, шо усеивали огороженную землю.

Старый Джорджи проглотил душу Хауи, утер свой рот, громко и протяжно пустил газы и начал икать. Дикарские души ласкают язык, в рифму забубнил этот дьявол, приплясывая вокруг Трумена, шо крепкие вина из манго и фиг. Трумен не мог пошевельнуться, не, таким, вишь, устрашающим было это зрелище. Но души в Долинах чисты и сильны, как мед, они тают в бурленье слюны. Изо рта у дьявола воняло тухлой рыбой и рвотой. У вас был уг'вор — поделить пополам весь найденный здесь потрясающий хлам. Старый Джорджи облизал свою скрученную-бородавчатую ложку. Шо, Трумен, сейчас половину возьмешь иль смерти в положенный срок подождешь?

Ну и вот, Трумен Нейпс третий из Долины Мормон снова обрел власть над своими конечностями и очертя голову бросился, спотыкаяс'-оскальзываяс', прочь из мрачных в'рот, спасая жизнь, покатился он вниз с этой изобилующей каменистыми осыпями горы, ни единого раза не оглянувшис'. Когда он добрался до Долин, все глазели на него в 'зумлении даж' и до того, как

он озвучил свои злоключения. Волосы у Трумена, прежде черные как в'роново крыло, сделалис' теперь белее пены прилива. До единого волоска.

Как помните, я, Закри, скорчился в укромном месте Иконной и слушал, как Нейпс излагает эту заплесневелую небылицу моей незваной гостье, показывая ей иконы умерших своей семьи. Какое-то время он объяснял ей, шо они означают и как ими пользоваться, потом сказал, шо ему пора идти ставить сети, и вышел, оставив Мероним одну. Вот, и чуть то'ко он ушел, такта через два-три, Предвидящая окликнула меня из темноты: Так шо ты думаешь об этом Трумене, Закри?

О, я был ош'рашен, мне и в голову не приходило, шо она знала о моем присутствии, о моем подслушивании! Но она так подделала свой голос, к'буто не собиралас' ни смутить меня, ни устыдить, не, она подделала голос, к'буто мы с ней пришли в Иконную вместе. Думаешь, этот Трумен — прост 'глупые бабьи сказки? аль считаешь, шо какая-то правда здесь есть?

Не было смысла притворяться, шо меня там нет, не, пот'му шо она, ясный пламень, знала, шо я там. Встал я тогда и прошел мимо полок туда, где сидела Предвидящая, п'рерисовывая икону. Глаза мои в сумраке стали более совиными, и

теперь я хорошо видел лицо Мероним. Здесь у нас — святая святых, сказал я ей. Ты находишься в обиталище Сонми. Голосу своему я постарался придать наибольшую суровость, на какую был способен, то ослабляло его то, шо я занимался подслушиванием. Никому из чужеземцев не положено рыскать-вынюхивать среди наших икон.

Мероним была в той же мере вежлива, в какой я не был. Я попросила у Аббатиссы разрешения войти сюда. Она определенно сказала, шо мож'. Я не трогаю никаких икон, кроме тех, шо принадлежат семье Нейпса. Он определенно сказал, шо мож'. Пожалуйста, объясни, поч'му ты так беспокоишься, Закри. Я хочу понять, но не могу.

Вишь? Эта проклятая Предвидящая думала о твоих нападках, прежде чем ты сам успевал о них подумать! Ты можешь одурачить нашу Аббатиссу, заявил я ей, теперь уже злобно-холодно, можешь одурачить Ма и мою семью, да хоть и всех жителей Девяти Долин, но меня ты не одурачишь, нет, ни на такт! Я знаю, шо всей правды ты не г'воришь! В кои-то веки мне удалос' ее ош'рашить, и как же приятна была возможность не таиться больш' и открыто высказать все, шо у меня на уме.

Мероним вроде как нахмурилас', О чем же не

г’ворю я всей правды? Ей, я загнал-таки в угол К’ролеву Смекалки!

О том, для чего ты вывед’ваешь здесь все о наших землях! О наших обычаях! О нас самих!

Мероним со вздохом поставила икону Нейпса обратно на полку. Тебе, Закри, важно не то, полная правда аль неполная, но то, принесут мои действия вред аль не принесут, ей. Следу’щая ее фраза, как пика, пронзила мне внутренности. Разве у тебя самого, Закри, нет тайны, к’торую ты скрываешь, не г’воря никому «всей правды»?

Мысли мои подернулис’ рябью. Откуда могла она знать о п’реправе возле Слуши? Эт’ ведь было давным-давно! Может, Предвидящие сотрудничали с Конами? Может, у них есть какая-то Смекалка, шоб раскапывать постыдные вещи, погребенные в сознании, темно-глубоко? Я ничего не сказал.

Клянус’, Закри, начала она, клянус’ тебе Сонми…

О, завопил я, чужеземцы и дикари в Сонми даж’ и не верят, так шо нечего ей марать имя Сонми своим языком!

Мероним, как всегда, г’ворила тихо-спокойно. Я неско’ко заблуждаюс’, сказала она, она верит в Сонми, ей, даж’ больш’ меня, но если мне так

больш’ нравится, то она поклянется своим сыном, Анафи. И она поклялас’ его удачей и жизнью, шо ни один Предвидящий не собирается прич’нить вреда ни одному жителю Долин, никогда, и шо Предвидящие уважают мое племя гораздо, гораздо-гораздо сильнее, чем я знаю. Она поклялас’ рассказать мне всю правду, как то’ко сможет.

И она ушла, унося с собой свою победу.

Я задержался в Иконной, шоб навестить икону Па, и когда я увидел его лицо, вырезанное в волокнах дерева, то п’редо мной предстало его лицо, с каким он лежал в реке Вайпио.

На глаза навернулис’ слезы стыда-сожаления. Я считался главой жилища Бейли, но умения расп’ряжаться у меня было не больше, чем у пугливого ягненка, а сообрази’льности — не больше, чем у кролика в ловушке.

Предоставь мне доказа’льства, житель Долины, сказала Аббатисса, аль же молчи-помалкивай, так шо теперь я все время думал о том, как раздобыть эти доказа’льства, и решил, шо если не смогу найти их достойным путем, то, так тому и быть, придется мне их украсть. Спустя ско’ко-то дней моя семья отправилас’ к тетушке Биз, и Мероним вместе с ними, пот’му шо она училас’ собирать мед из сот. С пастьбы я вернулся рано,

ей, солнце еще висело над Кохалами, и, прокравшис’ в комнату нашей постоялицы, стал искать ее сумку с добром. Много времени не потребовалос’, К’рабельщица положила ее под пол’вицу. Внутри были маленькие подарки, вроде тех, к’торые она раздавала нам в день прибытия, но имелис’ и кое-какие вещи, связанные со Смекалкой. Неско’ко коробок, к’торые не дребезжали, но у к’торых не было и крышек, так шо я не мог их открыть, какой-то устрашающий инструмент, назначения к’торого я не знал, очертаниями похожий на козлиную берцовую кость, но серый-тяжелый, как обломок лавы, две пары хорошо сшитых башмаков, три-четыре книги с рисунками и записями, сделанными тайным языком Предвидящих. Я не знаю, где были сделаны эти рисунки, но то’ко не на Большом острове, не, там были растения-птицы, к’торых я и во сне не видел, не, никогда. Самым ’диви’льным оказался последний предмет.

Эт’ было большое с’ребристое яйцо, размером с голову бебеня, и на нем были вмятины-углубления, куда удобно ложилис’ пальцы. Пугал его изрядный вес, и оно отказывалос’ вращаться. Знаю, эт’ прозвучит неправдоподобно, но рассказы о Смекалке Древних, о летающих жилищах, о

бебенях, выращиваемых в бутылях, и о картинах, растягиваемых на Весь Мир, тож' неправдоподобны, однако так оно все и было, в этом нас убеждают хранители историй и старые книги. В общем, я обхватил это с'ребристое яйцо ладонями, и оно стало урчать и вроде как светиться, ей, к'буто было живым. Резко-быстро отпустил я это яйцо, и оно помертвело. Значит, эт' тепло моих рук заставляет его шевелиться?

Уж так од'левало меня любопытство, шо я взял его снова, и яйцо задрожало, согреваяс', пока не вспыхнула-появилас' де'ушка-призрак! Ей, де'ушка-призрак, прям' над яйцом, эт' такая же правда, как то, шо я сижу среди вас, голова ее и шея прост' плавали там, к'буто отражение в лунной воде, и она г'ворила! Ну, я испугался и отдернул руки от с'ребряного яйца, но де'ушка-призрак осталас', ей.

Шо она делала? Ничего, то'ко г'ворила и г'ворила, как вот я сейчас. Но она не была обычной рассказчицей, не, она г'ворила языком Древних, к тому же не сама по себе, но отвечая на вопросы, к'торые приглушенным гол'сом задавал ей какой-то мужчина, хоть лица его никогда видно не было. На каждое слово, к'торое я понимал, приходилос' пять-шесть непонятных. С губ

де’ушки-призрака не сходила горькая улыбка, но кремовые ее глаза были печальными, но и гордыми-сильными. Набравшис’ храбрости, я обратился к ней, пробормотав: Сестрейка, ты кто, заблудившаяся душа? Она не обратила на меня никакого внимания, поэтому я спросил: Сестрейка, ты меня видишь? Наконец я уяснил себе, шо де’ушка-призрак не слышит меня и не видит.

Я попытался коснуться ее облачной кожи и жестких волос, но, вот клянус’ вам, пальцы мои прошли прям’ насквозь, ей, к’буто сквозь отражение на воде. А мотыльки так и порхали сквозь ее мерцающие глаза и рот, туда и сюда, ей, туда и сюда.

Так она была красива и печальна, и таким от нее веяло предвестием беды, шо у меня душа зашлас’ от боли.

Неожиданно де’ушка-призрак снова исчезла в яйце, и ее место занял какой-то мужчина. Это был призрачный Предвидящий, и уж он-то меня видел и обратился ко мне до крайности жестко. Кто ты такой, парень, и где Мероним?

Предвидящий наклонился ближе, и лицо его увеличилос’. Голос у него был раскатистым-угрожающим. Я, парень, задал тебе два вопроса, отвечай на них немедленно, аль я так прокляну

твою семью, шо ни один бебень не проживет дольше одной луны, отныне и впредь!

Я весь вспотел и сглотнул п'ресохшим горлом. Закри, сэр, сказал я, а у Мероним все хорошо, ей, она у тетушки Биз, учится вынимать мед из сот.

Предвидящий пронзил мне вз'лядом самую душу, ей, определяя, мож' ли мне верить аль нет. А Мероним знает, шо ее хозяин роется в вещах своей гостьи в ее отсутствие? Отвечай правду, пот'му шо ложь я всегда могу вычислить.

Я сморщился в предвкушении боли, отриц а'льно тряся головой.

Слушай внима'льно. Слова этого человека были такими же внуши'льными, как у любой Аббатиссы. Этот оризон, «яйцо», к'торое ты сейчас вынул, положишь туда, где его нашел. И никому не будешь о нем рассказывать, никому. Иначе, знаешь, шо я сделаю?

Ей, знаю, ответил я. Наложишь на мою семью такое страшное проклятие, шо ни один бебень не сможет выжить.

Ей, ты уловил, сказал этот громоподобный человек. Я прослежу за этим, Закри из жилища Бейли, п'обещал напоследок призрачный Предвидящий, вишь, он, подобно Старому Джорджи, даж' знал о моем жилище. Он исчез, и с'ребристое

яйцо тихонько побулькало и остыло-поблекло. Быстро-резко я упаковал вещи Мероним в ее сумку, к'торую уложил под п'ловицу, сожалея, шо в'обще сунул туда нос. Вишь, то, шо я нашел, не было доказа'льством правильности моих сомнений, к'торое я мог бы показать Аббатиссе, не, то, шо я нашел, было проклятием Смекалки, обрушившимся на мою и без того отяг'щенную камнями судьбу и, как я сам себе признался, грязным пятном на моей чести как хозяина.

Но я никак не мог забыть де'ушки-призрака, не, она являлас' в мои сновидения и когда я засыпал, и когда просыпался. У меня появилос' так много чу'с'в, шо они прост' во мне не помещалис'. Ей, быть молодым непросто, пот'му шо всем, шо тебя озадачивает и тревожит, ты озадачен-встревожен впервые.

Леди Луна полнела, леди Луна худела, и неожиданно оказалос', шо три из шести лун до того дня, когда К'рабль Предвидящих должен был вернуться за Мероним, уже миновали. Между мной и нашей гостьей установилос' шо-то вроде п'ремирия. Я не доверял К'рабельщице, но терпел ее присутствие в своем жилище и был доста'чно вежлив, шоб удобнее было за нею шпионить. Потом в один шквалистый день случилос' первое из

происшествий, ей, из тех происшествий, к'торые превратили наше п'ремирие в то, шо п'реплело наши судьбы, как п'реплетаются стебли плюща.

В общем, так: однажды дождливым утром младший сын братея Мунро, Ф'кугли, взобрался по каменистым осыпям вверх по узкому ущелью, где и нашел меня и мое стадо, сбитое в кучу, под зонтичными деревьями на Пастушьей возвышенности. Принес он мне самое шо ни на есть страшное известие. Моя сестрейка Кэткин удила рыбу на берегу Собачьей скалы и наступила на рыбу-скорпиона, а теперь умирала от судорог-жара в жилище Мунро. За ней ухаживала травница, Уимоуэй, ей, ма Розес, а еще Лири из Хило, целитель, исполнял свои песнопения, но жизнь Кэткин угасала, ей. Обычно после укуса рыбы-скорпиона не выживали даж' рослые-дюжие парни, не, а значит, бедняжка Кэткин умирала, и оставалос' ей часа два, может, три.

Ф'кугли остался присмотреть за козами, а я, оскальзываяс', побежал через собачьи деревья вниз, к жилищу Мунро, и, ей, там все было так, как рассказал Ф'кугли. Кэткин горела, задыхалас' и не узнавала ничьего лица. Уимоуэй удалила пинцетом яд'витые плавники и промыла ужаленные места мякотью пони, а Сусси прижимала к ее лбу

прохладные губки, пытаяс' остудить ей голову. Джонас отправился молиться Сонми в Иконную. Бородатый Лири бормотал свои цели'льные заг'воры и тряс магическими погремушками с хохолками, шоб изгнать злых духов. Не видно было, шоб Лири особо ей помогал, не, Кэткин умирала, это чу'с'вовалос' в воздухе, но Ма хотелос', шоб Лири был там, вишь, вы поверите в мильон разных верований, если будете считать, шо всего одно из них сможет вам помочь. Так шо же я мог поделать, кроме как сидеть там, держа в руках пылающие ручки любимой Кэткин и вспоминая о такой же своей неподвижной бесп'лезности, когда наблюдал, как Коны взмахивают своими бычьими кнутами, кружа в'круг Па и Адама? Может, это был голос Па, может, Сонми, может, мой собственный и больш' ничей, но негромкий голос выдул пузырь прям' мне в ухо: Мероним, сказал он.

Молва сообщила мне, шо Мероним была в Гусином ущелье, так шо я бросился туда, и, ей, там она под парящимся дождем наполняла маленькие кувшины Смекалки водой из Гусиного ручья, вишь, Уолт прошел мимо нее раньше, чем докладывала молва. Особая сумка Предвидящей была при ней, и я побла'одарил за это Сонми. Доб-

рый день, окликнула меня К’рабельщица, когда увидела, как я, поднимая, брызги, бегу вверх по течению.

Вовсе нет, крикнул я в ответ. Кэткин умирает! Мероним доста’чно горестно выслушала мой рассказ о рыбе-скорпионе, но извинилас’, не, у нее нет исцеляющей Смекалки, да и в любом случае, травные снадобья Уимоуэй и песнопения Лири — таково цели’льство Большого острова, и оно лучше всего помогает больным на Большом острове, ведь так, не?

Дерьмо собачье, сказал я.

Она грустно-грустно покачала головой.

Я стал хитр’умно продолжать: Кэткин зовет тебя тетей, она верит, шо ты ее родственница. И ты, ясный пламень, ведешь себя в нашем жилище, к’буто родственница. Это шо, еще одно притворство, шобы получше нас изучить? Еще одна часть твоей «неполной правды»?

Мероним вздрогнула. Нет, Закри, это совсем не притворство, не.

Тогда, решил я попытать удачи, у тебя наверняка есть особая Смекалка, к’торая поможет твоей родственнице.

Мероним постаралась вложить в свои слова как мож’ больш’ колкости. Поч’му бы тебе снова

не покопаться в моих вещах и не украсть Смекалку Предвидящих самому?

Ей, она знала обо мне и с'ребристом яйце. Притворялас', шо не знает, но знала. Отпираться не было смысла, вот я и не стал. Моя сестрейка умирает, а мы стоим здесь и ругаемся.

Мимо нас, казалос', протекло оч' много речной и дождевой воды. Наконец Мероним сказала, шо пойдет-посмотрит Кэткин, но яд рыбы-скорпиона, он действует быстро-яро, и она, вероятно, не сможет ничего сделать, шоб спасти мою маленькую сестрейку, и будет лучше, если я пойму это теперь. Я ничего не сказал, просто быстро-резко повел ее вниз, к жилищу Мунро. Когда Предвидящая вошла, Уимоуэй объяснила ей, шо она сделала, а вот бородатый Лири пробубнил: У-у-у… сюда подбирается дьяволица… она все ближе… у-у-у, я чую ее своим особым чутьем…

Кэткин теперь была без сознания, ей, она лежала жестко-неподвижно, шо икона, и то'ко слабеющее дыхание слегка скреблос' у нее в горле. Горестное лицо Мероним г'ворило то'ко одно: Не, она уже слишком далеко, я ничего не могу сделать, и она прощально поцеловала мою сестрейку в лоб, затем печально вышла под дождь. Э, вот и вся она, Предвидящая, прокаркал Лири, их

Смекалка может двигать магические К’рабли из стали, но то’ко Святые Песнопения Ангела Лаз’руса могут привлечь ’братно душу этой девочки с б’лот отчаянья между жизнью и смертью. Ей, эт’ я чу’с’вовал себя повергнутым в отчаяние, сестрейка моя умирала, б’рабанил дождь, но все тот же голос не умолкал у меня в ухе. Мероним.

Я не понимал, зачем это делаю, но последовал за ней наружу. Укрывшис’ в дверном проеме гончарной мастерской Мунро, она неподвижно смотрела на розги дождя. У меня нет никаких прав просить тебя об одолжении, я не был хорошим хозяином, не, я был прост’ никуда не годным… У меня иссякли слова.

Предвидящая не шелохнулас’ и не вз’лянула на меня, не. В жизни твоего племени существует естест’ный порядок. Кэткин все равно наступила бы на рыбу-скорпиона, хоть была бы я здесь, хоть нет.

Птицы дождя выдавали свою хлипко-хлюпающую песню. Я всего-то недалекий коз’пас, но считаю, шо одним своим присутствием здесь ты подрываешь этот естест’ный порядок. Я считаю, шо ты убиваешь Кэткин своим бездействием. И думаю, шо если бы твой собственный сын, Анафи, лежал там и яд рыбы-скорпиона расплавлял ему

сердце и легкие, ей, этот естест'ный порядок не был бы для тебя так важен, так?

Она не ответила, но я знал, шо она слушает.

Поч'му жизнь Предвидящего ценнее жизни человека из Долин?

Она утратила свое спокойствие. Я здесь не для того, шоб разыгрывать из себя леди Сонми и всякий раз, когда случится шони'удь плохое, щелкать пальцами и все исправлять! Я всего лишь человек, Закри, как ты, как всякий другой!

Я пообещал: Этого не будет всякий раз, как случится шони'удь плохое, то'ко сейчас, и все.

В глазах у нее были слезы. Это не то обещание, к'торое ты можешь выполнить аль нарушить.

Неожиданно я 'бнаружил, шо рассказываю ей всю до последней капли правду о п'реправе у Слуши, ей, все подряд. Как я привел Конов, шоб они убили Па и поработили Адама, и никогда в этом никому не признавался вплоть до этого самого такта. Я не знал, поч'му я изливаю п'ред своим врагом эту запечатанную тайну, не знал, пока не добрался до самого конца, 'гда понял, в чем смысл этого рассказа, и ей тож' сказал об этом. То, шо я сейчас открыл тебе о себе и своей душе, — это мне как нож у горла и кляп во рту. Ты можешь рассказать Старушке Молве то, шо я рассказал тебе, и

погубить меня, ’гда т’е будет угодно. Она поверит тебе и правильно сделает, пот’му шо здесь шо ни слово, то правда, и люди т’е поверят, пот’му шо чу’с’вуют камни у меня в душе. А теперь, если у тебя есть какая-ни’удь Смекалка, ей, хоть шо-ни’удь, шо может сейчас помочь Кэткин, дай это мне, скажи мне это, сделай. Никто никогда, никогда не узнает, не, клянус’ т’е, то’к’ ты да я.

Мероним сжала голову руками, к’буто она раскалывалас’ от горя и боли, и пробормотала сама себе шо-то вроде: Если мой през’дент когда-ни’удь узнает, то весь мой факультет будет расформирован, ей, временами она использовала целые кучи-стада слов, к’торых я не знал. Из какого-то пузырька без крышки, шо был у нее в сумке, она достала крошечный, размером с муравьиное яйцо, бирюзовый камешек и велела мне украдкой положить его в рот Кэткин, так ловко, шоб никто не видел, не, шоб никому даж’ не показалос’ шо он видел. И во имя Сонми, предупредила меня Мероним, если Кэткин выживет, а я этого не обещаю, обяза’льно добейся, шоб за ее исцеление все превозносили травницу, а не этого колдуна, змея-подлизу из Хило, ей?

Ну вот, взял я это бирюзовое снадобье и побла’одарил ее, один то’ко раз. Мероним сказала:

Ни словом не поминай этого, ни сейчас, ни впредь, пока я жива, и это обещание я выполнил от и до. Я бросил его в рот своей дорогой сестрейки, когда менял влажную губку у нее на голове, как велела мне Мероним, так шо никто ничего не увидел. И шо же случилось?

Через три дня Кэткин вернулас' на занятия в школьную, ей.

Три дня! В общем, я п'рестал искать доказа'льства того, шо Предвидящая шпионит за нами, шоб нас поработить. Лири из Хило каркал всем суркам здесь и там, и жабам на дорогах, и всему большому миру, шо нет целителя более великого, чем он, даж' среди Предвидящих, однако большинство людей полагали, шо этого добилас' Уимоуэй, ей, а вовсе не он.

Однажды, примерно через луну после болезни Кэткин, мы ели на ужин кроликов с обжаренным таро, как вдруг Мероним сказала то, шо всех поразило. До возвращения К'рабля она намеревается взойти на Мауна-Кеа, сказанула она, шоб увидеть то, шо увидит. Первой заг'ворила Ма, уже встревоженная. Зачем, сестрея Мероним? Вверху на Мауна-Кеа нет ничего, кроме бесконечной зимы и огромной груды скал.

Ма, вишь, не сказала того, о чем мы все думали,

пот’му шо не хотела выглядеть варваркой-дикаркой, но вот Сусси ничего утаивать не стала. Тетя Меро, если ты туда поднимешься, Старый Джорджи зам’розит тебя и выкопает душу своей злобной-гадкой ложкой и сожрет ее, так шо ты никогда даж’ и не родишься заново, а твое тело превратится в зам’роженный валун. Тебе надо оставаться здесь, в Долинах, где безопасно.

Мероним ничуть не подтрунивала над Сусси, она лишь сказала, шо у Предвидящих есть такая Смекалка, к’торая заставит Старого Джорджи держаться подальше. Восхождение на Мауна-Кеа было необходимо для составления карты Наветренной стороны острова, объяснила она, да и по-любому жители Долин нуждалис’ в более точных сведениях о п’редвижениях Конов через Подветренную сторону и Ваймеа. Ну, было время, когда такие слова возбудили бы во мне подозрения, но теперь я об этом не думал, не, однако оч’ встревожился за нашу гостью. Ладно, когда эта новость вывалилас’ наружу, то молва трудилас’ без устали неско’ко дней подряд. К’рабельщица восходит на Мауна-Ке! То и дело к нам заходили люди, предостерегая Мероним, шоб не ходила туда, не совала свой нос за ограду Ста-Джо, иначе она никогда оттуда не вернется. Даж’ Нейпс

посетил нас и сказал, шо взойти на Мауна-Кеа в предании — это одно, а для того, шоб сделать это по-настоящему, надо прост' хряпнуться-рехнуться. Аббатисса сказала, шо Мероним может сама решать, куда ей идти, но она бы ей не советовала: некому будет сопроводить Мероним наверх, прост' вершина эта слишком уж неизвестна-опасна, три дня вверх да три дня вниз, и шо там встретится по пути, известно то'ко динго, да Конам, да Сонми, и в'обще, приготовления к обмену в Хонокаа потребуют всех рабочих рук в каждом жилище.

Вот тогда-то я всех и удивил, ей, и себя самого тож', заявив, шо с ней пойду я. Меня не держали за самого бесстрашного бычка в хлеву. Так поч'му же я так поступил? Все просто. Первое, я был обязан Мероним спасением Кэткин. Второе, моя душа уже была наполовину отяг'щена камнями, ей, ясный пламень, мне не суждено было нового рождения, так шо мне было терять? Уж лучше пусть Старый Джорджи съест мою душу, чем чью-ни'удь еще, кто иначе родился бы снова, так? Это не храбрость, это просто здравый смысл. Ма была недовольна, в Долинах наступало напряженное время, пот'му шо подоспел урожай и все такое, но когда наступил рассвет, на к'тором мы

с Мероним выходили в путь, она дала мне еды на дорогу, всяких-разных собственн'ручных копченостей-соленостей, и сказала, шо Па гордился бы, увидев, каким я стал взрослым-самостоя'льным. Джонас дал мне особый острый-крепкий гарпун для охоты на ершей-окуней, а Сусси — амулеты из раковин жемчужин, шоб слепить глаза Джорджи, если он за нами погонится. Мой кузей Коббери брался присмотреть за моими козами, он вручил мне мешок изюма из виноградников своей семьи. Последней была Кэткин, она поцеловала меня и Мероним и заставила нас обоих п'обещать, шо через шесть дней мы вернемся.

К востоку от Слуши мы не стали восходить на тропу Квиквихале, не, мы пошли в глубь острова вверх по течению Вайулили, и я узнал поляну у водопада Хиилаве, где пять-шесть лет назад я нежданно-негаданно явился на глаза Конов, убивших моего Па. Теперь там все заросло, лишь старые кострища чернели пос'редине. В мелк'водье заводи под водопадом я с помощью подаренного Джонасом гарпуна добыл двух окуней, шоб поберечь наши припасы. Прошел сильный дождь, и ручей Вайулили хлестал слишком уж яростно, шоб мож' было п'рейти его вброд, так шо пришлось прорубать себе путь сквозь заросли

сахарного тростника, ей, на этот трудный п'реход ушло полдня, прежде чем мы преодолели гребень Кохал; на открытой и продуваемой всеми ветрами местности у нас п'рехватило дыхание, и сквозь разрывы в облаках увидели мы Мауна-Кеа, уходившую выше неба, ей. Шо сказать, я, конечно, и прежде видел Мауна-Кеа из Хонокаа, но гора, на к'торую ты собираешься взойти, это не то же самое, шо та, на к'торую ты взбираться не собираешься. Она не так красива, не. Помолчи немного, и ты ее услышишь. Тростник поредел, уступая место г'рючим елям, и мы вышли на дорогу Древних на Ваймеа. Мы протопали по этой древней растрескавшейся дороге неско'ко миль, пока не встретили добытчика пушнины, к'торый вместе со своей веселой собачонкой отдыхал на склоне у п'ресыхающего пруда. Его звали Янаги-старый, и я подумал, шо к тому времени, как семейным делом займется Янаги-молодой, легкие у него уже оч' сильно опреют. Мы сказали, шо мы травники и заняты поисками ценных растений, и Янаги то ли поверил нам, то ли нет, но дал нам в обмен на одного окуня грибную лепешку и предупредил, шо город Ваймеа теперь не такой друж'любный, как был прежде, не, Коны повременно то вели себя строго, то разъярялис', и предугадать их

поведение было невозможно.

В миле аль около того к востоку от Ваймеа мы услышали стук подкованных копыт и нырнули с дороги в распадок, прежде чем мимо пронеслис' галопом трое воинов-Конов на черных жеребцах и их молодой конюх на пони. Меня трясло от ненависти и страха, и я хотел убить их, шо креветок на вертеле, то'ко медленнее. Парень, подумалос' мне, мог быть Адамом, но я всегда так думал на молодых Конов, они были в шлемах, и я не мог видеть наверняка, не. После этого мы почти не г'ворили, пот'му шо голоса могут услышать шпионы, к'торых ты не сможешь углядеть. Теперь мы пробиралис' ч'рез заросли кустарника на юг, пока не вышли на широкий путь. Я слышал о широком пути от сказителей, и вот он был п'ред нами, открытый, длинный, плоско вымощенный дорожным камнем. Молодые деревца и кусты пробивалис' сквозь щели, но загадочным и диким было это ветреное пространство. Мероним сказала, шо на языке Древних это называлос' Аэропортом, там бросали якорь их летающие лодки, ей, шо дикие гуси на б'лотах Пололу. Мы не п'ресекали широкого пути, не, мы пошли вдоль него, на нем самом, вишь, не было никакого прикрытия.

П’ред закатом мы разбили палатку в заросшей кактусами лощине, а когда доста’чно стемнело, я развел костер. Вдали от своих Долин и родичей я чу’с’вовал себя безмерно одиноким, но с Мероним в этой безлюдной земле соскользнула маска, и я видел ее яснее, чем когда-льбо раньше. Спросил у нее напрямик: На шо он похож, Целый Мир? Все эти дальние земли за океаном?

Однак’ ее маска соскользнула еще не полностью. А ты сам как думаешь?

Ну и я, значит, рассказал ей о том, как представляю себе места, знакомые мне по старым книгам и картинкам в школьной. О землях, где никогда не было Падения, о городах, шо были больш’ всего Большого острова, о сияющих башнях солнца и звезд, возносящихся выше, чем Мауна-Кеа, о бухтах, в к’торых стоял не один К’рабль Предвидящих, но мильоны. О хитр’умных ящиках, готовивших больш’ вкусной еды, чем человек мог съесть, о хитр’умных трубах, варивших больш’ питья, чем человек мог выпить, о местах, где всегда была весна и никто не болел, где не было ни ссор, ни драк, ни порабощения. О местах, где каждый был красив от рождения и проживал по сто пятьдесят лет.

Мероним плотнее укуталас’ в одеяло. Мои ро-

дители и все их пок'ление, они точно так же, как ты, Закри, верили, шо после Падения где-то за океанами уцелели целые города Древних. В в'ображении у них крутилис' стародавние названия… Мельбун, Орклеид, Йо'бург, Буэнас-Йербс, Мумбай, Синг'пор. К'рабельщица открывала мне то, чего никогда не слышал ни один житель Долин, и я слушал ее безмолвно-напряженно. Наконец, спустя пять десятилетий после того, как наш народ высадился на острове Предвидения, мы снова запустили свой К'рабль, к'торый нас туда и доставил. Далеко-далеко выли динго, значит, кому-то вскоре предстояло умереть, и я молился Сонми, шоб это были не мы. Мы нашли эти города там, где указывали старые карты, города из мертвого камня, города, удушенные джунглями, города, прогнившие от чумы, но ни разу не наткнулис' на какой-ни'удь признак живых городов своих устремлений. Мы, Предвидящие, не верили, шо наше слабое пламя Цив'лизации было теперь самым ярким в Целом Мире, и год от года мы плавали все дальше и дальше, но нигде не нашли пламени ярче. Мы чу'с'вовали себя такими одинокими. Какое это тяжкое бремя для двух тысяч пар рук! Клянус', в Целом Мире насчитается лишь неско'ко мест, сравнимых по Смекалке с Девятью

Долинами.

Услышав эти слова, я испытал одновременно и тревогу и гордость, шо твой па; а если г'ворить о нас с ней, то мы вовс' не были столь различны, как бог и веру'щий, не.

На второй день распушенные облака унеслис', шо твои кролики, на запад, и громко-жарко зашипело коварное подветренное солнце. Шо киты, пили мы воду из ледяных темно-коричневых ручьев и поднималис' все выше к прохладе, пока от нас не отстали все мозесы до единого. В сухой-чахлый лес просеками вдавалис' черные бритвенные языки лавы, выплюнутой-выблеванной Мауна-Кеа. Идти по этим скальным полям приходилос', ей, черепашьим шагом, лишь коснис' слегка этих скал, как из пальцев обильно-быстро польется кровь, так шо я обвязал себе башмаки и руки полосами шкурной коры и то же самое сделал для Мероним. Ноги у нее покрылис' пузырями мозолей, вишь, ее подошвы не были такими загрубелыми, как у меня, коз'паса, но эта женщина не была плаксой, не, то'ко не это. П'латку мы разбили в игольчато-шипастом лесу, и восковая дымка укрыла наш костер, но она же укрыла и тех, кто мог бы к нам незаметно подкрасться, из-за чего мне было не по себе. Тела

наши разламывалис’ от усталости, но сонливости в голове не было, и за едой мы немного пог’ворили. Ты действи’льно не боишься, спросил я, вздергивая кверху большой палец, повстречаться с Джорджи, когда мы доберемся до вершины, как это случилос’ с Труменом Нейпсом?

Мероним сказала, шо гораздо больш’ она боится, шо испортится погода.

Я высказал то, шо думал: Ты не веришь, шо он настоящий, правда?

Мероним признала, шо Старый Джорджи для нее нереален, не, но для меня он все равно может оставаться реальным.

Тогда кто, спросил я, учинил Падение, если не Старый Джорджи?

Миг аль два в темноте обменивалис’ новостями мрачные птицы, к’торых я не знал. Предвидящая ответила: Древние сами учинили свое Падение.

О, слова ее были шо веревка из дыма. Но ведь у Древних была Смекалка!

Помню, она ответила: Ей, Смекалка Древних справлялас’ с болезнями, милями, семенами и делала чудеса обыденными, но с одной вещью она не справлялас’, не, с жаждой, живущей в людских сердцах, с жаждой большего.

Чего большего? — спросил я. У Древних было

все!

О, большего добра, более вкусной еды, более быстрых скоростей, более долгих жизней, да и более легких… в общем, большей власти, ей. Вишь, Целый Мир, он велик, но он не был достаточно велик для той жажды, к'торая заставляла Древних вспарывать небеса, кипятить моря, отравлять почву взбесившимися атомами и возиться со сгнившими семенами, как шо появлялис' новые болезни и бебени рождалис' уродцами. В конце концов государства, сначала постепенно, затем быстро-резко, превратилас' в варварские племена, и дни Цив'лизации окончилис', кроме нескольких складок-кармашков там и сям, где мерцали ее последние угольки.

Я спросил, поч'му Мероним никогда не г'ворила об этом в Долинах.

Жителям Долин не хотелос' бы узнать, ответила она, шо людская жажда не то'ко породила Цив'лизацию, но и убила ее. Я знаю это от других иноземных племен, у к'торых гостила. Бывает, шо ты г'воришь кому-то, шо их верования неправильны, а они думают, будто ты г'воришь, шо их жизни неправильны и их правда тож' неправильна.

Ей, она, вероятно, была права.

Третий день выдался ясным-голубым, но ноги у Мероним были шо твои медузы, так шо я все взвалил себе на спину, кроме ее сумки. Мы пошли по склону горы, к югу, где по направлению к вершине зигзагами пролегали шрамы, оставшиеся от дороги Древних. Около полудня Мероним присела отдохнуть, а я тем временем собрал сто'ко дров, шо их хватило бы на два огромных костра, пот'му шо теперь мы проходили через самые последние деревья. Глядя вниз, в сторону Мауна-Лоа, мы, щуряс', углядели на Седельной дороге отряд всадников-Конов, чьи пики металлически поблескивали в солнечном свете. Мы были так высоко, шо их лошади казалис' не больш' термитов. Мне хотелос' бы, шобы я мог раздавить этих дикарей между большим и указа'льным пальцами, а потом вытереть слизь о штаны. Я молил Сонми, шобы ни один Кон никогда не сворачивал на эту дорогу к вершине, пот'му шо там имелис' прекрасные места для устройства засады, и мы с Мероним не смогли бы, я считал, оказать ни сильного, ни долгого с'противления. Во всяком случае, я нигде не видел отпечатков копыт аль следов от привалов.

Деревья кончилис', и ветер сделался сильнее-злее, но он не доносил запахов ни дыма, ни

земли, ни навоза, ничего в'обще, в нем витала одна то'ко мелкая-мелкая пыль. Птицы на крутых склонах, поросших низкорослым кустарником, тож' поредели, одни то'ко канюки взмывали так высоко. К вечеру мы добралис' до скопления зданий Древних, к'торые, по словам Мероним, были поселком 'строномов, жрецов той Смекалки, шо читала звезды. Со времени Падения в этом поселке никто не жил, и более заброшенного места мне никогда не приходилос' видеть. Там не было ни воды, ни почвы, а наступившая ночь так и когтила холодом, так шо мы оделис' потеплее и развели огонь в одном из пустых жилищ. Отсветы пламени танцевали с тенями вокруг никем не любимых стен. Я тревожился о завтрашнем дне, когда нам предстояло взойти на вершину, и поэтому, шоб отчасти ослепить свой разум, я спросил у Мероним, права ли Аббатисса, утверждающая, шо Целый Мир летает вокруг солнца, аль же правы люди из Хило, утверждающие, шо эт' солнце летает вокруг Целого Мира.

Аббатисса совершенно права, ответила Мероним. Значит, настоящая правда отличается от кажущейся правды? — предположил я. Помню, Мероним прог'ворила: Ей, обычно это так, и поэтому настоящая правда ценнее брильянтов и

встречается реже. Мало-помалу ее окутал сон, но мне никак не давали уснуть разбуженные мысли, а потом в комнату вошла безмолвная женщина и уселас' у огня, приглушенно чихая и дрожа. Судя по 'жерелью из раковин каури, она была рыбачкой из племени Хоному, и если бы была жива, то, ясный пламень, была бы оч' даж' сочной. Разжав пальцы, женщина опустила их в огонь, прям' в прекраснейшие бронзовые-рубиновые лепестки, но лишь вздохнула, еще более осиротелая, чем птица в клетке, опущенной в колодец, языки пламени, вишь, не могли ее больш' согреть. Вместо глазных яблок в глазницах у нее были гальки, и я подумал, уж не поднимается ли она на Мауна-Кеа, шоб позволить наконец Старому Джорджи предать ее душу каменному сну. Мертвые слышат, о чем думают живые, и эта утонувшая рыбачка уставилас' на меня своими гальками и утверди'льно кивнула, а потом достала трубку, шоб немного утешиться, но я не попросил у нее ни единой затяжки. Много позже я пробудился, огонь умирал, а отяг'щенная Хоному уже ушла. Она не оставила в пыли никаких следов, но такт аль два я обонял запах дыма из ее трубки. Вишь, я подумал: Мероним много знает о Смекалке и о жизни, но жители Долин больш'

знают о смерти.

На четвертом восходе ветер дул не из этого мира, не, он искривлял этот жестокий-звенящий свет и заворачивал горизонт, он вырывал слова у нас изо рта и крал тепло наших тел через все меха и брезент. Тропа к вершине, шедшая от поселка ’строномов, была опасно изогнута-изломана, ей, ее п’ресекали огромные следы оползней, и нигде не было ни травы, ни корней, ни даж’ мха, то’ко сухие-замерзшие пыль и песок, к’торые царапали нам глаза, к’буто обезумевшая женщина. К этому времени наши башмаки из Долин совсем изорвалис’, так шо Мероним достала нам по паре башмаков из своей сумки, не знаю, из чего и с помощью какой Смекалки их сделали, но такими теплыми-мягкими-прочными они были, шо мы смогли продолжить путь. Четырьмя-пятью милями позже земля распласталас’ насто’ко, шо я больш’ не чу’с’вовал себя находящимся на горе, не, гораздо больш’ я казался себе муравьем на столе. Это была просто какая-то плоскость, зависшая в пустоте между мирами. Наконец около полудня мы завернули за пов’рот, и у меня, потрясенного, п’рехватило дыхание, пот’му шо там была ограда, в точности как г’ворил Трумен, хоть ее стены и не были высотой с красное дерево, не, они были не

выше ели. Тропа вела прямо к стальным в'ротам, ей, но неповрежденные стены ограды не тянулис' так бесконечно долго, не, ее мож' было обойти часа за два. А за оградой на холме стояли круглые храмы, ей, самые страшные из Древних зданий на Га-Уае, а и то в Целом Мире, кто знает? Но как могли мы туда проникнуть? Мероним коснулас' страшных ворот и пробормотала: Шоб сорвать их с петель, нам понадобился бы вспыхивающий грохот, ей. Но из своей сумки она достала не грохот, не, но хитроумную веревку, вроде тех, шо Предвидящие иногда предлагали на обмен, прочную и легкую. Над в'ротами торчали два столбика, и она попыталас' набросить петлю на один из них. Ветер помешал ей попасть в цель, но следу'щим попробовал я и заарканил его с первого раза, и мы полезли, полезли, полезли через ограду Старого Джорджи, п'рехватывая веревку руками.

За оградой, в этом ужасном месте на верхушке мира, ей, ветер утих, к'буто в ясном глазу урагана. С немыслимой высоты все вокруг 'глушало солнце, ей, оно ревело, и из него вырывался поток времени. Внутри там не было никаких дорожек, то'ко мильон булыжников, как о том г'ворилос' в предании о Трумене Нейпсе, то были

тела отяг'щенных камнями и обездушенных, и я опасался, как бы Мероним, аль я, аль мы оба к наступлению ночи не стали такими же булыжниками. Десять-двенадцать храмов стояли там и сям в ожидании, белые с с'ребристым и з'лотые с бронзовым; с приземистыми основаниями и округлыми сводами, они по большей части были без окон. Я спросил, не в них ли Древние поклонялис' своей Смекалке.

Мероним, 'зумленная не меньше меня, сказала, шо то были не храмы, не, но обзвер'тории, к'торыми Древние пользовалис' для изучения планет-луны-звезд и пространства между ними, шоб понять, где все начинается и где кончается. Мы осторожно ступали меж скрученными камнями. Рядом с одним из них я увидел разбитые раковины каури из Хоному, и понял, шо то была моя ночная гостья. Ветер издалека-издалека донес голос моего деда… Иуда. Страшный, ей, но не пригвождающий к месту, не, пот'му шо в этом месте все было страшным… Иуда. Мероним я ничего не сказал.

Как ей удалос' открыть дверь обзвер'тории, я не знаю, так шо не докучайте мне расспросами. Шо-то вроде пуповины между дверной пыльной-ржавой нишей и ее яйцеобразным оризоном

действовало такт аль два. А я тем временем был занят тем, шо охранял нас от обитателей этого огороженного места. Шепот моего деда теперь насылал проклятия на лишь боковым зрением видимые лица, к'торые исчезали, если смотреть на них впрямую. Когда дверь обзвер'тории с треском открылас', раздалос' резкое шипение. Воздух, вырвавшийся наружу, был прогорклым-закисшим, к'буто его закачали туда п'ред Падением, и, ей, так оно, вероятно, и было. Мы ступили внутрь, и шо же мы там обнаружили?

Описывать такую Смекалку нелегко. Там было добро, о к'тором в Га-Уае не помнят, а значит, не помнят и их названий, ей, я там почти ничего не мог распознать. Мерцающие полы, белые стены и крыши, огромное помещение, заполненное могучей трубой, к'торая была больш' человеческого роста в ширину и больш' пяти в длину и к'торую Мероним назвала радиотел'скопом, сказав, шо это был самый дальнозоркий глаз, изготовленный Древними. Все там было белым-чистым, шо одеяния Сонми, ни капли грязи, кроме той, шо нанесли мы. На балконах, сделанных из стали, так шо наши шаги отдавалис' там гулом-звоном, стояли столы и стулья, готовые к приему гостей. Даж' К'рабельщица прищелкивала языком, поражаяс'

столь совершенной Смекалке. Она показывала своему оризону все то, шо мы видели сами. Оризон сиял и урчал, и появлялис'-исчезали окна. Он запоминает это место, пояснила Мероним, но я не оч'-то хорошо ее понял и спросил у нее, чем по самому делу было это хитроумное яйцо.

Мероним на такт остановилас' п'редохнуть и глотнула напитка из своей фляжки. Оризон — это мозг, окно и память. Его мозг позволяет делать разные вещи, например открывать двери обзвер'тории, шо ты то'ко шо видел. Его окно дает г'ворить с другими оризонами, к'торые находятся далеко-далеко. Его память позволяет видеть-слышать то, шо видели-слышали другие оризоны в прошлом, и сохранять то, шо видит-слышит этот оризон, в безопасности от забвения.

Как ни стыдно, ей, было мне напоминать Мероним об обыске, к'торый я учинил, но если бы я не спросил тогда, то, может, никогда больш' не представилос' бы возможности, так шо я спросил: Та мерцающая и красивая де'ушка, к'торую я видел в этом… оризоне раньше… она была памятью аль окном?

Мероним пок'лебалас'. Памятью.

Я спросил, жива ли еще та де'ушка.

Не, ответила Мероним.

Тогда я спросил, была ли она Предвидящей.

Она опять пок'лебалас' и сказала, шо теперь ей хотелос' бы рассказать мне всю правду, но другие жители Долин не готовы ее услышать. Я поклялся на иконе Па, шо ничего не скажу, не, никому. Оч' хорошо. Закри, то была Сонми. Сонми, ненормально рожденное человеческое существо, к'торое, по вере твоих предков, является богом.

Сонми была человеком, как вы и я? Я никогда так раньше не думал, да и Аббатисса никогда не высказывала подобной несуразности, не, Сонми родилас' от бога Смекалки по имени Дарвин, вот во шо мы верили. А Мероним, считает ли она, шо Сонми живет на острове Предвидения аль же на Большом острове?

Она родилас' и умерла сотни лет назад, на северо-западе, за океаном, так сказала Мероним, на полуострове, к'торый теперь весь отошел к мертвым землям, но в старые времена назывался Ни-Со-Копросом, а в самые древние — Кореей. У Сонми была короткая, оборванная предательствами жизнь, и лишь после смерти она обрела власть над думами чистокровных и ненормально рожденных.

Вся эта сногсшиба'льная новизна звенела-зудела у меня в мозгу, и я не знал, чему верить.

Я спросил, шо делает память Сонми в оризоне Мероним сотни лет спустя.

Теперь я видел, Мероним жалеет, шо начала этот разг'вор, ей. Сонми была убита вождями Древних, к'торые ее боялис', но прежде чем умереть, она рассказала п'ред оризоном о своих поступках-деяниях. Ее память оказалас' у меня в оризоне, пот'му шо я изучала ее краткую жизнь, шоб лучше понять вас, жителей Долин.

Вот поч'му эта де'ушка так часто навещала мои сны и мысли! Значит, я видел шо-то вроде призрака Смекалки?

Мероним утверди'льно кивнула. Закри, остается еще много зданий, в к'торые нам надо зайти до наступления ночи.

Ну вот, и когда мы пошли через огороженное это место ко второй обзвер'тории, то булыжники начали г'ворить. О, поначалу ты был прав насчет этой проклятой Предвидящей, братей Закри! Все твои верования она п'реворачивает вверх тормашками, выворачивает их наизнанку! Я зажал себе уши руками, но, ей, эти голоса, проходили сквозь ладони. Эта женщина лишь затем спасла жизнь Кэткин, шоб замутить твой разум чу'с'вом долга! Неудобоваримыми были и очертания и слова этих камней. Она ищет-рыщет по Большо-

му острову, шоб заграбастать Смекалку, к'торая по праву принадлежит жителям Долин! Песчаные дьяволы проникли мне под веки. Твой Па не позволил бы лживой чужеземке ни втереться к нему в доверие, ни 'спользовать его как вьючного мула! Эти слова были так правдивы, шо, не будучи в силах хоть чем-либо им возразить, я болезненно оступился.

Мероним меня поддержала. Я не признался ей, шо булыжники поливают ее грязью, но она видела, шо со мной шо-то не так. Воздух здесь тонкий-жидкий, заметила она, и твой мозг может устать от такого г'лодания и сделать это причудливое место совсем причудливым.

Мы добралис' до второго здания, и я, охваченный дремотой, тяжело опустился на землю, пока Предвидящая занималас' открыванием двери. О, это полоумное вопящее солнце заполонило-опустошило мою голову. Это хитрая тварь, ясный пламень, Закри! Трумен Нейпс третий восседал на своем камне. Мероним его даж' не слышала. Ты шо, веришь, шо она твоя родственница? — горестно взывал он ко мне. Ишо твои истины порождены лишь «тонким-жидким воздухом»? И я тож'? Ну, облегчение я испытал в следу'щий такт, когда открылас' дверь обзвер'тории. Ни

призраки, ни их колкие истины не могли, вишь, последовать за нами внутрь, полагаю, это Смекалка заставляла их оставаться снаружи.

Так оно и продолжалос' целый день, ей. Большинство обзвер'торий оч' походили на первую. Предвидящая открывала их и обследовала вместе со своим оризоном, по большей части забывая, шо я был рядом. Ну а я просто сидел и дышал этим очищенным Смекалкой воздухом, пока она не управлялас' со своим делом. Но когда мы шагали между зданиями, булыжники хором обрушивалис' на меня, вопя Иуда! и Вьючный мул! и К'рабельный раб! Призраки жителей Долин убеждали меня, не размыкая замерзших губ, ей: Она не твоего племени! И даж' не твоего цвета кожи! и там и тогда, о, они безмерно меня пугали, признаюс' в этом здесь и сейчас.

Подозрения меня прост'-таки разлагали.

Никто из Предвидящих никогда не был откровенен с жителями Долин, и в тот день я понял, шо Мероним не отличается от остальных. Когда мы добралис' до последнего здания, булыжники заменили г'лубое небо тревожным серо-гранитным. Мероним пояснила мне, шо это была не обзвер'тория, но ген'ратор, к'торый вырабатывал магическую силу Смекалки, называемую

’лектричеством и приводившую в действие все это место, как сердце приводит в действие тело. Она восхищалас’ машинами и всем прочим, но я лишь чу’с’вовал себя одураченным-преданным из-за того, шо был ослеплен этой К’рабельщицей с тех пор, как она протолкалас’ в мое жилище. Я не знал, шо мне делать и как помешать ее замыслам, но у Джорджи были свои замыслы, будь он проклят.

Внутри здания ген’ратора было совсем не так, как в остальных зданиях. Предвидящая расцвела от восторга, когда мы ступили в отдающиеся эхом помещения, но я не. Вишь, я знал, шо мы там были не одни. К’рабельщица, конечно, мне не верила, но в самом большом пом’щении, где безмолвно стояло могучее железное сердце, было шо-то вроде трона, окруженного столами с маленькими оконцами, цифрами и всем таким прочим, и на этом троне под сводчатым окном горбился умерший жрец Древних. Предвидящая тяжело сглотнула и вгляделас’ поближе. Главный ’строном, я полагаю, негромко сказала она, должно быть, он покончил с собой, когда наступило Падение, и запечатанный воздух спас его тело от разложения. Жрец-король, а не главный ’строном, подумал я, в таком-то чудесном дворце. Она

принялас’ за работу, запоминая каждый дюйм этого гнетущего места своим оризоном, а я тем временем приблизился к этому жрецу-королю из мира совершенной Цив’лизации. Волосы его были спутаны, ногти загнулис’, шо крючья, а лицо за множество лет основа’льно сжалос’-провисло, но небесные одежды оставалис’ нарядными-свежими, в ушах висели сапфиры, и он напомнил мне дядюшку Виза, ей, такой же поросячий нос.

Слушай меня, житель Долин, заг’ворил покончивший с собой жрец-король, ей, слушай. Мы, Древние, были больны Смекалкой, и Падение было нашим излечением. Предвидящая не знает, шо она больна, но, ей, она правда больна. Через стекло в сводчатом окне видны были волны снега, метавшиеся-вертевшиеся и затмевавшие солнце. Отправь ее спать, Закри, иначе она и ей подобные принесут эту свою з’морскую болезнь в твои прекрасные Долины. Здесь я хорошо присмотрю за ее душой, не беспокойся. К’рабельщица двигалас’ поодаль со своим оризоном, напевая усыпальницу Предвидящих, к’торой она обучила Кэткин и Сусси. Мысли мои тикали, шо часы. Разве убить ее не было варварством-дикарством?

Нет пра’льного аль непра’льного, поучал меня король ’строномов, есть лишь спасение твое пле-

мени аль предательство его, ей, лишь сильная воля аль слабая. Она никакая не богиня, она всего то'ко кровь и сосуды.

Я сказал, шо не могу, шо молва заклеймит меня как убийцу и Аббатисса созовет собрание, к'торое изгонит меня из Долин.

О, подумай, Закри, насмехался король. Х'рошенько подумай! Как сможет узнать об этом молва? Молва скажет: «Известная всем чужеземка не обратила внимания на наши слова-обычаи и самовольно вторгалас' на Мауна-Кеа, а храбрый Закри пошел с ней, шобы поп'таться за ней приглядеть, но оказалос', шо у нее не было так много Смекалки, как она думала».

Такт проходил за тактом. Хорошо, ответил я реши'льно и беспощадно, я проткну ее гарпуном, как то'ко мы выйдем наружу. Король довольно улыбнулся и больш' ничего не г'ворил. Наконец моя жертва спросила, как я чу'с'вую. Прекрасно, отозвался я, хотя мне было не по себе, вишь, я не убивал никого крупнее коз, а вот теперь п'обещался убить человека, Предвидящую. Она сказала, шо нам надо поторапливаться, пот'му шо она не хочет, шоб нас там повязала вьюга, и повела меня к выходу.

Снаружи оказалос', шо булыжники умолкли

под снегом, к'торого насыпало по щиколотку. Одна снежная буря миновала, но другая, больше первой, была на подходе, так я думал.

Мы шагали к стальным в'ротам, она держалас' вп'реди, а я стискивал в руке гарпун Джонаса, проверяя его остроту большим пальцем.

Давай! — приказали все камни-убийцы на Мауна-Кеа.

Промедлением ничего низзя было выгадать, нет. Я беззвучно прицелился в затылок Предвидящей, и Сонми сжалилась над моей душой, я швырнул это хищное орудие изо всех сил.

Не, я не убил ее, вишь, в ту долю мгновения, шо отделяла прицеливание от броска, Сонми сжалилас' над моей душой, ей, и гарпун пролетел высоко над стальными в'ротами. Мероним даж' не поняла, шо ее череп был едва не насажен на вертел, но я-то прекрасно п'нимал, шо меня од'левал своими чарами дьявол Мауна-Кеа, ей, все мы знаем его имя, будь он проклят.

Ты то-то там увидел? — спросила Мероним после того, как гарпун унесся за ограду.

Да, соврал я, но там никого не было, не, это прост' проделки этого места.

Мы уходим, сказала она, мы уже уходим.

Мне, вишь, удалос' п'рехитрить Старого Джор-

джи, без гарпуна у меня не было чем быстро-резко убить ее, но он не стал просто ложиться и смотреть на мою победу, не, уж я-то знал этого старого хитрована.

Когда я взбирался но веревке, держа сумку Мероним, Мауна-Кеа, вздохнув полной грудью, взвыла и так вскружила снег, шо я плохо различал землю, десять ветров раздирали нам лица, а пальцы у меня закоч'нели, и я на полпути кверху соскользнул на четверть пути книзу, и веревка ожгла мне руки, но я наконец взобрался на гребень в'рот, таща с собой сумку с добром Предвидящих в пронзаемых болью, пылающих и ободранных ладонях. Мероним была не так быстра, но до верха ворот ей оставалос' уже немного, когда время 'незапно остановилос'.

Время остановилос', ей, вы услышали правильно. Для Целого Мира, кроме меня и некоего хитрого дьявола, ей, вы знаете, кто с чванливым видом шел ко мне по стене, когда время... прост' остановилос'.

Снежинки пятнышками повисли в воздухе. Старый Джорджи с шелестом отмел их в сторону. Я п'тался урезонить тебя, Закри, упрямец ты этакий, теперь мне придется прибегнуть к предупреждению, предсказанию и пов'лению.

Достань свое лезвие и п'режь эту веревку. Его нога коснулас' веревки, державшей застывшую во времени Мероним. Внизу было шесть метров пустоты. Может, падение и не убьет ее, когда я снова позволю времени течь, Старый Джорджи видел, шо меня од'левают сомнения, но эти скалы внизу п'реломают ей ноги и позвоночник, и этой ночи она не п'реживет. Я дам ей время п'размыслить о ее преступлениях.

Я спросил, поч'му бы ему прост' не убить Мероним самому. «Поч'му-поч'му?» — п'редразнил меня Старый Джорджи. Мне надо, шоб это сделал ты, вот и все тебе «поч'му». Вишь, если ты не п'режешь эту веревку, то в пределах трех лун вся твоя д'рогая семья умрет, клянус' тебе! Клянус', так оно и будет. Так шо у тебя есть выбор. С одной ст'роны, у тебя есть Храбрая Ма, Сильная Сусси, Смышленый Джонас, Милая Кэткин, все мертвые. Закри-Трус будет жить дальше, и до самого смертного часа его будет терзать-когтить раскаяние. С другой ст'роны, у тебя одна мертвая чужеземка, по к'торой никто не будет плакать. Четверо любимых против одной нелюбимой. Могу даж' поколд'вать и привести Адама от Конов.

Мне было не отвертеться. Мероним должна была умереть. Ей, тебе не отвертеться, парень.

Считаю до пяти…

Я достал свое лезвие. Сквозь корку, покрывавшую мою память, пробилос’ семя, и семенем этим было слово, к’торое то’ко шо произнес Джорджи, предсказание.

Быстро-резко швырнул я свое лезвие вслед за гарпуном и вз’лянул этому дьяволу прямо в его ужасные глаза. Он был удивлен-озадачен, а в умирающей его улыбке таился целый ворох темных смыслов. Я плюнул в него, но плевок мой вернулся ко мне бум’рангом. Поч’му? Я шо, обезумел-ополоумел?

Старый Джорджи допустил, вишь, рок’вую ошибку, он напомнил мне о первом предсказании, полученном мной в Ночь Сновидений. Если руки горят, оставь эту веревку, не разрезай. Решение мое было, вишь, предопределено: руки у меня горели, стало быть, это и была та веревка, к’торую Сонми в’лела мне не разрезать.

Лезвие со звоном ударилос’ о землю, время сдвинулос’ с мертвой точки, и мильоны рук и воплей этой дьявольской вьюги колотили-разрывали меня, но не могли сбросить с ограды, не, каким-то образом мне уд’лос’ втянуть наверх Мероним, а потом спуститься с другой стороны и помочь спуститься и ей тож’, да так, шо все кости

у нас осталис’ целыми. Опираяс’ на эту яростную, смешивающую тьму с белизной снежную бурю, мы пробиралис’ обратно к поселку ’строномов, мы шаталис’ и еле в’лочили ноги, и, когда дошли, были скорее замерзшими, чем живыми, но, милостью Сонми, там нас ждала огромная вязанка сухих дров, и мне как-то удалос’ развести костер, и этот костер, клянус’ вам, еще раз спас нам жизнь. Мы растопили лед, а воду довели до кипения, отогрели свои кости и, как то’ко могли, просушили свои меха-одежды. Г’ворить мы совсем не разг’варивали, слишком уж заледенели и утомилис’. Сожалел ли я, шо оттолкнул Старого Джорджи?

Нет, ни тогда, ни теперь. С какой бы целью ни восходила Мероним на эту проклятую вершину, я не верил, шо она когда-ни’удь предаст хоть кого-ни’удь из жителей Долин, а то, шо с Долинами сотворили Коны, случилос’ бы рано аль поздно по-любому. В ту первую ночь после вершины это пребывало в области будущего. После еды моя подруга достала нам из своей сумки по лечебному камешку, и мы погрузилис’ в лишенный сновидений сон короля ’строномов.

В общем-то, возвращение в Долины тож’ не было безмятежной прогулкой, не, но се’дня ве-

чером не хватит времени, шоб рассказать обо всех приключениях. Мы с Мероним почти не разговаривали, нас теперь связывало шо-то вроде доверия-понимания. Мауна-Кеа приложила все свои проклятые силы, шоб нас убить, но вместе мы устояли против нее. Я п'нимал, шо Мероним находилас' далеко-далеко от своей собственной семьи, от своего племени, и у меня сердце кровью обливалос' из-за такого ее одиночества. На третий вечер нас в своем гарнизонном жилище приветствовал Авель, и тут же была послана весточка в Бейли, шо мы вернулис'. У всех был один-единственный вопрос: Шо вы там видели, наверху? Там, г'ворил я, стоят замки с утраченной Смекалкой и костьми, заброшенные и безмолвные. Но я ни словом не обмолвился ни о короле 'строномов, ни о том, шо рассказала мне Мероним о Падении, ни в особенности о своей стычке со Старым Джорджи, не, не раньше чем прошли годы и годы.

Я понимал, поч'му Мероним не г'ворила всей правды об острове Предвидения и о своем племени. Люди верят, шо мир устроен так, и если ты г'воришь им, шо он устроен не так, то обрушиваешь кровлю им на голову, а может, и на свою собственную.

Старушка Молва разнесла новость, шо Закри, к'торый спустился с Мауна-Кеа, уже не тот Закри, к'торый на нее поднимался, и, полагаю, вполне справедливо, не бывает таких путешествий, шо не меняли бы т'я хотя бы отчасти. Кузей Коббери признался мне, шо па и ма по всем Девяти Долинам предостерегали своих дочерей, шоб они не шалили с Закри из жилища Бейли, пот'му шо они считали, шо я, наверное, заключил сделку со Старым Джорджи, шоб ускользнуть из того ядовитого места, сохранив свою душу в черепе, и это предположение, хоть и не было совершенно прави'ным, не было и полностью неверным. Джонас и Сусси больш' не посмеивалис' надо мной, как раньше. Но Ма, увидев нас дома, расплакалас' и обняла меня — Маленький мой Закаман, — и козы мои мне обрадовалис', и Кэткин ничуть не изменилас'. Она и ее приятели по школьной придумали новую игру, Закри и Мероним на Мауна-Кеа, но Аббатисса велела им в нее не играть, пот'му шо в наши времена притворство может п'ресилить сущность. Чудесная была игра, сказала Кэткин, но мне ничуть не хотелос' знать ее правил и чем она заканчивается.

Мало-помалу набухла последняя луна Мероним в Девяти Долинах, и пришла пора Обмена

в Хонокаа, самого большого собрания народов Наветренной стороны, всего раз в год оно назревает под луной урожая, так шо на протяжении многих дней мы усердно работали, ткали одеяла из козьей шерсти, к'торые в нашем жилище были лучшим предметом обмена. Теперь, с тех пор как убили моего Па, мы добиралис' до Хонокаа группами по десять человек и более, но в том году нас было вдвое больш' из-за особого добра Предвидящих, к'торое мы получили бла'одаря тому, шо у нас гостила Мероним. Для всего сушеного мяса, кожи, сыра и шерсти имелис' ручные тележки и вьючные мулы. Уимоуай и Розес собиралис' разжиться травами, к'торые не росли в окрестностях Долин, но к тому времени Розес миловалас' с Коббери, и меня это вполне устраивало. Я желал своему кузею удачи, пот'му шо он оч' нуждался в удаче, а также в кнуте, железной спине и всем таком прочем.

На п'реправе у Слуши мне пришлос' вынести зрелище того, как ездоки возлагают свежие камни на курган моего Па, таков был наш обычай, а у Па была целая куча другов-братеев, к'торые по-настоящему его любили. А вверху на Мауна-Кеа тот дьявол правил свои когти на точильном камне, шоб угоститься этим трусливым лжецом, ей. По-

сле Слуши следовал зигзаг на Квиквихеле. Одна ручная тележка сломалас' и накренилас', продвижение было таким медленным-томи'льным, ей, шо давным-давно миновал полдень, прежде чем мы достигли заброшенной деревушки в дальнем конце. Мы, молодые, взобралис' на кокосовые деревья, шоб подкрепиться, и, ясный пламень, все были рады этому молоку. Когда мы направилис' на юг по раскрошившейся дороге Древних к городу Хонокаа, океанский бриз посвежел и настроение у всех улучшилос', и мы, шоб скоротать время, рассказывали друг другу разные истории, притчи и небылицы, причем рассказчик усаживался задом нап'ред на идущего вп'реди осла, шоб все могли его слышать. Род'рик развлек нас сказкой о Рудольфе с красным обручем, угонявшем коз, и страшной пике железного Билли, а Уолт спел любовную песню «О Салли из Долин-от», хотя мы забросали его палками, пот'му шо он жутко обошелся с этой веселой мелодией. Потом дядюшка Биз попросил Мероним познакомить нас со сказками Предвидящих. Такт-другой она пок'лебалас' и сказала, шо сказки Предвидящих слишком уж изобилуют сожалением и чу'с'вом утраты, а пот'му не будут добрым предвестием для такого погожего денька накануне Обмена,

но она может рассказать нам сказку, к'торую слышала от жителя выжженной земли в далекой-далекой ст'роне под названием Панама. Мы все согласилис', вот она и уселас' на п'реднего осла и рассказала нам короткую и милую сказочку, к'торую сейчас я вам п'рескажу, так шо все заткнитес' и п'редайте свежую чашку выпивки, пот'му шо в глотке у меня все п'ресохло, горло так и горит.

Давным-давно, когда случилос' Падение, люди забыли, как доб'вать огонь. О, ужасно плохо пошли у них дела, ей. Наступает ночь, люди нич'о не видят, приходит зима, они нич'о не могут согреть, занимается утро, они нич'о не могут пожарить. Так шо племя отправилос' к Мудрецу и попросило: О Мудрец, помоги нам, вишь, мы забыли, как доб'вать огонь, и, о, горе нам и все такое.

И тогда Мудрец призвал к себе Ворона и пов'лел ему так: Полетай через этот безумный-бурный океан к Могучему Вулкану и на его лесистых склонах найди длинную палку. Возьми эту палку в клюв, полетай в жерло Могучего Вулкана и опусти ее в озеро пламени, к'торое пузырится-плюется в том огненном месте. Потом принеси горящую палку обратно сюда, в Панаму, шоб люди снов' вспомнили огонь и вспомнили, как его доб'вать.

Ворон повиновался Мудрецу и полетел через этот безумный-бурный океан, пока не увидел, как неподалеку курится Могучий Вулкан. Он по спирали спустился на его лесистые склоны, поклевал крыжовника, напился из прохладного ручья, дал небольшой отдых своим усталым крыльям, потом поискал-нашел длинную еловую палку. Один, два, три подъема к вершине сделал Ворон, держа палку в клюве, и вниз, в серное жерло Могучего Вулкана обрушилас' эта не'страшимая птица, ей, в последний такт взмахнув крыльями, шоб остановить падение, и протащив эту еловую палку через расплавленный огонь, хвууууу-ууууууш, она загорелась! Вверх полетел Ворон от пышущей жаром лавы, вылетел наружу из кратера и, с горящей палкой в клюве, направился, ей, в сторону дома. Он тяжело взмахивает крыльями, а палка горит, и дни проходят. Сыплется град, чернеют облака, о, огонь лижет палку все выше, глаза выедает дым, перья похрустывают, клюв горит… Больно! — каркает Ворон. Больно! Так вот, бросил он палку аль нет? Помним мы, как доб'вать огонь, аль нет?

Теперь вы понимаете, сказала Мероним, ехавшая задом нап'ред на п'реднем осле, шо это не о Вороне аль огне, это о том, как мы, люди, обрета-

ем силу своего духа.

Я не г'ворю, шо в этой сказочке целый мешок смысла, но я всегда ее помнил, да и время нынче такое, шо чем меньше смысла, тем его больше. Как бы там ни было, день умирал, укрываяс' дерном облаков, а мы все еще оставалис' в нескольких милях от Хонокаа, так шо мы разбили п'латки на ночь и бросили кости, кому быть на страже, вишь, стояли дурные времена, и мы не хотели подвергать себя риску 'незапного нападения. Мне выпали две шестерки, так шо, возможно, моя удачливость шла на поправку, так я думал, 'грушка судьбы, вот кто я такой, вот кто мы все такие.

Хонокаа, вишь, был самым 'живленным городом на северо-востоке Наветренной части острова. Древние выстроили его доста'чно высоко, шоб ему не грозил океанский прилив, в отличие от половины Хило, да и Коны, к'торые большую часть лун были затоплены. Жители Хонокаа в большинстве своем были торговцами-ремесленниками, о, они поклонялис' Сонми, но по-хитрому делили свои шансы и поклонялис' заодно и богам Хило, так шо мы, жители Долин, почитали их за полудикарей. Их вождь назывался Сенатором, власть его была побольше, чем

у нашей Аббатиссы, ей, у него имелась армия из десяти-пятнадцати драчливых мужчин, чья работа состояла в том, шоб силой заставлять жителей выполнять приказы Сенатора, и никто Сенатора не выбирал, не, власть там по-варварски п'реходила от па к сыну. Хонокаа был почти равн'удаленным местом для народов Хило и Хоному, а также для жителей Долин и Мукини, пока их не поработили, и для племен, живших в холмах в глубине острова. Городские стены Древних были отстроены заново, а сорванные крыши снова и снова чинилис', но все еще мож' было побродить по узким-извилистым улицам, воображая себе летающие каяки и безлошадные повозки, колесящие туда и сюда. Наконец, там был обменный зал, чудное просторное здание, к'торое, по словам Аббатиссы, когда-то называлос' церковью и в к'тором поклонялис' древнему богу, но знание этого бога при Падении было утрачено. У церкви были крепкие стены и красивые цветные стекла, а стояла она посреди большой площади, заросшей сочной зеленью, со множеством каменных прилавков и загонов для овец, коз, свиней и всего такого. Во время обмена стражники Сенатора стояли у городских ворот и складов, и еще у них была тюрьма с железными

запорами. Но ни один из армейцев никогда не нападал на торговцев прост' так, не, то'ко если тот воровал аль нарушал порядок аль закон. Полагаю, в Хонокаа было больш' закона, чем где-либо еще на Большом острове, кроме Девяти Долин, однако закон и Цив'лизация не всегда одно и то же, вишь, у Конов закон имеется, а вот Цив'лизацией даж' не пахнет.

На том обмене, мы, жители Долин, заключили замеча'льно выгодные сделки и для себя самих, и для Общинных складов. За парусину Предвидящих племена с холмов предложили нам двадцать мешков риса, ей, а вот за металлические изделия нам от ранчо Паркера п'решли коровы и шкуры. Мы никому не говорили, шо Мероним была чужеземкой, не, мы называли ее Оттери из жилища Отшельника, шо стоит в узком ущелье Долины Пололу. Оттери, по нашим словам, была травницей и, по рождению, удачной причудой природы — этим мы объясняли ее черную кожу и белые зубы. О добре Предвидящих мы сказали, шо это были трофеи, вновь найденные нами в потайном хранилище, хотя никто никогда не спрашивает: Так где вы раздобыли это добро? — ожидая услышать правдивый ответ. За пределами Девяти Долин полный всяких пак'стей рот Старушки

Молвы запечатывается, так шо ’гда один сказитель по имени Лайонз спросил у меня, не тот ли я Закри из Долины Элепаио, к’торый в прошлую луну взошел на Мауна-Кеа, я был страшно удивлен. Ей, сказал я, я Закри из той самой Долины, но мне не так еще надоела жизнь, шоб я стал подбираться к крыше этой горы, не. Я рассказал ему, шо з’нимался поисками ценных листьев и корней со своей тетушкой по прошлой жизни, Оттери, но мы не поднималис’ выше той отметки, где кончаются деревья, а если он слышал по-другому, шо ж, вон он я, шоб сказать ему, шо он слышал неправильно. Слова Лаойнза были довольно друж’любны, но когда мой братей Хэррит сообщил мне, шо видел, как Лайонз и бородатый Лири шо-то вполголоса обсуждают в задымленном тупике, я решил, шо об этом, как то’ко мы вернемся домой, надо будет поведать Аббатиссе, шоб посмотреть, шо она об этом думает. Я всегда чуял крысью вонь, исходившую от Лири, и всего лишь через неско’ко часов мне предстояло выяснить, наско’ко, о, наско’ко я был прав.

Мы с Мероним обменяли пряжу и одеяла из козьей шерсти довольно быстро, ей, я получил мешок отличного кофе, выращенного племенем Манука, неско’ко пластиковых труб в прекрасном

состоянии, мешки с добрым овсом и изюмом от темной де'ушки из племени Колеколе, ну и еще кое-шо, чего сейчас не упомню. Колеколе, по-моему, не так уж дики, вот то'ко своих мертвых они хоронят под теми же длинными домами, в к'торых живут живые, пот'му шо верят, шо им будет не так одиноко. Потом я немного помог с нашим Общинным обменом, после чего ходил туда-сюда по городу, приветствуя кое-каких торговцев из окрестностей, дикари, они не всегда дурные люди, не, узнал, шо в племени Макензи придумали себе акульего бога и теперь в своей бухте приносят в жертву зарезанных-обезноженных овец. Слышал привычные байки о том, шо Коны свободно кол'бродят вдали от своих обычных охотничьих земель, шо омрачало наши умы и сердца. Потом увидел окружившую кого-то толпу зевак, под'брался ближе и увидел Мероним, аль Оттери, к'торая сидела на стуле и, ей, рисовала лица людей, ее окружавших! В обмен за каждый свой рисунок она получала какое-ни'удь пустячное украшение аль немного еды, а народ радовался как никогда, с изумлением следя за тем, как на бумаге ниоткуда появляются их лица, и люди все прибывали, г'воря: Теперь меня! Я следу'щий! Все расспрашивали, как она получи-

ла такую ученость, и она неизменно отвечала: Это, братей, не ученость, просто часто занимаюс' этим, вот и все. Некрасивым она придавала больш' привлека'льности, чем было в их лицах, но так же поступали художники на протяжении всей истории, так сказала Оттери, Рисующая Травница. Ей, когда дело доходит до лиц, то возвышающий обман куда лучше низких истин.

Наступила ночь, и мы разошлис' по своим складам, вытянули жребий, когда кому стоять на страже, а потом началис' гуляния в особых жилищах, к'торые наз'ваются барами. Я свою стражу отстоял рано, потом вместе с Уолтом и дядюшкой Бизом показал Мероним кое-какие места, а потом музыкары призвали нас обратно в церковь. Там были волынки, банджо, скрипки со струнами из кишков зубатки, и оч' редкая, драгоценная гитара со стальными струнами, а еще бочонки с крепкими напитками, по одному из к'торых привезло с собой каждое племя, шоб похвалиться своим достатком, и мешки с травой блаженства, пот'му шо там, где есть Хило, там, о, есть и трава блаженства. Я сделал глубокую затяжку из трубки Уолта, и четыре дня, требуемые для п'рехода из свободной Наветренной ст'роны в Подветренную, где хозяйничали Коны, стали казаться четырьмя

мильонами, ей, усыпальницы травы блаженства баюкали меня той ночью, потом начался б'рабанный бой, вишь, у каждого племени были свои собственные б'рабаны. Фодей из жилища Лотосового Пруда и еще двое-трое жителей Долин стучали по тамтамам из козьих шкур и гудящего дерева, бородачи из Хило топотали по своим глухо-глухо стучащим б'рабанам, семья из Хонокаа колотила по натянутой на раму парусине, а народ Хоному прыгал со своими погремушками из раковин, и это чудное состязание б'рабанов задевало в молодых струны радости, ей, и во мне тож', а трава блаженства вела нас между звоном-треском, буханьем-стуканьем и дробными россыпями, пока мы, танцоры, не превращалис' в одни то'ко топочущие копыта, биение крови и летящие годы, и с каждым б'рабанным ударом еще одна жизнь спадала с меня, ей, я мельком видел все жизни, к'торые прожила моя душа, вплоть до времен, далеких-далеких от Падения, ей, видел их с лошади, несущейся галопом среди урагана, но описать их не мог, пот'му шо больш' не было слов, но хорошо помню ту темную де'ушку из Колеколе с тату ее племени, ей, она была склоняющимся деревцем, а я был ураганом, я дул, и она склонялас', дул сильнее, и она склонялас'

ниже и ближе, потом я был бьющими по воздуху крыльями Ворона, а она была лижущими языками пламени, и ’гда деревце Колеколе обвила свои ивовые пальцы вокруг моей шеи, глаза ее сверкали шо твой кварц, и она шептала мне в ухо: Ей, я хочу, еще, и ей, мы хотим, еще.

Вставай, парень, ’стревоженно теребил меня мой Па, не то это утро, шоб мож’ было валяться в постели, леж’бока ты этакий. Пузырь этого сновидения лопнул, и я пробудился по-настоящему под колючими одеялами Колеколе. Мы с темной де’ушкой были п’реплетены, шо твои маслянистые ящерицы, заглатывающие друг друга. Он нее пахло лозами и вулканическим пеплом, ее оливковые груди поднималис’ и опадали, и я, глядя на нее, ощутил такую нежность, к’буто она была моим собственным бебенем, прикорнувшим ’коло меня. Трава блаженства все еще затуманивала мне мозги, и я слышал далекие-близкие крики гуляний, хоть уже занимался туманный рассвет, ей, на обмене в луну урожая это случается, время такое. Я, значит, зевнул-потянулся, ей, чу’с’вуя, шо все у меня болит и шо весь я опустошен, вы знаете, каково это бывает, когда заохотишь красивую де’ушку. Судя по дыму, неподалеку готовили утрики, так шо я натянул свои портки и куртку,

а глаза у де'ушки Колеколе, открывшис', так и лучилис' призна'льностью, и она промурлыкала: Добр' утро, коз'пас, а я засмеялся и сказал: Сейчас принесу чего погрызть, и видно было, шо она мне не верит, так я постановил себе док'зать, шо она не права, и увидеть ее улыбку, когда я принесу ей утрик. Возле склада Колеколе была мощеная д'рога, шедшая вдоль городской стены, но я не мог понять, на север она ведет аль на юг, и, значит, гадал, куда мне направиться, как вдруг страж Хонокаа грохнулся с крепостного вала наземь в нескольких от меня дюймах, то есть едва меня не убив.

Внутренности мои подпрыгнули и упали.

Древко 'рбалетной стрелы торчало у него из носа, а острие выходило из затылка. Железное это острие мгновенно обратило и утро, и все остальное, о, в обиталище ужаса.

Эти далекие-близкие вопли разнузданного гулянья были, ей, звуками битвы-сраженья! Дым от готовящихся утриков, ей, был дымом пожаров! Мысли мои сразу же обратилис' к моим людям, так шо я крадучис' побежал к складу жителей

Долин среди городского гвалта-гомона, Коны! Коны! Ей, темные крылья этого страшного слова яростно билис' надо всем Хонокаа, а когда я

услышал громоподобные звуки расщепляющегося дерева и врывающийся прилив страшных криков, то понял, шо городские в'рота были проломлены. Я к тому времени добрался до площади, но звенящая-рокочущая паника преградила мне путь, и страх, ей, страх и горячее его зловоние заставило меня повернуть обратно. Я сновал туда и сюда по узким дорогам, но рев Конов, ржание и стук копыт их лошадей и щелканье бычьих кнутов — все это становилос' все ближе и ближе, заполняя туманные и пылающие п'реулки, к'буто цунами, и я не знал, ни откуда, ни куда я иду, как вдруг, хоп! меня столкнула в канаву какая-то старушка с бельмами на глазах, молотя воздух скалкой и вопя, шо привидение: Ты больш' не прикоснешься ко мне своими грязными лапами, но когда я встал, то она была бледной-неподвижной, вишь, на груди у ней расцвела стрела 'рбалета, а потом, шшшууу, кнут охлестнул мне ноги, шшшууу, и я полетел, шшшууу, и упал головой вниз, аййеее, и камни мостовой размозжили мне череп, ей, яростней, чем удар зубилом.

Когда я снова пришел в себя, мое м'лодое тело было старым ведром с болью, ей, к'лени у меня были разбиты, один локоть распух-онемел, ребра треснули, двух зубов не хватало, челюсти как

следует не смыкалис', а эта шишка на г'лове была шо вторая г'лова. На обе эти г'ловы напялен был мешок, шо на козла п'ред забоем, а руки-ноги были жестоко связаны, и я лежал, с обеих сторон сплющенный такими же жалкими телами. Скрипели тележные колеса, цокали подковы, и при каждом толчке-покачивании череп мне оп'ласкивало болью.

Ну шо ж, таинственного в этом ничего не было. Нас поработили и везли в стойбище Конов, в точности как моего потерянного братея Адама. Я не особо рад был тому, шо все еще жив, не, я чу'с'вовал то'ко боль и беспомощность, к'буто связанный жав'ронок, истекающий кровью от раны, причиненной крючком. Чья-то протиснувшаяся нога уперлас' мне прям' в яйца, и я тихонько спросил: Здесь есть еще кто-ни'удь в сознании? Вишь, я думал, шо мне еще удастся как-ни'удь выбраться из этой дыры, но грубый-грачиный голос Кона проорал всего в нескольких дюймах: Заткнитес', вы, повязанные, а не то, клянус' своим лезвием, я вырежу ваши собачьи-сраные языки, ей, всем до единого! Кто-то из лежавших сверху обмочился, и в руку мне ударила струя теплой влаги, к'торая мало помалу остыла, сделавшис' влагой холодной. Я насчитал пятерых разг'ва-

ривавших Конов, трех лошадей и одну клеть с цыплятами. Наши поработители обсуждали де'ушек, к'торых они вскрыли-пронзили во время набега на Хонокаа, и так я узнал, шо мешок на меня напялен вот уже полдня аль больше. Голода я не чу'с'вовал, но, ей, жажда была, шо у горячей золы. Голос одного из Конов я узнал, но не мог понять, откуда. Каждый долгий такт приносил грохот боевых копыт по дороге, и тогда доноси-лос': Как оно, Капитан? и Ей, сэр! и Сражение идет успешно! Так я узнал, шо Коны не прост' наудачу совершили набег на Хонокаа, но захватывали всю северную часть Большого острова, ей, а значит, и Долины. Мои Девять Долин. Сонми, молился я, Мил'сердная Сонми, позаботься о моей семье и обо всех родичах.

Наконец меня сморил сон, и приснилас' мне де'ушка Колеколе, но ее груди-бока были из снега и застывшей лавы, и когда я снова проснулся в телеге, то обнаружил, шо умерший раб подо мной вытягивает из м'я все тепло. Я крикнул: Эй, Коны, у вас тут один мертвый, и, может, ваша лошадь скажет вам спасибо, если вы избавите ее от лишней тяжести. Парень, лежавший п'верх меня, завопил, когда возчик-Кон стегнул его кнутом в награду за мою столь любезную заботу,

возможно, это он меня обмочил. По веселому пению птиц я ’пределил, шо близится вечер, ей, нас везли целый день напролет.

Долгим тактом позже мы остановилис’, и меня вышвырнули из телеги и кольнули пикой. Вопя и извиваяс’, я услышал голос Кона: Этот вроде как еще жив, и меня подняли и прислонили к скале, а спустя такт мешок был снят. Я сел и прищурил глаза в угрюмых сумерках. Моросило, мы находилис’ на дороге к Ваймеа, и я точно знал, где, ей, это, вишь, было на покатом берегу п’ресыхающего пруда, а скала размером с хижину, к к’торой мы прислонялис’, была той самой скалой, где луну назад мы с Мероним повстречали старого Янаги.

Ну и вот, я видел, как Коны вышвырнули трех умерших рабов на съедение динго и воронам, и понял, поч’му раньше узнал один голос, вишь, одним из наших захватчиков был Лайонз-сказитель, братей Лири. Сказитель-шпион, да наложит Старый Джорджи проклятие на его кости. Средь десяти выживших не было других жителей Долин, кроме меня, не, в основном, думаю, это были Хоному и Хауи. Я помолился, шоб среди троих вышвырнутых не было моего кузея Коббери. Все мы были людьми м’лодыми, стало быть, тех, кто старше, они убили в Хонокаа, предположил я, и

Мероним тож', пот'му шо я знал, шо она не м'гла ни уцелеть после такого яростного нападения, ни убежать. Один из Конов вылил нам на лица немного воды из пруда, мы разевали рты ради каждой с'лоноватой капли, но их было слишком мало, шоб увлажнить наши п'ресохшие рты. Вождь приказал их конюху натянуть навес, а потом обратился к своим дрожащим пленникам. С этого утра, сказал этот разукрашенный хмырь, ваши жизни, ей, ваши тела принадлежат Конам, и чем скорее вы с этим с'гласитес', тем вероятнее выживете как рабы истинных наследников Большого острова, а когда-ни'удь и всего Га-Уая. Вождь сказал, шо наши новые жизни п'лучают новые правила, но эти правила, к счастью, выучить было нетрудно. Правило первое, рабы выполняют пов'ления своих хозяев-Конов, быстро-резко и без вопросов-прекеканий. Кто нарушит это правило, того накажет хозяин, слегка аль сильно, на собственное усмотрение, пок' раб не научится должному повиновению. Правило второе, рабы не разг'варивают, кроме тех случаев, когда хозяин их о чем-ни'удь спрашивает. Кто нарушит это правило, тому хозяин отрежет кусок языка, и я тож'. Правило третье, не тратьте время на зам'слы побега. Когда в следу'щей луне вас

продадут, на щеках вам выжгут клеймо вашего хозяина. Никто из вас никогда не сойдет за чистокровного Кона, пот'му шо никто из вас не Кон, и в'обще, по правде г'воря, на Наветренной стороне нет никого, кроме дерьмовых выродков. Если кто нарушит это правило, то, клянус', когда его поймают, хозяин отрежет ему руки-ноги, отрежет ему хер, заткнет им его же глотку и бросит этот обрубок на обочину, шоб мухи-крысы вдоволь попировали. Вы можете подумать, шо это сулит скорую смерть, но я продел'вал это неско'ко раз, и смерть, уж поверьте, была на 'дивление медленной. Вождь добавил, шо все хорошие хозяева время от времени убивают плохого аль ленивого раба, шоб напомнить остальным, шо случается с нерадивыми. Напоследок он спросил, нет ли среди нас нед'вольных.

Нед'вольных не было, не. Мы, мирные жители Наветренной стороны, были уязвлены и телесно, ранами-жаждой-голодом, и духовно, теми убийствами, шо мы видели недавно, и тем будущим, шо видели п'ред собой. Ни семьи, ни свободы, ничего, кроме работы и боли, работы и боли, вплоть до самой смерти, и где тогда родятся вновь наши души? Я думал, доведется ли мне встретить Адама, аль же он уже умер, аль шо еще. Похожий

на эльфа мальчик-Хауи начал тихонько хныкать, но он был всего-то девяти- аль десятлеткой, так шо никто не прош'пел, шоб он заткнулся, по правде сказать, он проливал слезы по каждому из нас, ей. Джонаса, скорее всего, поработят, и Сусси с Кэткин тож', но как же горько было об этом думать, они, вишь, были оч' миловидными де'очками. Хотя Ма, она-то женщина пожилая… Какой от нее Конам прок? Я не хотел думать о той женщине со скалкой в Хонокаа, к'торая столкнула меня в канаву, но никак не мог удержаться. Подошел Лайонз, сказал Бу-у! малышу, из-за чего тот захныкал сильнее. Лайонз рассмеялся, а п'том сдернул с меня башмаки Предвидящих. Он полюб'вался ими на своих собственных ногах. Не рыскать больш' Закри-Коз'пасу по Мауна-Кеа, сказал этот иуда, стал' быть, и это ему больш' не понадобится, не.

Я ничего не сказал, но Лайонзу не понравилос', 'ким образом я ничего не сказал, и он стал пинать меня по голове и в пах ногами, обутыми в мои собственные башмаки. Наверняка не знаю, но, кажется, он был вторым по старшинству после вождя, по крайности, никто не оспорил у него права на мои башмаки.

Наступила ночь, и Коны стали жарить на ко-

стре цыплят, и любой из нас обменял бы свою душу на каплю этого цыплячьего жира у себя на языке. Мы теперь замерзали, и, хоть Конам не хотелос' слишком уж нас избивать-увечить до того, как мы будем выставлены на невольничьем рынке, им треб'валос', шоб мы были ослаблены-надорваны, пот'му шо нас было десятеро, а их то'ко пятеро. Они открыли бочон'к спиртного и выпили, и еще выпили, и разорвали этих восхити'льно пахнувших цыплят, и выпили еще. Потом немного пошушукалис' и обернулис' на нас, потом одного из Конов послали к нам с горящей палкой в руке. Он п'очередно подносил ее к нашим лицам, а его соплеменники тем врем'нем каркали Ей! аль Не! В конце концов он развязал маленькие ноги мальчику-Хауи и поддерживал его, пока тот ковылял к костру. Там они его об'грели и дали ему цыплятины и выпивки. Мы, забытые рабы, терзаемые болью и голодом, а теперь еще и мозесами, налетевшими с пруда, отчаянно завид'вали маленькому Хауи, пока по кивку Лайонза они не сорвали с него портки и не принялись', удерживая мальчика, долбить его в зад, а когда менялись, смазывали ему дыру салом жир-птицы.

Несчастного этого мальчика как раз оприходо-

вал Лайонз, когда я услышал шо-то вроде кзззззз, и он прост'-таки 'прокинулся кверху килем. Четверо остальных разразилис' хохотом, вишь, они уверены были, шо Лайонзу ударило в голову спиртное, но тут снова раздалос' кззз-кззз, и две красные точки появилис' между глаз другого Кона, к'торый тож' упал замертво. Некий Кон, укутанный в плащ и со шлемом на г'лове, вышел на открытое пространство, держа в руках шо-то наподобие берцовой кости, к'торую наставлял на троих оставшихся наших захватчиков. Еще кззз, и повалился конюх Конов. Тогда вождь схватил свое копье и швырнул его в укрытого шлемом убийцу, к'торый бросился наземь и к'буто бы п'рекатился через поляну, так шо копье порвало его накидку, но не затронуло тела. Раздалос' кзззЗЗЗззз, в тулове вождя появилас' глубокая рана, и он к'буто бы расползся на две половинки. Сквозь мое потрясение просочилас' надежда, но хрясть! — кнут последнего Кона охлестнул эту смертоносную берцовую кость, и хрясть! — быстро-резко, как по волшебству, стрелятель п'ренесся из рук избавителя в руки нашего поработителя. Теперь последний Кон наставлял оружие на нашего спасителя и подходил ближе, шоб не промахнуться, и я видел, как руки Кона надавили на

крючок, и КЗЗЗ! У последнего Кона недоставало г'ловы, а хлебное дерево, стоявшее позади него, охватило шшшууу искристого пламени, потрескивавшего и шипевшего паром под дождем.

Его тело на протяжении такта постояло само по себе, к'буто бебень, учащийся ходить, потом… бу-бух! Вишь, он по ошибке принял раструб стрелятеля за его зад, и громовая вспышка снесла его собственную голову. Наш таинственный спаситель поднялся, осторожно потирая себе локти, сорвал с себя шлем и горестно уставился, нет, уже уставилас', на пятерых мертвецов.

Слишком я стара для таких дел, мрачно-хмуро сказала Мероним.

Мы развязали остальных пленников и отдали их все припасы Конов, для нас самих у Мероним имелос' доста'чно в седельных сумках ее коня, а этим вновь освобожденным рабам требовалос' подкрепиться как мож' основа'льнее. Все, шо мы взяли у пятерых мертвецов, это мои башмаки, снятые с ног Лайонза. На войне, наставляла м'я Мероним, в первую очередь надо побеспокоиться о своих башмаках, а о еде и всем прочем — лишь во вторую. Полный рассказ обо всем я услышал от своей спаси'льницы то'ко долгим тактом позже, в этих найденных нами развалинах Древ-

них в поросшем кустарником бездорожье на Подветренной стороне Кохал, где мы разожгли небольшой костер.

Много времени рассказ ее не занял, не. Когда Коны напали на Хонокаа, Мероним не была на складе жителей Долин, не, она поднялас' на городскую стену и рисовала море, пока горящая 'рбалетная стрела не выбила у нее из рук книгу для рисования. Она вернулас' на склад Долин до того, как пали городские в'рота, но дядюшка Биз крикнул ей, шо я куда-то запропал, так шо она отправилас' на поиски и после этого моих родичей больш' не видела. Коня и шлем она забрала у какого-то вождя Конов, к'торый вторгся в один из п'реулков, шоб его никогда уже не покинуть. П'реодевшис' Коном и воспользовавшис' повсеместными бесчинствами, Мероним удалос' выскользнуть из окровавленного-горящего города. Битвы не было, не, это, вишь, скорее была 'блава, и армия Сенатора сдалас' раньше всех остальных. Сначала Мероним поскакала на север, в сторону Долин, но Коны во множестве собиралис' вокруг Квиквихеле, шоб всеми своими полчищами обрушиться на Долины, поэт'му она повернула в глубь острова, придерживаяс' тропы Ваймеа, однако на д'роге была часто рас-

ставлена стража, и она не сошла бы за Кона, если б ее задержали. Мероним п'вернула к югу, думая добраться до Хило, шоб узнать, остается ли он свободным. Но Сонми задержала ее на доста'чно долгий такт, шоб она успела увидеть громыхавшую мимо телегу, из к'торой торчала пара ног, и на этих ногах были башмаки Предвидящих, а она знала лишь одного человека с Наветренной стороны, к'торый носил такие башмаки. Она не стала пытаться освободить меня при свете дня, а один раз потеряла телегу из виду, пот'му шо огибала отряд всадников, и если бы не пьяные вопли Конов, забавлявшихся с маленьким Хауи, она могла бы не з'метить нас в темноте и проехать мимо. Какому же риску она себя подвергала, шоб спасти меня! Поч'му ты спряталас', не отсиделась? — спросил я.

Шо за дурацкий вопрос, сказало в'ражение ее лица.

Ей, но шо нам теперь делать? Мои мысли ярилис'-пугалис'. Долины, наверное, разграблены и сожжены… и если Хило еще не пал, то скоро падет…

Моя подруга лишь обработала мои раны-ушибы какой-то мазью, п'ревязала их, затем поднесла к моим губам лечебный камешек и чашку с водой.

Эт', Закри, поможет привести в порядок твое тело. Теперь прекращай судить-рядить и давай-ка спи.

Негромкий мужской голос разбудил меня в этом протекавшем укрытии Древних, куда через дыры в окнах влетали опавшие листья. Боль чу'с'вовалас' в дюжине мест, но уже была не такой острой. Утро выдалос' бодрящим, по-подветренному бла'оуханным, но я вспомнил об ужасной новой поре, погружавшей во мглу Наветренную сторону, и, о, неслышно застонал из-за своего пробуждения. В против'положном углу комнаты Мероним г'ворила через свой оризон с тем суровым Предвидящим, к'торый застукал меня, когда я шарил в ее вещах. На протяжении такта я не отрывал от него вз'ляда, опять изумляяс', вишь, краски оризоновых окон, они такие живые и яркие. Вскоре он заметил, шо я проснулся, и дал об этом знать кивком. Мероним тож' обернулас' и спросила, как я себя чу'с'вую.

Лучше, чем вчера. Я подошел ближе, шоб рассмотреть эту особую Смекалку. Суставы-кости у меня слегка постанывали. Мероним сказала, шо я уже видел этого Предвидящего, к'торого, как она сообщила, звали Дуофизит, и я подтвердил, шо помню его, пот'му шо он так сильно меня напугал. Предвидящий слушал нас из своего окна,

и его засохшие, шо у скелета, черты смягчилис' всего лишь на долю оттенка. Оч' жаль, Закри, шо нам приходится знакомиться в столь мрачные времена, сказал Дуофизит, но я прошу тебя сопроводить Мероним по последнему маршруту, к Пальцу Иката. Знаешь его?

Ей, я его знал, это к северу от Последней Долины, по ту сторону моста через Пололу, длинная такая коса, тянущаяся на северо-восток. Шо, К'рабль бросает якорь для Мероним возле Пальца Иката?

Предвидящие п'реглянулис', и спустя такт Дуофизит сказал: Как ни прискорбно, но мы должны сообщить тебе свои собственные дурные новости. Оризоны на острове Предвидения и на К'рабле уже долгие дни не отвечают на запросы.

Какие запросы? — спросил я.

Запрос — это послание, сказала Мероним, окно, оризоновая встреча, наподобие вот этого нашего разговора с Дуофизитом.

Шо, оризоны сломались? — спросил я.

Может, все гораздо хуже, прог'ворил Дуофизит, дело в том, шо в последние луны к острову Предвидения подбиралас' чума, с запада от Анк'риджа, ей, ужасное заболевание, которое не излечить нашей Смекалкой. Выживает всего один из двухсот, заразившихся этой б'лезнью, ей. Нам, Предвидя-

щим на Га-Уае, приходится теперь действовать сам'стоятельно, пот'му шо К'рабль, вероятно, не придет.

Но как же Анафи, сын Мероним? Лицо Мероним заставило меня пожалеть, шо я не откусил себе язык, прежде чем задал этот вопрос.

Придется мне жить, нечего об этом не зная, сказала моя подруга, так горестно, шо я готов был разреветься взыдью. Шо ж, не я первая, не я последняя.

Шо г'ворить, эта новость похерила надежду, к'торая теплилас' во мне даж' без моего ведома. Я спросил у Дуофизита, как много Предвидящих было на всем Га-Уае.

Пять, — ответил он. Пять сотен? — спросил я.

Дуофизит видел мое смятение и понимал его. Нет, всего пять. По одному на каждом главном острове гряды. Нашу полную правду сказать оч' просто, и настало время, шоб ты ее узнал. Мы тревожилис', шо эта чума достигнет острова Предвидения и задует последний яркий огонь Цив'лизации. Мы искали хорошую почву, шоб рассадить побольш' Цив'лизации на Га-Уае, и не хотели пугать вас, островитян, большими количествами чужеземцев.

Так шо, как видишь, взяла слово Мероним, твои

опасения относи'льно моих подлинных целей были отчасти верными.

Меня это больш' ничуть не заботило. Я сказал: Если все Предвидящие такие же, как Мероним, то, ей, будь их хотя бы и пять тысяч, в Долинах всех их 'стретили бы с распростертыми объятиями.

Дуофизит помрачнел, прикидывая, ско'ко Предвидящих могло остаться в живых. Глава моего племени здесь, на Мауи, откуда я с вами г'ворю, предводитель друж'любный, такой же, как ваша Аббатисса. Он приказал, шоб два каяка п'ресекли пролив Мауи, и они подойдут к Пальцу Иката послезавтра, 'коло полудня.

Я поклялся ему, шо к тому времени доставлю туда Мероним в целости и с'хранности.

Тогда за помощь ей я смогу побла'одарить тебя лично. Дуофизит пояснил, шо на каяках найдется место, если я захочу покинуть Большой остров вместе с ней.

Это пом'гло мне определиться с намерениями. Спасибо, сказал я этому жилистому Предвидящему, но мне над' остаться и разыскать свою семью.

Мы скрывалис' в тех развалинах еще одну ночь, шоб у меня немного срослис' мышцы и залечилис' ушибы. У меня сердце разрывалос'

от того, шо я не мчался обратно в Долины для сражения аль разведки, но Мероним видела, как через Квиквихеле на направлению к Долинам изливалис' несметные полчища конных Конов, вооруженных арбалетами, и уверяла, шо затяжного сражения в Девяти Долинах не будет, ей, все будет кончено за неско'ко часов, а не дней.

Печальным и тревожным был этот день. Мероним учила меня польз'ваться своим особым стрелятелем, похожим на берцовую кость. Мы упражнялис' на ананасах, потом на огромных репейниках, потом на желудях, пока я не начал целиться оч' точно. Я был на страже, пока спала Мероним, потом на страже была она, а я еще немного поспал. Вскоре наш костер опять стал сгущать сумеречную дымку, и мы пообедали пайками Конов, в к'торые входила засоленная баранина и морские водоросли, и лиликоями, фруктами, к'торые произрастали в этих развалинах. Я задал коню овса, приласкал его и дал ему кличку Уолт, пот'му шо он был таким же уродом, что мой кузей, потом меня снова ужалила боль, и я приг'рюнился, прикидывая, кто из моих родичей мог еще оставаться в живых. Сказать по правде, не знать худшего еще хуже, чем знать.

Меня коснулас' мим'летная мысль, и я спросил

у Мероним, поч'му К'рабельщица держится в седле так же уверенно, как Коны. Она призналас', шо большинство Предвидящих не умеют ездить ни на каких животных, но она жила среди племени Суоннекке, к'торое обитает за Анк'риджем и Фар-Кувером. Суоннекке разводят лошадей так же, как жители Долин разводят коз, ей, и их малыши умеют ездить раньше, чем ходить, и она научилас' этому, пока там была. Мероним много сообщила мне о племенах, среди к'торых жила, но сейчас мне некогда обо всем этом рассказывать, не, становится поздно. Мы г'ворили о завтрашнем маршруте к Пальцу Иката, вишь, одна возможность состояла в том, шоб следовать острому гребню Кохал над Девятью Долинами, а другая — шоб сначал' вдоль реки Вайпио добраться до гарнизона Авеля и разведать там все, шо удастся разведать. Мы, вишь, не знали, шо именно собиралис' уч'нить Коны — то ли разгромить-спалить, а потом и опустошить Долины, то ли захватить наши жилища, поселиться в них и поработить нас на наших же землях. Я-то поклялся, шо доставлю Мероним на Палец Иката в целости-невредимости, а следить за Конами было делом неб'зопасным, но Мероним отрезала, мол, сначал' мы разведаем, шо творится в Долинах, и

образ действий на завтра был определен.

Рассветный туман был восковым и плотным, шо ил. Нелегко было пробраться вместе с конем через хребет Кохал и заросли к реке Вайпио, понятия не имея о том, не поджидает ли нас отряд Конов по ту ст'рону тростниковых стен, к'торые мы с таким шумом проламывали. По большей части мы шли пешком, ведя коня в поводу, но к полудню добралис' наконец до реки, привязали его в голом узком ущелье и прокралис' 'коло мили, остававшейся до жилища Авеля, вдоль поросшего елями отрога. Туман обращал каждый пень в затаившегося на страже Кона, но я все равно был бла'одарен Сонми за прикрытие. Добравшис' до опушки, мы посмотрели на гарнизон. Мрачный это был вид, ей. Одни то'ко в'рота Авеля, вишь, стояли закрытыми, а все стены и надворные постройки были обуглены и порушены-разломаны. С балки ворот свисал голый чел'век, ей, подвесили его, по обычаю Конов, за лодыжки, может, это был Авель, может, нет, но вороны уже копалис' у него во внутренностях, и парочка наглых динго подбирала упавшие комки.

Вот, и пока мы смотрели, показалос' стадо пораб'щенных жителей Долин в тридцать-сорок голов, к'торых гнали в сторону Квиквихеле. Это

зрелище я буду помнить до своего смертного часа и дольше. Нек'торые были запряжены в телеги с награбленным скарбом. Слышался гвалт криков-приказов Конов, доносилос' щелканье кнутов. Все слишком уж утопало в тумане, шоб я мог различить лица своих соплеменников, но какую же болезненную жалость внушали их сгорбленные фигуры, тащившиеся к п'реправе у Слуши! Призраки. Живые призраки. Смотри, какая судьба постигла последнее Цив'лизованное племя Большого острова, думал я, ей, вот они, воспитанники нашей школьной и нашей Иконной, ставшие всего лишь рабами для Конов, для их полей, жилищ, конюшен, постелей и всего-всего в землях Подветренной стороны.

Шо я мог сделать? Освободить их стреми'льным наскоком? Около двадцати всадников гнали их в Подветренную часть острова. Даж' со стрелятелем Мероним я мог бы снять пятерых стражников, может, и больше, если бы мне повезло, но шо дальше? Коны зак'лоли бы всех жителей Долин при малейшем признаке с'противления. То не Закри-Трус одолевал Закри-Храбреца, не, то Закри-Сам'убийца схлестнулся с Закри-Выживающим, и мне не стыдно сказать, кто из них победил. Хоть глаза мне застилали слезы, я дал

Мероним знак, шо мы возвращаемся туда, где привязан конь.

А ну-ка, плоскодонка, подай мне жареного таро. Как вспомню о том отчаянии, так весь внутри делаюс' пустым.

Теперь, когда мы отступали, поднимаяс' к пастбищам Кохал, дымка осталас' ниже нас, и на юге из океана облаков воздвиглас' вершина Мауна-Кеа, насто'ко ясная-близкая, шо до нее, казалос', мож' было доплюнуть, шо я и сделал, ей, изо всех сил плевал я на нее. Может, душа моя и забита насмерть камнями, может, удача моя сгнила-пропала, но я все еще способен послать проклятие. Над каждой из Девяти Долин поднималис' змеи черного дыма, и все стервятники Большого острова, будь они летающими аль бегающими, в то утро, думаю, чавкали-пировали в наших Долинах. Вверху, на пастбищах, мы нашли разрозненных коз, нек'торые были мои, другие из Каймы, но коз'пасов мы не видели, не, ни единого, и я подоил нескольких коз, и мы выпили козьего молока последнего свободного человека Долин. Через проход Верт'бри мы спустилис' к скале Большого Пальца, где пять лун назад Мероним рисовала свою карту, ей, по поросшему вереском дерну, шо шесть лун назад нежил спину лежавшей подо

мной Розес.

Солнце испаряло росу, разг'няло туман, и сквозь тонко сплетенную радугу я увидел, шо школьная разруш'на до основания, ей, оставался от нее то'ко черный остов, кое-какие книги и часы. Мы поехали вниз, к ручью Элепаио, где я спешился, а Мероним надела на себя шлем и свободно связала мне руки веревкой, шоб, если бы нас кто-ни'удь увидал, все выглядело бы так, к'буто она поймала сбежавшего раба, и выиграло бы для нас решающий такт. Спустившис' на дорогу, мы таким же образом направилис' к жилищу Клуни, самому верхнему в ущелье. Мероним спешилас', достала свой стрелятель, и мы беззвучно, шо мыши, стали красться среди строений, но сердце мое беззвучным не было, не. Там про'зошла большая драка, вещи были разбиты-разбросаны, но трупов вокруг не было, не. Мы прихватили с собой свежей еды, шоб ехать дальше, я знал, шо Клуни не был бы против. Выходя через п'редние в'рота Клуни, я углядел кокосовый орех, нанизанный на испачканный шест, над орехом жужжали тучи мух, шо было причудливо-неестест'но, так шо мы пригляделис', и оказалос', шо это никакой не кокос, не, это была г'лова Макки Клуни, ей, и трубка его все еще торчала у него во рту.

Вот такие, братей, они варвары, эти раскрашенные Коны. То'ко доверься им, и ты мертвец, уж поверьте мне. Г'лова Макки придавала мне яростной решимости, пока мы спускалис' дальше, к жилищу Бейли.

Посреди доильной стояло ведро со свернувшимся козьим молоком, и я не мог не в'ображать, как Сусси тащили прочь вот с этого опрокинутого стульчика для дойки и шо вытворяли с ней потом, о, с моей бедной, милой, дорогой сестрейкой. Слякоть во дворе испещряли отпечатки копыт. Всех коз распугали-прогнали, всех кур-цыплят украли. И такая вокруг тишина. Ни т'е посуда не постукивает, ни Кэткин не поет, ни Джонас ничего не мастерит. Ручей да смеющийся дрозд на свесе крыши, больш' ничего. На в'ротном столбе ужасного знака не обнаружилос', и я побла'одарил Сонми и за такую малость. Внутри дома с п'ревернутого стола попадали-разбилис' яйца, раскатилис' абрикозы. На пороге каждой комнаты я замирал от страха п'ред тем, шо там найду, но не, милостью Сонми, кажется, моя семья еще не была убита…

Меня терзали чу'с'во вины и скорбь.

Чу'с'во вины, пот'му шо я всегда выживал и ускользал, несмотря на свою загрязненную-

отяг'щенную душу. Скорбь, пот'му шо обломки моей разбитой прежней жизни были разбросаны там, сям и повсюду, 'грушки Джонаса, к'торые давным-давно вырезал из дерева Па. Сотканные Ма вещи, висящие в дверных проемах и качавшиеся под последними мягкими дуновениями лета. Вяленая рыба и трава блаженства, подвешенные в воздухе. Письменная работа, выполненная Кэткин для школьной, до сих пор лежавшая на столе, за к'торым она занималас'. Не знал, шо подумать, аль сказать, аль шо. Шо же мне делать? — спросил я свою подругу, как спрашивал и себя самого. Шо же мне делать?

Мероним уселас' на деревянный ящик, сколоченный Джонасом, к'торый Ма назвала его первой работой мастера. П'ред тобой, Закри, горестный-мрачный выбор, отозвалас' она. Оставаться в Долинах, пока т'я не поработят. Бежать в Хило и оставаться там, пока не нападут Коны, и быть убитым аль п'рабощенным. Жить в диких-глухих местах бандитом-отшельником, пока т'я не поймают. П'ресечъ вместе со мной пролив и оказаться на Мауи, шоб, вероятно, никогда больш' не увидеть Большого острова. Ей, это, ясный пламень, и были все мои возможности, но я не мог остановить свой выбор ни на одной из

них, я знал то'ко то, шо не хочу бежать с Большого острова, не отомстив за все, шо там случилось.

Эт', Закри, не самое без'пасное место, шоб сидеть-раздумывать, сказала Мероним, так ласково, шо слезы мои наконец излилис' наружу.

Взбираяс' на коня, шоб ехать 'братно в ущелье, я вспомнил об иконах своей семьи, хранившихся в нашей раке. Ну вот, если б я оставил их там, шоб их мало-помалу порубили на дрова, нечем было б доказать, шо род жилища Бейли в'обще когда-то существовал. Так шо я в одиночку бросился обратно, шоб их забрать. Снова проходя по коридору к выходу, я услышал звон посуды, падающей с полки в кладовой. Я замер.

Медленно-медленно повернулся и посмотрел.

Там с напыщенным видом расхаж'вала жирная крыса, поглядывая на меня своими мерзкими глазками и подергивая носом, на котором торчали усы. Спорим, Закри, теперь ты жалеешь, шо просто не п'ерезал тогда веревку на стене моей ограды, ей? Ты мог бы 'збежать всего этого горя-злосчастья.

Я не слушал этого лжеца лжецов. Коны напали бы по-любому, ей, это не имело ничего общего с тем, шо я бросил вызов этому Дьявольскому Выродку. Я взял горшок, шобы метнуть его в Старого

Джорджи, но то'ко прицелился, и крыса исчезла, а из пустой комнаты слева от меня, к'торую я прежде не осматривал, донеслос' беззаботное поскрипывание кровати. Мне надо было просто улизнуть, ей, я понимал это, но сделал иначе, на цыпочках подобрался к двери и увидел стражника-Кона, лежавшего в мягком гнезде из одеял и унесенного травой блаженства далеко-далеко из Долины Мормон. Вишь, он был насто'ко уверен, шо все жители Долин были уже повержены-порабощены, шо позволил себе обкуриться прям' на посту.

Итак, он был п'редо мной, злейший и страшный враг. Ему было лет девятнадцать-двадцать. На его адамовом яблоке, оставшемся белым меж двух вытатуированных ящериц, билас' жилка. Ты нашел меня, ей, вот и п'режь меня, шептало его горло. Вспори меня лезвием.

Вам это, конечно, напомнило о втором моем предсказании, и, ей, я тогда тож' о нем вспомнил. Если враг спит, оставь его горло, не п'режь. Это, ясный пламень, и было тактом для того предсказания. Я приказал своей руке сделать это, но не, она была к'им-то образом замкнута-зажата. Мне немало приходилос' драться, а кому нет? — но я еще никогда никого не убивал. Вишь, убийство

запрещено законом Долин, ей, если ты крадешь чью-то жизнь, то никто с тобой ничем не обменивается, не видит тебя и в'обще нич'о, пот'му шо душа твоя так сильно отравлена, шо из-за тебя могут заболеть другие. Так аль иначе, я стоял там, возле своей собственной постели, держа лезвие в нескольких дюймах от этого мягкого, бледного горла.

А этот дрозд-п'ресмешник о чем-то быстро-громко лопотал. Птичьи песенки звучат так же, как затачиваемые лезвия, впервые я понял это там и тогда. Я знал, поч'му мне не следует убивать этого Кона. Это не вернуло бы нам Долины. Это отяг'тит мою проклятую душу. Если бы в этой жизни я родился Коном, он мог бы родиться мной, и тогда я убивал бы сам себя. Если бы, скажем, Адам был усыновлен и сделался Коном, то я мог бы убивать своего брата. Старый Джорджи хотел, шоб я его убил. Разве недоста'чно было этих причин, шоб оставить его в покое и тихонько убраться прочь?

Не, ответил я своему врагу и ударил лезвием по его горлу. Хлынула-затолкалас' волшебная ярко-красная жидкость, запенилас' на шерсти, собралас' в лужицы на каменном полу. Я вытер лезвие о рубашку убитого, понимая, шо за это мне мало-помалу придется з'платить, но, как

я г’ворил раньше, в нашем ’скуроченном мире пра’ильные вещи не всегда возможны.

У выхода я столкнулся со вбегавшей Мероним. Коны! — прош’пела она. Не было времени объяснять, шо я там сделал и поч’му. Я т’ропливо сунул свои семейные иконы в седельные сумки, а она рывком подсадила меня на коня. По д’роге, ведущей от жилища тетушки Биз, поднималис’ трое-четверо всадников. О, в этот последний раз мы с такой скоростью покидали Бейли, к’буто Старый Джорджи кусал нам задницы. Позади я слышал мужские г’лоса, и обернулся, и даж’ видел их оружие, поблескивавшее сквозь фиговый сад, но, по милости Сонми, они не увидели нашего побега. Тактом позже мы услышали пронзи’льный трубный звук витой морской рак’вины, эхом раскатившийся вверх по Долине, ей, трижды вспорол он воздух, и я понимал, шо Коны, должно быть, нашли убитого мною стражника и посылали знак тревоги: Не все люди Долин п’рабощены аль убиты. Понимал, шо мне придется расплатиться за то, шо пренебрег вторым предсказанием, раньше, чем я рассчитывал, ей, и Мероним тож’.

Но наше везение пока еще не выдохлос’. Другая рак’вина отозвалас’ на призыв первой, ей, но они

были у входа в ущелье, а мы мчалис' г'лопом через проход Верт'бри, опасаяс' напороться на засаду, но этого не случилос'. То был чудом удавшийся побег на самой грани, ей, еще один такт у моего жилища, и эти конные Коны увидели бы нас и бросилис' в погоню. Избегая открытых пастбищ на склонах Кохал, мы, шоб укрыться, поехали по краю леса, и лишь тогда я признался Мероним, шо сотворил со спавшим стражником. Не знаю, поч'му это так, но тайны, они просто-таки гноят тебя, шо зуб, если не исторгнешь их наружу. Она прост' выслушала, ей, и никак меня не судила.

Я знал укромную п'щеру у водопада Маука и решил, шо именно там проведет Мероним последнюю свою ночь на Большом острове, если все выйдет так, как задумано. Была у меня надежда, шо Уолт, аль Коббери, аль еще какой коз'пас могли сбежать и прятаться там, но не, в п'щере было пусто, то'ко неско'ко одеял, к'торые мы, коз'пасы, хранили там для ночлегов. Начинал вихриться пассат, и я боялся за гребцов каяков, к'торые должны были отплыть с Мауи на рассвете, но холодно не было, и я не стал рисковать и разводить костер, то'ко не в такой близости от врага, не. Я омыл свои раны в заводи, Мероним тож' помылас', и мы подкрепилис' тем, шо я взял

в жилище Клуни, и комком слипшихся фиг, к'торый я прихватил в своем собственном жилище, когда возвращался за иконами.

Пока мы ели, я не мог не 'споминать вслух о своей семье, о Па с Адамом тож', мне казалос', шо если они живут в словах, то не могут умереть и во плоти. Я знал, шо мне будет отчаянно недоставать Мероним, когда она уплывет, вишь, у меня не было других друзей на Большом острове, кого бы еще не п'работили. Поднялас' леди Луна и окинула с'ребристым-сочу'с'венным взором раз'ренные прекрасные Долины, и завыли динго, оплакивая умерших. Я недоумевал, где же теперь, когда женщинам Долин больш' не придется вынашивать там своих бебеней, будут рождаться заново души моих соплеменников. Жалел, шо рядом нет Аббатиссы, к'торая разъяснила бы мне, шо и как, пот'му шо ответить на этот вопрос я не мог, и Мероним тож' не могла. Мы, Предвидящие, сказала она через такт, верим, шо 'гда человек умирает, то он умирает безвозвратно.

Но как же душа? — спросил я.

Предвидящие не верят в существование душ.

Но разве не ужасно хол'дно умирать, если нет ничего после смерти?

Ей — она вроде как засмеялас', но невесело,

не, — наша правда ужасно хол'дна.

Вот тогда-то я и 'спытал к ней жалость. Души п'ресекают небеса времени, г'ворит Аббатисса, подобно облакам, п'ресекающим небеса мира. Сонми — она и восток и запад, Сонми — карта, и края карты, и все, шо за краями. Зажглис' звезды, и я первым стал на стражу, но знал, шо Мероним не спит, не, она думала и ворочалас' под одеялом, пока не сдалас', не села и не стала смотреть на освещенный луной водопад. Меня самого жалили-язвили комары вопросов. Сегодня оказалис' загашены огни и жителей Долин, и Предвидящих, заг'ворил я, так не доказывает ли это, шо дикари сильнее Цив'лизованных людей?

Это не дикари сильнее Цив'лизованных, вслух рассуждала Мероним, это большие количества сильнее малых. Смекалка давала преимущество на протяжении многих лет, как мой стрелятель дал мне преимущество возле п'ресыхающего пруда, но достаточное количество рук и умов однажды сведут это преимущество на нет.

Значит, лучше быть дикарем, чем Цив'лизованным?

А какие голые значения укрываются за двумя этими словами?

У дикарей нет законов, сказал я, но у Цив'лизо-

ванных людей законы есть.

На самом деле это глубже. Дикарь удовлетворяет свои потребности сейчас же. Он гол'ден, значит, будет есть. Он зол, значит, будет драться. Он разбух от семени, значит, выплеснет его в какую-ни'удь женщину. Он раб своего желания, и если желание прикажет ему, Убей, он убьет. Дикари — все равно шо хищные звери.

Ей, таковы Коны.

Ну шо ж, Цив'лизованный испытывает те же самые потребности, но он видит дальше. Он съест п'ловину своей еды, ей, но вторую п'ловину спрячет, шоб не голодать завтра. Если он зол, то остановится-подумает, из-за чего, так шо в следу'щий раз уже не разозлится. Он разбух от семени, ладно, у него есть сестрейки и дочки, к'торых требуется почитать, так шо он будет почитать сестреек и дочек своих братеев. Его желание — это его раб, и если его желание к чему-то его понуждает, он скажет ему, Нет, и не подчинится, не.

Ну так, спросил я снова, лучше ли быть дикарем, чем Цив'лизованным?

Послушай, дикари и Цив'лизованные не разделяются по племенам, аль верованиям, аль горным хребтам, не, каждый человек является

и тем, и другим, ей. У Древних была Смекалка богов, но было и дикарство шакалов, шо и привело к Падению. У некоторых дикарей, к'торых я знала, билос' в ребрах прекрасное Цив'лизованное сердце. Такие, может, есть и средь Конов. Их недоста'чно, шоб повелевать всему племени, но, кто знает, может, однажды? Однажды.

«Однажды» — надежды здесь наберется лишь на каплю.

Ей, но капля точит камень, так, помнится, отозвалас' Мероним.

Когда моя подруга в конце концов уснула, леди Луна высветила причудливое родимое пятно прям' у нее под лопаткой. Это было шо-то вроде крошечной руки, ей, головка с шестью отходящими от нее полосками, и пятно это в сравнении с ее темной кожей выглядело бледным, и я удивлялся, поч'му ни разу не видел его прежде. Укрыл его одеялом, шоб она не простыла.

Ну так вот, речка Маука, по-змеиному извиваяс', текла вниз по темной Долине Маука, ей, она снабжала водой всего пять-шесть жилищ во всей долине, пот'му шо земля там не была друж'любной-солнечной, не. Ни в одном из этих жилищ не занималис' разведением коз, так шо дорогу удушали ползущие растения и кусты с к'лючка-

ми, к'торые так и норовили вык'лоть тебе глаза, если за ними не уследишь, и пробираться по ней на коне было трудно. Через четверть мили я уже был яростно расцарапан, хотя прятался за спиной Мероним. Последним жилищем в верхней части долины и первым, в к'торое мы завернули, было жилище Святой Сонми, главой к'торого был одноглазый Сильвестри, выращивавший таро и овес. Молва полагала, шо он слишком, сильнее, нежели это естест'но, увлечен своими мног'численными дочерьми, и п'носила его за то, шо он не вносил справедливой доли в Общинные склады. По двору было разбросано постельное белье, и дочерей Сильвестри угнали, но сам Сильвестри никуда не делся, его отсеченная голова торчала на шесту, наблюдая за нашим приближением. Он уже пробыл там какое-то время и уже, вишь, зачервивел, и, когда мы подъезжали, жирная крыса забралась на шест и вгрызлас' ему в единственное глазное яблоко. Ей, усатый дьявол заш'велил своим острым носом, глядя на меня. Как оно, Закри, не находишь ли, шо Сильвестри теперь привлека'льнее, чем прежде? Но я не обратил на него внимания. Из-под колпака печной трубы вырвалос' кукареку, и я едва не свалился с коня; вишь, я подумал, шо мы попали в засаду.

Теперь у нас был выбор, распрощаться с конем и вскарабкаться на раскрошенный гребень над долиной Пололу аль же проследовать по тропе Маука вниз, к побережью, рискуя наткнуться на случайных Конов, подчищающих то, шо осталос' после их набега. Убывающее время заставило нас выбрать второе, то есть остаться на коне; вишь, нам надо было добраться до Пальца Иката к полудню, а до него от жилища Сильвестри оставалос' еще десять миль. Мы миновали жилище Голубой Капусты, а потом и Последней Форели, вишь, разведкой мы больш' не занимались. Дождевые потоки отклонили нас от Кохал ниже в долину, но мы добралис' до берега, никому не попавшис' на глаза, хоть и видели свежие отпечатки копыт под пальмами с ножевой листвой. Океан в тот день на пруд не походил, не, но волнение не было таким сильным, шоб каяк с умелыми гребцами мог п'ревернуться. В отдалении ревели рак'вины Конов, и мне от этого было не по себе. В этом реве мне слышалос' мое имя. Воздух был тугим как б'рабан, а я пренебрег своим вторым предсказанием и знал, шо мне придется заплатить за ту жизнь, к'торую я забрал и забирать к'торую не было не'бходимости.

Там, где каменистый берег поднимается к уте-

сам Медузы, нам пришлос' забрать в сторону, шоб ч'рез банановые рощи выехать на дорогу Пололу, к'торая ведет из самой северной долины к Ничейной земле, а п'том к Пальцу Иката. Дорога втиснулас' меж двух грузных черных скал, и мы услышали свист, к'торый больш' походил на человечий, чем на птичий. Мероним запустила руку под свою накидку, но, прежде чем она успела достать эту стреляющую берцовую кость, со скал спрыгнули стражники, по паре хищных Конов с каждой ст'роны. Четыре самодовольных арбалета нацелилис' прям' нам в головы с расстояния в неско'ко дюймов. А за каучуковыми д'ревьями я различил целый отряд проклятых Конов! Дюжина аль более всадников сидели в'круг навеса, и я понял, шо мы погибли так нез'долго до избавления.

П'роль, всадник? — пролаял один из стражников.

Шо это такое, воин, и поч'му? — пролаял другой, тыча своим арбалетом в мои болячки. Задница парня из Долин поганит доброго коня Конов? Кто твой ген'рал, всадник?

Я был напуган до смерти и знал, шо им'но так я и выгляжу.

Мероним издала страшное-злобное рычание,

оглядывая этих четверых сквозь прорези своего шлема, а затем исторгла крик такой неистовый, шо в испуге прочь упорхнули все птицы, а изъяны ее выг'вора оказалис' укрыты под яростным ревом. КАК СМЕЕТЕ ВЫ, КРЫСАМИ ОБГАЖЕННЫЕ ДОХЛЫЕ СВИНЬИ, ОБРАЩАТЬСЯ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ К ГЕН'РАЛУ?! МОЙ РАБ БУДЕТ ПОГАНИТЬ СВОЕЙ ЗАДНИЦЕЙ ТАМ И ТО, ГДЕ И ШО Я ЕМУ ПРИКАЖУ! КТО МОЙ ГЕН'РАЛ? МОЙ ГЕН'РАЛ — ЭТО Я, ПОГАНЫЕ ВЫ ЧЕРВИ! СИЮ ЖЕ ДОЛЮ ТАКТА ПРОЧЬ ОТ ЭТОЙ СКАЛЫ! И ПРИВЕДИТЕ МНЕ СВОЕГО КАПИТАНА, ИНАЧЕ, КЛЯНУС' ВСЕМИ БОГАМИ ВОЙНЫ, Я ВЕЛЮ СОДРАТЬ С ВАС ШКУРУ И ПРИГВОЗДИТЬ ВАС К БЛИЖАЙШЕМУ ШЕРШНЕВОМУ ДЕРЕВУ!

Отчаянный и ненадежный замысел, ей.

Пыль, к'торую пустила им в глаза Мероним, выиграла нам один такт, и этого одного такта было едва ль не доста'чно. Двое стражников побледнели, опустили свои арбалеты и бросилис' п'ред нами на землю. Двое других исчезли позади. Кззз! Кззз! Двое Конов п'ред нами больш' не поднималис', Мероним неожид'но ударила коня пятками, и тот заржал, попятился и понес так, шо я потерял равновесие. Рука Сонми удержала меня в седле, ей, пот'му шо если не ее, то чья же

еще? Позади нас раздавалис' гвалт и гомон, вопли Стой! и рев рак'вин, а конь скакал г'лопом, и прожужжало этакое, вишь, физззззззз-куангггггггг, это когда первая арбалетная стрела воткнулас' в сук, под к'торый я поднырнул, а потом хрусткая боль ожгла мне левую икру, вот, вот здесь вот, и наступило у меня такое тошнотное-спокойное забытье, шо случается, когда ваше тело знает, шо в нем шо-то слишком уж сильно 'скурочено, шоб это легко мож' было исправить. Смотрите, вот, я поднял штанину, видите шрам? эт' сюда воткнулас' арбалетная стрела… ей, боль была насто'ко же сильной, наско'ко эт' выглядит, и даж' еще сильнее.

Теперь мы мчалис' галопом вниз по дороге Пололу, по узловатой-кочковатой земле, это было быстрее, чем катиться на доске в буруне прибоя, и так же трудно было удержать равновесие, и я ничего не мог поделать с этой непрерывной мукой, кроме как стискивать талию Мероним, плотнее и плотнее, и пытаться удерж'ваться на лошади, помогая себе правой ногой, иначе я бы прост' был сброшен, ей, и не было бы времени водрузить меня обратно, прежде чем Коны с их костедробильными 'рбалетами наскакали бы на нас.

Дорога через туннель деревьев, обдиравших ветвями макушки, вела к мосту, построенному Древними над устьем реки Пололу, и мост этот об'значал северную границу Долины. Вот, и когда мы были всего в сотне шагов от этого моста, из-за туч выглянуло солнце, и я глянул вп'ред, и его стершийся настил горел ярким золотом, а ржавые распорки были затененной бронзой. Боль моя украдкой высвободила воспоминание, ей, третье данное мне предсказание: Если бронза горит, оставь этот мост, не п'ресекай. Я не мог ничего объяснить Мероним на скачущем г'лопом коне, так шо я просто завопил ей в ухо: Я ранен!

Она остановила коня в ярде от моста. Куда?

В левую икру, сказал я.

Мероним, сильно встревоженная, оглянулас'. Наших преследователей еще не было видно, так шо она спрыгнула на землю и осмотрела рану. Коснулас' ее, и я застонал. Пока шо рану зат'кает древко, ей, нам надо добраться до безопасного места, и тогда я…

Дробь, выбиваемая мсти'льными копытами, приближалас'.

Тогда я сказал ей, шо мы не можем п'ресечь этот мост. Шо? Она изогнулас', шоб заглянуть мне в глаза. Закри, ты г'воришь, шо этот мост не

безопасен?

Ну, наско'ко я знал, мост этот был достаточно прочен, я, вишь, часто брал с собой Джонаса собирать яйца чаек, когда он был поменьше, а МакОлифф из жилища Последней Форели большую часть лун охотился на т'леней и переходил через него туда и обратно с ручной тележкой, но и сновидения в Иконной не обманывали, не, никогда, а Аббатисса заставила меня запомнить мои предсказания для особого дня, и вот теперь этот день настал. Я г'ворю, сказал я, шо Сонми в'лела мне не п'реходитъ через него.

Страх сделал Мероним насмешливой, вишь, она была просто чел'веком, как вы и я. А Сонми знала, шо у нас на хвосте будет разъяренная ватага Конов?

Река Пололу широко растекается в своем устье, объяснил я ей, так шо здесь нет ни жуткой глубины, ни особ' жилистого течения. Дорога п'ред мостом разветвлялас' как раз в том месте, где мы находилис', ей, и она уводила вниз, к самой воде, то есть рукой было подать до того места, откуда мы могли п'ресечь реку вброд. Копыта б'рабанили все ближе и ближе, и Коны вот-вот должны были нас увидеть.

В общем, Мероним поверила моей пол'умной

настойчивости, не знаю поч'му, но поверила, и вскоре яркая-холодная Пололу остужала мою рану до полного онемения, но конь опасно оскальзывался на усеянном галькой речном дне. Тыгыдык, тыгыдык, трое Конов г'лопом ворвалис' на мост, увидели нас, и воздух рядом с нами задрожал, распоротый одной 'рбалетной стрелой, другой, а третья ударилас' в воду и окатила нас брызгами. Еще трое Конов догнали троих первых и не остановилис', шоб стрелять, не, они, тыгыдык, поскакали дальше через мост, шоб отсечь нас от дальнего берега. Я был в отчаянии, проклинал себя, Ей, ясный пламень, пострелляют нас, шо твоих жир-птиц, во' как я думал.

Ну так вот, знаете, как оно б'вает, когда подрубаешь-обтесываешь дерево? Этот скрип после последнего удара, пронзи'льный визг разрываемых в'локон и медленный стон всего падающего ствола? Вот именно это я и услышал. Вишь, один аль двое жителей Долин, тихонько п'реходящих через мост с ручной т'лежкой, — одно, но г'лопом скачущая лошадь — совсем другое, а шесть-семь-восемь бронированных боевых коней Конов в галопе — этого было уже чересчур. Мост порушился, к'буто сделан был из соломы и держался на соплях, ей, распорки разломилис', настил расще-

пился, изношенные тросы со звоном полопалис'.

Это не было так себе, незначи'льным падением, не. Мост через Пололу высотой был примерно в пятнадцать чел'веческих ростов. Вниз кверху брюхом полетели кони, всадники, удерживаемые стременами и всем прочим, а Пололу, как я уже г'ворил, не была здесь без'пасной глубокой заводью, к'торая могла бы поймать их тела и вытолкнуть их наверх, не, река была загром'ждена здоровенными скалами, и плоскими, и зазубренными, с торчащими 'стриями, и они опасно ранили падавших, смертельно опасно. Никто из Конов не поднялся, не, то'ко двое-трое жалости достойных коней извивалис'-брыкалис', но у нас не было врем'ни на лечение этих животин, не.

Ну вот, теперь мой сказ почти уже окончен. Мы с Мероним п'решли вброд на другой б'рег, и я бла'одарственно помолился Сонми за то, шо она в последний раз спасла мне шкуру, хоть и не оставалос' больш' Цив'лизованных Долин, шо мож' было бы спасти. Думаю, 'статки отряда Конов были слишком заняты своими умершими-утонувшими, шоб нас двоих преследовать, ей. Мы п'решли через Безлюдные дюны и наконец без происшествий добралис' до Пальца Иката. Каяки нас там еще не ждали, и Мероним применила

свою Смекалку для лечения моей икры, изувеченной ’рбалетной стрелой. Когда она вытянула стрелу, боль прошла вверх по всему моему телу и, честно г’воря, так основа’льно притушила мои чу’с’ва, шо я не видел, как подошли каяки с Мауи, в одном из к’торых был Дуофизит. В общем, у моей подруги имелся, ей, выбор, она, вишь, могла погрузить меня в один из каяков, аль оставить меня на Большом острове, несп’собного ни ходить, ни чего еще, и притом в том месте, куда было рукой подать из земель Конов. Ну ладно, вот он я, распинаюс’ тут п’ред вами со своими россказнями, так шо сами понимаете, какой выбор сделала Мероним, и порой я жалею об ее решении, ей, а п’рой ему радуюс’. Примерно п’среди пролива меня пробудила корабельная песня гребцов из нового моего племени. Мероним меняла мне окровавленную повязку, она применила какое-то хитрое лекарство, и боль почти не ощущалас’.

Лежа на спине и раскачиваяс’ вместе с каяком, я смотрел на облака. Души путешествуют по врем’нам подобно т’му, как путешествуют по небесам облака, и, хоть ни очертания, ни окраска, ни размеры облака не остаются теми же самыми, оно по-прежнему облако, и так же точно с душой. Кто может сказать, откуда приплыло это вот

облако аль кем станет эта вот душа завтра? То'ко Сонми есть и восток, и запад, и компас, и атлас, ей, единственный атлас облаков.

Дуофизит увидел, шо у меня открыты глаза, и указал мне на Большой остров, тот багровел среди г'лубизны на юг'-востоке, а Мауна-Кеа укрывала голову, шо застенчивая невеста.

Ей, мой Целый Мир и целая жизнь сжалис' насто'ко, шо могли уместиться в «О», 'бразованное большим и указа'льным пальцами.

* * *

Закри, мой Па, был стариком с причудами, уж теперь, 'гда он умер', не стану этого отрицать. Шо г'ворить, большинство его рассказов были взяты с потолка, высосаны из пальца, и в старческом своем слабоумии он даж' верил, шо Мероним-Предвидящая и была его дра'оценной возлюбленной Сонми, ей, он упорст'вал, г'ворил, шо точно это знает — по родимым пятнам, кометам и всему таком прочему.

Верю ли я его 'сказу о Конах и о его побеге с Большого острова? В большинстве 'сказов правды почти нет, в нек'торых ее немного, а в немногих — полная правда. Я считаю, шо все, шо он г'ворил о Мероним-Предвидящей, было по боль-

шей части правдой. Вишь, после смерти Па мы с сестрейкой раз'брали его вещи, и я нашел это с'ребристое яйцо, к'торое в своих россказнях он называл оризоном. Как Па и г'ворил, если согреть это яйцо в своих ладонях, то в воздухе появится прекрасная де'ушка-призрак и станет г'ворить языком Древних, к'торого ни один из живущих не понимает и никогда не поймет, не. Эт' не та Смекалка, к'торую мож' использовать, пот'му шо она не убивает Конов-пиратов и не наполняет пустые желудки, но иногда в сумерках родня моя и братей, мы пробуждаем эту призрачную де'ушку, шоб прост' полюбоваться ее парением-мерцанием. Она красивая, она забавляет малышей, а ее негромкий г'вор усыпляет наших бебеней.

Вот присядьте-ка на такт-другой.

Вытяните руки.

Смотрите.

Тогда кем же был Хэ-Чжу Им, если не тем, за кого себя выдавал?

Мой ответ удивил меня саму: он состоял в Союзе.

— Да, имею честь, — сказал Хэ-Чжу.

Си-Ли, студент, был крайне взволнован.

Хэ-Чжу сказал мне, что если я не доверюсь ему, то умру в течение нескольких минут.

Я кивнула: мол, я ему доверяюсь.

Но ведь он уже солгал вам насчет своей личности — почему же верить ему на этот раз? Откуда вы знали наверняка, что он вас не похищает?

Я и не знала этого наверняка. Мое решение основывалось на его характере. Я могла лишь надеяться, что время покажет: основание это было прочным. Мы оставили Тимоти Кавендиша на произвол его неведомой судьбы и озаботились своей собственной: помчались по коридорам, через пожарные двери, по возможности избегая света и людей. Воспользоваться лифтом мы не могли: лифты считывают Души, а значит, могли быть настроены для нашей поимки. По лест-

ницам Хэ-Чжу нес меня на руках: мы не могли ждать, пока я спущусь по ним самостоятельно.

В полуподвале, сидя в невзрачном форде, нас ждал мистер Чан. Времени на приветствия не было. Форд, заскрежетав, ожил и с ускорением поехал через туннели и пустые фордовые стоянки. Мистер Чан, взглянув на свой сони, доложил, что северная и восточная подъездные дороги блокированы, но пандус, где нас должны были поджидать их люди, вроде бы еще свободен.

Хэ-Чжу приказал ему направиться туда, потом достал из кармана кнопочный нож, надрезал кончик своего левого указательного пальца, поковырял в нем и извлек крошечное металлическое яйцо. Он выбросил его в окно и велел мне таким же образом избавиться от Душевного кольца. Си-Ли тоже извлек и выбросил в окно свою Душу.

Так, значит, люди Союза действительно вырезают свои вечные Души? Я всегда полагал, что это лишь урбанистический миф…

А как еще может движение сопротивления ускользать от Единодушия? В противном случае, минуя транспортный контроль, они бы всякий раз рисковали быть обнаруженными. Когда форд объезжал какую-то платформу, в окна ударил

залп фосфатного огня; воздух наполнился осколками стекла, застонали металлические панели; форд заскреб по стенам и, проскрежетав, ненадолго остановился.

Я, присев на корточки, явственно слышала пальбу из кольтов.

Форд взвыл и быстро двинулся дальше. С него с глухим стуком свалилось чье-то тело. С переднего сиденья раздавался вой, говоривший о невыносимой боли. Хэ-Чжу прижал свой кольт к голове Си-Ли и выстрелил.

Что? В своего же человека? Почему?!

В разрывных пулях Единодушия сочетаются калодоксалин и стимулин. Калодоксалин — это яд, терзающий жертву такой агонией, что вопли выдают ее местонахождение; стимулин же не дает потерять сознание. Си-Ли тяжело опустился, приняв позу зародыша. Весельчак-аспирант Хэ-Чжу Им, которого я знала, исчез, причем так основательно, что я стала сомневаться, встречала ли его когда-нибудь на самом деле.

Через окна с выбитыми стеклами в салон врывались дождь и ветер. Мистер Чан, сбивая водосточные трубы, гнал на высокой скорости по замусоренному проезду, который был чуть шире самого форда. Он замедлил ход, когда выехал на

дорогу, шедшую по периметру кампуса. Впереди вспыхивали красные и голубые огни, обозначавшие ворота кампуса. Парящая авиетка, подрезая верхушки деревьев, прочесывала транспортный поток поисковым прожектором; громкоговорители отдавали непонятные приказы тем, кто знал, что к чему. Мистер Чан предупредил, чтобы мы держались, выключил двигатель и свернул с дороги. Форд тряхнуло, я ударилась головой о крышу, затем Хэ-Чжу каким-то образом удалось затолкать меня под себя и прижать. Форд набирал скорость и вес, потом вдруг стал невесомым.

Я помню это падение: оно высвободило какое-то раннее воспоминание о темноте, инерции, силе тяжести, о том, как я была заперта в другом форде. Где это было? Кто это был? Источника собственных воспоминаний я не находила.

Расщеплялся бамбук, разрывался металл, я билась ребрами о пол. Шум и хаос затуманивали сознание.

Наконец наступила тишина. Форд был мертв. Я услышала жужжание насекомых, стук дождя по листьям, за этим последовали напряженные переговоры шепотом, раздававшиеся все ближе. Я была подмята под Хэ-Чжу; он, постанывая, ворочался. Все мое тело было в ушибах, но кости

оставались целыми. Игла света ужалила мне глаза. Чей-то голос снаружи прошипел:

— Командир Им?

Первым отозвался мистер Чан:

— Откройте-ка дверь.

Чьи-то руки подняли нас и вытащили наружу. Тело Си-Ли оставили там, где оно лежало. Я мельком увидела ряд встревоженных лиц, решительных лиц, лиц людей, которые редко спят: это были члены Союза. Меня внесли в какую-то бетонную будку и опустили в люк.

— Не беспокойся, — сказал мне Хэ-Чжу, — я здесь, рядом.

Я хваталась руками за ржавые перекладины, обдирала колени, пробираясь по короткому тунелю. Меня подхватили и подняли в какое-то помещение, оказавшееся механической мастерской, потом опустили в изящный двухместный форд, из тех, в которых ездят чиновные. Звучали еще какие-то приказы, передавались сообщения. Распахнулась дверца водителя, Хэ-Чжу Им вскочил в форд и завел двигатель. Впереди дернулись и открылись гаражные двери.

Вслед за этим помню тихий дождь, пригородные переулки, потом — забитую автостраду. В фордах вокруг нас ехали одинокие пассажиры,

влюбленные пары, небольшие семьи, некоторые были спокойными, некоторые — буйными. Мистер Чан, обнаружила я, опять куда-то исчез, не попрощавшись. Когда Хэ-Чжу наконец заговорил, голос его был холоден. Он сказал, что если его когда-нибудь хоть царапнет разрывная пуля, то мне следует обеспечить ему легкую смерть так же быстро, как он обеспечил ее Си-Ли. Я не знала, что отвечать.

— У тебя, Сонми, наверняка имеется сотня вопросов, — продолжал он. — Умоляю потерпеть еще немного — если нас теперь схватят, то, поверь мне, чем меньше ты будешь знать, тем лучше. Нам предстоит напряженная ночь. Первым делом мы нанесем визит в Хвамдонгиль.

Вы, Архивист, знаете эту зону мегаполиса?

Меня выставили бы из моего министерства, если бы я хоть раз попался Глазу в этой трущобе недочеловеков. Но, пожалуйста, опишите ее для моего оризона. Что там перед вами предстало?

Хвамдонгиль принадлежит ночному миру: это гибельный лабиринт низких, изогнутых развалин, ночлежек, ломбардов, баров, где торгуют наркотиками, и ульев, где продают утешение, покрывающий, возможно, пять квадратных миль к юго-востоку от транзитного вокзала Старого

Сеула. Его улицы слишком узки для фордов; в зигзагообразных переулках воняет отбросами и сточными водами. Ассенизаторская Корпорация и близко не подбирается к этому району. Хэ-Чжу оставил форд в отделении гаража и велел мне не снимать капюшона: фабрикантки, украденные здесь, подвергаются грубой хирургии и заканчивают жизнь в борделях.

Чистокровные с кожей, словно опаленной из-за долгого пребывания под обжигающим городским дождем, толпились в дверных проемах. Один мальчик, опустившись на четвереньки, лакал воду из лужи. Я спросила, что за люди здесь живут.

— Мигранты с энцефалитом или отравленными свинцом легкими, — пояснил Хэ-Чжу. — В госпиталях опустошают их Души, пока их долларов не остается лишь на укол эвтаназии — или на то, чтобы добраться до Хвамдонгиля. Эти несчастные ублюдки сделали неверный выбор.

Я не могла понять, почему мигранты покидают Промышленные Зоны ради такой убогой судьбы. Хэ-Чжу перечислил причины: малярия, наводнения, засухи, чужеродные сельскохозяйственные геномы, паразиты, наступление мертвых земель — и естественное желание улучшить жизнь своих детей. Корпорация Папы Сонга, заверил он

меня, покажется гуманной в сравнении с фабриками, откуда сбежали многие из этих мигрантов. Доставщики обещают им, что в Двенадцати Мегаполисах льются долларовые дожди, и мигранты страстно хотят в это верить; они узнают правду, лишь став недочеловеками, и эта правда никогда не просачивается обратно, потому что доставщики действуют только в одну сторону. Хэ-Чжу увлек меня в сторону от пищащей двухголовой крысы:

— Они кусаются.

Я спросила, почему Чучхе мирится с подобным запустением во второй своей столице.

В каждом мегаполисе, отвечал мой проводник, имеется химический туалет, где разлагаются нежелательные человеческие отбросы — тихо, хотя и не вполне невидимо. Это мотивирует нижние слои потребителей. «Работайте, тратьте, работайте, — говорят трущобы, подобные Хвамдонгилю, — иначе вы тоже окончите свою жизнь здесь». Более того, предприниматели пользуются правовым вакуумом, чтобы воздвигать омерзительные зоны удовольствий для представителей верхних слоев, которым наскучили более респектабельные кварталы. Таким образом Хвамдонгиль находит деньги для налогов и

взяток. Медицинская Корпорация еженедельно открывает клинику для умирающих недочеловеков, чтобы изымать у них здоровые части тела и обменивать на упаковку средства для эвтаназии. Органическая Корпорация заключила выгодный контракт с мегаполисом и еженедельно засылает в него отряд фабрикантов с иммунитетом по геному — в чем-то похожих на катастрофников, — чтобы те убирали мертвых, прежде чем заведутся мухи. Затем Хэ-Чжу велел мне молчать: мы достигли места назначения.

Где именно оно находилось?

Где именно, сказать не могу: карт Хвамдонгиля нет, нумерация домов отсутствует. Это был нависающий дом с высокой, выбеленной известью перемычкой, чтобы отводить сточные воды. Там играли в маджонг, но я сомневаюсь, чтобы смогла узнать это здание. Хэ-Чжу постучал в обитую железом дверь; мигнул дверной глазок, клацнули засовы, и привратник открыл нам. На нем был панцирь, покрытый темными пятнами, а стальной его прут выглядел смертоносно; он проворчал, чтобы мы подождали Ма-На-Арак. Я подумала, нет ли у него под шейной пластиной ошейника фабриканта.

Задымленный коридор, загибаясь, пропадал из

виду, по сторонам его располагались бумажные ширмы. Я слышала стук костяшек маджонга, чувствовала запах немытых ног, смотрела на экзотично одетых чистокровных прислуг, разносивших подносы с напитками. Всякий раз, когда они отодвигали одну из бумажных ширм, сварливые выражения их лиц сменялись девичьим восторгом. Я последовала примеру Хэ-Чжу и сняла свои найки, испачканные в переулках Хвамдонгиля.

— Ладно, если бы новости не были плохими, ты бы не пришел.

Говорящая обращалась к нам из люка в потолке; я не могла определить, плодами геномики или мутации были ее перепончатые губы, серповидные глаза и колючий голос. Пальцы ее, покрытые драгоценными наростами, впивались в края люка.

Хэ-Чжу двинулся прямо под люк и обратился к Ма-На-Арак, называя ее «мадам». Как я поняла, она была хозяйкой заведения. Наше отделение стало заразным, сообщил он ей, Мефи и его ячейка арестованы, Си-Ли подстрелен разрывной пулей и убит, так что новости вряд ли могут быть хуже.

Язык у Ма-На-Арак был в два раза длиннее обыкновенного; он раз-другой свернулся и раз-

вернулся — она прихлопнула им муху. Глаза ее поблескивали в чердачном мраке. Она спросила, как далеко распространилась зараза. Хэ-Чжу сказал, что пришел как раз затем, чтобы найти ответ на этот вопрос. Мадам приказала нам незамедлительно пройти в гостиную.

В гостиную?

То была проходная комната между шумной кухней и фальшивой стеной, освещенная слабым соляром. На краю чугунной жаровни, которая, несомненно, была старше этого здания, если не всего мегаполиса, ожидала чашка звездомеси. Мы уселись на поношенные напольные подушки. Хэ-Чжу отхлебнул напиток и велел мне снять капюшон. Обитый досками потолок заскрипел под тяжелыми шагами, распахнулся люк, и появилось лицо Ма-На-Арак. Увидев меня — Сонми, — она не выказала никакого удивления.

Затем древняя жаровня — как выяснилось, снабженная ультрасовременной схемотехникой — зажужжала. Сфера темного сияния и преломленной тишины распространялась, пока не заполнила всю гостиную, разжижая кухонные шумы. Наконец пегий свет над жаровней приобрел форму карпа.

Карпа? То есть — рыбы?

Ну да, карпа, рыбы. Этакий величавый перламутрово-оранжевый полуметровый карп, с грибовидными наростами и усиками, как у мандарина. Один ленивый взмах хвоста — и он устремился ко мне. По мере его продвижения раздвигались корни водяных лилий. Древние его глаза читали мои; боковые плавники поднимались и опадали, удерживая его в неподвижном парении. Карп опустился на несколько сантиметров, чтобы прочесть надпись на моем ошейнике, и я услышала свое имя, произносимое старческим голосом. Я оглянулась на Хэ-Чжу, но в сумрачном подводном воздухе тот был едва виден.

— Я от души рад вас увидеть, — голос, поступавший по З-мерке, явно принадлежал человеку образованному, но был приглушенным и надтреснутым, — и польщен возможностью с вами познакомиться. Я — Ан-Кор Апис, из Союза. Прошу простить меня за такое визуальное представление; этот камуфляж — необходимая предосторожность, поскольку люди Единодушия прочесывают сейчас передачи на всех частотах.

Поколебавшись, я ответила, что понимаю.

Ан-Кор Апис пообещал, что очень скоро я буду понимать гораздо больше, и попросил еще

немного потерпеть. После этого он качнулся по направлению к Хэ-Чжу:

— Командир Им?

Хэ-Чжу поклонился и доложил, что подверг эвтаназии Си-Ли.

Апис сказал, что уже знает об этом и что никакой анестетик не успокоит боль Хэ-Чжу. Он напомнил Хэ-Чжу, что на самом деле Си-Ли был убит Единодушием, а Хэ-Чжу лишь избавил своего брата от мук. Он постарался уверить Хэ-Чжу, что жертва Си-Ли не была напрасной. Затем последовал короткий обмен информацией: шесть ячеек оказались скомпрометированы, а еще двенадцать — выжжены. «Хорошей новостью» было то, что Советнику Мефи удалось покончить с собой, прежде чем начались неврологические пытки. Затем «карп» приказал моему товарищу выйти из Сеула через Первые Западные Ворота, чтобы в сопровождении группы направиться к северному лагерю, и велел хорошенько поразмыслить над полученными советами.

Карп закружился, исчезая в стене гостиной, прежде чем появиться вновь, пройдя сквозь мою грудную клетку.

— Вы мудро выбрали себе друзей, Сонми, — сказал мне Апис. — Вместе мы добьемся перемен,

исторических перемен, которые преобразуют наше общество до полной неузнаваемости.

Он пообещал, что в скором времени мы снова встретимся. После этого сфера съежилась, опять спрятавшись в жаровне, а гостиная приобрела прежний вид. Карп сделался струйкой света, точкой и, в конце концов, вообще ничем.

Как Хэ-Чжу собирался пройти через выход из мегаполиса без Душ?

Буквально через несколько минут к нам был препровожден их специалист по имплантации Душ. Худощавый, с незапоминающейся внешностью, он профессионально-небрежно осмотрел разорванный палец Хэ-Чжу, извлек пинцетом крошечное яйцо из пакетика с гелем, поместил его в незажившую ткань и обрызгал сверху жидким кожным покровом. Я с недоумением думала о том, как наличие такой неприметной с виду точки может предоставлять своему носителю все права потребительского общества, а отсутствие, напротив, обрекать человека на жалкое прислужничество или нечто худшее.

— Теперь вас зовут Ок-Кён Пхё, — сказал имплантатор Хэ-Чжу, добавив, что любой сони сгрузит его фиктивную биографию.

Затем он повернулся ко мне и достал лазерные

кусачки. Они перережут сталь, но живые ткани даже не поцарапают, заверил он меня. Первым делом он удалил мой ошейник: я слышала щелчок, мне было щекотно, когда ошейник стягивали, а потом он оказался у меня в руках. Странное это было чувство, Архивист: словно тебе предложили подержать собственную пуповину.

— Так, теперь подкожный штрих-код.

Он смазал мне горло анестетиком, предупреждая, что на этот раз будет больно, однако увлажняющее поле на лезвии его инструмента не позволит штрих-коду взорваться при соприкосновении с воздухом, оторвав мою голову от туловища.

— Остроумно, — сказал Хэ-Чжу, приглядевшись.

— Разумеется, остроумно, — резко ответил имплантатор. — Я сам его разработал. Досадно, что нельзя запатентовать.

Он велел Хэ-Чжу стоять наготове с салфеткой; горло мне пронзила как бы зазубренная боль. Когда Хэ-Чжу остановил кровотечение, имплантатор показал мне прежний опознавательный знак Сонми-451 — микрочип, который он держал пинцетом. Он пообещал избавиться от него сам, очень аккуратно. Затем обрызгал мою рану

заживляющим средством и наложил пластырь телесного цвета, велев мне сменить бандаж перед сном.

— А теперь, — продолжал он, — я совершу преступление настолько неслыханное, что у него даже нет названия. Одушевление фабрикантки! Чем будет вознагражден мой гений? Фанфарами? Нобелевкой и университетской синекурой? Увы! Единственное, чем я буду гарантированно вознагражден, так это скамьей в Доме Света.

И, добавил Хэ-Чжу, абзацем в истории борьбы против корпократии.

— О, благодарю, брат, — отозвался имплантатор. — Целым абзацем.

Эта операция тоже была быстрой. Он положил мою правую ладонь на салфетку, обрызгал подушечку моего правого указательного пальца коагулянтом и анестетиком, сделал надрез менее сантиметра длиной, вставил Душу и наложил кожу, пряча от глаз все, что могло бы свидетельствовать о моем внезапном вознесении в слой чистокровных. На этот раз склонность к циничным сарказмам не укрыла его истинной сущности.

— Да принесет твоя Душа удачу тебе в земле обетованной, сестра Юн-А Ю.

Я поблагодарила его. Я совсем забыла, что Ма-На-Арак наблюдает за всем происходящим из потолочного люка, но теперь она заговорила.

— Сестре Ю лучше получить вместе с новой Душой и новое лицо, иначе на ее пути к земле обетованной могут возникнуть неприятные вопросы.

Значит, я полагаю, следующим вашим местом назначения было ателье лицеправа?

Да, именно так. Привратник проводил нас до самой улицы Тхёкёро, северной границы Хвамдонгиля, за которой начинаются более респектабельные кварталы. Мы опустились в некогда модный пассаж в Синчхоне и поднялись на эскалаторе через ряд многоусток, монотонно бубнивших псалмы Имманентному Председателю. Мы прибыли к похожему на лабиринт огороженному участку на уровне навеса над мегаполисом, куда часто наведываются только потребители, точно знающие, что им надо. Хэ-Чжу провел меня через изгибы и повороты, вдоль которых тянулись неприметные входы и загадочные таблички с именами; в тупичке, в нише возле невзрачной двери, цвела тигровая лилия.

— С мадам не разговаривай, — предостерег меня Хэ-Чжу, нажимая на кнопку звонка — Ко-

лючки этой госпожи надо обласкать.

Тигровая лилия покрылась яркими полосками, она спросила, чего мы хотим.

Хэ-Чжу сказал, что у него назначена встреча с мадам Овидий.

Цветок изогнулся, осматривая нас, и велел подождать. Дверь скользнула назад, открываясь.

— Мадам Овидий — это я, — возвестила белая, словно кость, чистокровная. Таблетки свежести заморозили ее грубую красоту, когда ей было между двадцатью и тридцатью, то есть, чувствовалось, давным-давно, но голос ее звучал как циркулярная пила. — У вас, кем бы вы ни были, ничего не назначено. Здесь заведение для верхнего слоя. Мои биокосметологи принимают только по личным рекомендациям. Попробуйте обратиться к «маскорезу» на одном из нижних этажей.

Дверь захлопнулась у нас перед носом.

Хэ-Чжу прочистил горло и проговорил в тигровую лилию: Будь любезна сообщить высокочтимой мадам Овидий, что леди Хим-Ян шлет ей свои искренние и сердечные приветствия.

Последовала пауза. Тигровая лилия вспыхнула и спросила, долго ли нам пришлось путешествовать. Это, как я поняла, был пароль.

Хэ-Чжу предоставил ей отзыв:

— Если путешествовать достаточно долго, то встретишь самого себя.

Дверь открылась, но презрительность мадам Овидий осталась при ней.

— Кто может спорить с леди Хим-Ян?

Она приказала нам без промедления следовать за нею. Спустя минуту ходьбы по занавешенным коридорам, обитым свето- и звукопоглощающими пластинами, мадам Овидий щелкнула пальцами, к нам присоединился невесть откуда взявшийся безмолвный ассистент, и открылась дверь в ярко освещенную студию. Наши голоса словно вернулись к нам. В свете соляра поблескивали стерильные инструменты для изменения пластики лица. Мадам Овидий попросила меня снять капюшон. Подобно мадам Ма-На-Арак, она не выказала удивления, увидев мои черты; впрочем, я сомневаюсь, чтобы дама ее слоя хоть одной ногой ступала в ресторацию Папы Сонга. Мадам Овидий спросила, как много времени есть на обработку.

Когда Хэ-Чжу сказал ей, что через полтора часа нам надо уходить, наша хозяйка утратила все свое игольчато-острое хладнокровие.

— Почему бы вам не сделать все самим, с по-

мощью резины да помады? Что, леди Хим-Ян принимает Тигровую Лилию за дешевую штукатурщицу, в окне у которой красуются кодаки «до» и «после»?

Хэ-Чжу поспешил объяснить, что мы не ожидаем полного преобразования, только косметических адаптации, чтобы обмануть Глаз или чей-то случайный взгляд. Он признал, что девяносто минут — это смехотворно короткое время, поэтому леди Хим-Ян и потребовалась лучшая из лучших.

Гордая лицеправица явственно различала его лесть, но все же поддалась ей.

— Это правда, — хвастливо заявила она. — Никто, никто не видит одного лица внутри другого так же хорошо, как я.

Мадам Овидий изменила угол моей челюсти, говоря, что может изменить текстуру кожи, ее окраску, волосы, веки и брови.

— Радужку глаз мы должны окрасить в какой-нибудь цвет, что встречается у чистокровных.

На щеки, по ее словам, можно было нанести ямочки, а скулы, которые так и кричали о том, что я фабрикантка, сделать менее выпирающими. Она обещала наилучшим образом воспользоваться каждой из драгоценных восьмидесяти

девяти минут.

Так что же случилось с мастерством мадам Овидий? Вы сейчас выглядите как Сонми, только что извлеченная из маточной цистерны.

Единодушие вернуло мне прежнее лицо для наиболее важных появлений в зале суда. Звездная актриса должна выглядеть так, чтобы соответствовать своей роли. Но уверяю вас, когда я вышла от Тигровой Лилии, шипя от боли в лице, меня не узнал бы даже Смотритель Ли. Мои радужки цвета слоновой кости стали карими, разрез глаз был удлинен, волосы, вплоть до волосяных мешочков, сделались черными как смоль. Обратитесь к кодакам, сделанным после моего ареста, если вам интересно.

Прощаться мадам Овидий не стала. Снаружи, возле эскалатора, нас ждал златоволосый мальчик с красным воздушным шаром. Мы последовали за ним на оживленную фондовую стоянку под пассажем. Мальчик исчез, но шарик был прицеплен к стеклоочистителю внедорожника. На нем мы и поехали вниз по Первой Магистрали к Первым Восточным Воротам.

Первым Восточным? Но лидер Союза — Апис — направил вас на запад.

Да, но к своим приказам лидер прибавил, что надо «хорошенько поразмыслить над полученными советами», что означало «переиначьте эти приказы». Таким образом, «запад» означал «восток», «север» означал «юг», «ехать в сопровождении группы» означало «ехать одним».

Мне кажется, что такой шифр до опасного прост.

Дотошные мозги часто упускают из виду простое. Когда мы мчались по магистрали, я спросила своего сотоварища, по-настоящему ли его зовут Хэ-Чжу Имом. Союзник ответил, что для людей его призвания ни одно имя не является настоящим. Дорога к выезду, ближе к заставе, шла под уклон и извивалась, и мы уже едва ползли; впереди каждый водитель в очереди высовывал руку из окна своего форда, чтобы предъявить Глазу свою Душу. Принудители произвольно останавливали форды для расспросов, что не могло нас не тревожить.

— Примерно одного из тридцати, — пробормотал Хэ-Чжу. — Довольно большая вероятность.

Подошла наша очередь к сканеру. Хэ-Чжу поместил свой указательный палец на глаз, тут же пронзительно взвыла сирена, и шлагбаум опустился. Форды, стоявшие вокруг, лишали нас

всякой надежды на побег. Хэ-Чжу прошипел:

— Все время улыбайся, веди себя бессмысленно!

Принудитель подошел к нам и дернул большим пальцем.

— Выйти.

Хэ-Чжу, по-мальчишески ухмыляясь, повиновался. Принудитель потребовал, чтобы он назвал свое имя и пункт назначения.

— О, гм, Ок-Кён Пхё. — Хэ-Чжу держался великолепно, у него даже голос изменился. — Офицер. Мы, гм, направляемся в мотель, что во внешнем мегаполисе.

Хэ-Чжу глянул по сторонам и сделал рукой жест, непристойное значение которого я узнала от Бум-Сука и Фана. Он начал плести чушь насчет лицензии на кошечек, принадлежащей его матери, но его оборвал краткий приказ заткнуться. Как далеко находится этот отель, требовательным голосом спросил офицер. Разве он не знает, что уже больше двадцати трех часов?

— Мотель «Пиф-Паф-Ты-Убит», в Йоджу, — Хэ-Чжу взял идиотски-конспиративный тон. — Уютное местечко, чистое, и цены разумные, хотя, вероятно, принудителю позволят опробовать их удобства бесплатно. Всего тридцать минут по

скоростной дороге, идущей на восток от десятого выезда.

Он пообещал, что мы поспеем туда задолго до отбоя.

— Что случилось с вашим указательным пальцем?

— А, так вот почему мигнул Глаз?

Хэ-Чжу издал театральный стон и принялся молоть бессвязный вздор: он-де порезал его, удаляя косточку из натурального авокадо в доме у матери своей подружки. Повсюду кровь, так неприятно, отныне для него существуют только авокадо без косточек, природа причиняет гораздо больше неудобств, чем сама того стоит.

Принудитель глянул внутрь форда и приказал мне снять капюшон.

Я надеялась, что мой страх сойдет за скромность. Он спросил, всегда ли мой приятель так много говорит. Я застенчиво кивнула. И поэтому я всегда молчу?

— Да, сэр, — сказала я, уверенная, что он опознает во мне Сонми, — да, офицер.

Принудитель поведал Хэ-Чжу, что девушки покорны и скромны вплоть до дня свадьбы, а после этого начинают трепаться, да так, что их невозможно заткнуть.

— Ладно, поезжайте, — сказал он напоследок.

Где же вы на самом деле провели комчас в ту ночь? Ведь не в убогом мотеле?

Нет. Мы выехали на скоростную трассу через второй выезд, затем свернули на неосвещенную проселочную дорогу. За плотной лесополосой из колючих елей была укрыта индустриальная площадка на сотню с лишним блоков. До комчаса оставалось совсем немного, и потому наш форд был единственным движущимся транспортным средством. Мы припарковались и через продуваемый ветром передний двор подошли к бетонному блоку с вывеской ГИДРОПОНИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ. Душа Хэ-Чжу мигнула, и роликовая дверь откатилась в сторону.

Внутри оказалась не теплица, а освещенный красным зал, где стояли огромные цистерны. Воздух был неприятно-теплым и влажным. Густой и клейкий бульон, который я видела через смотровые окна цистерн, какое-то время скрывал их содержимое. Потом мой взгляд стал различать конечности отдельных существ, идентичные лица в стадии формирования.

Маточные цистерны?

Да. Мы оказались в геномном блоке. Я смотрела

на грозди эмбрионов-фабрикантов, подвешенных в маточном геле; я была, не забывайте, свидетельницей собственного происхождения. Некоторые спали, некоторые сосали большие пальцы, другие быстро двигали рукой или ногой, словно копали землю или бежали. Я спросила у Хэ-Чжу, не там ли меня культивировали. Хэ-Чжу сказал, что нет. Ясли Папы Сонга в Кванджу в пять раз больше. Вглядевшись в маточную цистерну, он сообщил, что эти эмбрионы разработаны для того, чтобы трудиться в урановых туннелях под Желтым морем. Их похожие на блюдца глаза по геному предназначены для видения в темноте. Собственно, они сходят с ума при ярком, нефильтрованном дневном свете.

Из-за жары кожа Хэ-Чжу вскоре заблестела от пота.

— Тебе, Сонми, наверняка нужно Мыло. Наш пятизвездочный пентхаус вон там.

Пентхаус? В фабрикантском инкубаторе?

Мой Союзник обожал иронию. Наш «пентхаус» был скудно обставленной комнатой ночного сторожа. В помещении с голыми бетонными стенами имелись только водный душ, единственная койка, письменный стол, груда стульев, задыхающийся кондиционер и сломанный теннисный

стол. От толстых труб волнами исходил жар. Сони, установленные рядами на панели, следили за маточными цистернами, а еще имелось окно, выходившее в инкубационный зал. Хэ-Чжу предложил мне принять душ теперь же, потому что на следующую ночь не мог мне его обещать. Он натянул брезентовую занавеску, обеспечив мне уединение, и, пока я омывала свое тело, соорудил себе постель из стульев. На койке меня поджидала упаковка Мыла и комплект новой одежды.

Вы не чувствовали себя в опасности, засыпая неизвестно где и даже не зная настоящего имени Хэ-Чжу Има?

Нет, у меня уже наступил слишком сильный токсикоз. Благодаря стимулину, содержащемуся в Мыле, фабрикантки могут бодрствовать более двадцати часов, но потом нас поражает усталость, и мы буквально валимся с ног, почти без предупреждения.

Проснулась я тремя часами позже, вся настороже: Мыло для эмбрионов рудокопов было сильно насыщено кислородом. Хэ-Чжу похрапывал на своей накидке. Я изучила корку запекшейся крови у него на щеке — он оцарапал ее, когда мы бежали из Тэмосана. Кожа у чистокровных по сравнению с нашей такая нежная. Его глазные

яблоки вращались под веками; ничто другое в комнате не двигалось. Он то ли произнес имя Си-Ли, то ли просто издал какой-то звук. Я гадала, каким «Я» он был во время сновидений.

Потом я мигнула своей Душой на ручной сони Хэ-Чжу, чтобы узнать о своей собственной вымышленной личности, Юн-А Ю. Я была студенткой геномистики, родилась 30-го числа второго месяца в Наджу, в год Лошади. Отец был Пособником у Папы Сонга, мать — домохозяйкой; братьев и сестер не имелось… сведения занимали десятки, сотни страниц. Время комчаса было на исходе. Хэ-Чжу, проснувшись, стал массировать себе виски.

— Ок-Кён Пхё не отказался бы от чашки крепкой звездомеси.

Я решила, что пора задать вопрос, волновавший меня еще в просмотровой аудитории. Почему Союз заплатил такую непомерную цену за спасение одной-единственной экспериментальной фабрикантки?

— А! — Хэ-Чжу что-то невнятно пробормотал и протер глаза, изгоняя из них сон. — Долгий ответ, долгое странствие.

Еще одна увертка?

Нет. Он дал мне исчерпывающий ответ, пока

мы все дальше углублялись в сельскую местность. Я вкратце изложу его для вашего, Архивист, ориентира. Ни-Со-Копрос отравляет сам себя до смерти. Почвы его загрязнены, реки безжизненны, воздух пропитан ядами, а поставляемое продовольствие изрешечено чужеродными генами. Нижний слой не в состоянии покупать лекарства, чтобы противостоять этим лишениям. Зоны меланоза и малярии наступают на север со скоростью сорок километров в год. Те Промышленные Зоны Африки и Индонезии, что снабжают Зоны Потребления, ныне на шестьдесят с лишним процентов необитаемы. Основа легитимности корпократии — ее благосостояние — усыхает. Затеи Чучхе с новыми Законами Обогащения — всего лишь пластыри, налагаемые на места ампутаций и кровотечений. Единственная стратегия корпократии, давно излюбленная обанкротившимися идеологиями, — отрицание. Чистокровные нижнего слоя падают в клоаки недочеловеков. Чиновные только смотрят и, как попугаи, твердят Седьмой Катехизис: «Ценность Души определяется имеющимися в ней долларами».

Но какой может быть логика в том, чтобы позволять чистокровным нижнего слоя… э-э… кончать жизнь в местах, подобных Хвамдонги-

лю? Как классу? Что может заменить их труд?

Мы. Фабриканты. Произвести нас, Архивист, почти ничего не стоит, и у нас нет никаких опасных притязаний на лучшую, более свободную жизнь. Мы, что очень удобно, угасаем через сорок восемь часов без специального Мыла, производство и поставка монополизированы корпократией, а значит, не можем никуда убежать. За исключением меня, все фабриканты — совершенные органические механизмы. Вы по-прежнему утверждаете, что в Ни-Со-Копросе нет рабов?

И как же Союз собирается избавить наше государство от этих… мнимых «хворей»?

Путем революции.

Но ведь, как поется в гимне Первого Советника, Ни-Со-Копрос — одно лишь в мире солнце, что встает! До Столкновений Восточная Азия была тем же хаосом болезненных демократий и вздыбленных мертвых земель, каким до сих пор является весь остальной мир! Если бы Чучхе не объединило и не оградило наш регион, мы скатились бы к варварству вместе со всем земным шаром! Как может любая разумная организация принимать на вооружение веру, которая противостоит корпократии? Дело не только в

том, что это терроризм, но и в том, что это самоубийство.

Каждое восходящее солнце когда-нибудь да садится, Архивист. Сейчас от нашей корпократии так и разит разложением и слабоумием.

Что ж, Сонми, вы, по-видимому, всем сердцем восприняли пропаганду Союза.

А я, Архивист, могу заметить, что вы всем сердцем восприняли пропаганду корпократии.

Ваши новые друзья упоминали о том, как именно Союз собирается опрокинуть государство с постоянной армией из двух миллионов чистокровных, поддерживаемой еще двумя миллионами фабрикантских войск?

Да. Путем подготовки одновременного вознесения шести миллионов фабрикантов.

Фантазия. Безумие.

Любая революция такова, пока не произойдет. Тогда она становится исторической неизбежностью.

Как Союз достиг бы этого «одновременного вознесения»?

Видите ли, поле боя лежит в нервно-молекулярной области. Несколько сотен Союзников,

работающих на фабриках по производству Мыла и установках с маточными цистернами, могли бы запустить это огромное число вознесений, добавляя катализатор доктора Сулеймана в ключевые потоки.

Какой вред могли бы причинить даже — допустим — шесть миллионов вознесенных фабрикантов самой стабильной государственной пирамиде в истории цивилизации?

Кто бы работал на фабричных линиях? Очищал сточные воды? Задавал корм на рыбных фермах? Добывал нефть и уголь? Поддерживал работу реакторов? Строил здания? Прислуживал в ресторациях? Гасил пожары? Охранял границу? Заполнял пустые баки? Поднимал, копал, тянул, толкал? Сеял, жал? Теперь начинаете понимать? Чистокровные больше не обладают этими базовыми умениями, на которых покоится наша корпократия, да и любое другое общество. По-настоящему вопрос должен звучать так: какого вреда не смогли бы причинить шесть миллионов вознесенных фабрикантов вкупе с жителями приграничных земель и чистокровными низшего слоя, которым, как и жителям Хвамдонгиля, нечего терять?

Единодушие поддержало бы порядок. Не все принудители — агенты Союза.

Какими орудиями устрашения воспользовалось бы Единодушие? Тыкало бы в вознесенных кольтами? Даже Юна-939, прислуга-фабрикантка, предпочла смерть рабству.

И какова была ваша роль в этом… предполагаемом восстании?

Первая моя роль состояла в поиске доказательств того, что катализатор Сулеймана действует. Это мой разум выполнил, да и продолжает выполнять — просто-напросто тем, что не деградирует. Катализатор в массовых количествах синтезировался на подпольных фабриках по всем Двенадцати мегаполисам.

— Вторая твоя роль, — сообщил мне в то утро Хэ-Чжу, — будет посольской.

Генерал Апис — тот самый карп в гостиной дома, где играли в маджонг, — надеялся, что я выступлю в качестве посредницы между Союзом и возносимыми фабрикантами. Чтобы помочь мобилизовать их как революционеров.

Что вы чувствовали, становясь — э-э — резной фигурой на носу корабля террористов?

Трепет: по своему геному я не предназначена

для изменения истории. Я так и сказала своему товарищу по бегству. Хэ-Чжу возразил, что никто из революционеров никогда и не был для этого предназначен. Обдумай это как следует, настаивал он. Апис надеется, что к тому времени, как мы встретимся с ним снова, я приму нужное решение. Единственное, о чем сейчас просит Союз, подчеркнул он, — это не отвергать предложение с ходу.

Вы не полюбопытствовали о проектах Союза насчет более светлого будущего? Откуда вы могли знать, что новый порядок не приведет к зарождению еще худшей тирании, чем та, которой он положит конец? Подумайте о большевиках и о революции в Саудовской Аравии. Подумайте о гибельном Перевороте Троицыного Дня в Северной Америке. Ведь не подлежит же сомнению, что если требуются великие перемены, то программа нарастающих реформ, осторожных шагов представляет собой самый мудрый путь, которого и следует придерживаться?

Вы, Архивист, выказываете эрудицию, для восьмого слоя совершенно необычайную. Я вот думаю, не встречалась ли вам эта фраза, впервые произнесенная государственным деятелем двадцатого века: «Пропасть не преодолеть в два

приема».

Мы ходим вокруг спорных вопросов, Сонми. Давайте вернемся к вашему путешествию.

Долины Суанбо мы, придерживаясь окольных путей, достигли около одиннадцати часов. Опрыскиватели урожая распылили облака шафранового удобрения, затмившие горизонты. Хэ-Чжу опасался возможности попасть под Глаз-Спутник, и поэтому мы поехали по просеке на плантации Лесной Корпорации. Ночью шел дождь, так что просеку заполонили грязные лужи. Продвижение наше было медленным, но никакого другого транспорта мы не видели. Норфолкские гибриды ели с каучуковым деревом, высаженные ровными рядами и шеренгами, создавали иллюзию, будто мимо нашего форда маршируют полчища деревьев численностью в миллиард. Я выходила наружу лишь однажды, когда Хэ-Чжу заново наполнял опустевший бак из канистры. Долина была ярко освещена, но внутри плантации даже в полдень царили влажные, приглушенные сумерки. Единственные звуки порождались легким ветром, свистевшим сквозь притуплённые иглы. По геному эти деревья должны были отпугивать жуков и птиц, так что в спертом воздухе разило инсектицидом.

Лес покинул нас так же внезапно, как появился, и ландшафт стал более холмистым. Мы ехали на восток, к югу от нас тянулся хребет Вораксан, а к северу простиралось озеро Чхунджу. Вода в озере воняла из-за стоков лососевых прудов с сетевыми заграждениями. Холмы по ту сторону водного зеркала демонстрировали логотипы могущественных корпораций. Малахитовая статуя Пророка Мальтуса обозревала пыльную ложбину. Наш проселок проходил под скоростной трассой Чхонджу-Тэгу-Пусан. Хэ-Чжу сказал, что мы могли бы добраться до Пусана в пределах двух часов, если бы решились выбрать ее, но ползти по задворкам было безопаснее. Наша колдобистая, но лишенная Глаз дорога снова поднималась в горы Собэксана.

Хэ-Чжу Им не пытался добраться до Пусана за один день?

Нет. Приблизительно в семнадцать часов он спрятал форд на заброшенном лесном складе, и мы пустились пешком. Первая моя горная прогулка зачаровала меня так же, как первая поездка по Сеулу. Известковые выпуклости были густо покрыты лишайниками; из расщелин пробивались побеги пихты и рябины; облака свертывались, подобно свиткам; бриз благоухал натуральной

цветочной пыльцой и живицей; некогда выведенные из генома бабочки вертелись вокруг наших голов, словно электроны. Логотипы на их крыльях через множество поколений мутировали в случайный набор слогов: маленькая победа природы над корпократией.

Я чувствовала себя вновь родившейся в иной стихии, которая столь же чужда фабрикантским прислугам, сколь незнакомы моллюскам альпийские луга.

Когда мы шли по голому уступу скалы, Хэ-Чжу указал куда-то вдаль через залив.

— Видишь его?

Кого? Я видела только скальную поверхность.

— Смотри-смотри, — сказал он, и вдруг возникли очертания великана, вырубленного в скале; он сидел в позе лотоса. Изящная рука была поднята в грациозном и многозначительном жесте. Удары боевой техники и стихий исказили, расщепили и его черты, но абрис был по-прежнему различим, если окинуть его взглядом целиком. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кого напоминает мне это огромное резное изображение: Тимоти Кавендиша.

Хэ-Чжу это мое замечание очень позабавило и даже заставило улыбнуться — впервые за дол-

гое время. Он сказал, что когда-то считал этого великана древним демократом или же бандитским главарем со склонностью к саморекламе, но на самом деле в допотребительскую эпоху ему поклонялись как божеству, предлагавшему спасение от бессмысленного цикла рождений и перерождений. Растрескавшийся каменный истукан из иной эпохи до сих пор обладает былой божественностью. Только неодушевленное может быть настолько живучим. Настоятельница, продолжал Хэ-Чжу, расскажет мне о нем больше. Полагаю, что Корпорация Каменоломен разрушит его, когда приступит к добыче камня в этих горах.

Зачем Им повел вас невесть где?

Про любое «невесть где» что-нибудь да известно, Архивист. Миновав великана со скрещенными в позе лотоса ногами и перейдя через горный кряж, мы вышли на прогалину, где увидели скромные зерновые посадки, одежду, сушившуюся на кустах, овощные делянки, грубую ирригационную систему из бамбука, кладбище. Пересыхающий водопад. Через узкую щель Хэ-Чжу провел меня во внутренний двор, вдоль стен которого стояли цветистые здания, подобных которым я никогда не видела. Очень, по-видимому, недавний взрыв

прорыл в плитняке кратер, сорвал доски и продавил черепичные крыши. Одна из пагод не устояла перед тайфуном и повалилась на свою двойняшку. Ну, а той не давал упасть скорее плющ, чем деревянные крепления.

Здесь мы и найдем себе пристанище на ночь, сказал мне Хэ-Чжу. Этот монастырь стоял здесь на протяжении пятнадцати веков, пока корпократия после Столкновений не отменила всех религий, существовавших до потребительской. Сейчас это место служит убежищем для обнищавших чистокровных, которые предпочитают кое-как сводить концы с концами на горном склоне, чем жить в клоаках недочеловеков.

Значит, Союз укрыл свою переговорщицу, свою… мессию, в колонии рецидивистов?

Мессия: какой грандиозный титул для прислуги Папы Сонга!

Я услыхала позади нас царапанье по плитам: вслед за нами во двор, опираясь на плечо мальчика со шрамом от операции на мозге, ковыляла изрезанная морщинами крестьянка, возраст которой так же явно бросался в глаза, как у старцев времен Кавендиша. Мальчик, немой, застенчиво улыбнулся, увидев Хэ-Чжу, а женщина обняла его с материнской, по-моему, любовью. Хэ-Чжу

представил меня Настоятельнице как мисс Ю. Один глаз у нее был молочно-белым, но другой — блестящим и наблюдательным; создавалось впечатление, что тебя рассматривают сразу двое. Она стиснула мои руки в своих; этот жест меня очаровал.

— Вас здесь так ждали, — сказала она, — добро пожаловать.

Хэ-Чжу спросил ее о бомбовом кратере.

Настоятельница ответила, что местное подразделение Единодушия использует их, чтобы набить руку. В прошлом месяце в небе появилась авиетка и без предупреждения выпустила ракету. Один человек погиб, несколько колонистов серьезно изувечены. Злодеяние, печально размышляла Настоятельница, или пилот заскучал, или, может быть, какой-нибудь разработчик увидел возможность построить на этой прогалине оздоровительный отель для чиновных и возжелал ее расчистить.

— Кто знает? — со вздохом заключила она.

Мой сотоварищ обещал выяснить, в чем дело.

Кем в точности были эти «колонисты»? Самовольными поселенцами? Террористами? Членами Союза?

У каждого колониста имелась своя история.

Меня представили уйгурским диссидентам; пропитанным пылью фермерам из дельты в районе Хошимина; некогда респектабельным жителям городищ, разорившимся из-за политики корпораций; безработным уклонистам; тем, кто лишился своих долларов из-за умственных заболеваний. Самому младшему из семидесяти пяти колонистов было девять недель от роду, самой старшей, Настоятельнице, было шестьдесят восемь, хотя, заяви она, что ей триста, я все равно бы поверила — уж так ее пригибало к земле.

Но… как могут люди выживать там без агентов и пассажей? Что они едят? Что пьют? Как насчет электричества? Развлечений? Как может микрообщество функционировать без принудителей и иерархии?

Поезжайте, Архивист, и навестите их. Можете сказать Настоятельнице, что это я вас прислала. Нет? Ладно, пища поступает к ним из лесов и садов, а вода — из водопада. Походы на мусорные свалки обеспечивают их пластиком и металлом для инструментов. Их «школьный» сони питается от водной турбины. Солярные ночные лампы перезаряжаются при свете дня. Их развлечением служат они сами; потребители не могут существовать без 3-мерок и РекЛ, но люди когда-то

без них обходились и по-прежнему могут обходиться. Принуждение? Проблемы, несомненно, возникают, а время от времени случаются даже и кризисы. Но всякий кризис может быть преодолен, если люди взаимодействуют между собой. Колонисты дорожат своей независимостью и полны решимости защитить ее и от бездельников внутри колонии, и от эксплуататоров вовне.

А как насчет горных зим?

Они выживают так же, как это пятнадцать веков делали до них монахини: с помощью предусмотрительности, бережливости и стойкости. Монастырь был построен над пещерой, расширенной бандитами во время японской аннексии. Тамошние туннели предоставляют достаточную защиту от зимы и авиеток Единодушия.

Такая жизнь — это вам не буколическая Утопия. Да, зимы там суровы; сезоны дождей безжалостны; урожаи уничтожаются вредителями; в пещерах кишат паразиты, и мало кто из колонистов проживает так долго, как потребители из верхних слоев: ведь медицина у них крайне слаба. Они пререкаются друг с другом, бранятся и горюют, как это свойственно людям, но, по крайней мере, делают это в сообществе, а товарищеские отношения сами по себе являются превосход-

ным лекарством. В Ни-Со-Копросе теперь нет сообществ, только государство и взаимно подозрительные подслои. В ту ночь я крепко уснула под звуки пересудов, музыки, причитаний и смеха, впервые после своего дортуара у Папы Сонга чувствуя себя в безопасности.

Так почему же Союз заинтересован в этой колонии?

Ответ простой: Союз обеспечивает колонию оборудованием, например солярами; в ответ колония предоставляет надежное убежище, расположенное в нескольких километрах от ближайшего Глаза. Я проснулась в своем спальном туннеле незадолго перед рассветом и подползла к выходу из пещеры. На страже была женщина средних лет, прихлебывавшая из чашки с отваром стимулина. Она дала мне свою москитную сетку, но предупредила о койотах, рыщущих под старыми монастырскими стенами в поисках добычи. Я пообещала оставаться в пределах слышимости, прошла по двору и протиснулась в узкий проход между скалами на балкон, где все было черным и серым.

Постепенно проступила гора; из долины поднимался ветерок, неся с собой крики животных, их призывы, ворчание и фырканье. Ни одного

из них я не смогла распознать и, несмотря на все свои знания запрещенных цензурой тайн, почувствовала себя обделенной. И какое там было звездное небо! Нет, звезды в горах совсем не похожи на эти жалобные булавочные уколы в небе над мегаполисами; там они полновесны и сочатся светом. Вдруг всего лишь в метре от меня шевельнулся валун.

— А, мисс Ю, — произнесла Настоятельница, — еще одна ранняя пташка.

Я пожелала ей доброго утра.

Колонистов помоложе, поведала мне старуха, беспокоят ее прогулки до восхода солнца — тревожатся, как бы она не упала с края скалы. Она достала из рукава трубку, набила ее чашечку и закурила. Грубые местные листья, признала она, но вкус к утонченным мальборо она утратила многие годы назад. Мне, по причине молодых легких, она предлагать не будет, сказала Настоятельница, но в ее возрасте это уже ничего не значит. У дыма был запах ароматной кожи и сухого навоза.

Я спросила у нее о каменной фигуре на откосе по ту сторону залива.

А, старый отшельник, кивнула она. У Сиддхартхи есть и другие имена, но сейчас все они забыты.

Ее предшественницы знали все притчи и проповеди, однако прежняя Настоятельница и старшие монахини были приговорены к Дому Света пятьдесят лет назад, когда непотребительские религии, а с ними и монастыри, были объявлены вне закона. Нынешняя Настоятельница была тогда послушницей, так что Единодушие сочло ее достаточно молодой для переориентации. Она воспитывалась в сиротском доме городища Пёрл-Сити, но, по ее словам, никогда не покидала своего монастыря духовно. Вернулась она спустя многие годы и нашла теперешнюю колонию в полном упадке.

Я спросила, в самом ли деле Сиддхартха является богом.

Многие так его называли, согласилась Настоятельница, но Сиддхартха не оказывает влияния на судьбу или погоду, не выполняет многих из традиционных божественных функций. Он не повышает удачливость, не отводит наказаний, не защищает нас от боли, причиняемой жизнью. Скорее, Сиддхартха умер как человек, но остался жив как идеал. Этот человек учил, как преодолевать боль и как заслужить более высокую реинкарнацию в будущих жизненных сроках. Она по-прежнему молится ему так рано по утрам,

«чтобы он знал, насколько я серьезна», хотя верующих среди колонистов немного.

Я выразила надежду, что Сиддхартха реинкарнирует меня в ее колонии.

Теперь свет наступающего дня очерчивал мир вокруг нас более четко. Настоятельница спросила, почему я на это надеюсь.

Чтобы выразить свои чувства в словах, потребовалось некоторое время, но Настоятельница не принадлежала к тем, кто поторапливает собеседников с мыслями. Наконец я сформулировала причину: единственными чистокровными, в глазах у которых не видна всегдашняя неудовлетворенность потребителей, оказались колонисты, с которыми я познакомилась.

Настоятельница понимающе кивнула. Если потребители достигнут исполнения желаний в значительном объеме и окажутся удовлетворены своей жизнью, стала размышлять она вслух, с плутократией будет покончено. Вот почему их колония так оскорбляет государство. Представители Масс-медиа крайне заинтересованы в том, чтобы обливать презрением такие вот колонии, сравнивая их с ленточными червями, обвиняя в краже дождевой воды у Водной Корпорации, отчислений за пользование землей — у держателей

патентов Овощной Корпорации, кислорода — у Воздушной Корпорации.

— Может наступить такой день, — сказала Настоятельница, — когда Совет сочтет, что они являются жизнеспособной альтернативой корпократической идеологии. Тогда «паразитов» переименуют в «террористов», с неба хлынут ливни «умных» бомб — и все наши туннели затопит огонь.

Я заметила, что колония должна процветать невидимо, подспудно.

— Именно. — Она понизила голос, так что мне пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова. — Полагаю, для этого требуется такое же умение сохранять равновесие и держать себя в руках, как и для того, чтобы выдавать себя за чистокровную.

Она с самого начала знала, что вы не чистокровная? Откуда?

Мне показалось бестактным спрашивать об этом. Может быть, кто-то подсмотрел, как я принимаю Мыло. Моя хозяйка сообщила мне, что опыт научил колонистов по-дружески приглядывать за своими гостями, даже за Союзниками и их друзьями.

— Это противоречит старинному монастырско-

му кодексу гостеприимства, — извиняющимся тоном сказала Настоятельница, — но более молодые колонисты твердо настаивают на бдительности, особенно в мире, где каждый может стать кем угодно, проведя один день у лицеправа.

Почему она показала свою осведомленность?

Не знаю, возможно, лишь для того, чтобы выразить солидарность. Изо всех преступлений Чучхе ничто, по словам Настоятельницы, не является более гнусным, чем создание «подслоя рабов».

Полагаю, она имела в виду фабрикантов? Но говорила ли она конкретно — о прислугах в ресторациях, или в общем — обо всех фабрикантах Ни-Со-Копроса?

Тогда я не поняла, я узнала об этом только на следующий вечер, в Пусане. Но к тому времени во дворе уже гремели кастрюли, готовился завтрак. Настоятельница посмотрела в расщелину, ведшую во двор, и переменила тон.

— И кто же наш молодой койот?

Немой мальчик подошел к нам неслышным шагом и, улыбаясь, уселся у ног Настоятельницы. Солнечный свет склонился с востока над миром, возвращая нежные краски полевым цветам.

Стало быть, пошел второй ваш день в качестве

беженки.

Да. Хэ-Чжу позавтракал картофельными лепешками и инжирным медом; в отличие от предыдущего вечера никто не настаивал, чтобы я ела пищу чистокровных. Когда мы прощались, две или три девочки-подростка, глаза у которых были на мокром месте из-за отбытия Хэ-Чжу, стреляли в меня ненавидящими взглядами, что очень забавляло моего проводника. В каких-то отношениях Хэ-Чжу был закаленным революционером, но в других все еще оставался мальчишкой. Настоятельница обняла меня и шепнула на ухо:

— Я буду молиться за тебя старому отшельнику.

Провожаемые взглядом ее божества, мы покинули это высокогорье с разреженным воздухом и через шумливый лес двинулись вниз, где нашли свой форд, никем не тронутый.

До Йонджу мы продвигались вполне сносно. Миновали колонну направлявшихся на север лесовозов, водителями которых, как я заметила, были дородные фабриканты одного и того же корневого типа. Но рисовые поля к северу от озера Андонгхо изрезаны открытыми проселками для перевозки леса, так что большую часть дня мы оставались внутри форда, прячась от Глаз-Спут-

ников, часов до пятнадцати.

Переезжая через старый подвесной мост над разъяренной рекой Чувансан, мы выбрались наружу поразмять ноги. Хэ-Чжу извинился за свой мочевой пузырь чистокровного и помочился в деревья, росшие сотней метров ниже. Стоя с другой стороны, я изучала черно-белых попугаев, облепивших уступы вулканической породы, все в пятнах гуано; хлопанье их крыльев и выкрики напомнили мне Бум-Сук Кима и его чиновных приятелей. Вверх по течению ущелье поворачивало в сторону, а ниже Чувансан пролагал себе дорогу через сглаженные холмы, прежде чем исчезнуть под навесом Ульсона для отправления своих канализационных обязанностей. Над мегаполисом висели грозди авиеток: черно-серебристые точки.

Внезапно тросы моста застонали под тяжестью сверкающего чиновного форда. Повстречаться со столь дорогим авто на сельской дороге было крайне подозрительно. Хэ-Чжу забрался в наш форд, чтобы взять свой кольт. Он вылез обратно, держа руку в кармане куртки, и негромко велел мне предоставить ему вести все переговоры и быть готовой укрыться за нашим фордом, если водитель достанет кольт.

Само собой, чиновный форд сбросил скорость и остановился. С водительского сиденья выбрался коренастый мужчина, лоснящийся после визита к лицеправу. Он дружелюбно кивнул:

— Прекрасный нынче денек.

Хэ-Чжу кивнул в ответ, заметив, что денек выдался не слишком душный.

Из пассажирской дверцы выпростала ноги чистокровная женщина, геном которой был сориентирован на сексуальную привлекательность. Плотная пелерина открывала только ее вздернутый нос и чувственные губы. Она облокотилась о перила с другой стороны и, стоя к нам спиной, мрачно закурила мальборо. Ее спутник открыл багажник форда и достал оттуда ящик с отверстиями для доступа воздуха, пригодный для перевозки собаки средних размеров. Он поднял защелки и извлек из него потрясающую, идеально сложенную, но крошечную девушку, ростом около тридцати сантиметров.

Она верещала, охваченная ужасом, и извивалась, пытаясь высвободиться. Когда она заметила нас, бессловесный вопль ее миниатюрного рта стал умоляющим.

Прежде чем мы успели что-либо сделать или сказать, мужчина, ухватив ее за волосы, швыр-

нул через перила моста и проследил за падением. Когда та ударилась о скалы, он причмокнул и хохотнул.

— Дешевое избавление, — с ухмылкой сказал он нам, — от очень дорогого мусора.

Я заставляла себя сохранять молчание и неподвижность: сердце мое разрывали ненависть и ярость. Чувствуя, чего мне это стоит, Хэ-Чжу коснулся моей руки. Я силой направляла свои мысли куда-нибудь в сторону, куда угодно; в памяти у меня невольно всплыла сцена из «Страшного Суда Тимоти Кавендиша», та, где преступник сбрасывает с балкона невинного чистокровного.

Он, полагаю, выбросил живую куклу-фабрикантку.

Да. И чиновному очень хотелось рассказать нам всю историю.

— Во время позапрошлого Секстета куклу Зиззи Хикару должен был иметь каждый. Моя дочь не давала мне ни минуты покоя. Конечно, и моя официальная жена, — он кивнул на женщину, стоявшую на другой стороне моста, — не переставая капала мне на мозги — утром, днем и вечером. «Как, интересно, смотреть мне в глаза соседям, если наша дочь — единственная девочка во всей нашей карусели, у которой нет Зиззи?»

Нет, теми, кто занимается маркетингом этих штучек, просто нельзя не восхищаться. Всего-то игрушка-фабрикантка, даром никому не нужная, но обработай ее геном так, чтобы получился какой-нибудь сверкающий античный идол, и цена взлетит до пятидесяти тысяч, причем безделушка пойдет нарасхват. И это до того, как тебе придется раскошелиться на все прибамбасы, кукольный домик и всякие там аксессуары. Ну так и что я сделал? Купил эту проклятую штуковину, лишь бы заткнуть своих баб! Четыре месяца, и что же происходит? Детишки всё наглеют, и Мерилин Монро сбрасывает с трона несчастную, уже не модную Зиззи!

Он, страдальчески морщась, рассказал нам, что зарегистрированное выключение фабрикантов стоит девятьсот долларов, но — мужчина ткнул большим пальцем поверх перил — случайное падение обходится бесплатно. Так зачем же попусту транжирить доллары?

— Жаль, — он подмигнул Хэ-Чжу, — что развестись не так же легко, а?

— Я все слышу, Толстозадый! — Его жена по-прежнему не снисходила до того, чтобы повернуться к нам лицом. — Надо было вернуть эту куклу агенту и восстановить доллары в своей

Душе. У нашей Зиззи были дефекты. Она даже петь не умела. И меня укусила, проклятая дрянь.

Толстозадый наисладчайшим голосом ответил:

— Не представляю, драгоценная моя, почему это ее не убило.

Жена вяло бормотала непристойности, меж тем как муж обшаривал глазами мое тело, особо задерживаясь на выпяченной по геному груди, и расспрашивал у Хэ-Чжу, отдыхаем ли мы неподалеку от этого уединенного места или просто едем по делу.

— Ок-Кён Пхё, сэр, к вашим услугам.

Хэ-Чжу слегка поклонился и представился как пособник пятого уровня из бухгалтерского представительства «Игл», второстепенного подразделения корпорации.

Любопытство чиновного увяло. По его словам, он был менеджером Гольфового побережья между Пхёнхе и Ёндоком.

— Вы, Пхё, играете в гольф? Нет? Нет?! Гольф, знаете ль, не просто игра, гольф — это двигатель карьеры! — Он стал расписывать дорожку Пэгам, где должны были вот-вот появиться одна или две вакансии, — она, мол, всепогодная, с пятьюдесятью четырьмя лунками, вылизанной зеленью и

такими же озерами, как в знаменитых водных садах Возлюбленного Председателя. Его смешки вызывали у меня тошноту. — Мы перекупили этот участок, чтобы выселить местный нижний слой и присвоить весь водоносный горизонт почвы. Обычно членство там не получить ни за любовь, ни за деньги, если только ты не Смотритель, но вы мне нравитесь, Пхё, так что просто назовите в нашей приемной комиссии мое имя: Смотритель Квон.

Ок-Кён Пхё разразился потоками благодарности.

Польщенный Смотритель Квон принялся рассказывать историю своей чиновной жизни, но его жена швырнула свое мальборо вслед Зиззи Хикару, забралась в форд и надавила на сигнал. Попугаи с зебровыми перьями залпом взмыли в небо. Чиновный с горестной ухмылкой посоветовал Хэ-Чжу заплатить после женитьбы лишние доллары, чтобы получить право зачать сына. Когда он тронулся с места, я молилась Сиддхартхе, чтобы его форд снес барьер и свалился с моста.

Вы сочли его убийцей?

Разумеется. Более того, настолько ограниченным, что сам он этого даже не понимал.

Вот бы и ненавидели тех, кто подобен Смотрителю Квону, а не весь мир.

Не весь мир, Архивист: только Чучхе и корпократическую пирамиду, которые позволяют убивать фабрикантов так бессмысленно и легко.

Когда же вы наконец добрались до Пусана?

В сумерках. Хэ-Чжу показал на экссон-облака, которые проплывали над пусанским нефтеочистительным заводом, меняя цвет с арбузно-розового на угольно-серый.

— Вот мы и приехали, — сказал он.

Мы въехали в Пусан с севера, по фермерской дороге, не оборудованной Глазом. Хэ-Чжу поставил форд в гараж в пригороде Сомхён, и мы на метро добрались до пассажа на площади Чхоллён; там такие же скидки, что и в пассаже, расположенном в саду Вансими. Сама площадь меньше площади Чхонмё-Плаза, но после безмолвной пустынности гор она показалась мне очень оживленной и необычной. Няни-фабрикантки поспевали за своими чиновными подопечными; разгневанные пары стражей порядка преследовали разнеженные пары влюбленных; спонсируемые корпорациями 3-мерки старались затмить все остальные. На пестро раскрашенных задворках более старого пассажа было что-то вроде старин-

ного карнавала, где уличные торговцы продавали разных диковинных тварей размером с ладонь, так называемых «друзей для жизни»: беззубых крокодилов, обезьянок, схожих с цыплятами, китов — подобных тому, в чьем чреве побывал Иона, — заточенных в литровые банки. Хэ-Чжу сказал мне, что эти «домашние любимцы» — старый трюк для надувательства простофиль: все они умирают через сорок восемь часов после того, как их принесут домой. Один циркач зазывал клиентов через мегафон:

— Подивитесь двухголовому Шизоиду! Поглазейте на мадам Матрешку и ее беременный зародыш! У вас перехватит дыхание от ужаса при виде настоящего, живого Мериканца — только не суйте пальцы в его клетку!

Чистокровные моряки со всего Ни-Со-Копроса сидели в барах без передних стен, под внимательными взглядами работников Своднической Корпорации, и флиртовали с полуголыми утешительницами: гималайцы с грубой кожей, китайцы из Ханьданя, бледные и волосатые байкальцы, бородатые узбеки, жилистые алеуты, меднолицые вьетнамцы и тайцы. РекЛ Домов утешения обещали удовлетворить любую греховную причуду, какую только способен измыслить

изголодавшийся чистокровный.

— Если Сеул — это верная супруга Председателя, — сказал Хэ-Чжу, — то Пусан — его бесштанная любовница.

Переулки становились все уже. Смерчики катали бутылки и жестянки, мимо спешили прохожие в капюшонах. Хэ-Чжу провел меня через потайную дверь, и мы поднялись по освещенному лампами туннелю ко входу с опускной решеткой. На окне сбоку была выгравирована надпись: МНОГОКВАРТИРНЫЙ ДОМ КУГДЖЕ. Хэ-Чжу нажал на кнопку звонка. Залаяли собаки, раздвинулись занавески, и в стекло, слюнявя его, уткнулись двое идентичных саблезубых. Я отпрянула. Какая-то небритая женщина оттащила их в сторону и вгляделась в нас. Ее лицо, покрытое драгоценными бородавками, при виде Хэ-Чжу осветилось узнаванием, и она воскликнула:

— Нун-Хель Хан! Прошло почти двенадцать месяцев! Неудивительно, если все эти слухи о твоих драках правдивы, пусть даже наполовину! Ну и как там Филиппины?

У Хэ-Чжу опять изменился голос. Я даже невольно обернулась, настолько грубым, скрежещущим сделался его выговор; убедилась, что рядом со мною по-прежнему был он.

— Тонут, миссис Лим, быстро тонут. Вы еще не передали мою комнату в субаренду, а? Или передали?

Вопрос его прозвучал лишь отчасти шутливо.

— О, у меня надежный дом, не беспокойся! — Она притворилась обиженной, листая бухгалтерскую книгу, но предупредила, что ей потребуется свежее вливание долларов, если его следующее плавание будет таким же долгим, как предыдущее. Откидная решетка поднялась, и она мельком оглядела меня. — Слушай, Нун-Хель, если твоя пушистенькая пробудет здесь больше недели, то плата будет двойной. Таковы правила дома. Нравится это тебе или не нравится, мне все равно.

Моряк Нун-Хель Хан сказал, что я задержусь только на ночь или две.

— Значит, в каждом порту, — осклабилась его домохозяйка. — Значит, это правда.

Она состояла в Союзе?

Нет. Ночлежные хозяйки за доллар продадут собственных матерей, а предательство Союзника принесло бы гораздо большую прибыль. Но, как сказал мне Хэ-Чжу, они также и ставят заслон праздному любопытству посторонних, обеспечивая великолепный камуфляж. Внутри

нам предстал тускло освещенный лестничный колодец, в котором эхом отдавались звуки ссор и 3-мерок. Я наконец-то начинала привыкать к лестницам. На десятом этаже коридор, кишевший жуками-древоточцами, привел нас к обшарпанной двери. Хэ-Чжу извлек из ее петли обломок спички, который сам туда положил, и заметил, что управление подкосила опасная зараза честности.

В его квартирке имелся прокисший матрас, крохотная кухонька, шкаф с одеждой для разных климатов, расплывчатый кодак голых белокожих проституток, оседлавших Нун-Хеля и еще двоих моряков, сувениры из Двенадцати Мегаполисов и менее значительных портов и, разумеется, обрамленный кодак Возлюбленного Председателя. Измазанное помадой мальборо лежало на пивной банке, грозя свалиться. Окно закрывали жалюзи.

Хэ-Чжу принял душ и переоделся. Он сказал, что ему надо присутствовать на собрании ячейки Союза, которое продлится всю ночь, и предупредил, чтобы я держала жалюзи опущенными и не отвечала ни на стук в дверь, ни на вызовы по сони, если только это будет не он сам или не Апис с таким вот паролем: он написал на клочке

бумаги слова «СЕ СЛЕЗЫ ВСЕЛЕННОЙ», а затем сжег клочок в пепельнице. В холодильнике есть небольшой запас Мыла, сказал он, пообещав вернуться утром, вскоре после комчаса.

Наверное, такая выдающаяся уклонистка, как вы, заслуживала гораздо более пышного приема?

Пышные приемы привлекают внимание. Несколько часов я провела за сони, изучая топографию Пусана, потом приняла душ и Мыло. Проснулась поздно, кажется, после шести часов. Хэ-Чжу вернулся изможденным, в руках у него была сумка с острым ттокбукги. Я приготовила ему чашку звездомеси — хоть какая-то польза от тех дней, что провела в качестве прислуги. Он ее с благодарностью выпил, после чего позавтракал.

— Ладно, Сонми, — сказал он, — встань у окна и закрой глаза.

Я повиновалась. Ржавые жалюзи стали подниматься. Хэ-Чжу командовал:

— Не смотри… не смотри… вот, теперь открывай.

Нескончаемое множество залитых солнцем крыш, магистралей, ульев платного утешения, РекЛ, бетона… а дальше, на заднем плане, осадок яркого весеннего неба тонул в темной полосе синевы. Это совершенно меня загипнотизирова-

ло… так же, как раньше было со снегом. Казалось, вся горечь слов «я существую» растворяется там, мирно и безболезненно.

— Океан, — провозгласил Хэ-Чжу.

Вы никогда его прежде не видели?

Только на сони, в 3-мерках Папы Сонга о жизни на острове Экзальтации, а еще — в книге Юны. Но своими собственными глазами, как реальную вещь, — никогда. Мне ужасно хотелось дотронуться до него, пройтись вдоль него, но Хэ-Чжу считал, что самым безопасным будет оставаться при дневном свете в укрытии, пока нас не переквартируют в более отдаленное место. Немного погодя он улегся на матрас и уже через минуту начал похрапывать.

Проходил час за часом; в океане, открывавшемся в прорезях между зданиями, я видела грузовые и военные суда. На окрестных крышах домохозяйки нижнего слоя проветривали изношенное белье. Позже погода сделалась пасмурной, и бронированным авиеткам приходилось сновать меж низких облаков. Я стала заниматься. Пошел дождь. Хэ-Чжу, не просыпаясь, перекатился на другой бок, невнятно пробормотал: «Нет, просто друг одного друга», — и снова умолк. Изо рта у него, увлажняя подушку, стекала слюна. Я ду-

мала о профессоре Мефи. На последнем нашем семинаре он говорил о своем отдалении от семьи и признался, что моей учебе уделяет больше времени, чем образованию собственной дочери. Теперь он был мертв — из-за своей веры в Союз. Я чувствовала благодарность, вину — и что-то еще, чего не могла определить.

Хэ-Чжу проснулся после полудня, принял душ и заварил женьшеневый чай. Архивист, я так завидую вам, чистокровным, из-за вашей разнообразной кухни! Это как радуга… До вознесения Мыло казалось мне самой восхитительной субстанцией, какую только можно вообразить, но теперь его вкус сделался пресным и скучным. Однако стоит мне только попробовать пищу чистокровных, как меня начинает тошнить, а позже одолевает рвота. Хэ-Чжу опустил жалюзи.

— Пора выходить на связь, — сказал он мне.

Подцепив кодак Возлюбленного Председателя, Хэ-Чжу вынул его из рамки и лицом вниз положил на низкий столик, после чего подключил свой сони к разъему, скрытому в рамке.

Незаконный приемопередатчик, спрятанный под кодаком архитектора Ни-Со-Копроса?

Священное, Архивист, — это прекрасное укрытие для кощунственного. Ярко высветилась 3-

мерка некоего старика; он выглядел как задешево излеченная жертва пожара. Когда он заговорил, движения его губ не вполне согласовывались с произносимыми словами. Он поздравил меня с благополучным прибытием в Пусан и спросил, у кого лицо приятнее — у него или у карпа.

Я ответила честно: у карпа.

Ан-Кор Апис рассмеялся и тут же закашлялся.

— Таково мое истинное лицо, что бы это ни означало.

Эта болезненная внешность подходит ему как нельзя лучше, сказал он, потому что случайные принудители опасаются, как бы он не оказался заразным. Он спросил, как мне понравилось путешествие по нашей возлюбленной отчизне.

Я ответила, что Хэ-Чжу Им очень хорошо за мной приглядывал.

Генерал Апис спросил, понимаю ли я, какую роль Союз хочет отвести мне в своей борьбе за вознесение фабрикантов и обращение их в граждан. Да, начала я, но возможности сообщить о своих колебаниях он мне не предоставил.

— Прежде чем вы примете решение, мы, Сонми, хотим подвергнуть вас… э-э… зрелищу, эксперименту, формирующему мировоззрение, здесь, в Пусане. — Он предупредил, что это будет

неприятно, но совершенно необходимо. — Чтобы позволить вам принять осведомленное решение относительно вашего будущего. Если вы согласны, то командир Им может сопроводить вас туда прямо сейчас.

Довольная, что выиграю еще сколько-то времени, я сказала, что непременно пойду.

— Тогда мы поговорим снова, очень скоро, — пообещал Апис, отключая свой образник.

Хэ-Чжу достал из своего шкафа пару технических комбинезонов и две полумаски. Мы их надели, а потом, ради домохозяйки, закутались в накидки. Снаружи было не по сезону холодно, и я была рада двойному слою одежды. На метро мы добрались до терминала порта, где на транспортере спустились к стоянкам судов у береговой линии, минуя огромные океанские суда. Ночное море лоснилось чернотой, и корабли были столь же суровы, но одно ярко освещенное судно пульсировало золотыми арками и походило на подводный дворец. Я видела его раньше, в прошлой жизни.

— Золотой Ковчег Папы Сонга! — воскликнула я и рассказала Хэ-Чжу о том, что он и без того знал, — что это судно отвозит Двенадцатизвездочных через океан на восток, к острову

Экзальтации.

Хэ-Чжу подтвердил, что Золотой Ковчег Папы Сонга и был местом нашего назначения.

Охрана у сходней была минимальной: один чистокровный с затуманенными глазами, задрав ноги на стол, смотрел по 3-мерке, как фабриканты-гладиаторы убивают друг друга в Шанхайском Колизее.

— Так, вы кто?

Хэ-Чжу мигнул своей Душой.

— Техник пятого слоя — Ман-Сик Кан.

Он сверился со своим ручным сони и доложил, что нас прислали для перекалибровки вышедших из строя термостатов на седьмой палубе.

— На седьмой? — Охранник странно ухмыльнулся. — Надеюсь, вы ели не только что. — Подтвердив заказ на производство работ, он посмотрел на меня. Я уставилась в пол. — Кто эта чемпионка по разговорчивости, техник Кан?

— Моя новая пособница. Техническая пособница Ю.

— Вот как? И что же, сегодня ваш девственный визит в нашу обитель наслаждений?

Я кивнула — мол, да, я здесь впервые.

Охранник сказал, что с первым разом не сравнится никакой другой. Лениво качнув ногой, он

дал нам понять, что мы можем проходить.

Пробраться на корабль корпорации оказалось так просто?

Дело, Архивист, в том, что Золотой Ковчег Папы Сонга не особо притягивает к себе безбилетников. Команда, Пособники и разнообразные техники суетились на главных сходнях, слишком занятые своим делом, чтобы обращать на нас внимание. Проходы со служебной стороны были пусты, так что мы спустились в недра Ковчега, никого не встретив. Наши найки клацали по металлическим ступенькам. Стучал гигантский мотор. Мне почудилось было пение, но я решила, что это, должно быть, обман слуха. Хэ-Чжу сверился с планом палубы, открыл запор люка и, как я помню, помедлил перед ним, как бы для того, чтобы сказать мне о чем-то. Однако передумал, пролез в него, подал мне руку и, когда мы оба оказались внутри, закрыл за нами запор.

Я обнаружила себя стоящей на четвереньках на висячей дорожке под самой крышей просторного помещения. Дальний конец дорожки скрывался в створках люка. Встать на ней в полный рост было невозможно, но сквозь решетчатый пол я видела около двухсот Двенадцатизвездных прислуг Папы Сонга, выстроившихся в загончике перед

турникетами, которые проворачивались в одном направлении — вперед. Там были Юны, Хуа-Сун, Ма-Да-Лью, Сонми и еще несколько более старых корневых типов, которые не привлекались для работы в ресторане Чхонмё-Плаза, и на всех была знакомая униформа, золотистая с алым. Это было похоже на сказку — увидеть своих бывших сестер вне купола Папы Сонга. Они распевали Псалом Папы Сонга, снова и снова, и фоновая гидравлика приглушала его отвратительную мелодию. Но какими ликующими были их голоса! Их Инвестиции были выплачены. Им предстоял вояж на Гавайи, и вскоре должна была начаться их новая жизнь на Экзальтации.

Вы говорите так, словно до сих пор им завидуете.

Наблюдая за ними с висячей дорожки, я завидовала их уверенности в будущем.

Примерно раз в пятьдесят секунд Пособник во главе очереди приглашал очередную прислугу под золотые арки, и все сестры рукоплескали ей вслед. Счастливая Двенадцатизвездочная махала своим подругам, затем проходила через арку, чтобы ее провели в роскошную каюту, какие все мы видели по 3-мерке. Турникеты проворачивались, и все фабрикантки делали по шагу вперед, запол-

няя образовавшийся пробел. Мы несколько раз пронаблюдали за этим процессом, затем Хэ-Чжу слегка постучал меня по ноге и подал знак ползти по дорожке дальше, через люк, в следующее помещение.

Вам не грозило быть увиденными?

Нет. Яркие опускные лампы были подвешены ниже нашей дорожки, так что с пола загона — несколькими метрами ниже, — где стоял такой шум, мы были невидимы. Следующее помещение на деле оказалось маленькой комнатой, не больше этой вот камеры. Пение и грохот стихли; тишина там внушала суеверный ужас. На помосте стоял пластиковый стул; над ним свисал прикрепленный к потолочному монорельсу громоздкий механизм со шлемом. Улыбающиеся Пособники, одетые в алые цвета Папы Сонга, провели прислугу к стулу. Один из прислужников объяснил, что шлем удалит ее ошейник, как на протяжении многих лет обещалось Десятым Катехизисом.

— Благодарю вас, Пособник, — пролепетала взволнованная прислуга. — О, благодарю вас!

Шлем приладили на голову и шею Сонми. Именно в этот момент я заметила несообразное количество дверей, ведущих в камеру. Вывод

заставил меня похолодеть.

В каком смысле «несообразное»?

Дверь была всего одна: вход из загона. Как же вышли оттуда все предыдущие служительницы? Резкое клацанье, раздавшееся из шлема, снова привлекло мое внимание к помосту, находившемуся прямо подо мной. Прислуга неестественно обмякла, ее глазные яблоки закатились, а потом напрягся опутанный кабелем шнур, соединявший шлем с монорельсом. К моему ужасу, шлем стал подниматься, прислуга выпрямилась на стуле, затем ее ноги оторвались от пола, и она повисла в воздухе. Ее корпус немного потрясся, словно бы в танце, а улыбка предвкушения, замороженная смертью, натянулась, когда кожа лица приняла на себя часть нагрузки. Между тем внизу один рабочий дренажным шлангом собрал со стула пролитую кровь, а другой вытер его начисто. Шлем на монорельсе, параллельный нашей подвесной дорожке, перенес свой груз и, пройдя через люк, исчез в следующем помещении. Новый шлем опустился над пластиковым стулом, куда трое Пособников уже усаживали очередную взволнованную прислугу.

Хэ-Чжу прошептал мне на ухо:

— Этих, Сонми, ты спасти не можешь. Они были

обречены, как только взошли на борт.

Он был почти прав; на самом деле они были обречены еще в маточных цистернах.

Очередной шлем с клацаньем вдвинул свой болт куда следовало. Эта прислуга была Юной. Понимаете, у меня нет слов, чтобы описать тогдашние свои чувства. Тот ужас вообще непередаваем и невообразим, его можно только пережить. Наконец мне удалось повиноваться Хэ-Чжу, проползти по подвесной дорожке и через звуковую завесу пролезть в следующее помещение. Здесь шлемы доставляли мертвые тела в огромный сводчатый зал, залитый фиолетовым светом; он, должно быть, занимал четверть всего объема Ковчега. Когда мы оказались там, цельсий резко упал, а от рева механизмов у нас едва ли не лопались барабанные перепонки.

Под нами проходила производственная линия скотобойни, укомплектованная рабочими, которые орудовали ножницами, ножовками и самыми разными инструментами для резки, обдирания и перемалывания. Рабочие — правильнее назвать их мясниками — с ног до головы были пропитаны кровью, словно зловещие видения преисподней. Эти дьяволы разрезали ошейники, срывали одежду, сбривали под ко-

рень волосы, сдирали кожу, отсекали руки и ноги, слоями срезали мясо, вынимали органы… дренажные шланги втягивали кровь… Шум, как вы, Архивист, можете себе представить, был оглушительным.

Но… зачем бы… что могло быть целью такой… бойни?

Экономика корпократии. Геномная индустрия требует огромных объемов разжиженной биомассы — для маточных цистерн, но главным образом для производства Мыла. Что может дешевле обеспечить поставки этого белка, чем переработка фабрикантов, которые достигли окончания своих рабочих жизней? Кроме того, избытки «восстановленного протеина» используются для производства пищевых продуктов Папы Сонга, которые потребители едят в ресторациях по всему Ни-Со-Копросу. Это идеальный пищевой цикл.

То, что вы описываете, Сонми-451, лежит за пределами… постижимого. Убийство фабрикантов для снабжения ресторациий едой и Мылом… нет. Это обвинение нелепо… нет, оно бессовестно, нет, оно кощунственно! Как Архивист я не могу отрицать, что вы видели то, что, как

считаете, видели, но как потребитель корпократии я вынужден сказать: все, что вы видели, наверняка, наверняка было… постановкой Союза, устроенной ради вас. Такой… «корабль-бойня» не мог существовать, этого никто не позволил бы. Возлюбленный Председатель не допустил бы этого! Чучхе ионизировало бы весь чиновный слой Папы Сонга в Доме Света! Если бы фабриканты не вознаграждались за свой труд в пенсионных общинах, то вся пирамида была бы… подлейшим предательством.

Бизнес есть бизнес.

По… почему же это не всплыло на вашем суде?

Вынуждена повториться, Архивист: суда как такового не было. Имел место один только акт воздействия на общественное мнение.

Да, но то, что вы утверждаете… чудовищно! Вы описали не «бизнес», но… поставленное на поток зло!

Согласна, но то, что чудовищно, не обязательно является невозможным. Вы просто недооцениваете способность человечества проводить подобное зло в жизнь. Поразмыслите. Вы видели их по 3-мерке, но приходилось ли вам лично посещать какое-нибудь поселение, где живут

фабриканты, окончившие службу? Ваше молчание я понимаю как «нет». А знаете кого-нибудь, кто лично посещал бы одно из таких поселений? Тоже нет. Тогда куда деваются фабриканты после отставки? Не только прислуги, но и сотни тысяч других фабрикантов, у которых ежегодно истекает срок эксплуатации? К нынешнему времени должны были бы возникнуть целые мегаполисы, заселенные ими. Но где эти мегаполисы?

А как насчет 3-мерок Гавайев? Вы же сами видели их в ресторации Папы Сонга под площадью Чхонмё-Плаза. Это ли не доказательство?

Экзальтация — это сгенерированная с помощью сони фальшивка; ее состряпали в Новом Эдо. В реальном Гавайском архипелаге такого острова нет. Знаете, в последние мои недели у Папы Сонга мне казалось, что сцены жизни на Экзальтации повторяют сами себя. Одна и та же Хуа-Сун бежит по одной и той же песчаной тропинке к одной и той же лагуне, безводной при отливах. Мои невознесенные сестры этого не замечали, да и я в то время себе не доверяла; но вот теперь получила этому объяснение.

Нет, я не могу этого принять… не вижу, каким образом преступления такого масштаба могли

бы укорениться в нашем цивилизованном государстве. Даже у фабрикантов есть тщательно прописанные права, гарантируемые Председателем! Ни-Со-Копрос основан на справедливой коммерции.

И закон, и права постепенно выхолащиваются — ведь даже гранит подвержен эрозии. Пятая из моих «Деклараций» указывает, как извращается закон. Это цикл столь же древний, как племенная рознь. Начинается он с невежества относительно Других. Невежество порождает страх. Страх порождает ненависть, а ненависть порождает насилие. Насилие подпитывает дальнейшее насилие, пока единственным законом не станет все, чего только ни пожелает самый сильный. В корпократии это Чучхе. Чего желает Чучхе? Создания, подчинения и аккуратного уничтожения фабрикантов.

Ваше свидетельство, несмотря на мои протесты, должно быть сохранено в том виде, в каком вы его даете. Я… э-э… мы должны идти дальше… Как долго вы наблюдали за описываемой вами бойней?

Точно сказать не могу. Может быть, десять минут, а может, и час. Помню, как Хэ-Чжу молча вел меня через пищевой блок. Чистокровные играли

в карты, ели лапшу, курили, посылали сообщения, шутили, занятые повседневной жизнью. Как могли они, зная о том, что творится на нижней палубе, так… невозмутимо там посиживать, словно на их судне обрабатывались не фабрикантки, а сардины? Почему не вопила их совесть, требуя положить конец этой бойне? Бородатый охранник, подмигнув мне, сказал:

— Поскорее возвращайся, милашка.

В поезде метро, направляясь обратно в ночлежку, я среди раскачивающихся пассажиров видела мертвые тела на монорельсе. Поднимаясь по лестнице, я видела, как поднимаются они над камерой казни. Войдя в свою комнату, Хэ-Чжу не стал включать соляр; он лишь приподнял на несколько дюймов жалюзи, чтобы огни Пусана разбавили темноту, и налил себе стакан соджу. Покинув плавучую бойню, мы с ним не обменялись ни словом.

Я единственная из всех своих сестер видела истинную Экзальтацию и оставалась в живых.

Наш половой акт был безрадостным, непривлекательным и неизбежно импровизированным, но он был актом жизни. Звезды пота на спине Хэ-Чжу были его даром мне, и я собрала их своим языком.

Затем молодой человек нервно закурил мальборо и в тишине с любопытством стал разглядывать мое родимое пятно. Уснул он на моей руке, придавив ее. Будить его я не хотела; боль превратилась в онемение, онемение — в булавки и иголки; наконец я изогнулась и выскользнула из-под него. Накинула на Хэ-Чжу одеяло — ведь чистокровные могут простудиться невесть отчего в любую погоду. Город готовился к отбою. Расплывчатое его сияние меркло по мере того, как выключались РекЛ и огни. К этому времени последняя прислуга из последней очереди уже должна была умереть. Производственная линия бойни стала, должно быть, чистой и беззвучной. Мясники, если они были фабрикантами, уже находились в своих дортуарах, если же чистокровными, то пребывали дома, в кругу семьи. Завтра Золотой Ковчег поплывет в другой порт, где переработка фабрикантов начнется сызнова.

В ноль часов я приняла Мыло и залезла под одеяло к Хэ-Чжу, согреваясь его телом, живым и юным, несмотря на весь ужас, свидетелями которого мы стали. Этот ужас и заставил нас заглушить воспоминания о плавучей бойне — тем способом, что свойствен мужчине и женщине.

А вы не испытывали злости к нему и Апису из-за

того, что они продемонстрировали вам творящееся на Золотом Ковчеге, не позаботившись адекватно подготовить вас к невероятному шоку?

Нет. Какие слова могли бы они употребить?

Утро принесло с собой жаркую влажную дымку. Хэ-Чжу принял душ, затем поглотил огромную чашу риса, маринованную капусту, яйца и суп из морских водорослей. Я помыла посуду. Мой чистокровный любовник сидел за столом напротив меня.

Я заговорила — впервые с того момента, как мы оказались над линией извлечения протеина.

— Этот корабль должен быть разрушен. Все корабли-бойни в Ни-Со-Копросе, подобные ему, должны быть потоплены.

Хэ-Чжу согласился.

— Верфи, на которых они строятся, должны быть уничтожены. Системы, которые их обслуживают, должны быть ликвидированы. Законы, которые позволяют существование таких систем, должны быть отменены.

Хэ-Чжу согласился.

— Все потребители, чиновные и Советники в Ни-Со-Копросе должны понять, что фабриканты являются чистокровными — что чистокровны-

ми являются все, независимо от того, в матке они произросли или в маточной цистерне. Если убеждение не сработает, то вознесенные фабриканты должны сражаться вместе с Союзом для достижения этой цели, прибегая к любой необходимой силе.

Хэ-Чжу согласился.

— Вознесенным фабрикантам необходим Катехизис, чтобы определить их права, обуздать их гнев и направить их энергию в нужное русло. Я — та, кто составит эту декларацию прав. Станет ли… сможет ли Союз распространять такой Катехизис?

— Это именно то, чего мы ждем, — сказал Хэ-Чжу.

Многие свидетели-эксперты на вашем процессе отрицали, что «Декларации» могут быть произведением фабрикантки, вознесена она или нет, и заявляли, что в действительности они написаны анонимом из Союза или из числа чистокровных Аболиционистов.

Только леность ума заставляет «экспертов» отрицать то, чего они не в силах понять!

Я, одна только я, более трех недель писала «Декларации» в Ульсукто-Чо, за Пусаном, на уединенной чиновной вилле с видом на дельту

Наклона. Во время их сочинения моими консультантами были судья, геномист, специалист по синтаксису и генерал Ан-Кор Апис, но Вознесенные Катехизисы «Деклараций», их логика и этика, провозглашенные на моем процессе «самым отвратительным злодеянием в анналах социального отступничества», являются плодами моего, Архивист, разума и вскормлены теми событиями, о которых я рассказывала вам нынешним утром. Никто другой не прожил этой жизни. Мои «Декларации» зародились, когда Смотритель Ли калечил Юну-939, они были вскормлены Бум-Суком и Фаном, укреплены попечительством Мефи и Настоятельницы, произведены на свет на корабле-бойне Папы Сонга.

И вы были схвачены вскоре после завершения своего текста?

В тот же день. Поскольку моя функция была выполнена, оставлять меня на свободе было опасно. Мой арест был драматизирован для Масс-медиа. Я вручила Хэ-Чжу свои «Декларации» на сони. Мы в последний раз посмотрели друг на друга; ничто так не красноречиво, как молчание. Я знала, что больше мы никогда не встретимся, и он, возможно, знал, что я это знала.

На краю той усадьбы, несмотря на загрязнение,

живет небольшой выводок диких уток. Геномы с отклонениями дают им приспособляемость, которой недостает их чистокровным предкам. Полагаю, я чувствовала родство с ними. Покормила их хлебом, посмотрела, как перепончатые лапы заставляют покрываться рябью хромированно-яркую поверхность воды, потом вернулась в дом, чтобы наблюдать за представлением изнутри. Единодушие не заставило себя долго ждать.

Шесть авиеток крадучись прошлись над водой, одна приземлилась в саду. Выпрыгнув из нее, принудители зарядили кольты и с показной храбростью поползли по-пластунски к моему окну, подавая друг другу руками множество разных знаков. И двери и окна я оставила для них открытыми, но те, что пришли меня арестовывать, разыграли зрелищную осаду со снайперами, мегафонами и взрывающейся стеной.

Вы, Сонми, хотите сказать, что ожидали этого налета?

Поскольку я закончила свой манифест, то следующей сценой мог быть только мой арест.

Что вы имеете в виду? «Следующей сценой» чего?

Театральной постановки, подготовленной еще

в то время, когда я была прислугой у Папы Сонга.

Погодите, погодите. А как насчет… всего? Вы хотите сказать, что все ваше свидетельство состоит из… событий, произошедших по некоему сценарию?

Да, если говорить о ключевых событиях. Некоторые актеры действовали непреднамеренно, скажем, Бум-Сук или Настоятельница, но все основные персонажи были провокаторами. Хэ-Чжу Им и Советник Мефи — безусловно. Разве вы не заметили тоненьких трещин в сюжете?

Например?

Вин-027 был вознесен так же стабильно, как и я: была ли я на самом деле так уникальна? Как вы сами заметили, разве стал бы Союз по-настоящему рисковать своим секретным оружием, отправляя его в марш-бросок через всю Корею? Разве убийство фабрикантки Зиззи Хикару Смотрителем Квоном на подвесном мосту не подчеркивало жестокость чистокровных слишком уж явно? Разве не было оно слишком уж своевременным?

Но как насчет Си-Ли, того молодого чистокровного, что был убит в ночь вашего побега из Тэмосана? Ведь его кровь не была… томатным кетчупом!

Нет, конечно. Этот несчастный идеалист был статистом, им пожертвовали ради создания диснея Единодушия.

Но… Союз? Вы что, утверждаете, что даже Союз был измышлен ради вашего сценария?

Нет. Союз существовал до меня и будет существовать дальше, но смысл его существования отнюдь не в разжигании революции. Во-первых, он привлекает недовольных общественным устройством, таких как Си-Ли, и держит их там, где Единодушие может за ними наблюдать. Во-вторых, он обеспечивает Ни-Со-Копрос врагом, требующимся любому иерархическому государству для социальной сплоченности.

Не могу понять, зачем Единодушию идти на такие затраты и сталкиваться с такими проблемами, чтобы поставить эту фальшивую… приключенческую историю.

Чтобы запустить показательный процесс, Архивист! Чтобы заставить всех до единого чистокровных в Ни-Со-Копросе не доверять всем до единого фабрикантам. Чтобы подтолкнуть нижний слой к согласию с новым Актом об Уничтожении Фабрикантов, подготовленным Чучхе. Чтобы дискредитировать Аболиционизм. Как ви-

дите, весь заговор имел оглушительный успех.

Но если вы знали об этом… заговоре, почему вы с ним сотрудничали? Почему вы позволили Хэ-Чжу Иму так близко к вам подобраться?

А почему все мученики сотрудничают со своими иудами?

Скажите мне.

Мы видим игру, которая развернется по окончании игры.

Какова же ваша игра?

«Декларации», Архивист. Масс-медиа затопила Ни-Со-Копрос моими Катехизисами. Теперь каждый школьник в корпократии знает двенадцать моих «кощунств». Мои охранники сообщили мне, что поговаривают даже об общегосударственном «Дне Бдительности» против фабрикантов, выказывающих признаки согласия с «Декларациями». Мои идеи уже воспроизведены миллиардократно.

Но к чему это приведет? К какой-нибудь… будущей революции? Она никогда не добьется успеха.

Для Корпократии, для Единодушия, для вашего министерства, для Чучхе и для Председателя я процитирую предостережение, с которым Сенека

обратился к Нерону:[168] «Не важно, сколь многих из нас ты убьешь, ты никогда не сможешь убить своего преемника».

Два коротеньких вопроса напоследок. Вы сожалеете о том, как сложилась ваша жизнь?

Как я могу сожалеть? Сожаление подразумевает свободно выбранное, но ошибочное действие; в моем же случае свобода воли никакой роли не играет.

Вы любили Хэ-Чжу Има?

Скажите Председателю Нарциссизма, что по этому вопросу ему придется проконсультироваться с будущими историками. Мое повествование окончено. Выключайте свой серебряный оризон, Архивист. Через два часа принудители отведут меня в Дом Света. Заявляю о последней своей просьбе.

Хорошо… назовите ее.

Ваш сони и коды доступа.

Что вы хотите загрузить?

---

[168] Примечания: 168

…Сенека обратился к Нерону… — Сенека (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский писатель, политический деятель, философ-стоик, воспитатель императора Нерона (37–68); обвиненный в заговоре, по его приказу покончил с собой.

Один дисней, который начала смотреть, когда на протяжении одного-единственного часа во всей моей жизни знала счастье.

Страшный Суд Тимоти Кавендиша

— Мистер Кавендиш? Вы не спите?

Лакричная змейка на кремовом поле, извиваясь, вплывает в фокус. Номер пять. Пятое ноября. Почему так болит мой верный болт? Шутка, да? О боже, в него всажена какая-то трубка! Я пытаюсь освободиться, но мои мышцы не обращают на меня внимания. Бутыль, что вверху, питает трубку. Трубка питает иглу, всаженную мне в руку. Игла питает меня. Жесткое женское лицо в обрамлении длинных волос с загнутыми внутрь кончиками.

— Вот-вот. Повезло же вам, что вы были здесь, когда у вас случился удар, мистер Кавендиш. Очень повезло, правда. Если бы мы только позволили вам бродить по пустошам, вы бы сейчас уже умерли в какой-нибудь канаве!

Кавендиш, знакомое имя, Кавендиш, кто такой этот Кавендиш? Где я? Я пытаюсь спросить у нее, но могу лишь повизгивать, словно кролик

Питер,[169] сброшенный со шпиля кафедрального собора в Солсбери. Темнота заключает меня в свои объятия. Слава богу.

Номер шесть. Шестое ноября. Здесь я уже просыпался. Картинка, изображающая коттедж с крытой соломой крышей. Текст на корнуэльском или друидском. Трубка из болта исчезла. Чем-то воняет. Интересно, чем? Икры мои подняты, и афедрон мой проворно подтирают какой-то мокрой холодной тряпкой. Экскременты, фекалии, избытки, комки, пятна… бе-е. Я что, сел на тубу с этой дрянью? О. Нет. Как я до этого докатился? Я пытаюсь избавиться от мокрой тряпки, но мое тельце только подрагивает. Истощенный автомат смотрит мне в глаза. Это она. Брошенная любовница? Она страдает от недостатка витаминов. Ей надо есть больше фруктов и овощей, у нее воняет изо рта. Но она, по крайней мере, способна управлять своей моторикой. По крайней мере, она может ходить в уборную. Сон, сон, сон, приди и освободи меня.

---

[169] Примечания: 169

Кролик Питер — герой детских книг американской писательницы и художницы Беатрикс Поттер (1866–1943); первая книга цикла — «История кролика Питера» — вышла в 1902 г.

«Память, говори».[170] Нет, ни единого слова. Моя шея шевелится. Аллилуйя. Тимоти Лэнгленд Кавендиш может отдавать приказы своей шее, и к нему вернулось его имя. Седьмое ноября. Я вспоминаю вчера и вижу завтра. Время — это не стрела, не бумеранг, но гармошка. Чувствую пролежни. Сколько дней я здесь пролежал? Мимо. Сколько лет Тиму Кавендишу? Пятьдесят? Семьдесят? Сто? Как ты можешь не помнить своего возраста?

— Мистер Кавендиш?

Чье-то лицо поднимается к мутной поверхности.

— Урсула?

Женщина всматривается.

— Урсула была вашей супругой, мистер Кавендиш? — (Не доверяй ей.) — Нет, это я, миссис Джадд. У вас был удар, мистер Кавендиш. Вы понимаете? Микроинсульт.

«Когда это случилось?» — пытаюсь я спросить. Получается:

— Агд-т-суучсь.

Она мурлычет:

— Вот почему все как бы наизнанку. Но не тре-

---

[170] Примечания: 170

«Память, говори» (1966) — книга воспоминаний Владимира Набокова, переработанный англоязычный вариант «Других берегов» (1954).

вожьтесь, доктор Кверхен говорит, что мы делаем большие успехи. Никаких ужасных больниц нам не потребуется!

Удар? Ударный? Ударить меня? У Марго Рокер был удар. Марго Рокер?

Кто вы такие, люди? «Память, ты старая сука».

Три зарисовки, помещенные выше, предназначены для тех счастливых читателей, чья психика никогда не раздроблялась вдребезги лопающимися в их мозгу капиллярами. Восстановление Тимоти Кавендиша из этих осколков было подобно толстовскому редактированию своих текстов — даже для того, кому некогда удалось ужать девятитомную «Историю гигиены полости рта на острове Уайт» до всего-то семисот страниц. Воспоминания отказывались вставать на место — или же вставали, но не склеивались с остальными. Даже спустя несколько месяцев откуда мне было знать, не осталась ли значительная часть меня безвозвратно утерянной?

Удар мой был относительно легким, это правда, но последовавший за ним месяц был самым мучительным в моей жизни. Говорил я спазматически. Руки были мертвы. Невозможно было подтереть собственную задницу. Разум блуждал в тумане, однако осознавал свою беспомощность

и стыдился этого. Я не мог заставить себя задать доктору, сестре Нокс или миссис Джадд простые вопросы: «Кто вы?»; «Мы с вами знакомы?»; «Куда я отсюда попаду?» Вместо этого я постоянно просил позвать миссис Лэтем.

Баста! Кавендиша послали в нокдаун, но отнюдь не в нокаут. Когда по «Страшному Суду Тимоти Кавендиша» будут ставить фильм, то советую тебе, глубокоуважаемый режиссер (которого я рисую себе энергичным шведом в свитере с высоким воротником, по имени Ларс), передать этот ноябрь монтажом типа «тренировка боксера перед ответственным боем». Мужественный Кавендиш, безропотно принимающий инъекцию за инъекцией. Любопытный Кавендиш, заново открывающий для себя язык. Одичалый Кавендиш, вновь приручаемый доктором Кверхеном и сестрой Нокс. Усердный Кавендиш, бредущий на ходунках. (Постепенно я перешел на трость, которой пользуюсь и по сей день. Вероника сказала, что она придает мне вид Ллойда Джорджа.) Кавендиш, подобно Карлу Сагану,[171] летящий

[171] Примечания: 171

…подобно Карлу Сагану, летящий на одуванчиковом семени. — В серии телепередач «Космос» (1980) знаменитый американский астроном Карл Саган (1934–1996) изображался пилотирующим космический корабль в форме семени одуванчика.

на одуванчиковом семени. Пребывая под анестезией амнезии, Кавендиш, можно сказать, был достаточно доволен жизнью.

Потом, Ларс, должен последовать зловещий аккорд.

Только что начались «Шестичасовые новости» первого декабря (перед этим был показан календарь Рождественского поста и всех церковных праздников на месяц). Я сам себя кормил банановым пюре со сгущенным молоком, и при этом ничего не ронял себе на слюнявчик. Мимо прошла сестра Нокс, и все мои собратья-сумасшедшие примолкли, словно певчие птички в тени ястреба.

Нежданно-негаданно пояс целомудрия, сковывавший мою память, был расстегнут и снят.

Пожалуй, я предпочел бы, чтобы этого не случилось. Мои «друзья» по «Дому Авроры» были слабоумными мужланами, которые с ошеломляющей бессмысленностью жульничали при игре в «эрудит» и относились ко мне хорошо только потому, что в Стране Умирающих самый Ослаб-

ленный является их общей линией Мажино,[172] ограждающей от Непобедимого Фюрера. Мой мстительный брат продержал меня в заточении целый месяц, из чего с очевидностью следовало, что никакого розыска в масштабе всей страны не велось. Побег мне придется осуществлять собственными силами, но как оторваться от этого мутанта-землекопа, Уизерса, если на то, чтобы пробежать пятьдесят ярдов, требуются четверть часа? Как перехитрить Нокс из Черной лагуны,[173] если я не могу вспомнить даже своего почтового индекса?

О, ужас, ужас. Банановое пюре застряло у меня в горле.

Мои чувства снова взошли на престол, и я наблюдал за всеми декабрьскими ритуалами человека, природы и животных. В первую неделю декабря пруд покрылся льдом, по которому

---

[172] Примечания: 172

…линией Мажино, ограждающей от Непобедимого Фюрера. — Считавшаяся неприступной линия французских укреплений на границе с Германией, длиной 400 км; строилась в 1929–1934 гг., совершенствовалась до 1940 г., названа по имени военного министра генерала Андре Мажино (1877–1932). В 1940 г. немецкие войска через Бельгию вышли в тыл линии Мажино, и французские гарнизоны были вынуждены капитулировать.

[173] Примечания: 173

Как перехитрить Нокс из Черной лагуны… — Аллюзия на фантастический фильм Джека Арнольда «Чудовище из Черной лагуны» (1954).

с отвращением стали кататься утки. «Дом Авроры» по утрам замерзал, а к вечеру изнемогал от жары. Бесполая работница обслуги, которую, что неудивительно, звали Дейдра, развешивала на электропроводке фольговую мишуру, но током ее так и не убило. Появилось пластиковое дерево в обернутом крепом ведерке. Гвендолин Бендинкс организовала соревнования по перетягиванию бумажной цепочки, в которых с охотой приняли участие все Неумершие, причем обе команды не осознавали иронии этого образа. Неумершие шумно провозглашали себя первооткрывателями Рождественского календаря, это было привилегией, дарованной им Бендинкс, — так королева раздает милостыню на страстной неделе:

— Слушайте все: миссис Биркин нашла нахального снеговика, разве это не поразительно?

Нишей выживания для нее и Уорлока-Уильямса было служение сестре Нокс в качестве овчарок. Мне вспоминались «Утонувшие и спасенные» Примо Леви.[174]

Доктор Кверхен был одним из тех Высокомер-

---

[174] Примечания: 174

Мне вспоминались «Утонувшие и спасенные» Примо Леви. — Примо Леви (1919–1987) — итальянский писатель, поэт и публицист, химик по образованию, в 1944 г. был заключен в Аушвиц, в 1947 г. выпустил основанную на своем лагерном опыте книгу «Человек ли это?»; этой же теме посвящена его последняя книга «Утонувшие и спасенные» (1986).

ных Ослов, удостоенных академических наград, каких можно встретить в образовательных, правовых или медицинских учреждениях. Он появлялся в «Доме Авроры» дважды в неделю, а если, будучи пятидесяти пяти или около того лет, в карьере своей так и не нашел подтверждения пророчеству, что заключалось в его фамилии, виной тому были мы, проклятые препятствия на пути всех Эмиссаров Здравоохранения — больные. Я отверг возможность привлечь его в союзники, стоило мне только его увидеть. Не годились на эту роль ни приходящие подтиральщицы, ни мойщицы, ни стряпухи — ведь, пренебрегая одной из своих обязанностей, всем им пришлось бы рисковать своим высоким общественным положением.

Нет, в «Доме Авроры» я застрял основательно. Часы без стрелок. «Свобода!» — это бессмысленная побрякушка нашей цивилизации, но только те, кто ее лишен, имеют хотя бы малейшее представление о том, что такое на деле эта штуковина.

За несколько дней до Дня Рождения нашего Спасителя к нам на микроавтобусе приехали детки из частной школы, чтобы петь рождественские гимны. Неумершие пели вместе с ними,

путая слова и гремя костями, и этот гам вывел меня из себя, он даже не был смешным. Я ковылял по «Дому Авроры» в поисках своей утраченной энергии, и каждые полчаса мне требовалось отлить. (Всем прекрасно известны Органы Венеры, но, Братья, Органом Сатурна является Мочевой Пузырь.) По пятам за мной следовали неясные сомнения. Почему Денхольм платил моим тюремщикам свои последние драгоценные копейки? Может, Жоржетта, из-за слабоумия своего утратившая бдительность, рассказала моему братцу о кратком съезде с шоссе супружеской верности, случившемся так много лет назад? Может, эта ловушка была местью рогоносца?

Мать часто говорила, что побег никогда не простирается дальше очередной книги. В общем-то, мамочка, это не так. Твои любимые саги об оборванцах, богачах и разбитых сердцах плохо камуфлировали бедствия, словно теннисные мячи, посланные тебе жизнью, на чьей стороне всегда были подачи, правда? Но, мама, да, в словах твоих все же был какой-то смысл. Книги не дают по-настоящему бежать от действительности, но они могут не дать разуму разодрать самого себя в кровавые клочья. Бог его знает, какой такой хреновиной я бы занял бы себя в «Доме

Авроры», если бы не чтение. На следующий день после моего чудесного выздоровления я взялся за «Периоды полураспада» и, о боги, начал подумывать, а не написала ли все-таки Хилари В. Хаш вполне пригодный для публикации триллер. Мне представилось «Первое расследование Луизы Рей» в стильной черно-бронзовой обложке, лежащее на кассах в супермаркетах «Теско»; затем «Второе расследование», «Третье»… В обмен на тупые льстивые речи Королева Гвен[175] (долин Бендинкс) дала мне остро заточенный карандаш двойной мягкости (миссионеры становятся такими уступчивыми, если прикинешься готовым обратиться в их веру), и я занялся самым основательным редактированием этой вещицы. Один-два момента подлежали удалению: например, инсинуация насчет того, что Луиза Рей была реинкарнацией этого паренька, Роберта Фробишера. Слишком уж это отдает нью-эйджем, властью цветов и наркотой. (У меня тоже есть родимое пятно под левой мышкой, но ни одной из любовниц не приходило в голову сравнивать его с кометой. Жоржетта прозвала его «колбаской Тимбо».) Но, в общем, я заключил, что у этого

[175] Примечания: 175

…королева Гвен… — то есть королева Гиневра (Джиневра) из легенд о короле Артуре.

триллера — юная-журналисточка-против-корпоративной-коррупции — есть определенный потенциал. (Призрак сэра Феликса Финча воет: «Но ведь это уже делалось сотню раз!» — как будто хоть что-нибудь могло не делаться сотню тысяч раз между Аристофаном и Эндрю Ллойд-Уэббером![176] Как будто искусство — это Что, а не Как!)

Моя работа по редактированию «Периодов полураспада» натолкнулась на естественное препятствие, когда Луизу Рей столкнули с моста и чертова рукопись рассеялась в море разрозненными страницами. Я рвал на себе волосы и бил себя в грудь. Существовала ли вторая часть вообще? Может, она засунута в коробку из-под обуви в квартирке Хилари В. на Манхэттене? Или все еще пребывает в ее творящей матке? В двадцатый раз рылся я в укромных уголках своего портфеля в поисках сопроводительного письма, но оно осталось в моем кабинете на Хеймаркете.

Остальные литературные поживы были крайне

---

[176] Примечания: 176

…между Аристофаном и Эндрю Ллойд-Уэббером! — Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) — древнегреческий поэт-комедиограф, «отец комедии», автор пьес «Лисистрата», «Птицы» и др. Эндрю Ллойд-Уэббер (р. 1948) — английский композитор, автор 16 мюзиклов, в том числе «Иисус Христос — суперзвезда» (1971), «Эвита» (1976), «Кошки» (1981), «Призрак оперы» (1986), «Женщина в белом» (2004); в настоящее время работает над мюзиклом по мотивам «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

скудными. Уорлок-Уильямс сказал мне, что прежде в «Доме Авроры» была маленькая библиотека, ныне законсервированная. («Желевидение для обычных людей намного Реальнее, вот что к этому привело».) Чтобы обнаружить эту «библиотеку», мне понадобилась шахтерская каска и чертова кирка. Она оказалась в тупике, блокированном стендом, сплошь увешанным дощечками с именами участников Великой войны[177] и озаглавленным «Чтобы помнили». Пыль там лежала глубоким, рыхлым и ровным слоем. Одну из полок занимали старые номера журнала «Наша Англия», имелась дюжина вестернов Зейна Грея[178] (набранных крупным кеглем) и поваренная книга, озаглавленная «Пожалуйста, мне без мяса!». Кроме того, наличествовали экземпляры «На Западном фронте без перемен»[179] (на полях этой книги некий одаренный школьник когда-то давно изобразил комикс: карикатурный

[177] Примечания: 177

Великая война — так в 1920–1930-е гг. называли Первую мировую войну.

[178] Примечания: 178

Зейн Грей (1872–1939) — популярный автор вестернов, один из первых в США писателей-миллионеров.

[179] Примечания: 179

«На Западном фронте без перемен» (1929) — роман немецкого писателя Эриха Марии Ремарка (1898–1970).

человечек, мастурбирующий свой собственный нос, — где-то они теперь?) и «Небесных ягуаров», замысловатого повествования о буднях вертолетчиков, написанного «самым передовым военно-приключенческим автором Америки» (но, как мне случилось узнать, на самом деле принадлежащего перу одного из «негров» его «командного центра» — имен называть не буду, ибо опасаюсь судебных преследований), а все остальное, говоря откровенно, было полным дерьмом.

Я смирился с такой своей участью и взял всю партию. Голодающему и картофельные очистки сойдут за изысканное блюдо.

Добро пожаловать на сцену, Эрни Блэксмит и Вероника Костелло, ваше время пришло. У нас с Эрни бывали и трения, но это не главное: если бы не они, собратья-диссиденты, то сестра Нокс и до сего дня по самые мои чертовы уши накачивала бы меня всякой дрянью. В один из пасмурных дней, когда Неумершие занялись после полудня репетицией Большого Сна, персонал проводил какое-то совещание и единственные звуки, нарушавшие дремоту «Дома Авроры», порождались в состязании между Толстой Кишкой и Выходным Клапаном, я заметил нечто необычное: чья-то беззаботная рука оставила па-

радную дверь приоткрытой. Я выбрался наружу с целью рекогносцировки, взяв на вооружение басню о головокружении и потребности в свежем воздухе. Губы мои ожгло холодом, и меня бросило в дрожь! За время болезни я потерял весь свой подкожный жир; из якобы Фальстафа я стал походить фигурой на изможденного Иоанна Гентского.[180] Это была моя первая вылазка наружу со дня удара, случившегося полтора месяца назад. В своем «кругосветном плавании» по прилегающей территории я обнаружил развалины старого здания, а затем пробрался через неухоженный кустарник к выстроенной по периметру кирпичной стене, чтобы посмотреть, нет ли в ней каких-нибудь брешей. Какой-нибудь сапер-минер из спецназа перелез бы через нее с помощью нейлоновой веревки, но никак не жертва инсульта с тростью в руке. Вдоль моего пути ветер развеивал и снова собирал в кучи побуревшие листья. Я подошел к величественным металлическим воротам, открывавшимся

[180] Примечания: 180

…из якобы Фальстафа я стал походить фигурой на изможденного Иоанна Гентского. — В оригинале — игра слов: Gaunt — «Гент» и «изможденный». Иоанн Гентский (Джон Гонт), герцог Ланкастер (1340–1399) — четвертый сын короля Эдуарда III, основатель дома Ланкастеров; в пьесе Шекспира «Ричард II» выведен больным стариком. Джон Фальстаф — толстяк-жизнелюб из пьес Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы».

и закрывавшимся какой-то электронно-пневматической штуковиной. Черт возьми, у них была даже камера наблюдения! Плюс прямой местный телефон! Я представил себе, как сестра Нокс хвастает детям (чуть было не написал «родителям») возможных обитателей, что благодаря этим искусным приспособлениям для надзора они пребывают в полной безопасности и могут спать совершенно спокойно, подразумевая, конечно, совсем другое: «Вовремя платите нам денежки, и свою птичку вы не услышите». Вид этот не сулил ничего хорошего. Эд находился южнее, на расстоянии половины дня пути для крепкого молодого человека, шагающего по обочине дороги, вдоль которой выстроились одни лишь телеграфные столбы. Только заблудившийся отдыхающий мог когда-нибудь набрести на ворота этого заведения. Шагая обратно по подъездной аллее, я услышал взвизг шин и яростный сигнал клаксона. Отойдя в сторону и обернувшись, увидел красный, как Юпитер, внедорожник. За рулем сидел быкообразный субъект в серебристой куртке с капюшоном, что так нравятся учредителям трансполярных благотворительных фондов. «Рейнджровер», проскрежетав по гравию, остановился у крыльца, и водитель развязной походкой

направился в контору, словно летчик-ас из «Небесных ягуаров». Возвращаясь к парадному входу, я проходил мимо котельной. Из-за ее двери высунулась голова Эрни Блэксмита.

— Как насчет глоточка огненной воды, мистер Кавендиш?

Упрашивать меня не пришлось. В котельной пахло удобрениями, но она была согрета угольной топкой котла. На мешке угля восседал, издавая довольное детское гуканье, мистер Микс — давнишний обитатель этого заведения, считавшийся его талисманом. Эрни Блэксмит относился к тем спокойным людям, которых с первого взгляда не замечаешь. Этот наблюдательный шотландец поддерживал хорошие отношения с дамой по имени Вероника Костелло, которая, как гласила легенда, владела самым лучшим шляпным магазином в Эдинбурге за всю его историю. Эта пара вела себя, словно постояльцы убогой чеховской гостиницы. Они уважали мое желание выглядеть жалким хмырем, а я за это уважал их. Сейчас Эрни извлек из ящика для угля бутылку ирландского виски.

— Вы слишком беспечны, если рассчитываете выбраться отсюда без вертолета.

Причин выдавать себя не было.

— Кто? Я?

Мой блеф разбился на куски о Скалу Эрни.

— Присаживайтесь, — сказал он мне, суровый и всезнающий.

— У вас здесь уютно, — сказал я, усевшись.

— Когда-то я был профессиональным истопником. Здесь обслуживаю котлы бесплатно, так что администрация закрывает глаза на одну-две маленькие вольности, которые я себе разрешаю. — Эрни щедро наполнил два пластмассовых стакана. — Ну, долой заботы!

Дождь над Серенгети![181] Кактусы расцвели, гепарды так и скачут!

— Где вы его добываете?

— Торговец углем — разумный человек. Серьезно, вам надо быть осторожным. Уизерс каждый день выходит к воротам на второй пост без четверти четыре. Вы же не хотите, чтобы он застал вас за планированием побега.

— Вы вроде как хорошо информированы.

— Я был и слесарем, сразу после армии. В этом ремесле входишь в контакт с полукриминальным миром, участвуешь в играх служб безопасности. Общаешься с егерями, браконьерами и всеми

---

[181] Примечания: 181

Серенгети — национальный парк в Танзании.

такими прочими. Не то чтобы я сам хоть раз совершил что-то противозаконное, нет, я-то шел по прямой дороге. Но узнал, что добрые три четверти бежавших из тюрем терпят неудачу, потому что все серое вещество, — он постучал себя по виску, — расходуется на сам побег. Любители толкуют о стратегии, а профессионалы — о службе тыла. Этот заковыристый электрозамок, что на воротах, его я, к примеру, разберу с завязанными глазами, если надо, но как насчет велосипеда с той стороны? Денег? Убежища? Понимаете? Без службы тыла никуда. Повалитесь пузом кверху и через пять минут окажетесь в багажнике фургона Уизерса.

Мистер Микс скорчил в гримасе свое маленькое, как у гнома, личико и проскрипел два единственных членораздельных слова, которые сумел сохранить:

— Я знаю! Я знаю!

Прежде чем я сумел распознать, предостерегает ли меня Эрни или прощупывает, из внутренней двери вышла Вероника, на голове у которой была шляпка столь ярко-красная, что, казалось, могла растопить любой лед. Я едва сумел воздержаться от поклона.

— Добрый день, миссис Костелло.

— Мистер Кавендиш, какая приятная неожиданность. Вышли прогуляться в такой кусачий холод?

— На разведку, — ответил Эрни. — По заданию своего единоличного комитета по побегу.

— О, раз уж вас посвятили в орден Престарелых, то мир не захочет принять вас обратно. — Вероника устроилась на плетеном кресле и поправила свою шляпку как раз так, как требовалось. — Мы — я имею в виду всех, кому за шестьдесят, — в силу самого своего существования совершаем два проступка. Первый — это Недостаток Скорости. Мы слишком медленно ездим, слишком медленно ходим, слишком медленно говорим. Мир готов иметь дело с диктаторами, извращенцами и наркобаронами, но не выносит, если его тормозят. Наш второй проступок состоит в том, что мы являемся всеобщим memento mori.[182] Мир способен на голубом глазу отрицать неизбежное только в том случае, если мы убраны из его поля зрения.

— Родители Вероники отбывали пожизненное заключение в среде интеллигенции, — с некоторой гордостью вставил Эрни.

---

[182] Примечания: 182
Помни о смерти (лат.).

Она благосклонно улыбнулась.

— Вы только посмотрите на тех, кто приходит сюда в часы посещений! Им требуется шоковая терапия. Иначе зачем им трещать этой фразочкой: «Вам лишь столько, насколько вы себя чувствуете»? Кого они на самом деле пытаются одурачить? Не нас — самих себя!

— Мы, престарелые, стали прокаженными современности. Вот в чем суть.

Я возразил:

— Я не выброшен из общества! У меня есть собственное издательство, и мне необходимо вернуться к работе, к тому же я, хоть и не ожидаю, что вы мне поверите, заточен здесь против своей воли.

Эрни и Вероника обменялись взглядами, говоря на своем тайном языке.

— Вы являетесь издателем? Или вы были им, мистер Кавендиш?

— Являюсь. Мой офис находится на Хеймаркете.

— Тогда что, — рассудительно спросил Эрни, — вы здесь делаете?

Да, это было вопросом. Я стал излагать им всю свою невероятную историю, намереваясь дойти до самого последнего момента. Эрни и Вероника

слушали меня с благоразумностью, свойственной внимательным взрослым, а мистер Микс тряс головой. Я дошел до случившегося со мной удара, как вдруг меня перебил какой-то вопль снаружи. Подумав было, что с кем-то из Неумерших случился припадок, я выглянул в щель, но увидел только водителя красного внедорожника, кричавшего в свой мобильник:

— Что стараться? — Лицо его выражало разочарование. — Она витает в облаках! Думает, что сейчас шестьдесят шестой!.. Нет, не притворяется. А ты сама стала бы мараться?.. Нет, не сказала. Она думает, что я ее первый муж. Сказала, что у нее нет никаких сыновей… Да какой еще эдипов комплекс?.. Да, снова описал. Три раза… Подробно, да… Приезжай и попробуй сама, если думаешь, что у тебя лучше получится… Ну, обо мне она тоже никогда не заботилась… Только прихвати духи… Нет, для себя. От нее разит… А чем еще от нее может разить?.. Разумеется, моют, но за этим невозможно уследить, ведь просто все время… капает.

Он забрался в свой «рейнджровер» и с ревом устремился вниз по аллее. У меня мелькнула было мысль броситься за ним и проскользнуть в ворота, прежде чем они захлопнутся, но потом я

напомнил себе о своем возрасте. Да и все равно я не смог бы укрыться от камеры наблюдения, и Уизерс схватил бы меня, прежде чем я успел бы кого-нибудь остановить.

— Сын миссис Гочкис, — сказала Вероника. — Она была сама доброта, но вот о сыночке такого не скажешь, нет и нет. За порядочность не становишься совладельцем забегаловок в Лидсе и Шеффилде. В семье не без урода.

Миниатюрный Денхольм.

— Что ж, по крайней мере, он ее навещает.

— И вот почему. — Старое ее лицо озарилось привлекательным шаловливым отблеском. — Когда миссис Гочкис проведала о том, что он собирается упрятать ее в «Дом Авроры», то уложила все семейные драгоценности в коробку из-под обуви и закопала ее. Теперь не помнит где или помнит, но не говорит.

Эрни разделил последние капли спиртного.

— Что меня в нем раздражает, это его манера не вынимать ключ зажигания. Каждый раз. В реальном мире он никогда бы так не поступил. Но мы такие дряхлые, такие безвредные, что ему не нужно даже быть осторожным, когда он сюда приезжает.

Я рассудил, что не стоит спрашивать Эрни,

почему он заметил такую вещь. Он в жизни не сказал ни одного лишнего слова.

Я стал наведываться в котельную ежедневно. Снабжение виски было неустойчивым, чего не скажешь о нашей компании. Мистер Микс исполнял роль черного Лабрадора при пожилой чете, чьи дети покинули дом. Эрни выдавал язвительные замечания о своей жизни, разных временах и фольклоре «Дома Авроры», но его фактическая супруга могла поддержать разговор едва ли не на любую тему. У Вероники хранилось большое собрание фотографий с автографами не то чтобы звезд, но довольно-таки известных людей. Она была достаточно начитана, чтобы оценить мое литературное острословие, но не настолько, чтобы распознать его источники. Мне это в женщинах нравится. Я мог сказать ей что-нибудь вроде: «Самое значительное различие между счастьем и радостью состоит в том, что счастье — это субстанция твердая, а радость — жидкая», — и, будучи в безопасности благодаря тому, что она не знала Дж. Д. Сэлинджера,[183] ощущать себя остроумным, очаровательным, да-

[183] Примечания: 183

Дж. Д. Сэлинджер (р. 1919) — американский писатель, прославился романом «Над пропастью во ржи» (1951), ведет затворнический образ жизни.

же молодым. Я чувствовал, что Эрни наблюдает за тем, как я распускаю хвост, но думал — а какого черта? Мужчина может позволить себе немного пофлиртовать.

Веронике и Эрни удалось уберечь душу. Они предостерегали меня об опасностях «Дома Авроры»: о том, как вонь мочи и дезинфицирующих средств, шарканье Неумерших и злобный нрав Нокс подменяют собой понятие обыденного. По мнению Вероники, стоит какой-либо тирании стать обыденной, и победа ее неизбежна.

Благодаря ей я чертовски хорошо встряхнулся, обновил все свои представления. Выдернул волосы из ноздрей и одолжил у Эрни немного крема для обуви. «Каждый вечер начищай свои туфли до блеска, — говаривал мой старик, — и будешь не хуже всех прочих». Оглядываясь назад, я понимаю, что Эрни терпел мою рисовку, ибо знал, что Вероника меня всего лишь баловала. Эрни никогда в жизни не читал никакой беллетристики — «Я-то всегда предпочитал слушать радио», — но, наблюдая за тем, как он в очередной раз уговаривает вернуться к жизни викторианскую систему парового отопления, я всякий раз чувствовал себя мелковатым. Это правда, что после чтения слишком многих романов делаешься

слепцом.

Свой первый план побега — такой простой, что он вряд ли заслуживает своего названия, — я приготовил в одиночку. Он требовал воли и капельку мужества, но не мозгов. Ночной звонок из кабинета сестры Нокс на автоответчик в «Издательстве Кавендиша». SOS, адресованный миссис Лэтем, чей регбист-племянник водит мощный «форд-капри». Они прибывают в «Дом Авроры»; после угроз и протестов я забираюсь в машину; племянничек жмет на газ. Вот и все. Ночью 15 декабря (по-моему) я проснулся, надел халат и вышел в темный коридор. (После того как я стал прикидываться недоумком, дверь мою запирать перестали.) Не слышно было ни звука, кроме храпа да журчания воды в трубах. Я думал о придуманной Хилари В. Хаш Луизе Рей, крадущейся по корпусу «Би» на Суоннекке. (Обратите внимание на мои бифокальные очки.) В администрации, казалось, никого не было, но я по-диверсантски прополз ниже уровня стола и снова распрямился до вертикального положения, что было немалым подвигом. Свет в кабинете Нокс был выключен. Я попробовал дверную ручку, и она, да, подалась. Я скользнул внутрь. В щель падало ровно столько света, чтобы видеть.

Я поднял трубку и набрал номер «Издательства Кавендиша». До своего автоответчика я не добрался.

«Неправильно набран номер. Положите трубку, проверьте номер и попробуйте набрать снова».

В отчаянии я предположил самое худшее — что Хоггинсы так основательно подпалили мой офис, что даже телефоны расплавились. Единственный другой телефонный номер, который мне удалось восстановить после удара, был моей следующей и последней надеждой. После пяти или шести напряженных звонков Жоржетта, моя невестка, ответила мне тем своим капризным воркованием, которое я помнил, боже, боже, превосходно помнил.

— Давно пора спать, Астон.

— Жоржетта, это я, Тимбо. Позови Денни, можешь?

— Астон? Что с тобой такое?

— Это не Астон, Жоржетта! Это Тимбо!

— Тогда пусть Астон снова возьмет трубку!

— Не знаю я никакого Астона! Слушай, позови Денни.

— Денни не может сейчас подойти к телефону.

Жоржетта никогда не держалась в седле своей игрушечной лошадки особо прочно, но сейчас,

казалось, скакала по радуге.

— Ты выпила?

— Да, я бы выпила, но только чудесное вино из хорошего погреба. Терпеть не могу пабы.

— Нет, слушай, это Тимбо, твой зять! Мне надо поговорить с Денхольмом.

— У тебя голос как у Тимбо. Тимбо? Это ты?

— Да, Жоржетта, это я, и если…

— Очень странно, что ты не появился на похоронах своего собственного брата. Вся семья так считает.

Пол качнулся.

— Что?!

— Мы знали о разных ваших размолвках, но я имею в виду…

Я пал.

— Жоржетта, ты только что сказала, что Денни умер. Ты именно это хотела сказать?

— Ну конечно! Ты что же, думаешь, я какая-то безмозглая дурочка?

— Скажи еще раз. — У меня пропал голос. — Денни — он — умер?

— Ты считаешь, что я могла бы такое выдумать?

Стул сестры Нокс скрипнул предательски и мучительно.

— Как, Жоржетта, как это случилось? Ради бога, расскажи!

— Ты вообще кто такой? Посреди ночи! Кто это? Астон, ты?

Горло мне перехватил спазм.

— Тимбо.

— Ну и под каким замшелым камнем ты прятался?

— Слушай, Жоржетта. Как Денни, — озвучивание делало это больше похожим на правду, — скончался?

— Когда кормил своего бесценного карпа. Я готовила ужин — намазывала утиный паштет на хлебцы. Когда пошла за Денни, он плавал в бассейне, лицом вниз. Может, он пробыл там день или около того, я, как ты знаешь, за ним не приглядывала. Дикси велел ему ограничить употребление соли, в его семье случаются удары. Слушай, перестань занимать линию и позови Астона.

— Слушай, кто там теперь? С тобой?

— Только Денни.

— Но ведь Денни умер!

— Я знаю! Он пробыл в этом бассейне уже… несколько недель. Как бы я могла его вытащить? Слушай, Тимбо, будь лапочкой, принеси мне

чего-нибудь вкусненького из «Фортнума и Мейсона»,[184] ладно? Я съела все крекеры, а дрозды склевали все крошки, так что теперь у меня из еды ничего не осталось, кроме рыбьего корма и камберлендского соуса. Астон не заглядывал с тех пор, как забрал у Денни художественную коллекцию, чтобы показать ее своему другу-оценщику, а это было… несколько дней назад, точнее, недель. Да, и газ перестали подавать, и…

По глазам мне резанул свет. Дверной проем заполнился Уизерсом.

— Опять вы!

Я взорвался.

— У меня брат умер! Умер, понимаете? Мертвее мертвого, черт побери! Моя невестка тронулась, и она не знает, что делать! Это семейное несчастье! Если в вашем чертовом теле хоть одна христианская косточка, то вы поможете мне разгрести эту богомерзкую чертову кучу!

Дорогой Читатель, Уизерс видел только истеричного сумасшедшего, который в нарушение всех запретов куда-то звонил после полуночи. Он ногой отпихнул стул, стоявший у него на дороге.

---

[184] Примечания: 184

«Фортнум и Мейсон» — дорогой универсам в Лондоне на Пиккадилли, прославленный своим продуктовым отделом и чайной лавкой; основан в 1707 г. Уильямом Фортнумом и Хью Мейсоном.

Я крикнул в трубку:

— Жоржетта, слушай меня, я заперт в чертовом сумасшедшем доме, в проклятой дыре, которая называется «Домом Авроры», это в Эде, поняла? «Дом Авроры», Эд, и найди, ради бога, кого-нибудь, кто приехал бы сюда и спас…

Гигантский палец оборвал связь. Ноготь его был неровным и грязным.

Сестра Нокс ударила в гонг, обыкновенно призывавший к завтраку, чтобы возвестить о начале военных действий.

— Друзья, мы пригрели у себя на груди вора.

Созванные Неумершие все как один умолкли. Усохший грецкий орех грохнул по столу ложкой.

— Эти арабы знают, как мы обходимся с ними, сестра! В Саудовской Аравии нет места нечистым на руку негодникам, а? Вечером в пятницу, на стоянке возле мечети, оттяпать ему руку! А? А?

— В нашей корзинке оказалось гнилое яблоко. — (Клянусь, я словно снова был в школе для мальчиков Грешема, перенесенный на шестьдесят лет назад. Та же измельченная пшеница набухала в той же чашке молока.) — Кавендиш! — Голос у сестры Нокс вибрировал, словно грошовый свисток. — Встать!

Головы этих полуживых расчлененных объек-

тов аутопсии, одетых в заплесневелые твидовые костюмы и бесцветные блузы, повернулись в мою сторону как на шарнирах. Если бы я отвечал как жертва, то сам бы подписал себе приговор.

Это было трудно. Я всю ночь не смыкал глаз. Денни умер. Скорее всего, сам обратился в карпа.

— О, ради бога, женщина, в жизни ведь нужна хоть какая-то соразмерность! Драгоценности короны по-прежнему пребывают в Тауэре, в целости и сохранности! Единственное, что я сделал, это срочный телефонный звонок. Если бы в «Доме Авроры» было интернет-кафе, я с удовольствием послал бы электронное письмо! Я не хотел никого будить, поэтому проявил инициативу и позаимствовал телефон. Приношу свои глубочайшие извинения. Звонок я оплачу.

— Да, как же, оплатите! Проживающие, как мы поступаем с Гнилыми Яблоками?

Гвендолин Бендинкс поднялась и указала на меня пальцем.

— Стыд-позор!

Ее телодвижениям вторил Уорлок-Уильямс:

— Стыд-позор!

Один за другим к ним присоединялись те из Неумерших, кому хватало чувств, чтобы следовать этому сценарию.

— Стыд-позор! Стыд-позор! Стыд-позор!

Мистер Микс дирижировал этим хором, словно Герберт фон Караян.[185] Я налил себе чаю, но чашка была выбита у меня из рук деревянной линейкой.

Сестра Нокс извергала электрические искры:

— Не сметь отводить взгляд, пока вас стыдят!

Хор умер, за исключением одного-двух отставших.

У меня ныли костяшки пальцев. Гнев и боль обострили мою сообразительность, словно какая-нибудь палка для битья.

— Сомневаюсь, что любезный мистер Уизерс сказал вам об этом, но обнаружилось, что мой брат Денхольм умер. Да-да, умер. Позвоните ему сами, если мне не верите. Собственно, я умоляю вас ему позвонить. Моя невестка не вполне здорова, и ей требуется помощь в организации похорон.

— Откуда вы могли узнать, что ваш брат умер, прежде чем проникли в мой кабинет?

Коварный двойной нельсон. Она теребила свой крестик, и это меня вдохновило.

— От святого Петра.

---

[185] Примечания: 185

Герберт фон Караян (1908–1989) — знаменитый австро-немецкий дирижер.

Очень Неодобрительный Взгляд.

— Что такое?

— В сновидении он сказал мне, что Денхольм недавно перешел в Мир Иной. «Позвони, — говорит, — своей невестке. Ей нужна твоя помощь». Я сказал ему, что пользование телефоном противоречит правилам, установленным в «Доме Авроры», но он заверил, что сестра Нокс, будучи богобоязненной католичкой, не станет высмеивать такое объяснение.

Эта галиматья заставила Богиню Мщения буквально оторопеть. («Познай своего Врага» побивает «Познай себя».) Нокс перебирала варианты: был ли я опасным уклонистом; безвредным маньяком; реалистом-политиканом; визионером святого Петра?

— Правила «Дома Авроры» установлены для всеобщего блага.

Пора закрепиться на захваченных позициях.

— О, это совершенно неоспоримо.

— Я поговорю с Господом. А тем временем, — она обратилась ко всему залу, — мистер Кавендиш будет на испытательном сроке. Этот эпизод не исчерпан и не забыт.

После своей скромной победы я стал раскладывать в гостиной пасьянс (да, именно раскла-

дывать пасьянс, а не каким-нибудь еще образом проявлять добродетель терпения, к которой никогда не был склонен), впервые после злосчастного медового месяца, который мы с мадам Х. провели в Тинтагеле.[186] (Безрадостное место: муниципальные дома-развалюхи и лавки с восточными благовониями). Впервые в жизни мне стал очевиден исходный недостаток пасьянса: результат его определяется не в ходе игры, но в тот момент, когда тасуются карты, то есть даже до того, как игра начинается. Так насколько же это лишено смысла?

Единственный смысл состоит в том, что пасьянс позволяет твоему разуму блуждать где угодно. Нигде, однако же, не было радужных перспектив. Денхольм какое-то время назад умер, а я по-прежнему находился в «Доме Авроры». Я представил себе новый сценарий самого худшего оборота дел, согласно которому Денхольм отдает не имеющее срока давности распоряжение оплачивать с одного из своих хитроумных счетов мое пребывание в «Доме Авроры», из доброты ли, из злости — неважно. Денхольм умирает. Мой побег от Хоггинсов был засекречен, так что никто не

[186] Примечания: 186
Тинтагель (Тентажиль) — твердыня герцогов Корнуолльских.

знает, где я. Распоряжение остается в силе и переживает того, кто его отдал. Миссис Лэтем говорит полицейским, что в последний раз видела меня, когда я направлялся к какому-то ростовщику. Детектив Тугодум предполагает, что мой заимодавец лишает меня последнего прибежища и я скрываюсь в Европе. Так что, полтора месяца спустя никто меня не разыскивает, даже Хоггинсы. К моему столу подошли Эрни и Вероника.

— Я пользовался этим телефоном, чтобы узнать результаты крикетных матчей. — Эрни был в дурном настроении. — Теперь по ночам его будут запирать.

— Черную десятку на красного валета, — посоветовала Вероника. — Не расстраивайся, Эрни.

Эрни не обратил внимания на ее слова.

— Теперь Нокс будет думать, как бы вас линчевать.

— Что она может сделать? Отобрать у меня измельченную пшеницу?

— Опять подмешает вам чего-нибудь в еду! Как в прошлый раз.

— О чем это вы толкуете?

— Помните, как вы разозлили ее в последний раз?

— Когда?

— В то утро, когда с вами так своевременно случился удар, вот когда.

— Вы хотите сказать, что моему удару кто-то… способствовал?

Его лицо приобрело крайне неприятное выражение — он как бы говорил мне: «Да проснись же!»

— Что за чушь! У меня отец умер от удара, да и брат, вероятно, тоже. Штампуйте свою собственную реальность, если, Эрни, это так вам необходимо, но избавьте от нее нас с Вероникой.

Эрни помрачнел. (Ларс, надо убавить освещение.)

— Так-так. Вы думаете, что вы чертовски умны, но вы всего-навсего легкомысленный южный телепень!

— По мне, уж лучше быть телепнем, что бы это там ни означало, чем праздновать труса.

Я понимал, что об этом мне вскоре придется пожалеть.

— Что? Это я праздную труса? Скажите-ка мне это еще раз. Давайте.

— Да, вы празднуете труса. — (У, Чертенок Упрямства! Почему я позволяю тебе говорить за меня?) — Я вот что думаю: вы отказались от реального мира за стенами этой тюрьмы, потому

что он вас пугает. Видеть, что кто-то другой хочет бежать отсюда, противоречит вашему вкусу к смертным одрам. Вот потому-то вы и подняли сейчас весь этот шум.

Эрни вспыхнул, как газовая горелка.

— Что бы я ни праздновал, не вам об этом судить, Тимоти Кавендиш. — (Шотландец может и совершенно приличное имя обратить в дубинку.) — Вы бы даже из городского парка бежать не сумели!

— Если ваш план предусматривает защиту от дурака, то давайте его выслушаем.

— Мальчики! — попыталась посредничать Вероника.

Кровь Эрни уже кипела.

— Это смотря от насколько большого дурака!

— Остроумное замечание. — Меня самого тошнило от собственного сарказма. — В Шотландии вы должны быть гением.

— Нет, гением в Шотландии признается лишь англичанин, который случайно угодил в дом престарелых.

Вероника собрала мои разлетевшиеся карты.

— А кто-нибудь из вас знает часовой пасьянс? Где надо добавлять карты до пятнадцати?

— Мы уходим, Вероника, — проворчал Эрни.

— Нет, — сказал я, стукнул по столу и поднялся, не желая, ради собственного блага, чтобы Веронике пришлось выбирать между нами, — это я ухожу.

Я дал себе слово не входить в котельную, пока не получу извинений. Так что я не пошел туда ни в тот день, ни на следующий, ни еще через день.

Эрни не смотрел в мою сторону всю рождественскую неделю. Вероника мимоходом посылала мне улыбки сожаления, но было совершенно ясно, кому она верна. Оглядываясь назад, я не могу не изумляться. О чем я думал? Подвергать опасности единственные дружеские связи из-за дурного настроения! Мне всегда удавалось хорошо дуться, что многое объясняет. Те, кто любит дуться, отыгрываются в одиноких фантазиях. Фантазиях о гостинице «Челси»[187] на Западной Двадцать третьей улице, о том, как стучу я в некую дверь. Она открывается, и Хилари В. Хаш очень рада меня видеть, ее ночная рубашка

---

[187] Примечания: 187

…о гостинице «Челси» на Западной Двадцать третьей улице… — «Челси» — легендарная нью-йоркская гостиница (д. 222 по 23-й Западной улице), построена в 1883 г. и до 1902 г. была самым высоким зданием города. Считается приютом литературной и др. богемы — там жили и работали Марк Твен, О. Генри, Сара Бернар, Томас Вулф, Теннеси Уильямс, Уильям Берроуз, Дилан Томас, Боб Дилан, Леонард Коэн, Патти Смит, Джексон Поллок, Энди Уорхол.

свободно свисает, она невинна, словно Кайли Миноуг, но аппетит у нее волчий, словно у миссис Робинсон.[188] «Я переплыл вокруг света, чтобы найти тебя», — говорю я. Она наливает виски из мини-бара. «О, зрелость и спелость хмельная!» Потом эта шаловливая культуристочка затаскивает меня на свою неразобранную постель, где я ищу источник вечной молодости.

Вторая часть «Периодов полураспада» стоит на полке над кроватью. Я читаю рукопись, подвешенный в послеоргазменном Мертвом море, пока Хилари принимает душ. Вторая часть даже лучше, чем первая, но Мастер научит свою Ученицу, как сделать ее превосходной. Хилари посвящает свой роман мне, ей присуждают Пулитцеровскую премию, и в речи при ее вручении она признается, что всем обязана своему агенту, другу и, во многих смыслах, отцу.

Сладостная фантазия. Излечимый рак.

Канун Рождества в «Доме Авроры» был подобен

---

[188] Примечания: 188

…она невинна, словно Кайли Миноуг, но аппетит у нее волчий, словно у миссис Робинсон. — Кайли Миноуг (р. 1968) — австралийская поп-певица. Миссис Робинсон — персонаж актрисы Энн Бэнкрофт в знаменитой драме Майкла Николса «Выпускник» (1967) и героиня одной из написанных для этого фильма песен Саймона и Гарфанкела; в фильме герой Дастина Хоффмана одновременно крутит роман с миссис Робинсон и ее дочерью.

чуть подогретому блюду. Я прошел к воротам (привилегия, полученная в обмен на услуги, оказанные Гвендолин Бендинкс), чтобы хоть мельком глянуть на мир снаружи. Схватившись за железные ворота, я смотрел сквозь прутья. (Визуальная ирония, Ларс. «Касабланка».)[189] Взгляд мой блуждал по вересковой пустоши, отдыхал на могильном холме, на заброшенном загоне для овец, парил над норманнской церковью, уступавшей наконец друидическим элементам, перепрыгивал на электростанцию, скользил по покрытому чернильными пятнами заливу к огромному мосту, преследовал военный самолет, летевший над волнистыми полями. Бедная наша страна. Слишком много истории на единицу площади. Годы растут здесь внутрь, словно ногти у меня на ногах. За мной наблюдала камера надзора. Вот она-то располагала всем временем на свете. Я подумывал, не прекратить ли мне ссору с Эрни Блэксмитом — хотя бы для того, чтобы услышать от Вероники вежливое пожелание счастливого Рождества.

Нет. К черту их обоих.

---

[189] Примечания: 189

«Касабланка» (1942) — классический фильм Майкла Кертиса, в ролях Хамфри Богарт, Ингрид Бергман, Пол Хенрейд, Клод Рэйнс, Конрад Фейдт, Сидни Гринстрит, Питер Лорр.

— Преподобный Руни! — В одной руке у него был бокал с хересом, а другую я связал куском пирога с фаршем. Мы стояли за рождественской елкой, и волшебные огоньки придавали нашим лицам розоватость. — Хочу попросить вас о крохотном одолжении.

— Что же это за одолжение, мистер Кавендиш?

Он отнюдь не был викарием из комедии, нет. Преподобный Руни был Духовным Карьеристом, как две капли воды похожим на одного валлийца, делавшего рамы для картин и уходившего от налогов, с которым я некогда скрестил мечи в Хирфорде, но это совсем другая история.

— Я, ваше преподобие, хотел бы, чтобы вы отправили для меня рождественскую открытку.

— И это все? Ведь если бы вы попросили сестру Нокс, она, конечно, сделала бы это для вас?

Значит, эта ведьма и до него добралась.

— Мы с сестрой Нокс не всегда совпадаем во мнениях касательно связей с внешним миром.

— Рождество — это чудесное время для наведения мостов между людьми.

— Рождество, викарий, это чудесное время, чтобы не будить прикорнувших собак. Но я так хочу дать своей сестре знать, что я думаю о ней в День Рождения Господа нашего. Возможно, сестра

Нокс упоминала о смерти моего дорогого брата?

— Ужасно печально. — Он прекрасно знал об истории со святым Петром. — Мне очень жаль.

Я вынул открытку из кармана пиджака.

— Я адресовал ее «Своей попечительнице» — просто чтобы быть уверенным, что мои святочные поздравления попадут по назначению. У нее, — я постучал себя пальцем по виску, — не все дома, как ни жаль об этом говорить. Вот, позвольте, я опущу ее в карман вашей сутаны… — Он пытался увернуться, но я зажал его в угол. — Какое блаженство, викарий, когда у тебя есть друзья, которым можно доверять. Благодарю, благодарю вас от всего сердца.

Просто, действенно, тонко — ай да хитрый старый лис, ай да Т. К.! К Новому году «Дом Авроры» проснется и обнаружит, что я исчез, словно Зорро.

Урсула приглашает меня в гардеробную. «Ты не состарился ни на день, Тимбо, да и твой змий-приятель тоже!» Ее пушистый олененок трется о мой фонарный столб и нафталинные шарики… но потом, как всегда, я проснулся, и мой набухший отросток оказался столь же желанен, как набухший аппендикс, и столь же полезен. Было шесть утра. Система отопления сочиняла

произведения в стиле Джона Кейджа.[190] Пальцы ног ожигали ознобыши. Я думал об оставшихся позади встречах Рождества: их было намного больше, чем впереди.

Сколько утренних пробуждений придется мне еще выдержать?

«Будь мужественным, Т. К. Быстрый красный почтовый поезд везет твое письмо на юг, в Лондон. Его кассетные бомбы вылетят при ударе — в полицию, в отдел социального обеспечения, по старому адресу на Хеймаркете для передачи миссис Лэтем. Ты мигом отсюда выберешься». Воображение рисовало мне запоздалые рождественские подарки, которыми я отпраздную свою свободу. Сигары, марочное виски, игры с Малышкой-Пышкой за девяносто пенсов в минуту… А что на этом останавливаться? Не провести ли матч-реванш с Прожженным Джоном в Таиланде, не позвать ли капитана Виагру?

Я заметил свисающий с каминной доски как-то странно растянутый шерстяной носок. Когда я выключал свет, там ничего не было. Кто мог проникнуть сюда и не разбудить меня? Эрни, призывающий к рождественскому перемирию?

---

[190] Примечания: 190

Джон Кейдж (1912–1992) — известный американский композитор-авангардист.

Кто же еще? Добрый старый Эрни! Счастливо подрагивая в своей фланелевой пижаме, я взял носок и вернулся с ним в кровать. Он был очень легким. Я вывернул его наизнанку, и из него явилась метель из бумажных клочков. Мой почерк, мои слова, мои фразы!

Мое письмо!

Мое распотрошенное спасение. Я бил себя в грудь, скрежетал зубами, рвал на себе волосы (или наоборот: скрежетал волосами и рвал себе зубы), я повредил себе запястье, колотя кулаком по матрасу. Преподобный чертов Руни, да сгниешь ты в аду! Сестра Нокс, эта святоша, эта сучка! Она стояла надо мной, словно Ангел Смерти, пока я спал! Счастливого чертова Рождества, мистер Кавендиш!

Я уступил, сдался, не устоял. Уступить, to succumb. Очень старый глагол, конца пятнадцатого века, старофранцузское succomber или латинское succumbere, но жизненно необходимый в человеческих обстоятельствах, особенно в моих. Я уступил тупому персоналу. Я сдался бирке на подарке: «Мистеру Кавендишу от его новых друзей — пусть еще много раз он встретит Рождество в „Доме Авроры“!» Я не устоял перед подарком: календарем с Чудесами Природы, где

на каждую страницу приходилось по два месяца. (Дата смерти не указывалась.) Я уступил резиновой индейке, синтетической начинке, горькой брюссельской капусте; я сдался бесшумным хлопушкам (не должно случаться сердечных приступов, вредно для дела), карликовым бумажным коронам, беззубым пастям, понятным шуткам (Бармен: «Что будете заказывать?» Скелет: «Кружку пива и швабру, пожалуйста».). Я не устоял перед специальными выпусками мыльных опер, сдобренных дополнительной рождественской жестокостью; перед речью королевы, раздающейся из могилы. Возвращаясь из туалета, я наткнулся на сестру Нокс и не устоял перед ее торжествующей фразой: «Поздравляю вас, мистер Кавендиш, со всеми праздниками разом!»

В исторической программе по второму каналу Би-би-си в тот день показывали документальный фильм, снятый в Ипре в 1919 году. Эта дьявольская насмешка над некогда приличным городком была адресована моей собственной душе.

Всего лишь три-четыре раза в юности довелось мне мельком увидеть острова Счастья, прежде чем они затерялись в туманах, приступах уныния, холодных фронтах, дурных ветрах и противоположных течениях… Я ошибочно при-

нимал их за взрослую жизнь. Полагая, что они были зафиксированным пунктом назначения в моем жизненном путешествии, я пренебрег записать их широту, долготу и способ приближения к ним. Чертов молодой дурак! Чего бы я сейчас не отдал за никогда не меняющуюся карту вечного несказанного? Чтобы обладать, по сути, атласом облаков?

Я сделал это в День подарков, так как был слишком жалок, чтобы повеситься. Нет, лгу. Я сделал это в День подарков,[191] так как был слишком труслив, чтобы повеситься. На ланч был индюшачий бульон (с разваренной чечевицей), и оживляли его только поиски куда-то задевавшегося мобильного телефона Дейдры (заводной куклы-гермафродита). Зомби забавлялись тем, что гадали, где он мог быть (под диванами), где он вряд ли мог быть (на рождественской елке) и где он никак не мог быть (в подкладном судне миссис Биркин). Я обнаружил, что стучусь в дверь котельной, словно раскаивающийся щенок.

Эрни стоял над какой-то стиральной машиной, разобранной на части, которые лежали на

[191] Примечания: 191

День подарков — второй день Рождества, когда слуги, посыльные и т. п. получают подарки.

газетах.

— Посмотри, кто там.

— Счастливого Рождества, мистер Кавендиш, — просияла Вероника, на которой была русская меховая шапка. На коленях у нее лежал толстый томик стихов. — Входите, пожалуйста.

— Пропустил денек-другой, — неловко преуменьшил я.

— Я знаю! — воскликнул мистер Микс. — Я знаю!

Эрни все еще излучал пренебрежение.

— Э-э… можно войти, Эрни?

Он поднял и слегка опустил голову, показывая, что ему все равно. Он снова разбирал котел на части, и у него в замасленных, коротких и толстых пальцах было множество серебристых винтиков. Он ничуть не облегчал мне мою задачу.

— Эрни, — сказал я наконец, — сожалею о том, что недавно наговорил.

— Ясно.

— Если вы не поможете мне выбраться отсюда… я спячу.

Он разобрал какую-то деталь, которую я не смог бы даже назвать.

— Ясно.

Мистер Микс раскачивался вперед-назад.

— Ну так… что скажете?

Он уселся на мешок с удобрениями.

— Ладно, только не раскисайте.

По-моему, я не улыбался со времен Франкфуртской книжной ярмарки. Лицо у меня так и горело.

— Скажи ему о нашем гонораре, Эрнест, — проговорила Вероника, поправляя свою кокетливую шапку.

— Все, что угодно! — Никогда в жизни я не говорил этой фразы так искренне. — Какова ваша цена?

Эрни заставил меня подождать, пока все до единой отвертки не исчезли в его сумке для инструментов.

— Мы с Вероникой решили попытать счастья на новых местах. — Он кивнул в сторону ворот. — Еще севернее. У меня есть старый друг, который хорошо нас устроит. Так что вам придется взять нас с собой.

На такой оборот дел я не рассчитывал, но какая разница?

— Чудесно, чудесно. Буду рад.

— Тогда договорились. День «Д» наступает через два дня.

— Так быстро? У вас уже есть план?

Шотландец фыркнул, открутил крышку термоса и наполнил ее крепчайшим черным чаем.

— Да, можно сказать и так.

План Эрни представлял собой рискованную последовательность падающих костяшек домино.

— Любая стратегия побега, — произнес он с лекторским видом, — должна быть изобретательнее ваших охранников.

Изобретательным его план точно был, если не сказать — дерзким, но если бы хоть одна из костяшек не повалила следующую, немедленное разоблачение привело бы к самым плачевным результатам, особенно если мрачная теория Эрни относительно насильственного медикаментозного «лечения» соответствовала действительности. Оглядываясь назад, я изумляюсь, как мог я согласиться на такой риск. Могу лишь предполагать, что моя благодарность за возобновленное общение с друзьями и отчаянное стремление выбраться из «Дома Авроры» — живым — заглушили природную осторожность.

Эрни выбрал 28 декабря, потому что узнал от Дейдры, что миссис Джадд в этот день отправится в Эд на рождественское представление со своими племянницами. «Все зиждется на разведке», — говорил он, постукивая себя по носу. Я предпочел

бы, чтобы на сцене не было Уизерса или этой гарпии Нокс, но Уизерс уезжал в Робин-Гуд-Бей только в августе, чтобы навестить свою мать, а миссис Джадд Эрни считал самой рассудительной из наших тюремщиков, а следовательно, и самой опасной.

День «Д». Я объявился у Эрни через полчаса, после того как в десять Неумерших уложили спать.

— Последняя возможность выйти из игры, если думаете, что не справитесь, — сказал мне хитрый шотландец.

— В жизни не шел на попятную, — солгал я сквозь приходящие в упадок зубы.

Эрни открутил решетку вентиляции и извлек из тайника мобильный телефон Дейдры. «У вас самый шикарный голос, — сообщил он мне, когда мы распределяли между собой роли, — и трепотня по телефону — это то, чем вы привыкли зарабатывать себе на жизнь». Я набрал номер Джонса Гочкиса, несколько месяцев назад добытый Эрни из записной книжки миссис Гочкис.

В ответ раздалось сонное: «В чем дело?»

— Алло, мистер Гочкис?

— Слушаю. Кто вы?

Читатель, вы будете мною гордиться.

— Доктор Конуэй, «Дом Авроры». Я замещаю

доктора Кверхена.

— Боже, что-нибудь с матерью?

— Боюсь, что так, мистер Гочкис. Крепитесь. Не думаю, что она протянет до утра.

— О! Да?

Где-то на заднем плане прозвучал требовательный женский голос:

— Кто это, Джонс?

— Боже! В самом деле?

— В самом деле.

— Но что… с ней такое?

— Тяжелый плеврит.

— Плеврит?!

Возможно, глубина моего вхождения в роль слегка превышала мою компетентность.

— У женщины в возрасте вашей матери всегда может случиться плеврит Хили, мистер Гочкис. Слушайте, я подробно изложу свой диагноз, когда вы сюда приедете. Ваша мать вас спрашивает. Я дал ей двадцать миллиграммов — э-э — морфадина-пятьдесят, и она не чувствует никакой боли. Но странно то, что она все время говорит о каких-то драгоценностях. Снова и снова повторяет: «Я должна сказать Джонсу, я должна сказать Джонсу…» Вы что-нибудь понимаете?

Момент истины. Он клюнул!

— О боже… Вы серьезно? Она помнит, куда их дела?

Женщина на заднем плане произнесла:

— Что? Что?

— Кажется, она ужасно расстроена, что эти драгоценности остались дома.

— Конечно, конечно, но где они, доктор? Она говорит, куда их припрятала?

— Слушайте, мне надо вернуться в ее комнату, мистер Гочкис. Встретимся в приемном отделении «Дома Авроры»… Когда?

— Спросите ее, где… нет, скажите ей… скажите мамочке, чтобы… Слушайте, доктор… э-э…

— Э-э… Конуэй! Конуэй.

— Доктор Конуэй, вы можете поднести телефон ко рту моей матери?

— Я врач, а не телефонный клуб. Приезжайте сами. Тогда она вам скажет.

— Скажите ей… просто пусть, ради бога, держится, пока мы не приедем… Скажите ей… что Пипкинс очень ее любит. Я буду… через полчаса.

Окончание начала. Эрни застегнул свою сумку с инструментами.

— Отличная работа. Держите телефон у себя, на случай если он перезвонит.

Для падения второй костяшки я должен был

стоять на страже в комнате мистера Микса и следить за происходящим сквозь дверную щель. Из-за большого упадка сил верный талисман котельной в великом побеге не участвовал, но его комната располагалась напротив моей и он понимал «Ш-ш-ш!» В четверть одиннадцатого Эрни отправился в регистратуру, чтобы сообщить сестре Нокс о моей смерти. Это домино могло упасть в нежелательном направлении. (Мы продолжительное время дискутировали, о чьем трупе и кто принесет известие; смерть Вероники, чтобы не вызвать подозрений у нашей мегеры, потребовала бы от Эрни разыграть драму, которая ему не по силам; смерть Эрни, о которой сообщила бы Вероника, отпадала из-за ее чрезмерной склонности к мелодрамам; комнаты их обоих соседствовали с комнатами не вполне еще бесчувственных Неумерших, которые могли бы вставить нам палки в колеса. Моя же комната находилась в старом школьном крыле, и единственным моим соседом был мистер Микс.) Большая неизвестность заключалась в персональной ненависти сестры Нокс ко мне. Поспешит ли она увидеть своего поверженного врага, чтобы вонзить мне в шею шляпную булавку и убедиться, что я действительно умер? Или сначала как следует отпразднует это дело?

Звук шагов. Стук в дверь. Сестра Нокс, обнюхивающая наживку. Костяшка номер три покачивалась, но уже вкрались кое-какие отклонения. Предполагалось, что Эрни будет сопровождать сестру Нокс до самой двери той комнаты, в которой меня настигла смерть. Она должна была сразу броситься вперед. Из своего укрытия я видел, как хищница вглядывается внутрь. Она включила свет. Классический штабель из подушек под одеялами, более реалистичный, чем вы могли бы подумать, потянул ее, как магнит. Я бросился через коридор и захлопнул дверь. Начиная с этой точки, третья костяшка зависела от замковых механизмов — наружная защелка была жесткой вращающейся штуковиной, и, прежде чем я успел ее повернуть, Нокс снова тянула дверь на себя: она упиралась ногами в дверную раму, и ее демоническая сила выкорчевывала мне бицепсы и вырывала запястья. Победа, я понимал, будет не за мной.

Поэтому я пошел на большой риск и на короткое время отпустил ручку. Дверь распахнулась, и ведьма полетела через всю комнату. Прежде чем она снова подоспела к двери, я закрыл ее и запер. В дверь колотился весь перечень угроз из «Тита

Андроника».[192] Они до сих пор преследуют меня в кошмарах. Явился пыхтящий Эрни с молотком и трехдюймовыми гвоздями. Он прибил дверь к раме и оставил охотницу заточенной в тюремной камере ее собственного изобретения.

Внизу, в приемном отделении, костяшка номер четыре посылала страшные и ужасные сигналы в переговорное устройство главных ворот. Вероника знала, какую надо нажать кнопку.

— Я сигналю вам по этой чертовой штуковине уже десять чертовых минут, а моя мать тем временем умирает! — Джонс Гочкис был расстроен. — Что за херню вы там затеяли?!

— Мне пришлось помочь доктору Конуэю удерживать вашу мать, мистер Гочкис.

— Удерживать? Из-за плеврита?!

Вероника нажала на переключатель, и, как мы надеялись, ворота по ту сторону прилежавшей к дому территории широко распахнулись. (Предвижу, что читатель, любящий писать письма, может спросить, почему мы не воспользовались этим самым переключателем для побега. Объясняю, что ворота автоматически закрывались

---

[192] Примечания: 192

…перечень угроз из «Тита Андроника». — «Тит Андроник» — ранняя и едва ли не самая кровавая из пьес У. Шекспира; опубликована в 1594 г., написана ок. 1591 г. и, возможно, в соавторстве.

через сорок секунд; что за столом с переключателем обычно сидел кто-нибудь из персонала; и что за оградой на много миль тянулись болотистые пустоши, где властвовала зима.) Доносившийся сквозь морозную дымку скрип шин становился все громче. Эрни укрылся в заднем кабинете, а я встретил внедорожник на крыльце. На водительском месте сидела жена Джонса Гочкиса.

— Как она? — спросил Гочкис, взбегая по ступенькам.

— Все еще с нами, мистер Гочкис, все еще спрашивает вас.

— Слава богу! Это вы Конуэй?

Мне хотелось уклониться от медицинских вопросов.

— Нет, доктор у вашей матери, я просто здесь работаю.

— Никогда вас не видел.

— Собственно, моя дочь работает здесь приходящей нянечкой, но из-за нехватки людей и внезапной болезни вашей матери меня попросили посидеть за столом в приемном покое. Отсюда и задержка с открытием главных ворот.

Его жена хлопнула дверцей машины.

— Джонс! Слышишь? Здесь ниже нуля, а твоя мать умирает. Не могли бы мы разобраться с

ошибками протокола позже?

Появилась Вероника в ночном чепце с блестками.

— Мистер Гочкис? Мы с вами несколько раз виделись. Ваша матушка — моя лучшая здесь подруга. Пожалуйста, поспешите к ней. Она у себя в комнате. Доктор считает, что передвигать ее слишком опасно.

Джонс Гочкис готов был учуять какой-то подвох, но как он мог заподозрить, что этот божий одуванчик участвует в обмане и заговоре? Раздраженные вопли жены заставили его поспешить по коридору.

Я снова был на месте водителя. Эрни погрузил в багажник свою артрическую приспособу и немыслимое количество шляпных коробок, а сам впрыгнул на пассажирское место. Я не менял машину после ухода мадам Х., а вклинившиеся годы не сбрасывались с той легкостью, на какую я надеялся. Черт возьми, какая педаль к чему относится? Акселератор, тормоз, сцепление, зеркало, сигнал, руль. Я потянулся за ключом зажигания.

— Чего вы ждете? — спросил Эрни.

Мои пальцы настаивали: ключа нет.

— Быстрее, Тим, быстрее!

— Нет ключа. Нет этого чертова ключа.

— Он всегда оставляет ключ в замке!

Мои пальцы настаивали, что ключа нет.

— За рулем была его жена! Она забрала ключи! Чертова баба забрала ключи с собой! Святой чертов Иуда, что же нам теперь делать?

Эрни поискал ключ на приборной доске, в бардачке, на полу.

— Вы можете завести ее без ключа? — спросил я с отчаянием в голосе.

— Не раскисайте! — крикнул он в ответ, роясь в пепельнице.

Домино пять стояло вертикально, словно приклеенное «Суперклеем».

— Простите, — сказала Вероника.

— Посмотрите под солнечным щитком!

— Здесь ничего, кроме чертова… чертова… чертова…

— Простите, — сказала Вероника — Это не ключ от машины?

Мы с Эрни оглянулись и, увидев ключ от американского замка, хором провыли: «Не-ееееееттт!» Мы взвыли снова, когда увидели, что по освещенному дежурным освещением коридору из пристройки, где находилась столовая, несется Уизерс, а за ним по пятам поспевают Гочкисы.

— Ох, — сказала Вероника. — Этот толстенький

тоже выпал…

Мы видели, как Уизерс добежал до приемного отделения. Через стекло он смотрел прямо на меня, передавая ментальный образ ротвейлера, терзающего тряпичную куклу, сшитую по образу Тимоти Лэнгленда Кавендиша в возрасте шести-десяти шести без четверти лет. Эрни запер все двери, но какой нам от этого прок?

— А как насчет этого?

Уж не покачивала ли Вероника перед моим носом ключом от машины? С логотипом «Рейнджровер»?

— Да-а-а-а-а-а!!! — возопили мы с Эрни.

Уизерс распахнул парадную дверь и одним прыжком преодолел все ступеньки.

Я нащупал ключи и выронил их.

Уизерс полетел кубарем, поскользнувшись на замерзшей луже. Я ударился головой о рулевое колесо, и раздался рев клаксона. Уизерс дергал ручку запертой дверцы. Пока я шарил рукою по полу, внутри черепа у меня вспыхивали фейерверки боли. Джон Гочкис вопил:

— Выметайте свои костлявые скелеты из моей машины, иначе я подам в суд… Дьявольщина, да я по-любому подам!

Уизерс колотил в мое окно дубинкой, нет, это

был его кулак; по стеклу царапало кольцо с драгоценным камнем супруги Гочкиса; ключ каким-то образом скользнул в замок зажигания; двигатель взревел и ожил; приборная доска осветилась волшебными огоньками; Чет Бейкер пел «Давай затеряемся»;[193] Уизерс висел на двери и колотил в нее; Гочкисы корчились в свете фар, как грешники Эль Греко;[194] я перевел внедорожник на первую скорость, но он скорее тащился, чем двигался, потому что был на ручном тормозе; «Дом Авроры» светился, как НЛО из «Близких контактов»;[195] я отмахнулся от чувства, что много раз прежде переживал этот самый момент; снял ручной тормоз, ударил бампером Уизерса; переключился на вторую скорость; Гочкисы не тонули, но раскачивались на волнах, те унесли

---

[193] Примечания: 193

…Чет Бейкер пел «Давай затеряемся»… — «Let's Get Lost» — песня Фрэнка Лёссера и Джимми Макхью, исполнялась знаменитым трубачом Четом Бейкером (1929–1988) в начале 1950-х гг.; также назывался документальный фильм о Бейкере, выпущенный в год его смерти.

[194] Примечания: 194

…Гочкисы корчились в свете фар, как грешники Эль Греко… — Эль Греко (Доменико Теотокопули, 1541–1614) — испанский живописец греческого происхождения; насыщенная экзальтация его образов сближает творчество Эль Греко с маньеризмом.

[195] Примечания: 195

…светился, как НЛО из «Близких контактов»… — «Близкие контакты третьего рода» (1977) — фильм Стивена Спилберга, в главных ролях Ричард Дрейфус, Франсуа Трюффо, Тери Гарр. Появление большого

светящегося НЛО — кульминация фильма.

их, и мы оторвались!

Я ехал вокруг пруда, в сторону от ворот, потому что миссис Гочкис оставила внедорожник смотрящим в эту сторону. Посмотрел в зеркало — Уизерс и Гочкисы мчались за нами, словно чертовы спецназовцы.

— Я хочу заманить их подальше от ворот, — выпалил я Эрни, — чтобы у вас было время разобраться с замком. Сколько вам понадобится? Думаю, сорок пять секунд у вас будет.

Эрни меня не слышал.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы взломать замок?

— Ворота вам придется таранить.

— Что?!

— Здоровенный внедорожник на скорости в пятьдесят миль запросто с этим управится.

— Что?! Вы же говорили, что можете взломать этот замок хоть во сне!

— Эту хитрую электрическую штуковину? Ни в коем разе!

— Я не стал бы запирать Нокс и угонять машину, если бы знал, что вы не можете взломать замок!

— Да, именно, вы ведь неженка, вот вас и надо было подбодрить.

— Подбодрить?!

В моем вопле было поровну испуга, отчаяния и ярости. Машина пробиралась сквозь цеплявшиеся за нее кусты.

— Как ужасно волнительно! — воскликнула Вероника.

Эрни говорил так, словно обсуждал какую-то головоломку.

— Если центральный столб не утоплен слишком глубоко, ворота от удара просто разлетятся.

— А если он таки утоплен?

В Веронике обнаружилась маниакальная черточка.

— Тогда от удара разлетимся мы сами! Так что жмите, мистер Кавендиш!

Ворота стремительно надвигались, они были от нас в десяти, восьми, шести корпусах машины. Откуда-то из тазового моего этажа раздался голос отца: «Парень, ты имеешь хоть малейшее представление, во что ты вляпался?!» Так что я его послушался, я повиновался ему и ударил по тормозам. Мама шепнула мне в ухо: «Высади их, Тим, что тебе терять?» Мысль о том, что вместо тормозов я ударил по педали акселератора, была последней — два корпуса машины, один, баммм!

Вертикальные прутья стали диагональными.

Ворота слетели с петель.

Сердце мое прыгало, как на батуте, от горла к желудку, снова и снова, «рейнджровер» заносило по всей ширине дороги, я изо всех сил удерживал свой кишечник запечатанным, тормоза визжали, но я не дал машине съехать в кювет, двигатель по-прежнему работал, и ветровое стекло осталось невредимым.

Остановка.

В лучах фар, сгущаясь и редея, клубился туман.

— Мы гордимся вами, — сказала Вероника, — правда, Эрнест?

— Да, парень, и еще как!

Эрнест похлопал меня по спине. Я слышал, как позади, не очень далеко, изрыгал гневные проклятия Уизерс. Эрни опустил окно и крикнул в сторону «Дома Авроры» «Ко-о-о-о-о-оззззззллллллы-ы-ы-ы-ы-ы!» Я снова надавил на газ. Шины зашуршали по гравию, двигатель разошелся, и «Дом Авроры» исчез в ночи. Черт возьми, когда твои родители умирают, они переселяются в тебя.

— Где дорожная карта? — спросил Эрни, шаря в бардачке. Пока что в числе его находок были только солнечные очки и пакет ирисок.

— Не нужно. Маршрут я помню. Знаю его как

свои пять пальцев. Любой побег на девять десятых зависит от службы тыла.

— Лучше держаться подальше от шоссе. Теперь на них ставят камеры и черт знает что еще.

Я размышлял о зигзагах своей карьеры — из издателя я превратился в угонщика.

— Знаю.

Вероника изобразила мистера Микса — превосходно:

— Я знаю! Я знаю!

Я сказал ей, что голос Микса она воспроизвела невероятно точно.

— Я ничего не говорила, — сказала она после паузы.

Эрни обернулся и удивленно вскрикнул. Когда я посмотрел в зеркало и увидел мистера Микса, забившегося в самое заднее купе автомобиля, то едва не съехал с дороги.

— Как… — начал я. — Когда… кто…

— Мистер Микс! — проворковала Вероника. — Какой чудесный сюрприз!

— Сюрприз? — сказал я. — Он нарушил законы чертовой физики!

— Вряд ли мы можем себе позволить сделать крюк в Эд, — констатировал Эрни, — и сейчас слишком холодно, чтобы его высадить. К утру он

превратится в ледышку.

— Мы сбежали из «Дома Авроры», мистер Микс, — объяснила Вероника.

— Я знаю, — проблеял этот словно бы вконец нализавшийся старый дурачок, — я знаю.

— Один за всех и все за одного, да?

Пока внедорожник пожирал мили, направляясь к северу, мистер Микс сочился хихиканьем, сосал ириски и мычал марш «Британские гренадеры».

Свет
фар выхватил надпись: БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ НА ДОРОГАХ ШОТЛАНДИИ. Здесь Эрни большим красным крестом обозначил на карте конец нашего маршрута, и теперь я видел почему. Перед нами была круглосуточная заправка, а радом с нею — паб под названием «Повешенный Эдвард». Давно уже перевалило за полночь, но огни все еще горели.

— Припаркуйтесь у паба. Я выйду и принесу канистру бензина, так что никто нас не заметит. Потом предлагаю по-быстрому спрыснуть хорошо сделанную работенку. Дурак Джонс оставил в машине свой пиджак, а в пиджаке-то — как-никак! — Эрни похвастался бумажником размером с мой портфель. — Уверен, что он позволит нам

гульнуть.

— Я знаю! — пришел в восторг мистер Микс. — Я знаю!

— «Драмбуи» с содовой, — решила Вероника, — будет самое то.

Через пять минут Эрни вернулся с канистрой.

— Порядок.

Он перелил бензин в бак, потом мы вчетвером отправились через стоянку к «Повешенному Эдварду».

— Бодрящая ночка, — заметил Эрни, предлагая руку Веронике.

Было чертовски холодно, и я никак не мог унять дрожи.

— И красивая луна, Эрнест, — добавила Вероника, продевая свою руку в его. — Какая великолепная ночь для побега с возлюбленным!

Она рассмеялась так, словно ей было шестнадцать. Я закрутил крышку над старинной своей мучительницей — Ревностью. Мистер Микс плелся шатко, и я поддерживал его до самой двери, где на доске мелом рекламировался «Смачный Матч!». В теплой пещере за дверью куча народу смотрела по телевизору футбол в каком-то отдаленном часовом поясе, где, в отличие от нашего, было светло. На восемьдесят первой

минуте Англия отставала от Шотландии на один мяч. Никто нас даже не заметил. Англия играла с Шотландией, где-то за границей, посреди зимы — что, опять пришла пора отборочных матчей на Кубок мира? Вот и говори теперь о чертовом Рип ван Винкле![196]

Я не большой любитель пабов с трансляциями, но там, по крайней мере, не было этой тум-тум-тумбовой кислотно-электрической музыки, а добытая тем вечером свобода выступала в роли самого прекрасного угощения. Парнишка с повадками овчарки расчистил для нас место на скамье возле очага. Выпивку заказывал Эрни, потому что, как он сказал, у меня слишком южный выговор, за что мне могут плюнуть в стакан. Я получил двойной «Килмагун» и самую дорогую сигару, которую могли раздобыть в пабе, Вероника заказала свое «Драмбуи» с содовой, мистеру Миксу досталось имбирное пиво, а Эрни — кружка «Энгри-Бастарда» горького. Бармен не отрывал глаз от экрана — он обслуживал нас исключительно на ощупь. Как только мы уселись в одной из ниш, вдоль стойки пронесся циклон отчаяния. Шотландии назначили пенальти. Зрителей на-

[196] Примечания: 196

Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы (1820) Вашингтона Ирвинга (1783–1859), на двадцать лет заснувший в горной пещере.

электризовало чувство племенной розни.

— Эрни, хотелось бы уточнить наш маршрут. Позвольте-ка взглянуть на карту.

— Но ведь она оставалась у вас.

— А, должно быть, она… — У меня в комнате. Здесь, режиссер Ларс, надо как можно более крупным планом подать лицо Кавендиша, осознающего свою зловещую ошибку. Я забыл ее на своей кровати. На благо сестры Нокс. Забыл карту, на которой фломастером был обозначен наш маршрут. — В машине… О господи. По-моему, нам бы лучше по-быстрому покончить с выпивкой и ехать дальше.

— Но мы ведь только начали.

Я с трудом сглотнул.

— Насчет этой, как ее, карты…

Взглянув на часы, я расчислил расстояния и скорости. До Эрни начинало доходить.

— Что насчет карты?

Мой ответ потонул в вопле племенного горя: Англия сравняла счет. И в этот самый момент, вот чтоб мне провалиться, в дверь просунулся Уизерс. Гестаповские его глазки остановились на нас. Нет, счастливым он не был. Рядом с ним появился Джонс Гочкис, увидел нас, и уж вот он-то был по-настоящему счастлив. Он вынул мо-

бильный телефон, чтобы призвать своих ангелов мщения… В отряде их состоял еще какой-то неотесанный детина в промасленном комбинезоне, но, похоже, сестра Нокс убедила Джонса Гочкиса воздержаться от вызова полиции. Мне никогда не доведется узнать, кем был этот промасленный детина, однако я сразу же понял: игра окончена.

Вероника горько вздохнула.

— Я цветущий горный край, — едва ли не пропела она, — так надеялась увидеть, но, увы, мечта, прощай…

Впереди простиралась отравленная лекарствами полужизнь из ограничений и предписаний. Мистер Микс поднялся на ноги, чтобы идти с нашим тюремщиком.

Он издал библейский рев. (Ларс: крупным планом — начинаем из-за автостоянки, следуем через поглощенный матчем бар и нацеливаемся между сгнивших миндалин Микса.) Телезрители оборвали свои разговоры, расплескали содержимое стаканов и воззрились. Даже Уизерс оцепенел. Восьмидесятилетний старик вскочил на стойку,

словно Астер[197] в лучшую свою пору, и проревел SOS, адресованный вселенскому братству.

— Иль нет иссссстинных шортланцев в этэм до-о-оме?

Целое предложение! Эрни, Вероника и я оторопели, словно кефали.

Высокая драма. Никто не шелохнулся. Иссохшим, как у скелета, пальцем мистер Микс указал на Уизерса и речитативом произнес это древнее проклятие:

— Эти вот английские хмыррри попэрррают мои Богом данные прррэва! Они очччень гррубо угрррожают мне и моим дрррругам, и нам нужжжна ваш' помыщь!

Уизерс ворчливо бросил нам:

— Утихомирьтесь и будьте готовы принять свое наказание.

Южная английскость нашего захватчика вышла наружу!

Поднялся, словно Посейдон, какой-то байкер и сжал-разжал кулаки, разминая суставы. Рядом с ним встал крановщик. Мужчина с акульим

---

[197] Примечания: 197

Астер, Фред (Фредерик Аустерлиц, 1899–1987) — знаменитый американский танцор и актер, прославившийся как на сцене, так и в кинематографе; его частой партнершей была Джинджер Роджерс. Обычно снимался в комедийных мюзиклах, наиболее известный из которых — «Цилиндр» (1936) на музыку Ирвинга Берлина.

подбородком в костюме за тысячу долларов. Женщина-лесоруб — судя по шрамам.

Телевизор выключили.

Один из горцев мягко произнес:

— Эй, парниша. Мы те этого не позволяем.

Уизерс оценил положение и воспользовался самодовольной ухмылкой типа «будем реалистами!».

— Эти люди — угонщики.

Женщина-лесоруб выдвинулась вперед:

— Так ты что, копарь?

Вперед шагнул крановщик:

— Тогда покажь нам свой значок.

— Да ты, я вижу, полон дерьма, парень, — сплюнул Посейдон.

Сохраняй они хладнокровие, мы бы проиграли, но Джонс Гочкис забил роковой гол в собственные ворота. Обнаружив, что дорогу ему преградили кием для пула, он предварил свои муки такими словами:

— Ну а теперь послушайте, вы, поганки: вас могут засунуть в ваш же долбаный спорран,[198] если вы думаете…

Один из его зубов плюхнулся в мой «Килмагун»,

---

[198] Примечания: 198

Спорран — кожаная сумка мехом наружу (часть костюма шотландского горца).

пролетев футов пятнадцать. (Я выудил этот зуб, чтобы хранить его как доказательство, иначе никто бы мне никогда не поверил.) Уизерс поймал и сломал запястье надвигающейся руки, швырнул низкорослого противника через бильярдный стол, но людоед был один, а его разъяренных врагов — целый легион. О, последовавшая за этим сцена была сравнима с Трафальгарской битвой.[199] Должен признать, что вид того, как зверствовали над зверем, не был вполне отталкивающим, но, когда Уизерс грохнулся на пол и на него посыпались калечащие удары, я предложил тактично удалиться за кулисы к нашему одолженному средству передвижения. Мы вышли через заднюю дверь и понеслись к автостоянке со всей быстротой, какую позволяли восемь ног совокупным возрастом больше чем три столетия. Я повел машину. На север.

Чем все это кончится, я не знаю.

---

[199] Примечания: 199

Трафальгарская битва — сражение между английским и франко-испанским флотами 28 октября 1805 года у мыса Трафальгар возле города Кадис на атлантическом побережье Испании; закончилось разгромом французской эскадры, но английский командующий, адмирал Нельсон, был смертельно ранен.

КОНЕЦ

Оч. хор., дорогой Читатель, вы заслуживаете эпилога, раз уж оставались со мною так долго. Мое страшное испытание завершилось в этом чистеньком пансионе в Данди, который содержит осторожная вдова с острова Мэн. После драки в «Повешенном Эдварде» мы, четыре слепые мышки, погнали в Глазго, где Эрни знает спившегося полицейского, который сможет позаботиться о машине Гочкиса. Здесь наше содружество распалось. Эрни, Вероника и мистер Микс помахали мне вослед на вокзале. Эрни пообещал принять огонь на себя, если закону суждено когда-либо нас поймать, поскольку он слишком стар, чтобы предстать перед судом; это чертовски порядочно с его стороны. Они с Вероникой направлялись в некое поселение на Гебридах, где кузен Эрни, священник и мастер на все руки, приводит в порядок заросшие травой огороды для русских мафиози и немецких энтузиастов изучения гэльского языка. Я возношу свои светские молитвы за их благополучие. Мистеру Миксу надлежало быть помещенным в публичную библиотеку с ярлычком «Пожалуйста, позаботьтесь об этом

медвежонке»,[200] но подозреваю, что Эрни и Вероника возьмут его с собой. По прибытии к вдове с острова Мэн я уснул под пуховым своим одеялом так же крепко, как король Артур на острове Блаженных. Почему я не сел на первый же поезд, идущий на юг, к Лондону, там и тогда? До сих пор не уверен. Может быть, я вспоминаю замечание Денхольма касательно жизни за пределами шоссе «М-25». Мне никогда не узнать, какую роль сыграл он в моем заточении, но он был прав — Лондон затемняет карту, словно полип в кишечнике Англии. Здесь, выше, находится целая страна.

В библиотеке я отыскал домашний телефон миссис Лэтем. Трогательным было наше телефонное воссоединение. Разумеется, миссис Лэтем пригасила свои чувства, костеря меня в хвост и в гриву, прежде чем поведать о том, что произошло за недели моего отсутствия. Гидра Хоггинсов распотрошила наш офис вдоль и поперек, когда я не смог явиться на свою назначенную на три часа кастрацию, но годы балансирования на грани

---

[200] Примечания: 200

…с ярлычком «Пожалуйста, позаботьтесь об этом медвежонке»… — С такой надписью на вокзале Паддингтон четой Браун был обнаружен прибывший из Дремучего Перу медвежонок в первой из цикла детских книжек Майкла Бонда (р. 1926) о медвежонке Паддингтоне, вышедшей в 1958 г.

финансового краха привели мою устрашающую «подпорку» в прекрасную форму. Она засняла акт вандализма на хитрую видеокамеру, предоставленную ей ее племянником.

Хоггинсы, таким образом, были обузданы: держитесь подальше от Тимоти Кавендиша, предостерегла их миссис Лэтем, иначе этот документальный фильм попадет в Интернет и из ваших разнообразных испытательных сроков вылупятся тюремные приговоры. Так она убедила их принять справедливое предложение, ограничивающее их будущие гонорары. (Подозреваю, они испытали раболепное восхищение хладнокровием моей дамы-бульдога.) Компания, управляющая зданием, воспользовалась моим исчезновением — и разгромом моей конторы — как поводом для того, чтобы нас вышвырнуть. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, мои бывшие комнаты отделывают под «Хард-рок-кафе» для скучающих по дому американцев. В настоящее время дела «Издательства Кавендиша» ведутся из дома, которым владеет старший племянник моей секретарши, живущий в Танжере. А теперь самая лучшая новость: какая-то студия в Голливуде за право снимать фильм по «Удару кастетом» уплатила сумму, бессмысленно длинную, как строка

в кодированной телеграмме. Куча денег отойдет Хоггинсам, но все равно, впервые с тех пор, как мне было двадцать два, я краснею.

Миссис Лэтем отобрала мои банковские карточки и проч., и теперь я, подобно Черчиллю и Сталину в Ялте, планирую будущее, лежа на медвежьих шкурах — и должен сказать, что будущее это не слишком уж убого. Я найду голодного писателя-«негра», чтобы он превратил те заметки, что вы сейчас прочли, в мой собственный киносценарий. Да какого черта, если Дермот «Кастет» Хоггинс может написать бестселлер, по которому снимут фильм, то почему того же самого не может сделать Тимоти «Лазарь» Кавендиш? Вставить сестру Нокс в мою книгу, усадить ее на скамью подсудимых — да и отправить на плаху. Эта женщина была искренней — большинство изуверов искренни, — но из-за этого ничуть не менее опасной, а потому должна быть названа и устыжена. С несущественным вопросом — заимствованием машины Джонса Гочкиса — требуется обойтись как можно деликатнее, но паршивую рыбешку надо зажарить как следует. Миссис Лэтем связалась по электронной почте с Хилари В. Хаш, выразив нашу заинтересованность в «Периодах полураспада», и не прошло и часу, как почтальон

доставил часть вторую. В бандероль было вложено фото, и оказалось, что «В» означает «Винсент»! Ну а что за жиртрест! Я и сам не Чиппендейл,[201] но при полете экономическим рейсом Хилари займет даже не два, но три места. Сейчас я узнаю, жива ли до сих пор Луиза Рей, вот доберусь только до одного из уголков «Заполошного чертополоха», своего фактического офиса, потерпевшего крушение галеона, таверны на задворках, куда Мария, королева Шотландии,[202] призывала дьявола, чтобы тот ей помог. Тамошний хозяин, чьи двойные порции в правленческо-совещательном Лондиниуме сошли бы за четверные, клянется, что видит ее злосчастное величество, притом регулярно. In vino Veritas.[203]

Вот так, более или менее, дело и обстоит. Пора

---

[201] Примечания: 201

Ну а что за жиртрест! Я и сам не Чиппендейл… — Томас Чиппендейл (1718–1779) — знаменитый английский мебельный мастер, чье имя стало нарицательным; секретеры, стулья и другие изделия его работы отличались характерной стройностью.

[202] Примечания: 202

Мария, королева Шотландии (Мария Стюарт, 1542–1587) — дочь короля Шотландии Иакова V и французской принцессы Марии де Гиз, королева Шотландии с младенчества до низложения в 1567 г., а также королева Франции в 1559–1560 г. (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол.

[203] Примечания: 203

Истина в вине (лат.).

средних лет улетучилась, но не годы, а отношение к ним — вот что либо заставляет тебя присоединиться к рядам Неумерших, либо обещает спасение. В царстве молодости обитает много Неумерших душ. Они так и мечутся туда-сюда, их внутреннее гниение остается скрытым несколько десятилетий, вот и все. За окном пушистые снежные хлопья падают на шиферные крыши и гранитные стены. Подобно Солженицыну, работавшему в Вермонте, я стану трудиться в изгнании, вдали от города, который сращивал мои кости.

Подобно Солженицыну, я вернусь однажды, в светлых еще сумерках.

Периоды полураспада
Первое расследование Луизы Рей

40

Черная морская вода с ревом врывается внутрь. Ее холодные объятия приводят Луизу в чувство. Задний мост «фольксвагена» ударился о воду под углом в сорок пять градусов, так что сиденье спасает ее от перелома позвоночника, но теперь машина раскачивается кверху дном. Привязной ремень удерживает Луизу в нескольких дюймах от ветрового стекла. «Выбирайся наружу, или умрешь здесь». Луиза паникует, вдыхает воду и, кашляя, возится в воздушном мешке. «Расстегни этот ремень. — Она извивается и царапает замок ремня. — Высвободи защелку». Та не поддается. Машина, выполняя полусальто, погружается глубже, и со рвущимся шумом огромный, похожий на осьминога пузырь уплывает прочь. Луиза лихорадочно впивается в защелку, и ремень наконец расстегивается и уплывает. «Еще воздуха». Она находит воздушный мешок, застрявший под ветровым стеклом, за которым видна только темная вода. Водная масса плотно придавливает дверцы. Опусти стекло. Оно медленно опускается и застревает на половине, как раз там, где застревает всегда. Луиза изворачивается и просо-

вывает в щель голову, плечи и туловище. Отчет Сиксмита!

Она втягивается обратно в тонущий автомобиль. «Ни черта не видно. Пластиковый мешок для мусора. Засунут под сиденье. — Она складывается вдвое в тесном пространстве… — Вот он». Она горбится, словно волочит мешок с камнями. Снова, ногами вперед, пытается пролезть в проем окна, но отчет слишком толст. Тонущая машина тянет Луизу за собой.

Теперь у нее болят легкие. Вес промокших бумаг учетверился. Мешок для мусора пролез в окно, но Луиза, молотя руками и ногами, вдруг чувствует, что он полегчал. Сотни страниц свободно разлетаются из папки, увлекаемые морем, куда ему заблагорассудится, мечась вокруг Луизы, — «словно игральные карты в „Алисе“». Она сбрасывает туфли. Ее легкие вопят, проклинают, молят. Каждый удар сердца бьет по ушам. «Где верх? — В воде слишком темно, чтобы угадать. — Верх — это прочь от машины. — Ее легкие вот-вот разорвутся. — Где же машина?» Луиза понимает, что за отчет Сиксмита она заплатила жизнью.

41

Айзек Сакс смотрит вниз, на прозрачное утро Пенсильвании. В лабиринты пригородов из особнячков красного дерева и шелковых лужаек вправлены бирюзовые бассейны. Иллюминатор реактивного самолета, принадлежащего корпорации, холодит ему лицо. В шести футах прямо под его сиденьем, в багажном отсеке, стоит чемодан с достаточным количеством «Си-4», чтобы обратить самолет в метеор. «Итак, — думает Сакс, — ты повиновался своей совести. Теперь отчет Сиксмита попал к Луизе Рей. — Он как можно подробнее вспоминает ее лицо. — Что же ты чувствуешь — сомнение? Облегчение? Страх? Правоту?

Предчувствую, что никогда ее больше не увижу».

Альберто Гримальди, человек, которого он провел, смеется какому-то замечанию своего адъютанта. Проходит стюардесса с подносом, на котором позвякивают бокалы с выпивкой. Сакс углубляется в свою записную книжку и пишет в ней следующие фразы:

Экспозиция: Соотношение между реальным прошлым + виртуальным прошлым может быть проиллюстрировано хорошо известным общеисторическим событием, например гибелью «Титаника». Катастрофа, как она произошла в действительности, погружается во мрак, поскольку ее свидетели умирают, документы гибнут + останки корабля разлагаются в пучине Атлантики. Однако виртуальная гибель «Титаника», воссозданная на основе переработанных воспоминаний, бумаг, слухов и домыслов — то есть, одним словом, веры, — ставится все «правдивее». Реальное прошлое хрупко, во всех отношениях смутно + к нему все труднее получить доступ + оно все менее поддается реконструкции, в противоположность чему виртуальное прошлое гибко, во всех отношениях ярко + его все труднее опровергнуть / выставить мошенничеством.

Настоящее оказывает давление на виртуальное прошлое, чтобы последнее ему служило, обеспечивая доверие к его мифологии + легитимность для навязывания своей воли. Власть стремится к праву

+ является правом «благоустраивать» виртуальное прошлое. (Тот, кто платит историку, заказывает музыку.)

Симметрия требует также реального + виртуального будущего. Мы воображаем, что будет представлять собой следующая неделя, следующий год или год 2225-й, — это виртуальное будущее, созданное желаниями, пророчествами + снами наяву. Это виртуальное будущее может влиять на реальное будущее, как в сбывающемся пророчестве, но реальное будущее затмит наше виртуальное будущее с той же неизбежностью, с какой завтра затмевает сегодня. Подобно Утопии, реальное будущее + реальное прошлое существуют только в туманном отдалении, где они для всех равно бесполезны.

Вопрос: Имеется ли значимое различие между одним подобием дыма, зеркал + теней — реальным прошлым — и другим таким подобием — реальным будущим?

Единая модель времени: бесконечная матрешка раскрашенных моментов, каждая «оболочка» которой (настоящее) заключает в себе гнездо «оболочек»

(предыдущих настоящих), которые я называю реальным прошлым, но которые мы воспринимаем как виртуальное прошлое. Точно так же матрешка «сейчас» заключает в себе гнездо настоящих, которым предстоит быть и которые я называю реальным будущим, но которые мы воспринимаем как виртуальное будущее.

Пропозиция: Я влюбился в Луизу Рей.

Детонатор срабатывает. «Си-4» воспламеняется. Огненный шар обволакивает самолет. Металл, пластик, проводка, пассажиры, их кости, одежда, записные книжки и мозги теряют свои определения в языках пламени температурой свыше 120 °C. В обоих наших прошлых — реальном и виртуальном — нерожденные и умершие существуют едино. Теперь начнется разветвление двух этих прошлых.

42

— Бетти и Фрэнку потребовалось подкрепить свои финансы, — рассказывает Ллойд Хукс своей аудитории за завтраком в отеле на Суоннекке. Кружок неофитов и прислужников жадно внимает словам Энергетического Гуру Президента. — Так что они решают: пусть Бетти отправится на ночной промысел, чтобы заработать немного наличных. Вот наступает ночь. Фрэнк отвозит Бетти на Аллею Шлюх, чтобы та занялась новым ремеслом. «Слушай, Фрэнк, — говорит Бетти с тротуара, — сколько мне запрашивать?» Фрэнк подсчитывает и говорит: «Сотню баксов за все дела, солнышко». Так вот, Бетти отправляется на пост, а Фрэнк паркуется в укромном местечке. Какой-то тип в раздолбанном старом «крайслере» скоренько подкатывает к Бетти и говорит: «Сколько за всю ночь, милашка?» Бетти отвечает: «Сто долларов». Парень говорит: «У меня только тридцать. Что я могу получить за тридцатку?» Ну, тут Бетти бросается к Фрэнку и спрашивает. Фрэнк говорит: «Скажи ему, что за тридцатку ты можешь ему только подрочить». Ну, Бетти возвращается к парню и…

На заднем плане Ллойд Хукс замечает Билла Смока. Билл Смок поднимает один, два, три пальца; три пальца складываются в кулак; кулак разжимается в ладонь, которой Билл делает режущий жест. «Альберто Гримальди мертв, Айзек Сакс мертв, Луиза Рей мертва. Проныра, подлец, прохвост. — Хукс взглядом говорит Смоку, что понял, и на ум ему приходит отрывок из греческого мифа. — Священный грот Дианы охранялся воином-жрецом, которого щедро осыпали роскошными дарами, но который заслужил свою должность, убив предшественника. Когда спал, он рисковал своей жизнью. Гримальди, ты почивал слишком долго».

— Ну, в общем, Бетти возвращается к этому парню и говорит, что за тридцатку он получит только рукоделье, бери либо вали. Парень говорит: «Согласен, солнышко. Прыгай в машину, беру рукоделье. Есть здесь где-нибудь укромное местечко?» Бетти помогает ему подъехать к закутку, где стоит Фрэнк, и парень расстегивает ремень и высовывает — ну такой, понимаете ли, обалденный брандспойт… ну, совсем как у Гаргантюа! «Погоди-ка! — задыхается Бетти. — Я сейчас». Она выпрыгивает из машины и стучит в окно Фрэнку. Фрэнк опускает стекло. «Ну что

еще?» — Хукс делает паузу перед нокаутирующей фразой. — Бетти говорит: «Слышь, Фрэнк, одолжи этому чуваку семьдесят долларов!»

Мужчины, которым предстоит быть членами правления, гогочут, словно гиены. «За деньги счастья не купишь, — думает Ллойд Хукс, — кто бы это ни сказал, у него, по-видимому, капусты в достатке не было».

43

Хестер Ван Зандт наблюдает через бинокль за ныряльщиками на катере. Босой подросток в пончо семенит с несчастным видом вдоль пляжа, приближается и треплет благородную дворнягу Хестер.

— Что, Хестер, не нашли еще машину? Пролив в этом месте довольно глубокий. Потому-то рыба так хорошо и ловится.

— Трудно сказать на таком расстоянии.

— Это, типа, прикол — утонуть в том самом море, которое загрязняешь. Охранник, типа, рассказал мне кое-что свеженькое. Сказал, что за рулем была пьяная женщина, около четырех утра.

— Мост на Суоннекке подчиняется тем же специальным нормам безопасности, что и сам остров. Приморской корпорации вольно говорить все что угодно. Никто не станет проверять.

Подросток зевает.

— Как думаете, она утонула в машине, эта женщина? Или выбралась и, типа, утонула позже?

— Невозможно сказать.

— Если она была настолько пьяная, что про-

била ограждение, она не смогла бы добраться до берега.

— Кто знает?

— Страшноватая смерть.

Подросток зевает и уходит прочь. Хестер устало бредет к своему трейлеру. Индеец Мильтон сидит на его ступеньке и пьет молоко из картонки. Он вытирает рот и говорит:

— Чудо-женщина[204] проснулась.

Хестер огибает Мильтона и спрашивает женщину на диване, как та себя чувствует.

— Повезло, что осталась в живых, — отвечает Луиза Рей. — К тому же я высохла и до отвала наелась оладий. Спасибо, что одолжили одежду.

— Повезло, что у нас один размер. Ныряльщики ищут вашу машину.

— Отчет Сиксмита, а не мою машину. А мой труп стал бы для них бонусом.

Мильтон запирает дверь.

— Значит, вы пробили ограждение, упали в море, выбрались из тонущей машины и проплыли триста ярдов до берега? Отделавшись лишь легкими синяками?

— Как только подумаю о заявлении в страховую

---

[204] Примечания: 204

«Чудо-женщина» (1974–1979) — американский телесериал по мотивам одноименного комикса, выходившего с 1942 г.

компанию, то становится очень больно.

Хестер садится.

— Что будете делать дальше?

— Ну, первым делом мне надо вернуться к себе и взять кое-что из вещей. Потом остановлюсь у своей матери, в Юингсвилле. Потом… вернусь к главному. Без отчета я не смогу заинтересовать в том, что творится на Суоннекке ни полицию, ни своего редактора.

— У матери вы будете в безопасности?

— Пока в Приморской корпорации считают, что я мертва, Джо Нейпир не явится меня искать. Когда узнают, что нет… — Она пожимает плечами, событиями последних шести часов облаченная в панцирь фатализма. — В общем, в безопасности, а может, и нет. Приемлемая степень риска. Я не так часто занимаюсь подобного рода вещами, чтобы хорошо в этом разбираться.

Мильтон сует большие пальцы в карманы.

— Я отвезу вас обратно в Буэнас-Йербас. Одну минуту, пойду позвоню другу, чтобы он подогнал свой пикап.

— Хороший парень, — говорит Луиза, когда он уходит.

— Мильтону я бы доверила свою жизнь, — отвечает Хестер.

44

Мильтон подходит к засиженной мухами универсальной лавке, обслуживающей лагерь, стоянку трейлеров, отдыхающих, транспорт, едущий на Суоннекке, и отдельные дома, разбросанные в окрестностях. Из-за прилавка по радио доносится песня «Иглз».[205] Мильтон бросает в прорезь телефона десятицентовик, оглядывается по сторонам и набирает номер, который помнит наизусть. Над охлаждающими башнями Суоннекке, словно злобные духи, вздымаются столбы водяного пара. Они маршируют на север, к Буэнас-Йербасу, и на юг, к Лос-Анджелесу. Забавно, думает Мильтон. Власть, время, гравитация, любовь. Те силы, что реально бьют тебя по заднице, всегда невидимы. Телефонная трубка отвечает:

— Алло?

— Алло, Нейпир? Это я. Слушайте, насчет этой женщины, по имени Луиза Рей. Ладно, предположим, что нет? Предположим, что она

---

[205] Примечания: 205

«Иглз» (The Eagles) — калифорнийская фолк- и кантри-рок-группа; их альбом «Hotel California» (1976) явился одной из самых коммерчески успешных пластинок в современной музыке.

по-прежнему разгуливает по улицам, ест эскимо и платит по счетам? Ее координаты представляли бы для вас какую-то ценность? Да? И сколько? Нет, назовите цифру. Хорошо, умножьте на два… Нет? Приятно было побеседовать с вами, Нейпир, мне надо идти и… — Мильтон самодовольно ухмыляется, — обычный отчет в рамках одного рабочего дня, если вам угодно. Точно. Что? Нет, никто ее больше не видел, кроме Безумной Ван Зандт. Нет. Она о нем упоминала, но он на дне глубокого синего моря. Совершенно уверен. Стал кормом для рыб. Конечно нет, мои доклады предназначены только для ваших ушей… Угу, я отвезу ее к ней домой, а потом она собирается к своей матери… Ладно, управлюсь за час. И обычный отчет. Один рабочий день.

45

Луиза открывает свою дверь и слышит звуки воскресного матча и запах попкорна.

— Когда это я говорила, что тебе можно здесь жарить? — взвывает она к Хавьеру. — И почему все шторы опущены?

Хавьер, ухмыляясь, впрыгивает в прихожую.

— Привет, Луиза! Попкорн приготовил твой дядя Джо. Мы смотрим матч «Джайентс»—«Доджерс». Чего это ты вырядилась, как старушка?

Луиза чувствует, как внутри у нее все ослабевает.

— Иди сюда. Где он?

Хавьер хихикает.

— На твоем диване! В чем дело?

— Иди сюда! Тебе надо к матери.

— Она работает в отеле, сверхурочно.

— Луиза, это был не я, там, на мосту, был не я. — Позади мальчика появляется Джо Нейпир, держа ладони так, словно пытается успокоить испуганное животное. — Послушайте…

Голос Луизы вибрирует.

— Хави! Марш отсюда! За мной!

Нейпир повышает голос.

— Послушайте меня…

«Да, я говорю со своим собственным убийцей».

— Какого черта мне выслушивать хоть одно ваше слово?

— Потому что я единственный на Суоннекке, кто не желает вашей смерти! — Нейпиру изменяет его обычная выдержка. — На стоянке я пытался вас предупредить! Подумайте об этом! Если бы я был убийцей, разве мы сейчас бы разговаривали? Ради бога, не уходите! Это не безопасно! Ваша квартира, возможно, все еще под наблюдением. Вот почему шторы опущены.

Хавьер выглядит ошеломленным. Луиза держит мальчика за плечи, но не знает, как безопаснее всего повернуться.

— Почему вы здесь?

Нейпир снова спокоен, но устал и озабочен.

— Я знал вашего отца, когда он был копом. Празднование победы над Японией, причал Сильваплана. Войдите, Луиза. Присядьте.

46

Джо Нейпир вычислил, что соседский ребенок будет занимать Луизу достаточно долго, чтобы заставить ее слушать. Верность расчета не особо его радует. Нейпир, больше привыкший наблюдать, чем говорить, тщательно обтесывает свои фразы.

— В сорок пятом я шесть лет как был полицейским в участке Спинозы. Ни благодарностей, ни выговоров. Обычный коп, ни во что не сует нос, встречается с обычной девушкой из машинописного бюро. Четырнадцатого августа по радио передали, что япошки сдались, и Буэнас-Йербас затанцевал в одной огромной хуле. Выпивка текла рекой, машины носились как угорелые, фейерверки так и полыхали, все до единого устроили себе выходной, даже если боссы не разрешали. Было десять часов или около того, когда нас с напарником послали расследовать ограбление в корейском квартале. Обычно мы не утруждали себя этим районом, но жертвой стал белый паренек, так что могли объявиться родственники со всякими вопросами. Мы были в пути, когда от вашего отца поступил «код во-

семь», призывающий все незанятые машины к причалу Сильваплана. Вообще-то негласное правило состояло в том, что если ты хочешь сделать карьеру, то не ошиваешься вокруг этой части доков. Уголовники держали там свои склады под прикрытием мэрии. Кроме того, Лестер Рей…

Нейпир запинается и решает не смягчать выражений.

— Лестер Рей известен был как коп из Десятого участка — коп из воскресной школы, который у всех был шилом в заднице. Но там заваливали двоих копов, а это совсем другое дело. На их месте могли быть двое твоих приятелей, истекающих кровью на асфальте. Так что мы оборзели и подкатили к причалу сразу вслед за другой машиной из участка Спинозы, в которой были Брозман и Харкинс. Сначала ничего не увидели. Никаких признаков Лестера Рея, никаких признаков патрульной машины. Фонари в доках не горели. Мы проехали между двух стен из контейнеров, повернули и въехали во двор, где какие-то люди загружали армейский грузовик. Я думал, что мы оказались не в той части доков. А потом на нас обрушился шквал огня. Первую волну приняли на себя Брозман и Харкинс — воздух наполнили осколки стекла, наша машина врезалась им в

багажник, мы с напарником выкатились наружу и забились в какую-то щель за трубами. Машина Брозмана непрерывно сигналит, не останавливается, и сами они не появляются. Вокруг нас чиркают пули, да все гуще, я буквально обгаживаюсь — ведь я пошел в копы, чтобы избежать военных действий. Мой напарник начинает отстреливаться. Я следую его примеру, но наши шансы попасть куда-нибудь равны нулю. Если честно, я был рад, когда грузовик тронулся с места. Каким же тупым ослом я был, что так быстро покинул укрытие! Хотел взглянуть на их номер.

У Нейпира начинает болеть корень языка.

— Потом все это и случилось. Кто-то появляется на той стороне двора и что-то вопит мне — я стреляю в него и промахиваюсь. Это был самый удачный промах в моей жизни, да и вашей, Луиза, тоже, потому что если бы я застрелил вашего отца, вас бы здесь не было. Лестер Рей показывает на что-то позади меня, а сам тем временем несется как спринтер и ударяет ногой по какой-то штуковине, брошенной через задний борт грузовика и катящейся в мою сторону. Потом меня опаляет ослепительный свет, голова идет кругом от грохота, и боль иглами вонзается мне в задницу. Я лежал тем, где упал, наполовину без

чувств, пока меня не погрузили в «неотложку».

Луиза по-прежнему ничего не говорит.

— Мне повезло. Осколок гранаты пробил обе ягодицы навылет, а в остальном все обошлось. Врач сказал, что он впервые видит, чтобы один снаряд проделал четыре дырки. С вашим отцом все, конечно, было сложнее. Лестер был тогда куском швейцарского сыра. Его оперировали, но не смогли спасти глаз, — за день до того, как я вышел из госпиталя. Мы просто пожали руки, и я ушел, я не знал, что сказать. Самое унизительное, что можно сделать для человека, — это спасти ему жизнь. Лестер тоже это понимал. Но не было ни дня, а может, и ни часа, чтобы я о нем не думал. Всякий раз, стоит мне только сесть.

Луиза какое-то время молчит.

— Почему вы не рассказали мне об этом на Суоннекке?

Нейпир мнет себе ухо.

— Боялся, вы используете эту связь, чтобы выжать из меня все соки…

— Насчет того, что в действительности случилось с Руфусом Сиксмитом?

Нейпир не говорит ни да, ни нет.

— Я знаю, как работают репортеры.

— Вы намекаете на проколы в моей порядоч-

ности?

«Она говорит в общем — ей ничего не может быть известно о Марго Рокер».

— Если вы продолжите поиски отчета Руфуса Сиксмита, — Нейпир на мгновение задумывается, стоит ли произносить это при мальчике, — вас убьют, просто и обыкновенно. Не я! Но это случится. Пожалуйста. Сейчас же уезжайте из города. Откажитесь от вашей прежней жизни и работы и уезжайте.

— Что, Альберто Гримальди прислал вас сказать мне это?

— Никто не знает, что я здесь, — молю Бога, — иначе я оказался бы в такой же беде, что и вы.

— Сначала один вопрос.

— Вы хотите спросить, — («Черт, — думает он, — куда бы девать ребенка»), — не является ли «судьба» Сиксмита моих рук делом. Ответ отрицательный. Такого рода… работой я никогда не занимался. Не говорю, что я ни в чем не виноват. Я говорю одно: я виноват только в том, что отворачиваюсь. Убил Сиксмита и сбросил вас прошлой ночью с моста специальный порученец Гримальди. Человек по имени Билл Смок — подозреваю, это одно из множества его имен. Я не могу заставить вас мне поверить, но надеюсь, что

вы мне все-таки поверите.

— Откуда вы узнали, что я выжила?

— Просто была такая надежда, ни на чем не основанная. Послушайте, жизнь дороже, чем любая чертова сенсация. Умоляю вас, в последний раз, — и он действительно будет последним, — бросить эту историю. Теперь мне надо уходить, и я молю Бога, чтобы вы сделали то же самое. — Он останавливается. — И последнее. Вы умеете пользоваться оружием?

— У меня аллергия на оружие.

— Что вы имеете в виду?

— От оружия меня тошнит. В буквальном смысле.

— Каждому надо научиться пользоваться оружием.

— Да, и в моргах их лежат целые штабеля. Билл Смок не будет вежливо ждать, пока я достану из сумочки пистолет, так ведь? Единственный мой выход — это собрать доказательства, которые подорвут это дело так основательно, что убивать меня будет просто бессмысленно.

— Вы недооцениваете склонность мужчин к мелочной мести.

— Какая вам забота? Вы оплатили свой долг перед моим отцом. Спасли свою совесть.

Нейпир мрачно вздыхает.

— Приятного просмотра игры, Хави.

— Ты лжец, — говорит мальчик.

— Я лгал, да, но это еще не делает меня лжецом. Лгать нехорошо, но когда весь мир вертится не в ту сторону, небольшой грех может обернуться великим благодеянием.

— В этом нет никакого смысла.

— Ты чертовски прав, но все-таки это правда.

Джо Нейпир уходит.

Хавьер зол и на Луизу.

— И ты еще беспокоишься, что я рискую жизнью, когда я всего-то перепрыгиваю с одного балкона на другой?

47

Шаги Луизы и Хавьера отдаются эхом в лестничном колодце. Хавьер заглядывает через перила. Нижние этажи сужаются и становятся меньше, как завитки раковины. Оттуда дует ветер, от которого у него кружится голова. То же самое происходит и при взгляде вверх.

— Если бы ты могла заглянуть в будущее, — спрашивает он, — то стала бы?

Луиза перекидывает сумку через плечо.

— Зависит от того, можно ли его изменить или нет.

— Допустим, можно? Ну, например, если видишь, что на третьем этаже тебя собираются похитить шпионы-коммунисты, то вызываешь лифт и спускаешься на первый.

— Но что, если шпионы вызвали лифт, договорившись похитить любого, кто в нем едет? Что, если попытки избежать будущего как раз и приводят его в действие?

— Если бы ты видела будущее, как видишь конец Шестнадцатой улицы с крыши универмага Килроя, это означало бы, что оно уже есть. А если оно уже есть, значит, изменить его нельзя.

— Да, но конец Шестнадцатой улицы — это не то, что сделал ты. Он довольно-таки прочно зафиксирован — планировщиками, архитекторами, дизайнерами, если только ты не пойдешь и не взорвешь какое-нибудь здание или что-нибудь еще. То, что происходит через минуту, определяется тем, что делаешь ты.

— Так в чем же ответ? Можно изменить будущее или нет?

«Возможно, ответ дает не метафизика, а просто-напросто власть».

— Это совершенно неуловимо, Хави.

Они достигают первого этажа. На ТВ Малькольма подрагивают бионические бицепсы «Человека за шесть миллионов долларов».[206]

— До встречи, Луиза.

— Я вернусь, Хави.

По инициативе мальчика они пожимают друг другу руки. Этот жест удивляет Луизу: он кажется ей официальным, окончательным и сердечным.

---

[206] Примечания: 206

...бионические бицепсы «Человека за шесть миллионов долларов». — «Человек за шесть миллионов долларов» (1974–1978) — фантастический телесериал по мотивам романа Мартина Кейдина о потерпевшем аварию летчике-испытателе, части тела которого были заменены бионическими аналогами.

48

Часы внутри серебряного корпуса в юингсвиллском доме Джудит Рей бьют час пополудни. Билл Смок беседует с супругой финансиста.

— Этот дом всегда пробуждает во мне демона алчности, — признается увешанная драгоценностями женщина пятидесяти с чем-то лет. — Это копия здания по проекту Фрэнка Ллойда Райта.[207] Оригинал, по-моему, где-то в окрестностях Салема.

Она стоит немного слишком близко. «Ты похожа на ведьму из окрестностей Салема, до чертиков помешанную на „Тиффани“»,[208] — думает Билл Смок и спрашивает:

---

[207] Примечания: 207

Фрэнк Ллойд Райт (1867–1959) — архитектор-новатор, один из влиятельнейших американских зодчих XX в., энтузиаст «органической архитектуры»; будучи фактически самоучкой, спроектировал около 800 зданий (380 были построены, 280 сохранились). Самые известные сооружения — «Дома прерий» (1900–1910), «Дом над водопадом» (1936), Музей Гуггенхейма в Нью-Йорке (1956–1959).

[208] Примечания: 208

…похожа на ведьму из окрестностей Салема, до чертиков помешанную на «Тиффани»… — В 1692–1693 гг. в городе Салем, штат Массачусетс, 141 человек были обвинены в ведовстве, 19 из них — повешены.

«Тиффани» — компания, основанная в 1878 г. Луи Комфортом Тиффани (1848–1933), видным художником-модернистом, мастером прикладного искусства, декоратором, дизайнером, филантропом, сыном

знаменитого нью-йоркского ювелира Чарльза Льюиса Тиффани (1812–1902); международную известность получили изделия Л. К. Тиффани из «фаврила» (неологизм от лат. Faber — мастер) — радужного стекла прихотливой формы, иногда в сочетании с бронзовыми сплавами и другими металлами; продукция Тиффани была очень популярна в 1890–1915 гг., в 1960-е гг. производство возобновилось.

— Нет, в самом деле?

Латиноамериканки из фирмы по устройству банкетов разносят подносы с едой гостям, одетым во все белое. На льняных салфетках, изогнутых в форме лебединых шей, лежат карточки, извещающие, кому где рассаживаться.

— Этот белолистный дуб на передней лужайке, должно быть, стоит здесь с тех пор, как были построены первые испанские миссии, — говорит супруга финансиста, — как вы полагаете?

— Несомненно. Дубы живут по шестьсот лет. Двести, чтобы вырасти, двести, чтобы жить, и двести, чтобы умереть.

Смок видит, как в роскошную комнату входит Луиза, которую в обе щеки целует ее отчим. «Чего я хочу от тебя, Луиза Рей?» Гостья, одних с Луизой лет, обнимает ее.

— Луиза! Три или четыре года тебя не видела! — Вблизи очарование гостьи выглядит коварным и назойливым. — Но это правда, что ты еще не вышла замуж?

— Разумеется, не вышла, — резко отвечает Луиза. — А ты?

Смок чувствует, что она чувствует его взгляд, снова сосредоточивает внимание на супруге финансиста и соглашается, что, да, мамонтовые

деревья, стоящие в часе езды отсюда, были зрелыми еще в то время, когда Навуходоносор восседал на своем троне. Джудит Рей стоит на скамеечке, специально принесенной по такому случаю, и стучит серебряной ложкой по бутылке розового шампанского, пока все не начинают ее слушать.

— Дамы, господа и молодежь! — провозглашает она. — Мне сказали, что обед подан, но прежде чем мы приступим, мне бы хотелось сказать несколько слов о прекрасной работе, проделанной Антираковым обществом Буэнас-Йербаса, и о том, как они будут использовать деньги из нашего фонда пожертвований, который вы сегодня так благородно поддерживаете.

Билл Смок изумляет пару ребятишек, доставая из ниоткуда свой сияющий золотом амулет. «Чего я хочу от тебя, Луиза, так это убийства в идеальной близости». На мгновение Билл Смок задумывается над силами внутри нас, которые нам неподвластны.

49

Служанки убрали со стола после десерта, воздух пропитан резкими кофейными испарениями, и в столовой воцаряется пресыщенная воскресная сонливость. Самые пожилые из гостей ищут укромные уголки, где можно вздремнуть. Отчим Луизы собирает группу ровесников, чтобы показать им свою коллекцию автомобилей пятидесятых годов, жены и матери предпринимают маневры, пользуясь намеками, школьники выходят из дома покататься на велосипедах под пронизанной солнцем листвой и вокруг пруда. Тройняшки Хендерсоны господствуют за столом, где подбираются пары.

— Что бы я сделал, — говорит один из тройняшек, — если бы я был президентом? Во-первых, нацелился бы на то, чтобы победить в холодной войне, а не просто не проиграть в ней.

Другой его перекрывает.

— Я не стал бы лебезить перед арабами, чьи предки пасли верблюдов на удачных клочках среди песков…

— …или перед этими красными подонками. Я бы сделал нашу страну — не боюсь этого сказать

— полноправной — корпоративной — империей. Потому что если мы этого не сделаем…

— …то япошки нас опередят. Корпоративность — это будущее. Надо позволить бизнесу править страной и учредить подлинную систему отбора по заслугам.

— Без борьбы за всеобщее благоденствие, профсоюзов, «положительных акций» в пользу бездомных цветных калек, арахнофобов и трансвеститов…

— Установить интеллектуальную меритократию. Создать культуру, которая не стыдилась бы признать, что богатство привлекает власть…

— …и что создатели богатства — мы — достойны вознаграждения. Когда человек домогается власти, я задаю один простой вопрос: «Думает ли он как бизнесмен?»

Луиза скатывает свою салфетку в маленький шарик.

— А я задаю три простых вопроса. Как он добился этой власти? Как он ее использует? И как можно отобрать ее у этого сукина сына?

50

Джудит Рей находит Луизу в кабинете своего мужа — та смотрит послеполуденный выпуск новостей.

— Я слышала, как Антон Хендерсон сказал: «железобетонная», и если это было не про тебя, лапочка, то я не знаю — это не смешно! Твои… бунтарские выходки становятся только хуже. Ты жаловалась на одиночество, вот я и представила тебя трем чудным молодым людям, а ты даешь им «железобетонный» отпор своим журналистским голосом.

— Когда это я жаловалась, что мне одиноко?

— Знаешь, парни вроде Хендерсонов не вырастают на деревьях.

— Тли вырастают именно на деревьях.

Раздается стук в дверь, заглядывает Билл Смок.

— Миссис Рей? Простите за вторжение, но мне скоро надо ехать. Положа руку на сердце, могу сказать, что это было самое гостеприимное, прекрасно организованное благотворительное собрание, на каком мне когда-либо приходилось присутствовать.

Джудит Рей поглаживает свое польщенное

ухо.

— Это очень любезно с вашей стороны…

— Герман Хоувит, младший партнер в фирме «Масгров Уайленд», прибыл из офиса в Малибу. У меня не было возможности представиться перед этим великолепным обедом — сегодня утром я в последнюю минуту успел купить билет. Мой отец скончался более десяти лет назад — от рака, благослови Господь его душу, — и я не знаю, как бы мы с матерью это пережили, если бы не общественная поддержка. Для меня было громом с ясного неба, когда Ойли упомянул о вашем благотворительном собрании, и я просто обязан был приехать и посмотреть, не смогу ли я в последнюю минуту сделать какое-нибудь пожертвование.

— Мы очень рады, что вы так поступили, и добро пожаловать в Буэнас-Йербас. — «Немного приземист, — прикидывает Джудит Рей, — но мускулист, получает хорошее жалованье, и ему, пожалуй, не больше тридцати пяти. „Младший партнер“ звучит многообещающе». — Надеюсь, в следующий раз миссис Хоувит сможет к вам присоединиться?

Герман Хоувит в исполнении Билла Смока робко улыбается.

— Как ни печально, единственная миссис Хоувит — это моя мама. Счастливо.

— Да не может быть! — отзывается Джудит Рей.

Он глядит на Луизу, но та не обращает на него внимания.

— Я был восхищен, с какой принципиальностью ваша дочь не желает пробиваться «наверх». Многие из нашего поколения сегодня, похоже, лишились нравственных ориентиров.

— Как я с вами согласна! В шестидесятых вместе с водой выплеснули и младенца. Мы с покойным отцом Луизы несколько лет назад расстались, но всегда стремились внушить нашей дочери понятие о том, что правильно и что нет. Луиза! Не оторвешься ли хоть на минуту от телевизора, а, лапочка? Пожалуйста, а то Герман может подумать — Луиза, лапочка, что это?

Ведущий произносит речитативом:

— Полиция подтверждает, что двенадцать человек погибли сегодня утром в результате авиакатастрофы, случившейся над Аллеганскими горами, включая президента Приморской энергетической корпорации Альберто Гримальди, самого высокооплачиваемого руководящего работника в Америке. В предварительных отче-

тах дознавателей Федерального авиационного управления предполагается возможность взрыва, вызванного неисправностью в топливной системе. Обломки самолета разбросаны по площади в несколько квадратных миль…

— Луиза, лапочка? — Джудит Рей опускается на колени рядом с дочерью, которая в ужасе не отрывается от кадров с искореженными обломками самолета, усеявшими склон горы.

— Как… ужасно! — Билл Смок смакует сложное блюдо, все ингредиенты которого даже он, шеф-повар, не в состоянии перечислить. — Вы знали кого-нибудь из этих несчастных, мисс Рей?

51

Утро понедельника. В новостной комнате «Подзорной трубы» роятся слухи. Один из них гласит, что журнал обанкротился; другой утверждает, что Кеннет П. Оджилви, его владелец, пускает его с молотка; третий обнадеживает — мол, банк предоставляет свежее вливание; четвертый повергает в уныние — банк перекрывает кислород. Луиза никому не сообщила, что сутки назад выжила после покушения на убийство. Она не хочет втягивать в это ни мать, ни Грелша, и к тому же, если не считать синяков, это становится все более нереальным.

Луиза по-настоящему горюет о гибели Айзека Сакса, человека, с которым едва была знакома. Кроме того, она напугана, но сосредоточивается на работе. Отец рассказывал ей, как военные фотокорреспонденты упоминали о невосприимчивости к страху, даруемой объективом камеры; нынешним утром это ей совершенно понятно. «Если Билл Смок знал об отступничестве Айзека Сакса, то его смерть вполне объяснима, — но кому понадобилось в то же время повергать в прах и Альберто Гримальди?» Условный рефлекс, как

обычно, в десять часов притягивает сотрудников к кабинету Дома Грелша на планерку. Минует четверть одиннадцатого.

— Грелш не опаздывал так, даже когда родила его первая жена, — говорит Нэнси О'Хаган, полируя ногти. — Видно, Оджилви вздернул его на дыбу.

Рональд Джейкс карандашом выковыривает из уха серу.

— Я знал одного ударника, который стучал в лучших хитах «Манкиз».[209] Он трепался о тантрическом сексе — я вас умоляю. Его любимая позиция, хм, называется «водопроводчик». Весь день торчишь дома, и никто к тебе не приходит.

Всеобщее молчание.

— Э, да перестаньте вы так вибрировать!

В двери появляется Грелш и не теряет ни минуты:

— «Подзорная труба» продается. Сегодня, но позже, мы узнаем, кто выживет после этого жертвоприношения.

---

[209] Примечания: 209

Я знал одного ударника, который стучал в лучших хитах «Манкиз». — Monkees (1965–1969) — искусственный музыкальный проект, созданный американскими продюсерами Бертом Шнейдером и Бобом Рафелсоном для сериала, призванного имитировать в телеформате «битловский» кинофильм «Вечер трудного дня»; соответственно большинство «участников группы» были в первую очередь актерами и на инструментах почти не играли.

Джерри Нуссбаум сует большие пальцы за ремень.

— Неожиданно.

— Чертовски неожиданно. Переговоры начались на исходе прошлой недели. — Грелш кипит на медленном огне. — К сегодняшнему утру сделка была совершена.

— Было, должно быть, хм, какое-то потрясающее предложение, — забрасывает удочку Джейкс.

— Об этом спроси у Оджилви.

— Кто покупатель? — спрашивает Луиза.

— Сегодня будет объявлено в прессе.

— Да ладно, Дом, — канючит О'Хаган.

— Я же сказал, будет объявлено в прессе. Сегодня.

Джейкс вертит в пальцах сигарету.

— Похоже, что наш таинственный покупатель, хм, действительно хочет купить «Подзорную трубу», и, хм, если она не сломана, то кой черт ее чинить.

Нуссбаум фыркает.

— Кто говорит, что наш таинственный покупатель не считает, что мы сломаны? Когда в прошлом году «Объединенные новости» купили журнал «Нуво», то они уволили даже мойщиков

окон.

— Так. — О’Хаган защелкивает свою пудреницу. — Значит, мой круиз на Нил опять накрылся. На Рождество снова придется ехать к свояченице в Чикаго. Эти ее отпрыски и мировая столица мороженой говядины. Как же все меняется за один только день!

52

Долгие месяцы, осознает Джо Нейпир, глядя на продуманно развешанные картины в приемной вице-президента Уильяма Уили, его оттирали в сторону. Преданные люди исчезли из виду, власть просочилась между пальцами. «Прелестно со мной обошлись, — думает Нейпир, — всего лишь за полтора года до отставки. — Он слышит шаги и чувствует дуновение сквозняка. — Но взрыв самолета, на борту которого двенадцать человек, не имеет отношения к безопасности, это массовое убийство. Кто отдал этот приказ? Работал ли Билл Смок на Уили? Может, случайная катастрофа? Такое бывает. Я понимаю только одно: непонимание опасно». Нейпир бранит себя за то, что предостерег вчера Луизу Рей, — это был глупый риск, результатом которого стал огромный ноль.

В дверях появляется секретарша Уильяма Уили.

— Мистер Уили готов вас принять, мистер Нейпир.

Нейпир удивляется, увидев в кабинете Фэй Ли. Расклад требует обмена улыбками. Рукопожатие Уильяма Уили столь же энергично, сколь его

возглас:

— Джо! Как поживаешь?

— Печальное утро, мистер Уили, — отвечает Нейпир, садясь, но отказываясь от сигареты. — До сих пор не могу понять, как такое могло случиться с мистером Гримальди.

«Никогда я тебя не переваривал. Никогда не мог понять, для чего ты нужен».

— Печальнее не бывает. Можно посадить кого-то на место Альберто, но заменить его нельзя.

Нейпир решается на один вопрос, замаскированный под ни к чему не обязывающую реплику.

— И сколько времени пройдет, прежде чем правление обсудит новое назначение?

— Мы собираемся сегодня после полудня. Альберто не хотел бы, чтобы мы плыли без кормчего дольше, чем надо. Знаешь, его уважение лично к тебе… оно было очень… ну…

— Искренним, — подсказывает Фэй Ли.

«Да, ты далеко пойдешь. Мистер Ли».

— Правильно! Точно! Искренним.

— Мистер Гримальди был славным человеком.

— Конечно, Джо, конечно. — Уили поворачивается к Фэй Ли. — Фэй. Давай-ка расскажем Джо о пакете наших предложений.

— В признание вашего безупречного послужного списка мистер Уили предлагает вам отойти от дел досрочно. Вы по-прежнему будете получать полное жалованье на протяжении полутора лет по своему контракту плюс премиальные, а затем последует индексируемая пенсия.

«Вышвыривают за борт! — Нейпир изображает на лице „Вау!“. — За всем этим стоит Билл Смок». «Вау!» соответствует и предложению уйти в отставку, и ощущаемому Нейпиром сейсмическому сдвигу в собственной роли — был своим парнем, стал досадной помехой.

— Это так… неожиданно.

— Да, наверное, Джо, — говорит Уили, но больше ничего не добавляет.

Звонит телефон.

— Нет, — рявкает Уили в трубку. — Мистер Рейган может подождать своей очереди. Я занят.

К тому времени как Уили кладет трубку, Нейпир принимает решение. «Золотая возможность покинуть окровавленную сцену». Он играет старого слугу, потерявшего дар речи от признательности.

— Фэй… Мистер Уили… Просто не знаю, как вас благодарить…

Уильям Уили щурится, как игривый койот.

— Может, согласием?

— Разумеется, я согласен!

Уили и Фэй Ли рассыпаются в поздравлениях.

— Ты, конечно, понимаешь, — продолжает Уили, — что речь идет о таком деликатном посте, как руководитель службы безопасности, и нам необходимо, чтобы твой преемник приступил к своим обязанностям, как только ты покинешь эту комнату?

«Господи, да вы не можете подождать и секунды, так, что ли?»

Фэй Ли добавляет:

— Я подготовлю к отправке все ваше хозяйство плюс бумаги. Знаю, вы не будете обижены сопровождением на материк. Все должны видеть, что мистер Уили соблюдает протокол.

— Какие обиды, Фэй, — улыбается Нейпир, проклиная ее. — Я сам разрабатывал наш протокол.

«Нейпир, держи свой тридцать восьмой у ноги, пока не уберешься с острова Суоннекке. И еще долго, долго после этого».

53

Музыка, звучащая в магазине «Забытый аккорд», охватывает собой все мысли о «Подзорной трубе», Сиксмите, Саксе и Гримальди. Звучание у нее прозрачное, струящееся, призрачное, гипнотическое… до глубины души знакомое. Луиза стоит зачарованная, словно окунувшись в поток времени.

— Я знаю эту музыку, — говорит она продавцу, который наконец спрашивает, все ли с ней в порядке. — Но что это, черт меня возьми?

— Простите, это по заказу, не для продажи. Вообще-то мне не следовало ее проигрывать.

— Ах да! — «Первым делом первое». — Я звонила вам на прошлой неделе. Меня зовут Рей, Луиза Рей. Вы сказали, что сможете найти для меня одну малоизвестную пластинку, секстет «Облачный атлас», сочинение Роберта Фробишера. Но оставим это на время, эта пластинка мне тоже нужна. Она мне просто необходима. Вы должны знать это чувство. Что на ней?

Продавец протягивает руки, подставляя запястья для воображаемых наручников.

— Секстет «Облачный атлас» Роберта Фробише-

ра. Я прослушивал пластинку, чтобы убедиться, что она не поцарапана. Нет, вру. Я слушал ее, потому что не могу противостоять своему любопытству. Не вполне Делиус, правда? И почему компании не финансируют записи таких вот жемчужин? Это же преступление! Рад сообщить, что ваша пластинка в превосходном состоянии.

— Где я могла слышать эту музыку раньше?

Молодой человек пожимает плечами.

— Те экземпляры, что попали в Северную Америку, можно пересчитать на пальцах.

— Но я ее знаю. Говорю вам, я ее знаю!

54

Когда Луиза возвращается в офис, Нэнси О'Хаган возбужденно говорит по телефону.

— Ширл? Ширл! Это Нэнси. Мы все еще сможем встретить Рождество в тени Сфинкса. «Подзорная труба» принадлежит теперь корпорации «Трансвидение»… — Она повышает голос. — «Трансвидение»… Я тоже не слышала, но, — О'Хаган понижает голос, — я только что виделась с Оджилви, да, со старым боссом, он входит в новое правление. Да ты слушай дальше, я чего звоню, мое место остается за мной! — Она исступленно кивает Луизе. — Угу, почти никого не увольняют, так что позвони Жанин и скажи ей, что Рождество она проведет наедине со своим мерзким снеговичком.

— Луиза, — зовет Грелш, стоя в дверях своего кабинета, — тебя хочет видеть мистер Оджилви. Прямо сейчас.

К. П. Оджилви оккупирует исконное кресло Дома Грелша, изгнав редактора на худосочный пластиковый стул. Во плоти бывший владелец «Подзорной трубы» напоминает Луизе гравюру на стали. Изображающую судью с Дикого Запада.

— Такую новость невозможно подсластить, — начинает он, — поэтому я выложу ее прямо и сразу. Вы уволены. По распоряжению нового владельца.

Луиза наблюдает за тем, как отскакивает от нее эта новость. «Нет, это несравнимо с тем, когда тебя в полутьме сбрасывают с моста в море». Грелш не может смотреть ей в глаза.

— У меня есть контракт.

— У кого его нет? Вы уволены.

— Я что, единственная из штатных сотрудников, кто вызвал неудовольствие новых хозяев?

— Может быть, и так.

Челюсть К. П. Оджилви разок дрогнула.

— Я думаю, будет справедливо спросить: «Почему именно я?»

— Владельцы нанимают, владельцы увольняют, и кто скажет, что здесь справедливо? Когда покупатель предлагает такой щедрый пакет вспомоществования, как корпорация «Трансвидение», то здесь уж не до ловли блох.

— «Выловленная блоха». Можно мне выгравировать это на своих золотых часах?

Дома Грелша передергивает.

— Мистер Оджилви, по-моему, Луиза заслуживает хоть какого-то объяснения.

— Тогда она может обратиться к «Трансвидению». Может, ее лицо не соответствует их видению «Подзорной трубы». Слишком радикальное. Слишком феминистское. Слишком сухое. Слишком упрямое.

«Он пытается навести дымовую завесу».

— Мне хотелось бы задать «Трансвидению» несколько вопросов. Где их головной офис?

— Где-то на Востоке. Но я сомневаюсь, что кто-либо захочет с вами разговаривать.

— Где-то на Востоке. Кто же ваши новые члены правления?

— Вы увольняетесь, а не снимаете показания.

— Всего лишь еще один вопрос, мистер Оджилви. За три волшебных года ненормированной работы. Ответьте только на это: насколько совпадают интересы «Трансвидения» и Приморской энергетической?

Дому Грелшу — как видно — это и самому чрезвычайно любопытно. Оджилви долю секунды колеблется, потом взрывается:

— У меня и без вас до хрена работы! Вам будут платить до конца месяца, приходить сюда нет необходимости. Спасибо — и прощайте.

«Если человек взрывается, — думает Луиза, — здесь кроется двуличие».

55

ТЫ НЫНЕ СУОННЕККЕ ОСТАВЛЯЕШЬ,
ЕГО ПРИБОЙ, ЕГО МОГУЧИЙ АТОМ…
НЕЛЬЗЯ ВДАЛИ ОТ ДОМА ДОЛГО БЫТЬ!

«Жизнь хороша. — Джо Нейпир переводит свой джип на среднюю скорость. — Жить хорошо». Приморская корпорация, его рабочие дни, Марго Рокер и Луиза Рей удаляются в прошлое со скоростью восемьдесят миль в час. Два часа отделяют его от бревенчатой хижины в горах Санто-Кристо. Если он не слишком устанет после поездки, то сможет поймать себе на ужин зубатку. Он смотрит в зеркало заднего вида: серебристый «крайслер» милю или две держался за ним в сотне ярдов, но теперь отстает и исчезает вдали. «Расслабься, — говорит себе Нейпир, — ты вырвался». В его джипе что-то дребезжит. Наступает золотая пора дня — три часа пополудни. Шоссе, постепенно поднимаясь, милю за милей бежит вдоль реки. «За последние тридцать лет здешняя местность убавила в красоте, но покажите мне, где этого не случилось». Уступы с обеих сторон разглажены бульдозерами, и их все основательнее захваты-

вают строительные площадки. «Ты не можешь запретить дочери Лестера играть в „Чудо-женщину“. Все, что мог, ты сделал. Пусти ее. Она не ребенок». Нейпир крутит ручку приемника, но на всех волнах мужчины поют как женщины, а женщины — как мужчины. Наконец он находит станцию со второсортной кантри-музыкой, где передают «Все говорят со мной».[210] Милли была музыкальной половиной его брака. Он вспоминает тот вечер, когда впервые ее увидел: она играла на скрипке в «Диком краснобае и его пастушках». Взглядов от музыканта к музыканту, когда музыка течет без усилий, — вот какой близости хотел он от Милли. «Луиза Рей — слишком ребенок. — Нейпир сворачивает на восемнадцатой миле и едет по старой золотоискательской дороге, поднимающейся к Копперлайну. — Это дребезжание так и не проходит». Здесь, вверху, осень уже лижет горные леса. Дорога следует по ущелью под старыми елями, направляясь туда, где опускается солнце.

Он вдруг приходит в себя, не в состоянии

---

[210] Примечания: 210

«Все говорят со мной» («Everybody's Talkin' at Me») — песня культового автора-исполнителя Фреда Нейла (1936–2001), ставшая суперхитом после фильма «Полуночный ковбой» (1969), где ее исполнил Гарри Нильсон.

вспомнить ни единой мысли последних сорока пяти минут. Нейпир тормозит возле бакалейной лавки, заглушает двигатель и выпрыгивает из джипа. «Слышишь это стремительное течение? Затерянная река». Это напоминает ему, что Копперлайн не похож на Буэнас-Йербас, и он снова отпирает джип. Владелец лавки приветствует его по имени, за шесть минут излагает шестимесячные новости и спрашивает, приехал ли Нейпир на отдых на всю неделю.

— Я теперь постоянно на отдыхе. Предложили досрочно, — таких слов он никогда не употреблял по отношению к себе, — уйти в отставку. Это для меня как выстрел.

От взгляда владельца лавки ничто не ускользает.

— К Дуэйну, да? Будете праздновать сегодня? Или принимать соболезнования завтра?

— Все в пятницу. И будем главным образом праздновать. Первую неделю свободы я хочу отдыхать у себя в хижине, а не валяться под столом у Дуэйна.

Нейпир платит за покупки и уходит, неожиданно желая побыть в одиночестве. Шины джипа хрустят по каменистой дороге. Фары выхватывают яркие картины девственного леса.

«Ну вот, приехал». Нейпир снова слышит Затерянную реку. Он вспоминает, как впервые привез Милли в эту хижину, которую выстроил вместе с братьями и отцом. Теперь он остался один. В ту ночь они любили друг друга безумно и жадно. Лесные сумерки заполняют ему легкие и голову. Ни тебе телефонов, ни кабельного ТВ-наблюдения, ни просто ТВ, ни проверок уровня доступа, ни совещаний в звуконепроницаемом кабинете президента. И никогда больше ничего этого не будет. Прежде чем открыть ставни, уволенный спец по безопасности проверяет висячий замок на двери на предмет признаков вторжения. «Успокойся, ради бога. Приморская корпорация отпустила тебя на свободу: никаких ниточек, никакого возврата».

Тем не менее, входя в хижину, он держит свой тридцать восьмой наготове. «Видишь? Никого». Нейпир разводит потрескивающий огонь и готовит себе сосиски с бобами и темно-коричневыми обжаренными помидорами. Пара банок пива. Долгое, долгое облегчение под открытым небом. Искрящийся Млечный Путь. Глубокий, глубокий сон.

«Опять проснулся, — с пересохшей глоткой, с разбухшим мочевым пузырем. — В пятый раз

или уже в шестой?» Этой ночью лесные звуки Нейпира не усыпляют, но заставляют зудеть его ощущение благополучия. Тормоза автомобиля? «Призрачный филин». Треск ломающихся сучьев? «Крыса, горная куропатка, не знаю, ты в лесу, это может быть что угодно. Засыпай, Нейпир». Ветер. «Голоса под окном?» Нейпир просыпается и видит пуму, притаившуюся на поперечной балке над его кроватью; он просыпается с воплем; этой пумой был Билл Смок, занесший руку, чтобы размозжить Нейпиру голову фонарем; на поперечной балке ничего нет. «Что на этот раз, дождь?» Нейпир вслушивается.

«Только река, только река».

Он зажигает очередную спичку, чтобы посмотреть, не пора ли вставать. 4.05. Нет, промежуточный час. Нейпир умащивается в складках темноты в поисках провалов сна, но недавние воспоминания о доме Марго Рокер находят его и здесь. Билл Смок говорит: «Оставайтесь на стреме. Мой человечек говорит, что она держит все документы у себя в комнате». Нейпир соглашается, довольный тем, что степень его участия в деле снижается. Билл Смок включает свой тяжелый, обтянутый резиной фонарь и поднимается наверх.

Нейпир оглядывает сад Рокер. До ближайшего дома более полумили. Недоумевает, зачем Биллу Смоку, всегда действующему в одиночку, понадобилось привлекать его к такому простому заданию.

Надломленный крик, быстро обрывающийся.

Нейпир, оскальзываясь, бежит вверх по лестнице. Ряд пустых комнат.

Билл Смок стоит на коленях на старинной кровати, молотя по чему-то лежащему на ней своим фонарем, луч его хлещет по стенам и потолку, а когда он тяжело опускается на бесчувственную голову Марго Рокер, раздается едва слышный удар. Ее кровь на простынях — бесстыдно-алая и влажная.

Нейпир кричит ему: прекрати.

Билл Смок поворачивается, раздраженный. «В чем дело, Джо?»

«Ты говорил, что ее здесь не будет!»

«Нет-нет, вы неправильно поняли. Это мой человечек говорил, что старухи сегодня не будет. Трудно найти надежных работников».

«Господи, Господи, она что, мертва?»

«Безопасность, Джо, лучше, чем сожаления».

«Аккуратный маленький заговор», — признает Нейпир в своей бессонной хижине. Оковы

уступчивости. Участвовал в избиении беззащитной старой активистки? Любой исключенный студент юрфака, страдающий каким-нибудь дефектом речи, засадил бы его в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Где-то поет дрозд. «Оставшись в живых, я причинил огромное зло Марго Рокер. Четыре маленьких шрама от осколка, по два в каждой ягодице, боль. Я рисковал жизнью, чтобы просветить Луизу Рей». В окне уже достаточно света, чтобы можно было различить лицо Милли в рамке. «Я всего лишь отдельно взятый человек, — протестует он. — Я не отряд полицейских. Все, чего я хочу от жизни, это жизнь. И немного рыбной ловли».

Джо Нейпир вздыхает, одевается и начинает снова загружать свой джип.

Милли всегда побеждала тем, что не говорила ни слова.

56

Джудит Рей, босая, застегивает свой халат, скроенный под кимоно, и по огромному византийскому ковру направляется на кухню, где полы выложены мрамором. Из просторного холодильника она достает три рубиновых грейпфрута, разрезает их пополам и опускает влажные, холодные как лед полусферы в пасть соковыжималки. Машина жужжит, словно угодившие в ловушку осы, и кувшин наполняется зернистым соком с мякотью, по цвету похожим на леденцы. Луиза наполняет жидкостью тяжелый синий стакан и омывает ею каждый уголок своего рта.

Луиза сидит на полосатой софе на веранде, просматривая газету и жуя круассан. Великолепному виду — поверх богатых крыш Юингсвилля и вельветиновых лужаек вплоть до центра Буэнас-Йербаса, где небоскребы вздымаются над морской дымкой и городским смогом, — присуща свойственная этому часу потусторонность.

— Не остаешься, лапочка?

— Доброе утро. Нет, я хочу забрать свои вещи из офиса, если ты не против еще раз одолжить мне одну из твоих машин.

— Да бери, конечно. — Джудит Рей внимательно осматривает дочь. — В этой «Подзорной трубе» ты зарывала свои таланты в землю, лапочка. Такой убогий журнальчик.

— Да, мама, но это был мой убогий журнальчик.

Джудит Рей устраивается на одной из боковых спинок софы и отгоняет от своего стакана назойливую муху. Она изучает заключенную в кружок заметку в деловом разделе.

ПРИМОРСКУЮ КОРПОРАЦИЮ ВОЗГЛАВИТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ГУРУ ЛЛОЙД ХУКС

В совместном заявлении Белого дома и Приморской энергетической корпорации, электрического гиганта страны, сообщается, что Ллойд Хукс, Федеральный уполномоченный по вопросам энергетики, должен занять пост президента корпорации, ставший вакантным после трагической гибели Альберто Гримальди в авиакатастрофе, случившейся два дня назад. «Мы очень рады, что Ллойд принял наше предложение встать у руля, — сказал вице-президент Приморской корпорации Уильям Уили, — и хотя назначение

произошло в обстоятельствах, как нельзя более печальных, правление чувствует, что Альберто на небесах присоединяется к нам сегодня, когда мы самым горячим образом приветствуем нового президента, о котором могли только мечтать». Мензис Грэм, пресс-секретарь Комиссии по вопросам энергетики, сказал: «Совершенно очевидно, что Ллойда Хукса с его опытом будет недоставать в Вашингтоне, но президент Форд с уважением относится к его желаниям и ожидает дальнейшего сотрудничества с одним из лучших умов, отвечающих на сегодняшние энергетические вызовы и стоящих на страже величия нашей нации». Мистер Хукс должен приступить к своим новым обязанностям на следующей неделе. О его преемнике на посту Федерального уполномоченного будет сообщено сегодня же.

— Это то, над чем ты работала? — спрашивает Джудит.

— По-прежнему работаю.

— От чьего имени?

— От имени правды. — Ирония дочери вполне

откровенна. — Я действую на свой страх и риск.

— С каких пор?

— С того момента, как Оджилви меня уволил. Мое увольнение, мама, было политическим решением. Это доказывает, что я нащупала что-то очень большое. Гигантское.

Джудит Рей смотрит на молодую женщину. «Когда-то у меня была маленькая дочка. Я наряжала ее в платьица с оборочками, записывала на занятия балетом и пять сезонов подряд отправляла в лагерь верховой езды. А сейчас только посмотри на нее. Она все равно превратилась в Лестера».

Мать целует Луизу в лоб. Луиза подозрительно хмурится, словно подросток.

— Что такое?

57

Луиза Рей входит в закусочную «Белоснежка», чтобы в последний раз выпить там кофе, завершая тем самым свое пребывание в «Подзорной трубе». Единственное свободное место — рядом с мужчиной, укрывшимся за «Сан-Франциско кроникл». Хорошая газета, думает Луиза и садится.

— Доброе утро, — говорит ей Дом Грелш.

Луиза чувствует вспышку территориальной ревности, словно бы он вторгся в ее владения.

— Что вы здесь делаете?

— Даже редакторы нуждаются в пище. Я прихожу сюда каждое утро, с тех пор как моя жена… ну, ты знаешь. Пользоваться тостером я умею, но… — Он указывает на тарелку со свиными отбивными, как бы говоря: надо ли продолжать?

— Никогда вас здесь не видела.

— Это потому, что он обычно уходит, — говорит Барт, выполняя одновременно три заказа, — за час до твоего появления. Как обычно, Луиза?

— Да, пожалуйста. Как же это ты, Барт, ни разу мне не сказал?

— Да я ведь и о твоих приходах и уходах никому не говорю.

— Первым прихожу, — Дом Грелш складывает газету, — последним ухожу. Участь редактора. Хотел перемолвиться с тобою словечком, Луиза.

— Я прекрасно помню, что меня уволили.

— Брось, ладно? Я хочу объяснить, почему — ну — не подаю в отставку, после того как Оджилви вывалил на тебя это дерьмо. И раз уж начинаю исповедаться, то я знал, что начиная с прошлой пятницы ты подвергала себя смертельному риску.

— Лучше бы вы сказали об этом заранее.

Редактор понижает голос.

— Ты знаешь, что у моей жены лейкемия. А о том, как обстоят у нас дела со страховкой?

Луиза решается удостоить его кивком. Грелш ожесточается.

— На прошлой неделе, во время переговоров о передаче журнала… мне намекнули, что если я останусь в «Трубе» и соглашусь, что никогда не слышал… о некоем отчете, то на моих страховщиков окажут давление.

Луиза сохраняет самообладание.

— Вы верите, что эти люди держат слово?

— В воскресенье утром мне позвонил этот хмырь, разбирающийся с моим иском, Арнольд Фрам. Извинился за беспокойство, то да се, но

он-де полагал, нам интересно будет узнать о том, что «Голубой щит» изменил свое решение и будет оплачивать все медицинские счета моей жены. Чек с возмещением предыдущих платежей уже отправлен. Мы даже сохраним свой дом. Я не горжусь собой, но и не стыжусь, что поставил свою семью выше правды.

— Правда состоит в том, что на Буэнас-Йербас прольется радиация.

— Каждый из нас выбирает свой уровень риска. Если я могу защитить свою жену в обмен за то, что сыграл небольшую роль в возможности несчастного случая на Суоннекке, что ж, придется мне с этим жить. Я черт знает как хотел бы, чтобы ты немножко больше подумала о том, какому риску себя повергаешь, связываясь с этими типами.

К Луизе возвращаются воспоминания о том, как она тонула, и сердце у нее бьется неровно. Барт ставит перед ней чашку кофе.

Грелш пододвигает к ней по стойке машинописную страницу. Две колонки, в каждой по семь имен.

— Угадай, что это за список.

Выделяются два имени: Ллойд Хукс и Уильям Уили.

— Члены правления корпорации «Трансви-

дение»?

Грелш кивает.

— Почти. Членство в правлении — открытая информация. Здесь же список не входящих в правление корпоративных советников, получающих деньги, которые направляются в корпорацию «Трансвидение». Имена, которые я обвел, должны тебя заинтересовать. Смотри. Хукс и Уили. Окаянные бездельники, алчные до примитивности.

Луиза убирает список в карман.

— За это мне следует вас поблагодарить.

— Это раскопал наш жеребец Нуссбаум. И последнее. Фрэн Пикок, из «Западного вестника», ты с ней знакома?

— Так, «здрасьте-до свиданья» на журналистских междусобойчиках.

— Мы с Фрэн давно знакомы. Накануне я заглянул к ней на работу, упомянул о самых выдающихся моментах твоей истории. Это ни к чему не обязывает, но если у тебя появятся какие-то свидетельства, с которыми можно вступать в бой, она хотела бы сказать что-то большее, чем «здрасьте».

— Разве это в духе вашего взаимопонимания с «Трансвидением»?

Грелш встает и сворачивает газету в трубочку.

— Они никогда не говорили, что я не могу общаться с коллегами.

58

Джерри Нуссбаум возвращает Луизе ключи от машины.

— Дай-то бог мне перевоплотиться в спортивную машину твоей матушки! Все равно какую. Это что, последняя коробка?

— Да, — говорит Луиза. — Спасибо.

Нуссбаум пожимает плечами, как скромный маэстро.

— Здесь, черт меня возьми, стало так пусто без настоящей женщины, которую можно подкалывать. Нэнс провела в отделе новостей столько лет, что давно уже превратилась в мужика.

Нэнси О'Хаган ударяет кулаком по своей потрепанной пишущей машинке и показывает Нуссбауму средний палец.

— Да уж, — Рональд Джейкс мрачно оглядывает пустой стол Луизы, — я до сих пор как бы, знаешь, не верю, что новые парни дадут тебе особо развернуться, но держись таких же мягкотелых, как наш Нуссбаум.

Нэнси О'Хаган шипит на манер кобры.

— Как может Грелш, — она тычет сигарой в сторону его кабинета, — просто перевернуться

лапками кверху и позволить Оджилви вот так тебя вытолкать?

— Пожелайте мне удачи.

— Удачи? — Джейкс усмехается. — Не нужна тебе удача. Не знаю, почему ты так долго оставалась с этой дохлой акулой. В семидесятых сатира при последнем издыхании и скоро скончается. Правильно сказал Лерер.[211] Мир, который награждает Генри Киссинджера[212] Нобелевской премией мира, всех нас вышвырнет с работы.

— Да, — вспоминает Нуссбаум, — я сейчас заходил в комнату почты. Кое-что для тебя.

Он протягивает Луизе коричневый конверт с набивкой. Неразборчивый, заплетающийся почерк ей не знаком. Она вскрывает конверт и находит внутри ключ от депозитного сейфа, завернутый в короткую записку. Взгляд Луизы скользит по записке, и лицо ее напрягается. Она снова изучает гравировку на ключе.

— Третий банк Калифорнии, Девятая улица. Это где?

---

[211] Примечания: 211

Лерер, Том (р. 1928) — культовый американский автор-исполнитель и сатирик, по основной профессии — математик.

[212] Примечания: 212

Генри Киссинджер (р. 1923) — государственный секретарь США в 1973–1977 гг. (при Джеральде Форде), советник президента по вопросам национальной безопасности в 1969–1975 гг. (при Никсоне и Форде).

— В центре, — отвечает О’Хаган, — близко от угла Девятой и Фландрского бульвара.

— Ну, до следующего раза. — Луиза идет к двери — Мир тесен.

— Э-э, — кидает ей вслед Джейкс, — ты это о чем?

59

Ожидая зеленого сигнала, Луиза еще раз просматривает записку Сиксмита, желая убедиться, что ничего не упустила. Она написана торопливым почерком.

Международный аэропорт Буэнас-Йербаса,
12-IX-1975

Дорогая мисс Рей,

Простите за эти каракули. Некий доброжелатель из Приморской корпорации уведомил меня, что надо мной нависла непосредственная угроза для жизни. Обнародование дефектов реактора «ГИДРА-зеро» требует отличного здоровья, так что я воспользуюсь этим предупреждением. Свяжусь с вами, как только смогу, из Кембриджа или через МАГАТЭ. Между тем я позволил себе поместить свой отчет о Суоннекке «Би» в сейф Третьего банка Калифорнии, что на Девятой улице. Он вам потребуется, если со мной что-то слу-

чится. Будьте осторожны.

Второпях, Р. С.

Пока Луиза возится с непривычной коробкой передач, сзади разражаются гневные сигналы. После Тринадцатой улицы город утрачивает свою тихоокеанскую роскошь. Рожковые деревья, орошаемые городом, уступают место сгорбленным фонарям. На этих боковых улочках не увидишь задыхающихся бегунов трусцой. Окрестности могут принадлежать любой индустриальной зоне любого индустриального пояса. На скамейках дремлют бродяги, сквозь трещины в тротуарах пробиваются сорняки, кожа местных жителей с каждым кварталом делается все темнее, забитые двери обклеены рекламными листками, граффити испещряют все поверхности до той высоты, куда может дотянуться рука тинейджера с жестянкой спрея. Уборщики мусора снова бастуют, и холмы хлама разлагаются на солнце. Ломбарды, безымянные прачечные самообслуживания и бакалейные лавки вытягивают скудные деньги из потертых карманов. После множества кварталов и перекрестков магазины уступают место анонимным производствам и строительным площадкам. Луиза никогда прежде даже не

проезжала через этот район, и ей не по себе от неузнаваемости окружающего. «Может, Сиксмит стремился спрятать не только свой отчет, но и место, в котором он его спрятал?» Она подъезжает к Фландрскому бульвару и прямо перед собой видит Третий Калифорнийский банк с окружающей его парковкой для посетителей. Луиза не замечает потрепанного черного «шевроле», припаркованного на другой стороне улицы.

60

Фэй Ли, замаскированная солнцезащитными очками и широкополой шляпой, сверяет свои часы с часами банка. Кондиционеры проигрывают в битве с жарой близящегося полдня. Она вытирает платком пот с лица и предплечий, обмахивается веером и перебирает в уме недавние открытия. «Джо Нейпир, ты кажешься тупицей, но очень даже сообразителен, достаточно сообразителен, чтобы знать, когда откланяться». Луиза Рей может объявиться тут с минуты на минуту, если Билл Смок не врет. «Билл Смок, ты кажешься сообразительным, но ты очень даже туп, а твои люди совсем не так верны, как тебе представляется. Поскольку сам ты не делаешь это за деньги, ты забываешь о том, как легко можно купить малых сих».

В банк входят двое хорошо одетых китайцев. Взгляд одного из них говорит ей, что Луиза Рей близко. Все трое сходятся у стола, преграждающего вход в боковой коридор: ДЕПОЗИТНЫЕ СЕЙФЫ. К этой услуге за все утро очень мало кто обращался. Фэй Ли обдумывала возможность обзавестись здесь своим человеком, но довольствоваться

естественной слабостью сопровождающих на минимальном окладе безопаснее, чем позволить людям из Триады учуять запах наживы.

— Зыдыласте. — Фэй Ли атакует охранника самым невыносимым китайским акцентом, на который способна. — Я сы былатья хочем взятти из сейфа. — Она покачивает ключом от сейфа. — Сымотлите, у насса кылюч.

У усталого молодого человека большие неприятности с кожей.

— Паспорт?

— Пасыполту вот, сымотлите, сымотлите пасыполту.

Китайские иероглифы отталкивают испытующий взгляд белого своей древней родовой магией. Охранник кивает вдоль коридора и снова погружается в журнал, посвященный пришельцам.

— Дверь не заперта.

«Иначе, малыш, я надрала бы тебе задницу не сходя с места», — думает Фэй Ли.

В конце коридора находится укрепленная дверь, оставленная приоткрытой. За ней находится помещение с депозитными сейфами, имеющее вид трезубца. Один помощник вместе с нею проходит в левый зубец, а другому она велит пройти в правый. «Здесь около шестисот сейфов.

Один из них скрывает отчет стоимостью в пять миллионов долларов, по десять тысяч баксов за страницу».

По коридору приближаются чьи-то шаги. Постукивающие женские каблучки.

Дверь хранилища распахивается.

— Есть тут кто? — спрашивает Луиза Рей.

Молчание.

Как только дверь захлопывается, двое мужчин набрасываются на женщину. Луиза скручена, рот ее заткнут чьей-то ладонью.

— Благодарю вас — Фэй Ли забирает ключ из пальцев журналистки. На нем выгравирован номер 36/64. Слов она даром не тратит. — Плохие новости. Это комната звуконепроницаема, в ней нет камер наблюдения, а я и мои друзья вооружены. Отчету Сиксмита не суждено попасть к вам в руки. Хорошие новости. Я действую в интересах клиентов, которые хотят задушить реактор «ГИДРА-зеро» в колыбели и дискредитировать Приморскую корпорацию. Изыскания Сиксмита сотрясут выпуски новостей через два-три дня. Если наверху в Приморской покатятся головы, я плакать не буду. Не смотрите на меня так, Луиза. Правда не заботится о том, кто ее откроет, так почему об этом беспокоиться вам? Но есть новости

и еще лучше. С вами не случится ничего плохого. Мой помощник доставит вас в одно укромное место в Буэнас-Йербасе. К вечеру вас освободят. Вы не причините нам никаких неприятностей, потому что, — Фэй Ли вытаскивает из досье Луизы фотографию Хавьера и машет ею в дюйме от ее лица, — на доброту мы отвечаем взаимностью.

Вызов, горящий в глазах Луизы, сменяется готовностью подчиниться.

— Я знала, что у вас есть голова на плечах.

К тому, кто держит Луизу, Фэй Ли обращается по-китайски.

— Доставь ее куда надо. И чтобы никакой грязи — застрелишь, и все. Если она журналистка, это еще не делает ее полной шлюхой. От тела избавишься обычным образом.

Они выходят. Второй помощник остается возле двери, держа ее приоткрытой.

Фэй Ли находит сейф 36/64 на уровне своей шеи, в конце среднего зубца.

Ключ поворачивается, дверца распахивается.

Фэй Ли вытаскивает коричневую папку для бумаг. «Реактор ГИДРА-зеро — Рабочая испытательная модель — Глава проекта доктор Руфус Сиксмит — Незаконное владение подпадает под Акт 1971 года о военном и промышленном шпи-

онаже». Фэй Ли позволяет себе торжествующую улыбку. Страна равных возможностей. Потом замечает, что изнутри папки к задней стенке сейфа тянутся два проводка. Она заглядывает внутрь. Красный светодиод мигает над аккуратно увязанными цилиндрами — их два ряда по четыре в каждом, — проводами и еще какими-то компонентами.

«Билл Смок, проклятый ты…»

61

Взрыв поднимает Луизу Рей вверх и швыряет ее вперед, непреодолимо, как тихоокеанский бурун. Коридор вращается рывками по девяносто градусов — несколько раз — и ударяет Луизу по ребрам и голове. Кирпичная кладка стонет. Куски штукатурки, кафеля и стекла сыплются ливнем, который становится моросью и прекращается.

Зловещий покой. «Во что это я угодила?» В дыму и пыли мечутся призывы на помощь, доносятся вопли с улицы, горелый воздух просверливают сигналы тревоги. К Луизе возвращается способность соображать. Бомба. Ее сопровождающий хрипит и стонет. Кровь из его ушей, стекаясь во впадину меж ключицами, образует дельту, заливающую воротник его рубашки. Луиза пытается отползти, но правая нога не слушается.

Шок проходит; нога ее просто зажата под туловищем потерявшего сознание китайца. Она ее высвобождает и ползет, чувствуя, что все у нее или онемело, или болит, по вестибюлю, превратившемуся в кадр из какого-то фильма. Луиза натыкается на дверь хранилища, сорванную с петель. «Должно быть, пролетела в нескольких

дюймах от меня». Битое стекло, перевернутые стулья, куски стены, окровавленные и оглушенные люди. Из труб извергается маслянистый черный дым, и включается противопожарная система — Луиза, промокшая до нитки и задыхающаяся, оскальзывается на влажном полу, у нее кружится голова, и она, согнувшись пополам, натыкается на других.

Чья-то дружественная рука берет Луизу за запястье.

— Я с вами, мэм, я с вами, позвольте помочь вам выйти наружу, может быть еще один взрыв.

Луиза послушно следует за ним, и попадает на залитую солнцем и запруженную народом улицу — сплошная стена из лиц, жаждущих ужаса. Пожарный ведет ее через дорогу, забитую сгрудившимися, словно на старте гонок, автомобилями, и это напоминает ей документальные кадры об апрельских боях в Сайгоне. Дым продолжает идти в несоразмерных количествах.

— Осадите! Эй, там! Отойдите! Прочь отсюда!..

Луиза-журналистка пытается что-то сказать Луизе-жертве.

На зубах у нее скрипит песок. Что-то важное. Она спрашивает у своего спасителя:

— Как вам удалось так быстро сюда добраться?

— Все в порядке, — настаивает тот, — вы контужены.

Пожарный?

— Теперь я сама могу пойти, куда мне надо…

— Нет, вы будете в безопасности вот здесь…

Распахивается дверца пыльного черного «шевроле».

— Отпустите меня!

Он держит ее железной хваткой.

— Немедленно в машину, — произносит он сквозь зубы, — или я вышибу твои долбаные мозги.

«Эта бомба предназначалась для меня, а теперь…»

Похититель Луизы хрипит и валится ничком.

62

Джо Нейпир хватает Луизу Рей за руку и резко разворачивает в противоположную от «шевроле» сторону. «Господи, это едва не случилось!» В другой руке у него бейсбольная бита.

— Если хотите дожить до конца дня, вам лучше пойти со мной.

«Хорошо», — думает Луиза.

— Хорошо, — говорит она.

Нейпир тянет ее обратно в раскачивающуюся толпу, чтобы блокировать линию огня Билла Смока, вручает бейсбольную биту какому-то пареньку, который приходит в замешательство, и быстро идет к Восемьдесят первой авеню, подальше от «шевроле». «Идти как ни в чем не бывало — или броситься бегом и тем себя выдать?»

— Моя машина стоит рядом с банком, — говорит Луиза.

— В этих заторах мы станем сидячими утками, — возражает Нейпир. — У Билла Смока есть еще две гориллы, они будут просто стрелять через окно. Вы можете идти?

— Могу и бежать, Нейпир.

Они продвигаются на треть квартала, но затем

Нейпир различает впереди лицо Билла Смока — рука у того зависла над карманом пиджака. Нейпир оглядывается. Второй наемник захватывает их в клещи сзади. Третий — на другой стороне дороги. Копов не будет еще несколько минут, а они располагают только секундами. Два убийства средь бела дня: рискованно, но ставки для тех достаточно высоки, чтобы попытаться, к тому же здесь такая неразбериха, что им все сойдет с рук. Нейпир в отчаянии. Они проходят мимо какого-то склада без окон.

— Вверх по лестнице, — говорит он Луизе, молясь, чтобы дверь открылась.

Та открывается.

Обширная приемная зона, темная, освещенная одной только лампочкой, — гробница, полная мух. Нейпир закрывает дверь на засов. На них невозмутимо взирают двое: маленькая девочка в лучшем своем воскресном одеянии, сидящая за столом, и невозмутимый престарелый пудель на своем ложе из картонной коробки. В дальнем конце видны три дверных проема. Шум станков сливается воедино.

Из ниоткуда стремительно появляется черноглазая мексиканка, лицо которой трепещет от волнения.

— Здесь нет нельгалов! Здесь нет нельгалов! Босса нет! Босса нет! Приходите другой раз!

Луиза Рей обращается к ней на сильно хромающем испанском. Мексиканка пристально на них смотрит, затем неистово тычет пальцем в сторону внутренних дверных проемов. Внешнюю дверь сокрушает удар. Нейпир и Луиза, сопровождаемые гулким эхом, бегут через помещение.

— Налево или направо? — спрашивает Нейпир.

— Не знаю! — задыхаясь, отвечает Луиза.

Нейпир оглядывается, чтобы получить указание от мексиканки, но уличная дверь содрогается от одного удара, раскалывается от другого и распахивается от третьего. Нейпир увлекает Луизу налево.

63

Биско и Ропер, подручные Билла Смока, вышибают плечами дверь. В мысленном своем судебном зале Билл Смок находит Уильяма Уили и Ллойда Хукса виновными в преступной халатности. «Говорил я вам! Нельзя было верить, что Джо Нейпир, накинув на совесть удавку, займет свои руки удочкой!» Дверь разлетается на куски.

Внутри бьется в истерике тощая мексиканка. Безмятежная девочка и украшенный бантиком пудель сидят на письменном столе.

— ФБР! — вопит Биско, размахивая водительскими правами— Куда они побежали?

Мексиканка визгливо выкрикивает:

— Мы заботим рабочих! Очень хорошо! Много платим! Не надо профсоюз!

Биско вскидывает ствол и размазывает пуделя по стене.

— КУДА, МАТЬ ТВОЮ, ОНИ ПОБЕЖАЛИ?

«Иисус Мухаммед Христос, вот почему я работаю один».

Мексиканка кусает себе кулаки, содрогается и испускает все усиливающийся вой.

— Великолепно, Биско, типа, фэбээровцы стре-

ляют по пуделям. — Ропер наклоняется над девочкой, которая никак не отозвалась на гибель собаки. — В какую дверь пошли те двое?

Она смотрит на него так, словно перед ней не что иное, как великолепный закат.

— Ты говоришь по-английски?

«Истеричка, немая, дохлый пес, — Билл Смок направляется к трем дверям, — и парочка законченных мудозвонов».

— Мы теряем время. Ропер, в правую дверь. Биско, в левую. Я пойду в среднюю.

64

Стены высотой в десять картонных коробок, ряды которых и проходы между ними скрывают истинные размеры склада. Нейпир закрывает дверь и придвигает к ней тележку.

— Скажите мне, что со вчерашнего дня вы избавились от своей аллергии на оружие, — шипит он.

Луиза трясет головой.

— А у вас есть?

— Так, пугач. Шесть патронов. Вперед.

Даже на бегу она слышит, как кто-то налегает на дверь. Нейпир блокирует обзор башней из коробок. Потом снова, несколькими ярдами дальше. Однако третья башня опрокидывается перед ними, и дюжины Больших Птичек — Луиза узнает тупых желтых эму из детской программы, которую Хэл обычно смотрел между работами, — рассыпаются по полу. Нейпир приказывает жестом: беги пригнувшись.

Пятью секундами позже пуля дырявит картон в трех дюймах от головы Луизы, и набивка Большой Птички обильно осыпает ей лицо. Она спотыкается и сталкивается с Нейпиром; столб

грохота опаляет воздух над ними. Нейпир вытаскивает пистолет и дважды стреляет — справа от Луизы и слева. Выстрелы заставляют ее сжаться клубочком.

— Беги! — орет Нейпир, рывком поднимая ее на ноги. Луиза повинуется — Нейпир принимается опрокидывать стены коробок, чтобы задержать преследователя.

Через десять ярдов Луиза достигает угла. На фанерной двери надпись: ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД.

Закрыто. Задыхаясь, к ней подбегает Нейпир. Выбить дверь ему не удается.

— Оставь, Нейпир! — доносится до них. — Нам нужен не ты!

Нейпир в упор стреляет в замок.

Дверь по-прежнему не открывается. Он вгоняет в замок еще три пули: каждый выстрел заставляет Луизу морщиться. Вместо четвертого выстрела слышится клацанье пустого затвора. Нейпир вышибает дверь ногой.

Подпольный потогонный цех, стук пятисот швейных машинок. Клочки текстиля витают в вискозной жаре, ореолом окружая голые лампочки, свисающие над каждой швеей. Луиза и Нейпир на полусогнутых ногах быстро бегут по внешнему проходу. Дистрофичные Дональды

Даки и распятые Скуби-Ду[213] обретают свои вшиваемые внутренности — один за другим, ряд за рядом, поддон за поддоном. Глаза женщин не отрываются от игольных пластин, так что Луиза с Нейпиром почти не привлекают внимания.

«Но как мы отсюда выберемся?»

Нейпир в буквальном смысле натыкается на мексиканку из импровизированной приемной. Она манит их рукой в неосвещенный боковой коридор, наполовину загроможденный всякой всячиной. Нейпир, поворачиваясь к Луизе, кричит, пытаясь перекрыть металлический звон, а на лице его читается: «Доверимся ей?»

Лицо Луизы отвечает: «Есть идеи получше?» Они следуют за женщиной между рулонами материи и бухтами проволоки, разорванными коробками с глазами плюшевых мишек, а также корпусами и внутренностями разномастных швейных машинок. Коридор поворачивает направо и обрывается у металлической двери. Через закопченную решетку просачивается дневной свет. Мексиканка грохочет связкой ключей. «Здесь 1875 год, — думает Луиза, — а вовсе не

[213] Примечания: 213

…Дональды Даки и… Скуби-Ду… — Дональд Дак — утенок Дональд, герой выходящих с 1934 г. диснеевских мультфильмов. Скуби-Ду — собака, герой выходящих с 1969 г. мультфильмов студии «Ханна-Барбера».

1975-й». Один ключ не вставляется. Второй вставляется, но не проворачивается. Даже тридцать секунд, проведенные на фабричном этаже, ослабили ее слух.

Воинственный возглас в шести ярдах сзади:

— Руки вверх!

Луиза поворачивается.

— Я сказал — руки вверх, мать твою!

Руки Луизы повинуются. Киллер держит под прицелом Нейпира.

— Повернись, Нейпир! Медленно!!! Бросай свой ствол!

Сеньора пронзительно кричит:

— Нет стрелять я! Нет стрелять я, сеньор! Они заставить я показать дверь! Они сказать, они убить…

— Заткни пасть, дрянь мокрозадая![214] Мотай отсюда! Прочь с дороги!

Женщина пробирается мимо него, вжимаясь в стену и выкрикивая:

— No dispares! No dispares! No quiero morir![215]

---

[214] Примечания: 214

…дрянь мокрозадая! — Wetback — презрительная кличка нелегальных иммигрантов в США из Мексики (переплывших через реку Рио-Гранде).

[215] Примечания: 215

Не стреляй! Не стреляй! Я не хочу умирать! (исп.).

Перекрывая доносящийся по туннелю фабричный шум, Нейпир кричит:

— Успокойся, Биско, сколько тебе платят?

Биско вопит в ответ:

— Не беспокойся, Нейпир! Последние слова?

— Не слышу! Что ты говоришь?

— ТВОИ — ПОСЛЕДНИЕ — СЛОВА?

— Последние слова? Ты кто такой? Грязный Гарри?

Рот Биско искривляется в усмешке.

— У меня целая книга последних слов, а вот это были твои. Ты?

Он глядит на Луизу, по-прежнему целясь в Нейпира.

Пистолетный выстрел пробивает дыру в металлическом звоне, и Луиза зажмуривается. Что-то тяжелое касается пальцев ее ноги. Она заставляет себя открыть глаза. Это пистолет, заскользивший по полу и остановившийся. Лицо Биско искажено невообразимым страданием. Разводной гаечный ключ сеньоры проносится в воздухе и дробит нижнюю челюсть Биско. Следуют еще десять или более ударов неимоверной ярости — все они заставляют Луизу морщиться и отделяются один от другого словами:

— Yo! Amaba! A! Ese! Jodido! Perro![216]

Луиза оборачивается к Джо Нейпиру. Он смотрит на нее, не раненый, но ошеломленный.

Сеньора утирает ладонью рот и склоняется над неподвижным Биско, чье лицо превращено в бесформенную массу.

— И не смей называть меня «мокрозадой»!

Она переступает через его размозженную голову и отпирает дверь.

— Если хотите, скажите двоим другим, что это я так с ним разделался, — говорит ей Нейпир, нашаривая на полу пистолет Биско.

Сеньора обращается к Луизе:

— Quítatelo de encima, cariña. Anda con gentuza y ¡Dios mío! ese viejo podría ser tu padre.[217]

---

[216] Примечания: 216

Я! Любила! Этого! Долбаного! Пса! (исп.).

[217] Примечания: 217

Брось его, милочка. Водится со всяким сбродом, и, бог ты мой, он же в отцы тебе годится (исп.).

65

Нейпир сидит в вагоне подземки, испещренном граффити, и наблюдает за дочерью Лестера Рея. Она потрясена, всклокочена, вся дрожит, а ее одежда все еще не просохла от спринклеров, сработавших в банке.

— Как вы меня нашли? — спрашивает она наконец.

— Помог здоровый толстый парень из вашей редакции. Носбумер или что-то вроде.

— Нуссбаум.

— Точно. Долго пришлось его убеждать.

Молчание длится от площади Воссоединения до Семнадцатой авеню. Луиза ковыряет в дырке, появившейся сегодня на ее джинсах.

— Я так думаю, в Приморской корпорации вы больше не работаете.

— Вчера меня отправили на пастбище.

— Увольнение?

— Нет. Досрочная отставка. Да. Отправили на пастбище.

— А сегодня утром вы с пастбища вернулись?

— Примерно так.

На этот раз молчание длится от Семнадцатой

авеню до парка Макнайта.

— У меня такое чувство, — неуверенно говорит Луиза, — что я… нет, что вы разрушили там какое-то предопределение. Как будто Буэнас-Йербас решил, что сегодня я должна умереть. А я — вот она.

Нейпир задумывается над ее словами.

— Нет. Городу все равно. И вы можете считать, что это ваш отец спас вам жизнь, когда тридцать лет назад отбросил ногой гранату, катившуюся в мою сторону. — Их вагон содрогается и постанывает. — Нам надо заехать по дороге в оружейный магазин. С незаряженными пистолетами я нервничаю.

Поезд выныривает на солнечный свет. Луиза щурится.

— Куда мы едем?

— Кое с кем повидаться. — Нейпир смотрит на часы. — Она прилетела специально.

Луиза трет свои красные глаза.

— А эта кое-кто может дать нам копию отчета Сиксмита? Потому что это досье — единственный для меня выход.

— Пока не знаю.

66

Меган Сиксмит сидит на низкой скамейке в Музее современного искусства Буэнас-Йербаса и глядит на огромное, по-медвежьи грубое лицо старой дамы, образованное переплетением серых и черных линий на холсте, больше ничем не тронутом. Будучи единственным образцом фигуративной живописи в зале с Поллоком,[218] де Кунингом[219] и Миро,[220] этот портрет тихо тревожит. «Смотри, говорит она, — думает Меган, — на свое будущее. Когда-нибудь твое лицо тоже станет таким, как у меня». Время оплело ее кожу паутиной морщин. Мышцы в одних местах провисли, в других натянулись, веки набрякли и опустились. На шее у нее нить жемчужин, скорее

---

[218] Примечания: 218

Поллок, Джексон (1912–1956) — американский художник, абстрактный экспрессионист, практиковал технику «дриппинга» (нанесение краски на холст разбрызгиванием).

[219] Примечания: 219

Де Кунинг, Биллем (1904–1997) — американский художник, один из лидеров абстрактного экспрессионизма. Родился в Голландии, в Роттердаме, нелегально эмигрировал в США в 1926 г. Наиболее известны его «фигуративные абстракции» первой половины 1950-х гг. — серия «Женщины».

[220] Примечания: 220

Миро, Хуан (1893–1983) — видный испанский художник-сюрреалист

всего, самого низкого качества, а волосы всклокочены после целого дня возни с внуками. «Но она видит то, что мне недоступно».

Рядом с ней садится женщина примерно ее возраста. Ей стоило бы умыться и переодеться.

— Меган Сиксмит?

Меган смотрит на нее искоса.

— Луиза Рей?

Та кивает в сторону портрета:

— Она мне всегда нравилась. Мой отец был с ней знаком — я имею в виду, в жизни. Она выжила после Холокоста и осела в Буэнас-Йербасе. Держала пансион в португальском квартале. Сдавала комнату художнику.

«Мужество произрастает повсюду, — думает Меган Сиксмит, — словно сорняки».

— Джо Нейпир сказал, что вы прилетели сегодня из Гонолулу.

— Он здесь?

— Вот тот, позади меня, в хлопчатобумажной рубашке. Притворяется, что рассматривает картину Уорхола,[221] а на самом деле приглядывает за нами. Боюсь, его паранойя оправдана.

---

[221] Примечания: 221

Уорхол, Энди (Эндрю Вархола, 1928–1987) — американский художник чешского происхождения, кинорежиссер-авангардист, основоположник и самый яркий представитель поп-арта.

— Да. Мне надо убедиться, что вы та, за кого себя выдаете.

— Счастлива это слышать. Что предложите?

— Как назывался фильм Хичкока, который больше всего нравился моему дяде?

Женщина, утверждающая, что она — Луиза Рей, на мгновение задумывается и улыбается.

— Мы говорили о Хичкоке в лифте — наверное, он написал вам об этом, — но не помню, чтобы он называл свой любимый фильм. Он восхищался бессловесным отрывком из «Головокружения», где на фоне видов Сан-Франциско Джимми Стюарт преследует таинственную женщину до портового района. А еще ему нравилась «Шарада» — я знаю, что это не Хичкок, но его позабавило, когда вы сказали, что у Одри Хепберн «крыша течет».

Меган откидывается на спинку скамьи.

— Да, мой дядя упоминал о вас в открытке, которую прислал из отеля аэропорта. Она была взволнованной, беспокойной, пестрела фразами типа «Если со мной что-нибудь случится» — но не имела никакого отношения к самоубийству. Ничто не могло заставить сделать Руфуса то, о чем заявляет полиция. — «Спроси ее и перестань, ради бога, так дрожать». — Мисс Рей… думаете,

моего дядю убили?

— Боюсь, я это знаю наверняка, — отвечает Луиза Рей — Мне очень жаль.

Убежденность журналистки не оставляет сомнения. Меган глубоко вздыхает.

— Я знаю о его работе на Приморскую корпорацию и Министерство обороны. Целиком его отчета я не видела, но проверяла его математические расчеты, когда навещала Руфуса в июле. Мы правили работы друг друга.

— Министерство обороны? Энергетики, вы хотели сказать?

— Обороны. Побочным продуктом реактора «ГИДРА-зеро» является уран, который можно использовать для производства боеголовок. Уран высшего качества и в огромных количествах.

Меган дает Луизе возможность осознать новый расклад.

— Так что вам требуется?

— Отчет, только отчет сокрушит Приморскую корпорацию на общественном и правовом поле. И, между прочим, спасет мою собственную шкуру.

«Довериться этой незнакомке или встать и уйти?»

Цепочка держащихся за руки школьников шу-

мит вокруг портрета старой женщины. Под звук короткой речи гида Меган негромко произносит:

— Руфус хранил свои научные работы, данные, заметки, первоначальные наброски и прочее на «Морской звезде» — своей яхте — для дальнейшего их использования. Его похороны состоятся на следующей неделе, завещание до тех пор оглашаться не будет, так что этот тайник останется пока нетронутым. Я могла бы поспорить на что угодно, что он хранил на борту и копию отчета. Возможно, люди из Приморской корпорации уже прочесали судно, но на «Морской звезде» есть одна штуковина, о которой нигде не упоминается…

— Где сейчас стоит «Морская звезда»?

67

КОРОЛЕВСКАЯ ЭСПЛАНАДА МЫСА ЙЕРБАС
ГОРДИТСЯ БЫТЬ ПРИСТАНЬЮ
ДЛЯ «ПРОРОЧИЦЫ» —
НАИЛУЧШИМ
ОБРАЗОМ СОХРАНИВШЕЙСЯ
ШХУНЫ В МИРЕ!

Нейпир паркует взятый напрокат «форд» возле обшитого досками здания клуба, которое некогда было эллингом. Ярко освещенные окна выставляют напоказ гостеприимный бар, а под вечерним ветром жестко шуршат морские флаги. Когда Луиза и Нейпир проходят через клубный сад и спускаются по лестнице на обширную эспланаду, с дюн доносятся смех и собачий лай. Трехмачтовое деревянное судно силуэтом вырисовывается на фоне меркнущего востока, возвышаясь над лоснящимися стекловолоконными яхтами вокруг него. На пристанях и яхтах движутся люди, но их немного.

— «Морская звезда» пришвартована к самому дальнему от клуба причалу, — Луиза сверяется с

картой Меган Сиксмит, — за «Пророчицей».

Корабль девятнадцатого века и в самом деле прекрасно отреставрирован. Несмотря на их миссию, Луизу отвлекает странное притяжение, которое заставляет ее на мгновение остановиться, взглянуть на его такелаж, прислушиваться к скрипу его деревянных костей.

— В чем дело? — шепчет Нейпир.

«В чем дело?» — пульсирует родимое пятно Луизы. Она хватается за края этого эластичного мгновения, но они исчезают в прошлом и будущем.

— Ни в чем.

— Бояться — это правильно. Я и сам боюсь.

— Да уж.

— Мы почти пришли.

«Морская звезда» стоит именно в том месте, что указано на карте Меган. Они взбираются на борт. Нейпир вставляет скрепку в дверь каюты и сует в щель палочку от эскимо.

— Спорим, вы научились этому не в армии.

— Проиграете. Из домушников получаются находчивые солдаты, а призывная комиссия не была особо разборчивой… — Щелчок. — Готово.

В опрятной каюте — ни единой книги. Встроенные электронные часы перепрыгивают с 21.55 на

21.56. Тонкий, как карандаш, луч нейпировского фонарика останавливается на навигационном столе, установленном поверх миниатюрного бюро.

— Посмотрим там?

Луиза вытаскивает ящик.

— Вот оно. Светите сюда. — Множество скоросшивателей и папок. Одна из них ванильного цвета, привлекает ее взгляд. «Реактор ГИДРА-зеро — Рабочая испытательная модель — Глава проекта доктор Руфус Сиксмит». — Есть! Что с вами, Джо? Вам плохо?

— Нет. Это всего лишь… оттого, что все обошлось так хорошо и так просто.

«Значит, Джо Нейпир умеет улыбаться».

Какое-то движение в дверном проеме каюты; кто-то закрывает собою звезды. Нейпир улавливает тревогу Луизы и быстро оборачивается. В свете фонаря Луиза видит, что сухожилие на запястье киллера дергается, раз и другой, но выстрелов не слышно. «Заело предохранитель?»

Джо Нейпир издает икающий звук, тяжело оседает на колени и ударяется головой о стальную ножку навигационного стола.

Он лежит неподвижно.

У Луизы сохраняется одно лишь чуть примет-

ное чувство того, что она — это она. Фонарик Нейпира катается по полу из-за легкой зыби, и луч вращается, высвечивая его искромсанный торс. Его живая кровь растекается бесстыдно быстро: бесстыдно алая, бесстыдно блестящая. Снасти свистят и хлопают на ветру.

Киллер закрывает за собой дверь каюты.

— Луиза, положи отчет на стол. — Голос его добродушен. — Не хочу, чтобы на нем была кровь.

Она повинуется. Лица мужчины не видно.

— Ну, пора тебе примириться со своим Создателем.

Луиза ухватывается за стол.

— Вы — Билл Смок. Это вы убили Сиксмита.

Темнота отвечает:

— Гораздо более могучие силы. Я лишь направил пулю.

«Соберись».

— Вы следовали за нами от самого банка, были в подземке, в музее…

— Смерть всегда делает вас такой разговорчивой?

Голос Луизы дрожит:

— Что значит — всегда?

68

Джо Нейпир плывет в стремительном потоке.

Перед его померкшим взглядом парит призрак Билла Смока.

Он сам уже более чем наполовину умер.

Снова, сминая безмолвие, приходят слова. «Он убьет ее».

«Этот тридцать восьмой у тебя в кармане».

«Я исполнил свой долг. Бога ради. Я умираю».

«Эй. Ступай и расскажи Лестеру Рею о долге и умирании».

Правая рука Нейпира дюйм за дюймом подбирается к пряжке. Он не может понять, то ли он младенец в люльке, то ли мужчина, умирающий в своей постели. Ночь на исходе, нет, жизнь. Нейпиру часто хочется поддаться отливу, но рука его отказывается забывать. Рукоять пистолета ложится ему в ладонь. Его палец входит в стальную петлю, и его намерение озаряется вспышкой ясности. «Спуск, да, вот он. Вытяни ее. Теперь медленно…

Наведи пистолет». Билл Смок всего в нескольких ярдах.

Спусковой крючок не поддается указательно-

му пальцу — затем вспышка, сопровождаемая невероятным грохотом, отшвыривает Билла Смока назад, и руки у него дергаются, как у марионетки.

Четвертое с конца мгновение жизни Джо Нейпира: он посылает вторую пулю в марионетку, силуэт которой выхвачен звездами. К нему приходит непрошеное слово — Сильваплана.

Третье с конца: тело Билла Смока скользит на пол каюты.

Второе с конца: встроенные электронные часы перепрыгивают с 21.57 на 21.58.

Глаза Нейпира закатываются, новорожденный солнечный свет наискось пробивается сквозь древние дубы и танцует на затерянной реке. «Смотри, Джо, цапли».

69

Окружная больница Суоннекке. В палате Марго Рокер Хестер Ван Зандт смотрит на свои часы. 21.57. Приемное время заканчивается ровно в десять.

— Еще одно на посошок, а, Марго? — Посетительница бросает взгляд на свою находящуюся в коме подругу, затем листает «Антологию американской поэзии». — Немного Эмерсона? Ах да! Вот это помнишь? Это ты мне его в первый раз показала.

Убитый мнит, что он убит, и
убийца мнит, что пролил кровь, —
от них пути мои сокрыты,
какими вновь иду и вновь.

Близки мне давние дороги,
и тьма, что солнца свет, влечет;
со мной отринутые боги,
равны позор мне и почет.

Пусть кто-то жаждет отдалиться —
лишь я крыла дарую им;

я рад в сомненьях усомниться,
я сам — брамина древний гимн.

Вотще стучат в мою обитель
и Семь Святых…[222]

— Марго? Марго? Марго!

Веки Марго Рокер вибрируют, словно в «быстром сне». Из гортани ее вырывается стон. Она глотает воздух, затем глаза ее широко открываются, и она часто мигает ими, в смятении и тревоге глядя на трубочки в своем носу. Хестер Ван Зандт тоже испугана, но и полна надежды.

— Марго! Ты меня слышишь? Марго!

Глаза пациентки устремляются на давнюю подругу, и она, расслабляясь, опускает голову на подушку.

— Да слышу, слышу я тебя, Хестер, ведь ты, черт возьми, орешь мне прямо в ухо.

---

[222] Примечания: 222

Стихотворение Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882) «Брахма» (1857) переводилось на русский язык дважды, К. Чуковским и М. Зенкевичем. В силу того, что в обоих этих отличных переводах, к сожалению, слишком завуалирован мотив Вечного Возвращения, столь органичный для «Облачного атласа», переводить стихотворение потребовалось заново, и окончание его в новом переводе звучит так: «…и рать богов; / но ты, простой добра носитель, / без них войти ко мне готов!» — Прим. пер.

70

Среди пара и гвалта закусочной «Белоснежка» Луиза Рей просматривает выпуск «Вестерн мессенджер» за 1 октября.

ЛЛОЙД ХУКС ВНОСИТ ЗАЛОГ В $250 000 И СКРЫВАЕТСЯ.

ПРЕЗИДЕНТ
ФОРД ПРИЗЫВАЕТ «ИСКОРЕНИТЬ
ПРОХОДИМЦЕВ,
ПОЗОРЯЩИХ
КОРПОРАТИВНУЮ АМЕРИКУ»

Представитель полицейского департамента Буэнас-Йербаса подтвердил, что вновь назначенный президент Приморской энергетической корпорации и бывший Федеральный уполномоченный по энергетике Ллойд Хукс бежал из страны, лишившись залога в четверть миллиона долларов, внесенного в понедельник. Последний поворот в «Энергейте» произошел на следующий день после того, как Хукс поклялся «сохранить доброе имя

— свое и великой американской компании — среди потоков гнусной лжи». Президент Форд вступил в эту схватку на пресс-конференции в Белом доме, осуждая своего бывшего советника и дистанцируясь от него как от назначенца Никсона. «Моя администрация не делает различий между правонарушителями. Мы искореним проходимцев, позорящих корпоративную Америку, и накажем их со всей строгостью закона».

Исчезновение Ллойда Хукса, которое многие наблюдатели сочли признанием вины, является последним поворотом в серии разоблачений, вызванной инцидентом 16 сентября на Королевской эспланаде мыса Йербас. Напомним, что тогда друг друга застрелили Джо Нейпир и Билл Смок, офицеры безопасности АЭС на острове Суоннекке, построенной Приморской корпорацией и вызвавшей волну критики. Свидетельница Луиза Рей, корреспондент нашей газеты, вызвала полицию на место преступления. Расследование затем распространилось на случившееся в прошлом месяце убий-

ство британского инженера-ядерщика и консультанта Приморской корпорации доктора Руфуса Сиксмита, крушение самолета бывшего президента Приморской корпорации Альберто Гримальди над Пенсильванией, имевшее место две недели назад, и взрыв в Третьем банке Калифорнии в центре Буэнас-Йербаса, унесший жизни двоих человек. В связи с заговором были обвинены пятеро директоров Приморской корпорации, двое из них покончили с собой. Трое остальных, включая вице-президента Уильяма Уили, согласились давать показания против Приморской корпорации.

Арест Ллойда Хукса два дня назад был расценен как признание правоты нашей газеты, поддержавшей разоблачения Луизы Рей в ходе этого огромного скандала, первоначально заклейменные Уильямом Уили как «клеветнические фантазии, почерпнутые из детективных романов и ни в коей мере не достойные серьезного ответа».

Продолж. на с. 2, подробное изложение на с. 5, комментарии на с. 11

— Первая полоса! — Барт наливает Луизе кофе. — Лестер бы страшно тобой гордился.

— Он сказал бы, что я просто журналистка, выполняющая свою работу.

— Да, Луиза, именно так и сказал бы!

«Энергейт» больше не является ее сенсацией. На Суоннекке кишат репортеры, члены Сенатской комиссии, агенты ФБР, полиция округа и голливудские сценаристы. Блок «Би» законсервирован, строительство блока «Си» приостановлено.

Луиза снова достает открытку от Хавьера. На ней изображены три НЛО, делающих «горку» под Золотыми Воротами:

> Привет Луиза, здесь все классно только мы теперь живем в своем доме, так что я не могу прыгать по балконам чтоб навестить друзей. Пол (это Человек-волк только мама говорит что мне нельзя больше так его называть хотя ему это типа нравится) берет меня завтра на распродажу марок, а потом я смогу выбрать какой краской хотел бы чтобы покрасили мою комнату и готовит он лучше чем мама. Не забывай обо мне только потому что ты теперь такая известная, ладно? Хави.

Еще в почте имеется пакет от Меган Сиксмит, присланный по просьбе Луизы. В нем лежат последние восемь писем Роберта Фробишера своему другу Руфусу Сиксмиту. Луиза вскрывает пакет пластиковым ножом. Вытаскивает один из пожелтевших конвертов, на почтовом штемпеле которого значится «10 октября 1931», прижимает его к носу и вдыхает. «Интересно, молекулы шато Зедельгем и рук Роберта Фробишера, дремавшие в этой бумаге сорок четыре года, — кружатся ли они теперь в моих легких, в моей крови?»

Кто может сказать?

Письма из Зедельгема

Шато Зедельгем
10-X-1931

Сиксмит,

Эйрс три дня как в постели, оглушен морфием, но кричит от боли. От треволнений и тревог у всех голова идет кругом. Доктор Эгрет предупреждает меня и И. не путать вновь обретенную Эйрсом joie de vivre[223] в музыке с подлинным здоровьем и запрещает В. Э. работать на одре болезни. У меня от доктора Эгрета мурашки по коже. Каждый раз, встречая шарлатана, хоть немного, да подозреваю: вдруг он обдумывает, как бы половчее меня обобрать?

С головой ушел в свою собственную музыку. Звучит жестоко, но когда Хендрик приходит к завтраку и говорит мне: «Не сегодня, Роберт», — я чувствую едва ли не облегчение. Прошлую ночь провел в работе над громовым аллегро для виолончели, освещаемым взрывчатыми триолями. Тишина, акцентированная опасными мышеловками. Помню, церковные часы пробили три пополуночи. «Где-то далеко ухал филин, — го-

---

[223] Примечания: 223
Радость жизни (фр.).

ворит Гекльберри Финн, — значит, кто-то умер; слышно было, как кричит козодой и воет собака, — значит, кто-то скоро умрет».[224] Вечно она меня преследует, эта фраза. Что помню дальше, так это Люсиль — она растягивала возле окна полотнища яркого света. Внизу, сказала она мне, меня ждет Морти Дондт, готовый к поездке. Думал, я сплю, но оказалось, что нет. Все лицо было словно покрыто коркой, и несколько мгновений не мог бы сказать, как меня зовут. Проворчал, что не хочу никуда ехать с Морти Дондтом, что хочу спать и что мне и без того есть чем заняться.

— Но на прошлой неделе вы договорились на сегодня! — возразила Люсиль.

Я вспомнил. Умылся, надел все свежее и побрился. Послал Люсиль за мальчиком, чтобы тот начистил мне туфли. Когда спустился к завтраку, дружелюбный торговец украшениями курил сигару и читал «Таймс».

— Не торопитесь, — сказал он мне, когда я извинился за свою медлительность. — Там, куда мы едем, никто не заметит, рано мы приехали или поздно.

Миссис Виллемс принесла мне завтрак, а за

---

[224] Примечания: 224
Перевод Н. Дарузес.

ней влетела И. Она не забыла, что это за день: вручила мне огромный букет белых роз, перевязанный черной лентой, и улыбнулась совсем как раньше.

Дондт водит темно-красный «Бугатти-ройял-41» 1927 года выпуска,[225] вот это, Сиксмит, резвая штуковина! Идет, как хорошо смазанный дьявол — до пятидесяти по щебенке, — и оборудован мощным клаксоном, на который Дондт нажимает при малейшей возможности. Чудный был день для мрачной поездки. Чем ближе к линии фронта, тем, естественно, более разоренной становится местность. За Руселаре земля все сильнее покрывается шрамоподобными кратерами, крест-накрест пересекающими полузасыпанные траншеи, и выжженными пятнами, на которых не приживаются даже сорняки. Редкие деревья, все еще видные там и сям, при касании оказываются безжизненным древесным углем. Разрозненная путаница зелени на этой земле меньше походит на природу возрожденную, нежели на природу, пораженную ложномучни-

[225] Примечания: 225

…«Бугатти-ройял-41» 1927 года выпуска… — Эксклюзивных автомобилей «Бугатти-ройял-41» было выпущено всего шесть экземпляров, а продано — три, причем первый — в 1932 г.; согласно популярной легенде, седьмой был тайно заказан для Гитлера.

стой росой. Перекрывая рев двигателя, Дондт прокричал, что фермеры все еще не решаются пахать в этих местах, опасаясь неразорвавшихся снарядов. Невозможно ехать мимо, не думая о том, как плотно лежат здесь люди. В любой момент может быть дан приказ о наступлении, и пехотинцы поднимутся из земли, отряхивая с себя порошкообразную почву. Тринадцать лет, миновавших после Перемирия, кажутся здесь столькими же часами, не больше.

Цоннебеке — это обветшалая деревушка, состоящая из наполовину отремонтированных развалин, и место кладбища Одиннадцатого полка Пятьдесят третьей бригады. В Комиссии по военным захоронениям мне сказали, что это кладбище, вероятнее всего, — именно то, где навсегда упокоился мой брат. Адриан погиб 31 июля, при наступлении на Мессине-Ридге, в самой гуще боя. Дондт высадил меня у ворот и пожелал удачи. Тактично сказал, что у него есть дело неподалеку — мы, должно быть, находились милях в пятидесяти от ближайшего ювелирного магазина, — и предоставил меня моему донкихотскому дознанию. Ворота охранял чахоточный отставник — когда не был занят ухаживанием за своим жалким огородом. Кроме того, он работал

и смотрителем кладбища — подозреваю, сам себя назначил, — и порывисто протянул мне ящик для сбора пожертвований, на «содержание». Расстался с одним франком, и этот малый на сносном английском спросил, не ищу ли я кого-то конкретно, поскольку он заучил все имена наизусть. Написал ему имя своего брата, но у того чисто по-галльски опустились утлы рта, что означает: «У меня свои проблемы, у тебя — свои, а это, парень, проблема твоя».

Мне всегда казалось, что я интуитивно догадаюсь, на каком из участков, обозначенных словами «ИЗВЕСТНЫЙ БОГУ», лежит Адриан. Сияющая надпись, или кивающая сорока, или просто музыкальная уверенность — что-нибудь да приведет меня к нужному месту. Полнейшая чушь, разумеется. Надгробья бесчисленные, однообразные и выстроены как на парад. По периметру наступают спиралевидные заросли куманики. Воздух такой спертый, словно небо хочет нас запечатать. Вдоль проходов и рядов я искал могилы тех, чьи фамилии начинаются на «Ф». Адриан, скорее всего, погиб, но ведь никогда не знаешь наверняка. Военное ведомство допускает ошибки: вот эта жертва войны реальна, а вон та — результат деятельности клерков. В

данном случае никто из Фробишеров на этом участке Фландрии не покоился. Ближайшим был «Фроумс, Б. У., рядовой, 2389, 18-я (Восточная) дивизия»,[226] так что я возложил белые розы И. на его надгробье. Кто может сказать? Может быть, однажды вечером изнеможенный Фроумс попросил у Адриана прикурить, или они вместе съеживались под бомбежкой, или пользовались одним лезвием. Да, я сентиментальный болван и знаю об этом.

Встречаются шуты вроде Орфорда из твоего колледжа: изображают сожаление о том, что война кончилась, прежде чем они смогли проявить свою доблесть. Другие — на ум сразу приходит Фиггис — сознаются, что чувствуют облегчение, ведь они не достигли призывного возраста до 1918 года, но и некоторый стыд за это самое чувство. Я часто докучал тебе рассказами о том, как рос в тени своего легендарного брата, — каждый выговор начинался со слов «Адриан никогда не позволял себе…» или «Если бы твой брат сейчас был здесь, он…» Возненавидел само звучание этого имени. Перед моим насильственным исторжением из

[226] Примечания: 226

…18-я (Восточная) дивизия… — то есть сформированная (в 1914 г.) Восточным армейским командованием, одним из пяти на территории Великобритании.

семейства Фробишеров я только одно и слышал: «Ты позоришь память Адриана!» Никогда в жизни не прощу этого своим родителям. Помню последние его проводы — это было моросящим осенним днем в Одли-Энде. Адриан в военной форме, папик его обнимает. Дни знамен и криков «ура» давно миновали — позже я слышал, что военная полиция, чтобы предотвратить массовое дезертирство, сопровождала призывников до Дюнкерка. Всех этих Адрианов, стиснутых ныне, как сардины, на кладбищах по всей Восточной Франции, Западной Бельгии, в других местах. Мы сняли колоду карт, именуемую историческим контекстом, — и нашему поколению, Сиксмит, выпали десятки, валеты и короли. Поколению Адриана — тройки, четверки и пятерки. Вот и все.

Разумеется, «вот и все» — это еще не все. Письма Адриана неумолимо преследовали мой слух. Можно закрыть глаза, но не уши. Потрескивание вшей в складках одежды; топотание крыс; хруст костей, перебиваемых пулями; гром разрывов вдали и молнии разрывов вблизи; стук камней по жестяным шлемам; летнее жужжание мух над ничейной землей. Более поздние разговоры добавили ржание лошадей; хруст замерзшей грязи; рев аэропланов и танков, буксующих в полных

грязи колдобинах; крики тех, кто подвергся ампутации и приходит в себя после эфира; отрыжка огнеметов; хлюпанье штыков, вонзающихся в шеи. Европейская музыка, прерываемая долгими паузами, звучит по-дикарски страстно.

Как бы мне хотелось узнать, любил ли мой брат, как я, парней в той же мере, что и девушек, или этот порок свойствен лишь мне. А может, он умер девственником? Подумай об этих солдатах, лежащих вместе, скорчившихся, живых; холодных, мертвых… Привел в порядок надгробие Б. У. Фроумса и пошел обратно к воротам. Что ж, моя миссия была обречена на провал. Смотритель возился с бечевкой и ничего не сказал. Морти Дондт приехал за мной точно в назначенный час, и мы устремились обратно к цивилизации (ха-ха!). Мы ехали по местности, именуемой Пулкапелле или что-то вроде, по вязовой аллее, длившейся милю за милей. Дондт выбрал эту прямую дорогу, чтобы разогнать «бугатти» до максимальной скорости. Отдельные вязы сливались в единое дерево, повторяющееся до бесконечности, словно вертящийся волчок. Стрелка покачивалась у наивысшей отметки, как вдруг некая фигура, похожая на бегущую сумасшедшую, вынырнула прямо перед нами — ударилась о ветровое стекло

и пронеслась, переворачиваясь, над нашими головами. Сердце, доложу я тебе, подпрыгнуло так, словно им выстрелили из пушки! Дондт стал тормозить, дорога откинула нас в одну сторону, оттолкнула в другую, шины визжали и опаляли воздух запахом горящей резины. Наша бесконечность закончилась. Мои зубы глубоко впились в язык. Если бы тормоза не заклинило так, чтобы «бугатти» мог продолжать свой путь по дороге, мы завершили бы свой день — если не свои жизни, — распластавшись о вяз. Машина, проскрежетав, остановилась. Мы с Дондтом выпрыгнули и побежали обратно — чтобы увидеть чудовищного фазана, хлопающего сломанными крыльями. Дондт выдал замысловатое ругательство на санскрите, не знаю, и выдохнул ха! от облегчения, что не убил никого из людей, но возглас выражал также и смятение, ибо кого-то он все же убил. Потеряв дар речи, я промокал кровоточащий язык платком. Предложил избавить несчастную птицу от страданий. Дондт ответил пословицей, идиотизм которой, возможно, был преднамеренным: «К заказам сверх меню соус не подается». Он пошел обратно, чтобы попытаться уговорить «бугатти» воскреснуть. Не сумел понять, что он имел в виду, но подошел к фазану,

отчего тот еще отчаянней захлопал крыльями. Его похожие на медальоны нагрудные перья были в крови и фекалиях. Он плакал, Сиксмит, в точности как двухдневный младенец. Пожалел, что у меня не было при себе ружья. Возле обочины валялся камень величиной с мой кулак. Взял его и размозжил фазану голову. Неприятно — совсем не то, что стрелять в птицу, совсем не то.

Листьями щавеля, росшего у обочины, как мог, вытер с себя его кровь. Дондт завел машину, я в нее впрыгнул, и мы поехали к ближайшей деревне. Безымянное местечко, насколько я мог понять, но там имелось жалкое кафе (с примыкающими к нему гаражом и похоронной конторой), которое делили между собой кучка молчаливых местных жителей и множество мух, мотавшихся по воздуху, как одурманенные ангелы смерти. Резкое торможение нарушило центровку передней оси, так что М. Д. остановился здесь, чтобы ее выправили. Мы уселись на открытом воздухе, на краю «площади», а в действительности — лужи грязи, мощенной булыжником; в центре красовался постамент, исконный обитатель которого давно был переплавлен на пули. Несколько грязных ребятишек на той стороне площади гонялись за единственной жирной курицей — та возьми

и взлети на постамент. Дети стали бросать в нее камни. Где, интересно, ее хозяин? Спросил у бармена, кто прежде стоял на постаменте. Тот не знал, он родился на юге. Я попросил заменить выданный мне грязный стакан. Бармен обиделся и стал не так разговорчив.

М. Д. спросил меня о том часе, что я провел на кладбище в Ционнебеке. Толком не ответил. Перед глазами у меня все вспыхивал искалеченный, окровавленный фазан. Спросил у М. Д., что он делал во время войны.

— О, занимался бизнесом, знаете ли.

— В Брюгге? — спросил я удивленно, не в силах вообразить себе бельгийского торговца бриллиантами, преуспевающего под пятой кайзеровских оккупантов.

— Боже мой, нет, конечно, — ответил М. Д. — В Йоханнесбурге. Мы женой на время выехали из страны.

Отдал должное его прозорливости. Он скромно пояснил:

— Войны не разражаются без предупреждения. Они начинаются с небольшого зарева над горизонтом. Войны приближаются. Мудрый человек следит за дымом и готов покинуть окрестности, точно как Эйрс и Иокаста. Меня тревожит сле-

дующая война, она будет такой большой, что затронет все приличные рестораны.

Он так уверен, что приближается новая война?

— Новая война приближается всегда, Роберт. Этот пожар никогда не тушат как следует. Что служит искрой для войн? Желание властвовать, становой хребет человеческой натуры. Угроза насилия, боязнь насилия или насилие как таковое суть инструменты этого ужасного желания. Желание властвовать можно видеть в спальнях, на кухнях, на фабриках, в политических партиях и внутри государств. Прислушайся к этому и запомни. Национальное государство — это всего лишь человеческая натура, раздутая до чудовищных пропорций. Из чего следует, что нации суть общности, чьи законы писаны насилием. Так было всегда, и так пребудет впредь. Война, Роберт, — это один из двух вечных спутников человечества.

Что же, спросил я, является другим?

— Бриллианты.

Через площадь пробежал мясник в запятнанном кровью фартуке, и дети бросились врассыпную. Теперь перед ним встала проблема: как приманить курицу, чтобы она покинула постамент.

А Лига Наций? Есть ведь у наций другие законы, кроме боевых действий? Как насчет дипломатии?

— А, дипломатия, — сказал М. Д., явно оседлав любимого конька. — Она подтирает то, что расплещет война; узаконивает ее итоги; дает сильному государству навязывать свою волю тем, кто слабее, сохраняя флот и армию для более весомых противников. Только профессиональные дипломаты, закоренелые идиоты и женщины рассматривают дипломатию как долгосрочную замену войне.

Если доводить взгляды М. Д. до абсурда, заявил я, то наука будет изобретать все более кровавые средства ведения войны, пока способность человечества к разрушению не превзойдет способность к созиданию, а следовательно, наша цивилизация движется к самоуничтожению. Мое возражение М. Д. принял с язвительным ликованием.

— Именно! Наше стремление властвовать, наша наука и те самые способности, которые подняли нас от обезьян до дикарей, до современного человека, суть то самое, что разрушит Homo sapiens еще до конца этого столетия! Вероятно, вы проживете достаточно долго, чтобы увидеть, как

это произойдет. Везунчик! Каким же это будет симфоническим крещендо, а?

Мясник подошел к бармену, попросил у него стремянку. На этом придется закончить. Глаза слипаются.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
21-X-1931

Сиксмит,

Завтра Эйрс встанет на ноги — уже две недели, как он прикован к постели. Не пожелал бы сифилиса и худшим из врагов. Ну, разве что одному-двум. Сифилитик разлагается по нарастающей, словно гниющие в саду фрукты. Доктор Эгрет является через день, но ему мало что остается прописывать, кроме все более сильных доз морфия. В. Э. терпеть не может уколов, потому что это затуманивает в нем музыку.

И. подвержена приступам уныния. Бывает, что ночью она просто цепляется за меня, будто тонет, а я — ее спасательный круг. Жаль женщину, но меня интересует ее тело, а не ее проблемы. Обе эти недели провел в музыкальном зале, перерабатывая отрывки, накопившиеся за год, в «секстет накладывающихся соло»: фортепьяно, кларнет, виолончель, флейта, гобой и скрипка, причем у каждого инструмента свой язык — своя тональность, гамма и тембр. Сначала каждое соло прерывается последующим, а потом все то, что

было прервано, возобновляется по окончании предыдущего, в обратном порядке. Революция или выпендреж? Не узнаю, пока не закончу, а к тому времени будет слишком поздно, но это первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь, и последнее, о чем думаю, прежде чем уснуть, даже если И. лежит в моей постели. Она должна понимать, что художник живет в двух мирах.

На следующий день

Чертовски разругался с В. Э. Во время утреннего сочинительства он диктовал похожий на токкату этюд: он показался мне невероятно знакомым, потом я узнал рефрен из своего собственного «Ангела Монса»! Если Эйрс надеялся, что я этого не замечу, то он оч. ошибался. Я сказал ему напрямую — это моя музыка. Он переменил тон:

— Что это значит, твоя музыка? Фробишер, когда ты вырастешь, ты поймешь, что все композиторы черпают вдохновение у своего окружения. И ты — один из многих компонентов моего окружения, а при этом, смею добавить, получаешь приличное жалованье, ежедневно занимаешься композицией под руководством настоящего мастера и общаешься с лучшими музыкальными умами эпохи. Если тебя такие условия не устраивают, то Хендрик отвезет тебя на вокзал.

В общем, сов-нно не похож на того человека, которого несколько недель назад я возил к дому привратника, когда он умолял меня остаться до следующей весны. Я спросил, кем он собирается меня заменить. Миссис Виллемс? Садовником? Евой? Нефертити?

— О, я уверен, что сэр Тревор Макеррас сможет подготовить мне подходящего мальчика. Да, я дам объявление. Ты не так уникален, как тебе хочется думать. Ну так нужна тебе твоя работа или нет?

Не мог найти способа отвоевать утраченные позиции, так что вышел, пожаловавшись на боль в большом пальце ноги. В. Э. выстрелил мне во фланг:

— Если к утру пальцу не станет лучше, то, Фробишер, лечи его в Лондоне и больше не возвращайся.

Черт возьми, иногда мне хочется развести огромный костер и швырнуть старого пидора в самое пекло.

Несколькими днями позже

Позже приходила И., донимала меня рассказами о гордости Эйрса, о том, как высоко он ценит мою работу, артистический темперамент и проч., но, пожалуйста, оставайся, ради нее, если не ради

него. Принял этот заменитель фигового листка как оливковую ветвь, и наши объятия той ночью были едва ли не любовными. Приближается зима, и мне совсем не улыбается колесить по Европе со своими скромными сбережениями. Если бы уехал сейчас, то изрядно нуждался бы в знакомстве с какой-нибудь тупой богатой наследницей. Приходит кто-нибудь на ум? Отправлю еще одну посылку Яншу, чтобы увеличить свой фонд на черный день. Если Эйрс не желает вознаградить меня за те идеи, что вошли в «Todtenvogel» — радуясь ее двадцатому публичному представлению после Варшавы, — то я просто вынужден возместить это себе самостоятельно. На будущее решил быть осторожнее, прежде чем показывать В. Э. собственные сочинения. Знаешь ли, когда крыша над головой зависит от благорасположения работодателя, то жизнь совершенно отвратна. Бог знает, как выдерживает обслуга. Всегда ли домочадцам Фробишеров приходилось прикусывать свои языки, как приходится мне? Остается только догадываться.

Ева приехала из Швейцарии. Да, эта юная женщина утверждает, что она Ева, и сходство, разумеется, поразительно, но та гадкая утица, что покидала Зедельгем три месяца тому назад,

вернулась необычайно грациозной лебедью. Она поддерживает мать, промывает веки отцу ваткой, смоченной в холодной воде, часами читает ему Флобера,[227] она обходительна со слугами и даже спрашивает у меня, как продвигается мой секстет. Был уверен, что это какая-то новая стратегия, чтобы меня вытеснить, но это длится семь дней подряд, и я начинаю подозревать, что паршивка Е., возможно, просто умерла и похоронена. Оч. хор., пребывание в мире с Е. более чем привлекательно, но прежде всего необходимо обеспечить опору. С тех самых пор, как я приехал в Неербеке, «хозяйка» Е. в Брюгге, мадам ван де Вельде, просит и Е., и И. передать мне приглашение навестить их дом, чтобы пять ее дочерей — одноклассниц Евы — могли попрактиковаться в английском с настоящим английским джентльменом. Месье ван де Вельде, помнишь, тот мнимый распутник из Минневатер-парка, оказался производителем оружия и уважаемым столпом общества. Мадам ван де Вельде — одна из тех утомительных, навязчивых женщин, чьим амбициям не помешаешь фразой: «В настоящее время он оч. занят». Честно говоря, можно за-

[227] Примечания: 227

Флобер, Гюстав (1821–1880) — французский писатель, блестящий стилист, автор «Госпожи Бовари» (1857), «Саламбо» (1862) и др.

подозрить, что И. назло поставила меня перед fait accompli[228] — дочь все больше становится похожей на лебедушку, а мать превращается в мерзкую старую ворону.

Мой обед у ван д. В. был назначен на сегодня — пять рассаженных через равные промежутки дочерей, а также их мамик и папик. Мне нужен был новый набор струн для виолончели, да и Эйрсу неплохо бы увидеть, насколько он без меня беспомощен, так что напустил на себя самый бравый вид и позволил себе надеяться, что в. д. В. держат повара, соответствующего доходам владельца завода. И вот в одиннадцать часов в Зедельгем прибыл автомобиль ван де Вельде — серебристый «мерседес-бенц», премного благодарен, и водитель, потеющий снеговик без шеи, не понимающий по-французски, отвез нас с Евой в Брюгге. Раньше мы ехали бы в холодном молчании, но на сей раз обнаружил, что рассказываю Е. кое-что о своих кембриджских днях. Ева предупредила меня, что старшая ван де Вельде, Мари-Луиза, решила любой ценой выйти замуж за англичанина, так что от меня требуется со всевозможным тщанием охранять свое целомудрие.

---

[228] Примечания: 228
Свершившимся фактом (фр.).

Как тебе это нравится?

В городском доме ван де Вельде девочек расставили вдоль лестницы, чтобы приветствовать меня, сначала младших, потом постарше, — так и ждал, что они разразятся пением и превзойдут всех ворон… Сиксмит, они так и сделали! «Зеленые рукава»,[229] по-английски. Приторные, как мятные леденцы. Потом мадам ван де Вельде ущипнула меня за щеку, словно я был блудным сыном, и сказала, точно сова ухнула: «Здрвствуууй-те!» Был препровожден в «салон» — детскую — и усажен на «скамью подсудимых» — ящик с игрушками. Что касается возраста дочерей в. д. В., этой пятиглавой гидры, именуемой Мари-Луизой, Стефанией, Зенобией, Альфонсиной и… забыл, как зовут последнюю, — то младшей девять, а означенная Мари-Луиза на год старше Евы. Всем девочкам присуща совершенно неоправданная самоуверенность. Длинная софа прогнулась под этой семейкой откормленных на убой свиней. Служанка принесла лимонад, а мадам тем временем начала допрос:

— Ева говорит, у вашей семьи оч. хорошие связи в Кембридже, мистер Фробишер?

---

[229] Примечания: 229

«Зеленые рукава» («Greensleeves») — английская народная песня XVI в.

Глянул в сторону Евы: та напустила на себя притворно-обворожительный вид. Пряча улыбку, признал, что моя семья внесена в кадастровую книгу Вильгельмом Завоевателем[230] и что папик мой — выдающийся священник. Все попытки увести разговор в сторону от моих положительных качеств были похерены, и через четверть часа пучеглазазая Мари-Луиза почувствовала одобрение своей матери и постановила, что я буду ее прекрасным принцем. Она вот о чем спросила меня:

— Мистер Фробишер, вы хорошо знакомы с Шерлоком Холмсом, который живет на Бейкер-стрит?

Что ж, подумал я, может быть, день не до конца пойдет прахом. В девушке, ценящей иронию, должны таиться какие-то глубины. Но Мари-Луиза говорила всерьез! Прирожденная остолопка! Нет, ответил я, лично с мистером Холмсом я не знаком, но каждую среду его можно видеть в моем клубе за игрой в бильярд с Дэвидом Копперфильдом. Обед подали в тонких дрезденских горшочках. На стене столовой, оклеенной обоями

---

[230] Примечания: 230

Вильгельм Завоеватель (ок. 1027–1087) — герцог Нормандии; в 1066 г. высадился в Англии и, разбив при Гастингсе англосаксонского короля Гарольда II, стал английским королем.

с цветочками, красовалась большая репродукция «Тайной вечери». Еда — сплошное разочарование. Сухая форель, овощи, пропаренные до состояния слякоти, gâteau[231] — верх вульгарности. Можно было подумать, что я снова обедаю в Лондоне. Девочки хихикали глиссандо над моими тривиальными ошибками во французском — однако их пугающий английский режет слух невыносимо. Мадам в. д. В., которая тоже провела лето в Швейцарии, предоставила мне подробный отчет, как превозносили в Берне Мари-Луизу, «цветок Альп», графиня Слак-Явски или герцогиня Зумдумпштадт. Не мог выдавить из себя даже пристойного: «Comme c'est charmant!».[232]

Из своей конторы явился мосье в. д. В. Задал мне сотню вопросов о крикете, чтобы позабавить своих дочерей причудливыми английскими ритуалами, связанными с этой игрой. Любящий нравоучения осел царственных объемов, так озабоченный подготовкой очередного грубого вмешательства в разговор, что слушает окружающих вполуха. Сам себе отпускает неприкрытые комплименты, начинающие со слов «Назовите

---

[231] Примечания: 231
Сладкий пирог (фр.).

[232] Примечания: 232
Как это мило! (фр.).

меня старомодным, но…» или «Кое-кто сочтет меня снобом, но…». Ева искоса на меня поглядывала. Взгляд ее говорил: «Подумать только, ты на полном серьезе думал, что этот олух может угрожать моей репутации!»

После обеда выглянуло солнце, и мадам в. д. В. объявила, что все мы отправляемся на прогулку — показать высокочтимому гостю виды Брюгге. Пытался сказать, что уже достаточно натерпелся от их гостеприимства, но отделаться от них так легко была не судьба. Великий Патриарх извинил себя — мол, у него на руках груда счетов высотой с Маттерхорн. Чтоб ему погибнуть под лавиной! После того как служанки водрузили на девиц шляпки и натянули на них перчатки, была подана карета, и меня стали возить от одной церкви к другой. Как замечает добрый старый Килверт, самое утомительное — это когда тебе говорят, чем следует восхищаться, и указывают на что-нибудь тростью. Едва ли смогу припомнить название хоть одной достопримечательности. Под конец этих странствий, возле огромной башни с часами, у меня болела челюсть ото всех зевков, которые пришлось подавлять. Мадам в. д. В. искоса глянула на венец программы и заявила, что предоставляет нам, молодым, самим туда

взобраться, а она подождет нас в кондитерской на другой стороне площади. Мари-Луиза, чей вес превосходит мамашин, заметила, что невежливо, не в духе леди было бы оставить маман в одиночестве. Мадам Череп не могла идти из-за чего-то вроде астмы, а если Череп не шла, то… и проч., и проч., и в конце концов билеты наверх купили только мы с Евой. Я заплатил, желая показать, что не виню ее лично в ужасающей растрате времени. Пошел первым. Спиральная лестница сужалась кверху. Единственные звуки исходили от наших шагов и женственного дыхания Е., напомнившие мне о ноктюрнах с ее матерью. Ван де Вельде суть пять нескончаемых аллегретто на плохо настроенных клавесинах, и в моих ушах звенела благодарность за то, что они, уши, наконец-то от этого избавлены. Забыв считать ступеньки, я подумал об этом вслух. Голос мой прозвучал так, словно я был заперт в шкафу с одеялами. Ева ответила ленивым «Oui…».

Вступили в просторную комнату, где помещались шестерни часового механизма, каждая размером с тележное колесо. Канаты и тросы поднимались к потолку и в нем исчезали. В шезлонге дремал какой-то работяга. Предполагалось, что он проверит наши билеты — на континенте

нужно все время предъявлять билет, — но мы проскользнули мимо него к последнему пролету деревянной лестницы, выходившей на смотровой бельведер. Далеко внизу распростерся триколор Брюгге: оранжевая черепица, серые каменные стены, коричневые каналы. Лошади, автомобили, велосипедисты, цепочка шагающих парами мальчиков-хористов, извивающаяся по-крокодильи, ведьмины колпаки крыш, белье на веревках, протянутых через переулки. Поискал Остенде, нашел. Залитая солнцем полоска Северного моря, как-то по-полинезийски ультрамариновая. В потоках воздуха сновали чайки; у меня закружилась голова, пока я следил за ними, и я подумал о самке ястреба, испугавшей Юинга. Ева заявила, что видит семейство ван де Вельде. Решил было, что это лишь намек на их тучность, но посмотрел, куда она показала, и довольно уверенно различил шесть маленьких клякс в пастельных тонах вокруг столика в кафе. Е. сделала из своего билета самолетик и швырнула его через парапет. Ветер уносил его прочь, пока он не исчез в солнечных лучах — будто сгорел. Что она будет делать, если работяга проснется и потребует у нее билет?

— Заплачу и скажу, что его украл этот ужасный

англичанин.

Тогда я тоже сделал из своего билета самолетик, сказал Е., что теперь у нее нет доказательств, и запустил его. Но мой не воспарил высоко, а пропал из виду в одно мгновение. Характер Е. зависит от того, под каким углом на него смотреть: свойство наилучших опалов.

— Знаете, я не помню, чтобы папа был таким довольным и оживленным, как сейчас, — сказала она.

Из-за ужасных в. д. В. наши отношения стали дружественными. Спросил напрямик, что с ней случилось в Швейцарии. Она влюбилась? Работала в сиротском приюте? Или, может, ей случилось повстречаться с чем-то таинственным в снежном гроте?

Она несколько раз принималась что-то говорить. В конце концов сказала (краснея!):

— Я скучала по одному молодому человеку, с которым познакомилась в июне этого года.

Ты удивлен? Представь себе мои чувства! Однако я до последнего дюйма был именно тем джентльменом, которым ты меня знаешь. Вместо того чтобы флиртовать в ответ, я сказал:

— И каково ваше первое впечатление от этого молодого человека? Не совсем отрицательное?

— Только отчасти.

На лице у нее я видел капельки пота, выступившего из-за подъема по лестнице, видел ее губы и тонкие, очень тонкие волоски на верхней губе.

— Это высокий, смуглый, красивый музыкант-иностранец?

Она фыркнула.

— Он… высокий, да; смуглый, очень даже; он красив, хоть и не настолько, как сам полагает, но, скажем так, может притягивать взгляд; он музыкален, изумительно; и он до мозга костей иностранец. Замечательно, как много вам о нем известно! За ним вы тоже шпионите, когда он проходит через Минневатер-парк?

Мне пришлось рассмеяться. Ей тоже.

— Роберт, я чувствую… — Она застенчиво на меня посмотрела. — Вы опытны. Да, кстати, можно мне называть вас Робертом?

Я сказал, что этому самое время.

— Мои слова… не совсем уместны. Вы не сердитесь?

Нет, сказал я, отнюдь нет. Удивлен, польщен, но совсем не сержусь.

— Я вела себя с вами так враждебно. Но надеюсь, что мы сможем начать все сначала.

Ответил, что да, разумеется, мне бы тоже этого

хотелось.

— С самого детства, — сказала Е., отворачиваясь, — я думаю об этом балконе как о своем собственном бельведере, из сказок «Тысячи и одной ночи». Я часто поднимаюсь сюда в это время, после занятий. Я, понимаете ли, владычица Брюгге. Все горожане — мои подданные. А ван де Вельде — мои шуты. Я могу приказать, и им отрубят головы.

И вправду, она — очаровательное создание. Кровь моя воспламенилась, и меня охватил позыв запечатлеть на устах владычицы Брюгге долгий поцелуй.

Дальше дело не пошло; в узкий дверной проход протиснулся целый рой инфернальных американских туристов. Полный глупец, я притворился, что был там не с Евой. Смотрел на вид, открывавшийся с другой стороны, пытаясь смотать обратно размотавшийся внутри меня клубок. Когда Работяга объявил, что смотровая площадка вскоре будет закрыта, Ева уже исчезла оттуда. В своей всегдашней манере. Спускаясь, опять забыл пересчитать ступеньки.

В кондитерской Ева помогала самой маленькой из в. д. В. с кошачьей колыбелькой. Мадам ван де Вельде обмахивалась меню и вместе с Мари-

Луизой вкушала boule de l'Yser,[233] [234] между делом обсуждая одеяния прохожих. Ева избегала моего взгляда. Чары были развеяны. Мари-Луиза, напротив, искала случая заглянуть мне в глаза, маленькая телка с чувственным взором. Потрусили обратно, к дому в. д. В., где, аллилуйя, ждал Хендрик со своим «коули». Ева кивнула мне на прощание в дверном проеме — оглянулся и увидел ее улыбку. О блаженство! Вечер был золотистым и теплым. Всю дорогу до Неербеке видел перед собой лицо Евы, пересеченное одной-двумя прядями волос, поднятых ветром. Только без этой омерзительной ревности, Сиксмит. Сам знаешь, как оно бывает.

И. учуяла сердечное согласие между Евой и мной, и ей это нисколько не нравится. Прошлой ночью я вообразил, что подо мной лежит Ева, а не ее мать. Крещендо последовало буквально через несколько тактов, на целую часть раньше, чем у И. Могут ли женщины определять воображаемые измены? Спрашиваю потому, что она с изумительной интуицией выдала мне вот такое

---

[233] Примечания: 233

«Изерский шар» (фр.).

[234] Примечания: 234

«Изерский шар» — род оладий, которые подаются с кремом или сахарной пудрой.

нежное предостережение:

— Хочу, чтобы ты кое-что хорошенько запомнил, Роберт. Если ты хоть когда-нибудь дотронешься до Евы, я об этом узнаю, и тебе несдобровать.

— Я об этом и не помышлял, — солгал я.

— На твоем месте я об этом даже и не мечтала бы, — предупредила она.

Не мог оставить это без ответа.

— Почему, черт возьми, ты думаешь, что я положу глаз на твою нескладеху-дочь?

Она фыркнула точно так же, как Ева на своем бельведере.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
24-X-1931

Сиксмит,

Где, черт побери, твой ответ? Слушай, я тебе многим обязан, но если ты думаешь, что я буду терпеливо ожидать твоих писем, то, боюсь, ты жестоко ошибаешься. Все это совершенно мерзко, так же, как мерзок мой отец-лицемер. Я мог его погубить. Он погубил меня. Предвкушать конец света — самое древнее развлечение человечества. Дондт прав, лопни его бельгийские глаза, лопни все бельгийские глаза вообще. Адриан был бы по-прежнему жив, если бы «отважной маленькой Бельгии» никогда не существовало. Кто-то должен превратить эту карликовую страну в огромное глубокое озеро и швырнуть в него изобретателя Бельгии, а к ногам привязать «минерву».[235] Если всплывет, значит, виновен. Ткнуть бы раскаленной добела кочергой в про-

[235] Примечания: 235

Кто-то должен превратить эту карликовую страну в огромное глубокое озеро и швырнуть в него изобретателя Бельгии, а к ногам привязать «минерву». — «Минерва» — самая известная в прошлом бельгийская автомобильная марка; шести-, а потом и восьмицилиндровые «минервы» класса «люкс» выпускались в 1899–1939 гг.

клятые глаза моего отца! Назови хоть одного. Давай, назови хоть одного известного бельгийца. У него больше денег, чем у Ротшильда, но заплатит ли он мне еще один фартинг? Ничтожно, как это все ничтожно! Насколько это по-христиански — выставить меня из дому, не отписав на мое имя ни единого шиллинга? Утонуть — это для него слишком хорошо. Да, боюсь, что Дондт прав. Мир не вылечивается от войн, а добивается лишь передышки на несколько лет. Временная ремиссия. Конец — вот чего мы хотам, так что, боюсь, Конец и есть то, чего мы добьемся. Так-то. Положить это на музыку. Тамбурины, цимбалы и миллион труб, если будешь так любезен. Платить старому ублюдку своей собственной музыкой! Это меня убивает.

Искренне твой, Р. Ф.

Зедельгем
29-X-1931

Сиксмит,

Ева. Потому что ее имя — синоним соблазна: что проникает ближе всего к самому сокровенному в мужчине? Потому что ее душа плещется у нее в глазах. Потому что я грежу о том, как крадусь через складки бархата в ее комнату, вхожу, так — так — так мягко напеваю ей некую мелодию, а ее босые ступни стоят на моих, ее ухо прижато к моему сердцу, и мы вальсируем, словно марионетки. После этого целуемся, она говорит: «Vous embrassez comme un poisson rouge!»[236] — и в залитых лунным светом зеркалах мы влюбляемся в свою молодость и красоту. Потому что на протяжении всей моей жизни изощренные, идиотизмом страдающие женщины возлагали на себя задачу понимать меня, лечить меня, но Ева знает, что я есть terra incognita,[237] и исследует меня не спеша, так же, как это делал ты. Потому

---

[236] Примечания: 236
Вы целуетесь, как золотая рыбка! (фр.).

[237] Примечания: 237
Неизвестная земля (лат.).

что она стройна, как мальчик. Потому что от нее исходит запах миндаля и луговой травы. Потому что, когда я подтруниваю над ее мечтой стать египтологом, она пинает меня под столом по лодыжке. Потому что она заставляет меня думать о чем-то ином, нежели я сам. Потому что она предпочитает рассказы о путешествиях сэру Вальтеру Скотту,[238] а Билли Майерля[239] — Моцарту, и ей неведомо, чем отличается до-мажор от мажордома. Потому что я, только я, вижу ее улыбку за миг до того, как она появляется на лице. Потому что императора Роберта не назовешь хорошим человеком — лучшая его часть ушла в музыку, нигде не исполняемую, — и все же она одаривает меня этой редчайшей из улыбок. Потому что мы вместе слушаем козодоев. Потому что смех фонтанирует у нее из макушки и рассыпается в утреннем свете. Потому что такой человек, как я, не имеет никаких дел с субстанцией, именуемой

[238] Примечания: 238

Вальтер Скотт (1771–1832) — шотландский писатель, драматург, поэт, интерпретатор фольклора, родоначальник жанров английского реалистического и исторического романа, автор «Пуритан» (1816), «Айвенго» (1820), «Квентина Дорварда» (1823) и др.

[239] Примечания: 239

Билли Майерль (1902–1959) — популярный английский пианист и композитор, мастер легкой музыки, автор более чем 300 сочинений для фортепьяно, как правило, с «цветочными» названиями (самое известное — «Marigold», т. е. «Бархатцы»).

«красотой», — и все же она тут как тут, в звуконепроницаемых каморах моего сердца.

Искренне твой, Р. Ф.

Отель «Ле Рояль», Брюгге
6-XI-1931

Сиксмит,

Разводы — это оч. хлопотные предприятия, но у нас с Эйрсом все было закончено в один день. Всего лишь вчера утром мы работали над вторым действием его амбициозной лебединой песни. Он объявил о новом подходе к нашему Сочинительству:

— Фробишер, сегодня я хотел бы, чтобы ты выдал несколько тем для той части, которая в тональности Severn.[240] Что-нибудь типа кануна войны в ми-миноре. Стоит одной из них привлечь мое внимание, как я займусь этой темой и разовью ее потенциал. Понял?

Понять-то я понял. А вот понравиться мне это не понравилось, ничуть. Научные работы пишутся в соавторстве, да, и композитор может работать с музыкантом-виртуозом — как Элгар[241] с У. Х. Ри-

---

[240] Примечания: 240
Суровой, строгой (ит.).

[241] Примечания: 241
Эдуард Элгар (1857–1934) — британский композитор и дирижер, возрождал традиции английской народной и старинной музыки.

дом, — но писать в соавторстве симфоническое произведение? Оч. сомнительная идея, и я сказал об этом В. Э. в выражениях, не допускающих двоякого толкования. Он поцокал языком.

— Я не говорил о «соавторстве», парень. Ты собираешь сырой материал, а я перерабатываю его по своему усмотрению.

Это меня нисколько не переубедило. Он стал выговаривать:

— У всех Великих были подмастерья, которые этим занимались. Иначе как Бах выдавал бы каждую неделю по новой мессе?

Вроде бы мы жили в двадцатом веке, когда я в последний раз оглядывался по сторонам, парировал я. Слушатели платят, чтобы услышать того композитора, чье имя стоит в программе. Они не платят денег за Вивиана Эйрса только затем, чтобы получить Роберта Фробишера. В. Э. очень разволновался.

— Они тебя не получат! Они получат меня! Ты не слушаешь, Фробишер. Ты занимаешься топорной работой, я оркеструю, я аранжирую, я шлифую.

«Топорная работа» вроде моего «Ангела Монса», отнятого под дулом пистолета ради адажио в блистательном финальном монументе Эйрса?

Плагиат можно рядить в любое платье, но он все равно остается плагиатом.

— Плагиат? — Эйрс не повышал голоса, но костяшки его пальцев, сжимающих трость, побелели. — В минувшие дни — когда ты был благодарен мне за обучение — ты называл меня одним из величайших ныне живущих композиторов Европы. А значит, и всего мира. Зачем же такому художнику заниматься плагиатом у подражателя, который, напомню, не смог даже получить степень бакалавра в колледже, студентам которого очень многое позволено? Ты недостаточно голоден, парень, вот в чем твоя проблема. Ты — всего лишь Мендельсон, передразнивающий Моцарта.

Ставки росли, как инфляция в Германии, но я по природе неспособен гнуться под давлением: я только пришпорил своего коня.

— Я скажу, почему вы нуждаетесь в плагиате! Музыкальное бесплодие!

Лучшие моменты в «Todtenvogel» принадлежат мне, заявил ему я. Оригинальные контрапункты в аллегро нон троппо тоже мои. И в Бельгию я приехал не затем, чтобы стать его чертовым негром.

Старый дракон вдохнул дым. Десять тактов

тишины на 6/8. Загасил сигарету.

— Твои дерзости не заслуживают серьезного отношения. Собственно, они заслуживают увольнения, но поступить так означало бы действовать в угаре минуты. Вместо этого я советую тебе подумать. Подумай о своей репутации. — Последнее слово Эйрс принялся разворачивать. — Репутация — это все. Моя, за исключением юношеской невоздержанности, стоившей мне дурной болезни, безупречна. А твоя, мой друг, давно испустила дух. Ты лишился наследства, привержен к азартным играм, ты полный банкрот. Уезжай из Зедельгема, когда захочешь. Но предупреждаю: уедешь без моего согласия, и вся музыкальная общественность к западу от Урала, к востоку от Лиссабона, к северу от Неаполя и к югу от Хельсинки узнает, что негодяй по имени Роберт Фробишер изнасиловал жену подслеповатого Вивиана Эйрса, любимую его жену, да-да, очаровательную госпожу Кроммелинк. Она не станет отрицать. Вообрази, какой скандал! И это после всего, что Эйрс сделал для Фробишера… в общем, никакой богатый покровитель, никакой обнищавший покровитель, никакой организатор фестиваля, никакой совет директоров, никакой родитель, чья малышка-овечка хотела бы на-

учиться игре на пианино, не пожелает иметь с тобой никакого, решительно никакого дела.

Стало быть, В. Э. знает. На протяжении недель, а может, и месяцев. Был совершенно сбит с толку. Выставил напоказ свою беспомощность, несколько раз оч. грубо обозвав Эйрса.

— О, какая лесть! — прокаркал он. — Анкор, маэстро!

Удержался от того, чтобы забить фаготом насмерть этот изъеденный сифилисом труп. Не удержался от того, чтобы прошипеть — будь, мол, Эйрс наполовину так хорош в качестве мужа, как хорош он в качестве манипулятора и вора идей у людей талантливей его, его жена, возможно, поменьше ходила бы налево. Стоит подумать, добавил я, какое доверие вызовет его кампания по втаптыванию в грязь моего имени, когда европейская общественность узнает, что за женщиной была Иокаста Кроммелинк в личной жизни. Это его ничуть не задело.

— Ты, Фробишер, невежественный осел. Многочисленные свои интрижки Иокаста проворачивает осторожно, ей всегда это удавалось. Верхний слой любого общества пронизан безнравственностью, иначе как бы, по-твоему, ему удавалось удерживать власть? Репутация царит в публич-

ной жизни, а не в частной. Ее могут подорвать публичные деяния. Лишение наследства. Бегство из известных отелей без оплаты счетов. Невыполнение денежных обязательств по займам у джентри, которые были последним прибежищем. Иокаста соблазняла тебя с моего благословения, самодовольный ты болван. Ты мне требовался, чтобы закончить «Todtenvogel». Воображаешь себя проказливым самцом, но у тебя нет ни капли понятия о том, какая алхимия связывает меня и Иокасту. Она разлюбит тебя в тот же момент, как ты посмеешь нам угрожать. Увидишь. Теперь ступай прочь и возвращайся завтра с готовым домашним заданием. Мы сделаем вид, что твоей маленькой вспышки не было.

Был только рад повиноваться. Требовалось подумать.

И., должно быть, играла главенствующую роль в расследовании моего недавнего прошлого. Хендрик не говорит по-английски, а В. Э. не смог бы произвести эти раскопки в одиночку. Ей должны нравиться мужчины с гнильцой — это объясняет, почему она вышла замуж за Эйрса. Какова роль Е., я не мог догадаться, потому что вчера была среда и она была на занятиях в Брюгге. Не может быть, чтобы Ева знала о моей связи с ее матерью

и по-прежнему делала мне откровенные знаки любви…Так ведь?

Весь день в одиночестве и в ярости бродил по поблекшим полям. Укрылся от града в покойницкой при разбомбленной часовне. Думал о Е., думал о Е., думал о Е. Ясны только две вещи — то, что лучше повеситься на флагштоке Зедельгема, чем еще хоть один день позволять его паразиту-хозяину обворовывать мой талант; и то, что никогда вновь не увидеть Еву немыслимо. «Все это кончится слезами, Фробишер!» Да, возможно, тайные побеги часто тем и кончаются, но я люблю ее, я действительно ее люблю, и никуда от этого не деться.

Вернулся в шато перед самым наступлением темноты, поел холодного мяса на кухне у миссис Виллемс. Узнал, что И. с ее Цирцеиными ласками[242] убыла в Брюссель по делам поместья и этой ночью не вернется. Хендрик сказал мне, что В. Э. рано удалился на покой, захватив с собой радиоприемник и оставив указание его не беспокоить. Превосходно. Долго отмокал в ванне и написал

[242] Примечания: 242

…с ее Цирцеиными ласками… — Цирцея (Кирка) — в греческой мифологии волшебница с острова Эя, обратившая в свиней спутников Одиссея, а его самого удерживавшая год в плену; в переносном смысле — коварная обольстительница.

хорошо увязанный отрывок из басовых гамм. Кризис всегда заставляет меня бросаться в музыку, где ничто не может причинить мне боль. Сам рано удалился в спальню, запер за собой дверь и упаковал чемодан. Нынешним утром заставил себя проснуться в четыре часа. Снаружи стоял морозный туман. Хотелось напоследок зайти к В. Э. В одних носках прокрался я по пронизанным сквозняками коридорам к двери Эйрса. Дрожа от холода, приоткрыл ее, изо всех сил стараясь не делать ни малейшего шума — Хендрик спит в смежной комнате. Свет был выключен, но в мерцании красных угольков, тлеющих в камине, я различил Эйрса, распростертого и неподвижного, как мумия в Британском музее. Спальня его провоняла горькими лекарствами. Прокрался к столу возле его кровати. Ящик был тугим, и когда я его дернул, пошатнулся пузырек с эфиром, стоявший сверху, — едва успел его подхватить. Щегольской «люгер» В. Э. лежал рядом с блюдцем патронов, завернутый в вельветовую ткань и перевязанный бечевкой. Патроны задребезжали. Хрупкий череп Эйрса был всего в нескольких дюймах, но он не проснулся. Дышал он с присвистом, словно испорченный старый трубчатый орган. Ощутил позыв украсть горсть патронов, что и сделал.

Над адамовым яблоком Эйрса пульсировала голубая вена, и я боролся с безотчетно сильным желанием вскрыть ее своим перочинным ножом. Очень жутко. Не вполне déjà vu, скорее jamais vu.[243] Убийство — это такой опыт, что вне военного времени приходит к немногим. Каков тембр убийства? Не волнуйся, я не пишу тебе признание в предумышленном убийстве. Работать над секстетом, скрываясь от полицейских облав, было бы намного затруднительнее, а закончить свою карьеру, раскачиваясь в грязном нижнем белье, вряд ли достойно. Более того, если бы я хладнокровно прикончил отца Евы, это могло бы чудовищно исказить ее чувства ко мне. В. Э. продолжал почивать в полном неведении всего этого, и я положил в карман его пистолет. Я ведь уже украл патроны, так что прихватить и «люгер» было по-своему логично. Удивительно тяжелые штуковины — эти пушки. Он издавал басовую ноту, прижатый к моему бедру, он наверняка убивал людей, этот маленький «люгер»; чего-то он да стоил. Зачем же я это сделал? Не могу тебе объяснить. Но прижми его пасть к уху, и ты услышишь этот мир по-иному.

---

[243] Примечания: 243
Уже виденное… никогда еще не виденное (фр.).

Последним портом захода была пустая комната Евы. Лежал на постели, гладил ее одежды — ты знаешь, каким сентиментальным я становлюсь при расставании. Оставил на ее туалетном столиком самое короткое в моей жизни письмо: «Владычица Брюгге. Ваш бельведер, ваш час». Вернулся к себе. Сказал нежное «прости» своей кровати с пологом на четырех столбиках, поднял непокорную скользящую раму и выпорхнул на ледяную крышу. «Выпорхнул» — самое близкое слово: черепица выскользнула и разбилась на гравиевой дорожке внизу. Лежал ничком, в любую секунду ожидая криков и сигналов тревоги, но никто ничего не услышал. Учтивость земли ко мне проявилась в виде услужливого вяза, и я стал пробираться через сад, укрываясь от комнат слуг за рядом фигурных кустов. Обогнул фасад дома и пошел вниз по аллее Монаха. Восточный ветер дул прямо из степей. Рад был овчинному тулупу Эйрса. Слышал скрипы подагрических тополей, крики козодоев в окаменелых лесах, лай обезумевшей собаки, звук своих шагов по мерзлому гравию, усиливающийся пульс в висках, а еще некую печаль — о себе самом, о прошедшем годе. Миновал старый домик привратника и пошел по дороге в Брюгге. Надеялся, что меня

подвезет какой-нибудь молочный фургон или телега, но ничего вокруг не было. Звезды меркли в морозном предрассветном небе. В нескольких коттеджах горели свечи; заметил озаренное огнем лицо в кузнице, но дорога на север принадлежала одному только мне.

Так я полагал, но за мной следовал шум автомобиля. Не собираясь прятаться, я остановился и обернулся к нему. Фары меня ослепили, машина замедлила ход, двигатель остановился, и ко мне воззвал знакомый пронзительный голос:

— И куда же это вы крадетесь в столь ужасный час?

Не кто иная, как миссис Дондт, закутанная в черную котиковую шубку. Выслал ли ее Эйрс, чтобы поймать беглого раба? Смутившись, я выдавил из себя, как полный осел:

— Несчастный случай!

Тут же проклял себя за этот тупик лжи, потому что было совершенно ясно, что я пребываю в добром здравии, иду пешком, один, и при мне мой чемодан и ранец.

— Какой ужас! — отозвалась миссис Дондт, воинственно и со знанием дела заполняя за меня мои пробелы. — С другом или родственником?

Я увидел свой спасательный круг.

— С другом.

— А ведь Морти, знаете ли, предостерегал мистера Эйрса от покупки «коули» именно по этой причине! Отказывают в самую критическую минуту. Как глупо со стороны Иокасты — почему она не позвонила мне? Ну же, прыгайте! Одна из моих аравийских кобыл всего час назад родила великолепных жеребцов, и все трое чувствуют себя отлично! Я ехала домой, но слишком возбуждена, чтобы спать, так что отвезу вас в Остенде, если вы разминетесь с тем, кто встречает вас в Брюгге. Я так люблю быть в этот час на дороге! Так что это был за несчастный случай? Ну же, Роберт, встряхнитесь! Никогда не предполагайте самого худшего, пока не соберете все факты.

К рассвету благодаря нескольким простейшим выдумкам достиг Брюгге. Выбрал этот великолепный отель напротив церкви Св. Венцесласа, потому что снаружи он похож на подставку для книг, а его ящики для цветов так мило засажены карликовыми елями. Мои комнаты выходят на спокойный канал с западной стороны. Сейчас, закончив это письмо, вздремну минут сорок, пока не придет пора идти к колокольне. Е. может быть там. Если нет, затаюсь на аллее возле ее школы и перехвачу ее по дороге. Если она там

не появится, может оказаться необходимым визит к ван де Вельде. Если мое имя опорочено, переоденусь трубочистом. Если меня раскусят, отправлю длинное письмо. Если длинное письмо перехватят, на туалетном столике ее ждет другое. Я настроен решительно.

Искренне твой, Р. Ф.

P. S. Спасибо тебе за письмо и заботу, но только к чему это клохтанье на манер Матушки Гусыни? Да, разумеется, я в полном порядке — если не считать последствий вышеописанных осложнений с Эйрсом. Более чем в порядке, по правде говоря. Мой мозг способен выполнять любую творческую работу, какую только ни замыслит. Сочиняю лучшее произведение в своей жизни, во всех своих жизнях. В бумажнике у меня имеются деньги, а еще больше — в Первом банке Бельгии. Что напоминает мне вот о чем. Если Отто Янш будет упираться и не сойдет с цены в тридцать гиней за пару Мюнте,[244] передай ему, чтоб содрал кожу со своей матери и обвалял ее в соли. Узнай, сколько готов выложить этот русский с Грик-стрит.

---

[244] Примечания: 244

Мюнте, Герхард (1849–1929) — норвежский художник и график, символист

P. P. S. Одно последнее прозорливое открытие. Еще в Зедельгеме, упаковывая чемодан, заглянул под кровать, чтобы проверить, не закатилось ли туда что-нибудь. Нашел половину разорванного пополам тома, подсунутую под одну из ножек кем-то из давно отбывших гостей, чтобы кровать не качалась. Может, прусским офицером, а то и Дебюсси, кто знает? Ничего об этом не подумал, пока минутою позже до сознания не дошло название на корешке. Грязная работа, но я приподнял кровать и извлек связанные вместе страницы. Так и есть — «Тихоокеанский дневник Адама Юинга». С прерванной фразы и до конца первого тома. Представляешь? Сунул полкниги к себе в чемодан. Оч. скоро проглочу ее целиком. Счастливый умирающий Юинг, так и не увидевший, что за неописуемые чудовища поджидают за углом истории.

Отель «Ле Рояль», Брюгге, Около последнего — XI-1931

Сиксмит,

Работаю по ночам над секстетом «Облачный атлас» до упаду, в совершенно буквальном смысле, ибо нет никакого другого способа, чтобы уснуть. В голове моей — настоящий фейерверк изобретений. Музыка всей жизни, приходящая разом. Границы между шумом и звуком суть условности, теперь я это понимаю. Вообще все границы — условности, в том числе и между нациями. Человек может перейти через любую условность, если только вначале он в состоянии это замыслить. Возьми этот остров, омываемый одновременно тембром и ритмом, не описанный ни в одной из книг по теории, — а он вот здесь! Слышу в голове все инструменты, совершенная ясность, все, чего только ни пожелаю. Когда это будет закончено, во мне, я знаю, ничего не останется, но это кольцо в носу, за которое меня водит судьба, есть не что иное, как философский камень! Человек вроде Эйрса тратит отведенную ему долю в обмолвках и обмылках на протяже-

нии всей затянувшейся жизни. Но не я. Ничего не слышал ни о В. Э., ни о его неверной, язвительной и мелодраматичной супруге. Полагаю, они считают, что я удрал домой, в Англию. Прошлой ночью снилось, как я падал из «Западного империала», вцепившись в водосточную трубу. Скрипичная нота, отвратительно искаженная, — это последняя нота в моем секстете.

Чувствую себя превосходно. Дьявольски превосходно! Хотелось бы мне, чтобы ты увидел эту яркость. Пророки слепли, когда видели Иегову. Заметь, не глохли, а слепли, ты понимаешь, насколько это важно. Все еще его слышу. Весь день говорю сам с собой. Поначалу делал это неосознанно, человеческий голос так меня успокаивает, но теперь требуется немалое усилие, чтобы остановиться, так что позволяю этому продолжаться и продолжаться. Когда не сочиняю, выхожу на прогулки. Теперь мог бы написать путеводитель по Брюгге, будь у меня достаточно места и времени. Хожу по бедным кварталам, не только по кущам богатства. За грязным окном какая-то старушка расставляла в вазе букет. Постучал по стеклу и попросил ее меня полюбить. Сморщила губы — не думаю, чтобы она говорила по-французски, но я попробовал снова. В окне

появился какой-то тип с башкой что твое пушечное ядро, абсолютно без подбородка, и выплеснул на меня и моих домашних целый ушат злобных ругательств.

Ева. Ежедневно взбираюсь на колокольню, напевая песенку удачи по одному слогу на такт: «Се-го-дня-быть-ей-здесь-се-го-дня-се-го-дня». Пока что нет, хотя я жду до самой темноты. Золотые дни, бронзовые дни, железные дни, водные дни, туманные дни. Рахат-лукумные закаты. Вползают ночи, в воздухе появляется привкус морозца. Ева под охраной сидит в своем классе, внизу, на земле, кусая карандаш и мечтая быть со мной, я знаю это, со мной, смотрящим вниз, стоя среди облезающих апостолов, которые мечтают быть с ней. Проклятые ее родители нашли, должно быть, записку на туалетном столике. Хотел бы я проделывать все более ловко. Хотел бы я пристрелить проклятого жулика, пока у меня была такая возможность. Эйрс никогда не найдет замену Фробишеру — и «Вечное возвращение» умрет вместе с ним. А эти ван де Вельде, должно быть, перехватили второе мое письмо к Еве в Брюгге. Пытался обманом пробраться к ней в школу, но пришлось спасаться бегством от пары ливрейных свиней со свистками и дубинками. Следовал

за Е., возвращавшейся из школы, но когда она выходит оттуда, закутанная в коричневый плащ с капюшоном, окруженная в. д. В., сопровождающими дамами и одноклассницами, то занавес дня опускается слишком уж быстро, холодно и непроницаемо. Пристально глядел на нее в щель меж своим капюшоном и кашне в надежде, что она ощутит мое присутствие сердцем. Безуспешно.

Сегодня я коснулся плечом капюшона Евы, когда проходил мимо в толпе, под моросящим дождем. Е. меня не заметила. Когда я с ней рядом, некая тоническая педаль увеличивает силу звука, поднимающегося от паха, резонирующего в полости грудной клетки и исчезающего где-то у меня за глазами. К чему так нервничать? Может быть, завтра, да, завтра, непременно. Бояться нечего. Она говорила, что любит меня. Скоро, скоро.

Искренне твой, Р. Ф.

Отель «Ле Рояль»
25-XI-1931

Сиксмит,

С самого воскресенья у меня насморк и лающий кашель. Это замечательно гармонирует с моими порезами и синяками. Почти не выхожу, да и желания никакого. Из каналов выползает холодный туман, от него перехватывает дыхание и стынет кровь в жилах. Пришли мне резиновую грелку, ладно? Здесь только фаянсовые.

Чуть раньше заходил управляющий отелем. Серьезный такой пингвин, совершенно без нижней части. Возможно, это его лакированные туфли так скрипят, когда он ходит, но в Бельгии-Голландии ни в чем нельзя быть уверенным. На самом деле он желал убедиться, что я действительно обеспеченный студент, изучающий архитектуру, а не какой-нибудь сомнительный ван Смутьян, который улизнет из города, не уплатив по счету. Так или иначе, но я пообещал завтра же показать в конторе, какого цвета у меня деньги, а значит, визит в банк неизбежен. Это его приободрило, и он выразил надежду, что мои занятия продви-

гаются успешно. Замечательно, заверил я его. Никому не говорю, что я композитор, потому что больше не выношу Слабоумной Инквизиции: «Какого рода музыку вы сочиняете?»; «О, я, должно быть, о вас слышал?»; «Откуда вы черпаете свои идеи?»

Нет настроения сочинять письма после всего, что случилось, не считая недавней встречи с Е. Фонарщик начал свой обход. Если бы только я мог повернуть время вспять, Сиксмит. Если бы только мог.

На следующий день

Стало лучше. Ева. Я бы посмеялся, не будь от этого так больно. Не помню, что происходило, когда писал тебе в прошлый раз. После моей Ночи Прозрения время размылось в сплошном аллегриссимо. В общем, стало совершенно ясно, что я не смогу застать Еву одну. Она ни разу не появилась на колокольне в четыре пополудни. Единственное объяснение, пришедшее в голову: мои послания были перехвачены. (Не знаю, исполнил ли Эйрс свою угрозу опорочить мое имя вплоть до Англии; может, ты что-нибудь слышал? Не то чтобы особо заботило, но хотелось бы знать.) Отчасти наделся и на то, что И. сможет найти меня в этом отеле — во втором письме я описал его

окрестности. Даже переспал бы с ней, если бы это могло обеспечить доступ к Еве. Напомнил себе, что не совершил никакого преступления — va bene,[245] дележ (sic) шкуры неубитого медведя не есть преступление против Кроммелинк-Эйрсов, о котором им может быть известно — и похоже, что И. снова играет, повинуясь дирижерской палочке мужа. Возможно, так оно всегда и было. Поэтому у меня не оставалось выбора, кроме как нанести визит в городской дом ван де Вельде.

В сумерках и под мокрым снегом пересек добрый старый Минневатер-парк. Холодно было, словно в Уральских горах. «Люгер» Эйрса напросился со мной, так что я застегнул глубокий карман овчинного тулупа со стальным дружком внутри. На эстраде для оркестра покуривали проститутки с натренированными челюстями. Не соблазнился ни на миг — в такую погоду да под открытым небом это совершенно безумное предприятие. Те, что превратили Эйрса в развалину, пропустили меня мимо — возможно, спасая себе жизнь. Возле дома в. д. В. выстроились в ряд кабриолеты, лошади отфыркивали холодный воздух, возчики и шоферы в длинных пальто сгрудились

---

[245] Примечания: 245
Что ни говори (фр.).

поближе друг к другу, куря и притопывая, чтобы не замерзнуть. Окна освещались приторными лампами, трепетными дебютантками, бокалами шампанского, шипящими канделябрами.

Важное событие светской жизни было в полном разгаре. Отлично, подумал я. Камуфляж, видишь ли. Счастливая парочка осторожно поднялась по ступенькам, дверь отворилась — сезам! — и звуки гавота вырвались на морозный воздух. Последовал за ними по усыпанным песком ступенькам и погромыхал позолоченным дверным молотком, стараясь оставаться спокойным.

Цербер во фраке меня узнал — недоумение во взоре лакея никогда не предвещает добра.

— Je suis désolé, Monsieur, mais votre nom ne figure pas sur la liste des invités.[246]

Успел уже вставить ногу в дверной проем. Гостевые списки, просветил я его, не распространяются на признанных друзей семьи. Человек улыбнулся в знак извинения — я имел дело с профессионалом. Как раз в этот момент мимо меня устремилась цепочка шедших следом гогочущих гусят в накидках, и лакей недальновидно позволил им вклиниться между мной и собой.

---

[246] Примечания: 246
Сожалею, мсье, но вас нет в списке приглашенных (фр.).

Успел пройти до середины сверкающей прихожей, прежде чем обтянутая белой перчаткой рука ухватила меня за плечо. Ударил по ней, должен признать, самым недостойным образом — в это время я словно падал в бездну, не стану отрицать, — и проревел имя Евы, потом еще и еще, как избалованный ребенок в припадке раздражительности, пока танцевальная музыка не смолкла, а прихожая и лестница не заполнились шокированными бражниками. Играть продолжал один только тромбон. Вот тебе тромбонисты! Распахнулся пчелиный улей криков ужаса и раздражения на всех основных языках мира — этот рой угрожающе понесся ко мне. Через зловещее жужжание прошла Ева, на ней было бальное платье цвета электрик и ожерелье из зеленых жемчужин. Кажется, я закричал: «Почему ты меня избегала?» — или что-то в равной мере достойное.

Е. не скользнула по воздуху в мои объятия, не растаяла в них, не обласкала меня словами любви. Первой Частью ее Симфонии было Отвращение:

— Что с вами случилось, Фробишер?

В прихожей висело зеркало; посмотрел в него, чтобы понять, что она имеет в виду. Я мог бы

пройти мимо лакея, но, как ты знаешь, я, когда сочиняю музыку, совершенно пренебрегаю бритьем.

Второй Частью было удивление:

— Мадам Дондт сказала, что вы уехали обратно в Англию.

Все становилось хуже и хуже.

Третьей Частью был Гнев:

— Как вы посмели показаться здесь после… всего?

Ее родители не говорили ей обо мне ничего, кроме *лжи*, заверил я ее. Почему бы еще они перехватывали мои письма к ней? Она получила оба моих послания, сказала она, но изорвала их в клочки «из жалости». Теперь уже был совершенно сбит с толку. Потребовал разговора с ней тет-а-тет. Нам требовалось очень многое выяснить. Ее держал под руку какой-то молодой тип с поверхностно привлекательной внешностью, и он преградил мне дорогу, сказав что-то на собственнически-правильном фламандском. Я ответил ему по-французски, что он лапает девушку, которую я люблю, добавив, что война должна была бы научить бельгийцев, когда следует поджать хвост перед лицом превосходящей силы. Ева поймала его правую руку, обеими руками об-

хватила кулак. Интимное движение, как я теперь понимаю. Уловил имя ее кавалера, прозвучавшее в дружеском увещевании не избивать меня: Григуар. Теперь пузырь ревности, разрывавший мне нутро, получил название. Спросил у Евы, что это за страшненький щенок.

— Мой жених, — спокойно сказала она, — и он не бельгиец, он швейцарец.

Твой кто? Пузырь лопнул, яд растекся по жилам.

— Я вам о нем говорила, в тот день, на колокольне! Почему я вернулась из Швейцарии гораздо более счастливой… Я говорила вам, но вы обрушили на меня те… унизительные письма.

Это не ее оговорка и не моя описка. Григуар-жених. Все эти каннибалы, пожирающие мое достоинство. Вот так-то. Моя страстная любовь? Нет как нет. Ее как не бывало. Невидимый тромбонист стал теперь дурачиться с «Одой к радости». Прорычал ему со стихийной яростью — повредил себе связки, — чтобы играл в тональности, задуманной Бетховеном, или не играл вовсе. Спросил:

— Швейцарец? Почему же тогда он ведет себя так несдержанно?

Тромбонист стал напыщенно исполнять бет-

ховенскую Пятую симфонию, тоже не в той тональности. Голос Е. лишь на один градус отстоял от абсолютного нуля.

— Я думаю, вы больны, Роберт. Вам следует уйти.

Григуар Швейцарский Жених и лакей вдвоем ухватили меня за податливые плечи и повели обратно через все стадо к дверному проему. Высоко-высоко над головой я мельком увидел двух маленьких в. д. В. в ночных колпаках, уставившихся в лестничный колодец через ограду площадки, словно крошечные горгульи. Подмигнул им.

Блеск торжества в миленьких, с длинными ресницами глазах моего соперника, его «Убирайся в свою Англию!», его акцент распалили Роберта Подлеца, как это ни прискорбно. Как раз в тот момент, когда меня толкнули через порог, я применил к Григуару захват, принятый в регби, увлекая этого лощеного попугая за собой. В прихожей заверещали райские птички, заревели бабуины. Мы понеслись по ступенькам, нет, мы колотились о них, скользили, ругались, увечились и обдирались. Григуар кричал в тревоге, потом стал вопить от боли — то самое лекарство, что прописал доктор Отмщение! Каменные

ступеньки и обледенелая брусчатка оставляли на мне такие же синяки, что и на нем, стучали по моим локтям и бедрам так же сильно, но, по крайней мере, не у меня одного в Брюгге вечер был изгажен, и я вопил, пинал его ногами по ребрам при каждом слове, а потом, полуубегая, полуволоча изувеченную лодыжку, крикнул: «Любовь ранит!»

Теперь мне куда лучше. Едва даже помню, как выглядит Е. Когда-то ее лицо пылало перед моими идиотскими глазами, видел ее повсюду, в каждой. У Григуара очень изящные пальцы, длинные и гибкие. Франц Шуберт искалечил себе руки, привязывая к ним гири. Он думал, что это увеличит его диапазон на клавиатуре. Волшебные струнные квартеты, но каков чертов дурак! С другой стороны, у Григуара от природы совершенные руки, но он вряд ли отличит тамбур от тамбурина.

Шестью или семью днями позже

Забыл об этом незаконченном письме, ну, наполовину забыл, оно затерялось между листами фортепьянной партитуры, а я был слишком поглощен сочинительством, чтобы его оттуда выудить. Погода ледяная, вполне по сезону. Половина часов в Брюгге тут же замерзли. Так, о Еве ты

теперь все знаешь. Это дело меня опустошило, но что, скажи мне на милость, резонирует в пустоте? Музыка, Сиксмит, надо впустить туда Музыку и ее различать. Во время шестичасового бдения у камина прошлой ночью я записал партитуру 102 тактов похоронного марша, основанного на «Оде к радости», для своего кларнетиста.

Другой посетитель явился сегодня утром; не знал такой популярности с того самого злосчастного дня на дерби. Разбудило меня дружественное, но твердое тук-тук-тук около полудня. Крикнул:

— Кто там?

— Верпланке.

Не мог соотнести с кем-либо это имя, но когда открыл дверь, то за ней стоял мой музыкальный полисмен, тот самый, что одолжил мне велосипед в прошлой моей жизни.

— Могу я войти? Je pensais vous rendre une visite de courtoisie.[247]

— Разумеется, — ответил я и очень удачно добавил: — Voilà qui est bien courtois, pour un policier.[248]

---

[247] Примечания: 247
Я рассчитывал нанести вам визит учтивости (фр.).

[248] Примечания: 248
Это очень учтиво со стороны полицейского (фр.).

Расчистил для него кресло и предложил позвонить, чтобы принесли чай, но мой гость отказался. Не мог полностью скрыть своего изумления перед беспорядком. Объяснил, что подкупаю горничных, чтобы те ко мне не входили. Не выношу, когда прикасаются к моим партитурам. Мосье Верпланке сочувственно покивал, потом поинтересовался, зачем вдруг джентльмену регистрироваться в своем отеле под псевдонимом. Эксцентричность, унаследованная от отца, объяснил я, видного общественного деятеля, предпочитающего, чтобы его личная жизнь принадлежала только ему. Подобным образом и я предпочитаю держать свое призвание в тайне, чтобы меня не вынуждали скалить зубы за коктейлями. Отказы вызывают обиду. В., казалось, удовлетворился моим объяснением.

— Роскошный дом вдали от дома, этот «Ле Рояль». — Он оглядел мою гостиную. — Не знал, что секретарям так хорошо платят.

Признался в том, что этот тактичный тип, вне сомнения, уже знал: мы с Эйрсом прекратили свое сотрудничество, добавив, что располагаю своим собственным независимым доходом, что всего лишь год тому назад было бы правдой.

— А, миллионер, разъезжающий на велоси-

педе?

Он улыбнулся. Настойчивый парень, правда? Не совсем миллионер, улыбнулся я в ответ, но благодаря Провидению человек с достаточными средствами, чтобы позволить себе «Ле Рояль».

Наконец он перешел к делу.

— За время недолгого пребывания в нашем городе вы обзавелись влиятельным врагом, мистер Фробишер. Некий промышленник, полагаю, мы оба знаем, о ком я говорю, подал моему начальнику заявление об инциденте, имевшем место несколько дней назад. Его секретарь — собственно, он очень хорошо играет на клавесине в нашем небольшом оркестре — разузнал ваше имя и передал указанную жалобу мне. Потому я и здесь.

Постарался как мог убедить его, что все дело в нелепом недопонимании истинных чувств одной юной дамы. Очаровательный паренек снова покивал.

— Понимаю, понимаю. Cherchez la femme.[249] В юности сердце играет чуть более фортиссимо, нежели голова. Наше затруднение состоит в том, что отец этого молодого человека является банкиром нескольких старейшин нашего города, и

---

[249] Примечания: 249
Ищите женщину (фр.).

он поднимает досадный шум — мол, необходимо привлечь вас к ответственности за нанесение побоев и оскорблений.

Поблагодарил мосье Верпланке за его теплоту и такт и пообещал впредь держать себя тише воды, ниже травы. Увы, не все так просто.

— Мосье Фробишер, не находите ли вы, что зимой в нашем городе невыносимо холодно? Не кажется ли вам, что климат Средиземноморья мог бы лучше вдохновлять вашу Музу?

Спросил, не может ли гнев банкира быть укрощен, если я дам слово покинуть Брюгге в течение семи дней, после окончательной отделки своего секстета. В. предположил, что да, такая договоренность разрядила бы ситуацию. Так что я дал ему слово джентльмена, что сделаю необходимые распоряжения.

Покончив с делом, В. спросил, нельзя ли ему предварительно просмотреть мой секстет. Показал ему каденцию для кларнета. Поначалу его обескуражили ее спектральные и структурные особенности, но затем целый час он задавал мне проницательные вопросы о моей отчасти вновь изобретенной нотной грамоте и об уникальных обертонах пьесы. Когда мы пожали друг другу руки, он дал мне свою карточку, настоятельно

попросил прислать экземпляр опубликованной партитуры для его ансамбля и выразил сожаление, что в нем «публичная персона и частный человек вынуждены входить в противоречия». Жаль было с ним расставаться. Сочинять — значит быть одиноким до тошноты.

Так что, как видишь, последние дни здесь я должен буду провести со всей отдачей. Не беспокойся обо мне, Сиксмит, я вполне здоров и слишком занят, чтобы предаваться меланхолии! В конце улицы расположена моряцкая таверна, где я, если бы понадобилось, мог бы найти себе партнера (в любой час дня и ночи там можно увидеть входящих и выходящих просоленных парней), но теперь для меня имеет значение одна только музыка. Музыка наваливается, музыка вздымается, музыка швыряет тебя в разные стороны.

Искренне твой, Р. Ф.

Отель «Мемлинг», Брюгге,
4.15 утра
12-XII-1931

Сиксмит,

Сегодня в пять утра выстрелю себе в нёбо из «люгера» В. Э. Но я видел тебя, мой дорогой, милый друг! До чего же я тронут тем, как сильно ты обо мне беспокоишься! Вчера на закате, на смотровой площадке колокольни. Мне страшно повезло, что ты не заметил меня первым. Добрался до последнего пролета, когда увидел в профиль человека, глядевшего на море, — узнал твое изящное габардиновое пальто, твою единственную на свете мягкую фетровую шляпу. Еще один шаг, и ты увидел бы меня, пригнувшегося в тени. Ты прошел к северу — один поворот в мою сторону, и ты бы меня обнаружил. Смотрел на тебя так долго, как только смел, — с минуту? — прежде чем тихонько отступить и поспешно спуститься на землю. Не сердись. Невероятно тебе признателен за то, что пытался меня разыскать. Ты прибыл на «Кентской королеве»?

Вопросы теперь совершенно бессмысленны,

правда?

То, что я увидел тебя первым, на самом деле не было грандиозным везением. Наш мир — это театр теней, опера, и подобные вещи явно вписываются в либретто. Не сердись на меня за мою роль. Ты ее не поймешь, сколько бы я ни объяснял. Ты блестящий физик, твой приятель Резерфорд[250] и все прочие согласны, что перед тобой простирается великолепное будущее. Совершенно уверен, что они правы. Но в таких фундаментальных вещах ты полный профан. Здоровый не может понять того, кто опустошен, того, кто сломлен. Ты попытался бы перечислить все доводы в пользу жизни, но я отбросил их на вокзале Виктория еще в начале лета. Причина, по какой я украдкой спустился с бельведера, проста — я не могу допустить, чтобы ты винил себя: тебе-де не удалось меня разубедить. Можешь попробовать, конечно, но только не стоит. Сиксмит, не будь таким ослом.

Надеюсь также, что ты не был слишком уж разочарован, обнаружив, что «Ле Рояль» я покинул.

---

[250] Примечания: 250

Резерфорд, Эрнест (1871–1937) — английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома, в 1919 г. осуществил первую искусственную ядерную реакцию; лауреат Нобелевской премии по физике 1908 г.

Управляющий воспользовался визитом мосье Верпланке. Вынужден просить меня съехать, сказал он, по причине ожидаемого со дня на день большого наплыва гостей. Чушь, конечно, но я принял этот фиговый листок. Фробишеру-буяну хотелось скандала, но Фробешеру-композитору требовался мир и покой, чтобы закончить секстет. Уплатил полностью — разом ухлопав последние деньги Янша — и собрал чемодан. Брел по извилистым аллеям и пересекал замерзшие каналы, пока не наткнулся на этот заброшенный караван-сарай. Контора здесь расположена в почти не посещаемом закутке под лестницей. Единственное украшение в моем номере — жуткий «Смеющийся кавалер», слишком уродливый, чтобы украсть его и продать. Из грязного окна видна та же самая умирающая ветряная мельница, на ступеньки которой я присел в первое свое утро в Брюгге. Та же самая. Ты только подумай! Мы ходим по кругу.

Так и знал, что не доживу до своего двадцатипятилетия. Впервые в жизни — ранняя пташка. Все, кто истерзан любовью, все, кто взывает о помощи, все слащавые трагики, проклинающие самоубийство, — это сплошные идиоты, которые исполняют его второпях, подобно дирижерам-

любителям. Истинное самоубийство требует размеренной, дисциплинированной уверенности. Многие с важным видом заявляют: «Самоубийство эгоистично». Карьеристы-церковники вроде моего папика идут на шаг дальше и называют это трусливым нападением на жизнь. Глупцы отстаивают эту «благовидную» линию по различным причинам: чтобы увернуться от пальцев вины, произвести впечатление на слушателей складом своего интеллекта, выпустить злость — или просто потому, что недостаточно страдали для сочувствия кому-то. Трусость не имеет с этим ничего общего — самоубийство требует немалого мужества. Японцы правильно это понимают. Нет, эгоизм вот в чем: требовать от другого терпеть невыносимое существование лишь затем, чтобы тот избавил своих родственников, друзей и врагов от толики самокопания. Единственный же эгоизм самоубийства может состоять в том, чтобы испортить день незнакомым людям, заставив их созерцать нечто уродливое. Поэтому я сооружу себе толстый тюрбан из нескольких полотенец, который приглушит выстрел и впитает кровь, и проделаю это в ванне, чтобы не оставить никаких пятен на коврах. Накануне я подсунул письмо под дверь кабинета управляющего — он найдет его в

восемь утра, — в котором сообщаю об изменении своего экзистенциального статуса, так что, если повезет, ни в чем не повинная горничная будет избавлена от неприятного сюрприза. Видишь, я таки думаю о малых сих.

Не позволяй никому говорить, что я покончил с собой из-за любви — это, Сиксмит, было бы курам на смех. На мгновение ока ослеплен был Евой Кроммелинк, но в глубине сердец своих мы оба знаем, кто моя единственная в жизни любовь.

Распорядился, чтобы, помимо этого письма и второй части книги Юинга, ты нашел в «Ле Роя-ле» и папку с моей законченной рукописью. Для оплаты расходов на публикацию воспользуйся деньгами Янша и разошли по экземпляру каждому, кто указан в прилагаемом списке. Делай что хочешь, но не допусти, чтобы хоть что-нибудь из оригиналов попало в мою семью. Папик вздохнет: «Это ведь не героика, правда?» — и сунет все в ящик; но это ни с чем не сравнимое творение. Есть в нем отзвуки «Белой мессы» Скрябина,[251] затерявшихся следов Стравинского, хроматиче-

[251] Примечания: 251

…«Белой мессы» Скрябина… — Скрябин, Александр Николаевич (1871/1872–1915) — композитор-новатор, пионер светомузыки, автор «Поэмы экстаза» (1907), симфонической поэмы «Прометей» (1910) и др. Под названием «Белая месса» известна его 7-я соната (1912).

ских гамм более бледного Дебюсси, но правда в том, что я не знаю, откуда оно пришло. Сон на грани пробуждения. Никогда не напишу ничего, хоть на сотую долю столь же прекрасного. Хотел бы я быть нескромным, но не дано. Секстет «Облачный атлас» содержит всю мою жизнь, является моей жизнью; теперь я — отсверкавший фейерверк, но, по крайней мере, я сверкал.

Люди суть воплощенные непристойности. Предпочитаю быть музыкой, а не скопищем трубок, несколько десятков лет стискивающих полутвердые ткани, пока все не станет настолько дряблым, что уже не сможет функционировать.

«Люгер» под рукой. Остается тринадцать минут. Естественно, весь трепещу, но любовь моя к этой коде сильнее. Электрическая дрожь — из-за того, что, подобно Адриану, я знаю, что мне предстоит умереть. Гордость, что через все это пройду. Определенности! Сорви все верования, наклеенные на тебя гувернантками, школами и государствами, и ты найдешь в сердцевине человека неизгладимую правду. Рим снова захиреет и падет, Кортес[252] снова до основания разрушит Теночтитлан, а позже Юинг снова отправится в

[252] Примечания: 252

Кортес, Эрнан (1485–1547) — конкистадор, в 1519–1521 гг. завоевал Мексику для испанской короны.

плаванье, Адриана снова разорвет на куски, мы с тобой снова будем спать под корсиканскими звездами, я снова приеду в Брюгге, снова полюблю и разлюблю Еву, ты снова будешь читать это письмо, солнце снова будет остывать. Ницшеанская граммофонная пластинка. Когда она заканчивается, Старик проигрывает ее снова, в вечности вечностей.

Время не может проникнуть сквозь этот замкнутый круг. Мы недолго остаемся мертвыми. Как только «люгер» даст мне уйти, через один удар сердца последует очередное мое рождение. Через тринадцать лет мы снова встретимся в Грешеме, десять лет спустя я окажусь в этой же комнате, держа этот же пистолет, сочиняя это же письмо, и решимость моя будет столь же завершенной, как мой секстет. Такие изящные определенности утешают меня.

Sunt lacrimæ rerum.[253]

Р. Ф.

---

[253] Примечания: 253
Се слезы вселенной (лат.).

Тихоокеанский дневник Адама Юинга

во время обоюдной нашей морской болезни на Тасманском море, я поразился, как этот мальчик-эльф, сиявший от волнения из-за первого своего выхода в море и всем вокруг жаждущий угодить, всего лишь за полтора месяца обратился в угрюмого юношу. Его сияющая красота словно обтесывается, обнажая того моряка с железными мышцами, которым ему суждено стать. Он уже пристрастился к рому с водой. Генри говорит, что это «сбрасывание кокона» неизбежно, bon gré mal gré,[254] и я полагаю, что он прав. Этот налет образованности и чувствительности, которому Рафаэль обязан своей опекунше, миссис Фрай из Брисбена, в суматохе и неразберихе кубрика сослужили юнге дурную службу. Как бы я хотел ему помочь! Если бы не вмешательство мистера и миссис Чаннингов, моя собственная судьба могла бы сложиться в точности так же, как у Рафа. Я спросил у Финбара, как он думает, хорошо

---

[254] Примечания: 254
Волей-неволей (фр.).

ли мальчик «прилаживается». Дельфийский ответ Финбара («Прилаживается к чему, мистер Юинг?») заставил весь камбуз расхохотаться, но меня оставил в полном недоумении.

Суббота, 7 декабря

В воздухе реют качурки, на воде качаются темно-коричневые крачки, а на снастях восседают птенцы. Рыбы, похожие на сельдей, преследуют рыб, похожих на килек. Когда мы с Генри ужинали, словно из щелей в Луне вырвалась настоящая буря отсвечивающих багровым мотыльков, густо усеивая фонари, лица, еду и покрывая все поверхности дергающейся простыней из крылышек. В подтверждение этих предзнаменований близости земли матрос, следивший за лотом, крикнул, что глубина составляет всего восемнадцать морских саженей. Мистер Бурхаав приказал бросить якорь, чтобы ночью нас не снесло на какой-нибудь риф.

Белки моих глаз приобрели лимонно-желтый оттенок, а ободки их покраснели и болят. Генри заверяет, что эти симптомы благоприятны, но уважил мою просьбу увеличить дозу вермицида.

Воскресенье, 8 декабря

Поскольку воскресный день на «Пророчице» не соблюдается, это утро мы с Генри решили посвятить непродолжительному чтению Библии в его каюте, причем сделать это в «низком церковном» стиле конгрегации Оушен-Бея, охватив предполудненную и утреннюю вахты, чтобы как правый, так и левый борта могли бы к нам присоединиться. Мне больно об этом писать, но никто ни из одной вахты не посмел вызвать неудовольствие первого помощника своим у нас присутствием, однако мы должны не оставлять своих усилий, даже будучи никем не поощряемы. Рафаэль, сидевший на верхушке мачты, прервал наши молитвы троекратным криком: «Э-ге-гей! Земля!»

Мы рано закончили свое богослужение и подставили себя под град морских брызг, чтобы увидеть, как на качающемся горизонте появляется земля. «Райатеа, — сказал нам мистер Роудрик, — из островов Общества». (Киль «Пророчицы» еще раз пересек маршрут «Эндевора». Капитан Кук сам дал название этой группе островов.) Я спросил, не будем ли мы высаживаться на

берег. Мистер Роудрик ответил утвердительно: «Капитан хочет навестить там одну миссию». Острова Общества становились все ближе, громоздились над нами, и после трех недель океанской серости и пылающей голубизны глаза наши упивались поросшими влажным мхом склонами гор, осиянных водопадами и украшенных беспорядочными джунглями. Под «Пророчицей» оставалось пятнадцать саженей, но вода была настолько прозрачной, что различались переливчатые кораллы. Когда мы с Генри обсуждали, как бы нам убедить капитана Молинё, чтобы он и нам позволил сойти на берег, тот собственной персоной появился из рубки — борода его была приведена в порядок, а волосы напомажены. В отличие от обычной своей манеры нас игнорировать он направился к нам с улыбкой столь же дружелюбной, как у вора-карманника. «Мистер Юинг, доктор Гуз, не соблаговолите ли вы сегодня утром сопроводить меня и первого помощника на вон тот остров? На северном берегу залива расположено поселение методистов, они называют его „Назаретом“. Джентльмены с пытливым умом найдут это место весьма занимательным». Генри воспринял это предложение с энтузиазмом, да и я не мог скрыть удовольствия, хотя нисколько

не верил мотивации старого енота. «Договорились», — провозгласил капитан.

Часом позже «Пророчица» верповалась в залив Вифлеем, бухту, укрытую от пассатов изгибом мыса Назарет. На берегу наблюдался слой грубых, крытых пальмовыми листьями жилищ, воздвигнутых на сваях возле самой линии воды и населенных (как я правильно предположил) крещеными индейцами. Над ними располагалось около дюжины домов из досок, выстроенных цивилизованными руками, а еще выше, почти у вершины холма, горделиво стояла церковь, обозначенная белым крестом. Ради нас на воду была спущена самая большая шлюпка. Четырьмя ее гребцами были Гернси, Бентнейл и пара змеюг-прилипал. Мистер Бурхаав надел шляпу и жилетку, что было бы уместнее для салона на Манхэттене, чем для доставки на берег через линию прибоя. Мы высадились без особых происшествий, разве что основательно промокли, но единственным посланником от колонистов, нас встречавшим, был полинезийский пес, тяжело дышавший под золотистым жасмином и пунцовыми воронкообразными цветами. Хижины у береговой линии и извилистая «Главная улица», тянувшаяся к церкви, лишены были всяких при-

знаков человеческой жизни. «Двадцать человек, двадцать мушкетов, — заметил мистер Бурхаав, — и к обеду это местечко было бы нашим. Заставляет задуматься, правда?» Капитан Молинё приказал гребцам ожидать нас в тени, пока мы будем «наносить визит королю и его бухгалтерии». Мои подозрения, что вновь обретенная капитаном любезность была чисто напускной, подтвердились, когда он обнаружил торговую лавку заколоченной и разразился ядовитыми проклятиями. «Мо'быть, — размышлял голландец, — эти ниггеры обратились в свою прежнюю веру и сожрали своих пасторов вместо пудинга?»

С церковной башни зазвонил колокол, и капитан хлопнул себя по лбу. «Лопни мои глаза, о чем это я думал? Ведь сегодня воскресенье, д-и меня черт, и все эти г-ые святоши блеют в своей развалине, именуемой церковью!» Мы поплелись по извилистой дороге, поднимающейся по крутому склону холма, причем продвижение наше замедлялось подагрой капитана Молинё. (Я, напрягаясь, ощущал такую нехватку дыхания, как будто мне рот забивало глиной. Вспоминая свою энергичность на Чатемских островах, я тревожусь о том, насколько же основательно отравил мой организм этот Паразит.) Мы достигли На-

заретского дома богослужения как раз к тому времени, когда паства стала выходить наружу.

Капитан снял шляпу и самым сердечным тоном пробасил: «Приветствую вас! Джонатан Молинё, капитан „Пророчицы“». Простерев руку, он указал на наше судно в заливе. Назареяне были менее склонны к словоизлияниям: мужчины удостоили нас осторожными кивками, а их жены и дочери прикрылись веерами. «Позовите пастора Хорркокса!» — эти возгласы эхом отдавались в недрах церкви, в то время как местные ее обитатели теперь уже торопливо высыпали наружу, чтобы взглянуть на пришельцев. Я насчитал до шестидесяти взрослых мужчин и женщин, около трети из которых были белыми, облаченными в «лучшее» свое воскресное платье (насколько возможно того достичь в двух неделях плавания от ближайшей галантерейной лавки). Черные разглядывали нас с откровенным любопытством. Местные женщины были одеты вполне пристойно, но добрая половина страдала от безобразящей их зобной болезни. Парни, прикрывавшие своих светлокожих подружек от солнца с помощью зонтиков, сооруженных из пальмовых листьев, слегка ухмылялись. У привилегированного «взвода» полинезийцев через плечо была перекинута

изящная коричневая лента с вышитым на ней белым крестом — своего рода униформа.

Затем из толпы, подобно пушечному ядру, выскочил человек, чье облачение явственно говорило о его призвании. «Я — Джайлз Хорроксе, — провозгласил патриарх, — приходской священник залива Вифлеем и представитель Лондонского миссионерского общества на Райатеа. Обозначьте свое дело, господа, и не медлите с этим».

На сей раз капитан Молинё расширил свое представление, включив в него мистера Бурхаава, «принадлежащего к голландской реформистской церкви», доктора Генри Гуза, «врача лондонской знати, позже работавшего в миссии на Фиджи» и мистера Адама Юинга, «американского нотариуса по деловым бумагам и патентам». (Теперь я совершенно ясно понимал, что за игру затеял этот негодяй!) «О пасторе Хорроксе и Вифлеемском заливе среди нас, странствующих верующих южных областей Тихого океана, говорят с неизменным уважением. Мы надеялись, что нам дано будет отправить воскресную службу перед вашим алтарем, — капитан горестно взглянул на церковь, — но, увы, ветер долго не был попутным, и это замедлило наше прибытие. Надеюсь, по

крайней мере, ваша тарелка для сбора пожертвований еще не убрана?»

Пастор Хоррокс внимательно вглядывался в нашего капитана. «Вы командуете благочестивым судном, сэр?»

Капитан Молинё отвел взгляд, изображая смирение, «Далеко не столь благочестивым и непотопляемым, как ваша церковь, сэр, но, конечно, мы с мистером Бурхаавом делаем все, что в наших силах, для спасения душ, вверенных нашему попечению. Больно об этом говорить, но борьба нам выпала нескончаемая. Моряки возвращаются к своим распутным привычкам, стоит нам только отвернуться».

«Но, капитан, — заговорила дама в кружевном воротнике, — у нас в Назарете тоже есть свои отступники! Вы должны извинить осторожность моего мужа. Опыт учит нас, что большинство судов под так называемыми христианскими флагами не приносят нам ничего, кроме болезней и пьяниц. Мы просто вынуждены предполагать их греховность, пока не будет установлена невинность».

Капитан снова поклонился. «Мадам, я не могу принести извинений там, где не было ни нанесено, ни замечено каких-либо оскорблений».

«Ваши предубеждения относительно „варваров моря“ совершенно обоснованы, миссис Хорркокс, — вступил в разговор мистер Бурхаав, — но я не потерплю ни капли грога на борту нашей „Пророчицы“, как бы ни вопили матросы! И они, да, вопят, но я воплю им в ответ: „Не дух спиртного вам нужен, но один только Дух Святой!“ — и я провозглашаю это громче и дольше, нежели они!»

Его каламбур возымел желаемое действие. Пастор Хорркокс представил нам двух своих дочерей и троих сыновей — все пятеро родились именно здесь, в Назарете. (Девочки могли бы быть выпускницами школы для благородных девиц, но парни под своими накрахмаленными воротничками были загорелыми, словно канаки.) Несмотря на все отвращение, какое я испытывал к перспективе быть вовлеченным в маскарад капитана, мне любопытно было узнать побольше о теократии, царившей на острове, и я позволил увлечь себя ходу событий. Вскоре наша делегация проследовала к пасторату Хорроксов, в жилых помещениях которого не стыдно было бы разместиться никому из мелких консулов Южного полушария. Там имелись обширная гостиная с застекленными окнами и мебелью

из тюльпанного дерева, отхожее помещение, две каморки для прислуги и столовая, где нас незамедлительно угостили свежими овощами и тающей во рту свининой. Все ножки стола стояли в блюдах с водой. «Муравьи, — объяснила миссис Хоррокс, — единственное бедствие Вифлеема. Приходится периодически выбрасывать их утонувшие тельца, иначе они построят дамбу из самих себя».

Я выдал комплимент по поводу их жилища. «Пастор Хоррокс, — с гордостью сказала нам хозяйка дома, — обучался плотничеству в графстве Глостер. Большинство домов в Назарете построены его руками. Видите ли, на сознание язычника большое впечатление оказывает вещественность, то, что он может увидеть своими глазами. Он думает: „Как же опрятны и нарядны христианские дома! И как же грязны и убоги наши лачуги! Как благороден и щедр Бог белых! Как низок и подл наш собственный!“ Таким образом еще один новообращенный приводится к Господу».

«Если бы только я мог прожить свою жизнь сначала, — ничуть не краснея, высказал свою точку зрения мистер Бурхаав, — я выбрал бы бескорыстную стезю миссионерства. Пастор, мы видим здесь развитую, глубоко укоренившуюся

миссию, но как начать работу по обращению к Господу на окутанном тьмой побережье, на которое никогда не ступала нога христианина?»

Взгляд пастора Хоррокса устремился сквозь мистера Бурхаава к будущему лекционному залу. «Упорство, сэр, сострадание и законность. Пятнадцать лет назад нас в этом заливе принимали далеко не так сердечно, как вас, сэр. Видите вон тот остров на западе, похожий на наковальню? Черные называют его Бораборой, но уместнее было бы назвать его Спартой, настолько воинственны были тамошние воины! Мы сражались с ними на побережье Вифлеемской бухты, и некоторые из нас пали. Если бы наши револьверы не позволили нам одержать победу в сражениях тех первых недель, что ж, миссия на Райатее осталась бы только мечтой. Но по воле Господа мы разожгли здесь его путеводный маяк и не давали ему погаснуть. Через полгода мы смогли доставить сюда с Таити наших женщин. Я сожалею о погибших аборигенах, но когда индейцы увидели, как Бог защищает свою паству, то, что там говорить, даже спартанцы умоляли нас прислать к ним священников».

Миссис Хоррокс продолжила его рассказ. «Когда сифилис начал свою смертоносную работу,

полинезийцам понадобилась помощь, как духовная, так и материальная. Тогда наше сострадание привело язычников к священной купели. Теперь же пришел черед Святого Закона хранить нашу паству от соблазна — и от мародерствующих моряков. Китобои, в частности, презирают нас за то, что мы обучаем женщин целомудрию и скромности. Нашим мужчинам приходится держать свое оружие хорошо смазанным».

«Однако, случись кораблекрушение, — заметил капитан, — я поручился бы, что те же самые китобои молили бы Судьбу, чтобы их выбросило на побережья, где все те же „проклятые миссионеры“ воздвигли свои часовни, разве не так?»

Согласие было единодушным и едва ли не граничило с возмущением.

Миссис Хоррокс ответила на мой вопрос касательно того, как укрепляется закон и порядок на этом одиноком форпосте Прогресса. «Наш церковный совет — мой муж и трое мудрых старцев — проводит те законы, которые мы полагаем необходимыми, посредством молитв. Наши Стражи Христовы, некоторые из тех аборигенов, которые доказали, что являются верными слугами Церкви, укрепляют эти законы в обмен на кредит в лавке моего мужа. Бдительность, совершенно

необходима неослабевающая бдительность, иначе через неделю…» Миссис Хоррокс содрогнулась, вообразив, как призраки вероотступничества танцуют хулу на ее могиле.

Покончив с едой, мы перешли в гостиную, где местный подросток подал нам холодный чай в красивых чашках из тыквы. Капитан Молинё спросил: «Сэр, как же можно содержать столь процветающую миссию, как ваша?»

Пастор Хоррокс почувствовал, что ветер переменился, и вновь внимательно всмотрелся в лицо капитана. «Аррорутовый крахмал и кокосовое масло — вот что покрывает издержки, капитан. Черные работают на нашей плантации, чтобы платить за учебу в школе, изучение Библии и посещение церкви. Через неделю, если будет на то Божья воля, мы получим обильный урожай копры».

Я спросил, добровольно ли работают индейцы.

«Разумеется! — воскликнула миссис Хоррокс. — Ведь они знают, что если поддадутся лености, то Стражи Христовы их за это накажут».

Я хотел расспросить об этом карательном стимулировании, но капитан Молинё перехватил нить разговора. «И что же, корабль вашего Миссионерского общества доставляет эти ско-

ропортящиеся товары обратно в Лондон, огибая мыс Горн?»

«Ваша догадка верна, капитан».

«Не задумывались ли вы, пастор Хоррокс, насколько прочнее была бы светская опора вашей миссии — а следовательно, и духовная, — если бы у вас был надежный рынок сбыта ближе к островам Общества?»

Пастор велел мальчику-прислуге покинуть комнату. «Я долго обдумывал этот вопрос, но где? Рынки Мексики невелики, и хозяйничают на них бандиты. Кейптаун — это союз продажных чиновников и алчных африканеров. Моря Южного Китая кишат беспощадными, дерзкими пиратами. Голландцы в Батавии высасывают из тебя кровь до последней капли. Не в обиду вам, мистер Бурхаав».

Капитан указал на меня. «Мистер Юинг обитает, — он сделал паузу, прежде чем раскрыть свое предложение, — в Калифорнии, в Сан-Франциско. Вы, должно быть, знаете, что из пустякового городишки в семь сотен душ он разросся в метрополию с… четвертью миллиона жителей? Все переписи бессильны! Сегодня его наводняют китайцы, чилийцы, мексиканцы, европейцы, иностранцы всех цветов кожи. Одно яйцо, мистер

Юинг, будьте так любезны, сообщите нам, сколько ныне в Сан-Франциско платят за одно яйцо».

«Доллар, так писала мне моя жена».

«Один американский доллар за обычное яйцо! — Улыбка у капитана Молинё была в точности такой же, как у мумифицированного крокодила, какого мне довелось однажды увидеть в мануфактурной лавке в Луизиане. — Несомненно, человеку с вашей проницательностью стоит над этим поразмыслить?»

Миссис Хоррокс одурачить было непросто. «Скоро все золото будет там добыто».

«Да, мадам, но голодный, шумный, разбогатевший город Сан-Франциско — всего в трех неделях ходу для такой образцовой шхуны, как моя „Пророчица“, — никуда не денется, и участь его кристально ясна. Сан-Франциско станет Лондоном, Роттердамом и Нью-Йорком Тихого океана».

Наш capitan de la casa[255] поковырял у себя в зубах костью голубой рыбы. «А вы, мистер Юинг, уверены, что продукты, выращиваемые на наших плантациях, смогут приносить нам в вашем городе хорошую прибыль, — странно было слышать,

---

[255] Примечания: 255
Хозяин дома (исп.).

как превозносят наш скромный городок! — как в настоящий момент, так и после прекращения золотой лихорадки?»

Моя правдивость была той картой, которую капитан Молинё разыгрывал для своего хитроумного выигрыша, но, как оказалось, солгал ровно в той мере, чтобы как разъярить его, так и помочь ему. «Да, уверен».

Джайлз Хоррокс снял свой пасторский воротник. «Не сопроводите ли меня в мой кабинет, Джонатан? Я весьма-таки горжусь его крышей. Сам ее сконструировал, чтобы она могла противостоять ужасным тайфунам».

«В самом деле, Джайлз? — отозвался капитан Молинё. — Что ж, ведите».

Хотя имя доктора Генри Гуза вплоть до нынешнего утра было в Назарете неизвестно, как только вифлеемские дамы прослышали, что на берегу оказался прославленный английский хирург, они припомнили все виды болезней и выстроились в многочисленную очередь к пастората. (Как странно снова оказаться среди прекрасного пола после столь многих дней пребывания взаперти вместе с полом куда более безобразным!)

Великодушие моего друга не позволяло ему отказать ни единой просительнице, так что салон

миссис Хорркс был реквизирован, преобразован в его врачебный кабинет и задрапирован тканью, долженствовавшей обеспечить приличествующие врачебным занятиям ширмы. Мистер Бурхаав вернулся на «Пророчицу», чтобы позаботиться о лишнем свободном пространстве в трюмах.

Я попросил у Хорроксов разрешения обследовать Вифлеемский залив, но на берегу было нестерпимо жарко, а песчаные блохи кусались неимоверно, так что я направил свои стопы обратно на «Главную улицу», к церкви, откуда доносилось пение псалмов. Мне хотелось принять участие в послеполуденном богослужении. Ни единая душа, ни собака, ни даже какой-нибудь абориген не нарушали воскресного спокойствия. Заглянув в полутемную церковь, я обнаружил в ней такой плотный дым, что, испугавшись, по ошибке подумал, будто все здание охвачено огнем! Пение теперь смолкло, сменившись хоровым кашлем. Мне предстали полсотни черных спин, и я осознал, что источником дыма был не огонь или ладан, но табак-сырец, ибо каждый из присутствовавших пыхал трубкой.

За кафедрой стоял дородный белый, проповедуя на этом смешанном языке — «антиподском

кокни». Вид столь неформального отправления службы не оскорблял меня, пока не стало очевидным содержание «проповеди». Цитирую: «Так что пришло времечко, эта, шоб святой Петр, эта, ко' мисса Иисус звал Милашка Петр-волынщик, короче, он пригнал из Рима и ну учить этих крючконосых евреев с Палестины, шо к чему насчет этого Старичка-Табачка, и тому же теперя я вас учу, ясно, э?» Он прервался, чтобы дать кому-то индивидуальное наставление. «Не, Деготь, ты все делаешь не так, э, ты грузи табачок в толстый конец, э, вот в этот, сечешь, э, Г-ь на тя чхни! скока раз я те грил, эта вот — черенок, а эта — д-я чашка. Делай, как Ильная Рыба, он ведь рядом, да не, дай я те покажу!»

Прислонившись к шкафу поодаль (где, как я позже удостоверился, хранились сотни экземпляров Святой Библии на полинезийском — перед нашим отбытием надо будет попросить одну как сувенир), стоял изможденный, ссутулившийся белый, наблюдая за курительной процедурой. Я представился ему — шепотом, чтобы не отвлекать курильщиков от их проповеди. Молодой человек назвался Уэгстаффом и объяснил мне, что дородный мужчина за кафедрой — это «директор курительной школы Назарета».

Я признался, что подобное учебное заведение мне неизвестно.

«Это идея отца Кверхена, из таитянской миссии. Вы должны понимать, сэр, что обычный полинезиец пренебрегает трудом, потому что у него нет причин ценить деньги. „Если я голоден, — говорит он, — то пойду и нарву чего-нибудь или поймаю. Если мне холодно, велю своей женщине меня согреть“. Праздные руки, мистер Юинг, а мы с вами оба знаем, какое занятие для них подыскивает дьявол. Но прививая ленивому имяреку мягкое вожделение к этому безвредному растению, мы даем ему побуждение заработать денег, чтобы купить себе табачку — не спиртного, учтите, просто табачку — в торговой точке миссии. Остроумно, не правда ли?»

Как я мог не согласиться?

Свет идет на убыль. До меня доносятся детские голоса, октавы экзотических птиц, звуки прибоя, ударяющего в берег бухты. Генри ворчит — у него куда-то подевались запонки для манжет. Миссис Хоррокс, чьим гостеприимством мы сегодня наслаждаемся, прислала служанку с известием, что обед подан.

Понедельник, 9 декабря

Продолжение вчерашнего повествования. После того как ученики курительной школы были распущены по домам (некоторые из них покачивались и явно испытывали тошноту, но их учитель, странствующий торговец табаком, заверил нас: «Они попадутся на крючок, как собаки-рыбы, не пройдет и пары дней!»), хребет зноя оказался переломлен, хотя сам мыс Назарет все еще жарился на пылающем солнце. Мистер Уэгстафф шагал рядом со мной по поросшей лесом полосе земли, которая напоминала руку, плечом проталкивающуюся к северу от Вифлеемского залива. Младший сын священника из Грейвсенда, мой проводник, с младых ногтей возымел склонность к миссионерской деятельности. Общество, по договоренности с пастором Хорроксом, направило его сюда, чтобы он женился на некоей вдове из Назарета, Элизе, урожденной Мэппл, и стал отцом для ее сына, Дэниела. Он прибыл на эти берега в мае прошлого года.

Какое счастье, провозгласил я, проживать в подобном Эдеме; но моя шутливость уязвила чувства молодого человека. «В первые свои дни

здесь и я так думал, сэр, но теперь, право же, и не знаю. Я вот что хочу сказать: Эдем — это, конечно, превосходное место, но все живые существа здесь совершенно дики, они так кусаются и царапаются! Язычник, обращенный к Господу, — душа спасенная, это понятно, но здешнее солнце никогда не перестает жечь, а волны и камни сверкают так ярко, что у меня болят глаза, пока не опускаются сумерки. Бывают моменты, когда я все бы отдал за туманы Северного моря. Эта местность заставляет терзаться наши души, если уж быть честным, мистер Юинг. Моя жена проживает здесь с тех пор, как была маленькой девочкой, но ей от этого нисколько не легче. Можно было бы ожидать, что дикари будут испытывать к нам благодарность, ведь мы их учим, лечим, предоставляем работу и жизнь вечную! Да, они говорят вам „Пожалуйста, сэр“ и „Спасибо, сэр“, и звучит это довольно мило, но здесь, — Уэгстафф постучал себя по сердцу, — вы не ощущаете ничего. Да, это может выглядеть как Эдем, но на деле Райатеа — это юдоль столь же скорбная, как и любое другое место на земле. Да, тут нет змей, но дьявол усердствует здесь так же, как и повсюду. Эти муравьи! Муравьи проникают повсюду. Они забираются в еду, в одежду, забираются даже вам

в нос! Пока мы не обратим этих Богом проклятых муравьев, эти острова никогда не будут воистину нашими».

Мы подошли к его скромному жилищу, выстроенному первым мужем его жены. Внутрь мистер Уэгстафф меня не пригласил, но сам вошел, чтобы принести фляжку с водой для дальнейшей нашей прогулки. Я прошелся по небольшому саду, в котором орудовал тяпкой чернокожий садовник. Спросил, что он собирается посадить.

«Дэвид нем, — обратилась ко мне из дверного проема женщина в обвислом и грязном фартуке. Боюсь, что ее внешность я могу назвать лишь неряшливой, а манеру себя держать — распущенной. — Нем как рыба. А вы — тот английский доктор, что остановился у Хорроксов?»

Я объяснил, что являюсь американским нотариусом, и спросил, не имею ли я честь обращаться к миссис Уэгстафф.

«Да, именно так было записано в объявлении о помолвке и брачном свидетельстве».

Я сказал, что если она желает проконсультироваться у доктора Гуза, то его временный врачебный кабинет находится в доме Хорроксов. Заверил ее, что Генри — поистине превосходный врач.

«Настолько превосходный, что сумеет меня похитить, восстановить все даром растраченные здесь годы и устроить меня в Лондоне с тремя сотнями фунтов годовых?»

Для исполнения подобной просьбы, признал я, возможностей моего друга недостанет. «Тогда, сэр, ваш превосходный врач ничего для меня сделать не может». Услышав хихиканье в кустах у себя за спиной, я обернулся и увидел кучку чернокожих мальчишек (занятно было отметить, как много светлокожих отпрысков дают так называемые «межрасовые» союзы). Не обращая больше внимания на детей, я повернулся обратно и увидел, как белый мальчик двенадцати-тринадцати лет, такой же чумазый, как его мать, проскользнул мимо миссис Уэгстафф, которая не попыталась ему воспрепятствовать. Сын ее проказничал, будучи таким же голым, как и его местные приятели! «Эй, юноша, — с упреком воззвал к нему я, — а не случится ли у тебя солнечный удар, если ты будешь бегать в таком виде?» В голубых его глазах вспыхнул дикий свет, и он что-то пролаял в ответ на полинезийском, что озадачило меня в той же мере, в какой позабавило негритят, которые унеслись прочь, словно стайка зеленушек.

Мистер Уэгстафф, очень взволнованный, шел

вслед за мальчиком. «Дэниел! Вернись! Дэниел! Я знаю, что ты меня слышишь! Я тебя выпорю! Слышишь? Я выпорю тебя! — Он повернулся к своей жене. — Миссис Уэгстафф! Вы что, хотите, чтобы ваш сын вырос дикарем? По крайней мере, заставляйте парня одеваться! Что только подумает мистер Юинг!»

Если бы презрение миссис Уэгстафф к своему молодому мужу можно было разлить по бутылкам, его следовало бы продавать в качестве крысиного яда.

«Мистер Юинг подумает все, что мистеру Юингу угодно будет подумать. К тому же завтра он отбудет отсюда на своей чудной шхуне, забрав с собой все свои думы. В отличие от нас с вами, мистер Уэгстафф, которые здесь подохнут, и я молю Бога, чтобы это случилось поскорее. — Она повернулась ко мне. — Мой муж, сэр, не в состоянии завершить свое обучение, так что печальная моя участь состоит в том, чтобы объяснять очевидное по десять раз на дню».

Не склонный смотреть, как мистеру Уэгстаффу наносит унижение его собственная жена, я отвесил неопределенный поклон и вышел за изгородь. До меня доносились звуки мужского возмущения, попираемого женскими издевками,

и я сосредоточил все свое внимание на пении птички неподалеку, чей припев для моего слуха звучал так: Тоби не болтает, не-е-ет… Тоби не болтает…

Присоединившись ко мне, мой проводник выглядел более чем приунывшим. «Прошу прощения, мистер Юинг, нервы у миссис Уэгстафф сегодня ужасно расстроены. Она почти не спала из-за жары и назойливых мух». Я заверил его, что «вечный полдень» Южных морей подвергает испытанию даже самые стойкие характеры. Мы шли под липкими листьями пальм, вдоль сужающегося мыса, отравленного гниющей зеленью и пушистыми гусеницами толщиною с мой большой палец, падавшими с усеянных когтями ветвей изысканных геликоний.

Молодой человек рассказал мне о том, как Миссионерское общество заверило его семью в безупречном воспитании его суженой. Пастор Хоррокс обвенчал их на другой день после его прибытия в Назарет, когда очарование тропиков все еще застилало ему взор. (Почему Элиза Мэппл удовольствовалась таким заранее обусловленным союзом, остается неясным: Генри предполагает, что широта и климат «расковывают» представительниц слабого пола и делают

их сговорчивыми.) «Слабохарактерность» невесты мистера Уэгстаффа, ее подлинный возраст и буйная натура Дэниела проявились едва ли не до того, как высохли чернила на документах о заключении брака. Отчим пытался бить своего нового подопечного, но это приводило к таким «злобным встречным обвинениям» со стороны как матери, так и пасынка, что он не знал, куда деваться. Вместо того, чтобы хоть как-то помочь мистеру Уэгстаффу, пастор Хоррокс сурово наказывал его за слабоволие, и, по правде сказать, девять дней из десяти он был не менее жалок и несчастен, чем Иов. (Какими бы ни были невзгоды мистера Уэгстаффа, могут ли они сравниться с паразитическим Червем, пожирающим твои церебральные каналы?)

Думая отвлечь опечаленного юношу предметами более материальными, я спросил, почему Библии в таком огромном количестве лежат в церкви неприкосновенными (и, сказать по правде, никем, кроме книжных вшей, не читаются). «Было бы правильнее, если бы об этом рассказал пастор Хоррокс, но, вкратце, дело обстоит так: миссия залива Матавия первой перевела Слово Божие на полинезийский, и местные миссионеры, пользуясь теми Библиями, добились стольких

обращений, что старейшина Уитлок — один из основателей Назарета, ныне покойный, — убедил Миссионерское общество повторить этот эксперимент и здесь. Дело в том, что в свое время он был подмастерьем печатника в Хайгейте. Так что вместе с оружием и инструментами первые миссионеры доставили сюда печатный станок, бутыли с типографской краской, наборы шрифтов и рулоны бумаги. В течение десяти дней после основания миссии в Вифлеемском заливе были отпечатаны три тысячи молитвенников для миссионерских школ, еще до того, как были разбиты сады. Затем последовали Назаретские часовни, и Слово с островов Общества распространялось от островов Кука до Тонга. Но теперь станок заржавел, и у нас на руках тысячи экземпляров Библии, просящих себе владельца, а почему?»

Догадаться я не смог.

«Не хватает индейцев. Корабли завезли сюда болезнетворную пыль, черные вдыхали ее, распухали от разных недугов и валились, словно волчки, у которых кончился завод. Тем, кто выжил, мы внушаем, что такое моногамия и брак, но их союзы не допускают верности». Я поймал себя на том, что гадаю, сколько месяцев прошло с той поры, когда мистер Уэгстафф в последний

раз улыбался. «Кажется, здесь принято, — предположил он, — убивать того, кого лелеешь и о ком заботишься».

Тропа закончилась у шелушащейся «болванки» черного коралла длиной в двадцать ярдов, а высотой — в два человеческих роста. «Это называют здесь марай, — сообщил мне мистер Уэгстафф. — Мне говорили, что в Южных морях их можно встретить повсюду». Мы вскарабкались наверх, и мне открылся прекрасный вид на «Пророчицу», находившуюся для умелого пловца на расстоянии легкого «омовения». (Финбар опорожнял через борт какую-то бочку, а на макушке бизань-мачты я усмотрел черный силуэт Аутуа, который зарифлял фок.)

Я поинтересовался, каково происхождение и назначение марай, и мистер Уэгстафф удовлетворил мое любопытство, очень кратко. «Всего лишь поколение назад индейцы вопили, совершали кровопролития и приносили жертвы своим ложным идолам как раз на этих камнях, где мы с вами стоим». Мои мысли обратились к Пиршественному берегу на острове Чатем. «Теперь Христовы Стражи задают любому черному, который посмеет сюда ступить, изрядную порку. Или задавали бы. А местные дети не знают даже

имен прежних идолов. Теперь здесь одни только крысиные норы и щебень. Вот во что однажды превращаются все верования. В гнездовища крыс и каменные обломки».

Меня окутали лепестки и запах плумерии.

Моей соседкой за обеденным столом была миссис Дербишир, вдова лет под шестьдесят, настолько же горькая и твердая, как зеленые желуди. «Признаюсь, я неприязненно отношусь к американцам, — сказала она мне. — Они убили моего обожаемого дядюшку Сэмюеля, полковника артиллерии Его Величества, во время войны 1812 года». Я принес ей (без какого-либо желания) свои соболезнования, однако добавил, что, хотя моего собственного обожаемого дядюшку убили англичане во время тех же событий, некоторые из самых близких моих друзей — британцы. Доктор чересчур громко рассмеялся, исторгнув из себя вопль: «Браво, Юинг!»

Миссис Хоррокс перехватила штурвал управления разговором, прежде чем мы успели наткнуться на рифы. «Ваши наниматели, мистер Юинг, проявили огромное доверие к вашим способностям, поручив вам дело, требующее столь длительного и тягостного путешествия». Я отозвался, что да, я имею достаточно веса как

нотариус, чтобы мне доверили мое нынешнее поручение, но вес этот, увы, недостаточен, чтобы от этого поручения отказаться. Понимающее цоканье вознаградило мою скромность.

Пастор Хоррокс произнес благодарственную молитву над тарелками с черепаховым супом и призвал благословение Божье на новое свое деловое предприятие с капитаном Молинё, а затем, пока все мы ели, принялся проповедовать на свою излюбленную тему. «Я всегда непоколебимо придерживался мнения, что в нашем цивилизованном мире Бог проявляет себя не в чудесах Библейской поры, но в Прогрессе. Именно Прогресс возводит человечество по лестнице прямо к Божественности. Это не лестница Иакова, но, скорее, „лестница Цивилизации“, если угодно. Выше всех прочих рас на этой лестнице находятся англосаксы. Латинская раса стоит на пролет или два ниже. Еще ниже располагаются азиаты — трудолюбивая раса, никто не может отрицать, но ей недостает нашего арийского мужества. Синологи настаивают, что когда-то они достигали величия, но где же ваш желтокожий Шекспир, я спрашиваю, где ваш узкоглазый да Винчи? Так что вопрос снимается. Еще ниже мы имеем негров. Добронравных чернокожих можно на-

учить прибыльно трудиться, но вот негр буйный — это поистине воплощение дьявола! Американские индейцы тоже способны выполнять подсобную работу на калифорнийских фермах, не так ли, мистер Юинг?»

Я сказал, что так оно и есть.

«Теперь возьмем наших полинезийцев. Тот, кто с целью изучения данного вопроса побывал на Таити, Гавайях или Вифлееме, согласится, что тихоокеанские островитяне при тщательном наставлении могут обучиться азам грамотности, счета и благочестия, превосходя таким образом негров и состязаясь с азиатами в трудолюбии».

Перебив его, Генри заметил, что маори поднялись уже до азов меркантилизма, дипломатии и колониализма.

«Это подтверждает мое мнение. Наконец, ниже всех и в наименьшем количестве идут так называемые „неисправимые расы“: австралийские аборигены, патагонцы, различные африканские племена и т. д., всего лишь на один пролет отстоящие от человекообразных обезьян и столь закоснелые в отношении Прогресса, что, боюсь, подобно мастодонтам и мамонтам, ускоренное „сбрасывание с лестницы“ — вслед за их двоюродными братьями, гуанчами, обитателями

Канарских островов и тасманийцами — самая милосердная для них перспектива».

«Вы имеете в виду, — покончив со своим супом, спросил капитан Молинё, — истребление?»

«Именно, капитан, именно. Законы природы и Прогресс действуют заодно. Наш век станет свидетелем того, как человеческие племена исполнят пророчества, запечатленные в их расовых чертах. Высшие расы низведут количество чрезмерно расплодившихся дикарей до того уровня, что диктуется природой. Могут воспоследовать неприятные сцены, но люди, обладающие интеллектуальным мужеством, не должны отступать. Ведь после этого установится величественный порядок, когда каждая раса будет знать и, более того, ценить свое место на Господней лестнице цивилизации. Вифлеемский залив являет собой проблеск грядущей зари».

«Да будет так, пастор. Аминь», — отозвался капитан Молинё. Некий мистер Гослинг (жених старшей дочери Хоррокса) ломал себе руки, умасленный и восхищенный. «Если осмелюсь заметить, сэр, меня удручает это, почти как… да, лишение бенефиции, если ваша теория останется, сэр, неопубликованной. „Лестница Цивилизации Хоррокса“ прославит Королевское Общество на

весь мир!»

«Нет, мистер Гослинг, я должен трудиться здесь, — сказал пастор Хоррокс. — Тихоокеанские острова сами должны найти нового Декарта,[256] нового Кювье».[257]

«Очень умно с вашей стороны, пастор, — сказал Генри, прихлопнув какую-то мошку и изучая ее останки, — держать свою теорию при себе».

«Почему это?» — вскинулся наш хозяин, не в силах сдержать раздражения.

«Да ведь при внимательном рассмотрении становится совершенно очевидно, что ваша „теорема“ избыточна, коль скоро достаточно простого закона».

«Какой закон вы имеете в виду, сэр?»

«Первый из „Двух Законов Гуза о Выживании“. Он звучит так: „Кто слаб, тот всегда для сильных еда“».

«Но ваш „простой закон“ никак не раскрывает фундаментальной тайны — „Почему белые расы господствуют надо всем миром?“».

---

[256] Примечания: 256

Декарт, Рене (1596–1650) — французский философ-рационалист, физик, физиолог и математик.

[257] Примечания: 257

Кювье, Жорж (1769–1832) — французский зоолог, реформатор сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных, сторонник теории катастроф.

Генри со смешком зарядил воображаемый мушкет, прищурив глаз, навел ствол, а затем заставил всех присутствующих вздрогнуть: «Бах! Бах! Бах! Понятно? Завалить его, пока он не успел выпустить из духовой трубки отравленную стрелу!»

«Ах!» — в смятении воскликнула миссис Дербишир.

«Где же ваша фундаментальная тайна?» — пожимая плечами, сказал Генри.

У пастора Хорркокса окончательно испортилось настроение. «Вы подразумеваете, что белые расы правят земным шаром не благодаря милости Божьей, но благодаря мушкету? Но подобное утверждение — это всего лишь та же самая тайна, облаченная в чужое платье! Как могло случиться, что мушкет попал в руки белого человека, а не, скажем, эскимоса или пигмея, если не по августейшей воле Вседержителя?»

Ответ Генри не заставил себя ждать: «Наше оружие не было сброшено к нам в руки в один прекрасный день. Это не манна с Синайских небес. Со времен битвы при Азенкуре[258] белый человек совершенствовал и развивал пороховые науки, пока современные наши армии не

[258] Примечания: 258

Битва при Азенкуре (1415) — сражение Столетней войны между англичанами и французами.

стали в состоянии уложить своими мушкетами десятки тысяч! „Ага! — скажете вы. — Но почему мы, арийцы? Почему не унипеды Ура или мандраки Маврикия?“ Потому, пастор, что, по сравнению со всеми прочими расами мира, наша любовь — или, скорее, жадность — к драгоценностям, золоту, специям и власти, да, более всего к этой сладостной власти, является самой острой, ненасытной и неразборчивой в средствах! Эта жадность, да, движет нашим Прогрессом; не знаю уж, к аду он нас приведет или к раю, и вы, сэр, не знаете. Да я особо и не беспокоюсь. Я лишь чувствую благодарность к своему Творцу за то, что он поместил меня в стан победителей».

Ошибочно истолковав прямолинейность Генри как неучтивость, пастор Хоррокс, Наполеон своей экваториальной Эльбы, весь раскраснелся от возмущения. Я сказал несколько лестных слов нашей хозяйке по поводу ее супа (хотя на самом деле из-за постоянной потребности в вермициде мне трудно было переваривать что-либо, кроме самой простой пищи) и спросил, выловили ли этих черепах на окрестных побережьях или же доставили откуда-то издалека.

Позже, лежа в кровати среди удушливой тьмы, когда его могли подслушать только гекконы, Ген-

ри признался, что дневной его врачебный прием был «парадом загорелых истеричек, которым не требуется никакой медицинской помощи, но необходимы торговцы чулками и бельем, модистки, изготовители дамских шляпок, парфюмеры и производители всей прочей амуниции для их пола!» Его «консультации», добавил он, на одну часть касались медицины, а на девять других — злословия и сплетен. «Все божатся, что их мужья покрывают местных женщин, и живут в смертельном страхе „что-нибудь“ подцепить. Платочки в воздухе так и порхали».

От его признаний мне стало не по себе, и я решился заметить, что Генри мог бы проявить хоть немного сдержанности, когда спорил с нашим хозяином. «Дражайший Адам, я проявлял сдержанность, и отнюдь не малую! Мне вот что хотелось крикнуть этому старому глупцу: „Зачем приукрашивать ту простую истину, что мы подгоняем более темные расы к могиле, чтобы захватить их землю и ее богатства? Волки, сидя в своих логовах, не стряпают бредовых теорий о расах, чтобы оправдаться в пожирании стада овец! Интеллектуальное мужество! Подлинное интеллектуальное мужество состоит в том, чтобы покончить с этими фиговыми листками и

признать, что все люди суть хищники, но мы, белые хищники, с нашим смертоносным содружеством болезнетворной пыли и огнестрельного оружия, являемся образчиками хищничества par excellence,[259] ну и что из того?“».

Меня огорчает, что преданный своему делу целитель и добронравный христианин может поддаться такому цинизму. Я попросил его изложить мне Второй Закон Гуза о выживании. Генри ухмыльнулся в темноте и прочистил горло. «Второй закон о выживании состоит в том, что второго закона нет. Ешь или будь съеденным. Вот и все». Вскоре после этого он стал похрапывать, но мой Червь заставлял меня бодрствовать, пока не начали бледнеть звезды. Гекконы ловили мух и мягко шлепали лапами по моей простыне.

Рассвет был душным и алым, словно страстоцвет. Местные мужчины и женщины одинаково тяжело взбирались по «Главной улице» к церковным плантациям на вершине холма, где они работают до тех пор, пока послеполуденная жара не станет невыносимой. Прежде чем прибыла шлюпка, чтобы забрать нас с Генри обратно на «Пророчицу», я сходил посмотреть, как рабочие

---

[259] Примечания: 259
По преимуществу (фр.).

пропалывают копру от сорняков. Сверх ожидания, этим утром надсмотрщиком выпало быть молодому мистеру Уэгстаффу, и он отправил местного мальчика принести для нас кокосового молока. Я воздержался от вопросов о его домашних, а сам он о них не упоминал. В руке у него был кнут, но он сказал: «Я редко пускаю его в ход сам, для этого есть Стража Христова. Я просто слежу за следящими».

Трое из этих уполномоченных приглядывали за своими товарищами, запевали псалмы (в качестве рабочих песен) и наказывали лодырей. Мистер Уэгстафф был менее расположен к разговору, нежели накануне, и мои шутливые замечания падали в тишину, нарушаемую лишь звуками, производимыми джунглями и работающими. «Вы ведь думаете, что мы сделали из свободных людей рабов?»

Я уклонился от прямого ответа, сказал лишь, что, как объяснил нам мистер Хоррокс, их труд оплачивал те блага Прогресса, которые принесла им миссия. Мистер Уэгстафф меня не слышал. «Существует такая порода муравьев, их называют работворцами. Они совершают набеги на колонии обычных муравьев, крадут там яйца, доставляют в собственные муравейники, и, после

того как они выводятся, украденные рабы становятся рабочими в большей империи. Им даже не снится, что они когда-то были украдены. Если хотите знать мое мнение, мистер Юинг, Господь Иегова создал этих муравьев как модель. — Взгляд мистера Уэгстаффа был отягощен древним будущим. — Имеющие очи да увидят».

Люди неустойчивого характера меня нервируют, а мистер Уэгстафф оказался именно таким. Я принес ему свои извинения и отправился в следующий свой «порт захода», а именно в школу. Здесь юные назареяне обоих цветов кожи изучают Писание, арифметику и основы прочих предметов. Миссис Дербишир учит мальчиков, а миссис Хоррокс — девочек. После полудня белым детям полагаются три часа дополнительных занятий по учебному плану, согласному с их положением (хотя Дэниел Уэгстафф никак, похоже, не поддается на уловки своих преподавателей), в то время как их темнокожие приятели присоединяются к своим родителям и работают в поле вплоть до ежедневной вечери.

В мою честь было устроено небольшое представление. Десять девочек, пять белых и пять черных, прочитали каждая по одной из десяти заповедей. Потом меня потчевали пением: испол-

нялась песня «О, как же дома ты возлюблен!» под аккомпанемент миссис Хоррокс на пианино, явно знававшем лучшие времена. Потом девочкам предоставили возможность задавать посетителю вопросы, однако руки поднимали только белые. «Сэр, вы знакомы с Джорджем Вашингтоном?» — «К сожалению, нет». — «Сколько лошадей запрягаете вы в свою карету?» — «Мой тесть запрягает четырех, но я предпочитаю обходиться одной». Самая маленькая девочка спросила у меня: «Бывает ли у муравьев головная боль?» (Если бы ее одноклассницы не довели ее своим хихиканьем до слез, я мог бы до сих пор так и стоять там, размышляя над ее вопросом.) Я сказал ученицам, чтобы они жили в согласии и слушались старших, потом вышел. Миссис Хоррокс сказала мне, что когда-то отбывающим дарили гирлянды из плумерии, но старейшины полагают гирлянды безнравственными. «Если сегодня разрешить гирлянды, то завтра начнутся танцы. Если завтра начнутся танцы…» Она содрогнулась.

Очень жаль.

К полудню матросы загрузили товары из Назарета в трюмы, и «Пророчицу» стали верповать из залива против неблагоприятного ветра. Мы с Генри удалились в кают-компанию, укрываясь от

брызг и проклятий. Мой друг сочиняет эпическую поэму в байроновских стансах под названием «Доподлинная история Аутуа, последнего из мориори» и отрывает меня от ведения дневника, спрашивая, что с чем лучше рифмуется: «Кровь рекой», «На убой» или «Прочь, покой!».

Я вспоминаю о тех преступлениях, которые мистер Мелвилл вменяет в вину тихоокеанским миссионерам в недавнем своем отчете о событиях в долине Тайпи.[260] Может, так же, как среди коков, врачей, нотариусов, церковников, капитанов и королей, среди евангелистов тоже встречаются и хорошие, и плохие? Возможно, индейцы островов Общества и Чатема были бы куда счастливее, если бы остались «неоткрытыми», но говорить так — все равно что пытаться докричаться до луны. Разве не следует нам рукоплескать усилиям мистера Хоррокса и его собратьев, направленным на то, чтобы помочь индейцам взбираться по «лестнице Цивилизации»? Разве в этом восхождении — не единственное спасение для них?

Я не знаю ответа и не знаю, откуда являлась ко

---

[260] Примечания: 260

Я вспоминаю о тех преступлениях, которые мистер Мелвилл вменяет в вину тихоокеанским миссионерам в недавнем своем отчете о событиях в долине Тайпи — Имеется в виду «Тайпи» (1846) — первый роман Г. Мелвилла.

мне уверенность в молодые годы.

Во время ночи, проведенной нами в пасторате Хорроксов, какой-то взломщик забрался в мой гроб и, не сумев найти ключ от моего сундука (я ношу его на шее), попытался взломать замок. Если бы негодяю это удалось, то теперь все дела и документы мистера Басби стали бы кормом для морских коньков. Как бы я хотел, чтобы наш капитан был слеплен из того же теста, что и достойный доверия капитан Биль! Я не осмелился сдать свои ценности под опеку капитана Молинё, и Генри предостерег меня, чтобы я «не ворошил осиное гнездо», сообщая мистеру Бурхааву о попытке кражи, иначе расследование подстрекнет каждого вора на борту попытать счастья, как только я отвернусь. Полагаю, он прав.

Понедельник, 16 декабря

Сегодня в полдень солнце светило совершенно отвесно, и развязалась вся эта вздорная чепуха, известная как «пересечение линии», когда «девственниц» (тех членов команды, которые впервые пересекают экватор) подвергают разным издевкам и окунаниям, уместным на взгляд тех морских волков, что проводят такие церемонии. Здравомыслящий капитан Биль не тратил на это время, когда мы плыли в Австралию, но моряки на «Пророчице» не желали отказываться от потехи. (Я считал, что все понятия о «веселье» преданы мистером Бурхаавом анафеме, пока не увидел, с какими жестокостями сопряжены эти «развлечения».) Финбар предупредил нас, что двумя «девственницами» будут Рафаэль и Бентнейл. Последний плавал уже два года, но только на рейсах Сидней-Кейптаун.

Во время полувахты матросы растянули на полубаке навес и собрались вокруг кабестана, где «царь Нептун» (Покок в нелепом балахоне и парике из швабры) вершил свой суд. Девственниц привязали к кат-балкам, как двух святых Себастьянов. «Костоправ и мистер Щелкопер! —

возопил Покок, увидев нас с Генри. — Вы что, пришли спасти наших девственных сестер от моего шелудивого дракона?» Покок непристойно отплясывал со свайкой в руке, а все прочие с похотливым смехом хлопали в ладоши. Генри, усмехнувшись, заметил, что лично он предпочитает девственниц без бород. Ответный выпад Покока насчет девичьих бород слишком неприличен, чтобы можно было доверить его бумаге.

Его ракушками обросшее Величество снова повернулся к своим жертвам. «Бентнейл из Кейптауна, и ты, Подонок из Города Осужденных, готовы ли вы вступить в Орден сыновей Нептуна?» Рафаэль, чей мальчишеский дух воскрес из-за гротескных ужимок, живо ответил: «Да, ваша милость!» Бентнейл угрюмо кивнул. Нептун прорычал: «Не-е-е-е-е-ет! Не прежде чем мы сбреем эту д-ую чешую с ваших болотных морд! Принесите мне крем для бритья!» Торгни поспешил к узникам с ведром дегтя, который кистью нанес им на лица. Затем появился Гернси, одетый как царица Амфитрита, и принялся удалять деготь лезвием. Уроженец Кейптауна изрыгал проклятия, которые вызывали много веселья и немало «ошибок» в скольжении лезвия. Рафаэлю достало здравого смысла вынести свое

испытание молча. «Лучше, лучше», — ворчал Нептун, а потом заорал: «Завязать им обоим глаза и провести Молодого Подонка в зал судебного заседания!»

Этот «зал» был бочкой с соленой водой, в которую Рафаэля сунули головой вперед, а все вокруг стали хором считать до двадцати, после чего Нептун приказал своим «придворным»: «Выудите моего нового гражданина!» С глаз его сняли повязку, и паренек привалился к фальшборту, чтобы оправиться после перенесенных издевок.

Бентнейл, будучи куда менее покладистым, все время вопил: «Пустите меня, вы, с-и дети!» Царь Нептун в ужасе выкатил глаза. «Парни, эта вонючая пасть требует сорока, самое меньшее, в морской водичке, вот лопни мои глаза!» Сосчитав до сорока, африканера вытащили, и тот лающим голосом заорал: «Я всех вас поубиваю, всех до последнего, вы, козлы! Клянусь, я…» Ко всеобщему веселью, его погрузили в воду еще на сорок секунд. Когда Нептун объявил, что его приговор исполнен, тот уже был способен лишь задыхаться и слабо рыгать. Тогда мистер Бурхаав положил конец проказам, и новоиспеченные сыновья Нептуна стали отмывать свои лица с помощью пакли и бруска туалетного мыла.

За обедом Финбар все еще посмеивался. Что до меня, то жестокость никогда не заставляла меня улыбаться.

Среда, 18 декабря

На море — чешуйчатая рябь, почти безветрие, терм, по-прежнему показывает около 90.[261] Матросы вымыли свои гамаки и развесили их для просушки. С каждым днем головные боли у меня начинаются все раньше, и Генри еще раз увеличил мне дозу вермицида. Я молюсь, чтобы его запасы не иссякли, пока мы не бросим якорь у Гавайев, ибо ничем не смягчаемая боль расколет мне череп вдребезги. В остальное время мой доктор занят множественными случаями рожистого воспаления и летнего поноса на «Пророчице».

Нынешнюю моя послеполуденную прерывистую дремоту оборвал какой-то гвалт и гомон, так что я поднялся на палубу и увидел там молодую акулу, которую поймали на крючок и подняли на борт. Она довольно долго билась в своей собственной рубиновой крови, пока Гернси не объявил, что она сдохла полностью и окончательно. Пасть ее и глаза напомнили мне мать Тильды. Финбар разделал ее тушу на палубе и не смог полностью израсходовать ее мякоть в своем камбузе (похоже

---

[261] Примечания: 261
По Фаренгейту — то есть около 35 °C.

на жесткую молодую треску). Самые суеверные из моряков отвергли это угощение по причине того, что акулы, как известно, едят людей, а следовательно, есть акулье мясо — это, косвенным образом, каннибализм. Мистер Сайкс с выгодой провел послеполуденное время, изготовляя наждак из шкуры этой огромной рыбы.

Пятница, 20 декабря

Возможно ли, чтобы тараканы откармливались на мне, пока я сплю? Сегодня утром один из них разбудил меня тем, что прополз по моему лицу и попытался что-то выковырять и съесть у меня из ноздри. Честное слово, длиной он был в шесть дюймов! Мной овладело неистовое желание убить этого гигантского жука, но в моей тесной и сумрачной каюте все преимущества были на его стороне. Я пожаловался Финбару, и тот потребовал у меня доллар за специально обученную «тараканью крысу». Позже он, несомненно, захочет продать мне «крысиную кошку», чтобы извести тараканью крысу, потом мне потребуется кошачья собака, и кто знает, чем все это закончится?

Суббота, 22 декабря

Жара, такая жара, что я весь таю, чешусь и покрываюсь волдырями. Сегодня утром я проснулся от причитаний падших ангелов. Я слушал их в своем гробу, меж тем как мгновения развертывались в минуты, гадая, какое новое коварство замыслил мой Червь, пока сверху не раздался громовой вопль: «Вон фонтан!» Я открыл иллюминатор, но час был слишком ранним, чтобы можно было видеть отчетливо, так что, превозмогая слабость, заставил себя подняться по трапу. «Вон там, сэр, вон там!» — повторял Рафаэль, одной рукой поддерживая меня за талию, а другой куда-то указывая. Я крепко ухватился за поручень, ибо ноги теперь плохо меня держат. Паренек продолжал показывать. «Вон там! Как они чудесны, а, сэр?» В сумеречном свете я различил пену, всего в тридцати футах справа от носа судна. «В стае шесть!» — крикнул сверху Аутуа. Я услышал китовое дыхание, а потом почувствовал, как нас окатывают пенные капли! Я не мог не согласиться с парнем: киты действительно являли собой величественное зрелище. Один из них вздыбился над водой, упал и ушел под волны.

На фоне розовеющего востока виднелись силуэты их хвостовых плавников. «Какая жалость, что мы не на китобое, доложу я вам, — заметил Ньюфай. — В одном взрослом, должно, сотня бочек спермацету!» — «Только не я! — фыркнул Покок. — Ходил было на китобое, так там кэп был такая черная мразь, какой вы в жизни не видывали! После тех трех лет „Пророчица“ для меня — прогулочная лодочка!»

Я вернулся в свой гроб, отдыхаю. Мы проходим через огромную стаю горбачей с молодняком. «Вот там фонтан!» — звучит так часто, что никто уже и головы не повернет. Губы мои пересохли и шелушатся.

Цвет однообразия — голубой.

Канун Рождества

Сильный ветер, огромные волны и неистовая качка. Мой палец так распух, что Генри пришлось распилить мое обручальное кольцо, дабы оно не препятствовало циркуляции крови и не стало причиной водянки. Потеря этого символа моего союза с Тильдой удручает меня сверх всякой меры. Генри меня бранит: нельзя, мол, быть таким «тюфячком», и заверяет, что жена моя за пару недель поставит меня на ноги и без металлического обруча. Сейчас это кольцо находится на хранении у моего доктора, ибо он знает в Гонолулу одного золотых дел мастера, испанца, который починит его за разумную плату.

Рождество

Протяжная зыбь, оставленная вчерашним штормом. На рассвете волны казались горными хребтами, слегка позолоченными солнечными лучами, очень косо падающими под облаками цвета бургундского. Мне пришлось собрать все свои силы, чтобы добраться до кают-компании, где по нашему приглашению мистер Сайкс и мистер Грин разделили со мною и с Генри рождественскую трапезу отдельно от всех остальных. Финбар подал на обед чуть менее вредоносное блюдо, чем обычно, лобскос (соленая говядина, тушенная с капустой, ямсом и луком), так что большую его часть я был в состоянии удерживать у себя в желудке вплоть до более позднего времени. В сливовом пудинге сливы даже не ночевали. Капитан Молинё дал мистеру Грину указание, что матросская порция грога сегодня должна быть удвоена, так что к полудню вся команда набралась до краев. Обычные сатурналии. Немало выпивки досталось и несчастной обезьянке, которая увенчала свою пьяную рождественскую пантомиму прыжком за борт. Я удалился в каюту к Генри, и мы вместе прочли вторую главу Еван-

гелия от Матфея.

Съеденный обед произвел опустошительное действие на мою систему пищеварения и вызвал необходимость в частых посещениях гальюна. Выйдя оттуда в очередной раз, я обнаружил, что снаружи ожидает Рафаэль. Я извинился, что задержал его, но мальчик сказал, что нет, он сам подстроил эту встречу. Он признался, что у него неприятности, и задал мне такой вопрос: «Бог пускает к себе, так ведь, если ты сожалеешь… что бы ты ни сделал, он ведь не отправляет тебя… вы понимаете, — здесь голос юнги стал едва слышным, — в преисподнюю?»

Должен признаться, что мысли мои были больше заняты пищеварением, нежели теологией, и я выпалил, что за недолгий свой век Рафаэль вряд ли мог набрать смертный объем грехов. В свете раскачивающегося штормового фонаря я увидел, что лицо моего юного храбреца искажено страданием. Раскаиваясь в своем легкомыслии, я заверил его, что милосердие Всемогущего поистине безгранично, что «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих

нужды в покаянии».[262] Не желает ли Рафаэль довериться мне, спросил я, будь то как другу, или как товарищу по сиротству, или просто как сравнительно незнакомому человеку? Я сказал ему, что заметил, каким подавленным выглядит он в последнее время, и посетовал, как переменился тот восторженный мальчик, который взошел на борт в Сиднее, так жаждавший увидеть большой мир. Однако же, прежде чем он успел собраться с ответом, приступ диареи принудил меня вернуться в гальюн. Когда я вышел, Рафаэля уже не было. Я не стану на него нажимать. Мальчик знает, где меня можно найти.

[262] Примечания: 262

…«на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». — Лк 15:7.

Позже

Только что отбили семь склянок первой вахты. Червь причиняет моей голове такую боль, словно язык колокола ударяется о череп. (Болит ли голова у муравьев? Я бы с радостью превратился в муравья, лишь бы избавиться от этих мучений.) Как Генри и все остальные спали под это назойливое, разгульное и богохульное пение, я не знаю, но от души им завидую.

Я втянул носом немного вермицида, но он больше не приносит душевного подъема. Он всего лишь помогает мне чувствовать себя отчасти сносно. Затем я прошелся по палубам, но звезда Давида была скрыта плотными тучами. Несколько трезвых криков (в том числе и Аутуа), раздавшихся сверху, и мистер Грин, стоявший у штурвала, убедили меня, что не всей таки команде море было по щиколотку. Зыбь заставляла пустые бутылки перекатываться от левого борта к правому и обратно. Я споткнулся о бесчувственного Рафаэля, который калачиком свернулся вокруг бушприта, сжимая в безвольной руке пустую оловянную кружку. Его обнаженная юная грудь была покрыта какими-то коричнево-жел-

тыми пятнами. То, что мальчик нашел утешение в выпивке, а не в брате своем во Христе, меня самого заставило помрачнеть.

«Что, мистер Юинг, повинные мысли не дают отдыхать?» — проговорил какой-то дьявол у меня за плечом, и я выронил трубку. Это был Бурхаав. Я заверил голландца, что моя совесть ничем не обеспокоена, но я очень сомневаюсь, чтобы он мог заявить то же самое о себе. Бурхаав сплюнул за борт. Если бы у него появились вдруг клыки и рога, я бы нисколько не удивился. Он перекинул Рафаэля через плечо, шлепнул спящего мальчика по ягодицам и понес свою дремотную ношу к кормовому люку — хочется верить, чтобы уберечь его от беды.

День подарков

Вчерашняя запись заключает меня в тюрьму угрызений совести до конца дней моих. Как фальшиво она читается! Каким же я был недалеким! Ох, мне тошно об этом писать. Рафаэль повесился. Повесился в петле, перекинутой через нижнюю нок-рею грот-мачты. Он взошел на свою виселицу между окончанием своей вахты и первой склянкой. Судьба предназначила мне быть среди тех, кто его обнаружил. Я склонился над фальшбортом, ибо Червь, будучи изгоняем, вызывает приступы тошноты. В голубом полусвете я услышал крик и увидел мистера Роудрика, глядящего куда-то в небо. Лицо его исказило смятение, сменившееся недоверием, которое преобразовалось в горе. Его губы сложились, чтобы произнести какое-то слово, но ни единого слова не прозвучало. Он указывал на то, у чего не было наименования.

Там раскачивалось и терлось о парусину серое тело. Отовсюду извергался шум, но кто и что кому кричал, я не помню. Нет, Рафаэль не качался, он висел строго отвесно, как свинцовое грузило, в то время как швыряло и качало «Пророчицу».

Этот дружелюбный парнишка, безжизненный, точно овца на крюке мясника! Аутуа взобрался наверх, но все, что он мог сделать, это осторожно спустить тело на палубу. Я слышал, как Гернси пробормотал: «Никогда не отчаливай в пятницу, пятница — день Ионы».

Разум мой опаляет вопрос: почему? Никто не желает это обсуждать, но Генри, который испытывает такой же ужас, как и я, сказал мне, что Бентнейл по секрету поведал ему, что над мальчиком совершались противоестественные преступления Содома — Бурхаавом и его «змеюгами-прилипалами». Не только в ночь на Рождество, но каждую ночь на протяжении многих недель.

Мой долг состоит в том, чтобы проследовать вдоль этой темной реки до ее истока и предать этих негодяев правосудию, но ведь, о Господи, я едва могу подняться, чтобы поесть! Генри говорит, что я не могу заниматься самобичеванием всякий раз, когда невинность становится жертвой дикости, но как такое допустить? Рафаэль был того же возраста, что и Джексон. Я чувствую такое бессилие, что не могу этого вынести.

Пятница, 27 декабря

Когда Генри вызвали обработать чью-то рану, я доволок себя до каюты капитана Молинё, чтобы высказать все, что думаю. Он выказал явное неудовольствие из-за моего визита, но я не желал покидать его обиталище, пока не выскажу свое обвинение: а именно, что Бурхаав и его свора еженощно истязали Рафаэля содомией, пока мальчик, не видя признаков отсрочки или облегчения, не свел счеты с жизнью. Наконец капитан спросил: «У вас, конечно, есть доказательства этого преступления? Предсмертная записка? Подписанные свидетельства?» Каждый человек на борту знает, что я говорю правду! Я потребовал провести расследование роли первого помощника в самоубийстве Рафаэля.

«Требуйте все, что хотите, мистер Щелкопер! — проорал капитан Молинё. — Это я решаю, кто ведет „Пророчицу“, кто поддерживает дисциплину, кто обучает юнг, а не какой-то там д-ый писака, не его бредни и никакое, кровью Христовой клянусь, не „расследование“! Убирайтесь, сэр, и чтоб вам лопнуть!»

Я вышел и тотчас же столкнулся с Бурхаавом.

Спросил у него, не собирается он и меня запереть в своей каюте вместе со своими прилипалами, надеясь, что потом и я повешусь перед рассветом? Он показал клыки и сдавленным от яда и ненависти голосом выдал предостережение: «От вас, Щелкопер, воняет разложением, никто из моих вас не коснется, чтобы не подцепить эту вонь. Вы скоро сдохнете от своего «легкого недомогания».

У меня хватило ума предупредить его, что нотариусы из Соединенных Штатов не исчезают с такой же легкостью, как юнги из колоний. Я уверен, он вынашивает мысль о том, как бы меня придушить. Но я слишком болен, чтобы чувствовать испуг перед голландским содомитом.

Позже

Совесть мою осаждают сомнения, и они обвиняют меня в соучастии. Не я ли дал Рафаэлю разрешение, которого он искал, чтобы совершить самоубийство? Если бы я догадался о его несчастье, когда он в последний раз со мной разговаривал, понял его намерение и ответил бы: «Нет, Рафаэль, Господь не может простить предумышленное самоубийство, ибо покаяние не может быть истинным, если имеет место перед совершением преступления», — то мальчик, возможно, сейчас по-прежнему дышал бы. Генри настаивает, что я не мог ничего знать, но на сей раз слова его для меня — пустой звук. Ох, не я ли отправил в ад несчастного Агнца?

Суббота, 28 декабря

В воображении моем как бы волшебным фонарем высвечивается картина того, как мальчик берет веревку, взбирается на мачту, завязывает петлю, распрямляется, обращая взор к своему Создателю, и бросается в пустоту. Что он чувствовал, когда рушился сквозь темноту? Спокойствие или ужас? Хруст ломающейся шеи.

Если бы я только знал! Я мог бы помочь этому ребенку сбежать с корабля, переломить его судьбу так же, как Чаннинги переломили мою, или помочь ему осознать, что никакая тирания не царит вечно.

У «Пророчицы» подняты все паруса, до последнего дюйма, и она несется очертя голову (не ради меня, конечно, но лишь потому, что гниет груз), покрывая ежедневно свыше 3 широты. Я ныне ужасно болен и заточен в своем гробу. Бурхаав, полагаю, уверен, что я от него прячусь. Он обманывается, ибо справедливое возмездие, которое я призываю на его голову, — это один из немногих огней, не погашенных во мне наступившей кошмарной апатией. Генри настаивает на том, чтобы я вел дневник, дабы хоть чем-то занимать

свой разум, но перо мое становится все более непослушным и тяжелым. Через три дня мы достигнем Гонолулу. Мой верный доктор обещает сопроводить меня на берег, без каких-либо затрат с моей стороны найти мощное болеутоляющее средство и оставаться у моей постели, пока я полностью не выздоровею, даже если «Пророчице» придется отправиться в Калифорнию без нас. Да благословит Господь этого лучшего из людей! Писать сегодня больше не могу.

Воскресенье, 29 декабря

Так болен, что едва жив.

Понедельник, 30 декабря

Новая выходка Червя. Лопнули его мешочки с ядом. Мучаюсь от боли, пролежней и ужасной жажды. Оаху все еще в двух или трех днях пути к северу. Смерть — в нескольких часах. Я не могу пить и не помню, когда в последний раз ел. Взял с Генри обещание передать этот дневник в контору Бедфорда в Гонолулу. Оттуда он попадет к моей осиротевшей семье. Он клянется, что я доставлю его на собственных ногах, но надежды мои пошли прахом. Генри доблестно предпринял все возможное, но мой Паразит слишком уж яростен, и я должен препоручить свою душу Создателю.

Джексон, когда ты станешь взрослым, не позволяй своей профессии разлучать тебя с теми, кого ты любишь. На протяжении многих месяцев своего отсутствия дома я думал о тебе и твоей матери с неизменной любовью, и если ей суждено исчезнуть…[263]

---

[263] Примечания: 263

Здесь почерк моего отца становится судорожным и совершенно неразборчивым. — Дж. Ю.

Воскресенье, 12 января

Силен соблазн начать с конца, с открытия вероломного предательства, но тот, кто ведет дневник, должен придерживаться хронологии. Накануне Нового года головные мои боли раскатывались так громоподобно, что я вынужден был каждый час принимать лекарство Гуза. Качка не позволяла мне держаться на ногах, и я оставался в постели в своем гробу, блюя там в пакет, хотя во внутренностях у меня ничего не было, и содрогаясь то в ледяной, то в обжигающей лихорадке. Недуг мой уже нельзя было утаивать от команды, и мой гроб был взят под карантин. Гуз сказал капитану Молинё, что мой Паразит заразен, представая в силу этого образом бескорыстного мужества. (Соучастие капитана Молинё и Бурхаава в открывшемся впоследствии злодеянии невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Бурхаав желал мне зла, но я вынужден признать маловероятным, чтобы он участвовал в преступлении, которое будет описано ниже.)

Вспоминается, как я всплыл на поверхность из лихорадочного мелководья. Гуз был совсем рядом, на расстоянии дюйма. Голос его понизился

до любящего шепота. «Дорогой Юинг, ваш Червь корчится в предсмертных судорогах и испускает самые последние капли своего яда! Вы должны выпить вот это слабительное, чтобы исторгнуть из себя его отвердевшие останки. Оно заставит вас уснуть, но когда вы проснетесь, Червя, который так вас мучил, уже не будет! Близок конец ваших мучений. Отройте рот, в самый последний раз, послушайтесь меня, мой дорогой… вот, так оно лучше, и не обращайте внимания на привкус, это миррис, но давайте-ка покончим с ним, ради Тильды и Джексона…»

Стакан коснулся моих губ, а другой рукой Гуз поддерживал мою голову. Я попытался его поблагодарить. У снадобья был вкус миндаля и трюмной воды. Гуз поднял мою голову выше и поглаживал меня по адамову яблоку, пока я не проглотил жидкость. Время шло и шло, не знаю, как долго. Скрип моих костей был неотличим от скрипа корабельной обшивки.

Кто-то постучал в дверь. Свет смягчил темноту моего гроба, и я услышал из коридора голос Гуза: «Да, намного, намного лучше, мистер Грин! Да, худшее позади. Признаюсь, я очень беспокоился, но лицо у мистера Юинга начинает розоветь, а пульс устойчив. Всего один час? Превосходная

новость. Нет-нет, сейчас он спит. Скажите капитану, что вечером мы сойдем на берег, — если он сможет распорядиться о жилье, то, знаю, тесть мистера Юинга не забудет его доброты».

Лицо Гуза снова вплыло в поле моего зрения. «Адам?»

В дверь опять постучали. Гуз выругался и уплыл прочь. Я больше не мог шевельнуть головой, но слышал, как Аутуа потребовал: «Я видеть мисса Юинг!» Гуз велел ему убираться, но настойчивого индейца нельзя было одолеть так просто. «Нет! Мисса Грин сказал, он лучше! Мисса Юинг спас моя жизнь! Он мой долг!» Тогда Гуз сказал Аутуа следующее: что я считаю Аутуа разносчиком болезни и негодяем, собирающимся воспользоваться моей нынешней слабостью, чтобы обокрасть меня вплоть до пуговиц на жилете. Я умолял Гуза, как он утверждал, чтобы он «не подпускал ко мне этого д-го ниггера!», добавив, что я сожалел о том, что спас когда-то его никчемную жизнь. С этими словами Гуз захлопнул дверь моего гроба и запер ее.

Почему Гуз так лгал? Почему он так настаивал, что никто другой не должен меня видеть? Ответ приподнял засов на двери обмана, и ужасающая правда распахнула ее ударом ноги. А состояла эта

правда в том, что доктор мой был отравителем, а я — его жертвой. С самого начала «лечения» доктор постепенно убивал меня своим «лекарством».

Мой Червь? Фантом, внедренный в мое сознание способностью Гуза к внушению! Гуз — доктор? Нет, странствующий убийца, ловко умеющий втереться в доверие!

Я изо всех сил пытался встать, но зловещая жидкость, которой недавно напоил меня мой дьявол, настолько ослабила все мои члены, что я был не в состоянии даже шевельнуть конечностями. Я пытался позвать на помощь, но не мог набрать в легкие воздуху. Слышны были шаги Аутуа, поднимавшегося по трапу, и я молил Бога направить его обратно, однако его намерения были иными. Гуз перебрался через канаты к моей койке. Он видел мои глаза. Заметив в них страх, демон сбросил маску.

«Что такое вы говорите, Юинг? Как я могу вас понять, если вы так пускаете слюни и сопли?» Я издал болезненный лепет. «Позвольте-ка мне догадаться, что такое вы хотите мне сказать… „О, Генри, мы ведь были друзьями! Генри, как вы могли сделать это со мной?“». Он изобразил мой хриплый, умирающий шепот. «Ну, на верном я пути?» Гуз срезал у меня с шеи ключ и продол-

жал говорить, вскрывая мой сундук. «Хирурги, Адам, это особенное братство. Для нас люди — не священные существа, созданные по образу и подобию Всевышнего, нет, люди для нас — это сочленения кусков мяса; скверного, жесткого мяса, да, но — мяса, готового к вертелу и шомполу». Он очень искусно воспроизвел мой обычный голос. «„Но при чем здесь я, Генри, разве мы не друзья?“ Что ж, Адам, даже друзья созданы из мяса. Все до нелепого просто. Мне нужны деньги, а в вашем сундуке, как вы мне сказали, находится целое состояние, вот я и убил вас ради него. Где тайна? „Но, Генри, это низко!“ Но, Адам, весь мир низок. Маори охотятся на мориори, белые — на темнокожих братьев, блохи — на мышей, кошки — на крыс, христиане — на язычников, первые помощники — на юнг. Смерть — на все живое. „Кто слаб, тот всегда для сильных еда“».

Гуз проверил, осмыслены ли мои глаза, и поцеловал меня в губы. «Ваш черед быть съеденным, дорогой Адам. Вы были не более легковерны, чем любой другой из моих покровителей». Крышка моего сундука распахнулась. Гуз пересчитал содержимое моего бумажника, фыркнул, нашел изумруд от фон Вайса и изучил его с помощью лупы. Впечатлен он не был. Злодей развязал

пачки документов, связанных с поместьем Басби, и вскрыл запечатанные конверты в поисках банкнот. Я слышал, как он пересчитывает мои скромные запасы, потом стал простукивать сундук в поисках потайных отделений, но ни одного не нашел, ибо их там не было. Под конец он срезал пуговицы с моего жилета.

Гуз обращался ко мне сквозь мою горячку, как обращаются к негодному инструменту. «Откровенно говоря, я разочарован. Знавал я ирландских морячков, при которых оказывалось побольше фунтов. Ваши наличные с трудом покрывают мои расходы на мышьяк и опий. Если бы миссис Хоррокс не даровала мне свои запасы черного жемчуга для моего дорогостоящего дела, то бедный Гуз был бы теперь изжарен, как гусь! Ну-с, нам пора расставаться. В пределах часа вы умрете, а предо мною — тру-ля-ля! — открыты все дороги».

Следующее мое доподлинное воспоминание связано с тем, как я тонул в соленой воде, яркой до боли. Может быть, Бурхаав нашел мое бесчувственное тело и выбросил меня за борт, чтобы обеспечить мое молчание и избежать утомительных процедур с американским консулом? Сознание все еще работало и как таковое могло

как-то влиять на мою участь. Смириться с тем, что тону, или пытаться плыть? Тонуть было гораздо менее обременительным выбором, поэтому я стал подыскивать, о чем подумать перед смертью, и остановился на Тильде, много месяцев назад махавшей вослед «Бель-Окси» с причала Сильваплана вместе с Джексоном, который кричал: «Папа! Привези мне лапу кенгуру!»

Мысль о том, что больше мне никогда не доведется их увидеть, была столь удручающей, что я решил плыть, и обнаружил, что нахожусь не в море, но скорчился на палубе, обильно блюя и неистово дрожа от лихорадки, болей, спазмов и колик. Меня придерживал Аутуа (перед этим он влил в меня целое ведро соленой воды, чтобы «измыть» яд). Меня рвало и рвало. Протолкавшись через толпу наблюдающих грузчиков и моряков, Бурхаав прорычал: «Я же говорил тебе, ниггер, что этот янки не твоя забота, и если прямой приказ тебя не убеждает…» Сквозь почти ослепивший меня поток солнечного света я увидел, как первый помощник зверски ударил Аутуа ногой по ребрам и замахнулся снова. Аутуа твердой своей рукой схватил желчного голландца за голень, осторожно опуская мою голову на палубу, и поднялся во весь рост, увлекая ногу

своего неприятеля вверх и лишая его равновесия. Голландец с львиным рыком упал, ударившись головой. Тогда Аутуа ухватил Бурхаава за ступню другой ноги и перекинул его через фальшборт, словно куль с капустными кочанами.

Мне никогда не узнать, были ли члены команды слишком испуганы, изумлены или обрадованы, чтобы оказать хоть какое-нибудь сопротивление, но Аутуа беспрепятственно снес меня по сходням в док. Разум подсказал мне, что поскольку Бурхаав не мог попасть на небеса, равно как Аутуа не мог оказаться в аду, то мы, следовательно, находимся в Гонолулу. Из гавани мы проследовали на оживленную улицу, кишевшую бесчисленными наречиями, цветами кожи, верованиями и запахами. Глаза мои встретились с глазами китайца, отдыхавшего под вырезанным из дерева драконом. Пара женщин, чья раскраска и манеры сообщали об их древней профессии, вгляделись в меня и перекрестились. Я попытался сказать, что еще не умер, но они исчезли. Сердце Аутуа билось мне в бок, подбадривая мое собственное. Трижды он спрашивал у незнакомцев: «Где доктор, друг?» — и трижды его вопрос оставался без внимания (впрочем, один ответил: «Никакой медицины для вонючих черномазых!»), пока старик, торго-

вавший рыбой, не проворчал, как добраться до больницы. На какое-то время я лишился чувств, пока не услышал слово «лазарет». Одно лишь то, что я оказался в его зловонной атмосфере, пропитанной запахами экскрементов и разложения, привело к новому приступу рвоты, хотя желудок мой был пуст, как сброшенная перчатка. Над головой жужжали трупные мухи, а какой-то сумасшедший завывал об Иисусе, блуждающем по Саргассову морю. Аутуа что-то пробормотал на своем языке, потом добавил: «Терпение больше, мисса Юинг, — здесь пахнет смерть — я брать вас к сестрам».

Как сестры Аутуа могли оказаться так далеко от острова Чатем, было загадкой, к разрешению которой невозможно было даже подступиться, но я вверил себя его попечительству. Он покинул это кладбищенское заведение, и вскоре таверны, жилые дома и склады поредели, уступая место сахарным плантациям. Я знал, что мне надо спросить Аутуа (или предупредить его) о Гузе, но речь все еще оставалась за пределами моих возможностей. Тошнотворная дремота усилила, а потом ослабила свою хватку. Показался отдаленный холм, и его название шевельнуло что-то в отстое памяти: Бриллиантовая Голова. Дорога

из булыжников, пыли и колдобин с обеих сторон была ограждена непроходимыми зарослями. Размеренный свой шаг Аутуа прервал лишь однажды, чтобы поднести к моим губам в сложенной лодочкой ладони прохладной ручьевой воды, пока мы не прибыли в католическую миссию, находившуюся за самыми последними полями. Какая-то монашенка попыталась «вспугнуть» нас метлой, но Аутуа стал объяснять ей по-испански (так же ломано, как говорил по-английски), что надо предоставить убежище белому, которого он принес.

Наконец подошла одна из сестер, которая, видимо, знала Аутуа, и убедила остальных, что дикарь явился к ним не с преступными намерениями, но с миссией милосердия.

На третий день я уже смог приподняться, самостоятельно поесть и поблагодарить своих ангелов-хранителей и Аутуа за свое спасение. Аутуа же утверждает, что если бы я не воспрепятствовал тому, чтобы его вышвырнули за борт как безбилетника, то он не смог бы меня спасти, а потому, в некотором смысле, жизнь мне сохранил не Аутуа, а я сам. Как бы то ни было, ни одна сестра-сиделка не смогла бы ухаживать за мною лучше и нежнее, чем это делал огрубевший от

канатов Аутуа на протяжении последних десяти дней. Сестра Вероника (та, что размахивала метлой) жестами дает мне понять, что следовало бы присвоить моему другу церковный сан и назначить его директором госпиталя.

Не поминая ни о Гузе (или отравителе, присвоившем себе это имя), ни о купании в соленой воде, которое Аутуа устроил Бурхааву, капитан Молинё отправил мои вещи по месту назначения через агента Бедфорда, с одной стороны, несомненно, имея в виду те неприятности, которые может доставить мой тесть его будущности капитана торгового судна, приписанного к порту Сан-Франциско. С другой стороны, Молинё хотелось бы, чтобы его репутация никак не связывалась со ставшим притчей во языцех убийцей по прозвищу Мышьяковый Гусь. Портовая полиция до сих пор не задержала этого дьявола, и я сомневаюсь, что это вообще когда-нибудь произойдет. В Гонолулу, этом беззаконном людском муравейнике, куда прибывают и откуда отчаливают ежедневно суда всех флагов и наций, человек может переменить свое имя и биографию между прибытием и отбытием.

Я утомился и должен отдохнуть. Сегодня мне исполнилось тридцать четыре года.

Остаюсь благодарным Господу за все его милосердие.

Понедельник, 13 января

Приятно после полудня посидеть во дворе под свечным деревом. Кружевные тени, кусты красного жасмина и коралловые гибискусы отгоняют воспоминания о недавнем зле. Мимо проходят сестры, занятые своими обязанностями. Сестра Мартиника ухаживает за овощами, кошки разыгрывают свои кошачьи комедии и трагедии. Я знакомлюсь со здешней птичьей фауной. Голова и хвост у тепалилы сияют, как отполированное золото, а тедкохекохе — это украшенное изящным гребнем ползучее растение, цветы которого дают великолепный мед.

Над монастырской стеной располагалась богадельня для подкидышей и найденышей, за которыми тоже ухаживают сестры. Я слышал, как дети хором повторяют за своими преподавательницами (точно так же, как это делал я со своими одноклассниками, пока благотворительность Чаннингов не открыла передо мной более обширные перспективы). После занятий дети играли, перекликаясь на забавном языке Вавилонского столпотворения. Иногда самые отважные из них рискуют вызвать неудовольствие

монахинь, взбираясь на стены и предпринимая дальнее путешествие над монастырским садом по услужливым ветвям свечных деревьев. Если «горизонт чист», то первопроходцы зовут более робких товарищей в этот человечий птичник, и в мире древесных ветвей появляются белые, черные и коричневые лица, лица китайцев, канаков и мулатов. Некоторые из них одних лет с Рафаэлем, и когда я вспоминаю о нем, то к горлу подступает горечь раскаяния. Но сироты строят мне сверху гримасы, корчат из себя обезьян, высовывают языки или пытаются забросить орешки кикуи во рты похрапывающих больных на пути к поправке — и не позволяют мне долго предаваться скорби. Они выпрашивают у меня цент или два. Я подкидываю монетку, и ловкие пальцы безошибочно выхватывают ее из воздуха.

Недавние мои приключения настраивают меня на философский лад, особенно по ночам, когда я не слышу ничего, кроме ручья, перемалывающего валуны в гальку, протекая через неторопливую вечность. Так же текут и мои мысли. Ученые вглядываются в движения истории и на основе этих движений формулируют законы, управляющие подъемами и падениями цивилизаций. Однако мои убеждения прямо противоположны.

А именно: история не признает никаких законов, для нее существенны только результаты.

Что предшествует результатам? Злые и добрые деяния.

Что предшествует деяниям? Вера.

Вера — это одновременно награда и поле битвы, заключенные внутри сознания и зеркала сознания — мира. Если мы верим, что человечество есть лестница племен, колизей столкновений, эксплуатации и зверств, то такое человечество непременно станет существовать, и преобладать в нем будут исторические Хорроксы, Бурхаавы и Гузы. Мы с вами, обеспеченные, привилегированные, успешные, будем существовать в этом мире не так уж плохо — при условии, что нам будет сопутствовать удача. Что из того, что нас беспокоит совесть? Зачем подрывать преимущества нашей расы, наших военных кораблей, нашей наследственности и нашей законности? Зачем бороться против «естественного» (о, это ни к чему не обязывающее слово!) порядка вещей?

Зачем? Затем, что в один прекрасный день чисто хищнический мир непременно пожрет самого себя. Да, дьявол будет забирать тех, кто позади, пока позади не окажутся те, кто был впереди. Эгоизм индивидуума уродует его душу;

эгоизм рода человеческого ведет его к уничтожению.

Свойственна ли такая гибель нашей природе?

Если мы верим, что человечество способно встать выше зубов и когтей, если мы верим, что разные люди разных рас и верований могут делить этот мир так же мирно, как здешние сироты делят ветви свечного дерева, если мы верим, что руководители должны быть справедливыми, насилие — обузданным, власть — подотчетной, а богатства земли и ее океанов — поделенными поровну, то такой мир способен к выживанию. Я не обманываюсь. Такой мир труднее всего воплотить. Мучительные шаги по направлению к нему, предпринятые многими поколениями, могут быть сведены на нет одним взмахом — пера близорукого президента или меча тщеславного генерала.

Жизнь, посвященная созданию мира, который мне хотелось бы оставить в наследство Джексону, а не того, который я боялся бы оставить ему в наследство, — вот что представляется мне жизнью, которую стоит прожить. По возвращении в Сан-Франциско я посвящу себя делу аболиционизма — потому что обязан своей жизнью рабу, самого себя освободившему, и потому что надо

же с чего-то начинать.

Я слышу, как отзывается мой тесть: «О-хо-хо, чудно, Адам, либеральные сантименты. Но не надо говорить о справедливости мне! Поезжай на осле к Теннесси и попробуй убедить тамошнюю деревенщину, что они — всего лишь отмытые добела негры, а их негры — замазанные черным белые! Отправляйся в Старый Свет, скажи им, что права их имперских рабов столь же неотъемлемы, как права бельгийской королевы! О, ты охрипнешь, обнищаешь и поседеешь на митингах! На тебя будут плевать, в тебя будут стрелять, станут линчевать, умиротворять медалями, напускать на тебя выходцев из глухомани! Распинать! Наивный, мечтательный Адам. Тот, кто пускается в битву с многоголовой гидрой человеческой природы, должен заплатить за это целым морем страданий, и его семья должна платить с ним наравне! И только хватая последние глотки воздуха перед смертью, ты поймешь, что твоя жизнь была лишь каплей в бескрайнем океане!»

Но что есть любой океан, как не множество капель?